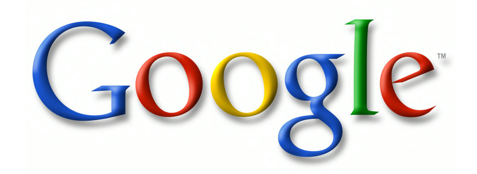

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

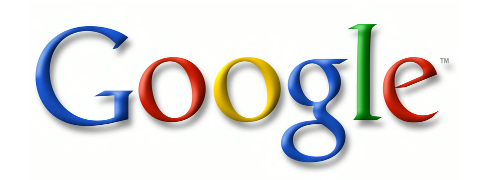
Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Google

P Slav 176.23

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

A
1901 10
Band 1901 10

Для слѣдующаго нумера намѣчены статьи:

1) „**Герценъ и Тургеневъ**“ — *В. Батуринскаго.*
2) „**Сфинксъ**“ драматич. фантазія — *К. Тетмайера.*
3) „**Оклеветанный писатель**“ (кн. П. Вл. Долгоруковъ) — *Н. Викторова.*
4) „**Въ поискахъ правды**“ (о Т. М. Бондаревѣ) — *В. Арефьева.*
5) „**Записки гр. П. Д. Киселева о русской арміи его времени**“ — *Н. И. Фальева.*

→ Новая Книга ←

Карлъ Каутскій

ОЧЕРКИ и ЭТЮДЫ.

Собраніе и переводъ

Г. Ѳ. Львовича.

Изданіе второе. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ кн. магазинахъ Н. П. Карбасникова: ***Петербургъ***: Литейный 46; внутри Гостинаго двора 19; ***Москва***: Моховая, д. Баженова; ***Варшава***: Новый Свѣтъ 69; ***Вильна***: Большая, д. Гордона.

7500
140 M
#42-28
Digitized by Google

Digitized by Google

зала 26
шкафъ 37 3
полка 3. 7
№ 7. 1/1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Заказ № 508 Дата 2/5

Микросъемка — экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.
Все

Наименование или шифр издания: Вестник всемир-ной истории. 901, № 11-12

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ
Not to be reproduced without permission

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

СЕНТЯБРЬ

№ 10

Второй годъ изданія

С.-Петербургъ
1901

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

Digitized by Google

PSlav 176.23 (1901, no. 10)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 1 1962

///KHP

Digitized by Google

C

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозв. ценз. Спб. 22 Сентября 1901 г.

Digitized by Google

Нашимъ новымъ читателямъ.

До конца настоящаго года нашъ журналъ, въ виду существованія изданій, посвященныхъ новой литературѣ и современности, близкихъ къ нему по своимъ воззрѣніямъ, не выходилъ по содержанію изъ нѣсколько специальной области историческаго изученія.

Пополнивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной русской и иностранной мысли, мы, начиная съ текущей книжки, уже выходимъ на болѣе широкій путь, такъ какъ, повидимому, теперь нашъ долгъ расширить нашу программу. Мы надѣемся, что наши новые читатели въ цѣломъ рядѣ статей найдутъ близкія ихъ міровоззрѣнію мысли на нашихъ страницахъ, встрѣтятъ знакомыя имена своихъ прежнихъ друзей и съ обычною отзывчивостью русскаго интеллигента отнесутся снисходительно ъ неизбѣжнымъ недочетамъ молодого изданія, только теперь начинающаго говорить полнымъ голосомъ. Удѣливъ мѣсто наиболѣе выдающимся произведеніямъ беллетристики, мы надѣемся въ числѣ прочихъ сочиненій въ этой области дать окончаніе и одного беллетристическаго произведенія, которое съ особеннымъ интересомъ читалось всѣмъ интеллигентнымъ русскимъ обществомъ. Въ приложеніи къ нашему изданію на будущій годъ мы намѣтили ***„Исторію новой русской литературы“***, совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, ***„Исторію Финляндіи“ за новѣйшій періодъ*** этой страны и выдающійся трудъ ***проф. Роберта Дугласа — „Исторію Китая“***. Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній, еще нигдѣ не появлявшихся въ печати (начиная съ октябрьской книжки) и цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства ***П. Ге.*** Дорожа ближайшей духовной связью съ нашими читателями, мы будемъ имъ благодарны за всякій обмѣнъ мыслей и не пожалѣемъ усилій на удовлетвореніе ихъ культурныхъ запросовъ.

Digitized by Google

Открыта подписка на **1901** и **1902** гг. на

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Начиная съ сентября текущаго года выполненіе программы изданія расширено и значительное мѣсто будетъ отведено, на ряду съ исторіей, современной беллетристикѣ и вопросамъ современности.

Журналъ иллюстрируется снимками съ лучшихъ художественныхъ произведеній, и въ типографскомъ отношеніи приняты надлежащія мѣры къ улучшенію внѣшности изданія, печатаніе котораго ввѣрено извѣстной по качеству своихъ работъ типографіи Исидора Гольдберга.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: ***В. А. Апушкинъ, К. И. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. П. Батуринскій, В. Ѳ. Боцяновскій, М. А. Вейконе, П. Н. Ге, П. П. Гнѣдичъ, М. В. Головинскій, А. Х. Гольмстенъ*** (ректоръ Петерб. Унив.), магистръ госуд. права ***В. М. Грибовскій, И. Гуревичъ,*** проф. ***Ѳ. Ф. Зѣлинскій,*** проф. ***И. И. Ивановъ,*** проф. ***гр. Л. А. Камаровскій,*** проф. ***А. А. Кизеветтеръ,*** проф. ***П. И. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко,*** проф. ***П. И. Ковалевскій,*** проф. ***Н. М. Коркуновъ, В. П. Лебедевъ,*** докт. русск. ист. ***Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, Г. Ѳ. Львовичъ, М. Н. Мазаевъ, А. А. Мироновъ, Д. Л. Мордовцевъ, И. С. Морозовъ, Ф. К. Неслуховскій, В. Н. Никитинъ, В. П. Панаевъ,*** прив. доц. ***В. П. Перетцъ,*** проф. ***С. Ф. Платоновъ,*** проф. ***Э. Л. Радловъ,*** проф. ***М. А. Рейснеръ, В. Я. Свѣтловъ, П. Н. Столпянскій, С. Я. Соломинъ,*** проф. ***Н. И. Стороженко, А. П. Субботинъ, А. Сурковъ, А. Е. Суровцевъ, Я. Г. Сѣверскій, А. В. Тавастшерна,*** проф. ***А. С. Трачевскій,*** прив. доц. ***А. С. Хахановъ, М. К. Цебрикова, П. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шильдеръ, Н. К. Ядрышевъ*** и др.

Будутъ печататься произведенія **Ст. Пшибышевскаго, К. Тетмайера, Якобовскаго, Стриндберга, Іоганни Ахо, Габріеля д'Аннунціо** и мн. др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно послѣ 10-го числа каждаго мѣсяца.

Подписка принимается съ текущаго сентября, т. е. на три послѣднихъ мѣсяца и весь будущій годъ — 7 р.; на три послѣднихъ мѣсяца и первое полугодіе будущаго года — 4 р.; только на три послѣднихъ мѣсяца 1 р. 50 к.

Съ начала текущаго года съ декабря (1900 по декабрь 1901 г.) для новыхъ подписчиковъ осталось лишь незначительное количество экземпляровъ, по цѣнѣ 6 р. за годъ. На первый годъ изданія (1899—1900) за полнымъ израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ подписка не принимается. Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги въ Петербургъ,

въ Контору Редакціи Журнала: ***Милліонная ул., д. 34.***

Digitized by Google

Пятидесятые годы.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—55 г.).

ГЛАВА I.

Русская дѣвушка въ 50-е годы.—Слухи и толки о войнѣ.—А. Р. Цебриковъ.—Индендантское воровство.—Тревога кронштадтскихъ слобожанъ.—Кронштадтскія укрѣпленія.—Объясненіе отца съ Менщиковымъ.—Народное недовольство Менщиковымъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ о пережитой въ Кронштадтѣ порѣ нашествія иноплеменниковъ читатель естественно не долженъ ожидать ничего кромѣ чертъ общественнаго настроенія, глубоко врѣзавшихся въ память, и нѣкоторыхъ фактовъ изъ обороны Кронштадта, хорошо извѣстныхъ каждому, кто прожилъ тамъ 1852—55 годы. Вспоминаетъ старуха, бывшая молодой дѣвушкой въ ту эпоху, когда женщинѣ, чуть она смѣла думать о чемъ-либо и интересоваться чѣмъ-либо кромѣ женскаго обихода, говорили: не твое дѣло. До войны намъ и не было дѣло. Но она грянула—и о многомъ, что глубоко забирало за сердце, вызывало горестное недоумѣніе, поднимало скорбное и горькое чувство, заставляло кипѣть негодованіемъ молодую кровь, мы не смѣли спрашивать. Однако, у меня и товарищей моего дѣтства было преимущество передъ иными ровесницами. Мой отецъ и отецъ товарищей моихъ, дядя моей матери, Алексѣй Кузьмичъ Давыдовъ, бывшій тогда директоромъ штурманскаго корпуса въ Кронштадтѣ, принадлежали къ немногочисленному типу. неподкупно честныхъ служакъ и патріотовъ Николаевскаго времени. Отецъ былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, рѣзкій на слова, когда

Digitized by Google

переполнялась мѣра его долготерпѣнія и сдержанности. Дядя былъ человѣкъ мягкій, осторожный; но его тонъ и улыбочка говорили такъ же ясно, какъ и негодующіе укоры отца, когда рѣчь шла о порядкахъ защиты. Естественно, что въ нашемъ родственномъ кружкѣ патріотическое настроеніе было сильнѣе и глубже, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ оно было сильно разбавлено соображеніями о карьерѣ и служебныхъ выгодахъ. Дочь дяди, моя ровесница и подруга, по ночамъ вставала молиться о побѣдѣ надъ врагами и налагала на себя посты для той же цѣли. Въ нашихъ семьяхъ мы слышали болѣе, чѣмъ другія дѣвушки нашихъ лѣтъ. Если не все слышанное запоминалось, то все-таки оно, по закону ассоціацій, не оставалось безъ вліянія; и теперь, когда я взялась за перо, поднимаются иныя воспоминанія, сорокъ лѣтъ лежавшія нетронутыми въ глубинѣ наслоеній пережитыхъ впечатлѣній.

Еще въ началѣ 1852 г. въ Кронштадтѣ, гдѣ я родилась и выросла, ходили смутные слухи о томъ, что война съ Англіей и Франціей неизбѣжна. Говорили осторожно и съ оглядкой, прислушиваясь къ тому, что говоритъ главное начальство и наѣзжавшіе иногда изъ Петербурга штабные и флигель-адъютанты. Легко было попасть на замѣчаніе за распространеніе ложныхъ слуховъ. Если тамъ считали необходимымъ держать все въ тайнѣ, то говорить было преступно.

Потомъ стали говорить громче. Война съ Турціей была объявлена. Негодовали на дипломатію, раздувшую ссору; но это было мнѣніе немногихъ, заподозрѣнныхъ въ вольнодумствѣ. Люди благочестивые совершенно искренно признавали святость войны и считали миссіею русскихъ отнять гробъ Господень у невѣрныхъ. Люди, считавшіе, что время крестовыхъ походовъ прошло безвозвратно, негодовали на Менщикова за его политику, когда онъ былъ посломъ въ Константинополѣ. Отецъ мой держался мистическаго взгляда на войну и иронически посмѣивался надъ привычкой приписывать великія событія мелочнымъ причинамъ. Однако, и онъ нахмурился, узнавъ о посольствѣ Менщикова, обмолвившись: „каламбурить будетъ и рожи корчить“. Вообще моряки, кромѣ пролазовъ, умѣвшихъ ладить съ фаворитомъ Менщикова,

Digitized by Google

Краббе, были недовольны морскимъ министромъ, не имѣвшимъ иного морского опыта, кромѣ легенькихъ экскурсій на министерской яхтѣ. Ходили анекдоты, будто Меншиковъ купилъ турецкую лошадь, назвалъ ее султаномъ и хвалился, что „объѣзжалъ султана". Винили посла въ томъ, что онъ накликалъ войну дерзкими каламбурами, что онъ высокомѣріемъ раздражилъ посланниковъ европейскихъ державъ въ Стамбулѣ. Опасались, что Наполеонъ III будетъ стоять за Турцію, мстя за личную обиду. Говорили, будто императоръ Николай I въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ ему въ рукѣ великой княгини Маріи Николаевны и въ отвѣтъ на письмо Наполеона, извѣщавшее объ избраніи его императоромъ Франціи, подписался: „вашъ другъ", вмѣсто „братъ". Слухи передавали и отзывъ Наполеона, что названіе „другъ" еще болѣе лестно, потому что родныхъ не выбираютъ, а друзей выбираютъ. Объ Англіи говорили, что она не дастъ намъ „прибить Олеговъ щитъ къ Царьграду", какъ пророчило одно стихотвореніе.

Изъ близкихъ мнѣ на войну „пошелъ" дядя А. Г. Цебриковъ, назначенный начальникомъ рѣчной дунайской флотиліи. Онъ не былъ особенно доволенъ назначеніемъ: въ виду предполагаемой войны съ союзными флотами, онъ предпочелъ бы остаться командовать бригадой въ Черномъ морѣ. Было тутъ и пренебреженіе моряка къ рѣчному плаванію, и сознаніе, что его удалили, чтобы не дать виднаго поста въ защитѣ. Заниматься въ сущности только перевозомъ войскъ, припасовъ и снарядовъ и формально защитой тыла арміи,—потому что серьезной защитой эта эскадра лодокъ быть не могла—конечно, не было дѣломъ заманчивымъ для ревностнаго служаки. Отецъ говорилъ, что назначеніе это слѣдовало кому-то другому изъ контръ-адмираловъ, но черноморское начальство было радо сбыть подальше съ рукъ балтійца. Между черноморцами и балтійцами существовали какія-то натянутыя отношенія. Балтійцы, вымуштрованные близостью къ Петербургу, смотрами, негодовали на черноморовъ за распущенность, недостатокъ дисциплины; черноморы видѣли въ балтійцахъ форсуновъ и франтовъ. Дядю, человѣка мягкаго въ обращеніи, свѣтскаго, щепетильно соблюдавшаго приличія, коробила грубость черноморцевъ; онъ обижался, выходили недоразумѣнія. Ко всему этому дядя имѣлъ большой недостатокъ:

Digitized by Google

въ отчетахъ не прилагать необходимыхъ и весьма убѣдительныхъ документовъ, изготовляемыхъ государственнымъ банкомъ; онъ имѣлъ непростительную слабость думать, что и безъ нихъ его отчеты правильны и ясны. Правда, онъ грѣшилъ этимъ еще командуя кораблемъ Балтійскаго флота и за то, когда 24 экипажъ, которымъ онъ командовалъ, былъ посланъ въ Архангельскъ принять вновь выстроенный корабль, то дядю перемѣстили командовать 26-мъ. Онъ оказался бы безпокойнымъ пріемщикомъ.

На Дунаѣ дядя съ перваго шага не поладилъ съ Остенъ-Сакеномъ, начальствовавшимъ арміей, къ которой была прикомандирована Дунайская флотилія. Остенъ-Сакенъ, собравъ въ своей квартирѣ начальниковъ отдѣльныхъ частей, произнесъ напыщенную рѣчь объ исполненіи предписаннаго присягой долга. Всѣ молча выслушали рѣчь, кромѣ дяди, который отвѣчалъ: „Ваше в—п—ство, я тридцать пять лѣтъ привыкъ исполнять свой долгъ и, какъ русскій, помню присягу“. Остенъ-Сакенъ покосился на дядю, сухо отпустилъ его—и пошли недоразумѣнія и придирки. Прошенія дяди о продовольствіи команды исполнялись послѣ требованій начальниковъ другихъ частей. Команда Дунайской флотиліи, находясь постоянно на водѣ, среди болотныхъ испареній гирлъ и рѣки, страдала болѣе, чѣмъ войска, отъ лихорадокъ, цынги, тифа. Люди мерли какъ мухи, когда лили дожди и въ лодкахъ не было сухого угла. Какъ человѣкъ своего времени, дядя не могъ отличаться гуманностью 60-хъ гг. Звѣремъ онъ не былъ и не истязалъ людей, но мягкость и деликатность были для него обязательны только въ отношеніи людей своего круга. О командѣ онъ отзывался, что, за немногими исключеніями, „это скоты, которыхъ надо держать вотъ какъ“,—и онъ иллюстрировалъ свою мысль, сжимая кулакъ. Но какъ человѣкъ служебнаго долга и порядка, онъ и въ мирное время требовалъ, чтобы люди были хорошо одѣты и накормлены, получали до послѣдней копѣйки все по законному положенію; тѣмъ болѣе требовалъ онъ этого въ военное время, когда такъ многое зависитъ отъ здоровья и силъ команды. Онъ находилъ, что Остенъ-Сакену слѣдовало бы хорошенько пугнуть и скрутить интендантскихъ. Бывалые люди возражали ему, что это не всегда удобно и самому главнокомандующему.

Digitized by Google

Вернувшись въ 1858 г. въ Петербургъ, оставленный по министерству и вышедшій въ отставку, дядя разсказывалъ не мало вопіющихъ фактовъ моему отцу; но онъ остерегался говорить при мнѣ, опасаясь, что я передамъ дядѣ декабристу, Николаю Романовичу Цебрикову, и разсказанное попадетъ въ „Колоколъ“. Издавайся „Колоколъ“ въ Петербургѣ не въ духѣ лондонскаго изданія, тогда дядя былъ бы радъ огласкѣ; въ отставкѣ, какъ человѣкъ „независимый“, онъ не рисковалъ ничѣмъ. Молодежь изумлялась, негодовала, какъ можно было все это терпѣть, какъ могло высшее начальство бояться „поссориться“ съ „интендантскими“. Одинъ въ полѣ не воинъ, отвѣчали молодежи благоразумные люди; но поговорку эту слѣдуетъ понимать такъ, что побѣдителемъ одинъ, конечно, быть не можетъ, а повоевать все-таки можетъ и долженъ. Это убѣжденіе крѣпко сложилось у меня подъ вліяніемъ слѣдующаго факта изъ жизни отца. Отецъ мой занималъ мѣсто одного изъ помощниковъ при капитанѣ надъ кронштадтскимъ портомъ и завѣдывалъ казенными мастерскими. Онъ говорилъ въ минуту откровенности, что тысячъ на двѣсти сдѣлалъ экономіи казнѣ, хотя не могъ никогда дознаться, куда пошла эта экономія; но это уже заходило за предѣлы поля вліянія отца. Въ своемъ—онъ не позволилъ воровать начальнику, контръ-адмиралу, который выстроилъ въ Ораніенбаумѣ на казенный счетъ дачу. За это начальникъ сказалъ ему дерзость передъ фронтомъ. Дѣло было на брандвахтѣ въ купеческой гавани, когда команда выстроилась для встрѣчи начальника. Отецъ смолчалъ, скрѣпясь что было силъ. Скандалъ принесъ бы военный судъ и сѣрую куртку. Послѣ, по обязанности провожая начальника по гавани и оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, отецъ сказалъ ему: „Совѣтую вамъ, ваше п—ство, впередъ быть осторожнѣе и не забываться. Въ другой разъ я не ручаюсь за себя. Мы оба люди семейные. Если я надѣну сѣрую куртку, то и ваша карьера пропала“. Его п—ство кинулся бѣжать со всѣхъ ногъ, въ ужасѣ оглядываясь на отца. Оба шли по стѣнкѣ купеческой гавани, и онъ вообразилъ, будто отецъ грозитъ сбросить его въ море. До того былъ непонятенъ честный гнѣвъ и голосъ человѣческаго достоинства. Людей съ закаломъ отца держали на службѣ именно благодаря тому страху, который они внушали раболѣпнымъ и продажнымъ душамъ. Ихъ считали способными „на все“.

Digitized by Google

Кстати замѣчу, что до самой смерти своей,—онъ умеръ въ 1876 г.—дядя не могъ простить Остенъ-Сакену его рѣчи и не могъ равнодушно разсказывать объ этомъ случаѣ, но всегда заключалъ свой разсказъ словами: „Эдакая нѣмчура вздумалъ учить русскихъ вѣрности присягѣ", и потомъ извинялся передъ слушателями за грубость выраженія. Нѣмцевъ вообще не любили и во флотѣ и въ арміи, считая ихъ безусловно пролазами и карьеристами; и сами они нерѣдко раздражали высокомѣрной манерой и своею „фонскою" спѣсью. Были и псевдо-„фоны". Сложилась легенда, что мичманъ Вурстъ, надѣвъ лейтенантскіе эполеты, будетъ фонъ-Вурстъ, капитанъ-лейтенантскіе—фонъ-деръ-Вурстъ, а контръ-адмиральскіе—будетъ уже баронъ фонъ-деръ-Вурстъ. Команда тоже не любила нѣмцевъ; объ одномъ добрякѣ докторѣ Петерсѣ, лечившемъ бѣдняковъ и оставившемъ семью безъ гроша, матросы говорили: „хоть нѣмецъ, а добрый человѣкъ". Это чувство національной враждебности, и теперь далеко не вымершее, было еще сильнѣе въ то время. На нѣмцевъ сваливали вину нашихъ пораженій. И то, что не было дорогъ въ Крымъ—Клейнмихель, нѣмецъ, виноватъ, и то, что войско было плохо кормлено, одѣто,—виноватъ Затлеръ; и то, что войско, обученное парадной маршировкѣ „тихимъ шагомъ по-гусиному", не умѣло стрѣлять, виноватъ нѣмецъ, хотя военнымъ министромъ былъ русскій. Квасной патріотизмъ искалъ виноватаго, не соображая, что нѣмцевъ все-таки горсть среди русскихъ... Отецъ мой также терпѣть не могъ нѣмцевъ, но горько посмѣивался, когда на нихъ сваливали вину за все. Но онъ упорно не вѣрилъ въ ихъ патріотическія чувства и брезгливо относился къ ихъ умѣнью „пролѣзть, держась за фалды другъ друга".

Война 53—55 гг. была, не помню кѣмъ, прозвана „войною неожиданностей". Неожиданно наткнулся черноморскій флотъ на турецкій при Синопѣ, и эта побѣда была сигналомъ къ европейской войнѣ. Ликованіе по поводу побѣды было отравлено тревожнымъ чувствомъ. Вполголоса говорили, что флотъ гнилъ, что мы не приготовлены, артиллерія плоха, большая часть крѣпостныхъ пушекъ въ раковинахъ, а у *нихъ* винтовой флотъ, что начальство наше большею частью бездарности, выслужившія чины на маневрахъ; спрашивали недоумѣвая:

Digitized by Google

кому быть главнокомандующимъ и не могли назвать ни одного имени, которое было бы ручательствомъ въ успѣхѣ. Правда, упоминали одно или два имени, чьи не помню, но то были опальныя имена. Талантливыхъ людей затирали: имъ не давали хода, потому что умъ, „любя просторъ, тѣснитъ"; потому что умъ—жизнь и не уживался съ мертвечиной. Утѣшали себя, что не клиномъ же сошлась Русь-матушка, что война выдвинетъ людей. И выдвинула послѣ тяжелыхъ и непоправимыхъ пораженій; но всего громче говорили: шапками закидаемъ и поминали 12-й годъ. Зеленая молодежь съ задоромъ вполнѣ искреннимъ грозила шапками; люди пожилые, особенно завѣдывавшіе защитой, съ паѳосомъ, въ искренности котораго можно было сильно усомниться. Большинство твердило о закидываньи шапками потому, что искони привыкло такъ мыслить и что иное отношеніе къ дѣлу было бы непатріотичнымъ и неблагонамѣреннымъ. О „шапкахъ" считалось политичнымъ говорить еще ради подъема духа, но этотъ способъ подъема велъ къ такому выводу: если шапокъ для насъ достаточно, то можно не особенно заботиться о другихъ средствахъ защиты.

Гроза не прошла мимо. Война съ союзными державами была объявлена. Молодежь—кто изъ патріотизма, кто изъ честолюбія—переводилась изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій. Въ церквахъ пѣли молебны о побѣдѣ и одолѣніи, въ домахъ напутственные о сохраненіи здравыми и невредимыми мужей, сыновей и братьевъ, уѣзжавшихъ въ Севастополь. Жители Кронштадта сознавали себя вполнѣ безопасными. Кронштадтъ—сѣверный Гибралтаръ. Съ рейда его защищалъ рядъ грозныхъ фортовъ, съ сѣвера—мелководіе узкой полосы залива, отдѣляющей Котлинскую косу отъ финляндскаго берега. Жители косныхъ слободъ и владѣльцы дачъ, выстроенныхъ на косѣ близъ рощи, тревожно спрашивали: не прикажутъ ли срыть дома. Убогіе домики слободокъ и нарядныя дачи были выстроены на казенной землѣ, большею частью, казенными рабочими и на благопріобрѣтенные отъ казны капиталы. Отставные унтера, фельдфебеля, писаря, каптенармусы, сторожа цейхгаузовъ, т. е. мелкій служебный людъ, имѣвшій возможность сколотить копѣйку, брали участки казенной земли на косѣ, когда средствъ не хватало купить участокъ земли на окраинѣ города подъ городскими стѣнами, ставили домикъ и,

Digitized by Google

благоразумно удаляясь до бѣды, или „по несчастью“ вынужденные выйти въ отставку „по прошенію“, доживали безмятежно свой вѣкъ, разводя огороды и сдавая на лѣто домики небогатымъ людямъ и сами ютясь въ банѣ, клѣти или сараѣ. Нарядныя дачи принадлежали дивизіоннымъ, бригаднымъ и экипажнымъ командирамъ и не имѣли назначеніемъ служить убѣжищемъ на старости лѣтъ; это были лѣтнія виллы. Только одинъ экипажный чудакъ, нелюдимъ и страшный деспотъ-самодуръ въ семьѣ, жилъ на своей дачѣ круглый годъ, сберегая квартирныя. Земля на косѣ раздавалась безплатно, съ обязательствомъ снести дома, если того потребуютъ военныя обстоятельства.

Домовладѣльцы, повидимому, тревожились напрасно; срыть дома оказалось бы необходимымъ въ случаѣ непріятельскаго десанта, который былъ бы возможенъ только, когда всѣ форты были бы взорваны И богомольныя старушки-вдовы и престарѣлыя дѣвицы-сироты съ слободы, которымъ отецъ мой писалъ прошенія, приходили узнавать объ участи своихъ домиковъ и уходили, плохо успокоенныя доводомъ, что нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній срывать дома.

Въ то время Кронштадтъ защищали форты Петръ, Павелъ и старинный казарменнаго вида, Рисбанкъ. У купеческихъ воротъ, т. е. на углу стѣнки *) средней гавани противъ конца стѣнки купеческой, за нѣсколько лѣтъ до войны, былъ выстроенъ фортъ Менщиковъ, поставленный совершенно безполезно, какъ то нашелъ Тотлебенъ, стоившій страшныя суммы и, по общему приговору, ненадежный. Тогда громко заговорили то, что говорили на ухо во время освященія форта: что онъ развалится отъ пальбы залпами разомъ изо всѣхъ ярусовъ,—я забыла техническій терминъ артиллеристовъ, который тогда повторяли всѣ дамы. Строилъ инженеръ З., купившій впослѣдствіи 1000 душъ гдѣ-то въ Западномъ краѣ. Отецъ, въ одинъ годъ съ нимъ женившійся, поминалъ часто о жениховскомъ мундирѣ З. „съ потертыми локотками“.

Завѣдуя адмиралтействомъ и казенными мастерскими, отецъ мой прямого отношенія къ защитѣ не имѣлъ. Всѣ вѣсти о войнѣ доходили до меня черезъ отца, т. е. то, что я призна-

*) Стѣнками назывались дамбы и молы, обшитые досками.

Digitized by Google

вала за вѣрное: всѣ слухи должны были получить его санкцію для того, чтобы я повѣрила имъ. Газеты говорили лишь часть того, что было извѣстно давно уже изъ достовѣрныхъ источниковъ. Сначала, возвращаясь со службы, онъ охотно передавалъ намъ слышанное; потомъ мы слышали: „все то же“, „ничего новаго“; наконецъ, разспросы наши начали раздражать его, задѣвая по больному мѣсту. Его раздражала и похвальба „шапками“, и предсказанія о пораженіи, обоснованныя сравненіемъ нашего гнилого парусннаго флота съ винтовымъ, нашихъ ружей и пушекъ съ ихъ штуцерами и пушками. На похвальбу онъ отвѣчалъ, напоминая о смиреніи и покаяніи; на предсказанія о пораженіи текстомъ о томъ, что Господь и въ слабости являетъ силу свою. Но по мѣрѣ того, какъ подвигались военныя событія, лицо отца принимало все болѣе и болѣе скорбное и мрачное выраженіе и онъ все чаще и чаще повторялъ въ утѣшеніе себѣ, что Господь защититъ православныхъ отъ нечестиваго Запада. Назначеніе Менщикова главнокомандующимъ вызвало общее негодованіе моряковъ.

Отецъ былъ тѣмъ болѣе раздраженъ этимъ, что считалъ его вольнодумцемъ, чуть не безбожникомъ. Онъ не могъ простить ему одного слова, но слово это было изъ тѣхъ, которыя выдаютъ суть человѣка. Отецъ, котораго интриги начальства чуть не загнали подъ судъ за то, что онъ не хотѣлъ принять громадную партію гнилой пеньки на казенный канатный заводъ и за это былъ обойденъ чиномъ къ Рождеству, поѣхалъ объясняться съ Менщиковымъ. Онъ засталъ министра за письменнымъ столомъ, передъ небольшимъ складнымъ зеркаломъ и коробкой пилюль. Выслушавъ отца, Менщиковъ сказалъ: „вотъ сейчасъ докторъ нашелъ, что у меня скверный языкъ, и прописалъ горькія пилюли; ну, а отъ вашего языка, Цебриковъ, никакая пилюля не поможетъ“. Отецъ отвѣчалъ грибоѣдовскимъ стихомъ: „служить готовъ, прислуживаться тошно“. Тогда Менщиковъ „скорчилъ рожу“ и, наклонясь къ отцу, вполголоса отвѣчалъ: „всѣ мы, братецъ, прислуживаемся“. Словечко „прислуживаемся“, сказанное министромъ подчиненному, выдавало порядки управленія. Этого „прислуживаемся“ отецъ не могъ простить министру, мужу государева совѣта, лицу, вліявшему и на „судьбы Россіи“; не могъ простить, несмотря на то, что былъ произведенъ въ чинъ капитана 1 ранга

Digitized by Google

къ Пасхѣ вслѣдствіе своего объясненія съ министромъ; слѣдовательно, потерялъ только ничтожное старшинство въ сравненіи съ произведенными къ Новому году и еще прибавку къ жалованью за треть года.

Меншикова обвиняли въ томъ, что, принявъ начальство надъ крымской арміей, онъ, какъ человѣкъ тонкій и уклончивый, „ловкій царедворецъ", во-время не донесъ о неудовлетворительномъ состояніи средствъ защиты, не хотѣлъ ссориться съ другими вѣдомствами, съ комиссаріатомъ, не хотѣлъ „огорчать царя" неутѣшительной картиной настоящаго положенія дѣлъ. Горячія головы не могли простить ему высадки непріятеля. Какъ могъ онъ допустить непріятельскій флотъ подойти къ берегамъ? Говорили, будто Нахимовъ умолялъ Меншикова позволить ему, обративъ въ брандеры часть флота и посадивъ минимальное число людей, врѣзаться въ непріятельскій флотъ и взорвать себя и его. Меншиковъ отвѣчалъ, что поговоритъ съ Нахимовымъ объ этомъ до завтрака. Былъ ли этотъ планъ удобоисполнимъ, если только былъ предложенъ, пусть рѣшаютъ компетентные люди. Тогда объ этомъ много толковали въ Кронштадтѣ; мнѣнія раздѣлялись. Моряки стараго закала, враги пира и винта, держались того же мнѣнія, что и молодежь. Моряки, сторонники новшествъ, утверждали, что союзный флотъ и не подпуститъ нашъ, разгромитъ пушками и тѣмъ удобнѣе, что можетъ идти и противъ вѣтра.

По мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ людей, слышанному лѣтъ черезъ десятокъ послѣ севастопольскаго погрома, въ первую зиму непріятельской высадки, союзная армія могла бы быть уничтожена, несмотря на плохое вооруженіе нашихъ войскъ, будь у насъ способные генералы и дѣйствуй Меншиковъ менѣе нерѣшительно, опасайся онъ менѣе за свой „фаворъ", какъ говорилъ отецъ. Недовольные роптавшіе солдаты и матросы прибавили къ его фамиліи *из* и вышло Изменщиковъ. Это, конечно, было нелѣпостью въ формальномъ смыслѣ этого страшнаго слова. Но нерѣшительность и колебанія изъ страха рискнуть своей карьерой, но недостатокъ гражданскаго мужества, не давшій раскрыть царю настоящее положеніе дѣла—все это въ высшемъ нравственномъ смыслѣ равносильно государственной измѣнѣ. Народъ всегда пойметъ настоящаго человѣка и пойдетъ за нимъ. Иллюстрирую это

Digitized by Google

такимъ мелкимъ фактомъ. Отецъ нанялъ лакея, отставного изъ севастопольцевъ, татарина. Услышавъ изъ зала, какъ дядя А. Р. разсказывалъ о своихъ столкновеніяхъ при пріемѣ бригады въ Николаевѣ и жаловался, что Нахимовъ распустилъ подчиненныхъ, лакей, бросивъ щетку, вбѣжалъ въ кабинетъ и съ негодованіемъ вскричалъ, сверкая глазами: „Какъ можно такъ говорить про Нахимова? Это былъ ирой! Ирой!"

ГЛАВА II.

Стихотворное воззваніе. — Солдатская выправка. — Высочайшій смотръ 26 флотскому экипажу.—Неготовность къ войнѣ и отношеніе общества къ „героямъ".—Отсутствіе истиннаго патріотизма.—Геройская смерть Чистяковыхъ. — Увлеченіе спиритизмомъ. — Легкость предсказаній. — „Грѣхъ" столоверченія.

Общественное настроеніе кронштадтскихъ жителей было одностороннее и не могло быть инымъ. Николаевскіе служаки давали тонъ. Людей съ университетскимъ образованіемъ я не встрѣчала, кромѣ докторовъ, почти все нѣмцевъ, которые знали свою спеціальность и ничѣмъ не обнаруживали въ обществѣ рознь своего образованія съ образованіемъ морского корпуса. Отголосокъ болѣе широкаго и радикальнаго общественнаго мнѣнія дошелъ до меня въ хорошо извѣстномъ въ то время стихотвореніи, привезенномъ кѣмъ-то изъ Москвы и которое приписывали кому-то изъ славянофиловъ. Я списала его въ свою тетрадку патріотическихъ стихотвореній съ очень безтолковой и безграмотной копіи, выправляя по своему разумѣнію, и заучила наизусть. Копія моя была уничтожена отцомъ, но я и теперь помню многія строфы и пишу на-память.

Оно начиналось такъ:

«Европа противъ насъ, окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ,
Кровавый пиръ насталъ, и очередь за нами
И мечъ повсюду обнаженъ.
Мы слышимъ клеветы, мы слышимъ оскорбленья
Тысячеглавой лжи газетъ—
Измѣны, зависти и злобы порожденье—
Друзей у нашей Руси нѣтъ».

Digitized by Google

Далѣе говорилось о пѣвцахъ, которые дружною толпою прославили свое время.

«Къ тебѣ пишу свое посланье,
...... пускай мой стихъ
Предъ...... выскажетъ желанья
Согражданъ—подданныхъ твоихъ.
Перчатка брошена. Не время намъ считаться.
Теперь ты предводитель нашъ
И русскій гражданинъ идетъ за Русь сражаться,
Ея всегдашній вѣрный стражъ.
И ни передъ какимъ иноплеменнымъ строемъ.
Повѣрь. не дрогнетъ русскій строй,
И ратникъ. осѣнивъ крестомъ грудь передъ боемъ,
Не посрамитъ земли родной
И ляжетъ онъ костьми съ молитвою простою
На томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ.
Ему кровавый трудъ. а ленту послѣ боя
Пускай надѣнетъ генералъ.
И много подвиговъ незнаемыхъ свершится.
И много. много жертвъ падетъ,
И не одна семья въ слезахъ во храмъ молиться
За души милыя придетъ.
И. можетъ быть, кровавая побѣда
Къ ногамъ твоимъ повергнетъ тронъ,
Ты станешь, можетъ быть, диктаторомъ сосѣда,
Предпишешь Турціи законъ.
И съ ультиматумомъ поскачутъ дипломаты
Въ Парижъ чрезъ груды русскихъ тѣлъ
И въ страхѣ утвердятъ парламенты, палаты
Все то, что русскій царь велѣлъ.
Но. ежели намъ суждено иное
И жребій противъ насъ падетъ
И рати русскія одну вслѣдъ за другою
Перстъ Божій вихремъ размететъ,
Тогда мы встанемъ всѣ. тогда зажгутся
Передъ врагами города,
Милльоны новые защитниковъ сберутся
Вкругъ трона твоего... Тогда
Сумѣютъ дѣти встать въ ряды за Русь родную.
Сумѣютъ жены умереть,
Не сможетъ гордый врагъ въ минуту роковую
Ни пядью Руси завладѣть.
Пока одинъ изъ насъ родное слово слышитъ,
До тѣхъ поръ длиться будетъ бой,
До тѣхъ поръ договоръ постыдный не подпишетъ
Европа русскою рукой».

И какъ вѣрилось тогда, что это прорицаніе сбудется, и какимъ ударомъ было неисполненіе его! Далѣе поэтъ говорилъ о Европѣ:

Digitized by Google

«Европа! Гдѣ жъ она? Тому еще недавно
... славной жизнью жила.
Ее манилъ къ себѣ свободы призракъ славный,
Свершались громкія дѣла.
Ея ораторы провозглашали братство,
Громили потрясенный тронъ
И короли ея, готовя святотатство,
Клялись предписывать законъ».

Затѣмъ шло пророческое обличеніе Англіи за духъ торгашества и растлѣнія:

«Падетъ владычица морей,
Перстъ Божій занесенъ надъ ней».

Поэтъ упрекалъ горько Францію:

«И Франція свою похоронила славу.
Сама разбила свой вѣнецъ,
Мнѣ жаль великую прекрасную державу—
Постыденъ Франціи конецъ.
За блестки мишуры, за пестрые кафтаны,
За чинъ придворнаго слуги,
За право набивать безтрепетно карманы
И не уплачивать долги,
На ловкаго шута французы промѣняли
Свободу мысли и рѣчей,
Своихъ ораторовъ, героевъ изгоняли,
Цвѣтъ лучшій родины своей...»

Доставалось и Австріи, сшитой изъ лоскутьевъ, какъ кафтанъ арлекина. Заключеніе сулило, впрочемъ, съ оговоркой, жизнь славянской расѣ, идущей на смѣну гнилой Европѣ.

«Быть можетъ, суждено славянскимъ поколѣньямъ
Наслѣдье славное пріять,
Народамъ свѣтлый лучъ гражданства, просвѣщенья
Возобновленный передать.
И русскіе... Но мы достойны ль этой славы,
Воистину ль мы лучше ихъ?
Гражданской доблестью сильна ль твоя держава...»

Поэтъ спрашивалъ, какіе имѣются „сподвижники“ и какія „ихъ заслуги“.

« ... Отчизну любятъ ли они,
Иль вкругъ тебя стоятъ лишь только слуги
Безпрекословные одни?»

...„Растетъ ли твой народъ, подъ благодѣтельнымъ надзоромъ, подъ отческой рукой?“ спрашивалъ поэтъ.

«Ты сердца русскаго всѣ знаешь ли біенья,
.....? Скажи, ведешь ли ты впередъ

Digitized by Google

Къ свободѣ. правдѣ. просвѣщенью
Отъ Бога ввѣренный народъ?
Мы видимъ вкругъ тебя Клейнмихелей, Орловыхъ
Временщиковъ надменный строй.
Готовъ для нихъ уже стихъ желчный и суровый,
Но смолкъ онъ до поры иной».

Конецъ я переписала и повторила въ трепетѣ... Отецъ началъ читать стихотвореніе съ иронической усмѣшкой. ожидая какого-нибудь новаго трескучаго варіанта на ругань врагамъ и „шапками закидаемъ", но послѣ первыхъ строкъ лицо его стало серьезно; чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ глуоже становилось впечатлѣніе, и, наконецъ, онъ скорбно поникъ головой. Вечеромъ я услышала молитву его о томъ, чтобы Господь не покаралъ народъ русскій, какъ древле Израиль за грѣхи Давида.

Общее мнѣніе было такое: что мы не готовы къ войнѣ, тогда какъ непріятель давно готовился. Зиму 1851—1852 гг., когда натянутыя отношенія съ Турціей грозили разрывомъ, въ Кронштадтѣ не было никакихъ усиленныхъ обученій стрѣльбѣ. Смотры и усиленныя ученья для смотровъ шли своимъ порядкомъ—парадная маршировка, тихій шагъ „по-гусиному"— вотъ чему обучали и еще какимъ-то *деплоядамъ*, чѣмъ отличился какой-то гвардейскій полкъ на послѣднемъ майскомъ парадѣ въ Петербургѣ. Обученье тихому шаги было пыткой, варварскимъ истязаніемъ людей. Я это иной разъ невольно видѣла своими глазами. Окна казенной квартиры въ офицерскомъ флигелѣ, гдѣ мы жили, выходили на широкую улицу, бывшую прежде бульваромъ для гулянья. Ее закрыли стѣнами съ обоихъ концовъ, у воротъ стѣнъ поставили часовыхъ и обратили въ плацъ для ученья. Какъ только раздавался барабанный бой, если еще зимнія рамы не были вставлены. мы спускали подъемныя голландскія окна, чтобы неистовая и безцензурная ругань офицеровъ и унтеровъ не врывалась въ комнату. Къ окнамъ мы не подходили, развѣ необходимость полить цвѣты или въ сумерки додолбить урокъ. Тогда невольно эти крики нечеловѣческой ярости заставляли поднять глаза Всего хуже было, когда обучали рекрутъ. Несчастный съ неестественно вытаращенными глазами, багровѣя столько же отъ затянутаго

Digitized by Google

мундира и подпиравшаго шею воротника, сколько и отъ мучительныхъ потугъ понять, стоялъ, поднявъ одну ногу и качаясь на другой. Унтеръ съ палкой ходилъ вокругъ него, ударами вбивая выправку. Разъ свиснетъ палкой—выпрямится спина, два—втянется животъ, на носокъ ноги сыплются удары, чтобы дать ему требуемую выправку граціозно опущеннаго внизъ носка балетчицы. То и дѣло гремитъ крикъ: „не колыхайся, чортъ, дьяволъ“. Унтеръ бросалъ палку и кидался съ кулаками на „колыхавшагося“ рекрута, удары сыпались зря, на голову, лицо. Послѣ этого подготовительнаго обученія руками унтеровъ наступала пытка обученія офицерскаго, еще горшая, если обучавшій былъ изъ „фронтовиковъ“, артистовъ фронта. Смѣшно сказать, а были эстетики, съ восторгомъ разсказывавшіе о томъ, что на ученіи экипажъ шелъ какъ механизмъ, и тысяча человѣкъ имѣли видъ стройной машины. Если бы смѣрить каждый шагъ, разстояніе взвода отъ взвода ни на дюймъ бы не нашли разницы, ни на терцію запозданія или ускоренія темпа. Когда я въ первый разъ увидѣла ткацкіе станки, то равномѣрное и очередное подниманіе и опусканіе нитей основы напомнило мнѣ движеніе марширующихъ солдатъ. Были такіе артисты изъ командировъ, что замѣчали, въ какомъ взводѣ, какомъ ряду, какой солдатъ плохо тянетъ ногу,—замѣчали, стоя посрединѣ громаднаго плаца. Ученья и смотры на плацу всегда собирали публику; послѣдніе даже публику изъ мѣстной аристократіи. Какое-то жуткое чувство охватывало меня всегда при видѣ этихъ черныхъ рядовъ, движущихся съ нечеловѣческой правильностью; и это совершенно независимо отъ всякой мысли о томъ, какими средствами добивались такой механической правильности, о сценахъ, видѣнныхъ изъ нашего окна, какъ и отъ того возбужденія, которое вызываетъ видъ стройно идущаго войска, — возбужденія, такъ вѣрно выраженнаго Огаревымъ въ описаніи майскаго парада въ поэмѣ „Юморъ“.

И это превращеніе людей въ автоматовъ покупалось палачествомъ, и въ обществѣ встрѣчались палачи: и офицеры, чьи руки, окровавленныя отъ „чистки зубовъ“ команды, я видѣла изъ окна, подавали мнѣ руку въ танцахъ. И это превращеніе считалось дѣломъ государственной важности. Командировъ „шагистовъ“ цѣнили больше настоящихъ дѣятелей.

Digitized by Google

Отличиться на смотру было великимъ достославнымъ подвигомъ, не только счастливой удачей, въ родѣ выигрыша въ 200000. Отличіе имѣло лоттерейный характеръ, зависѣло отъ настроенія духа начальства. Дядѣ А. Р. Ц. удалось отличиться со своимъ экипажемъ на смотру, къ которому мѣсяцами готовились въ Кронштадтѣ. Это былъ не импровизированный смотръ, какіе иногда любилъ дѣлать императоръ Николай I, т. е. псевдо-импровизированные, потому что всегда наканунѣ Менщиковъ присылалъ курьера ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ извѣстить, что императоръ завтра прибудетъ въ Кронштадтъ. Въ пору, когда зима еще не выковывала прочный 25-верстный мостъ между столицей и Кронштадтомъ, трудно было по секрету приготовить императорскій пароходъ; зимой нужно было только заложить кибитку тройкой. Но и зимой Менщиковъ всегда зналъ о намѣреніи императора произвести импровизированный смотръ Кронштадту, и курьеръ министра являлся, какъ грозный вѣстникъ, несшій панику. Съ нѣкоторыми почтенными превосходительствами приключались болѣзненные припадки, и жены, по пріѣздѣ курьера, немедля ревизовали домашнюю аптеку, въ наличности ли ромашка и мятныя капли, и заготовляли горчичники.

Смотръ 1852 г. навелъ панику, выходившую изъ ряда вонъ. Императоръ дѣлалъ смотръ гвардіи и былъ раздраженъ очень сильно, чѣмъ именно — не помню. Дядя А. Р. Цебриковъ, командовавшій тогда 26 флотскимъ экипажемъ, былъ въ большой тревогѣ. Этотъ экипажъ дали ему взамѣнъ 24, которымъ онъ нѣсколько лѣтъ командовалъ и который послали въ Архангельскъ принимать только что отстроенный новый корабль. Дядя принялъ 26 экипажъ послѣ безпечнаго и не особенно добросовѣстнаго командира и ему стоило не мало труда и хлопотъ привести экипажъ въ порядокъ, т. е. одѣть оборванную команду и дрессировать ее искусству шагистики. Съ осени нѣсколько мѣсяцевъ сряду дядя и экипажъ были мучениками. Ученье шло въ казармахъ, шло на казарменномъ дворѣ, шло на плацѣ, шло въ манежѣ, гдѣ было дано нѣсколько репетицій смотра. Дядя жилъ у насъ нѣсколько мѣсяцевъ, не найдя удобной квартиры. Онъ ежедневно съ 6 часовъ утра уходилъ на ученье и возвращался въ два. Онъ исхудалъ, не отъ физическаго утомленія, которое

Digitized by Google

было очень здорово для человѣка, любившаго нѣгу и комфортъ, но отъ душевной пытки. Какъ человѣкъ, относившійся къ религіи равнодушно, подобно большинству образованныхъ людей, и не зараженныхъ вольнодумствомъ, онъ не могъ ждать смотра съ тою покорностью волѣ Божіей, съ какою ждалъ отецъ смотра по своей части адмиралтейства. Притомъ исправность шагистики считалась дѣломъ первой важности.

Въ день смотра дядя, переѣхавшій незадолго передъ тѣмъ отъ насъ, зашелъ къ намъ на минуту, блѣдный и скрывая тревогу подъ напускною суровостью. Онъ не засталъ уже отца и попросилъ мать благословить его. У насъ въ большомъ кіотѣ на видномъ мѣстѣ стояло деревянное рѣзное распятіе съ частицей отъ Креста Господня, или съ камешкомъ отъ Гроба, и отецъ мой былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что святыня не апокрифическая. Крестъ вынимали изъ кіота въ торжественныхъ случаяхъ. Мать со слезами благословила дядю крестомъ; дядя приложился къ кресту и ушелъ скорыми шагами. Смотръ этотъ былъ торжествомъ дяди. Его экипажъ отличился. И тихій шагъ, и деплояды — все прошло въ полномъ совершенствѣ, если только полное совершенство доступно человѣку. Императоръ хвалилъ выправку, обмундировку, видъ людей. Послѣ церемоніальнаго марша, онъ вызывалъ изъ рядовъ нѣсколькихъ рядовыхъ одного за другимъ и приказывалъ разуться. Нижнее бѣлье и подвертки оказались безукоризненными. Довольный императоръ, поблагодаривъ дивизіоннаго, взялъ дядю за талью, сказалъ что надо прислать къ нему учиться какіе-то гвардейскіе полки, и приказалъ: капитану Анну на шею, командѣ по чаркѣ водки и рублю, дивизіонному, бригадному и экипажному офицерамъ и командѣ благодарность въ приказахъ. Вѣсть объ этомъ тріумфѣ дяди принесъ отецъ, рано вернувшійся домой потому, что императоръ отмѣнилъ намѣреніе сдѣлать смотръ адмиралтейству по выходѣ изъ манежа. Отца „съ счастьемъ братца“ поздравилъ одинъ изъ унтеровъ при адмиралтействѣ, поставленный сигнальнымъ у воротъ, черезъ которыя проходили возвращавшіеся изъ манежа экипажи; узнавъ, что смотръ адмиралтейства отмѣненъ, онъ побѣжалъ поздравить отца. Дивизіонный вице-адмиралъ Епанчинъ пригласилъ дядю и другихъ экипажныхъ

Digitized by Google

на обѣдъ, усердно выпилъ и напоилъ всѣхъ на радостяхъ и, снявъ съ шеи Анну, надѣлъ крестъ на дядю. Подъ вечеръ дядя пришелъ къ намъ съ обѣда съ крестомъ на шеѣ,—крестомъ не въ очередь, а за отличіе. Онъ ликовалъ: послѣ радостныхъ поздравленій нашей семьи, поцѣлуевъ, объятій, онъ снялъ крестъ, положилъ на ладонь вытянутой во всю длину руки, перекрестился и приложился ко кресту, проговоривъ дрожащимъ голосомъ съ крупными слезами на глазахъ: „Благодарю моего Создателя, я не даромъ жилъ на свѣтѣ!“ Отецъ былъ радъ за брата и глубоко, болѣе благоговѣйно цѣнилъ высочайшее одобреніе; но въ эту минуту я уловила на лицѣ его что-то непонятное для меня и не гармонировавшее съ общимъ ликующимъ настроеніемъ. Не то скорбную тѣнь недовольства, не то горько-ироническое чувство вызвали въ немъ слова: „не даромъ жилъ на свѣтѣ“.

Меня это поразило, осмыслила я это гораздо позже. Тріумфъ дяди былъ предметомъ толковъ въ военномъ населеніи Кронштадта; даже зависть къ такому рѣдкому счастью не высказывалась, умѣренная чувствомъ благодарности. Довольный артистической маршировкой дядина экипажа, императоръ не замѣтилъ, или не захотѣлъ замѣтить кое-какія неисправности въ другихъ экипажахъ и въ отличномъ настроеніи духа поѣхалъ дѣлать смотръ другимъ учрежденіямъ. Дамы довершили дядинъ тріумфъ своими поздравленіями. Сердца женъ и дочерей трепетали во время смотровъ, трепетали и безкорыстно изъ любви къ мужу, къ отцу, и корыстно: служебная удача или неудача отца—это вопросъ средствъ существованія. А образцовый экипажъ дядинъ стрѣлять не умѣлъ, и я не помню, чтобы когда-нибудь дядя заботился о стрѣльбѣ въ цѣль, хотя онъ часто бывалъ не въ духѣ, когда команда не соблюдала темпы съ ружьемъ. Командѣ ученье обходилось дорого.

Какъ-то осенью, въ концѣ 50-хъ гг. мнѣ пришлось переѣзжать на яликѣ Неву съ однимъ нищимъ дряхлымъ старикомъ изъ отставныхъ. Мы разговорились, онъ оказался матросомъ 26 экипажа. Узнавъ, что мой дядя былъ его экипажнымъ и умеръ давно уже, онъ всталъ, перекрестился объ упокоѣ души и, сѣвъ, началъ вспоминать, что дядя нитки матросской не взялъ, но былъ строгъ, особенно передъ царскими смотрами. Строгость была синонимомъ порки.

Digitized by Google

Непріятель умѣлъ стрѣлять. По мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ судей, слышанному мною черезъ десятокъ-другой лѣтъ послѣ Крымской войны, будь у насъ хорошая артиллерія и вооруженіе съ самаго начала войны, будь у насъ достаточно войска, будь у насъ дороги въ Крымъ и будь у главнокомандующаго достаточно мужества, не скрывая положенія, требовать войска, будь, наконецъ, мужество рискнуть своимъ „фаворомъ“— непріятель былъ бы уничтоженъ въ первую зиму. Много было пролито крови, много было потрачено геройства—и Севастополя не спасли. Вину сваливали другъ на друга, какъ плохія стряпухи винятъ за испорченное кушанье все и всѣхъ, кромѣ собственнаго неумѣнья.

Союзники терпѣли голодъ, и холодъ, и лишенія, не менѣе, если не болѣе тяжелыя, еще по непривычкѣ къ суровой зимѣ. Англійскія сочиненія о Крымской войнѣ говорятъ о злоупотребленіяхъ интендантства, неспособности генераловъ. Но злоупотребленія не доходили до тѣхъ эпическихъ кражъ, какими ознаменовало себя наше интендантство; неспособные генералы были замѣнены способными. О безпорядкахъ англійскаго интендантства и неудачахъ генераловъ былъ сдѣланъ запросъ парламенту, возмущенное общественное мнѣніе заговорило громко, рѣзко, и порядки быстро измѣнились къ лучшему.

Въ первую зиму раненые офицеры, пріѣзжавшіе для излеченія въ свои семьи, роптали на медлительность, на нерѣшительность начальства, плохое состояніе дорогъ и отсутствіе ихъ, плохое знаніе мѣстности („Расписали на бумагѣ, да забыли про овраги“), плохое вооруженіе и ворующее интендантство—все это вмѣстѣ оказалось такимъ сильнымъ союзникомъ враговъ; зато морозы, суровые, какъ въ 12-мъ году, были нашимъ сильнымъ союзникомъ. Пріѣзжавшіе раненые, ссылаясь на свои авторитеты изъ старшихъ, опытныхъ военныхъ, утверждали, что если бы рѣшились на дружное нападеніе вмѣсто „шутовскихъ“ вылазокъ, то въ первую зиму союзная армія была бы отброшена въ море.

Въ клубѣ и на домашнихъ вечерахъ барыни и барышни ухаживали, не какъ сестры милосердія, за выздоравливавшими ранеными, но какъ поклонницы геройства. Иные изъ героевъ кокетничали легкою блѣдностью и слабостью, и рукавами въ бантикахъ. Другимъ, поумнѣе, претило это патріотическое

Digitized by Google

ухаживанье. Одинъ изъ послѣднихъ, получившій чинъ лейтенанта за удачную вылазку, В., котораго я часто встрѣчала въ домѣ нашихъ сосѣдей Р., говорилъ мнѣ: „Право, стыдно слышать: герой, геройская вылазка. Никакого геройства не было нужно. Мы даже подходили не скрываясь. Непріятельскіе часовые въ цѣпи до того замерзли, что не то что курокъ спустить, губами шевелить не можетъ, дать пинка—и покатится, какъ чурбанъ". Я эти слова твердо запомнила. Во время остановки военныхъ дѣйствій, когда убирали убитыхъ, уносили раненыхъ, наши офицеры сходились дружески съ непріятельскими, болѣе съ французами; англичане не были симпатичны своимъ высокомѣріемъ и чопорностью. Куря папиросы на кровавомъ полѣ, они, смѣясь, спрашивали другъ друга: „Когда же вы прогоните насъ въ море?"—„Когда же вы возьмете Севастополь?" И отвѣтъ съ обѣихъ сторонъ былъ одинъ и тотъ же: „Когда наши генералы перестанутъ соперничать съ вашими въ неспособности". Севастопольцы эти разсказывали много фактовъ въ обществѣ мужчинъ; спеціальный характеръ фактовъ былъ бы непонятенъ дамамъ. Помню, какъ мрачно и скорбно слушалъ отецъ эти разсказы и потомъ дольше и усерднѣе молился о томъ, чтобы Господь не покаралъ русскихъ за грѣхи.

Наше кронштадтское общество, кромѣ восторговъ Синопомъ, ухаживанья за героями и щипанья корпіи, да еще проводами выступавшихъ изъ города экипажей, ничѣмъ не выразило своихъ патріотическихъ чувствъ. Кровь лилась, гибли тысячи, десятки тысячъ, а балы въ клубѣ и частныхъ домахъ шли своимъ чередомъ; наряды дамъ были роскошны, какъ и прежде, т. е. не по жалованью мужей и отцовъ. Генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, посѣтившій одинъ балъ въ клубѣ послѣ мира, замѣтилъ, что иные дамскіе туалеты хоть сейчасъ на придворный балъ; и про золотое шитье на бархатныхъ платьяхъ сказалъ, что это гвозди и такелажъ кораблей. Моряки большею частью жили службой. Сто душъ считались хорошимъ состояніемъ, а триста—богатствомъ. О служебныхъ доходахъ, такъ называемыхъ безгрѣшныхъ, говорили какъ о доходахъ съ такого-то количества душъ. Напр., N. очень кстати получилъ постройку казармъ, дочь замужъ выдаетъ; X.—экипажъ, женится теперь

Digitized by Google

на В., давно дѣло тянется и т. п. Война вызвала новыя соображенія, разсчеты и обострила пикировку дамъ за положеніе мужей.

Загражденіе сѣвернаго фарватера, вооруженіе крѣпости, земляныя работы, разнородные военные расходы казны—все было разсматриваемо съ точки зрѣнія карманныхъ выгодъ, и это съ какимъ-то наивнымъ, безсознательнымъ цинизмомъ, который уживался какъ нельзя лучше съ показнымъ трескучимъ патріотизмомъ, въ пылу котораго барышни и барыни, бренча на фортепіано, распѣвали, по-чухонски коверкая русскія слова:

«Ляйба была моя не пустъ,
Какъ пошля на Тавасгустъ:
Англичанскій адмиралъ
Всю салакушку побралъ».

Или еще болѣе извѣстное стихотвореніе о Пальмерстонѣ въ воинственномъ азартѣ, поражающемъ указательнымъ перстомъ Русь на картѣ. Декламировали ругательныя стихотворенія о томъ, что „диванъ разнорядный повернуть какъ скамейку, а султана въ чалмѣ парадной вышвырнутъ изъ Европы". Наиболѣе ругательствъ доставалось Наполеону III. Онъ былъ „хламъ человѣчества, увѣнчанная грязь, гигантъ нечестія на тронѣ". Была и рисовка женскимъ героизмомъ, едва ли не самымъ труднымъ и мучительнымъ изо всѣхъ родовъ героизма—отпускать дорогихъ, кровныхъ на смерть. Но это рѣдкое исключеніе. Многія женщины просто по-бабьи молили Бога, чтобы бѣда миновала ихъ мужей и сыновей. Былъ фактъ женскаго эгоизма, высказаннаго возмутительно, цинично.

Въ Андреевскомъ соборѣ было народное молебствіе. Если память не обманываетъ меня, купечество провожало флотскіе экипажи, выступавшіе въ Свеаборгъ пѣхотно,—позорно, какъ слышалось въ кучкѣ молодежи, толпившейся на паперти. По окончаніи церковной службы священство пошло кропить ряды святой водой. На паперть хлынула провожавшая родня. Хотя мы никого не провожали, но не пропустили молебна. На паперти, полускрытая выступомъ колонны, стояла близъ меня пріѣзжая изъ Петербурга вдова, молодая эффектная брюнетка съ заплаканными глазами, невѣста, какъ говорили, одного лейтенанта, считавшагося неотразимымъ для женскихъ сердецъ.

Digitized by Google

Женихъ съ улыбкой спрашивалъ ее, усердно ли она молилась обо всѣхъ. „Что мнѣ за дѣло до всѣхъ?“—отвѣчала она неосторожно громко отъ волненія и съ паѳосомъ, въ которомъ мнѣ почуялась нѣкоторая дѣланность: „Что мнѣ за дѣло до всѣхъ? Пусть всѣ погибнутъ, пусть насъ побѣдятъ, лишь бы мой Н. остался невредимымъ“. Въ слышавшей толпѣ пронесся негодующій говоръ. Стоявшая возлѣ высохшая дряхлая старушонка, шамкая, громко сказала: „Грѣхъ, Богъ накажетъ ее. Бѣду накликаетъ“,—и начала передавать окружающимъ грѣшныя слова. Дрожа отъ гнѣва и стыда, я обернулась къ красивой барынѣ и въ упоръ, съ уничтожающимъ презрѣніемъ посмотрѣла ей въ глаза. Она нисколько не смутилась, но, усмѣхаясь, по-французски сказала своему Н.: „Вѣрно, у этой особы есть другъ сердца, если она такъ ѣстъ меня глазами“. Н. остановилъ ее взглядомъ и поспѣшилъ увести, сдѣлавъ видъ, что не узналъ меня. Знакомъ онъ съ нами домомъ не былъ, но братья его бывали у насъ, и я часто встрѣчала его въ домѣ нашихъ родныхъ. Дамы, узнавшія объ этой выходкѣ, говорили кривя брезгливо губы, что это самозванная невѣста и отъ *такой* нечего и ожидать другого, она всѣми средствами хотѣла удержать Н., которому надоѣла. Но дѣло было не въ этомъ, если дамы не сочиняли сплетню, а въ скудости общественныхъ чувствъ. Были жены и матери, говорившія то же самое, только не выставлявшія такой чудовищный эгоизмъ публично и такъ вопіюще несвоевременно.

Но были женщины-героини. Отпускать дорогихъ сердцу на смерть, отпускать безъ слезъ и рыданій, ободряя и благословляя, не умоляя остаться, въ сознаніи, какъ безчестно и позорно это вымолвить и даже помыслить,—такое геройство труднѣе, чѣмъ подставить грудь подъ ядра. Одинъ изъ моихъ товарищей дѣтства Николай Чистяковъ, 16 лѣтъ надѣвшій мичманскіе эполеты, оттого что выпускъ былъ ускоренъ, отправился въ Севастополь и былъ вскорѣ убитъ на бастіонѣ. Старшій братъ его, Василій, поѣхалъ смѣнить его, говоря, что Чистяковы должны быть въ числѣ защитниковъ Севастополя. Мать не удерживала его. Другія матери говорили ей, что одинъ сынъ ея убитъ, что она вдова, могла бы не пускать, стоило лишь сказать слово начальству, и все бы устроили по знакомству. Она отвѣчала, что ей стыдно и грѣшно было бы удерживать

Digitized by Google

сына отъ защиты отечества. Судьба не пощадила и Василія; онъ былъ убитъ чуть ли не въ первое свое военное дѣло. Рыдающая мать говорила, что ей одно утѣшеніе въ горѣ—честная смерть дѣтей. Если уже Богъ судилъ ей лишиться сыновей, то хуже было бы, если бы они умерли, какъ сыновья другихъ матерей, отъ простуды, схваченной на театральномъ подъѣздѣ, или отъ послѣдствій распутной жизни. Тогда г-жа Чистякова не жила въ Кронштадтѣ. Овдовѣвъ еще до войны, она поселилась въ деревнѣ; я передаю все по слухамъ, которые хорошо запомнила.

Проводя въ 1865 г. лѣто въ деревнѣ Тверской губерніи, я нашла въ числѣ немногихъ, случайно попавшихъ въ помѣщичій домъ книгъ, томикъ стихотвореній Никитина, изданный гдѣ-то въ провинціи. Это были первые опыты музы поэта, иные нескладные и ученическіе. Въ числѣ ихъ было стихотвореніе, посвященное г-жѣ Чистяковой. Судьба оказалась безжалостной къ несчастной матери и отняла третьяго сына, и тою смертью, въ которой нѣтъ утѣшенія, и на глазахъ матери. Она везла мальчика въ корпусъ или гимназію—тарантасъ опрокинулся и упавшій сундукъ разможжилъ голову сына. Этотъ несчастный случай вызвалъ стихотвореніе Никитина. Поэтъ говорилъ убитой горемъ матери о загробномъ утѣшеніи, о вѣрѣ.

Тогда храмы были полны молящихся, болѣе женщинъ. Заплаканныя лица, трауръ—сукна и плерезы дамъ, черный коленкоръ и черный платокъ на головѣ и плечахъ, или просто одинъ черный платокъ на головѣ у бабъ. Панихиды, рыданія, иногда истерики или причитанье, дымъ кадилъ и возгласы „вѣчная память". Все это рвало сердце, все это напоминало, что такое же горе можетъ выпасть и тебѣ на долю.

Кромѣ утѣшеній въ вѣрѣ искали утѣшенія и въ писаніи карандашемъ. Духи писали посредствомъ простого карандаша, но не у всѣхъ въ рукахъ писалъ карандашъ, надо было обладать какимъ-то таинственнымъ свойствомъ, быть удостоенной духомъ,—говорю въ женскомъ лицѣ, потому что не помню, чтобы когда въ нашемъ кругу карандашъ писалъ въ мужскихъ рукахъ иначе какъ для шутки. По всей вѣроятности, были и мужчины, писавшіе карандашемъ, такъ какъ позднѣе, въ

Digitized by Google

концѣ 70-хъ гг., ученые мужи увлекались штуками Бредифа и подводили подъ нихъ научныя основанія, видя въ этомъ психофизическія явленія. Замѣчательно совпаденіе—разгаръ спиритическаго увлеченія Юмомъ, Бредифомъ, какъ и разгаръ увлеченія пишущимъ „самопроизвольно" карандашемъ и вертящимся столомъ всего сильнѣе обнаруживался въ пору войны. Тогда въ 53—55 гг. по рукамъ ходила передаваемая подъ большимъ секретомъ книга Аллана Кардека о спиритизмѣ или магнетизмѣ. Какъ то мать моя плохо припрятала эту книгу, и я ее прочла. Много лѣтъ позже, припоминая съ нѣкоторыми пріятельницами, какъ мы учились въ молодости нашей, по какимъ этапамъ шла наша мысль, мы говорили, что кое-чѣмъ обязаны и Аллану Кардеку. Уча сношеніямъ съ сверхъестественнымъ міромъ, онъ открывалъ мистическую свободу личности и уносилъ ее отъ догматическаго подчиненія буквѣ, авторитету другихъ лицъ—въ міръ бредней. Но личность въ эти минуты не считала это бреднями и сознавала свою мистическую автономію. Для иныхъ натуръ довольно разъ въ чемъ бы то ни было сознать свою автономію для того, чтобы найти силы идти впередъ. Нужно было много времени для другихъ шаговъ. Это вліяніе Аллана Кардека не было и не могло быть вполнѣ сознано въ то время, когда, замирая отъ страха, цѣпенѣя отъ изумленія, читалась его книга; но оно легло закваской, которая потомъ подняла броженіе мысли и чувства. Раціоналистическое пониманіе религіи могло бы быть противодѣйствующимъ элементомъ суевѣрію карандашей. Но наши умы были взрощены на вѣрѣ въ чудеса. Одной изъ любимыхъ дѣтскихъ книгъ была дѣтская Четьи-Минея подъ заглавіемъ „Часы благоговѣнія". Богомольные старушки и старики изъ слобожанъ, у которыхъ мы живали на дачѣ, и которыхъ любилъ отецъ, изрѣдка заходившіе со сборомъ монахи и монашенки, странницы приносили легенды объ апокрифическихъ чудесахъ. Чудесамъ вѣрили; развѣ уже разсказывали о чемъ-нибудь въ родѣ мощей пророка Иліи, взятаго на небо въ огненной колесницѣ и потому не оставившаго мощей. Страсть къ новизнѣ была сильной союзницей разсказчиковъ и разсказчицъ, и эти чудеса производили большее впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы учили на школьной скамьѣ. Въ эту тяжелую пору, когда надвигалось неизвѣстное грозное будущее, сердца еще

Digitized by Google

сильнѣе жаждали утѣшенія. Вѣра давала утѣшенія неопредѣленныя, въ томъ смыслѣ, что и новый протопопъ Андреевскаго собора, сразу захватившій большой авторитетъ надъ умами дамъ, не могъ же сказать: вашъ сынъ, мужъ, братъ не раненъ, вернется невредимымъ; онъ могъ только говорить: молитесь и надѣйтесь на милость Божію,—то, что и безъ него знали. Духи посредствомъ карандаша говорили: здоровъ, счастливо спасся отъ смерти и т. п.

Писала и я. Писаніе карандашемъ, какъ и всѣ моды и новинки, было привезено изъ Петербурга. Сначала пробовали писать просто, держа карандашъ въ рукѣ; но этотъ способъ оказался недѣйствителенъ; узнали, что въ Петербургѣ писали больше столиками, т. е. нарочно заказанными для этой цѣли крошечными столиками, которые рука могла легко обхватить; въ дырку просверленную по серединѣ столика, вставляли карандашъ, который придерживали у кисти, сжимая второй и третій пальцы. Но столики не всегда были подъ рукой и изобрѣли упрощенный способъ: въ опрокинутую розетку отъ подсвѣчника вставляли продолбленную пробку, въ нее карандашъ. Это было удобнѣе, ибо ножки столика стѣсняли движеніе карандаша. Розетка оказывалась удобнѣе и на научномъ основаніи. Стекло плохой проводникъ электричества, которое, такимъ образомъ, не тратилось, какъ тратилось, проходя сквозь ножки стола, но все сосредоточивалось въ карандашѣ. Электричество было признано силой, родственной спиритической. Обхвативъ розетку пальцами распяленной руки, ждали, пока карандашъ не начнетъ двигаться. Сначала онъ чертилъ мелкія изломанныя линіи, когда утомленная рука начинала дрожать; потомъ черты принимали форму буквъ. Отъ волненія карандашъ ходилъ все быстрѣе, буквы выдѣлялись изъ штриховъ все четче и четче, слагались слова. Первая дрожь прохватывала пишущую, ощущалось наитіе чего то таинственнаго—благого или злого, чистаго или нечистаго духа—неизвѣстно; но въ этой неизвѣстности было обаяніе. Пишущій карандашъ уводилъ изъ рутины обыденной жизни. Было жутко и хорошо. Словно волна поднимала и уносила. Куда? Къ небу ли, въ тьму ли преисподней? Уносила—вотъ что было хорошо. Сомнѣніе совѣсти относительно злого духа и преисподней успокаивало такое соображеніе: не я служу злому

Digitized by Google

духу, если пишетъ злой духъ,—а я заставляю его служить себѣ. Писаніемъ было сказано: И бѣсы повинуются ему. Я никому не дѣлаю зла. Благочестивые люди, приводя тексты. говорили о грѣхѣ. Доктора смѣялись и дразнили вѣрующихъ въ карандашъ. Отецъ мой, бывшій въ молодости масономъ и мистикомъ, хранившій подъ ключемъ въ книжномъ шкапу Юнга Штиллинга и Эккартсгаузена, которыхъ не давалъ мнѣ читать, относился выжидательно. Вопрошали меня не только дамы и дѣвицы, но и молодежь и солидные люди. Въ минуту патріотической тревоги и скорби вопрошали о войнѣ, исходѣ ея патріоты. Чувство гражданина, не имѣвшее пути высказаться реальными запросами, обращалось съ ними къ таинственнымъ силамъ. Даже, когда я вѣрила въ свою роль пиѳіи, карандашъ писалъ у меня очень удачно; вопрошавшіе только задумывали свои вопросы, иногда говорили ихъ на ухо кому-нибудь. Вѣроятно, карандашъ писалъ удачно оттого, что у меня съ дѣтства привычка всматриваться въ лица, стараться угадать, счастливый ли этотъ человѣкъ, добрый ли, или нѣтъ. Вслѣдствіе этой привычки, развились наблюдательность и чуткость, безсознательно помогавшія угадыванію. Притомъ вѣровавшіе въ карандашъ болѣе чѣмъ на половину помогали мнѣ, видя въ каракуляхъ, выводимыхъ дрожащей рукой, то, что хотѣли видѣть. Случалось, что два лица, заинтересованныя въ отвѣтѣ съ противоположныхъ сторонъ, толковали каракули кто въ положительномъ, кто въ отрицательномъ смыслѣ. Нѣкоторое и очень непродолжительное время я вѣрила въ свой даръ пиѳіи, пока не осѣнила мысль: почему у меня одной иногда отвѣты давались въ стихахъ; никогда карандашъ не отвѣчалъ стихами въ рукахъ пиѳій безгрѣшныхъ по части стихокропательства. Значитъ—не все отъ духа, значитъ примѣшивается и свое. И, чтобы разграничить область дѣятельности духа и область своей, я начала слѣдить за своимъ настроеніемъ и мыслями, за движеніями руки. Вскорѣ я замѣтила. что въ головѣ съ быстротою молніи проносился какой-нибудь отвѣтъ въ тотъ мигъ, когда карандашъ непроизвольно начиналъ двигаться въ задрожавшихъ отъ напряженнаго положенія пальцахъ и руки, которую держать предписано было, не опираясь локтемъ на столъ. Слѣдовательно, я безсознательно писала свою мысль, не замѣчая, что двигала карандашемъ, потому что

Digitized by Google

концы пальцевъ охватывали розетку и не чувствовали, какъ привычнымъ движеніемъ кисти выводились привычныя очертанія буквъ, а сознаніе было поглощено ожиданіемъ наитія таинственнаго духа. Получался психологическій процессъ, похожій на тотъ, который происходилъ, когда приходилось дѣлать спѣшный переводъ въ то время, когда голова была полна другихъ думъ, тревогъ, заботъ. Онѣ стояли въ головѣ неотступно, не давая сознать ни оригинала, ни переводъ, который шелъ автоматично, и оказывался, когда я о томъ спрашивала издателя—переводъ, какъ переводъ.

Я не сказала о своемъ открытіи ни одной живой душѣ. Мелькнула мысль помистифицировать старшихъ, которая показалась такъ неотразимо заманчивой для 18-лѣтней дѣвушки. И вовсе не потому, что я была обуяна духомъ непочтительности, въ которомъ обвиняли потомъ молодежь 60-хъ гг. И тогда, какъ и всегда, молодежь была способна почитать,—болѣе того: была томима жаждой почитать. Это позже замѣтилъ и Герценъ въ „Былое и думы", говоря о томъ, что они, обвиненные въ глумленіи надъ всѣми авторитетами, готовы были стоять съ непокрытой головой передъ иными людьми. Отъ насъ требовали почтенія къ простому факту старшинства, т. е. долголѣтія. Мы хотѣли, чтобы съ долголѣтіемъ былъ связанъ опытъ жизни, правды и добра, чтобы отъ рѣчей и поступковъ старшихъ не закипало негодованіемъ молодое чувство, чтобы намъ не было душно и тѣсно отъ морали старшихъ. Позже, когда я встрѣтилась съ сестрой милосердія Назимовой, когда вернулся декабристъ дядя, старшіе, упрекавшіе меня въ непочтительности, стали упрекать въ излишкѣ этого свойства, въ раболѣпствѣ, въ томъ, что я, забывая всякое достоинство бѣгаю за Назимовой и за дядей, какъ собачонка.

Теперь я могу подводить психологическія основы подъ эту фантазію мистифицировать. Отецъ далъ мнѣ крупную мѣрку честности, патріотизма, человѣческаго достоинства, христіанской морали; естественно, что я рано стала чутка ко лжи, продажности, молчалинству, спѣси нашихъ аристократовъ, относившихся къ нестолбовому дворянству и подчиненнымъ по службѣ, какъ къ лакеямъ. О женѣ и дочери начальника говорили „начальница", и онѣ держались начальническаго тона. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка говорила подругамъ: „теперь мой

Digitized by Google

папа дивизіонный, и вы должны уважать меня". Не было ни одного почти вечера, съ котораго бы я не привезла коробившаго меня впечатлѣнія и какой-нибудь тошнотворной мелочи; но изъ такихъ мелочей слагалась жизнь, онѣ копились, становились нестерпимыми въ массѣ. Страшна эта масса мелочей. Безпокойная ночь на станціи отъ пары-другой клоповъ—непріятность; но высидѣть въ клоповникѣ—пытка, изобрѣтенная фантазіею азіатовъ. Въ 18 лѣтъ все это ощущалось безсознательно и безсознательно же то и дѣло нарушалась почтительность или удивленной миной, когда адъютанта распекали при всѣхъ, какъ лакея, за плохо исполненное порученіе. или невѣжливо обрывали жену подчиненнаго, дерзнувшую оспаривать начальницу. Развѣ можно было безъ возраженій выслушать, какъ одна кронштадтская аристократка, дивизіонша, въ клубной залѣ, корча гримасу, громко говорила вслѣдъ проходившей молодой дѣвушкѣ: „Надо покурить. Развѣ не слышите, какъ мыломъ завоняло". И это считалось остроуміемъ и вызывало смѣхъ. Сила этого остроумія заключалась въ томъ фактѣ, что дѣвушка эта была дочерью кастелянши морского госпиталя и наряды ея были сшиты на экономію мыла. О нарядахъ, сшитыхъ на экономію матросской обмундировки и пайковъ, не дѣлалось никакихъ намековъ; наряды эти шила аристократія, а осмѣянная барышня принадлежала къ демократіи, т. е. не была столбовой дворянкой. Отецъ ея выслужился изъ нижнихъ чиновъ. Надо еще замѣтить, что дядя мой принялъэкипажъ экипажъ послѣ мужа дамы, острившей на счетъ мыла; команда была оборвана, во всемъ былъ недочетъ. Дядя принялъ безъ возраженій; „поднимать исторію", т. е. требовать по законному положенію, было бы безполезно, если нѣтъ характера довести ее до конца; а довести до конца значило бы подвести товарища, да еще человѣка семейнаго. Это претило товарищеской чести. Дядѣ нѣсколько лѣтъ пришлось грѣшить въ отчетахъ, не показывать экономію, чтобы одѣть людей. Отставной матросъ-нищій, о которомъ я упомянула выше, перечисляя своихъ командировъ, назвалъ и мужа дамы, обличавшей экономію мыла; люди у него были голодны, холодны, босы, оборваны. Форма и сапоги береглись для смотровъ. Да, трудно было соблюдать предписываемыя формы почтенія къ старшимъ. Надо прибавить еще, что для дѣвушекъ дѣло

Digitized by Google

осложнялось требованіемъ уважать дамъ вообще, хотя бы дамы были моложе годами. Я тогда не понимала да и по сю пору не поняла, почему фактъ замужества самъ по себѣ есть право на уваженіе. Замужество не прибавляло ни ума, ни образованія, ни душевной порядочности. Дѣвушка, ставъ женщиной, сознавала свою власть надъ мужчиной, кокетничала вдвое болѣе, по-нынѣшнему флиртовала, число ея поклонниковъ удваивалось, потому что теперь они не боялись попасть на удочку брака,—вотъ и все. Выйдя замужъ, она пріобрѣтала право все читать и все говорить. Читался Польде-Кокъ и Фезаль, говорился вздоръ, нерѣдко двусмысленный. Это требованіе уваженія обосновывалось моралью объ обязанностяхъ жены и матери. Обязанности хозяйки и матери при штатѣ прислуги, гувернантках былн крайне легки: даже въ небогатыхъ семьяхъ главное бремя ихъ лежало на денщикахъ и женахъ ихъ, служившихъ за ничтожную плату. Выѣзды, ежедневные гости, карты и сплетни, наряды—вотъ въ чемъ проходила женская жизнь. Были исключенія, но правиломъ была мишура, праздность, пустота. Если въ самыхъ небогатыхъ семьяхъ дѣвушкѣ приходилось заботиться о младшихъ братьяхъ и сестрахъ, или женщины несли обязанности семьянинки и хозяйки, то всего чаще это дѣлалось съ скрежетомъ зубовнымъ, и, чуть служебное повышеніе мужа, отца увеличивало средства, обязанности сваливались на наемниковъ. Женской молодежи, которая знала, говоря словами Достоевскаго, „мучительную жажду благообразія жизни“, не за что было уважать большинство и огромное большинство старшихъ.

Всѣ эти мотивы, несознанные, вызвали мысль о мистификаціи; эта внезапно явившаяся и тотчасъ же безъ раздумья осуществленная мысль была порожденіемъ безсознательнаго протеста. И пророчества мои дошли до замѣчательнаго совершенства. Въ маленькомъ городѣ, въ кружкѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга и даже подноготную частной жизни, легко быть пророкомъ. Знаешь, кто ждетъ креста, чина, вакансіи командира корабля, фрегата и пр., какіе соперники и чьи интриги мѣшаютъ, чьи шансы вѣрнѣй; знаешь, кто кого ловитъ въ женихи дочкѣ, въ невѣсты себѣ или сыну, кто путается въ долгахъ и пр., и пр. У меня нашлось превосходное пособіе, въ которомъ я вычитала образцы отвѣтовъ. Когда

Digitized by Google

собиралась молодежь, для забавы нашей отецъ доставалъ изъ книжнаго шкапа книгу Оракулъ, служившую забавой ему въ дѣтствѣ. Въ двухъ-трехъ домахъ знакомыхъ были также оракулы; не имѣвшіе брали у насъ. Мнѣ оставалось только давать вопрошавшимъ отвѣты оракула въ варіантахъ болѣе литературной и современной формы. Помогала способность вопрошавшихъ видѣть то, что хотѣлось видѣть, и еще то свойство человѣческой природы, которое проявляется въ лоттереяхъ: о выигравшемъ номерѣ кричатъ, забывая о массѣ невыигравшихъ, и это разжигаетъ желаніе брать билеты.

Вѣщій карандашъ мой не писалъ о войнѣ, и всѣ вопросы патріотовъ объ исходѣ ея, обращенные къ его таинственной силѣ, оставались безъ отвѣта. Нельзя было *этимъ* мистифицировать. Но, когда мать, глотая слезы. спрашивала о сынѣ, не раненъ ли, живъ ли, вернется ли—о, какъ легко было читать всѣ эти вопросы на ея лицѣ, хотя она говорила только обычное: „я задумала"; я не могла не утѣшить ее изреченіемъ: „послѣ горя радость", или: „вѣрь, все къ лучшему". Возвращался ли сынъ невредимый, съ легкой ли царапиной, или калѣкой, инвалидомъ, пророчество оказывалось вѣрно; вѣрно даже и въ томъ случаѣ, когда былъ убитъ; судьба посылала какую-нибудь радость—дочь выходила замужъ, или у замужней родился ребенокъ. Наконецъ, мнѣ надоѣла мистификація, тѣмъ болѣе, что положеніе пиѳіи несло свои тяготы. Всякая слава оплачивается, и я нашла, что моя расплата оказалась дорога. Число вопрошавшихъ росло. Почтенныя матроны и даже патерфамиліасы по часамъ удерживали меня въ гостиной за карандашемъ, а въ залѣ давно уже кто-нибудь бренчалъ вальсъ или польку, и молодежь весело носилась по паркету. Я не могла вырваться, меня удерживали за платье: „Ну, еще разъ! Еще только одинъ разъ, послѣдній! Еще самый послѣдній!" Карандашъ тогда начиналъ ставить рядъ точекъ, петель, духъ отказывался отвѣчать. Потомъ онъ началъ отвѣчать невпопадъ, безсмыслицу, и всѣ увидѣли, что таинственный даръ покинулъ меня.

Кстати изъ Петербурга пришла вѣсть, что писаніе карандашемъ есть дѣло бѣсовское; это доказывало слѣдующее непреложное чудо. Одинъ благочестивый человѣкъ, называли, если не ошибаюсь, Бурачка, издателя „Маяка" и потомъ

Digitized by Google

„Русской Бесѣды“, захотѣлъ узнать доподлинно, писаніе карандашемъ—божіе ли дѣло или бѣсовское. Онъ передъ сномъ съ молитвой поставилъ столикъ, которымъ писалъ, на кіотъ и просилъ съ земными поклонами дать ему знаменіе. Утромъ онъ нашелъ столикъ, сильно расколотый, на полу. Приписавъ это какому-нибудь случаю, онъ и на второй день повторилъ молитву, удвоивъ число поклоновъ. Утромъ онъ вторично нашелъ на полу столикъ, еще болѣе испорченный; очевидно, столикъ былъ „поверженъ“ силой иной, не руки человѣческой. Благочестивый человѣкъ, все еще сомнѣваясь, въ третій разъ слезно молилъ о знаменіи и на третье утро нашелъ столикъ поверженный, раздробленный. И когда онъ, крестясь, взялъ осколки въ руки, то увидѣлъ лапу съ когтями. Мать моя запретила мнѣ писать. Этотъ же разсказъ съ небольшими измѣненіями я услышала, когда мы были въ Петербургѣ у тетки Н. Р. Алимьевой, отъ ея старой пріятельницы О. Павлищевой, сестры Пушкина.

Интересно для характеристики общественной жизни замѣтить, какъ повторяются иныя явленія, не съ буквальною тождественностью, конечно, но съ изумительнымъ сходствомъ. Бываютъ совпаденія фактовъ, идей, суевѣрій, черезъ огромный для человѣческой жизни промежутокъ времени. Выѣхавъ изъ Кронштадта въ 56 г., я, до 75 г., не была на своей родинѣ. Пріѣхавшій братъ захотѣлъ видѣть броненосцы, и мы отправились на пароходѣ изъ Ораніенбаума. Пассажировъ было почему-то необычайно много и на палубѣ было тѣсно: публика была почти все изъ моряковъ и ихъ семей. Какой пережитой стариной обдало меня. Тѣ же рѣчи, тѣ же разговоры. Тѣ же любезности и комплименты свѣтскихъ кавалеровъ, тѣ же стереотипные анекдоты и остроты, которыми смѣшили дамъ въ мою молодость; тѣ же гоголевскія сцены вѣжливаго препирательства дамъ о томъ, кому проходить первой въ двери каюты; то же французенье съ нижегородскимъ, бывшее въ пренебреженіи въ 60-хъ гг. и снова вошедшее въ моду, какъ доказательство, что мы люди комъ-иль-фо; то же перевиранье „ученыхъ словъ“, какъ и въ 50-хъ гг., когда одна дивизіонша, считавшаяся умной женщиной, звала отца „пессиметръ“ вмѣсто: „пессимистъ“, за его недовольство защитой Кронштадта; то же чинопочитаніе и молчалинство, плохо прикрытое

Digitized by Google

военной дисциплиной, тѣ же сплетни и пикировка, тѣ же соображенія о шансахъ карьеры, о томъ, кому слѣдуетъ получить назначеніе на какой постъ въ случаѣ войны съ коварнымъ Альбіономъ, о которой тогда ходили слухи, и, къ довершенію сходства, тѣ же толки о стучащихъ столахъ и пишущихъ духахъ, съ прибавкой слова „матеріализація", о которомъ не слыхали въ 53—55 гг. Впечатлѣніе получилось тѣмъ болѣе ошеломляющее, что лѣтъ уже двѣнадцать мнѣ не приходилось, живя въ Петербургѣ, встрѣчаться съ обществомъ моряковъ. Точно не была пережита четверть вѣка и я снова молодой дѣвушкой вглядываюсь во все, прислушиваюсь ко всему и потомъ о многомъ съ изумленіемъ спрашиваю отца: какъ же это можно? Неужели и вездѣ то же самое? Охватившее меня странное ощущеніе при видѣ этого воскресенія пережитого усиливалось еще отъ того, что во многихъ почтенныхъ матронахъ и пожилыхъ чиновныхъ людяхъ я узнавала знакомую былую молодежь, — въ молодежи—дѣтей, которыхъ встрѣчала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Казалось, будто, какъ въ сказкѣ о спящемъ царствѣ, тѣ же самые люди, проспавъ четверть вѣка, проснулись и продолжали прежнюю жизнь съ того мига, на какомъ ихъ застигъ сонъ. Братъ спросилъ меня, отчего это у меня такое ошалѣлое лицо. Да и было отчего ошалѣть. Послѣ 60-хъ гг. прошлое вставало и такъ торжествующе заявляло о своей живучести... Конечно, и въ концѣ 70-хъ гг., какъ и въ концѣ 50-хъ, былъ, какъ и въ наше время есть, и въ средѣ моряковъ свой процентъ людей не тѣхъ же рѣчей, не тѣхъ же разговоровъ, людей жизни, а не спячки, не можетъ не быть. Но судьба не сводила меня съ людьми этого процента.

М. Цебрикова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

33

Испанско-американская война и ея последствія.

Письмо первое.

Взятіе въ плѣнъ Агинальдо завершило первый завоевательный экспериментъ Соединенныхъ Штатовъ en grand.

Американская республика вступаетъ въ плеяду военныхъ державъ и отнынѣ будетъ требовать себѣ подобающей доли въ международномъ раздѣлѣ всего, что плохо лежитъ. Правда, американскіе сторонники завоевательной политики указываютъ, что въ этомъ отношеніи ихъ республика уже давно лишилась невинности. На самомъ дѣлѣ, однако, единственный вполнѣ аналогичный прецедентъ война съ Мексикой въ 1847 году, но хотя Соединенные Штаты и пріобрѣли тогда обширную территорію, тѣмъ не менѣе и условія, и послѣдствія были совершенно иныя. Во-первыхъ, это было огромное ненаселенное пространство, во вторыхъ, оно непосредственно примыкало къ Соединеннымъ Штатамъ; такимъ образомъ новое завоеваніе только раздвигало границы распространенія американскихъ учрежденій, и въ то же время американцы оставались у себя дома, вдали отъ интригъ «высокой политики» (haute politique).

Послѣдній военный экспериментъ, напротивъ того, бросилъ Соединенные Штаты въ самый круговоротъ новѣйшаго «восточнаго вопроса».

Наполеону приписываютъ изреченіе, что для войны нужны три вещи: во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и, въ-третьихъ, еще деньги. Въ этомъ, конечно, у американцевъ недостатка нѣтъ. Но довольно ли этого? Для войны нужна армія, а Соединенные Штаты до испанско-американской войны обладали только наемной арміей въ 29.000 человѣкъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ президентъ вызывалъ добровольцевъ.

Но если такая система годилась для мирной націи «промышленнаго» типа (по терминологіи Спенсера), то можетъ ли она удержаться тогда, когда военныя экспедиціи для завоеванія отдаленныхъ колоній сдѣлаются частью будничнаго обихода американской иностранной политики?

Закончившаяся теперь трехлѣтняя война даетъ на этотъ вопросъ безусловно отрицательный отвѣтъ. Американская система управленія въ примѣненіи къ военному дѣлу потерпѣла полное банкротство и

Digitized by Google

тяжелѣе всего это отразилось на шкурѣ несчастнаго солдата. Положенію солдата во время послѣдней войны и будетъ главнымъ образомъ посвящено это письмо.

I.

Военное министерство Соединенныхъ Штатовъ разсчитано было на мирное время и на армію въ 29.000 человѣкъ. Администраціи предстояла чрезвычайно трудная задача: въ короткій срокъ создать изъ ничего цѣлую армію, обучить ее и вступить въ борьбу со стотысячной регулярной арміей испанцевъ. Что при такой поспѣшности нельзя было при наилучшемъ стараніи избѣжать серьезныхъ ошибокъ и упущеній, понятно всякому, и безпристрастіе обязывало бы къ снисходительному сужденію объ ошибкахъ правительства, если бы послѣднее не сдѣлало всего, что было въ его силахъ, чтобы возвести анархію въ систему.

По объявленіи войны регулярная армія была увеличена до 61.000 человѣкъ и сверхъ того объявлено было два призыва добровольцевъ, въ размѣрѣ 200.000 человѣкъ. Чтобы одѣть, обуть и накормить такую армію, требовались административныя способности и военный опытъ.

Единственный контингентъ людей съ военнымъ опытомъ представляли ветераны междоусобной войны 1861—65 гг. Это большею частью еще народъ бодрый, обыкновенно не старше шестидесяти лѣтъ; когда была объявлена война, отъ нихъ посыпались прошенія о пріемѣ на службу. Но благодаря глубоко укоренившейся здѣсь системѣ политическаго кумовства и раздачи казенныхъ должностей въ кормленіе, прошенія ветерановъ почти безъ исключенія были отклонены, а вмѣсто нихъ на офицерскія должности въ добровольной арміи и на вакантныя мѣста въ интендантствѣ и другихъ вѣдомствахъ, подчиненныхъ военному и морскому министерствамъ, назначены были разные протеже политикановъ, взятые прямо изъ-за прилавка, и представители золотой молодежи, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ.

Всего назначено было на офицерскія должности въ дѣйствующей арміи, комиссаріатѣ и проч. 836 человѣкъ. Всѣ они, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, были назначены либо по личной протекціи, либо по рекомендаціи депутатовъ или сенаторовъ. Въ нью-іоркской газетѣ «Evening Post» напечатана была любопытная статистика назначеній. Изъ числа свѣжеиспеченныхъ офицеровъ 33 были потомки «доблестью отмѣченныхъ родовъ» въ нижеслѣдующихъ степеняхъ родства: сыновей—25, внуковъ—4, племянниковъ—3, зять—1, итого—33. Въ томъ числѣ находились: сынъ военнаго министра, сынъ вице-президента Гобарта, сынъ бывшаго президента Гэррисона, сынъ и внуки президента Гранта, сынъ бывшаго ньюіоркскаго мэра-«реформатора» Стронга, одинъ изъ отпрысковъ семьи знаменитыхъ милліонеровъ Асторовъ и т. д. Всѣ эти юные патріоты, для которыхъ главной приманкой былъ мундиръ, произведены были изъ штатскихъ прямо въ капитанскій и майорскій чины, а одинъ даже въ подполковники, и опредѣлены на должности въ главномъ штабѣ, ко-

Digitized by Google

миссаріатѣ и проч. Въ руки этихъ паркетныхъ шаркуновъ отданы были судьбы цѣлой арміи, тысячи человѣческихъ жизней.

Во главѣ всей военно-административной части былъ поставленъ генералъ Корбинъ. Онъ началъ службу во время междоусобной войны, но его боевой формуляръ былъ не совсѣмъ чистъ. Въ февралѣ 1865 г. онъ преданъ былъ военному суду по обвиненію въ отлучкѣ за боевую линію во время сраженія, т. е. попросту въ трусости. Въ оффиціальномъ отчетѣ командовавшаго сраженіемъ полковника Моргана встрѣчается слѣдующая фраза: «Я съ сожалѣніемъ принужденъ сказать, что полковникъ Корбинъ не обладаетъ мужествомъ, необходимымъ для командованія храбрыми людьми». Этотъ отчетъ напечатанъ въ оффиціальномъ собраніи документовъ, относящихся къ междоусобной войнѣ. Хотя Корбину и удалось выйти чистымъ изъ суда, но онъ оставался въ чинѣ полковника слишкомъ тридцать лѣтъ безъ малѣйшей надежды на производство, такъ какъ выше его въ порядкѣ старшинства по службѣ было еще сорокъ три полковника; за канцелярскимъ же столомъ, гдѣ онъ провелъ всѣ эти годы, онъ не имѣлъ случая отличиться подвигами воинской доблести. Не взирая на это, его сдѣлали фактическимъ распорядителемъ всѣхъ воинскихъ силъ въ военное время.

Почему? А потому, что военный министръ Алджеръ родомъ изъ штата Мишигана, и Корбинъ «тоже изъ Мишигана», какъ впослѣдствіи выразился генералъ-инспекторъ Брекинриджъ на допросѣ въ слѣдственной комиссіи (о которой ниже).

Добровольная армія представляла чрезвычайно жалкій сбродъ. Большинство добровольцевъ не имѣло ни палатокъ, ни мундировъ, ни оружія. По прибытіи въ лагерь новобранцы цѣлый мѣсяцъ дожидались ружей, вслѣдствіе этого ихъ посылали въ караулы *съ палками*! За всю кампанію пары сапогъ нельзя было добиться изъ комиссаріатскаго департамента: порвется сапогъ — ходи босикомъ. Одному добровольцу выдали два лѣвыхъ сапога и такъ ему и не удалось добиться пары казенныхъ сапогъ до возвращенія изъ Кубы. Не лучше было и положеніе регулярныхъ войскъ. Солдаты потѣли въ фланелевыхъ рубашкахъ и зимнихъ брюкахъ, въ которыхъ они оставили канадскую границу. Имъ приходилось спать на голой землѣ, и ихъ потное платье впитывало въ себя грязный песокъ.

О безпорядкѣ, царившемъ въ Тампѣ, которая выбрана была операціоннымъ базисомъ для снаряженія экспедиціи на Кубу, извѣстный и русской публикѣ корреспондентъ Джорджъ Кеннанъ сообщалъ чисто водевильные курьезы. Такъ, провіантъ, аммуниція и боевые запасы отправлены были въ Тампу безъ накладныхъ или ярлыковъ, такъ что приходилось разыскивать каждый предметъ среди сотенъ вагоновъ, растянутыхъ на пространствѣ двадцати слишкомъ верстъ. Помимо того никто изъ мѣстныхъ интендантскихъ чиновниковъ не зналъ, сколько каждой статьи провіанта имѣлось въ наличности. Въ концѣ концовъ передъ самой отправкой войскъ на Кубу пришлось по телеграфу закупить въ сосѣднемъ городѣ необходимый провіантъ, въ то время какъ тутъ же стояли неразгруженные вагоны.

При мобилизаціи кавалеріи солдатъ и лошадей везли въ отдѣль-

Digitized by Google

ныхъ поѣздахъ, такъ что, когда приходила пора кормить и поить лошадей, онѣ оказывались на разстояніи десятка—другого верстъ отъ солдатъ.

Непосредственная вина за всю эту неурядицу падала на гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, всѣхъ этихъ папенькиныхъ сынковъ, о которыхъ корреспондентъ лондонскаго «Times»'а Поултни Биглоу съ нескрываемымъ презрѣніемъ отзывался, что ихъ по-настоящему слѣдовало бы «со свистомъ выпроводить вонъ изъ лагерей, какъ шарлатановъ». Нужно замѣтить, что Биглоу—американецъ, сынъ бывшаго американскаго посланника въ Парижѣ. Его разоблаченія напечатаны были также въ здѣшней аристократической газетѣ «Harper's Weekly» и произвели здѣсь большую сенсацію.

Война во всѣ времена и у всѣхъ народовъ доставляла ловкимъ людямъ удобный случай запустить руки въ казенный сундукъ. Въ Америкѣ хищеніе и въ мирное время возведено въ систему, во время же послѣдней войны вся организація военнаго дѣла была разсчитана на то, чтобы облегчить разграбленіе казны шайкою желѣзнодорожниковъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, интендантскихъ чиновниковъ и другихъ внутреннихъ враговъ.

Безпорядки, на которые раздавались громкія жалобы въ печати и обществѣ, при нѣкоторомъ желаніи были легко устранимы. Въ то время, какъ солдаты и добровольцы изнемогали отъ южнаго зноя въ зимней одеждѣ, въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Чикаго и др. большихъ городахъ десятки тысячъ портныхъ сидѣли безъ работы; при американской системѣ раздѣленія труда подрядчикамъ не трудно было бы снабдить армію необходимой обмундировкой втеченіе одной недѣли, стоило бы только интендантству выговорить сроки въ контрактѣ. Но это, разумѣется, подняло бы цѣну на трудъ и урѣзало бы барыши поставщиковъ.

Поставщики провіанта, разумѣется, тоже на руку охулки не клали. Изъ лагеря въ Тампѣ (въ штатѣ Флоридѣ) доходили свѣдѣнія о томъ, что съ солдатами обращаются «словно съ собаками», какъ писалъ одинъ нью-іоркскій волонтеръ. По свидѣтельству корреспондентовъ, пища была тяжелая, не по сезону, — черный хлѣбъ и сомнительнаго качества солонина. Въ прессу проникали сообщенія о томъ, что солдаты просто голодаютъ. Въ Нью-Іоркѣ, въ лагерѣ 11-го полка милиціи, дѣло чуть не дошло до бунта изъ-за того, что командующій полкомъ морилъ солдатъ голодомъ.

Но военный министръ Алджеръ на всѣ обличенія отвѣчалъ, что нельзя вести войну со всѣми удобствами,—«на войнѣ по-военному», пища самая настоящая, солдатская, и впредь такая же будетъ; обязанность патріотической печати будить въ солдатахъ сознаніе долга передъ отечествомъ, а не волновать умы ихъ неосновательными жалобами.

Конечно, «не бѣда, что потерпитъ *солдатъ*, такъ судило уже Провидѣніе», можно сказать, слегка перефразируя слова поэта. Суть въ томъ, однако, что система кумовства въ дѣлѣ военнаго управленія серьезно вредила успѣху военныхъ дѣйствій.

Digitized by Google

II.

Во всемъ мірѣ командованіе дѣйствующею арміею лежитъ на главнокомандующемъ; военный министръ и его помощники—административные чиновники. По объявленіи войны главнокомандующій генералъ Майлзъ лично добивался у президента команды экспедиціей на Кубу. Но Майлзъ обязанъ своимъ назначеніемъ на занимаемый имъ постъ демократическому президенту Кливлэнду и потому не принадлежитъ къ республиканской котеріи, окружающей Макъ-Кинли.

Военное министерство дѣлало все возможное, чтобы оттереть главнокомандующаго на задній планъ. Его отправили на Порто-Рико, командованіе же экспедиціей на Кубу, главный центръ военныхъ дѣйствій, поручено было генералу Шафтеру, другому протеже военнаго министра. Это былъ типичный бурбонъ, раздражительный, грубый, невѣжественный и не терпящій никакихъ совѣтовъ. Описаніе экспедиціи на Кубу можно было бы принять за главу изъ «Исторіи города Глупова», если бы всякая подробность не была засвидѣтельствована такими заслуживающими довѣрія людьми, какъ Биглоу, Кеннанъ, извѣстный беллетристъ Ричардъ Хардингъ Дэйвисъ, и массой обыкновенныхъ свидѣтелей, впослѣдствіи показывавшихъ передъ военно-судной комиссіей.

Непорядокъ въ Тампѣ былъ невообразимый. Въ портъ прибывали одинъ за другими поѣзда съ солдатами, и никто не зналъ, куда ихъ дѣвать. Посадка на суда производилась безъ всякой системы. Нерѣдко одну команду разбивали по разнымъ судамъ, перемѣшивая такимъ образомъ роты и полки; а то бывало, что обозъ шелъ отдѣльно и команда отдѣльно. Случалось, что ошибка обнаруживалась уже на морѣ и приходилось переправлять часть полка или роты въ лодкахъ съ одного судна на другое.

Отъ 8-го до 16-го іюня 1898 г. солдатъ продержали на транспортныхъ судахъ въ Тампѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то будто бы видѣли поблизости испанскую флотилію. На самомъ дѣлѣ, по словамъ моряковъ, никакой флотиліи не было и не могло быть, а Шафтеръ просто не былъ готовъ къ отплытію. Между тѣмъ солдатамъ изъ-за этой нераспорядительности пришлось томиться въ жарѣ и духотѣ, нестерпимой даже для выносливыхъ муловъ, которыхъ за ту недѣлю пало восемнадцать штукъ.

Но худшее предстояло еще впереди.

Шафтеръ не позаботился запастись ни лодками, ни шлюпками, ни лѣсомъ для постройки пристани.

Въ видѣ контраста Джорджъ Кеннанъ сообщаетъ подробности о высадкѣ генерала Скотта съ 12.000-ной арміей у Вера-Круса въ Мексикѣ въ 1847 г. Въ его распоряженіи находилось 67 шлюпокъ, построенныхъ на 70—80 человѣкъ каждая. У Шафтера же было всего два плота, изъ которыхъ одинъ затонулъ въ пути.

Втеченіе цѣлаго мѣсяца до отправки Шафтера на Кубу эскадра адмирала Сампсона крейсировала вдоль юго-восточнаго берега Кубы; офицеры эскадры могли бы снабдить Шафтера необходимыми указаніями относительно наиболѣе удобныхъ пунктовъ для высадки. Но мѣстничество съ Сампсономъ не позволяло Шафтеру обра-

Digitized by Google

титься къ нему за нужными свѣдѣніями, и пунктами высадки выбраны были Дайкири и Сибоней, гдѣ вслѣдствіе мелководья суда должны были останавливаться на огромномъ разстояніи отъ берега. Никто не позаботился объ устройствѣ сносной пристани.

Наскоро сколоченные мостки подымались такъ высоко надъ водой, что солдатамъ приходилось дѣлать чудеса акробатическаго искусства, чтобы прыгнуть изъ лодки какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда носъ ея подымало волной.

Мостки были сбиты кое-какъ; одна доска отставала отъ другой на два фута, и солдатамъ приходилось шагать черезъ пустое пространство съ вьюками на плечахъ, соблюдая крайнюю осторожность, чтобы какъ-нибудь не ступить неловко на шатающуюся доску, еле прикрѣпленную къ сваѣ и ежеминутно грозящую опрокинуться. Нѣсколько тысячъ человѣкъ перебралось такимъ образомъ на сушу; такимъ-же образомъ доставлены были на пристань оружіе, аммуниція и харчи; и это продолжалось не день и не два, а цѣлыхъ три недѣли. Гдѣ же все это время скрывалась инженерная команда? Генералъ Шафтеръ въ день переправы отрядилъ ее за 50 верстъ строить понтонные мосты для кубанцевъ.

Въ Сибонеѣ дѣло обстояло еще хуже. Тамъ въ первые дни совсѣмъ не было пристани и людей прямо высаживали въ воду, откуда они уже вбродъ добирались до берега. Черезъ нѣсколько дней выстроили нѣчто въ родѣ пристани, но на такой глубинѣ, что суда не могли причаливать къ ней и приходилось перегружать кладь на лодки или баржи. Множество ящиковъ погибло въ водѣ, немало припасовъ оказалось подмоченными и совершенно негодными въ пищу. Результатомъ были недостатокъ оружія, недостатокъ аммуниціи, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ генералъ Шафтеръ сознается, что «лишь спустя двѣ недѣли послѣ высадки арміи удалось выгрузить запасъ провіанта на три дня впередъ». Въ то время, какъ армія нуждалась во всемъ необходимомъ, все это находилось тутъ же подъ руками, у самаго берега, на транспортныхъ судахъ, нанятыхъ правительствомъ за огромныя деньги. Но суда эти принадлежали частнымъ компаніямъ, капитаны ихъ состояли на службѣ компаній и блюли хозяйскій интересъ превыше всего на землѣ. Большую часть дня они держались на разстояніи десятка верстъ отъ берега, такъ что сообщеніе съ ними было совершенно невозможно; а чуть гдѣ-либо начиналась пальба, они, какъ жалкіе трусы, пускались въ открытое море и увозили съ собою столь необходимый для арміи провіантъ, отлично зная, что солдаты голодаютъ [1]).

Извѣстный корреспондентъ Ричардъ Дэйвисъ дѣлаетъ слѣдующее интересное сравненіе: «англійское правительство платитъ купече-

---

[1]) Бездушіе этихъ служителей капитала характеризуетъ слѣдующій случай. Когда американскія военныя суда уничтожили испанское судно „Марію Терезу", капитанъ одного изъ транспортныхъ пароходовъ отказался спустить свои лодки, чтобы подать помощь цѣплявшимся за обломки испанскимъ солдатамъ. Четыреста человѣкъ погибло бы въ волнахъ, если бы къ нимъ не подоспѣло на выручку американское военное судно „Gloucester", которое съ помощью своихъ двухъ лодокъ взяло ихъ всѣхъ на бортъ.

Digitized by Google

скимъ судамъ лишь 10% сверхъ обычнаго фрахтоваго тарифа, американское же правительство платило за транспортныя суда на двѣсти и, порой, на триста процентовъ сверхъ фрахтоваго тарифа».

Нелишне замѣтить, что капитаны законтрактованныхъ правительствомъ коммерческихъ судовъ состояли подъ командой военнаго начальства и подлежали дѣйствію военныхъ законовъ. Когда во время той же войны крючники (stevedous) устроили стачку въ Порто Рико, главнокомандующій объявилъ имъ, что прикажетъ заковать ихъ въ кандалы, если они немедленно не возьмутся за работу, и далъ имъ *три минуты* на размышленіе. Но капитанамъ транспортныхъ судовъ дозволяли безнаказанно скрываться изъ виду по цѣлымъ днямъ и, когда нужно было, гонялись за ними въ гребныхъ лодкахъ.

Когда армія пустилась въ походъ по направленію къ Сантъ-Яго, въ трюмѣ транспортнаго судна «Cherokee» оставалось не выгруженными 118 обозныхъ фургоновъ. А въ это время, по собственному сознанію Шафтера, армія нуждалась во всемъ необходимомъ вслѣдствіе невозможности доставить провіантъ на мѣсто. Солдатамъ приходилось таскать на спинѣ палатки, одѣяла, провіантъ на три дня и аммуницію; они изнемогали подъ этимъ бременемъ въ непроходимой лѣсной чащѣ. Выгрузка обоза значительно затруднялась тѣмъ, что нагрузка его въ Тампѣ произведена была безъ всякой системы. Вещи, которыя должны были понадобиться немедленно по высадкѣ, были погребены подъ цѣлыми тоннами тюковъ, безъ которыхъ можно было обойтись цѣлую недѣлю.

Джорджъ Кеннанъ сомнѣвается даже въ существованіи при выгрузкѣ въ Сибонеѣ подобія инвентаря; по всѣмъ вѣдомостямъ, говоритъ онъ, главный квартирмейстеръ полагался больше «на память»! Для иллюстраціи онъ приводитъ слѣдующій характерный случай. Послѣ сраженія при Гвасимасѣ генералу Вуду не хватило патроновъ для скорострѣльныхъ ружей. Онъ командировалъ опоручика Килборна къ генералу Шафтеру съ представленіемъ скорѣйшей доставкѣ патроновъ. Генералъ Шафтеръ отвѣтилъ, что онъ понятія не имѣетъ, гдѣ находятся эти патроны, и направилъ его къ главному квартирмейстеру Джейкобзу въ Дайкири. Поручикъ Килборнъ вынужденъ былъ пѣшкомъ отправиться за десять верстъ въ Дайкири, но главный квартирмейстеръ не зналъ, гдѣ патроны. Пространствовавши такимъ образомъ тридцать верстъ, поручикъ вернулся къ генералу Вуду съ докладомъ, что патроновъ для скорострѣльныхъ ружей достать нельзя, потому что никто не знаетъ, гдѣ ихъ искать.

III.

Безсмыслие самаго веденія кампаніи было бы просто невѣроятно, если бы оно не было засвидѣтельствовано единодушными разсказами корреспондентовъ. Самъ главнокомандующій Шафтеръ только однажды отправился лично для осмотра театра военныхъ дѣйствій, отстоявшаго всего на пять верстъ отъ его главной квартиры. Но верховая ѣзда и палящій зной такъ утомили тучнаго генерала, что онъ

Digitized by Google

свалился съ ногъ и всю кампанію пролежалъ въ своемъ гамакѣ. Тѣмъ не менѣе онъ упорно удерживалъ команду въ своихъ рукахъ, буянилъ и ругался съ подчиненными ему офицерами.

По отчету командовавшаго сигнальнымъ корпусомъ бригаднаго генерала Грили, успѣхъ военныхъ операцій на Кубѣ былъ значительно затрудненъ отсутствіемъ надлежащей организаціи сигнальной службы. Ко времени отправки экспедиціи въ Тампѣ находился наготовѣ снаряженный для этой цѣли телеграфный поѣздъ сигнальнаго корпуса, но Шафтеръ распорядился оставить его въ Тампѣ.

Высадившись на Кубѣ, Шафтеръ не позаботился собрать справки о топографіи будущаго театра военныхъ дѣйствій, что было очень нетрудно сдѣлать, такъ какъ въ Дайкири, Сибонеѣ и подъ Сантъ-Яго находились станціи американской желѣзодѣлательной компаніи, служащихъ которой нетрудно было разыскать. Объ этомъ никто не подумалъ. Единственная рекогносцировка за все время до сраженія сдѣлана была генераломъ Чафи, но его указанія, которыя, какъ впослѣдствіи обнаружилось, сохранили бы сотни жизней, были отвергнуты Шафтеромъ.

Оба лагеря отдѣляла небольшая роща, чрезъ которую пролегали двѣ дороги, мѣстами настолько узкія, что двумъ человѣкамъ невозможно было разъѣхаться. Генералъ Чэфи предсказывалъ, что если двинуть армію по этимъ дорогамъ, то, какъ только они покажутся изъ-за прикрытія, непріятель, хорошо знакомый съ мѣстоположеніемъ, встрѣтитъ ее сильнымъ огнемъ и трупы сразу загородятъ дорогу заднимъ рядамъ. Генералъ Чафи совѣтовалъ поэтому прорубить ряды параллельныхъ тропинокъ чрезъ рощу и двинуть всю армію широкимъ фронтомъ. Но его указаніями пренебрегли, и результатомъ была потеря множества жизней.

Пока американцы гонялись за своими транспортными судами, а главнокомандующій лѣчился въ гамакѣ отъ послѣдствій пятиверстной верховой ѣзды, испанцы не дремали. 27 іюня, на виду у американскаго лагеря, у испанцевъ началась оживленная работа по укрѣпленію Санъ-Хуана и Эль-Канея.

Корреспонденты, иностранные военные агенты, офицеры ежедневно доносили о происходившемъ, но главнокомандующій не позаботился послать артиллерію, чтобы помѣшать непріятельскимъ приготовленіямъ. Наконецъ, настало 1 іюля, день рѣшительной битвы. У американцевъ было всего 16 трехъ-дюймовыхъ орудій; по мнѣнію военныхъ экспертовъ, 60-ти орудій, оставленныхъ въ Тампѣ, не хватило бы для штурма испанскихъ укрѣпленій. Къ тому же американцы стрѣляли чернымъ порохомъ, такъ что втеченіе минуты послѣ каждаго залпа пушечный дымъ скрывалъ все изъ глазъ, въ то же самое время дѣлая ихъ удобною мишенью для непріятеля. (Испанцы снабжены были бездымнымъ порохомъ). Какъ бы для увеличенія потери американцевъ, въ тылу ихъ батареи, всего на разстояніи 300 футовъ, зачѣмъ-то выстроены были спѣшенные кавалерійскіе полки, не принимавшіе участія въ дѣйствіи. Благодаря отсутствію главнокомандующаго, путаница была такая, что нѣсколько разъ дѣло чуть не доходило до взаимной перестрѣлки между американскими полками, по недоразумѣнію принимавшими другъ друга за непріятеля.

Digitized by Google

Черезъ четверть часа послѣ начала перестрѣлки прискакалъ адьютантъ отъ Шафтера и приказалъ инженеру Сомнеру двинуться съ дивизіей по сантъ-ягской дорогѣ и ждать дальнѣйшихъ приказаній на опушкѣ лѣса.

Какъ и слѣдовало ожидать, испанцы вскорѣ замѣтили движеніе американцевъ и открыли огонь по нимъ. Американцамъ приказано было лечь на земь. Такъ они пролежали болѣе часу въ горячей травѣ, отъ которой у нихъ спирало дыханіе, а въ это время по всей линіи на протяженіи англійской мили не прекращался испанскій огонь.

Въ довершеніе всего, въ жару сраженія главный инженеръ Шафтера, вопреки мнѣнію командующаго сигнальнымъ корпусомъ добровольной арміи, распорядился пустить воздушный шаръ для рекогносцировки. «Огромный воздушный шаръ, качающійся лишь на высотѣ 50 футовъ надъ верхушками деревьевъ, прямо надъ передовой линіей, былъ не чѣмъ инымъ, какъ вызовомъ непріятелю уничтожить все, что находилось подъ нимъ. И непріятель принялъ вызовъ», говоритъ тотъ же очевидецъ. Огонь изъ всѣхъ траншей сразу направился на воздушный шаръ, и испанская картечь пожала богатую жатву среди американскихъ полковъ, надъ которыми парилъ злополучный рекогносцировочный шаръ.

А американцы въ это время все дожидались приказаній отъ генерала Шафтера. Положеніе становилось съ минуты на минуту все болѣе отчаяннымъ. Путь къ отступленію отрѣзывали задніе полки. Не оставалось ничего иного, какъ идти впередъ, на приступъ. «Штурмовать защищенныя современными ружьями и современною артиллеріею укрѣпленія, не пошатнувши ихъ артиллеріей; аттаковать ихъ съ фронта, а не съ фланговъ, считается въ военномъ дѣлѣ невозможнымъ», говоритъ Дэйвисъ. Но американцамъ не было другого выхода: полковникъ Розевелтъ (нынѣшній вице-президентъ республики) бросился впередъ, за нимъ послѣдовало 7000 человѣкъ, и послѣ упорной и кровопролитной борьбы американцы взяли приступомъ тѣ самыя укрѣпленія, которыя они позволили выстроить на своихъ глазахъ.

Я остановился нѣсколько подробнѣе на этомъ сраженіи потому, что это было единственное крупное дѣло на сушѣ, рѣшившее борьбу. Единственная побѣда явилась плодомъ не военнаго искусства, а безвыходнаго отчаянія, вызваннаго неспособностью главнокомандующаго.

Сдача Сантъ-Яго была результатомъ того, что на американскомъ языкѣ называется «bluff»—хлестаковщиной. Продержись испанскій генералъ Тораль еще двѣ-три недѣли и, какъ показали дальнѣйшія событія, американская армія была бы уничтожена преступною небрежностью американскаго же военнаго начальства.

IV.

Полное пренебреженіе американцевъ къ человѣческой жизни, выражающееся въ десяткахъ тысячъ несчастныхъ случаевъ, происходящихъ здѣсь ежедневно, на каждомъ шагу, не могло не сказаться

Digitized by Google

на организаціи врачебной помощи на Кубѣ. Со временъ нашествія Тамерлана едва ли какая-нибудь армія въ новое время страдала такимъ полнымъ отсутствіемъ врачебной помощи, какъ экспедиція Шафтера на Кубѣ. Если принять въ соображеніе, что всего подъ командою Шафтера было около 13.000 солдатъ,—отрядъ, совершенно ничтожный по сравненію съ современными арміями, то небрежность въ обращеніи съ больными и ранеными представляется просто невѣроятною. По разсчету д-ра Поля Ричарда Брауна, продѣлавшаго съ полкомъ кампанію 1861—1865 гг., на дивизію въ 12.000 человѣкъ требуется, кромѣ дивизіоннаго врача, 60 врачей и 445 фельдшеровъ, носильщиковъ, сестеръ милосердія и прочаго врачебнаго персонала. Медицинскій обозъ долженъ состоять изъ 40 фуръ для раненыхъ, 16 госпитальныхъ фургоновъ, 8 телѣгъ для припасовъ и 12 вьючныхъ муловъ («Medical Record», july 2, 1898). Посмотримъ теперь, какъ обстояла медицинская часть на самомъ дѣлѣ. Весь медицинскій персоналъ единственнаго военно-полевого госпиталя близъ Сантъ-Яго состоялъ изъ пяти врачей, которымъ на слѣдующій день послѣ битвы послано было подкрѣпленіе въ числѣ пяти другихъ врачей. Вся госпитальная прислуга не превышала 20 человѣкъ.

Согласно отчету завѣдывавшаго резервной больничной командой д-ра Эдварда Монсона, отъ 29 іюля 1898 г., при нагрузкѣ въ Тампѣ лѣкарства, инструменты и прочія госпитальныя принадлежности разсѣяны были по всѣмъ пароходамъ, такъ что для выгрузки приходилось посылать гребныя лодки въ объѣздъ отъ одного парохода на другой, на протяженіи нѣсколькихъ миль. Два дня онъ совсѣмъ не могъ добиться лодки для перевозки лѣкарствъ и инструментовъ. На третій день ему дали было лодку, но сейчасъ же взяли обратно, такъ какъ генералу Шафтеру она понадобилась для чего-то другого. Д-ръ Монсонъ неоднократно требовалъ легкой паровой лодки, но всегда безуспѣшно. Дни проходили за днями, а медицинскія пособія, лѣкарства и проч. оставались невыгруженными на судахъ, готовившихся къ обратному отплытію въ Соединенные Штаты. Такъ тянулось дѣло цѣлыхъ двѣ недѣли, пока, наконецъ, помощникъ генералъ-хирурга полковникъ Гринлифъ не захватилъ безъ разрѣшенія нѣсколько понтоновъ, съ помощью которыхъ все было выгружено въ 36 часовъ. Но тутъ оказалось новое горе: отсутствіе подводъ для доставки припасовъ на мѣсто. Благодаря этому обстановка госпиталя была крайне нищенская. Палатки имѣлись лишь на сотню раненыхъ. Гамаковъ, матрацовъ, кроватей, подушекъ, непромокаемыхъ клеенокъ совершенно не было; даже обыкновенныхъ солдатскихъ одѣялъ не хватило въ самомъ началѣ, а рубашекъ было всего не болѣе двухъ-трехъ дюжинъ. Прибавьте къ этому полное отсутствіе больничной пищи, за исключеніемъ нѣсколькихъ банокъ мясного экстракта и сгущенаго молока, привезенныхъ докторомъ Вудомъ въ своемъ багажѣ и сохранявшихся для особенно тяжкихъ случаевъ.

Можно себѣ представить весь ужасъ положенія послѣ первой битвы.

Сраженіе подъ Сантъ-Яго началось утромъ 1-го іюля. Раненые стали прибывать съ 9 часовъ утра; число ихъ быстро возрастало.

Digitized by Google

Пятеро врачей работало, не покладая рукъ, слишкомъ двадцать часовъ, но такого ничтожнаго медицинскаго персонала далеко не хватало для борьбы съ этой волной человѣческой крови. Сотни раненыхъ цѣлый день лежали подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ и ночью на пропитанной росою травѣ, дожидаясь своей очереди. Некому было даже подать имъ напиться. Ночью съ передовой линіи вернулось еще пять врачей, и всю ночь, при лунномъ свѣтѣ и тускломъ мерцаніи свѣчъ, шла работа на операціонныхъ столахъ.

Послѣ операцій раненыхъ приходилось полунагими класть на мокрую землю, безъ подстилки, безъ подушекъ, безъ одѣялъ.—

Къ утру стали прибывать новыя партіи раненыхъ. Пролежавшіе всю ночь въ мучительной агоніи, тяжело раненые оставлены были на попеченіи кашеваровъ и легко раненыхъ товарищей, которые, ковыляя кое-какъ, разносили сухой хлѣбъ и воду. Это продолжалось не день и не два. По показаніямъ одного добровольца предъ слѣдственной комиссіей, онъ двѣнадцать ночей пролежалъ больной на открытомъ воздухѣ за отсутствіемъ палатокъ.

Глядя на это море человѣческаго страданія, одинъ врачъ замѣтилъ Кеннану: «когда я смотрю на этихъ молодцовъ и вижу, что имъ приходится выносить, я горжусь тѣмъ, что я американецъ, этотъ народъ—наша слава!» Какая безсознательно-жестокая иронія, когда подумаешь, сколько тутъ было совсѣмъ ненужныхъ страданій, которыя такъ легко было бы предупредить!

Согласно донесенію завѣдывавшаго госпитальной службой 1-й дивизіи 5-го армейскаго корпуса начальнику военно-медицинскаго департамента, отъ 28 іюля 1898 г., общее число фургоновъ для раненыхъ ограничивалось *тремя* на всю армію Шафтера. Главный квартирмейстеръ при 5-мъ армейскомъ корпусѣ полковникъ Джейкобзъ показалъ въ слѣдственной комиссіи, что онъ имѣлъ строгій приказъ отъ генерала Шафтера ничего не перевозить изъ Дайкири въ лагерь, кромѣ провіанта и фуража. Больничныхъ фургоновъ не приказано было брать.

Общество Краснаго Креста снарядило на свой счетъ шесть больничныхъ каретъ, спеціально приспособленныхъ для перевозки больныхъ, но при обычной канцелярщинѣ и при крайней неохотѣ, съ какою правительство принимало услуги общества, прошло полтора мѣсяца, пока разрѣшено было взять эти повозки на бортъ транспортнаго судна «Port Victor», отправлявшагося въ Сантъ-Яго. Тамъ же, на пароходѣ, онѣ и остались до конца кампаніи. А между тѣмъ, по свидѣтельству Розевелта, раненыхъ въ проливной дождь перевозили въ открытыхъ тряскихъ телѣгахъ.

Младшій врачъ Розевелтовскаго наѣздническаго полка, въ письмѣ въ редакцію «Philadelphia Medical journal» отъ 12 іюля 1898 г., передаетъ, что ему стоило «отчаянныхъ усилій» раздобыться нѣсколькими койками для больныхъ, а въ то же время сотни коекъ лежали на одномъ изъ транспортныхъ судовъ у Сибонея, но переправить ихъ не было возможности. Въ лѣкарствахъ все время чувствовался крайній недостатокъ.

Д-ръ Джеймзъ Кеннеди, младшій врачъ госпиталя 2-й дивизіи, писалъ изъ лагеря подъ Сантъ-Яго: «Люди буквально умирали отъ

Digitized by Google

отсутствія лѣкарствъ для борьбы съ поносомъ и диссентеріей; втеченіе цѣлыхъ 4-хъ дней по моемъ прибытіи во всемъ госпиталѣ не было ни одного лѣкарства противъ этихъ болѣзней». 3-го августа Шафтеръ телеграфировалъ военному министерству, что въ виду полнаго отсутствія лѣкарствъ военные врачи предлагаютъ ему ни больше, ни меньше, какъ конфисковать лѣкарства изъ испанскаго госпиталя! Это было, замѣтьте, уже три недѣли спустя по сдачѣ Сантъ-Яго и прекращеніи военныхъ дѣйствій!

Чего не въ состояніи были сдѣлать испанскія пули, то довершили болѣзни, которыя стали съ ужасающею быстротою распространяться среди заморенныхъ голодомъ солдатъ.

За все время кампаніи солдаты никогда не наѣдались досыта, не говоря уже о недоброкачественности провіанта. Пищу приходилось варить въ кофейникахъ или въ старыхъ жестянкахъ изъ-подъ соленыхъ баклажановъ, потому что котлы остались на транспортныхъ судахъ. Воду приходилось носить за три версты въ походныхъ кружкахъ; въ тѣхъ же кружкахъ ее и варили—ничего покрупнѣе не было подъ руками.

Одинъ изъ полковыхъ командировъ, допрошенный въ слѣдственной коммиссіи, показалъ, что втеченіе первыхъ трехъ дней подъ Сантъ-Яго весь его полкъ буквально голодалъ, пока, наконецъ, тридцать человѣкъ не вызвалось отправиться пѣшкомъ въ Сибоней и принести припасы на спинѣ. А въ это время въ Дайкири стояло до тысячи муловъ въ стойлахъ и около 200 пустыхъ повозокъ. До взятія Сантъ-Яго регулярныя войска попрежнему потѣли въ тяжелыхъ мундирахъ, въ которыхъ они пришли съ канадской границы.

Даже офицеры не мѣняли бѣлья по цѣлымъ недѣлямъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ сдачи Сантъ-Яго солдаты 9-го Массачусетскаго полка все еще спали на голой землѣ, жарили свою солонину на палкахъ и варили кофе въ старыхъ жестянкахъ; а въ это время сотни палатокъ были свалены кучами на берегу противъ временнаго цейхгауза, а на пристаняхъ и въ цейхгаузѣ лежали сотни тоннъ всякихъ припасовъ.

Такая безтолковщина неминуемо должна была отразиться роковымъ образомъ на здоровьѣ арміи. Когда 25-го іюня армія Шафтера высадилась на Кубѣ, состояніе здоровья солдатъ было вполнѣ удовлетворительно. Къ началу августа около 30% его арміи были больны, а съ выздоравливающими число негодныхъ къ строю доходило до половины всего числа. Истощенная лишеніями среда представляла богатую жатву для свирѣпствующей на Кубѣ желтой лихорадки.

Незадолго до отправки экспедиціи на Кубу военные и медицинскіе журналы указывали на дурныя санитарныя условія о. Кубы и на опасность отъ питья зараженной воды и совѣтовали запастись чанами для кипяченія воды «Стерилизованная вода дешевле госпиталей и армін сидѣлокъ — писалъ «Army and Navy Journal» 4-го іюня 1898 г.,—не говоря уже о подрывѣ боевой силы арміи вслѣдствіе болѣзней». Военно-медицинское начальство опубликовало нѣсколько циркуляровъ и инструкцій, въ которыхъ солдатъ предостерегали не пить некипяченой воды и не спать на землѣ въ сырой

Digitized by Google

одеждѣ! Злой насмѣшкой звучали эти мудрые совѣты. Циркуляры остались на бумагѣ, а армія Шафтера переправилась налегкѣ, словно на пикникъ, захвативши съ собой одни кофейники.

Начало распространенія лихорадки относится ко времени высадки арміи въ Сибонеѣ. Это была покинутая деревушка, построенная въ лощинѣ и окруженная застоявшимися прудами, распространяющими гнилой запахъ. Дома были запущены и грязны. Врачи совѣтовали сжечь ихъ для предупрежденія заразы или же, на худой конецъ, предварительно окурить ихъ и вычистить. Но офицеры, по приказанію ген. Шафтера, распорядились занять ихъ безъ всякой дезинфекціи, — даже половъ не позаботились вымыть. Почва подъ поломъ была пропитана нечистотами, стекавшими изъ размытыхъ дождемъ ретирадныхъ мѣстъ.

Два дома отведено было подъ госпитали, — одинъ кубанскій и другой американскій. Въ послѣдній послѣ первой стычки доставлено было 70 раненыхъ, которыхъ свалили прямо на грязный полъ. Прибывшій въ Сибоней санитарный отрядъ Краснаго Креста предложилъ свои услуги американскому госпиталю, но представителямъ его отвѣтили, что въ ихъ услугахъ не представляется надобности. Врачъ и фельдшерицы приняли въ свое завѣдываніе кубанскій госпиталь. Когда извѣстіе объ этомъ проникло въ газеты, начальство сообразило, что сдѣлало глупость, и великодушно изъявило согласіе воспользоваться медицинскимъ персоналомъ Краснаго Креста. Но объ очисткѣ деревни никто и не думалъ. Въ прудѣ за околицей лежалъ дохлый мулъ и отравлялъ воздухъ кругомъ, но американское начальство этимъ нисколько не смущалось. Дней черезъ 10 обнаружилось нѣсколько случаевъ желтой лихорадки, которая затѣмъ стала распространяться съ ужасающей быстротой.

На донесенія о тревожномъ состояніи здоровья арміи военный министръ невозмутимо отвѣчалъ въ оффиціальной депешѣ главнокомандующему, что «солдатъ нужно будетъ размѣстить по лагерямъ, гдѣ они должны будутъ оставаться, пока лихорадка не завершитъ своего теченія».

Не встрѣчая никакого противодѣйствія, болѣзнь грозила уничтожить добрую половину арміи. По свидѣтельству врачей, въ началѣ августа 5.000 человѣкъ лежало въ лихорадкѣ. Доведенные до отчаянія, всѣ офицеры, вопреки дисциплинѣ, подали коллективное прошеніе, въ которомъ они въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ заявляли, что если не вернуть арміи немедленно на материкъ, ей грозитъ неминуемая гибель. Полковникъ Розевелтъ (нынѣшній вице-президентъ республики), въ письмѣ къ генералу Шафтеру, приложенномъ къ прошенію, заявлялъ, что едва ли десять процентовъ всей арміи годны въ дѣло; въ одной дивизіи было около 1.500 больныхъ лихорадкой; если оставить армію на Кубѣ, то, по разсчету врачей, половина погибнетъ отъ желтой лихорадки.

Коллективный протестъ офицеровъ, наконецъ, переполошилъ и Шафтера. Въ телеграммѣ президенту Макъ-Кинли, посланной 8-го августа 1898 г., онъ заявлялъ, что три четверти его корпуса страдаетъ маляріей, и откровенно сознавался, что армію его уничтожили дурная пища, недостатокъ бѣлья и палатокъ.

Digitized by Google

Тревожныя донесенія Шафтера вынудили Макъ-Кинли и Алджера измѣнить первоначальный планъ и издать приказъ о возвращеніи арміи генерала Шафтера въ Соединенные Штаты.

Этимъ заканчивается военная эпопея американцевъ на Кубѣ. Подводя итоги экспедиціи, въ августѣ 1898 года, чикагскій врачъ Николай Сеннъ, временно завѣдывавшій хирургическою частью 5-го армейскаго корпуса, писалъ въ «Journal of the American Medical Association»: «Виною тяжкихъ злоупотребленій этой кампаніи были заносчивость и глупость генерала, командовавшаго наступательной арміей». (См. его же статью въ «Medical News» отъ 21 августа 1898 г.).

А помощникъ генеральнаго врача полковникъ Гринлифъ, свидѣтельствуя передъ слѣдственной комиссіей, высказался безъ обиняковъ, что снаряженіе экспедиціи на Кубу,—гдѣ, какъ общеизвѣстно, свирѣпствуетъ малярія,—безъ достаточнаго штата врачей (по 1 врачу на полкъ, а часто и совсѣмъ безъ врача) и безъ достаточнаго запаса лѣкарствъ—было преступнымъ легкомысліемъ.

V.

Полное отсутствіе госпиталей и медицинской помощи на Кубѣ вынудило приступить къ отправкѣ больныхъ въ Соединенные Штаты еще за нѣсколько недѣль до изданія приказа о возвращеніи всей арміи. Первымъ отправленъ былъ транспортъ больныхъ на пароходѣ «Seneca», безъ всякаго продовольствія, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ харчей, безъ всякаго бѣлья, безъ медикаментовъ, безъ льда и безъ медицинской помощи. Едва успѣло улечься негодованіе, вызванное прибытіемъ «Сенеки», какъ въ нью-іоркскій портъ прибылъ пароходъ «Concho» съ партіей въ 190 человѣкъ больныхъ и раненыхъ, на которыхъ имѣлось только 58 коекъ.

Большинству приходилось спать на жесткихъ нарахъ, отчего у больныхъ сдѣлались ссадины на тѣлѣ. Не говоря уже объ отсутствіи лѣкарствъ, больничной пищи и льда, пароходъ провелъ восемь дней въ пути въ іюльскую жару безъ простой воды для питья. Водою пароходъ запасся еще въ Тампѣ до отправки на Кубу около 1-го іюля и этой воды не перемѣняли до выхода изъ Сантъ-Яго 23 іюля. Понятно, вода застоялась и была совершенно негодна. Это уже была даже и не жадность, а простое пренебреженіе къ человѣческой жизни.

Съ началомъ передвиженія войскъ эти ужасы сдѣлались хроническими. Майоръ Луинсъ Ливингстонъ Симанъ, врачъ 1-го добровольнаго сапернаго полка, разсказывалъ по возвращеніи въ Нью-Іоркъ, что съ нимъ на пароходѣ «Obdam» было 100 тифозныхъ больныхъ, но интендантство снабдило его только маринованными баклажанами, соленой говядиной и свининой, бобами и кофе. «Если бъ я сталъ кормить паціентовъ этой пищей, говорилъ онъ репортеру—у меня было бы 100% смертности. Но мнѣ удалось добыть припасы отъ Краснаго Креста». Отвѣтственность за такіе порядки онъ возлагалъ на папенькиныхъ сынковъ,—сыновей генераловъ, финансовыхъ тузовъ и политикановъ, которые хозяйничали въ интендантствѣ:

Digitized by Google

припасовъ заготовлено было вдоволь, но ихъ никогда не оказывалось тамъ, гдѣ въ нихъ была нужда. Въ отвѣтъ на его жалобы на переполненіе судна больными генералъ Лотонъ замѣтилъ ему, что его протестъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ военной дисциплины.

Пароходъ «Allegheny», прибывшій въ Нью-Іоркъ въ концѣ сентября, былъ построенъ для перевозки скота. Санитарный врачъ объявилъ, что это настоящее гнѣздо заразы. Тѣмъ не менѣе на немъ перевезли восемь ротъ.

Не говоря уже о недостаткѣ врачей и сидѣлокъ, не хватало просто пищи и питья. Взятыхъ въ дорогу припасовъ для больныхъ— бульона, чаю, сгущеннаго молока, водки и т. п.—достало только дня на два: число больныхъ съ 12 при выходѣ изъ гавани возросло ко времени прихода въ Нью-Іоркъ до 177. Корреспондентъ, сопровождавшій 8-й Охайскій полкъ на пароходѣ «Mohawk» изъ Сантъ-Яго, передавалъ, что солдатъ кормили гнилыми сухарями, въ которыхъ успѣли завестись черви. Соли не полагалось, и солдатскія щи представляли невозможно безвкусную бурду. Изъ числа 1200 пассажировъ было свыше 300 больныхъ. Но и ихъ содержали не лучше.

Дѣло, наконецъ дошло до «бунта»: обезсиленные солдаты выползли на палубу и собрались передъ каютой полковника.—«Кто моритъ голодомъ восьмой полкъ?» гаркнулъ запѣвало —«Полковникъ Хартъ и квартирмейстеръ», дружно отозвались солдаты. Взбѣшенный полковникъ пригрозилъ, что заморитъ ихъ голодомъ, и сдержалъ слово. Два солдата умерли голодной смертью на морѣ, во время переѣзда. А въ это время офицеры полка пользовались комфортабельнымъ столомъ, регулярно по три раза въ день.

На транспортномъ суднѣ «San Marcos» на нарахъ было такъ тѣсно, что солдатамъ приходилось лежать, прижавшись вплотную другъ къ другу «словно ложки», какъ разсказывалъ одинъ изъ солдатъ. Повернуться можно было только всѣмъ сразу, по сигналу. Отъ грязи и дурного воздуха въ каютахъ тошно дѣлалось. На палубѣ было такъ скользко отъ липкой грязи, что стоять трудно было. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ состояли изъ двухъ тухлыхъ сухарей и одного бисквита, небольшого ломтя жирной солонины и кружки чернаго кофе, вкусомъ напоминавшаго помои.

Это не исключенія, такъ велось дѣло отъ начала до самаго конца, несмотря на негодующіе протесты прессы и общественнаго мнѣнія. На пароходѣ «Port Victor», вышедшемъ изъ Сантъ-Яго 2-го ноября, дѣло обстояло ничуть не лучше нежели на «Сенекѣ», отчалившемъ сейчасъ же послѣ сдачи Сантъ-Яго. Вотъ какъ резюмировала эту главу въ исторіи войны газета «Medical News»:

«Пароходы прибывали нагруженные отчаянно больными солдатами, сваленными, какъ багажъ, въ душный трюмъ съ солдатскими пайками вмѣсто больничной пищи, съ заплѣснeвѣлой водой, безъ лѣкарствъ, безъ врачебной помощи, а офицеры, къ неизгладимому позору ихъ будь сказано, возвращались здоровые, выхоленные, въ сопровожденіи прислуги, снабженной самой лучшей пищей, въ томъ числѣ свѣжей говядиной и овощами».

Digitized by Google

VI.

Изъ всей арміи лишь около 60.000 человѣкъ было употреблено въ дѣло, остальные, около 200.000 человѣкъ, никогда не видали непріятеля и не покидали родной страны. Но страданія этихъ людей чуть ли не превосходили все то, что пришлось вынести наступательной арміи въ непріятельской территоріи. Главный военный лагерь былъ расположенъ въ Чикамогѣ, въ штатѣ Теннесси. Выборъ мѣста произведенъ былъ вопреки совѣтамъ свѣдущихъ людей, которые указывали на то, что, благодаря каменистой почвѣ, при отсутствіи канализаціи неизбѣжно должно послѣдовать зараженіе воды. По свидѣтельству генерала Сэнгера, вода въ мѣстной рѣчкѣ, по предварительномъ изслѣдованіи, признана была даже негодной къ употребленію, но это не помѣшало устроить тамъ лагерь. Еще до прибытія войскъ на мѣсто, генералъ Бойнтонъ докладывалъ военному министерству о необходимости проведенія чистой воды въ лагерь изъ двухъ рѣчекъ, протекающихъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. По разсчету генерала, это заняло бы отъ 4 до 5 дней и обошлось бы въ 25.000 долл.,—совершенная бездѣлица по сравненію со стоимостью войны. Но объ этомъ никто не позаботился; мало того, никто не подумалъ даже о снабженіи лагеря водовозными бочками. Ближайшій источникъ былъ на разстояніи четырехъ верстъ; втеченіе недѣли солдаты по очереди таскали воду *въ кувшинахъ*, наконецъ, они не выдержали и стали брать воду изъ протекающей по близости рѣченки, въ которой они сами же купались. Вода эта была до такой степени насыщена органическими веществами, что при фильтровкѣ ея фильтры засорялись. Врачи указывали на опасность зараженія водою, но военное начальство рѣшительно ничего не предприняло для устраненія этихъ условій. Не было ни котловъ для кипяченія воды, ни кадокъ для сохраненія кипяченой воды. Въ отвѣтъ на неоднократныя требованія генерала Вайли и, наконецъ, на телеграмму послѣдовалъ отъ генералъ-квартирмейстера лаконическій отвѣтъ: «военное министерство котловъ для кипяченія воды не отпускаетъ».

Каменистая почва не позволяла рыть глубокія сточныя ямы, а глинистый верхній слой не пропускалъ воды; вслѣдствіе этого нечистоты заражали почву. Сточными ямами пользовались до тѣхъ поръ, пока онѣ переполнялись. Тогда ихъ засыпали землей. Но южные дожди размывали почву; лужи пропитывались нечистотами, которыя затѣмъ стекали въ рѣчку; въ этой рѣчкѣ солдаты купались и изъ нея же брали воду для питья.

По оффиціальному отчету генераловъ Ли, Сэнгера и Мэттокса, ревизовавшихъ состояніе лагерей, ретирадныя мѣста устраивались по сосѣдству съ кухнями; сточныя ямы, переполненныя изверженіями больныхъ, не были даже прикрыты, по недостатку лѣса. Кишѣвшія надъ ними миріады мухъ разносили затѣмъ заразу по всему лагерю. Генералъ Бойнтонъ требовалъ всего 1500 долларовъ на ассенизацію, но денегъ не было отпущено. Самыхъ обыкновенныхъ дезинфекціонныхъ средствъ не было. Санитарною и медицинскою частью въ лагерѣ завѣдывалъ ветеринарный врачъ Хайдскоперъ.

Digitized by Google

который хотя и обзавелся дипломомъ «доктора медицины» въ какой-то захолустной «медицинской» (вѣрнѣе, фельдшерской) школѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, но занимался исключительно ветеринарной практикой. Дезинфецирующихъ средствъ онъ не признавалъ— это заявилъ ему въ лицо въ присутствіи военнаго министра генералъ Сэнгеръ; онъ отказывалъ врачамъ даже въ известкѣ.

Во время междоусобной войны опытъ научилъ армію никогда не стоять на одномъ мѣстѣ лагеремъ долѣе 10—12 дней. Въ Чикамогѣ люди застоялись одиннадцать недѣль и заразили почву. Послѣдствія не замедлили сказаться. Уже въ самомъ началѣ вода стала издавать такой отвратительный запахъ, что врачи предположили въ ней присутствіе тифозныхъ бациллъ и отправили ее для анализа въ Вашингтонъ. Прошла недѣля, но отчета о результатахъ не получалось. Впослѣдствіи, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, что анализъ былъ произведенъ, но отчета о результатахъ его никогда не было представлено. Въ отчетѣ, впрочемъ, уже не представлялось надобности: тифозная эпидемія была на-лицо.

Къ 15 августа, по далеко неполнымъ свѣдѣніямъ генералъ-хирурга (начальника военно-медицинскаго департамента) Штернберга, переболѣло всякими болѣзнями 40.520 человѣкъ.

По отчету д-ра Стаппа, отряженнаго газетою «World» для изслѣдованія Чикамогскаго лагеря, въ концѣ августа тамъ находилось около 25% больныхъ, большею частью страдавшихъ лихорадкой, тифозной горячкой, диссентеріей, воспаленіями легкихъ и бронхитомъ.

Военно-медицинское начальство было застигнуто врасплохъ. Во врачахъ чувствовался крайній недостатокъ. Начальникъ военно-медицинскаго департамента самъ сознавался, что выборъ врачей «не всегда былъ удаченъ». При назначеніи врачей въ ходу была та же система кумовства, что и во всѣхъ другихъ отрасляхъ; въ число врачей попало девять студентовъ, несмотря на то, что сотнямъ врачей, предлагавшихъ свои услуги, было отказано. Добровольцы жаловались, что на пріемѣ врачи пуще всего пеклись о томъ, чтобы поменьше народу было въ госпиталяхъ, и нерѣдко отказывали въ пріемѣ тяжело-больнымъ, подъ предлогомъ, что они симулируютъ; было немало случаевъ, что такіе симулирующіе умирали въ лагерѣ безъ медицинской помощи.

Съ другой стороны врачи жаловались на переутомленіе работой и недостатокъ пригодныхъ помощниковъ. Низшій медицинскій персоналъ былъ крайне неудовлетворителенъ; предписанія врачей объ уходѣ за больными не соблюдались, рецепты не приготовлялись. Но и въ какихъ бы то ни было фельдшерахъ чувствовался крайній недостатокъ. Генералъ Сэнгеръ представлялъ объ этомъ министерству, но безуспѣшно. Волей-неволей приходилось наряжать въ госпитальную службу солдатъ, которыхъ гнали туда насильно. По свидѣтельству врачей, на эту службу обыкновенно наряжали самыхъ негодныхъ солдатъ: такъ въ числѣ ихъ оказался даже одинъ эпилептикъ. Эти служители выпивали водку, предназначаемую для больныхъ, отлучались съ постовъ или ложились спать вмѣсто того, чтобы ходить за больными. Уличенныхъ сажали на гауптвахту, но отъ этого мало было проку.

Digitized by Google

На 500 больныхъ приходилось не болѣе дюжины прислужниковъ; больные по цѣлымъ днямъ лежали безъ всякой врачебной помощи. по недѣлямъ не мѣняли бѣлья. Одинъ солдатъ, уволенный въ отставку по болѣзни. передавалъ репортеру, что онъ 4 дня пролежалъ въ лагерѣ больной, безъ пищи и безъ медицинскаго пособія. Въ то же время военно-медицинское вѣдомство ревниво оберегало свои госпитали отъ посторонняго вторженія. Предложеніе Краснаго Креста снарядить фельдшерицъ въ полевые госпитали было отвергнуто. Начальникъ военно-медицинскаго департамента докторъ Штернбергъ находилъ, что женщинамъ не мѣсто въ военномъ лагерѣ.

Въ лѣкарствахъ ощущался крайній недостатокъ; не хватало даже хинина. Лѣкарства доставались съ величайшими трудностями. Канцелярщина была убійственная. Всякое требованіе лѣкарствъ поступало сперва къ дивизіонному врачу, отъ него къ корпусному врачу. отъ него къ главному врачу и т. д. Вся эта процедура отнимала не менѣе недѣли. Требовать лѣкарство по телеграфу не дозволялось. Нерѣдко врачамъ приходилось пріобрѣтать необходимѣйшія медицинскія пособія изъ собственныхъ средствъ во избѣжаніе замедленій. Одинъ врачъ жаловался. что онъ не могъ иногда достать даже установленныхъ бланковъ для выписки лѣкарства.

Добиться, чего нужно. изъ квартирмейстерскаго департамента можно было только нахрапомъ.—«съ шестиствольнымъ револьверомъ въ рукахъ», какъ показывалъ завѣдывавшій полевымъ госпиталемъ въ Чикамогѣ д-ръ Вордъ передъ слѣдственной комиссіей.

Вышеупомянутый ветеринаръ, занимавшій постъ главнаго врача 1-го армейскаго корпуса. развязно показывалъ передъ слѣдственной комиссіей, что съ доставкой медикаментовъ и госпитальныхъ принадлежностей дѣло происходило такъ: кто раньше явится и перехватитъ транспортъ. тому и достается, что нужно. а другіе остаются ни при чемъ. О себѣ онъ признавался, что онъ имѣлъ руку въ канцеляріи квартирмейстера. такъ что его регулярно извѣщали напередъ о прибытіи транспортовъ. и онъ самъ такимъ образомъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

Аптечная часть была въ страшномъ запущеніи. Майоръ Смитъ, ординаторъ 2-го дивизіоннаго госпиталя 3-го армейскаго корпуса, показалъ на слѣдствіи. что онъ нашелъ аптеку въ ужасномъ состояніи: не было ни ступки, ни песта, ни лопатки. ни коробокъ, ни бутылочекъ! Фармацевты всыпали порошки въ лоскутки старой оберточной бумаги.

Не лучше была обстановка госпиталей. По словамъ генералъ-инспектора Брекинриджа, недостатокъ ощущался во всемъ, даже въ палаткахъ, несмотря на то, что въ складѣ у квартирмейстера ихъ было довольно. Въ палаткѣ на четырехъ человѣкъ помѣщалось отъ 6 до 8 больныхъ; они были такъ скучены. что проходу не было между койками. Палатки были безъ половъ; не всегда даже были матрацы для больныхъ. Зловоніе въ госпиталяхъ было ужасающее. Одинъ офицеръ показывалъ въ комиссіи. что въ его дивизіонномъ госпиталѣ посуды послѣ обѣда никогда не убирали. Больные вытирали судки. какъ умѣли. и ставили ихъ подъ кровать до слѣдующаго дня.

Digitized by Google

Унитаріанскій священникъ Мэріонъ-Хэмъ, посѣтившій лагерь въ сентябрѣ, нашелъ тамъ лихорадочныхъ больныхъ, лица которыхъ были буквально облѣплены мухами, словно черными масками. А между тѣмъ правительствомъ запасено было 3500 сѣтокъ для защиты больныхъ отъ мухъ; но въ палаткѣ, гдѣ помѣщалось 40 больныхъ, только двое снабжены были сѣтками.

Даже чистой воды нельзя было достать для госпиталей. По показанію одного бригаднаго врача, «вода, доставляемая въ госпиталь, была до такой степени переполнена осадками, что это была просто грязь, а не вода».

Для предупрежденія тифозной заразы слѣдовало устроить особые лазареты для тифозныхъ больныхъ, но объ этомъ никто не позаботился. Тифозные больные лежали вмѣстѣ съ другими паціентами и плевали прямо на полъ. Бѣлье тифозныхъ больныхъ стирали вмѣстѣ съ прочимъ бѣльемъ. Одѣяла паціентовъ, умершихъ отъ тифа, давали другимъ больнымъ, даже не позаботившись выварить эти одѣяла. Термометровъ не хватало, такъ что температуры тифозныхъ больныхъ не измѣряли по пяти дней, пока, наконецъ, врачи не рѣшились измѣрять одними и тѣми же термометрами температуру всѣхъ больныхъ безъ разбора.

Въ нью-іоркской «Evening Post» 10 іюня 1898 г. сообщалось, что въ одномъ изъ госпиталей на палату въ 24 кровати была только одна жестяная чашка, изъ которой паціентамъ, безъ разбора болѣзни, давали воду, молоко и лѣкарства; на всю палату было только пять тарелокъ и пять мисокъ, изъ которыхъ кормили всѣхъ больныхъ, какъ попало.

Понятно, всѣ распоряженія врачей объ улучшеніи санитарнаго состоянія лагерей оставались «бумажными манифестами», какъ выразился одинъ бригадный врачъ.

Не только рядовымъ солдатамъ, но и врачамъ прямо запрещено было «обременять» военнаго министра жалобами. Полковому врачу Мартину, какъ было впослѣдствіи оффиціально установлено, главный врачъ пригрозилъ военнымъ судомъ за заявленіе, что въ лагерѣ свирѣпствуетъ тифозная горячка.

Священникъ 3-го Иллинойскаго полка О'Делъ былъ устраненъ отъ должности за то, что онъ показалъ начальству образчикъ мяса, которымъ кормили солдатъ. Такимъ образомъ военный министръ имѣлъ возможность публично заявить, что всѣ газетныя сообщенія— сенсаціонныя выдумки, потому-де что къ нему не поступало никакихъ жалобъ! При посѣщеніи имъ лагерей въ августѣ у генераловъ хватило, впрочемъ, мужества сказать ему правду прямо въ лицо.

Негодующіе протесты противъ всѣхъ этихъ распорядковъ, посыпавшіеся дождемъ во всѣ газеты, вынудили начальника военно-медицинскаго департамента нарядить комиссію, подъ предсѣдательствомъ бригаднаго врача д-ра Ворда, для разслѣдованія состоянія медицинской части въ лагеряхъ. Въ отчетѣ комиссіи мы читаемъ слѣдующее: «Немало ненужныхъ страданій и значительную долю смертности нужно отнести на счетъ недостаточнаго ухода за больными... Нельзя ожидать, чтобы люди, набранные безъ разбора изъ строя, безъ всякой подготовки и противъ воли, оказались годными

Digitized by Google

для ухода за безпомощными больными». «Дальнѣйшимъ источникомъ небрежности въ обращеніи съ больными являлся недостатокъ всего необходимаго въ госпиталѣ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ медицинскомъ персоналѣ царила деморализація, которая имѣла послѣдствіемъ индифферентность, ведущую къ нерадѣнію. Завѣдующіе госпиталемъ неуклонно обращались, куда слѣдуетъ, за необходимыми припасами и проч., но ничего не могли добиться. Прямою обязанностью лицъ выше стоящихъ, положеніе которыхъ давало имъ возможность настаивать, было принять мѣры къ доставленію больнымъ необходимаго комфорта, согласовалось ли это со строгими требованіями военной рутины, или нѣтъ. Но изъ показаній свидѣтелей очевидно, что они объ этомъ не позаботились» [1]).

Тотъ же д-ръ Вордъ, въ публичной рѣчи, произнесенной имъ передъ церковной конгрегаціей въ Кэнсасѣ, указалъ въ числѣ причинъ сильнаго распространенія болѣзней на дурное питаніе здоровыхъ солдатъ. Пища была такая, что, по его выраженію, онъ «не далъ бы ея своей любимой собакѣ. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ состояли изъ трехъ сухарей, куска свиного сала и чашки кофе. Въ воскресенье полагалась картошка и четверть ковриги хлѣба. Сало нерѣдко кишѣло червями, а кофе глядѣло, какъ помои. А между тѣмъ, по контракту съ казной, подрядчики обязаны были поставлять по 1 фунту мяса въ день на человѣка. Понятно, подрядчики клали деньги въ карманъ, но, разумѣется, это дѣлалось не безъ вѣдома интендантскихъ чиновниковъ».

Самое печальное въ этомъ безчеловѣчномъ хаосѣ было порождаемое имъ всеобщее озвѣрѣніе и безъ того не особенно чувствительныхъ къ людскому страданію американцевъ. Всѣ жаловались другъ на друга: солдаты на безчувственность офицеровъ, фельдшерицы на дурное обращеніе госпитальнаго начальства, паціенты на врачей, врачи на оскорбительное обращеніе полкового начальства. Приведу два примѣра—не изъ особенно яркихъ—для иллюстраціи. Однажды послѣ дождя вода сдѣлалась такою, что изъ нея невозможно было сварить кофе. Поваръ доложилъ объ этомъ капитану, у котораго стояла бочка свѣжей ключевой воды.—«А мнѣ наплевать! По мнѣ, пускай они и совсѣмъ кофе не пьютъ!» отвѣтилъ офицеръ.

Врачъ 4-го Висконсинскаго полка майоръ Чарлзъ Кингъ развязно показывалъ передъ слѣдственной коммиссіей, что, когда солдаты стали жаловаться на пищу, онъ приказалъ имъ «убираться къ чорту и жрать, что даютъ».

VII.

Какъ мало значенія придавало правительство газетнымъ обличеніямъ и выраженіямъ общественнаго протеста, видно изъ того, что въ Монтокскомъ лагерѣ (близъ Нью-Іорка), куда около того же времени были свалены живыя мощи, оставшіяся отъ арміи Шафтера, тѣ же самыя злоупотребленія повторились со стереотипною точностью. Комитетъ нью-іоркской купеческой ассоціаціи, изслѣдовавшій на

[1]) Напечатано въ газетѣ „Kansas City Star", 9 сентября 1898 г.

Digitized by Google

мѣстѣ положеніе лагеря, публично заявилъ, что съ побѣдителями Санъ-Хуана обращаются хуже, чѣмъ съ арестантами.

Выборъ Монтока подъ лагери сдѣланъ былъ въ угоду Лонгъ-айландской желѣзной дороги, несмотря на то, что мѣстность была совершенно непригодна для лагеря. Вода изъ колодцевъ была негодна къ употребленію и при лагерномъ населеніи въ 20.000 человѣкъ неизбѣжно должна была пропитаться нечистотами, заражавшими почву. Какъ и въ Чикамогѣ, кипятить воду было не въ чемъ, хотя въ это же самое время въ складѣ квартирмейстерскаго департамента стояло безъ употребленія шесть дестилляціонныхъ кубовъ емкостью въ 30.000 галлоновъ въ день. Что такое вопіющее пренебреженіе къ элементарнымъ требованіямъ гигіены не пройдетъ даромъ, нетрудно было предвидѣть. Д-ръ Причардъ въ «Medical News», д-ръ Стимсонъ въ письмѣ въ редакцію «New-Jork Herald» предрекали тифозную эпидемію.

О томъ же представлялъ по начальству еще въ серединѣ августа лагерный врачъ майоръ Паркеръ; по его донесенію, число больныхъ въ лагерѣ къ тому времени успѣло достигнуть 4.894, не считая 1300 уволенныхъ въ отпускъ по болѣзни; онъ настоятельно рекомендовалъ безотлагательное перенесеніе лагеря на другое мѣсто.

Начальство не торопилось, но сенсаціонная газета «World» поручила извѣстному спеціалисту д-ру Смиту произвести анализъ воды въ Монтокскомъ лагерѣ: въ водѣ оказались тифозныя бациллы. Тогда редакція отрядила нью-іоркскаго врача Эдсона для изслѣдованія состоянія лагеря на мѣстѣ. Онъ писалъ въ концѣ августа, что солдаты обречены на смерть, если лагерь немедленно не будетъ переведенъ въ другое мѣсто. Онъ предсказывалъ, что мѣсяца не пройдетъ—и тифозная эпидемія будетъ въ полномъ разгарѣ. Дѣло было въ августѣ, становилось уже прохладно, отсутствіе теплой одежды производило простуды. Побросавши въ Кубѣ зимнее платье, въ которомъ ихъ послали въ тропическій климатъ, солдаты теперь въ прохладную погоду зябли въ парусиновыхъ курткахъ. Скверное и недостаточное питаніе дѣлало солдатъ воспріимчивыми къ заразѣ. Понятно, въ такой средѣ эпидемія стала распространяться съ невѣроятной быстротой. Состояніе госпиталей было не лучше, чѣмъ въ Чикамогѣ. «Комитетъ гражданъ» Нью-Іорка писалъ президенту Макъ-Кинли, что солдаты пуще всего боятся отправки въ госпиталь.

На больныхъ не хватало коекъ,—запасено было всего 900 кроватей, а число больныхъ съ самаго начала достигало 3000, а впослѣдствіи возрасло до 10000. Многимъ приходилось спать на голой землѣ даже безъ постельнаго бѣлья, потому что и этого не хватало,—и это всего въ разстояніи 200 верстъ отъ Нью-Іорка! Близость послѣдняго, напротивъ того, имѣла свои невыгоды для больныхъ, потому что лагерь постоянно кишѣлъ пріѣзжими изъ Нью-Іорка военными дамочками, которымъ офицеры любезно предоставляли для прогулокъ больничныя кареты,—а больные ужъ обходились какъ-нибудь. То же самое творилось на Порто-Рико.

Въ интендантскихъ складахъ въ Понсѣ гнили огромные ящики всякой провизіи, а армія голодала, даже простой воды не хватало. За кувшинъ воды со льдомъ платили 1 долл. 25 сентовъ. Больные нуждались во всемъ необходимомъ. Офицеры выпивали водку, кото-

Digitized by Google

рую присылали для больныхъ. Больныхъ лихорадкою, бредившихъ солдатъ заставляли вставать съ коекъ и ухаживать за умирающими товарищами. Въ отвѣтъ на жалобы, ихъ обнадеживали, что больные скоро «выйдутъ въ чистую», тогда и имъ можно будетъ отдохнуть [1]).

По подписаніи мирнаго протокола съ Испаніей общественное мнѣніе стало настойчиво требовать отъ правительства немедленной отправки здоровыхъ солдатъ въ отпускъ, а больныхъ въ городскіе госпитали, впредь до окончательнаго распущенія арміи. Желѣзнымъ дорогамъ снова открылась нажива: на первомъ планѣ во всемъ стоялъ желѣзнодорожный интересъ. Поѣзда съ больными солдатами задерживали на станціяхъ часами, когда путь требовался для перевозки скота, а затѣмъ, чтобы наверстать время, ѣхали безостановочно, не давая имъ возможности запастись даже необходимой провизіей.

О безчувственности желѣзнодорожнаго режима можно судить по слѣдующему инциденту. Партія изъ 88 больныхъ добровольцевъ 8-го Нью-Іоркскаго полка отправлена была изъ Чикамоги въ Нью-Іоркъ. Взятые съ мѣста припасы—молоко, ледъ и проч., вышли черезъ нѣсколько часовъ; свѣжіе припасы были заказаны по телеграфу на ближайшей станціи, но поѣздъ шелъ съ опозданіемъ и кондукторъ не остановилъ поѣзда, чтобы забрать ихъ со станціи. Опять послана была телеграмма въ ближайшій городокъ. Къ приходу поѣзда на станцію явились мѣстный священникъ и нѣсколько дамъ съ молокомъ, кофе, бутербродами и проч., но поѣздъ снова прошелъ мимо, не останавливаясь. На слѣдующей станціи, гдѣ по росписанію полагалась остановка, военный врачъ, сопровождавшій партію, вынужденъ былъ поставить часового у паровоза съ приказомъ стрѣлять въ машиниста, если онъ дастъ ходъ поѣзду безъ разрѣшенія, раньше чѣмъ на поѣздъ будутъ доставлены припасы для больныхъ. Только съ помощью такой угрозы удалось снабдить больныхъ необходимымъ. Само собою разумѣется, что такое бездушное пренебреженіе къ здоровью и жизни солдатъ не могло пройти безнаказанно; статистика болѣзненности и смертности въ арміи заключаетъ въ себѣ обвинительный приговоръ американскимъ военнымъ порядкамъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ ноябрѣ 1898 г., потеряно было убитыми 280 человѣкъ, умерло отъ ранъ 65 человѣкъ, отъ болѣзней же 2565, итого 2910 человѣкъ, т. е. смертность отъ болѣзней въ семь разъ превышала смертность отъ ранъ, полученныхъ на полѣ битвы. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, смертность отъ болѣзней была значительно выше. И это несмотря на то, что большая часть этихъ людей никогда не покидала лагерей въ предѣлахъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

По отчету военнаго министерства, во время междоусобной войны за 4 года смертность отъ болѣзней достигла $^1/_{15}$ всей численности арміи, во время же испанской войны за четыре мѣсяца приходился одинъ смертный случай на каждые 60 солдатъ, т. е. *втрое* больше, чѣмъ во время междоусобной войны. Къ этому нужно прибавить ужасающую цифру больныхъ.

---

[1]) Разсказъ пенсильванскаго волонтера Ральфа Харвика изъ Dubois.

Digitized by Google

Обозрѣвая состояніе военно-медицинской части въ рефератѣ, читанномъ предъ нью-іоркскимъ судебно-медицинскимъ обществомъ вскорѣ по прекращеніи военныхъ дѣйствій, военный врачъ Джерти сказалъ не обинуясь:

«Счастье наше, что намъ не пришлось столкнуться съ непріятелемъ, съ которымъ не такъ легко было бы справиться; случись дѣло такъ, и если бы война затянулась еще, у насъ не было бы арміи для встрѣчи непріятеля».

VIII.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ всеобщей неурядицы безспорно нужно признать царившую вездѣ и во всемъ убійственную канцелярщину. По свидѣтельству генерала Грина, при высадкѣ на берегъ у Манилы затонулъ плотъ съ провіантомъ, отпущеннымъ какому-то полку. Но комиссаріатъ въ немедленной выдачѣ другихъ пайковъ отказалъ. Согласно регламенту, требовалось предварительно нарядить присутствіе для производства дознанія; заключеніе свое присутствіе должно было представить на утвержденіе начальнику дивизіи, и лишь по утвержденіи заключенія коммиссаріатскій чиновникъ въ правѣ былъ выдать другіе пайки вмѣсто затонувшихъ,—поступи онъ иначе, выдай онъ провіантъ, не дожидаясь окончанія этой процедуры, ему пришлось бы заплатить за него изъ собственнаго кармана. А что солдаты тѣмъ временемъ ходили не ѣвши—на то вѣдь это война!—оправдывалось военное министерство: нельзя же вести войну со всѣми удобствами!

Въ другомъ случаѣ эта канцелярская волокита имѣла роковыя послѣдствія. Доброволецъ изъ богатой семьи заболѣлъ тифомъ въ Джэксонвилѣ (въ Флоридѣ). Врачи объявили его роднымъ, что единственное средство спасти его—это увезти его на сѣверъ. Послѣ долгихъ хожденій удалось добиться разрѣшенія въ Вашингтонѣ, но врачъ, завѣдывавшій госпиталемъ, по полученіи бумаги, затерялъ ее, а безъ бумаги не соглашался отпустить больного. Бумага отыскалась черезъ три недѣли, когда несчастнаго добровольца уже не было въ живыхъ. Зато уже гробъ легко было достать безъ проволочекъ («no red tape about a coffin»,—какъ выразился съ горькой ироніей одинъ доброволецъ въ разговорѣ съ репортеромъ).

Права и обязанности управленія были такъ перепутаны, что трудно было доискаться отвѣтственнаго лица.

Слѣдующій примѣръ служитъ характерной иллюстраціей. Двое солдатъ изъ наѣздничеcкой команды полковника Розевелта, продѣлавши всю кампанію на Кубѣ и вкусивши всѣхъ сладостей лазаретнаго житья-бытья въ лагерѣ, наконецъ, оправились настолько, что ихъ выписали изъ лазарета и уволили въ отставку. Но жалованья имъ не выдали, не дали имъ и билетовъ на обратный проѣздъ на родину. Замедленіе, оказалось, вышло въ канцеляріи войскового казначея. Бѣднымъ побѣдителямъ испанцевъ предстоялъ далекій путь—въ индѣйскую территорію и имъ не на что было двинуться. Прождали они въ лагерѣ двѣ недѣли, наконецъ, товарищи ссудили ихъ деньгами на проѣздъ въ Вашингтонъ. Здѣсь они явились въ

канцелярію казначея, но имъ объявили, что имена ихъ не значатся по спискамъ,—нужно-де навести справки. Отправились они въ военные бараки, въ надеждѣ найти тамъ временное пристанище, но тамъ имъ сказали, что безъ приказа изъ канцеляріи квартирмейстера ихъ пустить нельзя. Въ канцеляріи квартирмейстера у нихъ потребовали удостовѣренія отъ казначея, а тамъ имъ объяснили, что удостовѣренія выдать нельзя, пока не выяснится недоразумѣніе объ отсутствіи ихъ именъ въ спискѣ. Въ полномъ отчаяніи они обратились за помощью въ одну изъ вашингтонскихъ редакцій; оттуда послана была телеграмма Розевелту, который телеграфировалъ въ военное министерство, и «безписьменнымъ» героямъ Санъ-Хуана отвели мѣсто въ баракахъ.

До чего доходила безтолковщина, показываетъ случай *пропажи безъ вѣсти цѣлаго полка*,—не на полѣ брани, упаси Господи (это было бы понятно), а въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ концѣ іюля или началѣ августа 32-му Мичиганскому полку приказано было выступить въ обратный путь изъ южнаго лагеря въ Мичиганъ, гдѣ его предстояло распустить. Прошло нѣсколько недѣль, въ военное министерство посыпались запросы отъ родныхъ и друзей добровольцевъ. Министерство телеграфировало въ южные лагери и въ Мичиганъ, но безуспѣшно. Въ началѣ сентября въ министерствѣ, по словамъ газеты «World», никто не зналъ, куда дѣвался полкъ. Сенаторъ Burrows иронически совѣтовалъ помѣстить въ газетахъ объявленіе о пропажѣ и предложить награду за розысканіе пропавшаго полка.

Роль махового колеса въ сложной военно-административной машинѣ играетъ генералъ-инспекторъ. На обязанности генералъ-инспектора и подчиненныхъ ему чиновниковъ лежитъ надзоръ за всѣми цейхгаузами, казармами, арсеналами, укрѣпленіями и всякаго рода военными сооруженіями, за состояніемъ лагерей, продовольствіемъ арміи, а также ревизія счетовъ всѣхъ казначеевъ арміи. Изъ этого краткаго перечня легко видѣть, какое важное значеніе имѣетъ этотъ отдѣлъ службы въ военное время. И между тѣмъ фактически канцелярія генералъ-инспектора была совершенно упразднена на все время войны.

Генералъ-адъютантъ Корбинъ предписалъ всѣмъ военнымъ инспекторамъ рапортовать непосредственно ему, минуя генералъ-инспектора. Послѣдній заключилъ изъ этого, что его присутствіе, по меньшей мѣрѣ, излишне и отпросился въ дѣйствующую армію. То же сдѣлали и его помощники, которые были командированы въ армію съ производствомъ въ высшій чинъ. Открывшіяся вакансіи были замѣщены новичками изъ штатскихъ, не имѣвшими ни малѣйшаго понятія о нуждахъ службы. Само собою разумѣется, ихъ «инспекція» равнялась нулю.

За исключеніемъ завѣдомыхъ оффиціозовъ, вся печать, не только оппозиціонная, но и такъ наз. «независимая» (т. е. безпартійная), видѣла въ этомъ упраздненіи контроля надъ веденіемъ войны не простую нераспорядительность, а преднамѣренную цѣль. Военное министерство, не стѣсняясь, обвиняли въ потворствѣ хищеніямъ.

«Какихъ вамъ еще доказательствъ хищенія,—писалъ Поултни

Digitized by Google

Биглоу еще до отправки экспедиціи на Кубу,—когда, имѣя на выборъ для расположенія главнаго лагеря всю Флориду, военный министръ остановился на такомъ пунктѣ, куда доставка припасовъ возможна только по одной желѣзной дорогѣ, которая пользуется тамъ фактической монополіей,—гдѣ правительство платитъ по 2 цента за каждый галлонъ воды (свыше 6 центовъ за ведро). Рядомъ съ Тампой удобныя мѣста для лагеря, гдѣ воды вдоволь и гдѣ проходятъ двѣ желѣзныя дороги, что значительно облегчило бы интендантскій вопросъ. Почему военное министерство не выбрало одного изъ этихъ мѣстъ? Почему военный министръ считаетъ дерзостью малѣйшее замѣчаніе о дурномъ положеніи вещей въ Тампѣ? Почему всѣ офицеры регулярной арміи не стѣсняются въ выраженіяхъ по этому предмету въ дружеской бесѣдѣ и боятся, чтобы свѣдѣнія не попали въ печать отъ ихъ имени? А потому, что они чуютъ, что кто-то наверху имѣетъ политическій или денежный интересъ въ томъ, чтобы все оставалось, какъ есть, и что за правду офицеровъ не поблагодарятъ».

Военно-медицинскій департаментъ впродолженіе всей войны подвергался рѣзкой критикѣ въ медицинской печати, гдѣ ясно доказывалось, что организація медицинской части въ арміи не подвинулась ни на шагъ впередъ со времени междоусобной войны.

IX.

Вначалѣ правительство находило самымъ удобнымъ отмалчиваться на всѣ обличенія, ограничиваясь дѣланно-пренебрежительными замѣчаніями, что-де возражать на «сенсаціонныя» нападки уличной печати ниже его достоинства. Но, когда къ хору обличителей примкнули такіе фешенебельные журналы, какъ «Harper's» и «Scribner's», правительство перемѣнило тонъ. Военный министръ Алджеръ, въ интервью съ репортерами телеграфнаго агентства «Associated Press», оправдывался, что «военному департаменту ни о чемъ не было извѣстно, пока въ газетахъ не стали появляться извѣстія о дѣйствительномъ положеніи вещей». Въ свою очередь президентъ Макъ-Кинли нашелъ себя вынужденнымъ назначить комиссію якобы для разслѣдованія жалобъ на безпорядки и злоупотребленія въ веденіи войны, на самомъ же дѣлѣ для обѣленія администраціи въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Независимыя газеты заранѣе предсказывали, что заключеніе комиссіи всю вину за злоупотребленія, стоившія тысячи человѣческихъ жизней, свалитъ на волю Божію. Люди независимые, какъ, напр., президентъ университета Джонза Хопкинза или редакторъ знаменитаго курса анатоміи Грея д-ръ Конъ, отказывались отъ назначенія въ комиссію, такъ какъ подборъ большинства членовъ не внушалъ довѣрія къ ея безпристрастію.

Предсѣдателемъ коммиссіи назначенъ былъ генералъ Гренвиль Доджъ, скромно начавшій свою карьеру торговлею съ индѣйцами, напоминающею торговлю русскихъ промышленниковъ съ инородцами въ Сибири, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, и стяжавшій славу при постройкѣ гарантированной Союзной Тихоокеанской ж. д.

Digitized by Google

(Union Pacific Railroad). Слѣдственной комиссіею, наряженной конгрессомъ въ 1873 году, было установлено, что директора желѣзнодорожной компаніи сами же были подрядчиками при постройкѣ дороги и, разумѣется, на руку охулки не клали при назначеніи цѣнъ,— къ ущербу акціонеровъ и казны. Понятно, брать подряды на свое собственное имя директорамъ было неудобно; поэтому учреждено было акціонерное общество подъ названіемъ Credit Mobilier, акціи котораго раздѣлили между собою члены правленія строющейся желѣзной дороги. Такимъ образомъ одни и тѣ же лица, какъ представители правленія желѣзнодорожной компаніи, заключали контракты съ самими же собою, какъ директорами Credit Mobilier. Эти контракты затѣмъ подлежали утвержденію главнаго инженера, представлявшаго интересы казны. Этимъ инженеромъ былъ генералъ Доджъ. Этотъ ветеранъ войны «за освобожденіе негровъ» (какъ у насъ принято говорить) утверждалъ всѣ подряды директоровъ правленія съ самими собою и, какъ вполнѣ установлено было слѣдствіемъ, въ видѣ «благодарности» получилъ отъ правленія наличными 24,500 долл., что было прописано по книгамъ и сверхъ того 100 акцій Credit Mobilier на имя жены стоимостью по нарицательной цѣнѣ въ 10,000 доллар., а по курсу втрое больше. Слѣдственная комиссія, назначенная конгрессомъ, дѣлала всевозможныя усилія, чтобы вызвать его къ допросу, но онъ чрезвычайно ловко уклонялся отъ врученія повѣстки и такъ и остался недопрошеннымъ, что не помѣшало, впрочемъ, комиссіи въ докладѣ конгрессу вывести его на свѣжую воду.

Секретаремъ слѣдственной комиссіи назначенъ былъ и. д. генералъ-инспектора, служебная дѣятельность котораго составляла предметъ разслѣдованія комиссіи. Въ числѣ членовъ комиссіи находился бывшій вермонтскій губернаторъ Вудбери, который обязанъ былъ президенту назначеніемъ своего сына на офицерскую должность въ инженерномъ корпусѣ, хотя тотъ никогда не сдавалъ никакого экзамена; на этого папеньку возложено было раскрытіе пагубныхъ послѣдствій назначенія папенькиныхъ сынковъ на отвѣтственные посты въ арміи. Другой членъ комиссіи, личный пріятель военнаго министра, полковникъ Секстонъ еще до открытія засѣданій публично выразилъ мнѣніе, что всѣ жалобы на Алджера «чистѣйшій вздоръ».

Первое засѣданіе комиссіи состоялось въ Вашингтонѣ въ концѣ сентября. На этомъ засѣданіи рѣшено было вести слѣдствіе при закрытыхъ дверяхъ. Даже вездѣсущимъ репортерамъ доступъ былъ загражденъ, и гласность допущена была лишь въ лицѣ представителей трехъ телеграфныхъ агентствъ. Американскія телеграфныя агентства, снабжающія все сонмище американскихъ газетъ текущими извѣстіями, это настоящая цензура на акціяхъ.

Редакціи большихъ газетъ, имѣющихъ отдѣленія въ Вашингтонѣ, протестовали противъ недопущенія ихъ репортеровъ. На замѣчаніе корреспондента нью-іоркскаго World'а, что распоряженіе комиссіи стѣснительно для прессы, предсѣдатель комиссіи сухо отрѣзалъ: «ну, пусть себѣ будетъ стѣснительно!»

Отговоркой служила тѣснота помѣщенія. Но редакція газеты «World» предложила на выборъ комиссіи безплатно семь большихъ

Digitized by Google

залъ въ самомъ центрѣ города, въ разстояніи лишь нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ гостинницы, гдѣ остановилось большинство членовъ комиссіи. Залы были все въ первоклассныхъ отеляхъ, со всѣми удобствами, и въ то же время въ состояніи были вмѣстить отъ 150 до 700 креселъ для корреспондентовъ; обыкновенной публикой подобныя засѣданія въ Америкѣ рѣдко посѣщаются—люди здѣсь слишкомъ заняты и предпочитають довольствоваться репортерскими резюме.

Но комиссія осталась глуха къ протестамъ и лишь въ видѣ снисхожденія предоставила всей мѣстной прессѣ отрядить сообща одного корреспондента, а всѣмъ иногороднимъ редакціямъ—двухъ. То же правило соблюдалось впослѣдствіи во время засѣданій комиссіи въ Нью-Іоркѣ.

Комиссія не облечена была правомъ понужденія свидѣтелей къ дачѣ показаній; свидѣтельствованіе предъ комиссіей и самая явка въ засѣданіе были дѣломъ вполнѣ добровольнымъ и показанія давались безъ присяги. Вслѣдствіе этого немало свидѣтелей, которые могли бы многое поразсказать, не рѣшались подѣлиться своими свѣдѣніями съ комиссіей, такъ какъ это ввело бы ихъ въ непріятности. Другое дѣло, если свидѣтель обязанъ явиться по вызову и вынужденъ показывать подъ присягой, — тогда, по общепринятому понятію, онъ обязанъ разсказать всю правду. Одинъ изъ свидѣтелей прямо такъ и заявилъ комиссіи.

Отъ добровольныхъ сестеръ милосердія при допущеніи ихъ къ уходу за больными въ лагеряхъ предварительно брали торжественное обѣщаніе, что онѣ будутъ держать языкъ за зубами. Щепетильныя американки поэтому уклонялись отъ свидѣтельствованія въ комиссіи. Многіе солдаты боялись давать показанія изъ опасенія, что это можетъ помѣшать имъ при назначеніи пенсіи.

Администрація не брезгала косвеннымъ подкупомъ свидѣтелей. Такъ, въ то самое время, какъ генералъ Хвилеръ давалъ показанія передъ комиссіей, сына его произвели изъ подпоручиковъ прямо въ майоры.

При допросѣ свидѣтелей предсѣдатель и члены комиссіи самой формулировкой вопросовъ подсказывали свидѣтелямъ желательные для администраціи отвѣты. Но всѣ усилія скрыть истину потерпѣли полнѣйшее фіаско. Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, не было недостатка въ офицерахъ и солдатахъ, готовыхъ показывать правду; факты, успѣвшіе проникнуть въ печать и засвидѣтельствованные многочисленными очевидцами, представляли такую подавляющую массу уликъ, что отрицать ихъ не рѣшились даже генералы, полковники, интендантскіе и проч. чиновники арміи, на которыхъ падала прямая отвѣтственность за злоупотребленія.

Главнокомандующій Майлзъ, противъ котораго интриговали во все время войны, нашелъ теперь удобный случай свести счеты съ министерствомъ путемъ разоблаченія злоупотребленій по продовольственной части.

Съ самаго начала кампаніи отовсюду стали поступать жалобы на недоброкачественность поставляемаго въ армію мяса. По произведенному генераломъ Майлзомъ разслѣдованію найдено было, что

Digitized by Google

мясо для сохраненія въ жаркомъ климатѣ препарировалось химическими способами, что лишало его всякаго вкуса и питательности, не предохраняя его въ то же время отъ порчи.

Въ іюлѣ 1898 г., въ Джэксонвилѣ забраковано было 800 пудовъ мясныхъ консервовъ; спустя короткое время, по распоряженію генерала Майлза, брошено было въ море въ нью-іоркской гавани около 6.000 пудовъ.

Вызванный въ слѣдственную комиссію, онъ, не стѣсняясь, показалъ, что мясо, которымъ кормили солдатъ, пахло «бальзамированнымъ трупомъ». Мясо поставлялъ на армію «мясной тростъ», что дѣлало огласку особенно непріятною.

Непосредственно задѣтый комиссаріатскій генералъ Иганъ до такой степени забылся, что въ засѣданіи слѣдственной комиссіи разразился непечатной бранью по адресу главнокомандующаго Майлза. Скандалъ вышелъ такой, что замять его не представлялось возможности.

Генералъ-комиссара Игана предали военному суду по обвиненію въ оскорбленіи начальника въ присутственномъ мѣстѣ и приговорили къ устраненію отъ должности срокомъ на шесть лѣтъ, но съ сохраненіемъ полнаго оклада въ 5.500 долларовъ въ годъ; о злоупотребленіяхъ по поставкѣ мяса и рѣчи не заводили. Слѣдственная комиссія не была уполномочена президентомъ на разслѣдованіе вопроса о военныхъ подрядахъ и поставкахъ.

Для разслѣдованія возбужденнаго Майлзомъ обвиненія военный министръ Алджеръ назначилъ спеціальную военно-судную комиссію. Само собою разумѣется, эта спеціальная комиссія творила волю пославшаго ее. Генералъ Майлзъ просилъ вызвать 147 свидѣтелей, но военно-судная комиссія отказала въ вызовѣ ихъ и дала заключеніе, обѣляющее мясной тростъ «по недостатку уликъ».

На слѣдственную комиссію, назначенную президентомъ МакъКинли, возложена была задача—доказать, что были не злоупотребленія, а упущенія, неизбѣжныя благодаря отсталости всей системы, которая не соотвѣтствуетъ нуждамъ современной арміи. Комиссія, разумѣется, справилась со своей задачей къ полному удовольствію президента. Отчетъ ея послужилъ администраціи президента МакъКинли опорнымъ пунктомъ для требованія объ увеличеніи комплекта постоянной арміи до 100.000 человѣкъ.

Конечно, по сравненію съ европейскими арміями это—ничто. Но «аппетитъ приходитъ съ ѣдой», какъ говорятъ французы, а у американскихъ капиталистовъ аппетиты по части колоніальной политики теперь разыгрались. Лиха бѣда начать!

Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю объ американскомъ «милитаризмѣ» и о дѣяніяхъ американской арміи на Филиппинскихъ островахъ.

И. Г.

Нью-Іоркъ, 8 іюня 1901 г.

Digitized by Google

Культъ любви.

(Русская поэзія. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Вып. VII.—I. Полное собраніе стихотвореній *Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго*. II. Полное собраніе стихотвореній *Н. М. Карамзина*).

I.

Пѣвецъ Аркадіи счастливой.

Въ старыхъ русскихъ писателяхъ—писателяхъ конца XVIII—начала XIX вѣка—есть что-то привлекательное: отъ нихъ идетъ такой же „духъ", какъ отъ старинныхъ барскихъ хоромъ, наполненныхъ пузатыми комодами краснаго дерева и этажерками, украшенными цѣлымъ обществомъ фарфоровыхъ маркизовъ, маркизъ и кокетливо-стыдливыхъ пастушекъ. Таковы особенно „сентименталисты", а изъ нихъ едва ли не типичнѣйшій Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, авторъ чувствительнѣйшихъ романсовъ и пѣсенъ, составлявшихъ обиходнѣйшій салонный репертуаръ въ эпоху Екатерины, Павла и Александра I. Что онъ дѣйствительно не лишенъ былъ таланта—доказываетъ живучесть его поэзіи: ему, какъ то едва ли многимъ извѣстно, принадлежитъ досолѣ распѣваемая пѣсня „Выду я на рѣченьку", ставшая народной—честь, которой удостаиваются немногіе поэты.

Однако, преимущественно Нелединскій интересенъ не какъ писатель, а какъ типъ. Онъ воплотилъ въ себѣ характерныя черты своей среды и своего времени;—черты не „екатерининскихъ орловъ", а культуры „просвѣщеннаго абсолютизма", ухищрявшейся совмѣщать идеальное добродушіе и широкій гуманизмъ съ культому утонченнаго и сладострастнаго эгоизма. Вотъ почемъ

Digitized by Google

возстановить его портретъ является задачей заманчивой и поучительной.

Въ Юріи Александровичѣ Нелединскомъ соединялись при этомъ вѣянія моднаго, утонченнаго и зараженнаго энциклопедизмомъ и невѣріемъ Парижа наряду съ преданіями чванливой, обжорливой, но добродушной Москвы. Ю. А. рано остался сиротою и поступилъ на воспитаніе къ бабушкамъ,—останься онъ у отца—парижскія вліянія восторжествовали бы окончательно. Родитель поэта былъ настоящій галломанъ: получивъ въ молодыхъ годахъ „апшидъ", онъ проживалъ свои вотчины въ европейскомъ Вавилонѣ, дружилъ съ Вольтеромъ, который называлъ его „un aimable russe", а, возвратившись въ Россію, сдѣлался однимъ изъ завсегдатаевъ частныхъ вечеровъ Екатерины II. Документальнымъ свидѣтельствомъ этой дружбы „вольтерьянца" и императрицы сохранились въ семейномъ архивѣ двѣ игральныя карты: двойка червей и двойка бубенъ. На первой написано карандашомъ: „кумъ здравствуй"; на второй: „прошу павѣрить ва всемъ. Екатерина", — очевидно, вексель по карточному проигрышу. Фактически нигдѣ не служа, Александръ Юрьевичъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и остался вѣренъ себѣ до конца: уже старикомъ женился на молоденькой причудницѣ графинѣ Головиной и до самой смерти остался „вольтеріанцемъ".

Такимъ бы вольтеріанцемъ быть и Ю. А., если бы отецъ обращалъ на сына хотя какое-нибудь вниманіе, но мальчикъ его видимо не интересовалъ. До 12 лѣтъ Ю. А. находился у одной бабушки—Нелединской, а по смерти ея у другой—кн. Куракиной. У первой, проживавшей въ своихъ деревняхъ или въ Москвѣ, онъ воспринялъ начала благочестивой и старобоярской простоты; у второй, пользовавшейся большимъ вѣсомъ среди петербургской знати, онъ прошелъ всѣ тонкости французскаго воспитанія и для окончательной шлифовки посылался даже въ модный тогда страсбургскій университетъ, но черезъ годъ былъ выписанъ обратно „по весьма справедливымъ жалобамъ приставленнаго къ нему гувернера". Запасъ знаній у Нелединскаго былъ не отяготительный: онъ не зналъ даже латинскаго языка.

Началась, по обычаю, военная служба: сначала „фурьеромъ", потомъ „сержантомъ" и такъ далѣе вплоть до полковника, въ какомъ чинѣ Нелединскій и вышелъ въ отставку. Участвовалъ Ю. А. и въ кампаніяхъ, но больше адъютантомъ при своихъ родственникахъ-командирахъ да курьеромъ при случаѣ блестящихъ побѣдъ,

Digitized by Google

которыя, конечно, и воспѣвалъ высокимъ штилемъ. Статская служба поставила Нелединскаго вблизи трона. При Павлѣ онъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній—роль, которую подозрительный императоръ не поручилъ бы человѣку, которому не довѣрялъ, а онъ бралъ его съ собой даже и въ путешествія, причемъ, по словамъ Ю. А., „дѣятельность государя была столь велика, что дорогою онъ, безъ всякой отмѣны, такъ какъ бы на мѣстѣ, выслушивалъ по всѣмъ частямъ доклады и давалъ по онымъ резолюціи". Былъ моментъ, что Н., по навѣтамъ, впалъ въ немилость у государя и былъ отставленъ, но затѣмъ вновь назначенъ сенаторомъ въ Москву. Отсутствіе партійности и легкая приспособляемость Н—го послужили къ тому, что и въ новое царствованіе онъ пользовался фаворомъ, особенно у вдовствующей императрицы, которая привлекла его въ свое вѣдомство и переписывалась съ нимъ интимными дружескими записками. Нельзя думать, чтобы Н. былъ вовсе безполезенъ на службѣ. Не обладая государственнымъ умомъ, онъ былъ, однако, человѣкомъ честнымъ и благороднымъ по природѣ. По преданію, изъ военной службы онъ вышелъ, обидѣвшись, что Потемкинъ произвелъ смотръ его батальону, сидя въ окнѣ въ одной ночной рубашкѣ; при Павлѣ, въ качествѣ статсъ-секретаря, онъ рѣшался вторично докладывать, какъ бы невзначай, дѣла, по которымъ уже послѣдовали явно несправедливыя резолюціи; сенаторомъ онъ имѣлъ смѣлость возстать противъ ошибочнаго рѣшенія государственнаго совѣта и добился оправданія невинно-пострадавшихъ.

Однако, для насъ служебная дѣятельность Н—го представляетъ слишкомъ второстепенный интересъ. Насъ занимаетъ его личность. А въ этомъ отношеніи онъ, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, „могъ бы быть предметомъ прилежнаго изученія и изслѣдованія для физіолога и психолога". „Живо помню эту до старости сочувственную и милую личность. Онъ былъ небольшого, скорѣе малаго роста, довольно плотный, коренастый, съ косичкою, лентою заплетенной, которой оставался онъ вѣренъ, когда всѣ уже обрѣзали косы свои. Глаза голубые, выразительные, улыбка привѣтливая, которая имѣла почти прелесть женской улыбки, голосъ мягкій и звучный. Помню рѣчь его, не блиставшую остроумными вспышками и словами, которыя французы называютъ bons mots, или mots à retenir, хотя и въ нихъ не было недостатка: въ рѣчи его болѣе всего привлекалъ и поражалъ особенно покойный строй ея, всегда ясный и прозрачный, все было

Digitized by Google

сказано кстати, во-время, безъ малѣйшей подготовки. О поэзіи, о любви говорилъ онъ особенно охотно и съ увлеченіемъ".

„О поэзіи, о любви"—для конца XVIII вѣка это были синонимы, а Нелединскій былъ яркимъ образчикомъ этого взгляда. „Маленькій человѣкъ, но зато весь составленъ изъ любви", не безъ ироніи замѣчалъ о немъ классикъ-Державинъ. А болѣе близкій къ Нелединскому по духу Батюшковъ называетъ его „счастливымъ Шоліо и Анакреономъ нашего времени", а сентиментальные стишки Н-аго считаетъ „вдохновенными страстью". И, дѣйствительно, всѣ стоющія историко-литературнаго вниманія произведенія Нелединскаго появились на свѣтъ благодаря его нѣжному чувству къ дамамъ. Въ XVIII вѣка не знали возвышенно-неопредѣленной, мечтательной романтической любви; сентиментализмъ былъ по преимуществу чувственнымъ направленіемъ, онъ лишь поэтизировалъ то, что со временъ среднихъ вѣковъ считалось „грѣхомъ прародителей", а русскій сентиментализмъ въ любви не стремился далѣе тѣхъ результатовъ, которые въ пушкинской „Вишнѣ" изображены точками. Смѣлости натурализма, однако, въ современной литературѣ не существовало, и стихи сентименталистовъ большею частію соблюдаютъ галантность французскихъ придворныхъ и ту пристойность, какая видна и у фарфоровыхъ маркизъ той эпохи, едва приподымающихъ пальчиками свою коротенькую юбочку. Характерно, что жаръ сердца у сентименталистовъ не остывалъ до періода полнаго рамолизма. Въ 1809 году, по свидѣтельству Вяземскаго, Н-ій „былъ влюбленъ и влюбленъ страстно. Ему было тогда 56 лѣтъ, но впечатлительность его, но сердце сохранили всю первобытную мягкость, всю воспламеняемость молодости. Онъ любилъ Обрескову (молодую дѣвушку), какъ во время оно любилъ Темиру, съ тою же нѣжностью, утонченностью чувствъ, съ тою же благоговѣйною покорностью. Можетъ быть, еще и съ усиленіемъ этихъ чувствъ противъ прежняго. Прежде молодость могла брать свое и, вѣроятно, брала: но на закатѣ жизни чувства, помышленія всѣ сосредоточились въ одномъ чувствѣ страсти преобладательной". Бѣдный сластолюбивый старичокъ! Къ какимъ средствамъ приходилось ему прибѣгать за растратою капитала молодости! „Платоническая драма" происходила на глазахъ 15-лѣтняго Вяземскаго, и его-то влюбчивый старецъ избиралъ своимъ конфидентомъ: „хороша ли она и какъ одѣта сегодня? — Кто? говорю я.—Да, разумѣется, Елизавета

Digitized by Google

Семеновна.—Помилуйте, что же вы меня разспрашиваете: вѣдь вы теперь около двухъ часовъ за однимъ столомъ играли съ нею въ бостонъ. — Да развѣ ты не знаешь, что я уже три мѣсяца не смотрю на нее, и что я наложилъ на себя этотъ запретъ потому, что видимое присутствіе ея слишкомъ меня волнуетъ". И это, увѣряетъ Вяземскій, „была не фраза, не поэтическая ложь, а вполнѣ дѣйствительное сознаніе", и едва ли не отъ подобнаго „напряженія чувствъ" онъ былъ постигнутъ вскорѣ апоплексическимъ ударомъ. Но наука была не впрокъ. 64 лѣтъ отъ роду Нелединскій все еще продолжалъ увлекаться: „Изъ пріятныхъ деревенскихъ занятій, писалъ онъ зятю,—я понимаю, что можно, скорѣе всѣхъ, пристраститься къ тому, чтобы искать грибовъ, когда (какъ ты пишешь) ихъ нѣтъ. Понимаю это отъ того, что большое въ этомъ нахожу сходство съ моимъ, всегда безуспѣшнымъ, волокитствомъ—вы ищете грибовъ, не ожидая ихъ найти: я волочусь, зная, что отвѣчать мнѣ не будутъ. Всякій занимается тѣмъ, что его забавляетъ"! Не курьезъ ли, что этотъ 64-лѣтній волокита былъ приставленъ къ институтскому воспитанію дѣвицъ!

Изъ всего сказаннаго уясняется и содержаніе поэзіи Нелединскаго. Это — утонченный культъ чувственной любви, избѣгающей откровенной наготы, но и отнюдь не стремящейся къ туманнымъ недосягаемымъ идеаламъ. Однако, выраженія этого невысокаго чувства облечены иногда въ довольно граціозныя формы, особенно когда воспѣвается страсть нераздѣленная или измѣна любви. „Пастушки" XVIII вѣка не отличались постоянствомъ; въ то время для нихъ существовалъ даже особый глаголъ „махать", который звучитъ много выразительнѣе, чѣмъ современное „флиртовать", но покинутый любовникъ не приходилъ въ ражъ, не слалъ проклятій небу и аду, а горестно „воздыхалъ", лилъ „несчётны слезы" и не осмѣливался даже укорять коварную.

Ты клялася быть мнѣ вѣрной.—
Я съ восторгомъ то внималъ
И въ любви нелицемѣрной
Беззаботно утопалъ.
Зрю теперь, но безполезно,
Что вовлекъ себя въ напасть.—
Пролетай, о время слезно!
Унеси мою ты страсть.

Вотъ какое благоразумное и смиренное проявленіе чувствъ у обманутаго любовника! А если онъ желалъ

Digitized by Google

продлить наслажденіе объявшаго его умиленнаго унынія, то шелъ въ лѣсъ и разсуждалъ съ природой:

Свидѣтели тоски моей,
Лѣса, безмолвью посвященны!
Утѣхами прошедшихъ дней
Въ глазахъ моихъ вы украшенны.
Понынѣ счастливой мечтой
Всегда средь васъ я наслаждаюсь
И чувствомъ радостнымъ питаюсь,
Анюту мысля зрѣть съ собой!

. . . .

Что вправду милой нѣтъ со мной,
Повѣрить самъ себѣ не смѣю—
Вотъ тамъ она... вотъ за горой...
По этой тропкѣ встрѣчусь съ нею...
Ищу вкругъ каждаго куста,
Гдѣ съ милой мы бывали прежде;
Внимаю въ смутной я надеждѣ
И шуму каждаго листа.

. . . .

Журчащіе вокругъ ручьи!
Всего мнѣ болѣ въ васъ отрады:
Анюта прелести свои
Вѣряла вамъ, ища прохлады;
Въ полдневны лѣтніе часы,
Какъ птички при кустахъ таятся,
Струи, бывало, къ ней тѣснятся,
Спѣша ласкать ея красы.

Въ послѣдней страфѣ очень опредѣленно выяснено, въ чемъ состояло „всего болѣе отрады“ въ любви екатерининскаго вѣка, въ какой первобытной обстановкѣ происходили свиданія „милыхъ“... Но сладострастіе доходило до высшихъ своихъ степеней — сладострастія мысли:

Лишенному *утѣхъ прямыхъ*
Отрада мнѣ *въ ихъ воображеньи*,—

наивно и откровенно поясняетъ поэтъ. Такимъ образомъ старинный „грѣхъ“ превратился въ „утѣху“, о которой при отсутствіи ея въ наличности пріятно и помечтать. Сохраненіе же цѣломудрія даже для дѣвицы является лишь несноснымъ „долгомъ“, т. е. скучною обязанностью:

Теперь бѣгу дневнова свѣта;
Мнѣ вѣкъ мой тягостенъ, постылъ;
Кляну мои цвѣтущи лѣта...
Страшусь узрѣть тово, кто милъ!
Страшусь—и повседневно видя,
Все болѣ пламенѣя имъ,
Все болѣ долгъ мой ненавидя,
Къ напастямъ лишь влекусь однимъ.

Digitized by Google

Очевидно, влюбленной дѣвицѣ прямо не представлялось возможности соблюсти свой *долгъ*...

Меланхоличнѣе и, пожалуй, одухотвореннѣе поэзія Нелединскаго въ тѣхъ случаяхъ, когда „долгъ" оказывается соблюденнымъ и на „прямыя утѣхи" нѣтъ надежды. Въ такихъ романсахъ особенно сказывается свѣтская галантность вѣка, соединенная съ томностью и рыцарскою гиперболизаціей предмета любви.

Въ безпечальное селенье
Съ жаромъ страсти преселясь,
Обнаружу упоенье,
Коимъ жилъ, тобой плѣнясь.
Въ царствѣ тѣней ту прославлю,
Жизни кто была милѣй,
И подземный міръ заставлю
Бога чтить души моей.

Такіе стихи звучатъ даже „вольтерьянской" дерзостью. А вотъ заключеніе другого романса:

О, если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою
И тайну ту хранить въ себѣ—
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

Заключеніе, право, не лишено изящества. Принимая во вниманіе старинный языкъ, Нелединскому положительно нельзя отказать въ мелодичности и музыкальности стиха, отчего и вполнѣ понятно, что его пѣсни сейчасъ же по появленіи своемъ перелагались на ноты и распѣвались по всѣмъ столичнымъ и помѣщичьимъ салонамъ, служа школою новыхъ нѣжныхъ чувствъ и средствомъ для болѣе или менѣе невиннаго флирта. При этомъ Нелединскому приходилось бороться съ существовавшимъ среди русской знати предубѣжденіемъ относительно пригодности русскаго языка для выраженія изящнаго. Однажды гр. Разумовская, салонная пѣвица, исполнивъ романсъ Ханыкова: „Quand sur les ailes des plaisirs" замѣтила поэту: „Вотъ никакъ не передать этихъ словъ на русскій языкъ", Нелединскій вступился за родной языкъ и на другой день былъ готовъ его переводъ:

Когда веселій на крылахъ
Утекши дни воспоминаемъ,

Digitized by Google

Платя имъ чувства дань, въ слезахъ
Еще отраду мы вкушаемъ.
Укрась, о лютня! голосъ мой
Твоей гармоніей унылой,
И съ сердцемъ вмѣстѣ ты воспой.
Что я живу въ разлукѣ съ милой! и пр.

При всей вольности въ расположеніи словъ, обычной, впрочемъ, въ старинной поэзіи, русскій языкъ все же одержалъ значительную для своего времени побѣду. Защита русскаго языка не мѣшала, однако, Нелединскому самому писать стихи и по-французски.

„Чувствительность“ Нелединскаго не ограничивалась областью любви; она переходила и на различныя мелочи жизни, принимая подчасъ курьезныя формы. Вяземскій сообщаетъ, что онъ, „садясь въ свою наемную карету, всегда отнималъ у кучера кнутъ и клалъ его возлѣ себя, съ тѣмъ, чтобы кучеръ не могъ стегать лошадей своихъ. Подобное *покровительство* простиралъ онъ не только на живую тварь, но и на божіи плоды въ царствѣ прозябаемомъ. Онъ, который былъ большой лакомка, никогда не рѣшался ѣсть соленыя груши, персики, ананасы и съ негодованіемъ признавалъ подобное соленіе въ домашнемъ хозяйствѣ, у насъ обычное, за святотатство природы. Какъ, говорилъ онъ, натура ущедрила эти плоды особенною сладостью и душистымъ вкусомъ, а мы унижаемъ ихъ до разряда огурца или капусты“.

Гастрономіи Нелединскій вообще отводилъ въ своей жизни видное мѣсто. Но здѣсь онъ являлся уже не утонченнымъ галломаномъ, а настоящимъ москвичемъ, унаслѣдовавшимъ вкусы боярской Руси и выносливый желудокъ своихъ предковъ. Вотъ его меню уже въ старости: „1) Рубцы, 2) голова телячья, 3) языкъ говяжій, 4) студень изъ говяжьихъ ногъ, 5) щи съ печенью, 6) гусь съ груздями—вотъ на всю недѣлю, а коли съѣмъ слишкомъ, то на другой день только два соусника кашицы на крѣпкомъ бульонѣ и два хлѣбца бѣлаго“. Вопросами питанія полны письма Нелединскаго. „Третьяго дни, пишетъ онъ своимъ, предъ обѣдомъ у Архаровой чувствовалъ разстройство желудка, но тутъ же вспомнилъ, что на Щукиномъ дворѣ, какъ я слышалъ, отмѣнные грузди; только что ей сказалъ,—ту же минуту она послала за ними верхомъ, и грузди поспѣли къ говядинѣ! Я принялъ порцію въ шести груздяхъ состоящую и съ тѣхъ поръ свѣтъ увидѣлъ!“ Обжорство доводило его до серьезной опасности: однажды, объѣвшись, онъ чуть не умеръ отъ удушья. „Призванный докторъ,—сообщаетъ

Digitized by Google

онъ,—написалъ мнѣ нѣсколько рецептовъ и не велѣлъ ѣсть крутой гречневой каши, которой я за всякимъ обѣдомъ уже съ мѣсяцъ съѣдалъ по цѣлому горшочку, для меня особо приготовляемому. И самъ я признаюсь—это нынѣшнее удушіе кладу на счетъ голубушки каши! А какъ мнѣ было очень тяжело, то и воздержусь отъ нея. А всетаки жаль!" Объ аппетитѣ Нелединскаго знали и во дворцѣ, почему императрица приказывала слѣдить за нимъ, и послѣ такихъ обѣдовъ онъ, по его признанію, былъ „совершенно голоденъ":

Самъ Нелединскій объ этой „національной" сторонѣ своей натуры говоритъ съ благодушнымъ юморомъ. Не распространялся ли этотъ „національнзмъ" далѣе вкусовыхъ привычекъ поэта? Если въ общественныхъ отношеніяхъ онъ являлся „маркизомъ", то, несомнѣнно, въ интимной его жизни было много „боярства". Однако, это обстоятельство не сдѣлало поэзіи Нелединскаго народною, въ какомъ смыслѣ это слово понималось позднѣе, и даже знаменитыя „Выду я на рѣченьку" и „Милая вечоръ сидѣла" по своему духу приближаются не къ дѣйствительно народному творчеству, а развѣ къ нынѣшнимъ фабрично-городскимъ пѣснямъ. Настоящій живой языкъ своего вѣка Нелединскій употребляетъ лишь въ немногихъ шуточныхъ стихотвореніяхъ семейнаго характера. Вотъ, напр., какъ онъ пишетъ одной счастливой невѣстѣ:

Ужъ, матка, ты мнѣ уши прожужжала!
Твердишь все:—равнаго нѣтъ счастью моему!
Что жъ? Подразнить меня ты этимъ загадала?
Анъ лихъ, не быть по твоему.
Ты думаешь, досадно мнѣ ужасно,
Что весь опричь меня переженился свѣтъ:
Такъ нѣтъ, сударыня, такъ нѣтъ:
Подсмѣивать меня изволите напрасно.
Я право хвастать не люблю:
Да полно, то откроется и само;
Такъ лучше я скажу вамъ прямо,
Что отъ толпы невѣстъ ужъ скуку я терплю.
И съ черными, и съ сѣрыми глазами
Гоняются за мной стадами... и т. д.

На свадьбу Уварова съ Головиною Нелединскій написалъ такую эпиталаму:

Дарья выйдетъ за Семена;
Имъ во здравье пустимъ тостъ.
До сихъ поръ была препона
Свадьбѣ ихъ Успенскій постъ:
А теперь какъ миновался,

Digitized by Google

Чай Семенъ ужъ обвѣнчался.
Братцы! выпьемъ за него!
Онъ бывало славно тянетъ,
А теперь пить перестанетъ.
Жаль мнѣ истинно его!
Женится Семенъ на Дарьѣ!
Дай гудокъ мой лирный тонъ...
Коли бъ былъ женатъ на Марьѣ,
Дарьѣ бъ мужемъ не былъ онъ... и т. д.

Въ этомъ грубоватомъ юморѣ также отголоски московской старины, чуждой галломанскаго жеманства.

Изъ такихъ явныхъ противорѣчій, какія мы видимъ въ натурѣ Нелединскаго, состояла жизнь и всего современнаго русскаго общества, котораго онъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей. Подобное „раздвоеніе“ не мѣшало, однако, поэту быть чрезвычайно цѣльнымъ типомъ, въ томъ смыслѣ, что это былъ человѣкъ вполнѣ уравновѣшенный, съ міросозерцаніемъ опредѣленнымъ и даже какъ бы застывшимъ, съ вѣрою непоколебимою. Кажется, такихъ людей не одолѣвали сомнѣнія, и слово—борьба было бы для нихъ реченіемъ, взятымъ изъ совершенно чуждаго имъ и непонятнаго языка. Такіе люди и старческую дряхлость встрѣчали спокойно, какъ естественный конецъ жизни, но старались и изъ нея извлечь все, что только она можетъ доставить пріятнаго. „Что я глухъ, худо вижу и хожу съ трудомъ,—писалъ Нелединскій — все это хотя плохо, однако не совсѣмъ у меня, по милости Божіей, силы отняты, и по моему теперешнему положенію достаточно, ибо бѣгать я нужды, и того менѣе желанія, не имѣю, я могу всякій день по два раза доплетаться по лѣстницѣ и N В. безъ всякой одышки. Зрѣніе всякое утро, часа полтора и два, служитъ мнѣ для чтенія; тупость слуха болѣе всего была бы непріятна, но и въ этомъ снисходительность окружающихъ меня помогаетъ мнѣ. Съ другой стороны испытываю себя морально. Заботы я никакой не имѣю. Вы всѣ мои милые здоровы! Желаній никакихъ — именно никакихъ въ семъ мірѣ не имѣю. Денегъ у меня довольно; за почестями я никогда не гонялся; чины, ленты,—я уже забылъ, что они, временно, прежде меня тѣшили; при такой, отъ внѣшнихъ пустяковъ, душевной свободы, я наслаждаюсь вашею всѣхъ моихъ ближнихъ любовью. Изъ постороннихъ, во всемъ свѣтѣ, никого злодѣя себѣ не знаю, или паче увѣренъ въ томъ, что его нѣтъ, а человѣка два, три считаю мнѣ доброхотствующими. Все это, будучи съ С. Ю. наединѣ, я ему говорилъ, замѣ-

Digitized by Google

тизъ, такъ какъ и вамъ теперь, что *нѣтъ въ мірѣ человѣка меня счастливѣе!*"

Старинные московскіе люди не умирали, а „отходили". Такова же была кончина и Нелединскаго. Предчувствуя ее, за недѣлю онъ отчасти написалъ, отчасти продиктовалъ „духовную"—дѣйствительно не матерьяльное распредѣленіе своего наслѣдства, а нравственный завѣтъ своимъ близкимъ.

Литературное наслѣдіе Нелединскаго заключаетъ около ста стихотвореній, а знаменитыхъ пѣсенъ его не наберется и двухъ десятковъ. Вотъ какъ легко во время оно пріобрѣталось безсмертіе. Интересенъ отзывъ А. С. Пушкина объ этомъ поэтѣ: „По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ хуже стихотворца Карамзина".

II.

Бѣдный пѣвецъ.

Современники полагали такъ: что Карамзинъ совершилъ для развитія русской прозы, то Дмитріевъ сдѣлалъ для развитія русской поэзіи. Изъ отзыва Пушкина, приведеннаго нами въ заключеніе статьи о Нелединскомъ, можно судить, насколько подобная параллель подвержена сомнѣнію. И въ дѣйствительности, тайный совѣтникъ и кавалеръ, И. И. Дмитріевъ перехватилъ свою славу совершенно не по праву и незаслуженно. Въ исторіи литературы для дѣятелей послѣдней есть тоже своего рода „судьба", и Дмитріеву въ этомъ отношеніи, что называется, повезло. Авторъ вялыхъ басенъ, претенціозныхъ апологовъ, выдававшій свои подражанія малоизвѣстнымъ чужеземнымъ піитамъ за собственныя оригинальныя произведенія, Дмитріевъ и при жизни, и въ литературныхъ преданіяхъ сумѣлъ стать рядомъ съ Карамзинымъ, чуть ли не какъ равный ему, а спеціально въ стихотворствѣ ему передъ исторіографомъ оказывалось даже немалое предпочтеніе: стихотворенія его имѣютъ полное собраніе, а басни и апологи вошли даже въ суворинскую „Дешевую Библіотеку". Стихотворенія Карамзина издавались лишь Смирдинымъ, и крайне не полно, такъ что лишь нынѣшнее собраніе, сдѣланное г. А. Лященко и вошедшее въ „Русскую поэзію" г. Венгерова, впервые позволяетъ судить вполнѣ опредѣленно о Карамзинѣ какъ стихотворцѣ.

Digitized by Google

Въ чемъ преимущество Карамзина передъ Дмитріевымъ? Въ его оригинальности: тогда какъ Дмитріевъ въ содержаніи своей поэзіи остается въ сущности классикомъ стараго покроя, подгонявшимъ свои вдохновенія къ опредѣленнымъ въ пiитикѣ родамъ, Карамзинъ является первымъ русскимъ лирикомъ, первымъ субъективнымъ поэтомъ, который плѣненъ не техническимъ искусствомъ версификаціи, а возможностью излить въ мѣрной рѣчи чувствованія своей души, муки своего сердца.

Карамзинъ считается главою русской сентиментальной школы, насадителемъ сентиментализма въ Россіи. Хронологически здѣсь ошибка, уже отмѣченная новѣйшими изслѣдованіями по исторіи русской литературы, такъ какъ до выступленія Карамзина въ качествѣ писателя въ Россіи уже существовала цѣлая плеяда сентиментальныхъ журналовъ, а слѣдовательно и литераторовъ, но несомнѣнно, что наиболѣе ощутительное и наиболѣе талантливое выраженіе русскій сентиментализмъ получилъ именно въ лицѣ Карамзина. Для тѣхъ, кто не погружался въ кропотливыя, но заманчивыя изысканія о второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятеляхъ старинной литературы, кто въ свѣдѣніяхъ объ этомъ предметѣ ограничился внушеніями школьнаго учебника,— для тѣхъ представленіе о Карамзинѣ и сентиментализмѣ является слитнымъ. И дѣйствительно, славу Карамзина создали „Бѣдная Лиза" и „Письма русскаго путешественника"—обязательное чтеніе еще дѣдовъ и бабокъ нашего поколѣнія. Однако, въ отношеніи сентиментализма необходимо сдѣлать оговорку, ибо это теченіе направилось по двумъ далеко несхожимъ русламъ. Положительное значеніе сентиментализма въ томъ, что онъ явился реакціей съ одной стороны ходульному классицизму, а съ другой—одностороннему сатирическому направленію, которое лишь скользило по поверхностнымъ шероховатостямъ жизни, не умѣя проникнуть въ ея глубь. Сентиментализмъ также былъ далекъ отъ дѣйствительной жизни, также дѣлалъ ошибки въ реальной оцѣнкѣ ея явленій, но онъ впервые заставлялъ человѣка смотрѣть на все окружающее сквозь призму своего я и хотя вся цвѣтовая гамма человѣческой души еще не была открыта, но все же становилась ясною связь этой души съ окружающей природой, а отсюда слѣдовало и одухотвореніе послѣдней, совершенно недоступное ложноклассическому взгляду на жизнь и на творчество. Съ возникновеніемъ сентиментализма поэтъ впервые пересталъ рабски списывать однажды нарисованныя близорукими очами

Digitized by Google

декораціи жизни, онъ впервые сталъ творить *изъ себя*, рождать новыя понятія и явленія, которыя получались изъ сочетанія внѣшнихъ наблюденій и внутреннихъ ощущеній души. Открылась цѣлая новая область — область чувства, которое, казалось, до того спало въ человѣкѣ или, вѣрнѣе, было слишкомъ физическимъ. Этотъ идейный сентиментализмъ былъ предвозвѣстникомъ еще большаго самоуглубленія человѣчества, выразившагося нѣсколько позднѣе въ романтизмѣ.

Всякое новое теченіе познается въ истинной своей сущности лишь избранниками; литературная чернь схватываетъ одну грубую канву новой ткани, не замѣчая вытканныхъ на ней и придающихъ красоту цѣлому узоровъ. Вотъ почему въ широкомъ кругу своихъ послѣдователей сентиментализмъ сталъ „лжеморальной язвой". Здѣсь чувство обратилось въ чувственность, естественность и свободность отношеній между обоими полами, провозглашенная сентиментализмомъ, превратились въ слащавую похотливость. Правда, культъ люби былъ вообще весьма важной задачей сентиментализма, но лишь потому, что въ любви наиболѣе ярко выражается дѣятельность чувства, и потому, что въ этой области особенно была необходима реакція по отношенію къ старому ученію, которое считало любовь своего рода попустительствомъ или въ лучшемъ случаѣ скоромною усладою жизни, закономѣрною лишь для сильнаго пола. Сентиментализмъ провозглашалъ не только половую равноправность любви, но даже и полное соціальное равенство въ этомъ отношеніи. Такіе взгляды на любовь, конечно, не могли стать сразу популярными.

Несложный и удобный эпикуреизмъ классиковъ съ нарожденіемъ сентиментализма былъ нарушенъ. Все, что казалось премудро и незыблемо установленнымъ, при повѣркѣ проснувшимся духовнымъ сознаніемъ потеряло свою цѣльность и прежнюю необходимость. Жизнь такою, какова она есть, не вмѣщалась въ предѣлы души, чувство въ лучшихъ своихъ требованіяхъ оставалось неудовлетвореннымъ, и хотя анализъ мысли еще не приводилъ къ мятежному или холодному пессимизму, но творчество, какъ отзвукъ перваго внутренняго разочарованія, облекается въ тихую меланхолію. Это уже зародышъ наиболѣе дѣятельнаго и движущаго элемента въ жизни и творчествѣ—страданія.

Такимъ образомъ русскій сентиментализмъ обнаружилъ два теченія. Одно—поверхностное и жизнерадостное—сложилось подъ вліяніемъ преобладавшей въ XVIII в.

Digitized by Google

французской культуры, другое—болѣе глубокое и меланхолическое—образовалось на почвѣ знакомства съ протестантскими литературами: англійскою и нѣмецкою. Первое теченіе еще очень тѣсно роднилось съ ложноклассицизмомъ и было послѣднею яркою вспышкою царившей у насъ галломаніи, второе являлось первымъ отзвукомъ англо-нѣмецкаго мистицизма и предвѣстіемъ романтической поэзіи. Сентименталистъ-Карамзинъ и романтикъ-Жуковскій въ первой порѣ его дѣятельности такъ близки по своимъ настроеніямъ, что ясно видно единство источниковъ, которые ихъ вдохновляли.

Обоихъ названныхъ поэтовъ единитъ проникающая ихъ произведенія меланхолія. Настроеніе это есть результатъ разочарованія въ старыхъ вѣрованіяхъ; то, чѣмъ жизнь была крѣпка, пошатнулось, оказалось ложнымъ, и такъ какъ новые положительные идеалы не являлись вдругъ, то неудовлетворенность настоящимъ приводитъ поэта къ мысли о безцѣльности жизни вообще и даже тяготѣ земного существованія. „Что же — вопрошаетъ Карамзинъ Дмитріева — скажемъ мы о времени прошедшемъ?

Какими радостьми, мой другъ, питались въ немъ?
Мы *жили, жили* мы — и болѣе не скажемъ,
И болѣе сказать не можемъ ничего.
Уже нашъ шаръ земной едва на четверть вѣка
Свершаетъ круглый путь, вкругъ солнца обходя,
Какъ я пришелъ въ сей міръ, иль. попросту, родился;
Но все, мой другъ, мнѣ все казалось время сномъ —
Бывали страшны сны, бывали и пріятны;
Но значатъ-ли что сны? не суть-ли только дымъ?

Не особенно пріятное утѣшеніе преподноситъ стихотворецъ больному „господину Д.“:

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Страдаетъ тотъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все томится,
Нигдѣ покоя въ мірѣ нѣтъ
Но тѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить;
Что скоро, скоро мы престанемъ
Страдать, стенать и слезы лить.

Меланхоликъ-поэтъ, не видя разгадки жизни, не доходитъ однако до байроническихъ вызововъ природѣ; онъ уповаетъ на иную жизнь „въ духовныхъ сферахъ“, вѣруя, что „щастье истинно хранится выше звѣздъ, на небесахъ“. Недовольство земною жизнью на первыхъ порахъ слишкомъ смутное и даже отчасти наивное: по-

Digitized by Google

эта тяготитъ непостоянство всего земного, человѣческая бренность и смертность. Нарисовавъ радостную картину весны, когда ликуетъ вся природа и даже пастухъ, „лежа безпечно на травѣ“ и „питаясь духомъ благовоннымъ“, „хвалитъ красоту весны“, меланхоликъ самъ находится въ полномъ противорѣчіи съ этимъ торжествомъ жизни:

Въ лугахъ печаль со мною бродитъ;
Смотря въ ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее.

Осень, понятное дѣло, уже окончательно угнетаетъ стихотворца. И особенное положеніе человѣка въ природѣ чувствуется имъ при этомъ сильнѣе и обиднѣе:

Вянетъ природа
Только на малое время;
Все оживится,
Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.
Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!
Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

Оплакивая смертность, какъ источникъ людского несчастія, поэтъ, конечно, рисковалъ навсегда остаться въ этомъ заколдованномъ кругѣ. Однако, съ лѣтами, онъ находитъ болѣе близкую, болѣе осязаемую причину своего недовольства жизнью, это — проникающая ее ложь, съ которою тѣмъ не менѣе онъ не видитъ способовъ бороться.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истины искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ—свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.

Умъ при установившемся складѣ жизни вообще является помѣхой, чѣмъ-то ненужнымъ, противоестественнымъ, и поэтъ въ отчаяніи слагаетъ саркастическій „Гимнъ глупцамъ“:

Блаженъ—не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе—
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!

Digitized by Google

Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда стоитъ лицомъ.

Выгодъ глупости не мало. Между прочимъ, глупцу
нѣтъ дѣла до правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или царь ужасный
Любезенъ. страшенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны,
Неронъ не страшенъ и для нихъ.

„Вся тварь разумная скучаетъ", говоритъ пушкинскій Мефистофель. По Карамзину, глупость защищаетъ и отъ этой напасти.

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ; ей имя *скука*:
Она летаетъ по землѣ
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.
Но счастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ,
Гремушку въ руки—онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глупцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ.

Мало того: человѣкъ становится уже въ глазахъ поэта не безпричиннымъ страдальцемъ среди торжествующей природы, а, напротивъ, злымъ насильникомъ, не желающимъ внимать ея назидательнымъ урокамъ. Та же самая весна, которая приводила поэта къ безпредметной печали, кажется ему праздникомъ любви, чувствительнымъ поученіемъ хищному человѣку:

Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится ѳиміамъ
Цвѣтовъ и древъ и травъ душистыхъ
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ,—
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!
Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой нарушаетъ?
Безсмертный человѣкъ! созданный
Собой Натуру украшать!

Digitized by Google

Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!
Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ,
Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко счастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единаго дѣтей!

Изъ приведеннаго отрывка особенно ясно, что „чувствительность" идейнаго сентиментализма весьма далека какъ отъ того пошлаго значенія, какое ей придавали сладкопѣвцы въ родѣ Нелединскаго, такъ и отъ того ироническаго смысла, какой придается этому слову въ настоящее время. Чувствительность Карамзина нерѣдко представляетъ собою зачатокъ той міровой любви, проповѣдь которой раздается въ наши дни. Отсюда понятно, почему Карамзинъ и Бога называетъ „Отцомъ чувствительныхъ сердецъ". Богъ Карамзина—не грозный ветхозавѣтный Богъ Державина и Дмитріева, а любвеобильное и всепрощающее Высшее Существо въ духѣ христіанскаго пантеизма. „Ты не знаешь", говоритъ онъ въ своей „Пѣсни Божеству",

Какъ мстить—наказывать враговъ:
Они ничто—Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ Своихъ сыновъ
И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь.
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.
Любовь!.. и съ кроткимъ удивленьемъ,—
Въ минуту славы торжества,—
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;
Обнимутъ руку всеблагую,
Отцомъ простертую къ сынамъ;
Восхвалятъ милость пресвятую—
Рекутъ: *есть Богъ—міръ Божій храмъ!*

Это предстоящее сліяніе людей съ Божествомъ и природой и является предметомъ вѣрованій поэта, причемъ и сама смерть получаетъ утѣшительный смыслъ, какъ средство пріобщиться къ тому, что было дорого и утрачено.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!

Digitized by Google

Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.
Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!..
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Однако, въ ожиданіи предстоящаго загробнаго блаженства все же не мѣшаетъ подумать объ устроеніи и настоящей земной жизни. Здѣсь-то и обнаруживается низкопробность идеаловъ поэта, его легкая примиряемость со зломъ какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и проповѣдь эгоистической морали—„моя хата съ краю". Такъ какъ „блаженство" недостижимо на землѣ, а жить все же приходится, то

Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться.
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить.
Безъ всякихъ суетныхъ желаній.
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.

Идеалъ благополучія таковъ: имѣть „свой домикъ", „мысли въ даль не простирать", „смотрѣть прямо всѣмъ въ глаза", быть *иногда* полезнымъ для ближнихъ „рукой своей или умомъ", быть „пріятнымъ другомъ, любимымъ счастливымъ супругомъ и добрымъ милыхъ чадъ отцомъ", *отъ скуки* призывать музъ, *забавляя* стихами и прозой „себя, домашнихъ и чужихъ" и, наконецъ, „отъ сердца чистаго смѣяться"

(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно [1]).

Если бы Карамзинъ дѣйствительно слѣдовалъ этому рецепту, то онъ, конечно, не былъ бы Карамзинымъ. Однако, по его же словамъ: „что есть поэтъ?—искусный лжецъ!" И, на самомъ дѣлѣ, онъ совершенно не стремился къ осуществленію указаннаго идиллически-себялюбиваго идеала. Самый взглядъ его на поэзію, которая здѣсь является приправой семейныхъ радостей, гораздо серьезнѣе. Онъ, который впервые сдѣлалъ у насъ занятіе литературою служеніемъ обществу, и на стихотворство, конечно, смотрѣлъ какъ на священнодѣйствіе. Поэзія, по Карамзину, „цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ", т. е. на ней лежатъ нравственныя задачи.

---

[1]) Замѣтьте: этотъ ходячій афоризмъ принадлежитъ Карамзину.

Digitized by Google

Поэтъ

Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистію своей:
Приливъ, отливъ желаній страстныхъ,
Ихъ тѣни, пользу, сладкій ядъ,
Рай свѣтлый, небо душъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что цѣль поэзіи непремѣнно дидактическая. Знакомый съ нѣмецкими теоретиками, Карамзинъ, согласно съ ними, строго разграничиваетъ область науки и область поэзіи, иначе—область мысли и область чувства. Задача поэта—„выражать оттѣнки разныхъ чувствъ"; поэтому для него допустимы противорѣчія, такъ какъ онъ находится во власти измѣнчивыхъ настроеній души:

Предметы разный видъ имѣютъ здѣсь для насъ;
Съ которой стороны они явятся взору,—
И чувству таковы.

Средства поэзіи—фантазія, или вымыселъ, и подражаніе природѣ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летящую съ сребристой пѣной
По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленый,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на велелѣпномъ тронѣ.

Природа и любовь—вотъ преимущественное содержаніе поэзіи. И то, и другое опять-таки цѣнны поэту потому, что вызываютъ чувствительность. Карамзинъ также написалъ нѣсколько пасторальныхъ романсовъ, схожихъ съ пѣснями Нелединскаго, но отношенія обоихъ поэтовъ къ нѣжному чувству совершенно различныя. Карамзинъ врагъ всяческой нескромности и относится къ любовной страсти или шутливо, или придаетъ ей характеръ семейной добродѣтели. Женщина, въ глазахъ Карамзина, не объектъ плотскихъ вожделѣній, а путеводительница „къ блаженству, добру и совершенству".

Нерѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку заслужить,
Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ благодѣтель.

Любовь къ женщинѣ—это созидательная сила въ природѣ. Несчастные случаи отъ любви, такъ называемая гибельная страсть,—только исключеніе:

Digitized by Google

Такъ тихая лампада,
Во тьмѣ для мудраго отрада,
Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мотыльковъ:
Ужели для того во мракѣ вечеровъ
Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
Но свѣчку снова зажигаю.
Злосчастный Вертеръ не законъ;
Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю...
Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тьму брачныхъ алтарей. гдѣ рѣзвый Купидонъ
И скромный Гименей на вѣкъ соединяютъ
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

Вотъ въ какихъ законныхъ формахъ жаждетъ поэтъ женской любви. Отсюда, конечно, весьма далеко до равноправности половъ, но все же отношеніе къ женщинѣ облагорожено Карамзинымъ сравнительно съ его предшественниками, которые трактовали любовь какъ „утѣхи“ съ „пастушками“. Карамзинъ выдвигаетъ незамѣчаемую до него священную роль женщины. какъ матери, но выше всего ставитъ онъ въ ней чувствительность, т. е. опять-таки то свойство, которое, по нашимъ опредѣленіямъ, ближе всего подходитъ къ понятію гуманности. Отводя женщинѣ почетное мѣсто въ жизни, Карамзинъ, разумѣется, стремится до нѣкоторой степени къ ея эмансипаціи и поэтому возмущается положеніемъ женщины въ Азіи, выражая надежду, что „орлы Екатерины“ уничтожатъ это зло и „человѣчества любезной половинѣ тамъ вольность возвѣстятъ“. Надежда весьма смѣлая и фантастичная. Для себя же поэтъ считаетъ идеаломъ такую эпитафію:

Онъ любилъ:
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ.

Старикъ-Державинъ, одобривъ вообще „Посланіе къ женщинамъ“ Карамзина, замѣтилъ, что послѣдній стихъ вызываетъ мысль:

Что съ таковыми женъ друзьями
Мужья съ рогами.

Но пѣвецъ Фелицы просто понялъ слишкомъ пунктуально сентиментальнаго поэта: Карамзинъ, видимо говоритъ не объ адюльтерѣ, а о наизаконнѣйшей супружеской дружбѣ.

Какъ поэтъ, Карамзинъ проповѣдывалъ чувствительность не только въ отношеніяхъ къ женщинѣ, но даже и въ политикѣ. Отдавая дань установленному классиками обычаю, и онъ встрѣчалъ перемѣну царствованій пыш-

Digitized by Google

ными одами. Нужно отдать ему справедливость, что при этомъ онъ воспѣвалъ не „громъ побѣды", а ожидаемое милосердіе и предполагаемую склонность къ просвѣщенію. Первая ода въ такомъ духѣ была написана на восшествіе Павла, и поэтъ въ экстазѣ восклицалъ:

Мы всѣ другъ друга обнимаемъ,
Россію съ Павломъ поздравляемъ.
Друзья! Онъ будетъ нашъ отецъ;
Онъ добръ и любитъ Россовъ нѣжно!
То царство мирно, безмятежно,
Въ которомъ Царь есть Царь сердецъ;
Отъ неба онъ вѣнцомъ украшенъ,
И только злымъ бываетъ страшенъ;
Для злыхъ во мракѣ тучъ гремитъ,
Благимъ, какъ Богъ, благотворитъ.

Заранѣе увѣренный, что новый императоръ „хочетъ счастья милліоновъ, полезныхъ обществу законовъ", что онъ „наукъ, художествъ покровитель" и „въ законъ ученіе поставитъ", что при немъ „съ закономъ совѣсть примирилась" и скоро во всей странѣ не будетъ „бѣдныхъ и несчастныхъ", одописецъ не скупится на историческія параллели:

Петръ Первый былъ всему начало;
Но съ Павломъ Первымъ возсіяло
Въ Россіи счастіе людей.
. . . .
. . . . ты еще дороже намъ:
Петръ былъ *великъ*, Ты *милъ сердцамъ*.

Сентиментальныя упованія не вполнѣ отвѣчали послѣдовавшей дѣйствительности, и Карамзинъ уже не перепечатывалъ этой оды въ собраніяхъ своихъ сочиненій, и нынѣ она впервые послѣ своего появленія въ свѣтъ возобновлена типографскимъ станкомъ. Нельзя предполагать со стороны Карамзина въ данномъ случаѣ лесть. Онъ лишь высказывалъ въ положительной формѣ то, чего самъ искренно жаждалъ, а неумѣренныя ожиданія объясняются стихомъ той же оды: „Началомъ ты плѣнилъ сердца".

Зато восшествіе Александра I—„милыя весны явленья" послѣ „мрачныхъ ужасовъ зимы"—дѣйствительно представляло болѣе соотвѣтственный случай высказать прежнія пожеланія поэта, причемъ на этотъ разъ и самый тонъ его новой оды преисполненъ большаго достоинства и менѣе грѣшитъ гиперболизмами. Къ „воспитаннику Екатерины" поэтъ взываетъ:

Digitized by Google

Монархъ! довольно лавровъ славы!
Довольно ужасовъ войны!
. . . .
Возьми—не мечъ,—вѣсы Ѳемиды...

Другая забота Карамзина—это:

Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ...

Предостерегая юнаго царя отъ „хитрыхъ льстецовъ“, поэтъ представляетъ ему такую завидную будущность:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ...

Эти оды, какъ бы то ни было, дань старому вѣку... Новая поэзія, отвергнувъ этотъ излюбленный классиками родъ лирики, изобрѣла и новыя формы творчества: балладу и элегію. Эта внѣшняя революція настолько кажется серьезной записнымъ словесникамъ, что они и начало романтизма устанавливаютъ съ появленія на свѣтъ первой баллады. Имя „балладника“ преимущественно осталось за Жуковскимъ, но первою русскою балладою обыкновенно считается „Громвалъ“, написанный забытымъ поэтомъ Г. П. Каменевымъ. На самомъ дѣлѣ первыя русскія баллады написаны Карамзинымъ: „Графъ Гвариносъ“ (1789 г.) и „Раиса“ (1791 г.). Вліяніе Карамзина на Жуковскаго было значительное и оно обстоятельно выяснено покойнымъ проф. Ждановымъ. Но еще болѣе интересно то обстоятельство, что стихотворныя произведенія Карамзина отозвались и на вдохновеніяхъ Пушкина, который видимо цѣнилъ Карамзина какъ поэта и недаромъ встрѣтилъ „Исторію Государства Россійскаго“ эпиграммой:

И, бабушка, затѣяла пустое:
Окончи лучше намъ Илью-богатыря.

Незаконченная сказка Карамзина „Илья Муромецъ“—неудачная попытка приблизиться къ народности—была хорошо знакома Пушкину и отразилась какъ на „Русланѣ и Людмилѣ“, такъ и на позднѣйшихъ его сказкахъ.

Сохранилось ли что въ памяти народной отъ поэзіи Карамзина? Нелединскій памятенъ пѣсней: „Выду я на рѣченьку“. И у Карамзина народъ кое-что позаимствовалъ. Еще лѣтъ 50—60 тому назадъ наши бабки умиленно распѣвали положенныя на музыку заключительныя строфы изъ стихотворенія Карамзина „Надежда“:

Digitized by Google

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ,
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.

Мотивъ чувствительнаго романса разнесли повсюду шарманки, а слова пѣсни изъ столичныхъ и помѣщичьихъ гостиныхъ перешли въ дѣвичьи и лакейскія и едва ли даже и теперь этотъ романсъ исчезъ совершенно изъ репертуара домашней прислуги.

Другая пѣсня Карамзина „Веселый часъ":

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

была одною изъ любимыхъ студенческихъ пѣсенъ еще въ наше время, лѣтъ десять тому назадъ, и донынѣ распѣвается при соотвѣтствующихъ случаяхъ семинаристами.

Отъ Карамзина осталось и нѣсколько „крылатыхъ" стиховъ, которые, весьма вѣроятно, переживутъ и наступившій вѣкъ, превратившись вообще въ народное достояніе, какъ пословицы. Мы привели уже выше одинъ подобный стихъ: „Смѣяться, право, не грѣшно" и т. д. Другое ходячее выраженіе изъ его стиховъ: „Ничто не ново подъ луною" [1]). Наконецъ, ему же принадлежитъ знаменитая кладбищенская эпитафія, донынѣ объединяющая покойниковъ и переживших ихъ родственниковъ изъ мѣщанскаго и купеческаго круга: „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!"

Для непритязательнаго самолюбія — и такого долговѣчія достаточно.

Нелединскій и Карамзинъ — представители двухъ смежныхъ поколѣній. Нелединскій — это обломокъ стараго боярства, вскормленный и вспоенный традиціями королевской Франціи; Карамзинъ—зачатокъ русской интеллигенціи, запоздалый русскій гуманистъ, который

---

[1]) Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости порока.

(Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Экклезіаста).

Digitized by Google

впервые привилъ внутреннее просвѣщеніе русскому обществу, удовлетворявшемуся дотого сомнительнымъ внѣшнимъ блескомъ. Разница міросозерцаній обоихъ поэтовъ создала и различное отношеніе каждаго изъ нихъ къ основному мотиву ихъ поэзіи — культу любви. Что для Нелединскаго просто и естественно, то въ Карамзинѣ вызываетъ уже нерѣдко мучительное сомнѣніе. Первый вполнѣ удовлетворенъ существующей дѣйствительностью, второй—стремится къ какому-то еще смутному идеалу. Такимъ образомъ, пассивное и бездушное творчество русской поэзіи въ лицѣ Карамзина одухотворяется сознательною цѣлью и принимаетъ гуманное направленіе, которое шире было развито послѣдовавшею затѣмъ романтическою школою.

Мих. Мазаевъ.

Digitized by Google

Германскіе университеты.

Проф. философіи Берл. унив. *Ф. Паульсена.*

Пер. А. Я. Чемберса подъ редакціей проф. А. Х. Гольмстена.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ германскаго университета.

Разнообразныя формы нынѣ существующихъ высшихъ учебныхъ заведеній могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ группамъ: англійскаго, французскаго и германскаго типа.

Англійскій типъ, какимъ онъ представляется въ обоихъ издавна чтимыхъ университетахъ Оксфорда и Кэмбриджа, является старѣйшимъ; въ немъ болѣе всего сохранился первоначальный характеръ

Примѣчаніе. Появленіе въ печати перевода статьи профессора Паульсена представляется намъ наиболѣе своевременнымъ именно теперь, когда вопросы университетской организаціи и преподаванія привлекли къ себѣ вниманіе нашего образованнаго общества. Не безъинтересно ознакомиться съ современнымъ состояніемъ и историческимъ развитіемъ тѣхъ университетовъ, сколкомъ которыхъ всегда, при самыхъ разнообразныхъ уставахъ, были наши университеты. Какъ уставъ 1863 г., такъ и уставъ 1884 г., несмотря на полную ихъ противоположность, оба построены по германскому образцу: одинъ въ однихъ, другой въ другихъ своихъ чертахъ воспринялъ организацію германскихъ университетовъ. Такъ что, исторически разсуждая, нашимъ университетамъ болѣе сроденъ духъ германскихъ, чѣмъ духъ другихъ университетовъ—типа англійскаго и французскаго. Надо думать, что и въ дальнѣйшемъ мы пойдемъ по тому-же пути и выросшая на германской почвѣ идея автономно-корпоративнаго правительственнаго высшаго учено-учебнаго учрежденія воплотится въ форму, съ одной стороны, отвѣчающую запросамъ, предъявляемымъ къ современной высшей школѣ, а съ другой—согласованную съ условіями нашей дѣйствительности. Заимствовать идею не значитъ рабски подчиниться образцу—иногда, наоборотъ, заимствованная идея проводится въ странѣ заимствовавшей болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ странѣ, откуда она заимствована. Примѣромъ можетъ служить выборное начало въ примѣненіи къ замѣщенію профессорскихъ каѳедръ. Идея автономнаго университета требуетъ примѣненія этого начала, а между тѣмъ въ Германіи оно замѣнено началомъ правительственнаго назначенія. Восприятіе идеи не обязываетъ насъ къ воспріятію и отступленій отъ нея, наоборотъ, обязываетъ провести ее съ должной послѣдовательностью. Мало того.

Digitized by Google

средневѣкового университета, такъ какъ Англія вообще наиболѣе консервативная и самая преданная старымъ обычаямъ страна въ Европѣ. Университетъ здѣсь—свободная корпорація, покоющаяся на церковныхъ основаніяхъ; онъ построенъ на началѣ самоуправленія и черпаетъ средства для своего содержанія изъ принадлежащаго ему имущества, образовавшагося путемъ пожертвованій и пожалованій; правительство не касается общаго порядка управленія университетомъ. Жизненный строй его въ основныхъ своихъ чертахъ подобенъ строю средневѣковыхъ университетовъ; учителя и ученики живутъ совмѣстно въ сообществѣ, напоминающемъ монастырское, въ colleges и halls. Преподаваніе также какъ по содержанію, такъ и по формѣ сходно съ преподаваніемъ старыхъ университетовъ съ ихъ главнымъ факультетомъ—facultas artium. Цѣль преподаванія состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать болѣе широкое и углубленное общее образованіе, подобающее джентельмену. Собственно, дѣло научныхъ изысканій, равно какъ и спеціальное, необходимое для интелигентныхъ профессій, образованіе лежатъ внѣ общихъ задачъ университета. Предметы преподаванія составляютъ прежде всего общеобразовательныя науки: языки,

---

Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что, проводя заимствованную идею, мы внесемъ такую деталь, которой на родинѣ этой идеи неизвѣстно вообще или въ той формѣ, какую мы ей придали. Примѣромъ можетъ служить такъ назыв. студенческая организація, подъ которою разумѣются самые разнообразные случаи вмѣшательства автономнаго университета въ упорядоченіе и контролированіе строя жизни студенчества. Сюда входитъ: упорядоченіе, во 1-хъ, научныхъ, художественныхъ и др. обществъ студентовъ, засѣдающихъ въ зданіи университета, во 2-хъ, собраній студентовъ въ стѣнахъ университета для обсужденія вопросовъ студенческой жизни, въ 3-хъ, представительства студентовъ въ лицѣ выборныхъ для разнообразныхъ административныхъ цѣлей—сношенія съ профессорами и администраціей, участіе въ завѣдываніи отдѣльными учрежденіями, при университетѣ состоящими (столовыя, читальни, общежитія и т. п.) и, въ 4-хъ, суда чести, состоящаго изъ выборныхъ студентовъ, вѣдающаго проступки, роняющіе достоинство студента (но не нарушенія университетскихъ правилъ). Только представительство студентовъ, какъ университетское учрежденіе, знакомо германскимъ университетамъ (Studentenausschuss); но тамъ оно какъ бы остановилось въ своемъ развитіи и не имѣетъ особеннаго значенія. Что касается права организовывать общества, права собраній и права суда, то эти явленія въ Германіи живутъ внѣ университета—первыя два, какъ проявленія общаго права студентовъ-гражданъ, послѣднее, какъ принадлежность отдѣльныхъ студенческихъ корпорацій. У насъ, хотя студентамъ и не запрещено организовывать научныя, художественныя и др. общества, но едва ли они были бы разрѣшены общею администраціею; право-же собраній вообще совсѣмъ не признается закономъ, а потому если эти явленія желательны среди студенчества, то они могутъ существовать лишь подъ охраною и контролемъ университетовъ. Взять подъ охрану и контроль и регламентировать ихъ университеты могутъ лишь какъ автономныя учрежденія. То-же слѣдуетъ сказать и о студенческомъ судѣ чести; въ Германіи онъ является принадлежностью студенческихъ корпорацій; а у насъ нѣтъ корпорацій, нѣтъ и судовъ чести, но суды эти могутъ быть учреждены и при отсутствіи корпорацій опять-таки автономнымъ университетомъ, который свое право суда надъ студентами по нѣкоторымъ проступкамъ переноситъ на людей избранныхъ студентами изъ своей среды; онъ беретъ это право подъ свою охрану, подъ свой контроль и регламентируетъ его. Въ такомъ видѣ упомянутыя явленія въ Германіи не существуютъ, но у насъ могутъ существовать и находить свое основаніе въ идеѣ германскаго автономнаго университета.

Проф. *А. Гольмстенъ.*

Digitized by Google

исторія, математика, естествознаніе, философія. Способъ преподаванія—школьный, чаще всего чисто частныхъ уроковъ.

Французскій типъ высшаго учебнаго заведенія значительно отклонился отъ старой формы. Революція упразднила вмѣстѣ съ многими другими историческими образованіями также и университеты, дабы очистить мѣсто для великаго новаго, по геометрической схемѣ задуманнаго зданія. Завершеніе новой постройки достигнуто было лишь въ императорскую эпоху. На мѣстѣ старыхъ университетовъ появились самостоятельныя спеціальныя школы для отдѣльныхъ профессій, требующихъ научной подготовки: facultés de droit, médecine, des sciences, des lettres. Старое соединеніе факультетовъ подъ общимъ единствомъ университета было отринуто, и даже наименованіе «университетъ» исчезло-бы, если-бы оно не сохранилось въ измѣненномъ значеніи «université de France»; оно обозначаетъ въ данномъ смыслѣ громадную, всю страну объемлющую, общую корпорацію, управляющую строемъ всего преподаванія, начиная съ элементарныхъ школъ и кончая спеціальными высшими учебными заведеніями. Факультеты теперь являются правительственными учрежденіями, существующими для цѣлей технической подготовки къ занятіямъ опредѣленной профессіи; учителя—правительственные чиновники, и въ качествѣ таковыхъ подвергаются особымъ государственнымъ экзаменамъ. Научныя изысканія и общее научное образованіе не составляютъ, собственно говоря, задачи факультетовъ; первыя—дѣло академіи, второе—подготовительной школы.

Германскій типъ, привившійся въ Германіи и въ другихъ, развивавшихся въ томъ-же культурномъ направленіи сосѣднихъ странахъ (Австріи, Швейцаріи, Нидерландахъ и на скандинавскомъ сѣверѣ, а также въ Россіи), занимаетъ, по внѣшней своей структурѣ, среднее между англійскимъ и французскимъ типомъ положеніе. Онъ больше удержалъ отъ старой формы, чѣмъ французскій, но съ другой стороны и въ большей степени пошелъ на встрѣчу требованіямъ новаго времени, чѣмъ англійскій. Германскій университетъ, подобно французскому факультету, правительственное учрежденіе, создается и содержится государствомъ и подчиняется правительственному управленію. Однако, университеты сохранили не маловажныя черты и стараго корпоративнаго строя; они пользуются извѣстной долей самоуправленія; они сами выбираютъ своихъ администраторовъ: ректора, сенатъ и декановъ; они оказываютъ наконецъ, замѣтное вліяніе на заполненіе каѳедръ, прежде всего уже тѣмъ, что опредѣляютъ посредствомъ докторскихъ испытаній и путемъ допущенія приватъ-доцентовъ тотъ кругъ лицъ, изъ котораго главнымъ образомъ пополняется составъ преподавателей равно какъ и тѣмъ, что дѣлаютъ правительству предложенія о заполненіи отдѣльныхъ каѳедръ. Въ общемъ-же своемъ строеніи, какъ учебнаго заведенія, германскіе университеты сохранили первоначальную форму даже въ самомъ чистомъ ея видѣ. Четыре факультета сохранены въ качествѣ дѣйствительныхъ учебныхъ заведеній, въ то время, какъ въ Англіи преподаваніе и жизнь сосредоточились главнымъ образомъ въ colleges, съ другой-же стороны здѣсь сохранено, въ противоположность Франціи, соединеніе факультетовъ

Digitized by Google

въ жизненное единство университета, общаго высшаго учебнаго заведенія для всѣхъ интеллигентныхъ профессій.

Если-же взглянуть на внутреннюю сущность германскаго университета, то въ этомъ отношеніи въ качествѣ особенно ему присущаго характера выступаетъ то, что онъ одновременно является и мѣстомъ научныхъ изысканій и учрежденіемъ для высшаго научнаго преподаванія, притомъ какъ общеобразовательнаго, такъ и спеціальнаго. Подобно англійскимъ университетамъ, онъ отличается своимъ расширеннымъ, и болѣе глубокимъ общенаучнымъ преподаваніемъ, что составляетъ особенную задачу философскаго факультета. Подобно французскимъ facultés, онъ сообщаетъ спеціальныя научныя знанія, потребныя для интеллигентныхъ профессій: духовенства, судей, высшихъ чиновъ правительства, врачей и учителей гимназій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ, чѣмъ не бываютъ ни англійскіе, ни французскіе университеты, наиболѣе выдающимся мѣстомъ научной работы въ Германіи и въ то-же самое время является питомникомъ научныхъ изысканій.

По нѣмецкимъ воззрѣніямъ университетскій профессоръ въ одно и тоже время учитель и научный изслѣдователь, причемъ послѣдній стоитъ на первомъ мѣстѣ, такъ что собственно слѣдуетъ сказать: въ Германіи научные изслѣдователи являются вмѣстѣ съ тѣмъ и учителями учащагося юношества. этимъ опредѣляется далѣе и то, что академическое преподаваніе прежде всего чисто научное; впереди стоитъ не подготовка для практической дѣятельности, но введеніе въ кругъ научныхъ познаній и изысканій.

Въ этомъ единствѣ научнаго изысканія и преподаванія и заключается своеобразный характеръ германскаго университета. Въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ есть прекрасные ученые, но никто не назоветъ англійскіе университеты носителями научной работы странъ. Многіе изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ Англіи люди какъ Дарвинъ, Г. Спенсеръ, Гротъ, оба Миля, Маколей, Гиббонъ, Бентамъ, Рикардо стояли внѣ университета и о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сказать, что присутствіе ихъ въ англійскомъ университетѣ было бы невозможно. Но и университетскіе ученые не являются собственно учителями учащейся молодежи, они прочитываютъ, быть можетъ, за годъ дюжины двѣ лекцій, втеченіе-же всего остального времени дѣйствительное преподаваніе находится въ рукахъ fellows и tutors. Тоже самое и во Франціи. Научные изслѣдователи, великіе ученые принадлежатъ академіи, Institut de France, они бываютъ, быть можетъ, членами Collège de France или Сорбонны, и въ качествѣ таковыхъ прочитываютъ отдѣльныя публичныя лекціи, куда доступъ открытъ каждому, но они не являются, подобно нѣмецкимъ профессорамъ, дѣйствительными, ежедневными учителями учащагося юношества. Напротивъ, отъ преподавателей факультетовъ, особенно въ провинціи, никто и не требуетъ, чтобы они были самостоятельными научными изслѣдователями.

Въ противоположность этому въ Германіи существуетъ такое предположеніе: всѣ университетскіе преподаватели суть также научные изслѣдователи или дѣйствительные ученые и наоборотъ всѣ дѣйствительные ученые суть въ то-же время университетскіе про-

Digitized by Google

фессора. Бываютъ, конечно, исключенія; извѣстны выдающіеся ученые, которые никогда не были университетскими профессорами, достаточно вспомнить Вильгельма и Александра фонъ-Гумбольдтъ; и среди преподавателей германскихъ гимназій также издавна встрѣчались хорошо извѣстныя наукѣ имена. Естественно, что случается и обратное, и среди университетскихъ профессоровъ не только попадаются лица, не давшія какъ ученые, ничего значительнаго, но также и такія, которыя прежде всего стремятся быть преподавателями. Но общее правило не таково, въ видѣ общаго правила, въ лицѣ ученаго совпадаетъ и профессоръ. Если въ Германіи заходитъ рѣчь о какомъ-либо ученомъ, то тотчасъ-же рождается вопросъ, въ какомъ онъ университетѣ? И если окажется, что онъ ни къ какому не принадлежитъ, то можно предположить, что это чувствуется имъ, какъ нѣкоторое къ себѣ пренебреженіе, и наоборотъ, когда заходитъ рѣчь о профессорѣ, тотчасъ-же приходитъ на умъ вопросъ, что онъ написалъ, что создалъ въ наукѣ.

Послѣдствія этого взаимоотношенія полны глубокого значенія для всего строя духовной и научной жизни Германіи.

Нѣмецкій ученый въ тоже время и академическій учитель, на этомъ покоится положеніе, занимаемое имъ въ жизни германскаго народа. Германскіе мыслители и изслѣдователи принадлежатъ германскому народу не только какъ писатели, по бумагѣ, но какъ личные учителя. Люди, какъ Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ въ свое время работали прежде всего въ качествѣ академическихъ преподавателей; ихъ вліяніе, какъ писателей, не было такъ значительно; большая часть ихъ произведеній обнародована послѣ ихъ смерти по ихъ собственнымъ же, замѣткамъ для лекцій или запискамъ ихъ учениковъ. Кантъ и Хр. Вольфъ были также университетскими профессорами. То-же самое можно сказать и о великихъ филологахъ Гейне, Ф. А. Вольфѣ, Г. Германнѣ, они главнымъ образомъ вліяли своей личной преподавательской дѣятельностью, ихъ ученики вносили, въ качествѣ проповѣдниковъ различныхъ научныхъ направленій, духъ и пріемы этихъ людей въ молодое поколѣніе народа. Или-же стоитъ вспомнить о значеніи, какое имѣли историки Ранке и Вайцъ благодаря своимъ семинаріямъ. Заслуживаетъ также вниманія и то, что изъ числа выдающихся поэтовъ германскаго народа, не одинъ былъ въ то-же время университетскимъ преподавателямъ, такъ Уландъ и Рюкертъ, также Бюргеръ и Шиллеръ. Наконецъ, чего не говоритъ самъ за себя тотъ фактъ, что Лютеръ и Меланхтонъ были университетскими профессорами!

Несомнѣнно это обстоятельство является для обѣихъ сторонъ въ высшей степени плодотворнымъ. Германское юношество, приходящее въ университетахъ въ непосредственное соприкосновеніе съ духовными вожаками народа, впитываетъ здѣсь глубоко въ немъ внѣдряющіеся и долго позднѣе живущіе стимулы. Въ лѣтописяхъ жизни нѣмца на университетскіе годы выпадаетъ полная большого значенія роль, не рѣдко преподаваніе академическаго учителя является опредѣляющимъ и собственное духовное направленіе слушателя. Съ другой стороны это обстоятельство благотворно и плодотворно

Digitized by Google

отражается и на германскихъ ученыхъ и изслѣдователяхъ: общаясь съ молодежью, они сами остаются молодыми. Устное изложеніе мыслей благодаря духовному, хотя и молчаливому, взаимодѣйствію слушателей таитъ въ себѣ нѣчто возбуждающее и оживляющее мысль, чего недостаетъ уединенному писателю. Присутствіе слушателей неизмѣнно приковываетъ взоръ учителя къ существенному и всеобщему. Склонность къ философствованію и сведеніе всего къ руководящимъ идеямъ, приписываемыя нѣмецкой мысли, всецѣло связано съ тѣмъ фактомъ, что знаніе здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, творится для живой передачи въ устномъ изложеніи.

Естественно, что и такой порядокъ имѣетъ свою обратную сторону. Съ университетской окраской научной дѣятельности въ легко распознаваемой связи стоятъ и менѣе отрадныя стороны германской научной жизни. Такова склонность къ литературному перепроизводству, къ образованію школъ, какъ-бы сектъ въ области науки и къ умаленію значенія трудовъ лицъ, внѣ данныхъ круговъ стоящихъ; это умаленіе съ особенною горечью ощущается послѣдними и съ горячностью выставляется ими противъ «цеховыхъ ученыхъ», такъ хорошо извѣстно читателямъ Шопенгауера. Извѣстно, что въ Германіи ученому, стоящему внѣ университета, труднѣе пробиться, чѣмъ въ Англіи или во Франціи. Достовѣрно также, что полезнымъ коррективомъ для германской университетской ученой дѣятельности, послужило-бы большее преуспѣваніе на ряду съ ней не инкорпорированной научной работы, которая могла бы во многихъ отношеніяхъ привносить не предубѣжденный взглядъ и надежное мѣрило для сужденія.

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ германскому народу нѣтъ основаній быть недовольнымъ этимъ завѣщаннымъ исторіей, выше упомянутымъ обстоятельствомъ. И если въ Германіи наука болѣе близка сердцу народа, чѣмъ въ другихъ странахъ, то несомнѣнно благодаря тому счастливому обстоятельству, что здѣсь великіе мужи науки издавна являлись въ то же время личными учителями учащагося юношества. И во всякомъ случаѣ университетамъ слѣдуетъ желать дальнѣйшаго существованія такого положенія. Тайна ихъ значенія кроется именно въ томъ, что они въ состояніи привлекать и удерживать у се я руководящія духовныя силы; и пока за ними остается эта возможность, они въ силахъ будутъ сохранить за собою и то положеніе, которое снискали въ жизни германскаго народа.

Нѣкоторое измѣненіе, однако, должно впослѣдствіи произойти. Занятое въ первой половинѣ этого столѣтія университетами положеніе обусловливалось тѣмъ фактомъ, что германскій народъ не имѣлъ иного центра національной жизни, кромѣ науки и литературы, участіе его въ общемъ политическомъ мірѣ было умалено, а проведеніе своей экономической самостоятельности, соревнованіе на міровомъ рынкѣ, затруднено. Это неизбѣжно привело къ необходимости сосредоточить свои силы на внутренней жизни и въ духовномъ мірѣ искать возмѣщенія за то пренебреженіе, которое онъ испытывалъ во внѣшнемъ.

Такимъ образомъ, въ европейскомъ общеніи германскому народу выпала или за нимъ была оставлена роль «народа мыслителей и

Digitized by Google

поэтовъ». Германія и Франція, казалось, обмѣнялись ролями, которыя имъ присвоила средневѣковая поговорка: у итальянцевъ папизмъ, о нѣмцевъ царизмъ, у французовъ наука.

Обстоятельства эти за послѣднее время измѣнились. Германскій народъ, который такъ долго былъ объектомъ въ европейской политикѣ, снова занялъ мѣсто субъекта. Единство Германіи покоится теперь на иныхъ, чѣмъ университеты, основаніяхъ. Эта перемѣна стала ощутительна въ болѣе чѣмъ одномъ отношеніи. Въ новой имперіи университеты уже не могутъ быть дѣйствительнымъ центромъ народной жизни, какъ то въ извѣстномъ смыслѣ было во время союзнаго совѣта (вниманіе, которое оказывало имъ это высокое собраніе, само служитъ тому указаніемъ). И таланту теперь открыты иные пути къ выдающемуся положеніи, кромѣ академическаго поприща: въ рейхстагѣ, въ войскѣ, на гражданской службѣ, въ экономической сферѣ, въ колоніяхъ, для каждой силы, желающей проявиться, безотносительнно къ ея происхожденію, вездѣ ототкрытъ просторъ для дѣятельности и надеждъ на вліяніе и прибыль.

Однако и до сихъ поръ и при измѣнившихся обстоятельствахъ, университеты сохранили выдающіеся положенія среди германскихъ національныхъ учрежденій. И теперь еще они являются не маловажными связующими элементами въ зданіи германскаго единства. Обмѣнъ учителей и учениковъ высшихъ школъ, ежедневно происходящій между различными племенами и странами на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ, не мало и нынѣ способствуетъ къ поддержанію чувства народнаго единства въ отдѣльныхъ членахъ имперіи, раздѣленныхъ между собой государственными границами. И должно надѣяться, что германскіе университеты всегда сохранятъ за собой мѣсто главнаго носителя германской науки. Прочно будетъ для нихъ это мѣсто, пока они, какъ наслѣдники прошлаго, будутъ лелѣять духъ этой внутренней силы: мирную преданность дѣлу, честный трудъ и любовь къ истинѣ, пренебрегающіе всякими посторонними цѣлями и разсчетами.

Тѣмъ временемъ они могутъ радоваться тому признанію, которое шлютъ имъ изъ за-границы, приступая къ усвоенію ихъ формъ. Франція уже начала соединять свои факультеты въ общіе университеты, въ Англіи тоже стремятся извлечь университетское образованіе изъ разбросаннаго въ college'ахъ. Наибольшихъ результатовъ въ стремленіи провести германскую идею научнаго изысканія и научнаго преподаванія, быть можетъ, достигли нѣкоторые изъ самыхъ выдающихся американскихъ университетовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очерки историческаго развитія

I. Средніе вѣка.

Возникновеніе. Происхожденіе свое университеты ведутъ изъ Франціи и Италіи, по времени оно совпадаетъ съ началомъ второй

Digitized by Google

половины среднихъ вѣковъ. Въ первую половину взоръ былъ преимущественно обращенъ назадъ къ христіанству и древности; но съ конца XI вѣка онъ вновь устремляется впередъ. Могучее возбужденіе охватываетъ духовную жизнь; крестовые походы приводятъ народы запада въ болѣе тѣсное между собой и съ восточнымъ міромъ соприкосновеніе, религія и культура Ислама становятся предметомъ изученія; рыцарство перерождается въ носителя міровой литературы и знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ въ новыхъ орденахъ францисканцевъ и доминиканцевъ возникаетъ родъ церковно-духовнаго рыцарства, великія имена вновь быстро развивающихся богословія и философіи главнымъ образомъ принадлежатъ этимъ орденамъ. Повсюду господствуетъ жажда знанія, совершаются попытки ту вѣру, которую новые народы приняли, какъ нѣчто уже данное, теперь и внутренне усвоить и проникнуть разумомъ. Одновременно съ этимъ становятся извѣстными великія творенія аристотелевской философіи. Такимъ образомъ, народилась задача согласовать вѣру съ наукой, ученія церкви съ философіей и совмѣстно ихъ разрабатывать. Эта задача осуществилась въ великихъ системахъ, сложившихся въ XIII столѣтіи.

Этотъ новый духовный міръ призвалъ къ жизни университеты въ качествѣ своихъ органовъ или носителей. Парижъ—первая великая высшая школа запада—становится разсадникомъ новаго богословско-философскаго спекулятивнаго знанія. Отъ нея—ex diluvio scientiarum studii Parisiensis, главнымъ образомъ и происходятъ германскіе университеты, но не безъ вліянія на нихъ оказались и самостоятельно возникшія высшія школы Италіи, въ особенности возникшая, въ качествѣ школы правовѣдѣнія, высшая школа въ Болоньѣ.

Въ то время какъ старѣйшіе университеты Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи относятъ время своего возникновенія къ XIII, а время появленія ихъ зародышевыхъ формъ къ XII вѣку, германскіе университеты впервые вырастаютъ изъ второй половины XIV столѣтія. Прага и Вѣна—первыя образованія, одна учреждена въ 1348 году Люксембургами, другая въ 1365 году Габсбургами, оба на восточной границѣ сферы германской культуры, очевидно потому, что къ западной достаточно близокъ былъ Парижъ, съ которымъ старыя церковныя школы на Рейнѣ, въ особенности Кельнскія стояли въ тѣснѣйшей связи. Къ концу столѣтія послѣдовалъ и западъ съ университетами: Гейдельбергскимъ (1385) и Кельнскимъ (1388) и средняя Германія съ Эрфуртскимъ (1392); оба послѣдніе созданы городами. Расколъ въ Парижскомъ университетѣ, вызванный великой церковной схизмой, повліялъ на возникновеніе этихъ трехъ университетовъ; хотя Кельнъ уже давно былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ мѣстъ церковно-научнаго образованія. Здѣсь учили въ школѣ доминиканцевъ Альбертъ Магнусъ и Ѳома Аквинскій, а въ школѣ миноритовъ Дунсъ Скотъ. Въ возмѣщеніе потерянной для Германіи во время гусситскихъ движеній Праги былъ основанъ университетъ въ Лейпцигѣ (1409) и для странъ балтійскаго побережья Роштокъ (1419).

Изъ семи университетовъ перваго образованія два существуютъ и нынѣ. Кельнъ и Эрфуртъ, занимавшіе втеченіе XV и XVI

Digitized by Google

вѣковъ первое мѣсто, были вмѣстѣ съ той духовной территоріей, къ которой они принадлежали, уничтожены вихрями французской революціи, оказавшейся гибельной для стольких старыхъ университетовъ; Кельнскій университетъ закрытъ въ 1794 г., Эрфуртскій въ 1816 г.

Второй періодъ образованія университетовъ начинается съ зарожденія гуманистскаго движенія, онъ призвалъ къ жизни 9 германскихъ университетовъ: Грейфсвальдъ (1456), Фрейбургъ (1457), Базель (1460), Ингольштадтъ (1472), Тріеръ (1473), Майнцъ (1477), Тюбингенъ (1477), Витенбергъ (1502), Франкфуртъ-на-Одерѣ (1506); четыре изъ нихъ существуютъ на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ и до сихъ поръ, первые три изъ названныхъ и Тюбингенъ. Тріеръ и Майнцъ, оба архіепископскіе университеты, никогда не имѣвшіе большого значенія, прекратили свое существованіе вмѣстѣ съ паденіемъ духовнаго господства въ концѣ прошлаго вѣка. Изъ остальныхъ трехъ одни въ началѣ этого вѣка перемѣнили города, другіе-же утратили свою самостоятельность: Ингольштадтскій университетъ сначала былъ перенесенъ въ Ландсхутъ (1802), а затѣмъ въ Мюнхенъ (1826); Витенбергскій слитъ съ университетомъ въ Галле (1817), Франкфуртскій съ Бреславскимъ (1811).

Изложенію организаціи и учебной дѣятельности германскихъ университетовъ я предпошлю нѣсколько словъ о самомъ наименованіи ихъ. Собственно названіе учебнаго заведенія было—studium generale. Въ противоположность studium particulare, обозначавшему школу данной мѣстности или округа, университетъ обозначался какъ общая школа, ибо онъ стремился стать учебнымъ заведеніемъ для всего христіанства, безотносительно къ національнымъ или территоріальнымъ границамъ, чтобы полученныя здѣсь ученыя степени признавались во всемъ христіанскомъ мірѣ. Наименованіе же universitas, напротивъ, скорѣе обозначало не учебное заведеніе, а политическую корпорацію учителей и учениковъ, которая, благодаря всевозможнымъ изъятіямъ имѣла положеніе публично правовой корпораціи, въ этомъ смыслѣ говорили объ universitas magistrorum et scolarium Parisiis existentium, и объ universitas studii Pragensis, Viennensis. Названіе университетъ постепенно вытѣснило другое наименованіе и стало примѣняться, съ современнымъ его дополненіемъ въ видѣ universitas litterarum, также и для обозначенія самого учебнаго заведенія, какъ таковаго.

Учрежденіе. Германскіе университеты не выростали подобно первымъ французскимъ и итальянскимъ, но создавались по готовому шаблону. Въ ихъ учрежденіи совмѣстно дѣйствовали свѣтскія и духовныя власти. Папа посредствомъ буллы клалъ основу учебному заведенію, какъ таковому, онъ надѣлялъ его привиллегіей давать ученыя степени, благодаря чему заведеніе становилось studium generale или privilegiatum. Обученіе, по средневѣковымъ воззрѣніямъ,—дѣло, исходящее отъ церкви. Но наряду съ папой постепенно выступаетъ въ качествѣ конкурирующей власти и императоръ, основаніемъ тому служило «императорское», т. е. римское право, носительницей послѣдняго является императорская власть. Мѣстный владѣтельный князь, являясь дѣйствительнымъ иниціаторомъ во всемъ, надѣляетъ университетъ внѣшними атрибутами существованія. Онъ

Digitized by Google

добываетъ отъ куріи, быть можетъ, также и отъ императора учредительную буллу; онъ-же надѣляетъ заведеніе помѣщеніемъ и доходами, которые по общему правилу въ большинствѣ случаевъ заключались въ церковныхъ сборахъ, уже существующихъ или-же для этой цѣли учреждаемыхъ, онъ-же, наконецъ, надѣляетъ учителей и учениковъ корпоративными правами, изъятіемъ отъ подсудности свѣтскимъ судомъ, самоуправленіемъ, свободой отъ налоговъ и иными правами.

Раздѣленіе. Первые германскіе университеты раздѣлялись въ двоякомъ смыслѣ: учебное заведеніе дѣлилось на четыре факультета, политическая корпорація на четыре націи (nationen), по парижскому образцу. Первое дѣленіе касается порядка ученія и экзаменовъ, второе — юрисдикціи и управленія. Во главѣ факультетовъ стояли деканы, во главѣ universitas—ректоръ и consilium, во главѣ націй—прокураторы. Университеты позднѣйшаго образованія, оставили дѣленіе на націи. Факультеты замѣнили и вытѣснили націи. Однако, память о старомъ порядкѣ сохранилась въ томъ, что ректоръ могъ быть избираемъ такъ же и изъ числа схоларіевъ; князья и бароны бывали по временамъ отличаемы этой честью, отражавшейся въ то-же самое время и на самой корпораціи.

Численность состава. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, преданія щедры цифрами. Они говорятъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ лицъ, одновременно занимающихся наукой какъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, такъ и въ Парижѣ и Оксфордѣ. Эти цифры, повидимому, не вполнѣ, по крайней мѣрѣ, противорѣчатъ имматрикуляціоннымъ спискамъ, сохранившимся во многихъ университетахъ и недавно обнародованнымъ. Встрѣчаемый въ нихъ годовой итогъ имматрикуляцій отъ 500 до 1000, принимая во вниманіе пяти и шестилѣтнюю продолжительность курса, пожалуй, приближаетъ и къ указаннымъ выше цифрамъ. Болѣе точное обсужденіе степени достовѣрности письменныхъ актовъ и критическая ихъ оцѣнка привели къ болѣе умѣреннымъ цифрамъ; здѣсь не мѣсто входить въ частности, но мы не намного отклонились бы отъ дѣйствительности, принявъ, что большіе германскіе университеты едва-ли насчитывали слишкомъ 2000 supposita (техническое наименованіе имматрикулированнаго сочлена), менѣе значительные же доходили до двухсотъ,или около того. Изъ нихъ большая часть обыкновенно принадлежала низшему факультету (facultas artium, называемому съ XVI вѣка философскимъ). Изъ трехъ высшихъ факультетовъ, вообще отличающихся очень незначительными цифрами, наиболѣе многочисленный составъ имѣлъ юридическій факультетъ, за нимъ слѣдуетъ богословскій; медицинскій-же обыкновенно бывалъ очень немноголюденъ.

Внутренняя жизнь. Средневѣковый университетъ имѣлъ мало сходства съ современнымъ германскимъ. Прежде всего его можно сравнить съ большимъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ: учителя и ученики, по крайней мѣрѣ, facultatis artium жили совмѣстно въ зданіяхъ университета. Каждый университетъ имѣлъ одну или нѣсколько collegia (колледжи англичанъ; выраженіе colleg на нѣмецкомъ языкѣ сохранилось для обозначенія лекцій), кромѣ того часто pedagogium для младшихъ учениковъ класса латыни. Если

Digitized by Google

благодаря увеличенію состава слушателей зданія университета не допускали дальнѣйшаго пріема схоларіевъ, то рядомъ съ университетами допускались частные пансіоны отдѣльныхъ magister'овъ, которые назывались бурсами (это названіе впрочемъ обозначало также и collegium; отсюда нѣмецкій «буршъ», первоначально, какъ собирательное «бурша», т. е. населеніе бурсы, съ южно нѣмецкимъ выговоромъ «буршъ»). Жизнь въ этихъ учрежденіяхъ опредѣлялась по монастырскому образцу; множество еще сохранившихся статутовъ освѣщаютъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Мы находимъ въ одномъ изъ такихъ домовъ мѣста для общаго пользованія (спальни, столовыя, рабочія комнаты, аудиторіи, stuba facultatis, гдѣ засѣдаетъ magister), рядомъ съ ними помѣщенія для отдѣльныхъ лицъ, помѣщенія для magister'а, кельи или комнаты, не отапливаемыя, для схоларіевъ. Условіемъ вступленія служатъ: съ одной стороны безбрачіе учителя, съ другой стороны юный возрастъ учениковъ, въ среднемъ между 15 и 20 годами. Весь строй жизни до мельчайшихъ подробностей регулировался предписаніями, издаваемыми университетомъ, за соблюденіемъ которыхъ послѣдній наблюдалъ: время пробужденія и сна, время принятія пищи (prandium и coena, около 10 и 5 часовъ), одежда (естественно клерикальнаго покроя), преподаваніе, часы репетицій (resumptiones), все имѣло свои предписанія. Не было недостатка и въ запретахъ,такъ не допускались: шумъ, ношеніе оружія, вводъ женщинъ и т. д., поэтому естественнымъ образомъ приходится предположить, что можетъ также быть подтверждено, въ случаѣ надобности, многочисленными актами, что въ тѣ времена такъ-же, какъ и теперь, существовали всевозможные пути къ обходу приказовъ и запрещеній

Преподовательскій персоналъ. На высшихъ факультетахъ число преподавателей было не велико, 3—6 богослововъ, столько-же юристовъ, 1 или 2 медика составляли уже значительный университетъ. Богословы и юристы являются, по общему правилу, обладателями церковнаго, состоящаго при университетѣ, прихода, медики же, будучи въ то-же время врачами, мало обращали на себя вниманіе университета. Преподавательская дѣятельность дѣйствительныхъ уже профессоровъ дополнялась лекціями бакалавровъ. Много болѣе значительнымъ является число, какъ схоларіевъ, такъ и доцентовъ на facultas artium; въ большомъ университетѣ число послѣднихъ могло доходить даже до 20—30 и свыше. Старшіе имѣли должность въ коллегіи и,быть можетъ, небольшой доходъ, большинство же, не получая опредѣленныхъ доходовъ, ограничивалось платой отъ схоларія (платой за содержаніе, экзамены и преподаваніе, pastus, minerval). Преподаваніе на этомъ факультетѣ, по общему правилу, не считалось постоянной профессіей, а лишь переходной ступенью. Очень часто magister'ы, читающіе in artibus, въ то-же самое время состояли, для полученія ученой степени высшихъ факультетовъ, слушателями послѣднихъ. Они могли затѣмъ оставаться здѣсь при оплачиваемой уже лектурѣ, или-же перейти къ другой дѣятельности, по большей-же части, на иждивеніе церкви.

Курсъ преподаванія. Когда 15 или 16 лѣтній beanus являлся изъ частной школы, гдѣ онъ обучался языку науки, латыни, въ

Digitized by Google

университетъ, первой его заботой было добиться зачисленія себя ректоромъ въ матрикулы университета, за что необходимо было внести опредѣленную плату, отъ которой, впрочемъ, часто освобождались propter pauperitatem или ob reverentiam. Затѣмъ, онъ обращался къ одному изъ читавшихъ на facultas artium magister'овъ съ просьбой о принятіи его въ число своихъ учениковъ. Послѣ того какъ онъ затѣмъ выполнилъ въ присутствіи старшихъ товарищей, магистра или Декана beanium (часто описываемое depositio было актомъ введенія, состоящимъ изъ всевозможныхъ символическихъ дѣйствій, долженствовавшихъ служить къ видимому доказательству вступленія въ міръ академической жизни), онъ становится студентомъ (scolaris, studens). Онъ приступаетъ тогда къ участію въ предписанныхъ занятіяхъ и къ посѣщенію лекцій facultatis artium, развѣ-бы онъ оказался при этомъ слишкомъ отсталымъ въ латыни и древностяхъ, въ такомъ случаѣ онъ опредѣляется въ paedagogium или къ учителю, дабы сперва изучить языкъ науки.

Курсъ на facultas artium обыкновенно трехлѣтній или четырехлѣтній, онъ распадается на двѣ половины, раздѣляемыя первымъ экзаменомъ; по истеченіи годового или двухлѣтняго ученія, предметомъ котораго главнымъ образомъ являлась логика и рядомъ съ ней физика, схоларій приступалъ къ первому экзамену; если онъ при этомъ доказалъ, что слушалъ указанныя лекціи, участвовалъ въ потребномъ числѣ диспутовъ и усвоилъ опредѣленную программой сумму знанія, то ему публично присуждалась первая академическая степень, званіе baccalarius (въ болѣе поздней формѣ baccalaureus). Экзамены и присужденія степеней происходили лишь въ опредѣленные сроки, каждый разъ степени присуждались одновременно цѣлой группѣ лицъ, мѣсто каждаго ученика въ этой группѣ опредѣлялось по степени успѣшности его экзаменовъ. Послѣ дальнѣйшаго, занимающаго нѣсколько лѣтъ ученія, посвѣщаемаго остальнымъ философскимъ наукамъ, физикѣ и матиматикѣ съ астрономіей, метафизикѣ и психологіи, этикѣ съ политикой и экономикѣ, происходитъ въ такомъ-же порядкѣ второй экзаменъ и возведеніе въ степень magister artium. Таковъ-же порядокъ прохожденія ступеней и на высшихъ факультетахъ.

Достойно вниманія то обстоятельство, что новый magister artium по общему правилу обязывался втеченіе 2 лѣтъ читать на facultas artium (biennium compelere). Такимъ путемъ, казалось, должна была быть достигаема двойная цѣль, во-первыхъ пополнялся преподавательскій персоналъ, безъ подобной обязательной приватъ-доцентуры могло бы при недостаточности вознагражденія оказаться отсутствіе необходимаго числа преподавателей на facultas artium. Вмѣстѣ съ тѣмъ это считалось необходимымъ для завершенія образованія; признакъ учености, такъ вслѣдъ за Аристотелемъ вѣрили средніе вѣка, есть способность учить. Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ и baccalarius уже призывался къ активному участію въ преподаваніи, какъ въ чтеніи лекцій, такъ и въ диспутахъ. Scolaris, baccalarius и magister являются, повидимому, такими-же ступенями, какія мы встрѣчаемъ въ средневѣковомъ ремесленномъ строѣ: ученикъ (Lehrling), подмастерье (Gesell) и мастеръ (Meister). Ученикъ учится,

Digitized by Google

подмастерье учится, а при случаѣ самъ и работаетъ и учитъ, мастеръ работаетъ и учитъ. Въ частной школѣ (Partikularschule) мы находимъ тѣ-же ступени: школьный учитель (ludi magister), помощникъ (Gesell, socius, часто также называется baccalarius), ученикъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы прохожденіе полнаго курса facultatis artium или сверхъ того курса одного изъ высшихъ факультетовъ являлось въ средніе вѣка общимъ правиломъ. Большинство выходило изъ университета, не получивъ даже низшей степени baccalarius artium. Въ настоящее-же время такіе случаи рѣдки, общее правило—окончаніе курса; причина лежитъ въ томъ, что полученіе должности всегда предполагаетъ окончаніе точно опредѣленнаго подготовительнаго курса. Въ средніе вѣка порядокъ былъ иной. Даже простое посѣщеніе университета не выставлялось вообще въ качествѣ условія для занятія какой-либо должности. Условіемъ для занятія церковныхъ должностей, а объ нихъ только и заходила рѣчь (въ то время едва-ли уже существовали свѣтскія должности), было посвященіе въ духовный санъ; до посвященія епископъ производилъ испытаніе, для выдержанія котораго требовалось лишь нѣкоторое знаніе латинскаго языка. Еще въ концѣ 15 вѣка значительное большинство духовенства обходилось безъ университетскаго образованія. И только для высшаго духовенства, надо думать, постепенно и изъ приличія стало обязательнымъ предварительное посѣщеніе университета: въ капитулахъ опредѣленное число должностей было удержано для лицъ, получившихъ степени богословія. Знакомство съ правомъ также признавалось для высшаго клира все болѣе и болѣе существеннымъ. Для низшихъ-же должностей, степени magister или baccalarius artium служили, наоборотъ, вѣскою рекомендаціей, а то и простое свидѣтельство университета объ имматрикуляціи могло создать для обладателя его преимущество передъ другими соискателями должности. Rotuli, отсылавшіеся отъ времени до времени старыми университетами въ курію, служатъ указаніемъ на такой порядокъ: это были списки всѣхъ членовъ университета, расположенныхъ по ихъ академическому положенію до простого Scolaris включительно; всѣ они выставляли себя соискателями бенефицій.

Содержаніе и форма преподаванія. Все содержаніе преподаваемаго знанія представлялось среднимъ вѣкамъ, какъ нѣчто, уже данное, вся задача-же преподаванія заключалась въ томъ, чтобы передать точный составъ научнаго знанія. Богословіе черпало въ концѣ концовъ свое знаніе изъ откровенія, священное писаніе (Sacra pagina) служило конечнымъ источникомъ и имѣло рѣшающій авторитетъ; для пониманія-же его опредѣляющимъ служило принятое церковью толкованіе. Въ то время, какъ содержаніе священнаго писанія подвергалось разработкѣ и систематизаціи при посредствѣ чистаго разума, и возникли большія богословскія ученыя конструкціи среднихъ вѣковъ; они составляли основной предметъ богословскаго преподаванія. На юридическомъ факультетѣ источникомъ и предметомъ преподаванія служили объемистые сборники римскаго и каноническаго права, причемъ на помощь привлекались коментаторы и

Digitized by Google

глоссаторы. Медицинскій факультетъ черпалъ свое преподаваніе также въ сущности изъ нѣкоторыхъ сочиненій, пользовавшихся уваженіемъ среди канонистовъ; сюда прежде всего относились труды Гиппократа и Галена съ отдѣльными позднѣйшими, главнымъ образомъ, арабскими ихъ коментаторами. Наконецъ, facultas artium обучалъ философскимъ, т. е. всѣмъ чисто теоретическимъ наукамъ, поскольку онѣ могли быть почерпаемы изъ чистаго разума. Предметомъ преподаванія и здѣсь также являлись каноническіе учебники, прежде всего произведенія Аристотеля; кромѣ того по математикѣ читался Эвклидъ, по астрономіи Птоломей; рядомъ съ этимъ пользовались небольшимъ числомъ новѣйшихъ учебниковъ, каковы Summula Petri Hispani, Sphaera Іоганна Сакро Баско и др.

Что касается формы преподаванія, то мы всюду находимъ два связанные между собой способа: чтеніе лекцій и диспуты. Задача лекцій (lectio, praelectio) передача научнаго матеріала. Каноническій текстъ, напр. сочиненіе Аристотеля, конечно въ латинскомъ переводѣ, читался и разъяснялся, но не диктовался, предполагалось, что текстъ находился и на рукахъ у слушателей; но учитель могъ его также и прочитывать, дабы внести поправки и привести къ правильному его расчлененію. Главное занятіе, слѣдовательно, составляло толкованіе. Versus memoriales, при помощи которыхъ схематизировалось толкованіе юридическихъ текстовъ, служили съ отдѣльными приспособленіями и для другихъ текстовъ.

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro
Perlego, do causas, connoto, objicio.

Задача диспутовъ—упражненіе въ пользованіи научнымъ матеріаломъ, и главнымъ образомъ въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Диспутъ является не менѣе существеннымъ, чѣмъ лекціи. На большихъ публичныхъ диспутахъ присутствовалъ весь факультетъ, магистры и схоларіи, въ своихъ одѣяніяхъ. Одинъ изъ магистровъ въ качествѣ предсѣдателя (praeses) выставлялъ тезисы; остальные магистры по порядку оспаривали эти положенія аргументами, построенными въ формѣ силлогизмовъ. Баккалавры защищали въ качествѣ диспутантовъ тезисы и разбивали аргументы, причемъ по требованію въ споръ вступался и предсѣдатель. На ряду съ этими диспутами, въ собственномъ смыслѣ, на которыхъ схоларіи были молчаливыми слушателями, происходили также подъ руководствомъ магистровъ или баккалавровъ диспуты и для упражненія учениковъ. Средніе вѣка придавали этимъ диспутамъ большое значеніе. Число диспутовъ, посѣщеніе которыхъ обязательно для полученія степени, было точно опредѣлено; на отсутствующихъ магистровъ налагались штрафы. Въ диспутахъ, кажется, и заключалась въ это время вся сила преподаванія. И на самомъ дѣлѣ никто на этотъ счетъ не ошибался. Диспуты служили прекраснымъ средствомъ, обезпечивавшимъ усвоеніе знаній и пріучавшимъ къ пользованію ими. Они содѣйствовали развитію способности извлекать изъ своихъ знаній все относящееся къ данному случаю, схватывать чужія мысли и устанавливать ихъ соотношеніе къ собственнымъ; можно сказать что обѣ эти способности доходили у средневѣковыхъ ученыхъ до такой виртуозности, какую въ настоящее время не легко встрѣтить. Совре-

Digitized by Google

менный ученый обращается во многихъ вопросахъ къ справочнымъ книгамъ, средневѣковые-же въ любую минуту имѣли все въ памяти. Способность также лицомъ къ лицу съ противникомъ съ быстротою и достаточною логическою точностью устанавливать соотношеніе собственныхъ мыслей съ мыслями противника, почти совсѣмъ въ настоящее время не развиваемая, также теперь весьма рѣдко встрѣчается.

Безъ сомнѣнія теперь диспуты невозможны въ нашихъ университетахъ. Они предполагаютъ два обстоятельства, которыя болѣе не существуютъ: 1) установленную по школьному образцу совмѣстную жизнь учениковъ и учителей, что при современныхъ условіяхъ не встрѣчается и не можетъ встрѣтиться; 2) неизмѣнный составъ общепризнанныхъ философскихъ принциповъ, или лучше сказать—авторитетную, школьную философію, какою обладали facultates artium въ Аристотелѣ; послѣднее сознавали и средніе вѣка: contra principia negantem non est disputandum. Начиная съ XVI столѣтія оба эти условія постепенно стали исчезать и наконецъ въ XIX вѣкѣ ихъ совершенно не стало; благодаря этому диспуты, утративъ сперва свое значеніе, были затѣмъ совершенно заброшены, кромѣ нѣкотораго ихъ подобія, сохранившагося при нашихъ промоціяхъ, какъ напоминаніе старины.

II. Развитіе германскихъ университетовъ въ новое время.

Новое время отдѣлилось отъ среднихъ вѣковъ революціоннымъ періодомъ, ознаменованнымъ возрожденіемъ и реформаціею. Оба эти могущественныя движенія глубоко отразились также и на жизни университетовъ.

Завоеваніе гуманизмомъ германскихъ университетовъ совершалось въ двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка. Ожесточенная борьба старины съ новыми вѣяніями заполняетъ этотъ промежутокъ времени. Вся обычная университетская дѣятельность, въ особенности богословское преподаваніе и преподаваніе artes была отринуты съ самымъ крайнимъ презрѣніемъ новыми теченіями и ихъ представителями, поэтами и ораторами, по одиночкѣ выдвигавшимися, впрочемъ, уже и во второй половинѣ XV столѣтія; форма и содержаніе этого преподаванія представлялись имъ варварствомъ, достойнымъ поруганія, заслуживающимъ крайняго презрѣнія. Въ Epistolae obscurorum virorum, исходившихъ въ 1516 г. изъ Эрфуртскаго кружка молодыхъ поэтовъ, собиравшихся вокругъ Мутіана, отвращеніе и омерзеніе гуманизма къ характеру дѣятельности старыхъ университетовъ создали себѣ долголѣтній памятникъ. Среди людей, представлявшихъ научную силу гуманизма, впереди всѣхъ стояли Дезидерій, Эразмъ и Рейхлинъ. Послѣдній вывелъ на надлежащую дорогу изученіе въ Германіи еврейскаго міра, а также далъ толчекъ къ изученію греческаго. Эразмъ, человѣкъ изумительной трудоспособности и продуктивности, училъ нѣмцевъ «элоквенціи», простой, естественной и элегантной латыни, пробуждалъ воспріимчивость къ болѣе утонченному образованію и повсюду расчищалъ путь для филологическо-историческо-философскихъ изысканій, и наконецъ, своимъ изученіемъ новаго завѣта привелъ гуманизмъ въ соприкосновеніе съ

Digitized by Google

богословіемъ; низведеніе послѣдняго съ системъ схоластическаго богословія къ первоисточникамъ и отцамъ церкви также дѣло его рукъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Эразмъ постоянно уклонялся отъ занятія преподавательской должности въ университетѣ, которая ему нѣсколько разъ настойчиво предлагалась.

Новое теченіе одерживало побѣду по всей линіи; уже въ 1520 г. оно проникло во всѣ болѣе значительные университеты. Новыя программы занятій отводили новымъ началамъ мѣсто и въ лекціяхъ и въ испытаніяхъ. Въ особенности выдѣлились два обстоятельства: 1) старая церковная латынь была замѣнена классическою; римскіе авторы, въ особенности поэты, стали предметомъ чтенія, съ цѣлью подражанія; даже старые переводы аристотелевскихъ текстовъ были вытѣснены новыми гуманистическими переводами. 2) Греческій языкъ находитъ себѣ мѣсто въ преподаваніи facultatis artium; во всѣхъ университетахъ устанавливаются лекціи по греческому языку и литературѣ. Изъ первыхъ «грековъ» выдѣлились: Рейхлинъ, недолго учившій въ Тюбингенѣ и Инголыштадтѣ, Меланхтонъ—въ Витенбергѣ, П. Мозеланусъ—въ Лейпцигѣ; среди латинистовъ Конрадъ Цельтесъ—въ Вѣнѣ, Еобанусъ Гессусъ—въ Эрфуртѣ, Г. Бебель—въ Тюбингенѣ.

Около 1520 года гуманизмъ, аристократически-свѣтское движеніе, былъ опереженъ и смѣненъ безконечно болѣе могущественнымъ и болѣе глубокимъ движеніемъ—религіозно-народнымъ движеніемъ реформаціи. Съ перваго взгляда реформація можетъ показаться усиленіемъ гуманизма; они были согласны въ отвращеніи къ схоластической философіи и къ Риму. Гуттенъ и Лютеръ выставлялись летучими листками 1520 года оба, какъ великіе борцы за свободу. По существу-же это были совершенно различные другъ отъ друга люди и очень различны были цѣли, къ которымъ они желали вести германскій народъ. Лютеръ, человѣкъ внутренней, антираціоналистической и антицерковной религіозности, Гуттенъ, человѣкъ раціоналистическаго и свободнаго гуманизма. Гуттенъ не дожилъ до обнаруженія этой великой противоположности. Около-же 1522 и 1523 годовъ это стало ясно гуманистамъ, почти всѣ они отвернулись отъ реформаціи, которая яко-бы была еще болѣе враждебна наукѣ, чѣмъ старая церковь. На самомъ дѣлѣ съ перваго взгляда могло представиться, что реформація въ своихъ послѣдствіяхъ дѣйствительно является враждебной научному образованію: университетъ и школы почти цѣликомъ были вовлечены въ страшныя волненія 20 годовъ. Вмѣстѣ съ церковью пали созданныя ею образовательныя учрежденія, такъ что вправѣ былъ Эразмъ сказать: ubi regnat Lutheranismus, ibi interitus litterarum.

Однако, это не было послѣднимъ словомъ въ этомъ дѣлѣ. Въ извѣстномъ отношеніи связь между реформаціей и гуманизмомъ все таки сохранилась. Она выступила въ личности Меланхтона. Въ долгой и безшумной дѣятельности этотъ преданный труду человѣкъ, несмотря на несочувствіе времени, насадилъ и взлелѣялъ въ германскихъ университетахъ гуманистическую науку; втеченіе 42 лѣтъ (1518—1560), совмѣщая въ себѣ самомъ почти весь философскій факультетъ, онъ преподавалъ въ Витенбергѣ почти всѣ философскія

Digitized by Google

историко-филологическіе предметы въ томъ видѣ, какъ они въ то время понимались. Съ сороковыхъ годовъ, Витенбергъ сталъ самымъ многолюднымъ университетомъ Германіи; изъ всѣхъ концовъ Германіи. даже Европы стремилась сюда молодежь. Когда Меланхтонъ умеръ, едва-ли нашелся хоть одинъ городъ въ протестантской Германіи, въ которомъ благодарный ученикъ не оплакивалъ бы смерти Praeceptor'a Germaniae. И долго еще послѣ его смерти его грамматическіе и философскіе учебники клались въ основаніе преподаванія въ школахъ и университетахъ.

Развитіе германскихъ университетовъ въ томъ видѣ, какъ оно впослѣдствіи сложилось подъ вліяніемъ гуманизма и реформаціи, можетъ быть раздѣлено на три эпохи.

1) Эпоха мѣстно-церковныхъ, вѣроисповѣдныхъ университетовъ, она длится до конца XVII вѣка и характеризуется преобладаніемъ богословско-вѣроисповѣдныхъ интересовъ. На первомъ планѣ стоитъ богословскій факультетъ.

2) Эпоха проникновенія въ университеты новѣйшей философіи и новаго знанія; она обнимаетъ XVIII вѣкъ и характеризуется все болѣе возвышающимся значеніемъ философскаго, а затѣмъ также и юридическаго факультетовъ. Галле и Гетингенъ—передовые университеты.

3) Эпоха величайшаго вліянія германскихъ университетовъ на мысль и жизнь народа; она охватываетъ XIX столѣтіе и характеризуется во-первыхъ преобладающимъ господствомъ философіи, затѣмъ болѣе широкимъ развитіемъ детальныхъ научныхъ изслѣдованій въ области природы и исторіи. Философскій факультетъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. За нимъ все болѣе и болѣе выдвигается медицинскій факультетъ.

Первая эпоха. Мѣстно-церковные и вѣроисповѣдные университеты. Крестьянской войной первый актъ великой религіозной борьбы достигъ конца; слѣдовалъ второй актъ: созданіе новыхъ церквей на основахъ протестантства. Мѣстно-церковный строй стоитъ въ продолженіе слѣдующихъ двухъ столѣтій въ тѣснѣйшей связи со строемъ университетовъ. Старые университеты возобновляются въ духѣ новаго церковнаго устройства, какъ протестантскаго, такъ и католическаго, и рядомъ съ ними возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ учебныхъ заведеній.

Первымъ протестантскимъ, вновь созданнымъ учебнымъ заведеніемъ былъ гессенскій университетъ въ Марбургѣ (1527). За нимъ слѣдовали: Кенигсбергъ (1544), для превратившагося въ свѣтское герцогство орденскаго владѣнія и Іена (1556), для остальныхъ областей стараго саксонскаго курфюршества, оставшихся въ Эрнестинской линіи, послѣ того какъ Витенбергъ вмѣстѣ съ курфюршескимъ достоинствомъ перешелъ къ Альбертинцамъ. Несмотря на незначительность государственной территоріи и скудость средствъ «городъ музъ» на Заалѣ и до сихъ поръ сохранилъ очень почтенное мѣсто среди германскихъ университетовъ. Въ 1517 году былъ основанъ для брауншвейгской области съ роскошной обстановкой университетъ въ Гельмштадтѣ; втеченіе XVII вѣка онъ былъ однимъ изъ наиболѣе значительныхъ протестантскихъ университетовъ, здѣсь

Digitized by Google

главнымъ образомъ выдѣлялись теологъ Каликстъ и историкъ Г. Конрингъ, основатель исторіи германскаго права. Къ болѣе значительнымъ университетамъ принадлежатъ также оба основанные имперскими городами Альтдорфомъ и Страсбургомъ; первый выросъ изъ переведенной въ 1573 году изъ Нюренберга въ Альтдорфъ гимназіи, которая въ 1622 году была превращена въ университетъ, второй также вылился изъ учрежденной городомъ Страсбургомъ гимназіи, снабженной академическимъ курсомъ (1621). Меньшее значеніе имѣли Гессенъ, отдѣлившійся въ 1607 году въ качествѣ лютеранскаго университета для Гессенъ-Дармштадтскаго герцогства отъ перешедшаго къ кальвинизму Марбургскаго университета, и Ринтельнъ въ области Шаумбургъ (1621). Такое-же значеніе имѣлъ и реформированный университетъ въ Дуисбургѣ (1655). Болѣе значительнымъ является основанный для Шлезвигъ-Гольштейнскаго герцогства университетъ въ Килѣ. Наряду съ дѣйствительными университетами возникало цѣлое множество такъ называемыхъ академическихъ гимназій, учрежденій, которыя кромѣ собственно школьнаго курса открывали ученикамъ возможность прослушать лекціи по отдѣльнымъ философскимъ и богословскимъ предметамъ. Отчасти, какъ напр., въ Гамбургѣ, они продержались до нашего столѣтія. Большое значеніе также имѣла въ 17 вѣкѣ реформированная гимназія въ Герборнѣ.

И въ католическихъ территоріяхъ въ эту эпоху создается также цѣлый рядъ новыхъ учрежденій. Первымъ идетъ Дилингенскій (1549) университетъ, основанный епископомъ Аугсбургскимъ, и бывшій нѣкоторое время средоточіемъ научныхъ занятій католической Германіи, затѣмъ Вюрцбургскій (1582), надѣленный княземъ-епископомъ Юліемъ прекрасными пособіями; далѣе Падерборнскій (1615), Зальцбургскій (1623), Оснабрюкскій (1630), Бамбергскій (1648), также основанные епископами. Наконецъ въ областяхъ Габсбургскаго дома: Ольмюцкій (1581), Грацскій (1586), Линцскій (1636), Инсбрукскій (1672). Приэтомъ многіе изъ этихъ послѣднихъ образованій никогда собственно не были полными университетами, а лишь привилегированными философско-богословскими учебными заведеніями, въ большинствѣ случаевъ руководимыми іезуитами; къ нѣкоторымъ кромѣ того присоединялся еще юридическій факультетъ.

Въ общемъ учрежденія этой эпохи оказались менѣе жизнеспособными, чѣмъ университеты, ведущіе свое начало изъ среднихъ вѣковъ. Изъ названныхъ десяти протестантскихъ университетовъ существуютъ только пять: Марбургскій, Іенскій, Кенигсбургскій, Гессенскій и Кильскій, и еще возобновленный Страсбургскій; Гельмштадтскій, Ринтельнскій, Дуисбургскій и Альтдорфскій исчезли во время великаго переворота, происшедшаго въ средѣ германскихъ государствъ въ началѣ этого столѣтія. Равнымъ образомъ и епископскіе университеты исчезли вмѣстѣ съ паденіемъ господства церкви, остался только Вюрцбургскій въ качествѣ Баварскаго университета; отъ остальныхъ сохранились нѣкоторые слѣды въ видѣ духовныхъ семинарій. Изъ австрійскихъ университетовъ сохранились еще Грацъ и Инсбрукъ.

Главнымъ побужденіемъ къ учрежденію новыхъ университетовъ

Digitized by Google

служило обостреніе территоріальнаго принципа въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ. Каждая область стремилась имѣть свой университетъ, дабы обезпечить прежде всего здоровое, т. е. согласное съ догматами мѣстной церкви образованіе, а также избавить населеніе отъ необходимости посѣщать чужіе университеты и такимъ образомъ сохранить деньги на родинѣ. Если средства, которыя не слѣдуетъ представлять себѣ очень значительными, достигали тысячи гульденовъ или талеровъ, достаточныхъ для вознагражденія 10 или 12 профессоровъ, то помѣщеніе отводилось въ старомъ монастырѣ, вспомогательныхъ учрежденій еще не существовало, если-же средства не достигли потребной нормы, то мѣстная школа преобразовывалась путемъ присоединенія къ ней нѣкоторыхъ лекцій въ gymnasium academicum или illustre, для которой также при случаѣ могли быть исходатайствованы университетскія привилегіи, полученіе которыхъ отъ императора не составляло большого затрудненія.

Отсюда явствуетъ, что университетамъ этой эпохи недостаетъ всенародности средневѣковыхъ университетовъ; характеризовавшая старую studium generale междуобластная и даже международная свобода переселенія утрачена. Границы области или по крайней мѣрѣ границы господства отдѣльныхъ вѣроисповѣданій служатъ въ то-же время границами университетскихъ округовъ. Конечно, и въ это время любовь молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ къ странствованію фактически не исчезла. Вмѣстѣ съ тѣмъ и контроль за преподаваніемъ былъ въ эту эпоху установленъ болѣе строгій, чѣмъ въ какую-либо изъ предыдущихъ и послѣдующихъ. Страхъ передъ ересью, мелочность, съ которой соблюдалось ортодоксальность въ преподаваніи, были въ протестантскомъ мірѣ не менѣе значительны, чѣмъ въ католическомъ, быть можетъ, даже болѣе, ибо здѣсь возможно было отпаденіе въ обѣ стороны, направо къ католицизму, налѣво къ кальвинизму. Духовная жизнь въ это время была до такой степени замкнута въ рамки конфесіонализма, что этотъ періодъ является германскому національному чувству наиболѣе чуждымъ изъ всего его историческаго прошлаго.

Бросивъ взглядъ на строй и учебную дѣятельность университетовъ этого времени, мы въ общемъ встрѣчаемъ сохранившимися старыя формы. Четыре факультета остались, осталась въ нихъ и основная схема въ порядкѣ преподаванія и испытаній. Баккалавръ, однако, вымеръ постепенно еще втеченіе XVI вѣка, «магистръ» также сперва на высшихъ факультетахъ былъ замѣненъ болѣе значительнымъ «докторомъ», и только magister artium удержался вплоть до XIX вѣка.

Богословскій факультетъ все еще стоитъ на первомъ мѣстѣ и въ практическомъ значеніи много выигралъ, такъ какъ теперь изученіе богословія, чего совсѣмъ не было въ средніе вѣка, ставилось въ качествѣ непремѣннаго требованія для всего духовенства; послѣдствіемъ этого стало то, что ученіе по сравненіи съ культомъ значительно выиграло въ своей важности сперва въ протестантскомъ, а затѣмъ также и въ католическомъ мірѣ. Если въ этомъ отношеніи протестантизмъ оказалъ вліяніе на католицизмъ, то онъ въ свою очередь подвергся и обратному воздѣйствію въ томъ смыслѣ, что онъ отъ перво-

Digitized by Google

начальнаго обращенія къ изученію библіи снова вернулся къ схоластической догматикѣ. Равнымъ образомъ и библія не является научнымъ произведеніемъ, формулы и понятія котораго пригодны какъ предметъ спора и основанія для преслѣдованія еретиковъ.

И юридическій факультетъ выигралъ и въ объемѣ своемъ и въ значеніи на столько, на сколько развилось современное государство и государственная служба. Ученый судья постепенно вытѣснялъ необразованнаго шеффена, и академически образованный государственный чиновникъ рыцарскаго ленника. Въ формѣ преподаванія произошло измѣненіе въ томъ смыслѣ, что систематическое изложеніе отдѣльныхъ дисциплинъ оттѣснило толкованіе каноническихъ текстовъ, mos Italicus оттѣсненъ mos Gallicus.

Менѣе развивался медицинскій факультетъ, онъ вплоть до 19 вѣка оставался самымъ слабымъ. Однако въ пріемахъ преподаванія зарождались серьезныя перемѣны: въ анатоміи и физіологіи отъ чтенія чужихъ сочиненій и толкованія текстовъ перешли къ изложенію собственныхъ наблюденій.

Философскій факультетъ, какъ сталъ именоваться facultas artium, удерживалъ въ общемъ старое свое положеніе, онъ оставался посредствующимъ звеномъ между низшей школой, обучавшей только языкамъ, и высшими факультетами, дававшими научное образованіе по отдѣльнымъ спеціальностямъ; задача его заключалась въ дополненіи школьнаго образованія курсами общихъ или философскихъ наукъ. Предметъ этого преподаванія, какъ и прежде, составляли труды Аристотеля по логикѣ, физикѣ, психологіи, метафизикѣ, этикѣ и политикѣ, или непосредственно по текстамъ, или же въ переработкѣ и въ учебникахъ, по образцамъ, даннымъ Меланхтономъ; въ 16 вѣкѣ поставлена была, едва ли, однако, въ сколько нибудь значительной мѣрѣ достигнутая цѣль: положить въ основу лекцій—Аристотеля въ греческомъ оригиналѣ. Наряду съ философскимъ существовалъ и гуманитарный курсъ, состоящій изъ чтеній по классикамъ и относящихся сюда упражненій въ краснорѣчіи и поэзіи. Однако, чѣмъ болѣе мы отдаляемся отъ періода гуманизма, все болѣе и онъ теряетъ силы и значеніе. Съ половины 17 столѣтія вмѣстѣ съ латинскими стихами и онъ сталъ вымирать. Французскій языкъ и литература проникли прежде всего въ придворныя сферы, гдѣ они почти безраздѣльно господствовали втеченіе цѣлаго столѣтія. Классически-гуманистическое образованіе постигла таже участь, какую оно подготовило въ началѣ 16 вѣка схоластически—средневѣковому; оно стало старомоднымъ и смѣшнымъ. Представители профессуры, краснорѣчія и поэзіи изнемогали въ жалобахъ на презрѣніе къ изящнымъ знаніямъ и на возвращающееся варварство среднихъ вѣковъ.

Что касается склада жизни, то вмѣстѣ съ паденіемъ старой церкви исчезли и созданныя ею формы. Монастырская совмѣстная жизнь въ collegium предполагала безбрачіе magister'овъ. Къ этому присоединялось и то, что въ среднемъ возрастъ учащихся повысился; развитіе школьнаго дѣла, въ особенности благодаря княжескимъ и областнымъ школамъ—въ протестантскихъ земляхъ, и іезуитскимъ коллегіямъ—въ католическихъ, привело къ расширенію

Digitized by Google

учебныхъ курсовъ. Въ этомъ-же направленіи вліяло также и то обстоятельство, что высшіе факультеты, въ которыхъ принудительныя мѣры никогда строго не соблюдались, пріобрѣтали все большее и большее преобладаніе. Однако вплоть до 18 вѣка сохранилось въ качествѣ обыкновенія, чтобы профессора и студенты столовались и квартировали совмѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно упомянуть, что при большинствѣ университетовъ учреждалось общежитіе, въ которомъ болѣе или менѣе значительное число уроженцевъ отдѣльныхъ областей содержалось во время ученія на мѣстныя средства съ обязанностью впослѣдствіи послужить въ пользу области въ свѣтскихъ или-же въ особенности въ церковныхъ и учебныхъ должностяхъ. Общежитіе находилось при областныхъ школахъ, въ которыхъ мальчики приготовлялись на общественныя средства къ научнымъ занятіямъ. Средства для обоихъ учрежденій получались главнымъ образомъ изъ перешедшихъ къ государству церковныхъ имѣній.

Эти учрежденія просуществовали въ общемъ безъ измѣненій до начала 18 столѣтія. Къ концу этой эпохи университеты упали до самой низкой ступени своего вліянія и значенія. Они казались достигшими уже значительнаго развитія образованности, сосредоточіемъ которой служили княжескіе дворы, учрежденіями устарѣвшими. Даже такой человѣкъ, какъ Лейбницъ, не пожелалъ искать мѣста въ университетѣ, и предпочелъ дворъ, гдѣ ему казалось, онъ скорѣе можетъ разсчитывать на пониманіе и сочувствіе его образу мыслей и его всеобъемлющимъ планамъ. Университеты оказались безъ всякаго существеннаго вліянія на жизнь и мысль народа. Число университетскихъ преподавателей 17 вѣка, имена которыхъ сохранились въ памяти ученаго міра, въ сравненіи съ числами 16 и 18 вѣковъ до ничтожности мало. Извѣстно также, въ какое дикое состояніе впала къ этому времени студенческая жизнь. Пьянство и драки достигли къ серединѣ 17 вѣка своего высшаго развитія, и лишь благодаря энергическому вмѣшательству со стороны правительства постепенно сталъ водворяться нѣкоторый порядокъ.

Вторая эпоха. 18 столѣтіе. Новая эра открылась двумя новообразованіями: университетами въ Галле (1694) и Гетингенѣ (1734). къ нимъ примыкаетъ еще Ерлангенскій (1743), основанный для франкскихъ княжествъ Ансбахъ-Байрутъ. Всѣ три процвѣтаютъ до сихъ поръ. На католической сторонѣ слѣдуетъ назвать Бреславскій и Мюнстерскій. Въ Бреславлѣ въ 1702 году философско-богословское учебное заведеніе іезуитовъ было надѣлено университетскими привилегіями; полной университетской организаціи оно достигло лишь при преобразованіи и сліяніи съ франкфуртскимъ на Одерѣ универверситетомъ (1811). Мюнстерскій университетъ былъ учрежденъ въ 1780 г., какъ университетъ Кельнскаго курфюршества и просуществовалъ до 1818 года въ видѣ академіи съ богословскимъ и философскимъ факультетами.

Галле, университетъ возраставшаго браденбургско-прусскаго государства, пріобрѣлъ свою извѣстность главнымъ образомъ благодаря тремъ лицамъ: юристу Хр. Томазію, богослову А. Г. Ранке, и философу Хр. Вульфу. Томазій, ученикъ Самуила Пуффендорфа, пер-

Digitized by Google

ваго учителя естественнаго права въ германскомъ университетѣ (въ Гейдельбергѣ въ 1662 году учреждена была первая каѳедра новаго ученія о правѣ), былъ человѣкъ всецѣло французскаго придворнаго образованія; онъ издатель перваго ежемѣсячнаго на нѣмецкомъ языкѣ журнала (съ 1688 года), онъ также первый читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Ненавистникъ схоластической философіи и гуманистическаго краснорѣчія, богословской ортодоксіи и старыхъ ученій юриспруденціи, онъ скоро пришелъ въ столкновеніе съ роднымъ лейпцигскимъ университетомъ, гдѣ училъ въ качествѣ привагъ-доцента. Онъ вынужденъ былъ уступить противникамъ и перешелъ въ Галле, гдѣ нашелъ радушный пріемъ; кружокъ собравшихся около него учениковъ и образовалъ ядро учрежденнаго въ 1694 году университета. Богословскій факультетъ получилъ свое направленіе благодаря Ранке, главному представителю піетизма; Ранке также былъ изгнанъ изъ ортодоксальнаго Лейпцига; онъ далъ богословію направленіе проникнутаго вѣрою изученія библіи и практическаго христіанства; основанное имъ прекрасное учрежденіе для призрѣнія сиротъ служило также и его ученикамъ практической школой для упражненія въ примѣненіи къ жизни началъ христіанства и въ обученіи юношества. Во второй половинѣ этого вѣка на богословскомъ факультетѣ училъ Іог. Сал. Землеръ, основатель критико-историческаго толкованія священнаго писанія.

Величайшее значеніе, наконецъ, имѣлъ, философъ Хр. Вольфъ, учившій на философскомъ факультетѣ въ Галле съ 1707 по 1723 и затѣмъ тамъ-же снова съ 1740 по 1754 годъ, а въ промежутокъ въ Марбургѣ. Его изгнаніе при Фридрихѣ Вильгельмѣ I и славное возвращеніе Фридрихомъ Великимъ указываетъ на превратность временъ. Проникновеніе его философіи означало собственно конецъ схоластической философіи въ германскихъ университетахъ; на ея мѣстѣ преподаваніемъ завладѣла новая философія въ формѣ Вольфовской системы. До сихъ поръ задачи философскаго преподаванія понимались въ смыслѣ передачи и заучиванія общепринятой школьной философіи (Аристотеля въ обработкѣ Меланхтона), главнымъ образомъ для цѣлей формальной подготовки къ изученію богословія. Новая философія всецѣло опиралась на разумъ; «Разумныя мысли», таково общее заглавіе вольфовскихъ работъ на нѣмецкомъ языкѣ. Она не желаетъ быть ancilla theologiae, но желаетъ внѣ всякихъ условій искать истину; основой ея являются математика и естествознаніе въ ихъ современномъ состояніи; не менѣе того она отклоняетъ всякое трансцендентное обоснованіе морали и права и исключительно основываетъ ихъ на природѣ человѣка и общества.

Вольфовская философія проникла втеченіе вѣка во всѣ протестантскіе университеты; высшіе факультеты, въ особенности богословія и юриспруденціи, подпали подъ вліяніе «разумныхъ мыслей»; раціонализмъ съ его лозунгомъ «нѣтъ ничего — безъ достаточнаго основанія» сталъ господствующею максимой.

Благодаря этому наступилъ рѣшительный поворотъ; германскіе университеты вышли изъ того упадка, въ которомъ засталъ ихъ конецъ 17 вѣка, и снова стяжали себѣ руководящее въ жизни народа положеніе главнымъ образомъ благодаря принятію вольфовской

Digitized by Google

философіи. И въ томъ, что университеты значительныхъ западныхъ, сосѣднихъ государствъ не смогли усвоить себѣ новой философіи и остановились на вѣроисповѣдной точкѣ зрѣнія, нельзя не видѣть въ сущности конечной причины ихъ ничтожнаго значенія въ жизни этихъ народовъ. Руководящія духовныя силы стояли во Франціи и въ Англіи внѣ университетовъ, въ Германіи онѣ жили въ нихъ.

У Галле слава — была первымъ дѣйствительно современнымъ университетомъ. Принципъ libertas philosophandi, на которомъ покоится современный университетъ, принципъ свободнаго изслѣдованія и свободы ученія впервые здѣсь пустили корни. И въ Галле это очень хорошо сознаютъ. Когда въ 1711 году университетъ справлялъ день рожденія своего учредителя, профессоръ Гундлингъ произнесъ рѣчь de libertate Fridericianae; эта рѣчь поминаетъ юный университетъ, какъ оплотъ свободной мысли; ея заключеніе гласитъ: Veritas adhuc in medio posita est; qui potest, adicendat, qui audat, rapiat: et applaudemus. Смѣлое слово, которое точно изобразило великій переворотъ. Старое университетское преподаваніе исходило отъ того предположенія, что истина уже дана, и въ преподаваніи все дѣло сводилось лишь къ сообщенію ея, обязанность же наблюдательныхъ органовъ состоитъ въ томъ, чтобы заботиться, какъ бы не было сообщено ложное ученіе. Новое-же университетское преподаваніе исходитъ отъ того предположенія, что истину должно искать; задача преподаванія—сообщеніе пріемовъ отысканія истины и руководительство въ ихъ примѣненіи. Такимъ образомъ университетъ первый усвоилъ послѣдствія созданнаго реформаціей строя.

Во второй половинѣ 18 вѣка у Гальскаго университета появился соперникъ въ Гетингенѣ, которымъ въ концѣ концовъ первый и былъ опереженъ. Въ концѣ столѣтія Гетингенскій университетъ слылъ первымъ: здѣсь учились у Шлецера и Пюттера юриспруденціи и государственнымъ наукамъ графы и бароны священной римской имперіи; здѣсь Мосгеймъ училъ исторіи церкви, богословію и изящному церковному краснорѣчію, а Михаэлисъ—востоковѣдѣнію; здѣсь же работали Альбрехтъ фонъ-Галлеръ и его послѣдователь Блюменбахъ, къ тому времени выразители науки о человѣкѣ, физической антропологіи; далѣе знаменитый астрономъ Тоб. Майеръ, глубокомысленный физикъ Лихтенбергъ и изящный математикъ Кестнеръ. Далѣе Гетингенскій же университетъ сталъ первымъ разсадникомъ незадолго до того зародившейся археологіи; его филологи І. М. Гезнеръ и І. Г. Гейне, которымъ обязанъ своимъ возвращеніемъ въ университетъ греческій языкъ, находили новыя точки зрѣнія въ толкованіи древнихъ авторовъ, дѣло шло не о мертвой учености, и не о греческомъ и латинскомъ подражаніяхъ, но о жизненномъ, созидающемъ общеніи съ писателями древности, величайшими образцами искусства и вкуса.

Такова точка зрѣнія новаго гуманизма; благодаря ему, общеніе съ древностью снова пріобрѣло понятную, человѣческую цѣль, его задача состояла въ образованіи духа и вкуса на литературныхъ твореніяхъ къ изящному и истинному. Этотъ новый гуманизмъ не былъ противенъ и расцвѣтавшей въ то время нѣмецкой поэзіи, но стоялъ съ ней въ живомъ взаимодѣйствіи; причемъ Гетингенъ также слу-

Digitized by Google

жилъ мѣстомъ сосредоточія и этой поэзіи, достаточно упомянуть стихи Галлера и Гезнера.

Сравнивая состояніе германскихъ университетовъ, выразившееся къ концу 18 вѣка въ послѣдовательномъ преемствѣ двухъ руководящихъ университетовъ, съ ихъ состояніемъ къ концу 17 столѣтія, наблюдаемое въ этомъ отношеніи различіе можно было бы подвести подъ слѣдующія положенія.

1) Мѣсто схоластической философіи заняла раціоналистическая философія, не знающая никакихъ рѣшеній, исходящихъ отъ авторитетовъ.

2) Мѣсто мертваго изученія древнихъ языковъ для цѣлей подражанія заняло живое изученіе древностей въ цѣляхъ общечеловѣческаго образованія.

3) Съ этимъ связано и то, что нѣмецкій языкъ вытѣснилъ латинскій, какъ языкъ преподаванія въ университетахъ.

4) Въ преподаваніи проводится принципъ свободы изслѣдованія и ученія.

5) Въ связи съ этимъ стоитъ исчезновеніе диспутовъ и изгнаніе книгъ текстовъ, съ другой стороны появленіе семинарій; Гезнеръ въ Гетингенѣ открылъ первый семинарій, за нимъ послѣдовалъ Галльскій семинарій подъ руководствомъ Ф. А. Вольфа, филолога.

Третья эпоха. 19 вѣкъ. И она открылась нѣсколькими значительными новообразованіями. Впереди идетъ Берлинскій университетъ, основанный при знаменательныхъ обстоятельствахъ въ 1809 году въ столицѣ прусскаго государства, дабы доказать, «что Пруссія не намѣрена отказываться отъ призванія, которому она издавна служитъ: главнымъ образомъ работать на поприщѣ высшаго духовнаго образованія и въ послѣднемъ искать свою мощь, но напротивъ желаетъ снова начать служеніе ему; что Пруссія, что также весьма цѣнно, не желаетъ себя изолировать, но желаетъ также и въ этомъ отношеніи остаться въ живомъ союзѣ со всей природной Германіей». Такъ замѣчаетъ Шлейермахеръ, въ его обстоятельныхъ размышленіяхъ объ университетахъ (стр. 145), гдѣ онъ начерталъ новому университету его духовно учредительный актъ, а Берлинской высшей школѣ—ея идею и ея историческое и національное назначеніе.

Въ 1811 году состоялось перенесеніе старой Viadrina въ Бреславль, гдѣ она была соединена съ мѣстнымъ учрежденіемъ въ новый университетъ. По заключеніи мира былъ, наконецъ, основанъ для западныхъ областей, на широкихъ основаніяхъ, новый университетъ въ Боннѣ. (1818). Новое баварское государство также создало для себя въ Мюнхенѣ большой центральный университетъ (1826), въ которомъ продолжалъ жить старый мѣстный, Ингольштадтскій университетъ. Заключеніемъ является возобновленіе новой германской имперіей Страсбургскаго университета (1872). Такъ отражались политическія перипетіи на судьбахъ университетовъ.

Съ этимъ соединяется еще одна перемѣна: исчезновеніе мѣстно церковнаго характера. Подобно тому какъ болѣе значительныя германскія государства сами отказались во время великихъ переворотовъ начала столѣтія отъ вѣроисповѣднаго единства, поступились своимъ исповѣднымъ характеромъ также и университеты. Они снова

Digitized by Google

приближались въ извѣстномъ смыслѣ къ университету типа стараго studium generale, но конечно покоющемуся уже не на церковныхъ, а на общечеловѣческихъ основаніяхъ. Возстановленъ также старый международный характеръ ихъ, но дѣйствующій нынѣ въ обратномъ направленіи: въ средніе вѣка нѣмецкіе студенты отправлялись въ чужіе края, въ Парижъ и Италію, въ настоящее же время иностранцы съ далекаго Запада и Востока стекаются въ Германію.

Выше всѣхъ въ эту эпоху въ смыслѣ вліянія на идеи и духовную жизнь всего народа стоитъ философскій факультетъ. Изъ извѣстныхъ и знаменитыхъ въ наукѣ именъ ему одному принадлежитъ столько-же, сколько тремъ остальнымъ факультетамъ, вмѣстѣ взятымъ, и по численности преподавательскаго персонала онъ также является наиболѣе значительнымъ.

Въ началѣ этой эпохи философія стоитъ впереди, то былъ Кантъ, мудрецъ изъ Кенигсберга, философія, котораго, стерѣвъ вольфовскую, пріобрѣла съ 90-хъ годовъ господство въ германскихъ университетахъ, не исключая и католическихъ. Къ нему примыкала спекулятивная философія, которая сперва сосредоточилась главнымъ образомъ въ Іеннѣ, гдѣ втеченіе этого вѣка учили Фихте, Шеллингъ и Гегель, а затѣмъ перенесли мѣсто своего главнаго пребыванія въ Берлинъ, гдѣ сначала работалъ Фихтъ, а затѣмъ Гегель. Послѣдній оказалъ замѣтное вліяніе на всю сущность преподаванія въ Пруссіи; его философія въ 20-хъ и 30-хъ годахъ могла быть именуема прусской государственной философіей, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: она была оффиціально признанной философіей государства или по крайней мѣрѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ другой-же стороны Гегель былъ удивительнымъ проповѣдникомъ государственной идеи. Эта связь длилась вплоть до воцаренія Фридриха Вильгельма IV, который ненавидѣлъ гегеліанскій раціонализмъ и для борьбы съ нимъ вызвалъ изъ Мюнхена въ Берлинъ стараго Шеллинга. Рядомъ съ Фихте и Гегелемъ широко распространявшееся вліяніе оказывалъ и Шлейермахеръ, какъ богословскими, такъ и философскими чтеніями. Въ качествѣ представителя другого, позитивнаго направленія въ философіи слѣдуетъ назвать Гербарта (въ Гетингенѣ и Кенигсбергѣ). Его философія со времени паденія гегелевской пріобрѣла замѣтное вліяніе, въ особенности въ австрійскихъ университетахъ.

Среди духовныхъ факторовъ этой эпохи на второмъ мѣстѣ стоитъ новогуманистическая филологія. Ф. А. Вольфъ, занявшій первое послѣ стараго Гейне мѣсто, училъ сперва въ Галле, а затѣмъ въ Берлинскомъ университетѣ, который былъ основанъ при дѣятельномъ содѣйствіи В. фонъ-Гумбольдта, друга Вольфа, и съ самаго своего основанія предназначался быть резиденціей науки о древности; этому своему назначенію онъ остался вѣренъ и до настоящаго дня. Другъ подлѣ друга, другъ вслѣдъ за другомъ учили здѣсь Бекъ, Лахманъ и Гауптъ. Тренделенбургъ, обновитель аристотелевской философіи, долгіе годы влiятельный учитель, связывалъ философскія ученія съ филологическими. На ряду съ Берлинскимъ выдѣлялись также оба другіе новые университета; въ Боннѣ учили: Нибуръ, Велькеръ, Брандисъ, Ричль; въ Мюнхенѣ: Фр. Тиршъ,

Digitized by Google

Шпенгель, Гольмъ; Лейпцигъ достигъ прежняго своего положенія благодаря Готфриду Герману, въ Гетингенѣ училъ Отфридъ Мюллеръ.

Существенно также возникновеніе новыхъ отраслей филологическихъ знаній. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ вспомнить о насажденіи германистской науки братьями Гриммъ, которые жили и учили сперва въ Гетингенѣ, а потомъ въ Берлинѣ. Сюда-же примыкаетъ изученіе романской филологіи, основателемъ которой былъ Дицъ, въ Боннѣ. Изученіе языковъ и литературы востока также испытываетъ новый подъемъ. Достаточно вспомнить имена Бопа, основателя сравнительнаго языковѣдѣнія, и египтолога Лепсіуса, обоихъ берлинскаго университета, Фр. Рюкерта, большого языковѣда и поэта, которымъ можетъ гордиться Ерлангенъ.

Выдающееся значеніе надо признать и за мощнымъ ростомъ историческихъ знаній. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать Л. Ранке, въ Берлинѣ, какъ вліятельнаго учителя, которому слѣдовалъ длинный рядъ выдающихся учениковъ по проторенному имъ пути изслѣдованія источниковъ. Надлежитъ также замѣтить, что университетское преподаваніе исторіи и историческая литература пріобрѣтаютъ въ эту эпоху вліяніе и на политическія мысли народа, которое прежде всего проявилось въ стремленіи къ національному единству. Отнюдь не можетъ быть приписано случаю, что выдающіеся историки Далманъ, Войцъ, Дройзенъ, Гойзеръ играли такую видную роль на представительныхъ собраніяхъ 1848 г.

Наконецъ, съ двадцатыхъ годовъ рядомъ съ историко-филологическими занятіями начинаетъ все сильнѣе обозначаться математическія и естественно-историческія изслѣдованія. Въ Гетингенѣ учили математикъ Гаусъ и физикъ Веберъ. Въ Гессенѣ Либигъ основалъ при ограниченныхъ средствахъ свою лабораторію, которая для науки химіи не менѣе того и для практическаго знанія имѣла богатѣйшія послѣдствія. Въ Берлинѣ къ Іог. Мюллеру примыкала новая школа физіологіи, которая поставила себѣ задачей чисто естественно-историческое объясненіе безъ помощи метафизическихъ принциповъ всѣхъ біологическихъ явленій. Она прежде всего имѣла большее значеніе въ развитіи медицины.

Если такимъ образомъ первая половина нашего столѣтія ознаменовалась цѣлымъ рядомъ людей, пробивавшихъ новые пути, и работъ, клавшихъ новыя основанія, то вторая половина скорѣе характеризуется ростомъ въ ширь; это слѣдуетъ сказать относительно обѣихъ отраслей научнаго знанія: историко-филологическаго и математико-естественноисторическаго. Особенность этого періода времени опредѣляется все болѣе возраставшей спеціализаціей отдѣльныхъ областей знанія. Въ строѣ университета эта особенность выразилась въ умноженіи каѳедръ и вспомогательныхъ учрежденій, въ особенности естественно-историческихъ и въ появленіи семинарій. Число ординарныхъ каѳедръ на философскомъ факультетѣ втеченіе этого вѣка удвоилось и даже утроилось. Берлинскій университетъ открылся при 12 ординарныхъ профессорахъ, теперь ихъ 53.

Если-бы мы здѣсь попытались набросать въ краткомъ очеркѣ

Digitized by Google

также исторію и трехъ остальныхъ факультетовъ, то исторія богословскаго факультета могла бы быть представлена въ слѣдующихъ очертаніяхъ. Въ началѣ нашей эпохи богословіе стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ философіей; раціоналистическое и спекулятивное богословіе позволяютъ особенно ясно различить эту связь. Особенное положеніе занимаетъ Шлейермахеръ; съ одной стороны самъ онъ философъ-мыслитель, съ другой-же стороны онъ стремится освободить религію отъ смѣшенія съ философіей, которое имѣло мѣсто какъ въ ортодоксальномъ, такъ и въ раціоналистическомъ богословіи, ибо онъ представляетъ религію, какъ функцію настроенія (gemüht), болѣе чѣмъ сознанія. Со второй трети этого столѣтія два новыхъ, другъ другу противоположныхъ направленія все болѣе и болѣе оттѣсняютъ философское богословіе: такъ называемое позитивное направленіе, которое опирается на догму и церковный авторитетъ; оно представлено въ протестантской церкви Генгстенбергомъ въ Берлинѣ; въ католической церкви оно стоитъ внутри большого, церковнаго реставраціоннаго движенія, дошедшаго до Ватикана и нынѣ повсюду работающаго надъ строгимъ проведеніемъ покоющагося на авторитетномъ единствѣ ученія въ богословіи и философіи. Второе направленіе, историко-критическое, такъ оно представляется Бауэромъ и Тюбингенской школой въ университетѣ и Д. Фр. Штраусонъ внѣ его.

Подобную-же схему можно, быть можетъ, представить также и относительно развитія юридическаго факультета. Въ началѣ эпохи и здѣсь мы встрѣчаемъ послѣдовательную смѣну преобладающаго вліянія вольфовской, кантовской и гегелевской философіи и въ старомъ естественномъ правѣ и въ новыхъ философскихъ конструкціяхъ права и государства. Затѣмъ философское направленіе было также и здѣсь вытѣснено исторической школой (фонъ-Савиньи въ Берлинѣ) и съ другой стороны «позитивной» (Шталь въ Берлинѣ).— Въ позднѣйшее время показывается обновленная склонность къ философскому толкованію въ обѣихъ областяхъ въ богословіи и въ правѣ: нельзя не замѣтить, что школа А. Ритшля примыкаетъ къ кантовской философіи не менѣе чѣмъ къ философіи Шлейермахера, съ ея двойственными положеніями. Равнымъ образомъ и въ наукѣ права и государства въ новое время обнаруживается, подъ вліяніемъ экономически-соціальнаго построенія исторіи, историко-философскій или соціологическій методъ изслѣдованія (Іерингъ, Л. Штейнъ).

И медицинскій факультетъ въ началѣ нашей эпохи мы застаемъ подъ господствующимъ вліяніемъ натурфилософскихъ теорій. Съ 30-хъ годовъ и здѣсь эти пути также оставляются, и обращаются къ строго естественно - историческимъ методамъ изслѣдованія. Втеченіе послѣднихъ лѣтъ произошелъ поразительный подъемъ медицинскихъ факультетовъ. Почти до конца 18 столѣтія по численности своей они были незначительными придатками богословскаго и юридическаго факультетовъ. Въ настоящее же время по числу студентовъ и преподавательскаго персонала они занимаютъ въ многихъ университетахъ первое мѣсто. Также и медицинскія вспомогательныя учрежденія всѣхъ родовъ значительно умножились и расширились; они также занимаютъ въ домашнемъ строѣ университета

Digitized by Google

подобающее мѣсто. Внѣшній ростъ ихъ несомнѣнно стоитъ въ связи съ быстро возраставшимъ благосостояніемъ населенія. Однако, не безъ вліянія, конечно, были также и внутренніе успѣхи науки; усовершенствованные методы изслѣдованія, въ особенности-же примѣненіе микроскопа привели въ дѣлѣ уясненія причинъ и существа болѣзней къ замѣчательнымъ успѣхамъ, въ тѣсной связи съ которыми стоятъ существенныя улучшенія въ лѣчебномъ искусствѣ, прежде всего въ области хирургіи.

Что-же касается внѣшняго строя университетовъ, то въ общихъ устояхъ его ничего существенно не измѣнилось. Дѣленіе на факультеты, послѣ того, какъ были высказаны нѣсколько мыслей противъ такого «средневѣкового» порядка, сохранилось. Однако, число ихъ въ отдѣльныхъ университетахъ увеличилось, благодаря-ли присоединенію второго богословскаго факультета для другого вѣроисповѣданія, или-же благодаря отдѣленію отъ философскаго особыхъ факультетовъ: естественно-историческаго и государственныхъ наукъ. Въ строѣ жизни исчезли послѣдніе слѣды старыхъ формъ: нѣтъ больше общежитій и нѣтъ профессоровъ, содержащихъ студенческіе пансіоны, нѣтъ также распредѣленій занятій и частныхъ наблюдателей (репетиторовъ), и самая академическая юрисдикція сокращена до незначительной доли. Теперь студентъ такой-же гражданинъ государства, какъ и всякій другой; послѣ того, какъ онъ иматрикулированъ, и обѣщалъ ректору соблюдать всѣ академическія правила, къ нему втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ не обращается ни одно офиціальное лицо; онъ вполнѣ предоставленъ своему собственному усмотрѣнію. Явнымъ образомъ эта отмѣна школьныхъ порядковъ связана съ тѣмъ фактомъ, что средній возрастъ студентовъ постоянно возрасталъ. Теперь можно считать 20 лѣтъ среднимъ возрастомъ при первой иматрикуляціи. Для людей-же въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ школьная организація преподаванія и школьный порядокъ жизни невозможны.

Въ дѣлѣ постановки преподаванія произошло нѣкорое измѣненіе въ положеніи философскаго факультета. Если до сихъ поръ его задача сводилась къ общеобразовательной подготовкѣ для занятій спеціальными науками на трехъ «высшихъ» факультетахъ, то нынѣ онъ самъ сталъ самостоятельнымъ, спеціально образовательнымъ учрежденіемъ для опредѣленной профессіи, именно для учителей высшихъ школъ. До начала нынѣшняго столѣтія профессія учителя была придаткомъ къ духовной въ той формѣ, что богословскіе кандидаты обыкновенно сперва посвящали себя учительству, они или занимали мѣста учителей въ общественныхъ, городскихъ школахъ или-же мѣста гувернеровъ, пока не открывалась вакансія священника. Теперь-же профессія учителя совершенно самостоятельная спеціальность, переходъ въ духовенство случается съ половины нынѣшняго столѣтія лишь въ высшей степени рѣдко. Введеніе въ 1810 году экзамена на учителя (examen pro facultate docendi) обозначилъ для Пруссіи начала кореннаго раздѣленія объединенныхъ доселѣ спеціальностей; цѣль его была— поднять или-лучше сказать, создать, особый классъ преподавателей гимназіи съ надлежащей научной подготовкой и общимъ классовымъ

Digitized by Google

духомъ. Внутреннимъ предположеніемъ этого стремленія было освобожденіе духа времени отъ богословія и отъ богословскихъ воззрѣній и обращеніе къ гуманизму Гёте и Вольфа.

Въ содержаніи и способѣ преподаванія завершились тѣ перемѣны, которыя намѣчались въ предшествующую эпоху: нѣмецкій университетскій преподаватель уже не видитъ болѣе цѣли своего преподаванія въ простой передачѣ прочнаго комплекса общепринятыхъ истинъ, но видитъ ее въ томъ, чтобы поучать результатамъ собственнаго изслѣдованія. Выраженіе «tradere» хотя и сохранилось для обозначенія лекціи, но даже самый молодой приватъ-доцентъ, и онъ, быть можетъ, еще въ большей степени, сочтетъ приниженіемъ своего достоинства, если-бы къ дѣятельности его захотѣли примѣнить это выраженіе, этому соотвѣтствуетъ и цѣль преподаванія, оно стремится наставить слушателей къ самостоятельному мышленію и изслѣдованію. Занятіе, которое ожидается отъ студента, не состоитъ въ томъ, чтобы онъ воспринималъ готовыя истины, но въ томъ, чтобы онъ учился научно работать и научно мыслить.

Это въ особенности относится къ философскому факультету, здѣсь изслѣдованіе и наставленіе къ изслѣдованію является сплошь господствующею цѣлью. На другихъ факультетахъ передача и воспріятіе знанія, необходимыя для технической подготовки къ извѣстной спеціальности, естественно играютъ бо́льшую роль: врачи, судьи, священники не являются и не желаютъ быть попреимуществу учеными. Характеръ практической дѣятельности и стремленіе споспѣшествовать ея процвѣтанію отражаются и на университетѣ. Философскій-же факультетъ, напротивъ, является строго научнымъ факультетомъ. Это относится какъ къ его учителямъ, такъ и къ его ученикамъ. Этотъ характеръ внѣшнимъ образомъ явствуетъ изъ его отношенія къ академіи: между германской академіей и философскими факультетами существуетъ въ широкомъ объемѣ личное единеніе, тогда какъ другіе факультеты представляются въ академіи скорѣе лишь случайно; этотъ характеръ равнымъ образомъ сказывается и въ томъ, что семинаріи, разсадники изслѣдованія, явились первоначально здѣсь, какъ нѣчто природное; а изъ нихъ выростаютъ диссертаціи. Значеніе ученой степени также характерно. Возведеніе въ степень происходитъ и на другихъ факультетахъ, на богословскомъ и юридическомъ рѣже, на медицинскомъ, хотя оно и является общимъ правиломъ, но имѣетъ здѣсь совершенно другой характеръ: пріобрѣтеніе званія обусловлено внѣшней, общественной необходимостью, но никто не считаетъ, и самъ молодой докторъ также, чтобы онъ своей диссертаціей доказалъ себя ученымъ изслѣдователемъ. Между тѣмъ таковъ обыкновенно въ извѣстной мѣрѣ характеръ доктора философіи.

Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ постановка преподаванія на философскомъ факультетѣ, онъ прежде всего разсчитанъ на подготовленіе ученыхъ. Философъ, историкъ, математикъ, физикъ относятся къ своему дѣлу такъ, какъ будто онъ имѣетъ на своихъ лекціяхъ и занятіяхъ передъ собой либо будущихъ ученыхъ, либо будущихъ професоровъ; онъ совершенно не принимаетъ въ разсчетъ того факта, что большинство его слушателей предна-

Digitized by Google

значается къ практической, педагогической дѣятельности, или лучше сказать, хотя онъ это и не игнорируетъ, но убѣжденъ, что учитель не можетъ ничего лучшаго внести въ свою дѣятельность, чѣмъ знаніе. Все указываетъ на это. Старый взглядъ на задачи гимназіи, да и обычное старое наименованіе заведенія ученой школой (gelehrtenschule) указываетъ на это. А что нужно учителю ученой школы (офиціальное названіе «гимназія» ведетъ свое происхожденіе лишь съ начала нынѣшняго столѣтія) для его дѣятельности, какъ не ученость? Съ другой стороны этимъ-же обстоятельствомъ обусловливается появившаяся въ новѣйшее время и постоянно все возрастающая спеціализація отдѣльныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи: въ настоящее время каждая гимназія имѣетъ своихъ классиковъ и неофилологовъ, своего математика и естествоиспытателя, своихъ историковъ и богослововъ. она сама почти является маленькимъ университетомъ. Въ неменьшей, наконецъ, степени указываетъ на это и чисто научный характеръ испытаній для провѣрки facultas docendi: задачи, предлагаемыя на этомъ испытаніи, являются въ сущности темами для научныхъ изслѣдованій и монографій, каковыя изъ нихъ нерѣдко и вырастаютъ. Такимъ образомъ, каждый нѣмецкій учитель гимназіи на самомъ дѣлѣ также вполнѣ чувствуетъ себя ученымъ, по крайней мѣрѣ, при вступленіи своемъ въ должность, когда вынесенныя изъ университета ощущенія еще особенно живы. А каждому изъ лучшихъ питомцевъ университета нѣчто отъ этого настроенія остается втеченіе всей его послѣдующей жизни.

Безъ сомнѣнія это обстоятельство имѣетъ и обратную сторону, она обнаруживается въ томъ, что иной учитель, который съ любовью отдавался въ университетѣ научнымъ занятіямъ, затѣмъ, вступивъ въ школу, чувствуетъ себя нѣсколько разочарованнымъ, какъ бы попавъ не въ надлежащее мѣсто, ибо sexta гимназіи отнюдь не даетъ простора для насажденія учености, да и prima не много больше; эта обратная сторона также сказывается и въ томъ, что другому, не получившему соотвѣтственнаго педагогическаго образованія, и увидѣвшему себя внезапно поставленнымъ передъ цѣлымъ классомъ, понадобится продолжительный срокъ, пока онъ не освоится и не выработаетъ надлежащихъ пріемовъ; это — недостатокъ, къ устраненію котораго предназначаются устраиваемые въ новѣйшее время гимназическіе семинаріи; съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что старый порядокъ, считавшій учителя гимназіи ученымъ, принесъ значительную пользу; на немъ покоится то высокое уваженіе, которымъ въ Германіи, сравнительно съ сосѣдними государствами, пользуется сословіе учителей гимназій. Оно имѣетъ также значеніе и для будущаго: учитель никогда не достигнетъ высшихъ ступеней въ бюрократической іерархіи, онъ долженъ отвоевывать себѣ положеніе своими научными заслугами. На этомъ-же покоится и характеръ германскихъ гимназій, онѣ и теперь заключаютъ въ себѣ нѣчто, присущее ученой школѣ, которая рано пробуждаетъ въ ученикахъ любовь къ научной работѣ и изслѣдованію; окажись и теперь въ коллегіи дѣйствительный ученый, вмѣстѣ съ нимъ и учебное заве-

Digitized by Google

деніе усвоило бы таковой-же характеръ. Наконецъ, на этомъ-же основывается и характеръ германскихъ философскихъ факультетовъ и даже университетовъ, они создаютъ ученыхъ, потому что гимназическій учитель считается ученымъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что тѣснѣйшимъ образомъ связана съ этимъ фактомъ многочисленность ученыхъ работниковъ, коими гордится Германія во всѣхъ областяхъ. И если въ отдѣльныхъ случаяхъ избытокъ въ этомъ отношеніи окажется неудобнымъ, то не забудемъ, что отъ него въ значительной долѣ зависитъ необычайная производительность германскаго народа во всѣхъ областяхъ научнаго знанія, въ особенности-же историко-филологическаго.

По этому поводу недавно было высказано однимъ французомъ мнѣніе, которое, само собой разумѣется, нѣмецъ не осмѣлился бы выразить, да едва ли и дерзалъ бы о себѣ имѣть. Ferdinand Lot говоритъ въ одной маленькой интересной работѣ (L'enseignement superieur en France, 1892). «Научная гегемонія Германія во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ признается въ настоящее время всѣми народами. Это твердо установившійся фактъ, что Германія одна творитъ много болѣе, чѣмъ весь остальной міръ вмѣстѣ взятый, ея господство въ наукѣ подобно господству Англіи въ торговлѣ и въ мореплаваніи. Быть можетъ, даже относительно оно болѣе значительно». Вполнѣ возможно, что въ этомъ немало слѣдуетъ сократить. Но Lot нисколько не ошибается въ томъ отношеніи, что онъ главную причину видитъ въ организаціи германскихъ университетовъ, въ ихъ общемъ корпоративномъ строѣ, ихъ свободѣ преподаванія и свободѣ обученія и главнымъ образомъ въ преподаваніи, направленномъ на усвоеніе учащимся пріемовъ самостоятельной научной работы. Но это опять-таки прежде всего относится къ философскимъ факультетамъ; въ нихъ съ особенною опредѣленностью проявляется характеръ германскаго университета, или же какъ разсадника пріемовъ научнаго изысканія; склоняются къ этому-же направленію и остальные факультеты. Все, что угрожаетъ отнять у философскихъ факультетовъ этотъ ихъ характеръ, породило бы опасность и для германскихъ университетовъ и для положенія Германіи въ научномъ мірѣ. Но не надо также забывать, что все это существуетъ и работаетъ въ живой связи съ историческою жизнью. Жизненная атмосфера университетовъ—тотъ историческій духъ, который обнимаетъ всѣ германскіе университеты вообще и въ особомъ своемъ проявленіи каждый университетъ въ отдѣльности. Среди университетовъ не найдется ни одного, который въ какое-либо время не игралъ бы въ жизни германскаго народа, или же въ жизни науки замѣтной роли, который не могъ бы приписать себѣ хоть пару славныхъ именъ, имѣвшихъ въ исторіи науки продолжительное значеніе; и всякій, кто ступитъ на эту почву, почувствуетъ себя охваченнымъ духомъ исторической жизни. Ставъ-же въ ряды университета, онъ почувствуетъ, что тѣмъ самымъ принялъ на себя обязанности; не всѣ сознаютъ послѣднія въ одинаковой мѣрѣ, но можно сказать, что такъ или иначе ощущаетъ ихъ каждый, вступившій въ корпорацію въ качествѣ учителя, ощущаетъ ихъ почти каждый, когда онъ впервые въѣзжаетъ студентомъ въ университет-

Digitized by Google

скій городъ, и кое-что отъ этого ощущенія вноситъ онъ съ собою въ практическую свою дѣятельность: такъ нѣмецкій священникъ, врачъ, судья могъ бы быть не только практикомъ, но въ малой долѣ также и ученымъ, по крайней мѣрѣ настолько, что онъ и впослѣдствіи интересуется тѣмъ, что дѣлается по его спеціальности. Въ большей-же степени это относится къ нѣмецкому учителю гимназіи: онъ чувствуетъ себя не только чиновникомъ и учителемъ, но также и ученымъ; и не малой долѣ изъ нихъ удается часто при стѣснительныхъ и нерѣдко при тяжкихъ условіяхъ принимать живое и дѣятельное участіе въ научной работѣ въ своей области. Это придавало до сихъ поръ нѣмецкой гимназіи присущій ей характеръ, гордость ея всегда была — быть ученой школой и въ своемъ родѣ, и въ меньшемъ размѣрѣ имѣть то-же значеніе, какое въ болѣе широкомъ объемѣ имѣетъ высшая школа.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Германскіе университеты въ ихъ отношеніи къ государству, церкви и обществу.

Отношеніе къ государству. Что университеты государственныя учрежденія, представляется намъ естественнымъ и почти само собой понятнымъ. Однако, такъ не всегда было и это не необходимо. Научное изслѣдованіе и научное преподаваніе не являются по природѣ своей государственными предпріятіями. Первые университеты были частными обществами, творившими подъ общей защитой государственной власти свою работу: научное изслѣдованіе и преподаваніе. Какъ и другія общенія, они управляли собою самостоятельно; издавали сами себѣ законы, выбирали своихъ представителей, творили судъ надъ своими сочленами, разрастались далѣе путемъ пріема новыхъ учителей, причемъ конечно, существовало и формальное содѣйствіе церкви. Англійскіе университеты и до сихъ поръ живутъ такою-же жизнью.

Въ Германіи въ силу исторической необходимости воцарился государственный университетъ. Уже въ самомъ своемъ зародышѣ, германскіе университеты были, какъ выше изложено, учрежденіями отдѣльныхъ владѣтельныхъ князей. Съ 15 вѣка мы застаемъ княжескую власть пробивающейся повсюду; она осуществляется и относительно университетовъ путемъ преобразованій и опредѣленій, которыя она безъ затрудненій провела, несмотря на нѣкоторое противодѣйствіе этихъ корпорацій, ссылавшихся на свое право издавать для себя статуты. Реформація дала протестантскимъ князьямъ кромѣ свѣтской еще духовную власть; университеты тогда вполнѣ обратились въ княжескія учрежденія съ назначеніемъ образовывать должностныхъ лицъ для княжеской службы, какъ на свѣтскомъ, такъ и на духовномъ поприщѣ. Съ середины 17 столѣтія государство все болѣе

Digitized by Google

обращалось во всеобъемлющее, обо всемъ пекущееся благотворительное учрежденіе. Незначительные размѣры германскихъ княжествъ благопріятствовали упроченію взгляда на государства, какъ на единое, большое хозяйство подъ общимъ отеческимъ управленіемъ. Въ 18 вѣкѣ это воззрѣніе господствовало безраздѣльно. Въ принципѣ считалось, что удовлетвореніе всѣхъ существенныхъ потребностей общественной жизни—дѣло государства и совершается государственными мѣропріятіями или по крайней мѣрѣ подъ наблюденіемъ государства. Правительство заботилось о развитіи оборота и торговли, о проведеніи дорогъ и каналовъ, о чистотѣ и освѣщеніи улицъ, о призрѣнія бѣдныхъ, о введеніи новыхъ отраслей промышленности, объ установленіи надлежащихъ таксъ на трудъ и жизненные припасы, о доставленіи полезной духовной пищи, путемъ-ли книгъ, или театра и т. д. Естественно поэтому, что государству также принадлежала и забота снабжать юношество потребнымъ образованіемъ.

Нѣмецкая народная школа, которая обратила въ общегосударственную обязанность пользованіе общимъ элементарнымъ образованіемъ, стала въ 18 вѣкѣ повсемѣстной. И университеты также подчинены общему управленію народнымъ просвѣщеніемъ. Прусское земское уложеніе въ сущности формулируетъ уже существующее и дѣйствующее, въ качествѣ само собой подразумѣваемаго, право, говоря въ началѣ раздѣла о школьномъ дѣлѣ, что «школы и университеты суть учрежденія государства, которыя имѣютъ цѣлью наставленіе юношества въ полезныхъ познаніяхъ и наукахъ».

19 столѣтіе хоть въ принципѣ не сохранило всемогущества государства въ столь неограниченномъ объемѣ, конституція въ своихъ общихъ опредѣленіяхъ выставляетъ цѣлый рядъ ограниченій дѣятельности государства; такъ, прусская конституція объявляетъ въ § 20 науку и ея ученіе свободными, а въ § 22 прибавляетъ къ этому, что каждому свободно предоставляется обучать и открывать учебныя заведенія, однако, сюда-же присоединяется требованіе, чтобы это лицо предварительно доказало государственному учрежденію свои нравственныя качества и научную и техническую подготовленность и чтобы оно подчинилось постоянному надзору этого учрежденія. Въ дѣйствительности-же только въ 19 столѣтіи народное просвѣщеніе всецѣло перешло въ руки государства. Прежде всего ученыя школы, которыя въ предыдущія столѣтія были почти исключительно городскими учрежденіями, теперь въ большей части подпали подъ непосредственное управленіе государства. Равнымъ образомъ и благодаря учрежденію министерства народнаго просвѣщенія съ надлежащимъ административнымъ механизмомъ народное просвѣщеніе теперь формально вошло въ систему государственныхъ учрежденій.

Что же касается въ особенности правового положенія германскихъ университетовъ, то оно можетъ быть очерчено слѣдующимъ образомъ.

Университеты, учрежденія, создаваемыя и содержимыя государствомъ. Содѣйствіе извнѣ, какъ оно происходило нѣкогда со стороны папской или императорской власти, нынѣ не встрѣчается. Право присуждать ученыя степени также истекаетъ отъ государ-

Digitized by Google

ственной власти. Она-же даетъ учрежденію уставы и статуты. Она создаетъ каѳедры и учебно-вспомогательныя учрежденія. Профессора и должностныя лица при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ суть государственные чиновники. Университеты непосредственно подчинены министру народнаго просвѣщенія. они не подчинены провинціальнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. У нѣкоторыхъ университетовъ, въ качествѣ мѣстнаго представителя министерства, бываетъ кураторъ, иногда называемый канцлеромъ; его задача—осуществлять общегосударственный надзоръ и заботу о поддержаніи жизнедѣятельности всего учрежденія и содѣйствіе послѣдней, также въ хозяйственномъ отношеніи. Университетъ сносится съ министерствомъ при его посредствѣ.

Если такимъ образомъ университетъ съ точки зрѣнія права введенъ въ сферу государственнаго просвѣщенія, въ качествѣ члена его, то фактически онъ занимаетъ совершенно особое и можно сказать исключительное положеніе. Онъ пользуется такой мѣрой независимости и самостоятельности, какой не имѣетъ ни одно другое государственное учрежденіе; государственный надзоръ за преподавателями почти не чувствителенъ. Отъ стараго корпоративнаго самоуправленія также удержались замѣтные слѣды, прежде всего свобода избранія академическихъ должностныхъ лицъ. Глава университета — ректоръ. Онъ избирается ежегодно всѣми ординарными профессорами. Онъ представляетъ университетъ во внѣ, ему-же подчинены всѣ низшія должностныя лица, онъ производитъ имматрикуляціи; онъ осуществляетъ надзоръ за общеніями и собраніями студентовъ. Равнымъ образомъ и сенатъ составляется путемъ избранія изъ ординарныхъ профессоровъ; кромѣ избранныхъ сочленовъ къ нему принадлежатъ ректоръ, въ качествѣ предсѣдателя, университетскій судья и деканы. Сенатъ служитъ органомъ общаго управленія. Право дисциплинарной юрисдикціи надъ студентами также принадлежитъ ректору вмѣстѣ съ университетскимъ судьей и сенатомъ. Въ качествѣ мѣръ взысканія за дисциплинарныя нарушенія въ его распоряженіи въ Пруссіи: выговоръ, денежный штрафъ до 20 марокъ, карцеръ до 2 недѣль, угроза увольненія изъ университета, увольненіе и исключеніе.

Факультеты также обладаютъ значительной долей самоуправленія. Они ежегодно избираютъ изъ своей среды декана, ведущаго дѣла факультета. Какъ особому учрежденію, имъ принадлежитъ надзоръ за преподаваніемъ, въ особенности-же въ ихъ задачу входитъ забота о полнотѣ преподаванія въ каждомъ семестрѣ. Они наблюдаютъ, далѣе, въ нравственномъ и научномъ отношеніи и за учащимися, но при нормальномъ положеніи дѣлъ этотъ надзоръ, какъ и надзоръ за преподаваніемъ ни въ чемъ не проявляются; факультетами-же разрѣшаются установленныя льготы и производятся необходимыя для пользованія этими льготами испытанія; равнымъ образомъ ими-же назначаются темы для соисканія наградъ и присуждаются премiи. Наконецъ, и это главное, они производятъ испытанія на ученыя степени и присуждаютъ чрезъ посредство декана эти степени. Они-же разрѣшаютъ привать-доценту venia legendi, а при открытіи вакансіи профессора, они предлагаютъ министру

Digitized by Google

своихъ кандидатовъ. Въ этомъ смыслѣ и по настоящее время за ними сохраняется право избранія профессоровъ.

Что-же касается преподаванія въ университетѣ, то въ этомъ отношеніи господствуетъ въ сущности полная свобода. Надзоръ въ дѣйствительности ограничивается почти исключительно только тѣмъ, чтобы необходимыя курсы вообще читались въ университетахъ, и чтобы каждый назначенный на каѳедру профессоръ вообще читалъ. Напротивъ, не существуетъ никакого офиціальнаго плана преподаванія, который опредѣлялъ бы, какъ это установлено относительно школъ, содержаніе, объемъ и форму преподаванія. Профессоръ получаетъ лишь общимъ образомъ намѣченную програму преподаванія по его спеціальности; ему всецѣло предоставлено самому развить подробности этой программы; отдѣльныя части курса, число часовъ, которое онъ имъ посвящаетъ, вопросы, которыхъ онъ въ курсѣ касается, методъ, котораго онъ желаетъ придерживаться, все это предоставлено на его свободное усмотрѣніе; о требованіяхъ отчетовъ, о ревизіяхъ или контролѣ со стороны надзирающаго должностнаго лица не можетъ быть и рѣчи.

Смѣло можно сказать, что большей мѣрой свободы, чѣмъ теперь, университетское преподаваніе никогда не пользовалось. До XVII в. оно со стороны содержанія своего было ограничено необходимостью согласоваться съ ученіями церкви; начиная съ XVI вѣка, путемъ предписаній касательно объема и формы учебной дѣятельности проявлялось довольно сильное вмѣшательство. Въ XVIII вѣкѣ правительство нерѣдко широко вмѣшивалось и въ содержаніе преподаванія; а именно чаще всего случалось, что профессорамъ, и притомъ отдѣльнымъ, дѣлались указанія на источники, откуда имъ надлежало черпать свою мудрость, а также на способы, коихъ они должны придерживаться въ чтеніи лекціи и веденіи занятій. Въ первой половинѣ XIX вѣка подобное вторженіе встрѣчалось еще чаще, напримѣръ: въ 20 годахъ въ пользу, а въ 40 годахъ противъ гегелевской философіи. Въ настоящее время попытки непосредственнаго вмѣшательства во внутреннюю сущность преподаванія совершенно вышли изъ употребленія. Вопросы о томъ, какъ и что преподавать вполнѣ предоставлены рѣшенію преподающихъ. Въ ученыхъ школахъ свобода преподавателей втеченіе послѣдняго столѣтія все болѣе чувствительно ограничивалась, въ университетахъ-же свобода преподаванія все болѣе и болѣе признавалась.

Такъ какъ впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай вернуться къ вопросу о свободѣ преподаванія, то здѣсь сдѣлаемъ еще замѣчаніе о порядкѣ назначенія профессоровъ. Назначеніе профессоровъ совершается, какъ указано выше, правительствомъ; экстраординарные профессора назначаются министромъ. назначеніе-же ординарныхъ исходитъ отъ отдѣльныхъ государей. Въ замѣщеніи освободившейся ординарной каѳедры участвуетъ также и факультетъ въ той формѣ, что онъ вноситъ мотивированное предложеніе своихъ кандидатовъ; по общему правилу называются три имени. Однако, правительство ни фактически, ни юридически не связано этимъ предложеніемъ. Этому порядку назначенія профессоровъ дѣлались серьезные упреки, будто онъ открываетъ широкій просторъ интригамъ

Digitized by Google

и школьному и семейному непотизму. Германскіе университеты могутъ со спокойной совѣстью оставить эти упреки безъ вниманія. Въ общемъ-же они даже вправѣ такъ поступать. Правда, происходитъ иногда то, чего лучше не случалось бы, но гдѣ-же та обѣтованная земля, гдѣ этого не бываетъ. Въ общемъ-же и при существующемъ порядкѣ германскимъ университетамъ жилось хорошо; и едва-ли можетъ быть найдена система замѣщенія профессуры, которая лучше и полнѣе служила бы цѣли: поставить надлежащаго человѣка на надлежащее мѣсто. Право факультета дѣлать представленія умѣряетъ министерскій абсолютизмъ, который безъ этого въ дѣйствительности имѣлъ бы значеніе единовластнаго начальника всѣхъ школъ; и такъ какъ министръ или докладчикъ въ министерствѣ не могутъ, по крайней мѣрѣ по всѣмъ спеціальностямъ, имѣть собственныя сужденія, то имъ пришлось бы частнымъ образомъ спрашивать совѣта, теперь-же они выслушиваютъ также мнѣніе и другихъ, при этомъ призванныхъ и отвѣтственныхъ совѣтниковъ.

Съ другой стороны назначеніе со стороны правительства—порядокъ необходимый; центральное управленіе одно въ состояніи обозрѣть всю полноту потребностей и наличныхъ силъ и по справедливости взвѣсить обстоятельства личнаго характера; исключительный выборъ факультетами несомнѣнно открылъ бы гибельный просторъ господству школъ и кружковъ, а также личнымъ интересамъ и интригамъ. Въ этомъ смыслѣ обычный для Германіи порядокъ кажется можетъ считаться наиболѣе надежнымъ и наиболѣе безопаснымъ; ибо мы не захотѣли-бы промѣнять его на конкурсъ, обычный въ романскихъ государствахъ, соисканіе путемъ присылки пробныхъ трудовъ и путемъ публичныхъ пробныхъ чтеній совершенно не могло-бы, по крайней мѣрѣ въ Германіи, считаться средствомъ для обезпеченія мѣста способностямъ, ибо скорѣе всего все, наиболѣе способное, съ ужасомъ отшатнулось-бы отъ такого, подверженнаго случайностямъ состязанія.

Наоборотъ не лишено цѣлесообразности все чаще высказываемое предложеніе назначать отдѣльнымъ каѳедрамъ опредѣленный окладъ съ постепенно возрастающими, соотвѣтственно годамъ службы прибавками къ жалованію, во-первыхъ, дабы разъ на всегда покончить съ переговорами о содержаніи, обыкновенно предшествующими назначенію, а также, дабы поставить приростъ доходовъ въ меньшую зависимость отъ случайности призванія на ту или другую каѳедру. Частая перемѣна мѣстъ, безъ сомнѣнія вызываемая существующимъ порядкомъ, приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы; прежде всего страдаютъ отъ этого маленькіе университеты. Если-бы было введено постепенное увеличеніе содержанія, каковое уже практикуется въ Баваріи, исчезло-бы по крайней мѣрѣ побужденіе стремиться въ большіе университеты.

Отношеніе университета къ церкви. Первоначально взаимная связь университетовъ съ церковью лежала такъ глубоко, что университеты среднихъ вѣковъ, а въ извѣстномъ смыслѣ и университеты 16 и 17 вѣковъ, могутъ быть названы церковными учрежденіями. Въ

Digitized by Google

18 вѣкѣ эта зависимость ослаблена, а въ 19 вѣкѣ, какъ замѣчено выше, университеты вмѣстѣ съ самими государствами вполнѣ отрѣшились отъ церковно-вѣроисповѣднаго характера.

Протестантская церковь безъ затрудненій сжилась съ такимъ порядкомъ, она даже не видѣла препятствій въ томъ, чтобы ея духовенство получало подготовительное образованіе въ государственномъ учрежденіи, на которое она формально не имѣла никакого вліянія. Конечно, при своемъ тѣсномъ въ формѣ мѣстной церкви союзѣ съ государствомъ, церковь могла смотрѣть на дѣло такъ, что, полагаясь на государство, проникнутое ея ученіемъ, она смѣло можетъ предоставить выполненіе задачи, по существу принадлежащей ей самой. Несомнѣнно также и то, что фактически она оказывала постоянно все глубже проникающее вліяніе на просвѣщеніе, начиная съ университета и кончая народными школами. И только съ тѣхъ поръ, какъ государство утратило вѣроисповѣдный характеръ и политика измѣнила свой характеръ, протестантская церковь пришла къ сознанію непрочности своего положенія; теперь проявляются стремленія привлечь церковныя учрежденія къ рѣшительному участію въ назначеніи профессоровъ на богословскія каѳедры, хотя уже задолго до того высшему церковному совѣту (oberkichenrat) присвоено право давать въ этихъ случаяхъ свое заключеніе. Пока надежда этихъ домогательствъ на успѣхъ кажется не велика. И если даже ей и суждено осуществиться, то вполнѣ можно усомниться въ томъ, чтобы она послужила протестантской церкви на пользу. Если замѣщеніе богословскихъ каѳедръ было-бы поставлено въ зависимость отъ органовъ церкви, то факультетъ не въ состояніи былъ бы удержать настоящее свое положеніе въ университетѣ; какъ преподаватели, такъ и учащіеся лишь на половину стояли-бы на университетской почвѣ, на половину на почвѣ свободной науки. Этого была-бы не въ силахъ вынести протестантская теологія, она можетъ преуспѣвать лишь въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи съ свободной философіей и наукой; она не имѣетъ за собой, подобно католическому богословію, авторитета непогрѣшимой церкви, ея сила всецѣло покоится на живомъ, личномъ значеніи ея представителей. И протестантская церковь не могла-бы этого перенести, при господствѣ неустранимой въ этомъ случаѣ, бездушной партійности, она неизбѣжно пришла бы къ гибели.

Иначе обстоитъ дѣло отношенія университета къ католической церкви не только въ протестантскихъ, но и въ католическихъ странахъ. Римская церковь—большая, самостоятельно организовавшаяся держава, болѣе древняя, чѣмъ всѣ современныя государства; она притязуетъ на право самостоятельно руководить образованіемъ своихъ служителей, и на этомъ своемъ притязаніи въ существенныхъ его чертахъ вездѣ успѣла настоять. Католическій клиръ получаетъ свое образованіе по большей части въ заведеніяхъ, стоящихъ подъ непосредственнымъ епископскимъ управленіемъ, въ семинаріяхъ для мальчиковъ, клириковъ и священниковъ. Отъ попытокъ, предпринятыхъ въ 70-хъ годахъ въ Пруссіи, подчинить образованіе духовенства вліянію государственной власти теперь

Digitized by Google

отказались. Извѣстная доля высшаго надзора со стороны государства за епископскими учрежденіями существуетъ конечно и теперь въ томъ смыслѣ, что право на церковую должность обусловлено окончаніемъ курса въ такомъ учебномъ заведеніи, уставъ котораго долженъ быть утвержденъ министромъ и курсъ равенъ университетскому. Впрочемъ и католическіе богословскіе факультеты фактически также зависятъ отъ церковной власти. До назначенія профессора происходитъ сношеніе съ церковнымъ органомъ, но и по изъявленіи своего согласія послѣдній въ запретѣ посѣщать лекціи даннаго профессора находитъ во всякое время вполнѣ надежное средство парализовать его дѣятельность.

Въ позднѣйшее время стремленія католическихъ круговъ направлены къ тому, чтобы наряду съ государственными призвать къ жизни церковно-вѣроисповѣдные университеты. Въ Бельгіи, Франціи и Италіи уже существуетъ небольшое число такихъ «свободныхъ университетовъ». Для говорящихъ по-нѣмецки католиковъ равнымъ образомъ стремятся создать подобное-же учрежденіе. Зальцбургъ намѣченъ, какъ мѣстонахожденіе его. Однако, пока, до осуществленія этого предположенія, кажется, очень далеко.

Отношеніе университета къ обществу. Здѣсь могутъ подлежать разсмотрѣнію три стороны его: 1) задачи высшей школы въ предѣлахъ общества; 2) положеніе носителей академическаго образованія въ обществѣ; 3) ихъ происхожденіе изъ общества.

1. Высшая школа, какъ и всѣ образовательныя учрежденія, призывается къ жизни въ силу общественныхъ потребностей: на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры развивается и потребность въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя уже предполагаютъ большую сумму научныхъ познаній.

Прежде всего существуютъ три отрасли дѣятельности, которыя съ давнихъ поръ требовали дѣйствительнаго научнаго образованія: духовное сословіе (cura et regimen animarum), свѣтское (судебное и государственное управленіе) и врачебное. Для этихъ трехъ отраслей спеціальными школами служили три такъ называемые высшіе факультета: богословскій — для духовенства, юридическій—для свѣтскихъ должностей и медицинскій—для врачей. Философскій факультетъ первоначально не былъ спеціальной школой, но являлся образовательнымъ учрежденіемъ обще-научнаго характера. Только въ 19 вѣкѣ и онъ превратился въ спеціальную школу, именно для высшихъ преподавательскихъ должностей.

Въ позднѣйшее время къ этимъ старымъ «ученымъ спеціальностямъ» присоединились новыя профессіи, требующія также и для себя дѣйствительной научной подготовки. Въ наше время дѣятельность техника, инженера, строителя, химика (т. е. техника въ химическомъ производствѣ), горнаго дѣятеля и лѣсничаго, а также дѣятельность сельскаго хозяина и офицера обставлены такими многосложными условіями научнаго характера, что и для нихъ стало необходимымъ спеціальное научное образованіе. Эта новая общественная потребность вызвала новыя формы высшихъ школъ, которыя здѣсь могутъ быть лишь упомянуты, но во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

упомянуты быть должны въ интересахъ уразумѣнія расширившагося въ наше время понятія «академически образованнаго міра». На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь высшія техническія школы, которыхъ въ настоящее время въ Германіи 9, почти всѣ въ главныхъ городахъ болѣе значительныхъ государствъ, всѣ основаны въ 19 столѣтіи. Сюда относится горная и лѣсная академіи, ветеринарныя и земледѣльческія высшія школы (послѣднія чаще всего являются присоединенными къ университетамъ). Наконецъ, можно также назвать академіи художествъ и военныя академіи, какъ высшія школы для спеціальностей, въ наше время также имѣющихъ научное основаніе. Нѣкоторыя изъ этихъ высшихъ школъ приближаются какъ по своему устройству, такъ и по строю занятій и жизни учащихся въ нихъ, къ университетамъ; это въ особенности относится къ высшимъ техническимъ школамъ.

Общей для всѣхъ высшихъ школъ задачей является теоретически—научная подготовка къ будущей дѣятельности. Вступленіе въ практическую область данной дѣятельности по общему правилу слѣдуетъ за научнымъ образованіемъ. Однако, порядокъ этотъ для различныхъ спеціальностей различенъ. Врачъ тотчасъ-же по прохожденіи медицинскаго курса приступаетъ къ практикѣ; онъ считается также и практически подготовленнымъ; у юристовъ-же напротивъ и по окончаніи курса слѣдуетъ цѣлый рядъ лѣтъ практической подготовки на службѣ, у офицеровъ эта подготовка отчасти уже происходитъ раньше.

Какъ возникновеніе, такъ и дальнѣйшее существованіе высшихъ школъ зависятъ также отъ общественныхъ потребностей, въ которыхъ школы черпаютъ пищу для своего существованія. Измѣнчивое, напримѣръ, преобладаніе отдѣльныхъ факультетовъ всегда указываетъ на перемѣну въ общественныхъ отношеніяхъ и воззрѣніяхъ. Въ 16 вѣкѣ, когда церковные интересы господствовали надъ всѣми общественными, богословскіе факультеты стояли впереди, какъ по положенію своему, такъ и по численности. Съ развитіемъ современнаго государства, въ 17 вѣкѣ къ нимъ присоединился, какъ болѣе выдающійся, и юридическій факультетъ. Ростъ философскаго факультета и достиженіе имъ самостоятельности втеченіе 18 и 19 столѣтій служатъ показателемъ великаго поворота въ господствовавшихъ взглядахъ того времени, поворота, который можетъ быть обозначенъ, какъ отклоненіе отъ сверхъестественно-церковнаго и обращеніе къ раціоналистически-естественному міровоззрѣнію. Церковь утрачиваетъ господство въ школѣ и въ воспитаніи. Ея мѣсто заступаютъ въ высшей школѣ послѣдователи новогуманизма, въ народной школѣ послѣдователи Песталоцци. Развитіе въ 19 вѣкѣ медицинскихъ факультетовъ, значительное увеличеніе ихъ численности явнымъ образомъ стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости съ возрастаніемъ благосостоянія, усилившаго спросъ на врачебные совѣты и помощь. Но въ этомъ отношеніи также обнаруживается и внутренняя перемѣна общаго настроенія; cura corporis стала въ наше время такимъ серьезнымъ дѣломъ, что она чувствуетъ свое безсиліе что-либо сдѣлать безъ совѣта свѣдущаго лица; болѣе отдаленная эпоха легко ввѣряла себя

Digitized by Google

въ этомъ отношеніи переходящей изъ рода въ родъ мудрости, ей напротивъ казалось, что человѣкъ нуждается въ просвѣщенномъ содѣйствіи прежде всего въ дѣлѣ спасенія души.

2. Что-же касается положенія носителей академическаго образованія въ обществѣ, то можно сказать, что въ своей совокупности они составляютъ однородный въ существенныхъ его чертахъ общественный организмъ, къ которому принадлежатъ всѣ руководящіе и правящіе круги. Къ нему принадлежатъ: духовенство. чиновники, занимающіе высшія должности, учителя высшихъ школъ и врачи, академически образованные техники и зодчіе; сюда-же еще присоединяются въ видѣ особой группы также и офицеры. Всѣ—участвуютъ въ правительствѣ и управленіи; мы встрѣчаемъ ихъ въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, въ консисторіяхъ, въ управленіяхъ школами, въ строительныхъ бюро и въ санитарномъ управленіи.

Всѣ, принадлежащіе къ этимъ группамъ, общаются главнымъ образомъ на почвѣ общественнаго равенства. что естественно не исключаетъ различій, связанныхъ съ происхожденіемъ и положеніемъ. Но, кто получилъ университетское образованіе, тотъ входитъ въ составъ общества; онъ имѣетъ право на connubium и commercium. Съ другой стороны, кто не обладаетъ университетскимъ или равнозначащимъ съ послѣднимъ академическимъ образованіемъ, тому, въ Германіи, въ глазахъ многихъ, чего то недостаетъ.

Человѣку необходимо по крайней мѣрѣ пройти гимназію и пріобрѣсти при помощи свидѣтельства объ окончаніи курса гимназіи право академическаго гражданства. Вслѣдствіе такого взгляда естественно, что какъ знатное происхожденіе такъ и богатство ищутъ университета или по меньшей мѣрѣ оканчиваютъ курсъ гимназіи; дворянство въ Германіи считаетъ для себя обязательнымъ слѣдовать по этому-же пути.

Такъ бываетъ не вездѣ, не всегда такъ было и въ Германіи. Въ средніе вѣка ученое образованіе не было непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ правящимъ классамъ общества. Дворянство было очень скудно представлено въ средневѣковыхъ университетахъ. Только для клириковъ были обязательны занятія, Князья и дворяне, не обладающіе основными элементами школьнаго знанія, явленіе вполнѣ обычное въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, и не рѣдкое еще во второй половинѣ.

Перемѣна начинается съ конца среднихъ вѣковъ. Умѣніе читать и писать становится. сперва въ городахъ, болѣе необходимымъ и потому болѣе частымъ. Въ 16 вѣкѣ для каждаго, занимающаго въ обществѣ значительное положеніе, оно неизбѣжно. Но и болѣе широкое научное образованіе становится для дворянства не необходимымъ. Уже въ 15 вѣкѣ постоянно находятся при дворахъ князей новой имперіи знатоки-ученые въ качествѣ совѣтниковъ, съ виднымъ положеніемъ. Благодаря этому дворянство' дабы удержаться въ своемъ положеніи, вынуждено было позаботиться объ образованіи. Начиная съ 16 столѣтія, въ новыхъ мѣст-

Digitized by Google

ныхъ школахъ, а также и въ іезуитскихъ коллегіяхъ встрѣчаются множество учениковъ-дворянъ, которые, вѣроятно затѣмъ проходили и университетъ. Въ 17 и 18 вѣкахъ все болѣе и болѣе признавалось, что пребываніе. по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ въ одной изъ высшихъ школъ въ качествѣ студента, является условіемъ приличнаго дворянину воспитанія. Наиболѣе выдающіеся университеты въ Галле, Гетингенѣ съ гордостью насчитываютъ сотни иматрикулированныхъ у нихъ бароновъ, графовъ и даже принцевъ. Рядомъ съ этимъ существовалъ и другой путь, — военная карьера,—который проходился чрезъ кадетскій корпусъ и службу въ качествѣ пажа. Въ тѣ времена великіе князья были вообще еще слишкомъ знатны для университетовъ. Напрасно было бы искать еще и въ 18 вѣкѣ императорскихъ и королевскихъ принцевъ въ ученыхъ школахъ и университетахъ.

Съ другой стороны университетское образованіе въ эту эпоху никоимъ образомъ не вводило въ составъ общества. Въ лучшемъ случаѣ это достигалось юридическимъ образованіемъ. Соискатели учительскихъ и церковныхъ должностей, въ качествѣ таковыхъ занимали еще вполнѣ приниженное положеніе. Кандидатъ богословія, занимавшій мѣсто гувернера въ знатной семьѣ, считался еще домашней прислугой; если-же такой кандидатъ становился ректоромъ маленькой городской латинской школы, то къ доходамъ по должности своей онъ причислялъ вознагражденіе за пѣніе при погребеніи и новогодніе подарки, и лишь священникомъ онъ пріобрѣтаетъ нѣсколько болѣе почетное положеніе, хотя, конечно, и тогда онъ не въ правѣ былъ считать себя стоящимъ въ общественномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ помѣщикомъ.

Только начиная съ 19 столѣтія университетское образованіе настолько возвысилось въ своемъ значеніи, что само по себѣ даетъ право притязать на полноправное положеніе въ обществѣ. Это стоитъ въ связи съ большимъ соціально-политическимъ переворотомъ, снова лишившимъ дворянства пріобрѣтеннаго имъ въ 17 вѣкѣ положенія господствующаго сословія. Оно не является болѣе привилегированнымъ сословіемъ, имѣющимъ по происхожденію притязанія на всѣ государственныя должности, поскольку послѣднія представляются привлекательными; подобно каждому другому оно обязано пройти школы и подвергнуться испытаніямъ и затѣмъ стать въ общій рядъ со всѣми остальными соискателями. Поэтому мы встрѣчаемъ теперь въ гимназіяхъ сыновей самыхъ знатныхъ семей, встрѣчаются даже и сыновья царствующихъ домовъ. Эти-же лица встрѣчаются и на скамьяхъ университета. Снова же они сидятъ другъ подлѣ друга во всѣхъ правительственныхъ коллегіяхъ вплоть до министерствъ включительно; не въ меньшей мѣрѣ чувствуютъ они себя товарищами и въ офицерской средѣ. Школьный учитель также запасный офицеръ и можетъ стать тайнымъ совѣтникомъ (geheimer Regierungsrath). Настолько велика побѣда образованія надъ происхожденіемъ, что старое понятіе mesalliance вообще вымерло.

Въ связи съ этой перемѣной стоитъ впрочемъ и неудобство, отъ

Digitized by Google

котораго теперь повсюду страдаютъ «ученыя профессіи»: доходы, доставляемые службою, не достаточны для покрытія расходовъ, потребныхъ для поддержанія своего общественнаго положенія; по меньшей мѣрѣ это относится къ женатымъ людямъ. Оно заставляетъ себя чувствовать вездѣ, въ особенности-же сильно въ сословіи учителей, которое исключительно пополняется изъ менѣе достаточныхъ слоевъ общества. Юристы и медики, происходя чаще изъ болѣе состоятельныхъ классовъ, могутъ также путемъ своей профессіональной дѣятельности въ качествѣ повѣренныхъ и врачей при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ достигать значительныхъ доходовъ. Богословы-же благодаря своему положенію, многіе-же также благодаря жизни въ селахъ лучше застрахованы отъ чрезмѣрности издержекъ. Нельзя отрицать и того, что въ этомъ неблагопріятномъ различіи положеній кроется источникъ неудовольствія, который трудно будетъ снова устранить.

3. Наконецъ, что касается происхожденія людей съ академическимъ образованіемъ изъ общества, то можно сказать, что они выходятъ изъ всѣхъ классовъ его. Въ ученыхъ школахъ и университетахъ рядомъ съ сыновьями родовитаго дворянства и денежной аристократіи встрѣчаются сыновья крестьянъ и ремесленниковъ, сельскихъ учителей и мелкихъ чиновниковъ. Приэтомъ всѣ академическіе граждане чувствуютъ себя равными между собой и уважаютъ другъ друга, какъ равный равнаго. Случайныя-же претензіи отдѣльныхъ лицъ, происходящихъ изъ среды денежной и родовитой аристократіи, кончаются обыкновенно тѣмъ, что эти лица устраняются отъ празднованій, устраиваемыхъ ихъ товарищами. Въ общемъ-же господствуетъ то основное положеніе, что каждый, пріобрѣвшій права академическаго гражданства, пріобрѣтаетъ въ силу этого правопритязаніе на одинаковое къ себѣ уваженіе, на чемъ онъ въ случаѣ необходимости можетъ настаивать и съ оружіемъ въ рукахъ; никто не вправѣ отказать ему, ссылаясь на его происхожденіе, въ удовлетвореніи. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о демократическомъ характерѣ германскаго университета: онъ никого не исключаетъ изъ-за происхожденія и всѣхъ членовъ своихъ уравниваетъ между собой. Отлично выразилъ это однажды Е. М. Арндтъ въ своемъ журналѣ «Der Wächter» 1815: «Въ качествѣ гражданина университета, сынъ самыхъ бѣдныхъ и непросвѣщенныхъ родителей, если тѣлесно и духовно онъ подготовленъ и вооруженъ, выступаетъ въ путь съ самыми родовитыми и знатными, и кто духомъ, стремленіями и отвагой наиболѣе смѣлъ, тотъ, если пожелаетъ, возьметъ верхъ и надъ природнымъ дворянствомъ. Это гордое равенство, которое въ послѣдующей ограниченной жизни рѣдко проявляется, я причисляю къ первымъ красотамъ германскаго студенчества, которыя еще сохранились какъ драгоцѣнная святыня и остатки того, чѣмъ нѣкогда былъ весь великій германскій народъ».

Въ западныхъ, сосѣднихъ странахъ—иначе; доступъ къ академическому образованію удержанъ тамъ за немногими общественными классами. Въ старыхъ англійскихъ университетахъ жизнь такъ дорога, что она возможна только для состоятельныхъ людей. Одна

Digitized by Google

плата за жизнь въ college втеченіе шести мѣсяцевъ—продолжительности трехъ terms года—достигаетъ 3000 и больше марокъ. Къ этому присоединяется еще то, что въ Англіи нѣтъ гимназій, содержимыхъ на средства государства. Вмѣсто германскихъ гимназій, которыя дѣлаютъ ученіе возможнымъ и для сыновей небогатыхъ людей и облегчаютъ его сложеніемъ платы за ученіе, въ Англіи обычный путь къ университету составляютъ старыя public schools и рядомъ съ ними частныя школы, все — закрытыя учебныя заведенія, въ которыхъ стоимость жизни и иныя издержки требуютъ большихъ денежныхъ средствъ. И благодаря подобнымъ-же требованіямъ, выставляемымъ лицеями, учрежденными, обыкновенно, въ формѣ общежитій, незажиточная часть населенія Франціи издавна отстранена отъ ученія. Но здѣсь вступается церковь со своими учебными заведеніями, которыя доступны также и для бѣдныхъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что за послѣднее время и въ Германіи также началось суженіе того круга, откуда комплектуются интеллигентныя профессіи: классъ городскихъ ремесленниковъ и сельскихъ рабочихъ весьма незначительно представленъ въ университетахъ. Это обратная сторона эволюціи, которая привела къ тому, что академическое образованіе возвышало до правящихъ классовъ.

Исторически дѣло представляется въ такомъ видѣ. Въ средневѣковомъ университетѣ были представлены всѣ классы населенія; скудно дворянство: лишь предназначаемые для церкви младшіе сыновья поступали въ Studium; наиболѣе полно—среднее сословіе гражданъ; не было недостатка также и въ сыновьяхъ крестьянъ и бѣдняковъ: они кормились подаяніями; solventes и pauperes суть тѣ два класса, которые постоянно попадаются намъ въ матрикулахъ. Начиная съ 16 вѣка, вмѣстѣ съ нищенскими орденами исчезаютъ и нищіе студенты; но въ мѣстныхъ школахъ и общежитіяхъ предпринимаются мѣры общественнаго призрѣнія и въ интересахъ бѣдныхъ студентовъ, помощь оказывается также путемъ частныхъ стипендій; естественно, что въ пользованіи этими пособіями всегда участвуютъ прежде всего готовящіеся къ церковнымъ и учительскимъ должностямъ, благодаря чему богословскій факультетъ рядомъ съ юридическимъ, гдѣ было представлено дворянство, является по составу своему наименѣе знатнымъ. Втеченіе этого столѣтія вызываемыя занятіями издержки подверглись повышенію. Срокъ ученія удлинился и потому сталъ требовать большихъ средствъ. Въ предыдущія столѣтія еще было въ обычаѣ, по окончаніи курса въ латинской школѣ на родинѣ или въ мѣстной школѣ, поступать въ университетъ, здѣсь пробиваться нѣсколько семестровъ со стипендіей или въ качествѣ частнаго наставника, быть можетъ, еще на нѣсколько лѣтъ взять кондиціи гувернера въ дворянской семьѣ въ деревнѣ и затѣмъ уже, по выдержаніи не слишкомъ труднаго испытанія передъ консисторскимъ совѣтомъ, получить мѣсто учителя или священника. Теперь-же необходимы девятилѣтній гимназическій курсъ и по крайней мѣрѣ трехлѣтнее ученіе въ университетахъ, которое часто удлиняется до четырехъ и пятилѣтняго. За этимъ слѣдуетъ

Digitized by Google

дорого стоящая одногодѣтняя служба въ войскахъ. А потомъ наступаетъ по общему правилу при значительности предложенія долгій періодъ выжиданія: мѣста гувернеровъ сдѣлались рѣдки, такъ какъ дворянство посылаетъ своихъ сыновей въ кадетскіе корпуса и общественныя школы. Такимъ образомъ, постепенно сложилось такъ, что на снисканіе возможности содержать себя на интеллигентномъ поприщѣ раньше достиженія 25 или 30 лѣтняго возраста разсчитывать нечего.

Результатъ тотъ, что pauperes старыхъ университетовъ теперь начинаютъ исчезать. И въ обществѣ проходитъ сильное теченіе, одобряющее это исчезновеніе: мы не желаемъ имѣть въ сословіи сыновей маленькихъ людей, иногда слышно отъ юристовъ или медиковъ, также начинаютъ говорить и учителя. Сословіе страдаетъ, можно встрѣтить въ газетахъ, издаваемыхъ для академически-образованнаго сословія учителей, оттого, что въ него вступаютъ молодые люди низшихъ состояній, сыновья сапожниковъ и перчаточниковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ учителей; они вносятъ съ собой скудное, въ научномъ отношеніи, и всегда недостаточное въ общественномъ смыслѣ образованіе, которое затѣмъ затрудняетъ ихъ отношенія къ ученикамъ.

Безъ сомнѣнія, эти мысли не лишены основанія. Бѣдность конечно является большимъ препятствіемъ успѣшнаго ученія; кто съ трудомъ и нуждою, давая уроки, долженъ добывать себѣ насущный хлѣбъ, тому остается слишкомъ мало и времени, и силъ, и свѣжести для занятій науками. И если эти затрудненія не сглаживаются превосходными дарованіями и великою нравственною силою, то ученіе становится несчастіемъ. Въ настоящее время такой исходъ далеко не рѣдокъ. Стремленіе родителей поставить своихъ дѣтей на болѣе высокое въ жизни положеніе, стремленіе, обыкновенно особенно сильное у многочисленнаго класса мелкихъ чиновниковъ, не мало способствовало за послѣднее десятилѣтіе къ переполненію университетовъ, по временамъ также и нежелательными элементами. Съ другой-же стороны не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что изгнаніе pauperes, которое по всѣмъ видимостямъ все болѣе и болѣе осуществляется, не лишено и опасности. Прежде всего это способствуетъ разобщенію составныхъ частей народнаго организма. Если бы дошло до того, что большія массы населенія со включеніемъ ремесленниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, которые теперь именно чрезъ посредствующія ступени школьнаго учителя и младшаго чиновника пробиваются въ интеллигентныя профессіи, не будутъ вообще имѣть въ нихъ своихъ представителей, то они принуждены будутъ считать государство и все государственное управленіе чуждымъ для нихъ игомъ. Въ соціальной демократіи, которая уже насыщаетъ своими воззрѣніями промышленное населеніе большихъ городовъ, это чувство уже живетъ; государство представляется имъ установленіемъ господствующихъ классовъ ради защиты собственныхъ интересовъ въ противность интересамъ массъ. Я не знаю, что можетъ быть болѣе дѣйствительнымъ для возращенія этого чувства, чѣмъ фактическое исключеніе всѣхъ, не принадлежащихъ къ зажиточнымъ классамъ

Digitized by Google

общества, отъ образованія и интеллигентныхъ профессій. Расположеніе образованныхъ людей въ пользу народа и его жизни еще въ большей степени исчезнетъ; жестокое высокомѣріе и неразумная сантиментальность оба привели-бы къ полнѣйшему взаимному отчужденію. Слѣдовало бы также подумать о томъ, что и для духовной жизни народа при этомъ пропадутъ таланты и силы, отъ которыхъ она не можетъ отказаться, не навлекая на себя опасности духовнаго оскудѣнія; не должно забывать, что многіе изъ наиболѣе выдающихся людей Германіи происходили изъ самыхъ низшихъ слоевъ: Винкельманъ и Гейне, Кантъ и Фихте вышли изъ тѣснаго жилища маленькаго ремесленника.

Красивыя слова, которыя Яковъ Гримъ, оглядываясь назадъ на собственную юность и окружавшія ее трудности, высказалъ въ своей автобіографіи, прекрасно выражаютъ честь быть бѣднымъ и преимущества бѣдности: нужда побуждаетъ къ прилежанію и работѣ, обезпечиваетъ отъ многихъ развлеченій и вселяетъ не надменную гордость, поддерживаемую сознаніемъ собственной заслуги въ сравненіи съ тѣмъ, что другому дано происхожденіемъ или богатствомъ. Я могъ бы эту мысль выразить общѣе, и многое изъ того, что вообще нѣмцы сдѣлали, приписать именно тому, что они небогатый народъ. Они трудятся снизу вверхъ и пробиваютъ себѣ много собственныхъ путей, тогда какъ другіе народы больше бродятъ по широкой, проторенной большой дорогѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ВЪ БЫЛЫЕ ГОДЫ.

I.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ гора, на которой стоитъ памятникъ князю Владиміру, была любимымъ мѣстомъ кіевлянъ для пустынныхъ уединенныхъ прогулокъ. Ни пестрыхъ будокъ для продажи фруктовъ и воды, ни удобныхъ тротуаровъ, ни ресторановъ въ близкомъ сосѣдствѣ не было. Гора, какъ и теперь, была раздѣлана террасами и склоны ея были выложены зеленымъ дерномъ; но работу эту сдѣлали давно, когда кому-то вздумалось привести красивое мѣсто въ порядокъ; потомъ затѣю эту бросили и о горѣ забыли. Какъ слѣдъ былыхъ стараній, всюду валялись тяжелыя звенья гранитной балюстрады, частью разбитыя, частью засѣвшія глубоко въ землѣ и поросшія густыми кустами шиповника и кудрявой ежевики. По террасамъ кое-гдѣ бродили коровы, а по крутымъ склонамъ прыгали бѣлыя, легкія козы. И только Заднѣпровье было такое же зеленое и безбрежное, какъ теперь; и въ немъ маячили, то потухая, то опять загораясь блескомъ, кресты далекихъ деревенскихъ церквей; можетъ быть, двѣ, а можетъ быть—много. Да стройные тополи историческаго Вышгорода такъ-же отчетливо выдѣлялись на излучинѣ Днѣпра, вонзаясь въ лазурное небо своими острыми верхушками.

Въ одинъ погожій весенній вечеръ на ступеняхъ памятника бесѣдовали двое пріятелей. Одинъ изъ нихъ,—смуглый и черноволосый, лѣтъ тридцати,—сидѣлъ, положивъ локти на колѣни и подбородкомъ упершись въ ладони, и черные глаза его не отрываясь глядѣли на рѣку и безконечную панораму Заднѣпровья. И видно было, что онъ не просто любуется, а весь отдается восторженному созерцанію, находя въ немъ покой и ра-

Digitized by Google

дость. Руки его, большія, но тонкія и нѣжныя, какъ у женщины, были нервно стиснуты, а вся сухощавая фигура казалась словно изломанной въ сгибахъ, нескладной и неуклюжей. Онъ сидѣлъ согнувшись и подобравъ ноги, но и въ этой позѣ видно было, что роста онъ очень большого, а впалая грудь и румянецъ, то вспыхивавшій, то потухавшій на худыхъ щекахъ, говорили о некрѣпкомъ здоровьѣ...

Одѣтъ онъ былъ въ узкое, длинное пальто съ фалдами, неопредѣленнаго дымчато-сизаго цвѣта, сильно выгорѣвшее на солнцѣ,—а его мягкая, широкая шляпа валялась тутъ-же на травѣ.

Его собесѣдникъ, или скорѣе разсказчикъ, потому что почти все время говорилъ онъ одинъ, былъ года на три моложе его. Небольшого роста, широкоплечій и хорошо сложенный, онъ въ толпѣ останавливалъ на себѣ вниманіе яснымъ, открытымъ и чистымъ выраженіемъ лица, въ которомъ не было ни одной красивой черты и которое казалось почти прекраснымъ: неуловимую прелесть придавали ему живые, свѣтлые глаза, синевато-сѣрые, казавшіеся черными въ минуту гнѣва и синими, дѣтски ясными въ минуту радостнаго возбужденія. А теперь онъ былъ радостно, почти счастливо настроенъ. Онъ то снималъ съ головы свою плоскую фуражку, какія носитъ деревенская шляхта, то опять надѣвалъ ее, а его сѣрая „чемарка" изъ крестьянскаго сукна распахивалась на груди, позволяя видѣть вышитую сорочку съ краснымъ шелковымъ лоскуткомъ, „стежкою" у горла.

— Быть можетъ, я еще больше люблю свое дѣло оттого, что не совсѣмъ въ него вѣрю, говорилъ онъ, нервно вскакивая и дѣлая нѣсколько шаговъ въ сторону отъ памятника.—Если хочешь,—разумомъ, логически—я долженъ вѣрить, потому что въ нашей теоріи одно положеніе вытекаетъ изъ другого съ такою-же неизбѣжностью, какъ сумма изъ слагаемыхъ. И если бы я могъ составить нашу земледѣльческую ассоціацію изъ людей нашего склада—тебя, Дмитрія, Карбовскаго—я бы и въ исполненіи не сомнѣвался. Но во мнѣ слишкомъ еще глубоко сидятъ крѣпостныя понятія и, когда я стараюсь себѣ представить членами нашего союза Демьяна и Мацька,—мнѣ такъ и кажется, что Мацько украдетъ данную ему для общаго посѣва пшеницу, а Демьянъ пропьетъ яровое. Никому другому я не говорилъ и не скажу, что творится у меня на душѣ. И не потому, чтобы я хотѣлъ лгать передъ товарищами, казаться имъ лучше, чѣмъ

Digitized by Google

я есть въ дѣйствительности, а потому просто, что ни при комъ я не чувствую своихъ мыслей такъ отчетливо, такъ ярко, какъ при тебѣ. Когда ты вотъ такъ сидишь и смотришь вдаль, я знаю, что ты думаешь именно то и именно такъ, какъ я самъ. И ты поймешь, почему эта отсрочка нашего дѣла меня такъ радуетъ: все мнѣ думается, что въ эти четыре-пять лѣтъ воля дастъ хоть первые, ранніе плоды. Быть можетъ, Демьянъ съ Мацькомъ станутъ хоть рѣчь мою понимать, а я догадаюсь, о чемъ они думаютъ, когда въ отвѣтъ на мои слова утвердительно киваютъ головою и чему-то лукаво улыбаются, глядя другъ на друга. Наконецъ для дѣла нужны деньги. Мой чиншъ дастъ всего нѣсколько сотенъ, твой хуторъ немногимъ больше, а у остальныхъ и того нѣтъ. Я скоплю за эти три года тысячъ пять и приду на новое дѣло съ сознаніемъ, что хоть начало его матеріально обезпечено.

— Ну, а какъ-же твоя борьба съ княземъ? Развѣ ты отказываешься отъ процесса?

— Да, вѣдь, ты же знаешь, что меня устранили отъ живого участія въ немъ самымъ подлымъ чиновничьимъ способомъ! Когда по милости моей докладной записки, сіятельный вылетѣлъ въ отставку, надъ его дѣятельностью была назначена слѣдственная комиссія, предсѣдатель которой пріѣхалъ изъ Петербурга. Онъ прежде всего занялся сокращеніемъ штатовъ и выброшенными за бортъ оказались два-три голодныхъ писаря да я. Ты самъ понимаешь, насколько такой оборотъ дѣлаетъ меня лишнимъ въ начатомъ процессѣ. Когда мое имя стояло въ ассигновкахъ рядомъ съ именемъ сіятельнаго вора, я былъ такое-же отвѣтственное лицо, какъ и онъ самъ, и могъ доносить на него подлежащему начальству, не боясь обвиненія въ подломъ извѣтѣ. А теперь! Мало-ли доносовъ пишутъ отставные чиновники, выброшенные за негодностью за штатъ! Сидѣть-же въ Кіевѣ и ожидать, пока меня позовутъ въ судъ въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, не считаю возможнымъ,—вѣдь, такія дѣла у насъ тянутся десятки лѣтъ; и въ результатѣ моей горячей вспышки у меня осталось только одно утѣшеніе, что нынѣ подъ воровскими ассигновками рядомъ съ именемъ новаго начальника-вора красуется и имя воришки-инженера. Дѣлу-же я принесъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Грустно въ этомъ признаваться, а все-таки это такъ...

— Да, грустно!.. А кто же поручится, что и новое

Digitized by Google

дѣло, на которое ты ѣдешь, не разочаруетъ тебя такъ-же, какъ и опытъ служить казнѣ?

— Ручается многое. Прежде всего—имя тѣхъ, кто меня зоветъ. У насъ въ Побужьи нѣтъ болѣе уважаемаго имени, какъ имя графовъ Запольскихъ. И что-же мудренаго, что эти просвѣщенные люди, одинъ изъ которыхъ былъ творцомъ конституціи 3-го мая, идутъ навстрѣчу свѣтлому лучу свободы, блеснувшему съ высоты. Покуда откуда-то извнѣ придутъ и заставятъ ихъ поступиться своими аграрными правами, они своею волею удѣлятъ то, что надо дать мужику, и, конечно, удѣлятъ болѣе щедрою рукою, чѣмъ сдѣлаютъ это тѣ, кто будетъ дѣлиться изъ-подъ палки. И какое счастье для меня,—сына чиншевого панка, питавшагося бароболей и черешнями, какъ его мужики-сосѣди, прійти въ среду этихъ мужиковъ, принеся съ собою пониманіе ихъ нуждъ и возможность удовлетворить ихъ насущнымъ потребностямъ въ настоящемъ и ихъ духовной жаждѣ—въ будущемъ. Школу, больницу, широко отмежеванную усадьбу, и кусочекъ лѣса, и излучинку родной рѣки—вотъ что я могу дать родному народу... И знаешь ли,—если бы Подолье не было моей родиной, я, кажется, любилъ бы его съ неменьшею страстностью, чѣмъ теперь, и не меньше благоговѣлъ бы передъ его историческими судьбами. Вѣдь, это—наша русская Индія, та зачарованная страна, куда стремились завоеватели со временъ Тезея, гдѣ берега рѣкъ усѣяны костьми разноплеменныхъ героевъ, а земля въ своихъ нѣдрахъ таитъ неразгаданныя вѣковѣчныя тайны: Византія, Орда, Польша, Литва, Русь Кіевская и Русь Московская—всѣ бились за эту дорогую землю, и каждое мѣстечко, такое теперь жалкое и неряшливое на видъ, зовется именами, которыя будятъ далекія, великія или грустныя воспоминанія. Баръ, Летичевъ, Умань... эта горсточка нагроможденныхъ другъ на друга, разваливающихся еврейскихъ „заѣздовъ" со скрипучими сквозными воротами... И думается, что такъ-же скрипѣли ворота, когда съѣзжались на совѣтъ удѣльные князья, собирались конфедераты и пировали кровавый пиръ Зализнякъ и Гонта. А мужикъ, одѣтый въ домотканную вышитую сорочку, такъ-же смиренно, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, ковыряетъ землю допотопною сапой, не спрашивая, чья эта земля, и требуя отъ нея только одного—чтобъ она прокормила его многочисленную, рослую, чернобровую, всегда недоѣдающую семью. И чудится мнѣ, что этотъ русскій индусъ сросся въ одно цѣлое отъ мертвой воды вѣко-

Digitized by Google

выхъ вражескихъ набѣговъ и теперь вдругъ встрепенется и оживетъ при словѣ „воля“, которое будетъ для него живой водою.

— Ты утопистъ и фантазеръ, Игнатъ Антоновичъ, какимъ былъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда собрался было убѣжать въ монастырь, чтобы тамъ постомъ и молитвою спасать свою грѣшную десятилѣтнюю душу. Но безспорно, что предложеніе Запольскихъ какъ нельзя болѣе выгодно. Какъ ты тамъ размежуешься,— это ужъ твое дѣло,—поменьше только отрѣзай лѣсовъ да луговыхъ угодій у своихъ довѣрителей, если хочешь мирно получать свои пять тысячъ въ годъ. Я тоже думаю, что господа индусы отнесутся къ тебѣ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ кому бы то ни было. Ты ихъ односелецъ и землякъ, заговоришь съ ними на понятномъ имъ языкѣ, затронешь близкіе имъ интересы, и твои познанія, которыя ты пріобрѣлъ за послѣдній годъ,— кузнечество, столярничанье, плотничество—будутъ оцѣнены ими гораздо скорѣе, чѣмъ твои книжныя знанія, и послужатъ къ прочному твоему сближенію съ деревней. Одинъ только дамъ тебѣ на дорогу добрый совѣтъ: не прилѣпляйся сердцемъ ни къ графу, ни къ индусу, ни къ порученному тебѣ дѣлу, памятуя, что „суета суетъ и всяческая суета“ и что архаическая сапка, за которою по твоему счету числится тысячелѣтняя давность, ужъ тѣмъ самымъ пріобрѣла право владѣнія этою землею гораздо прочнѣе, чѣмъ вся твоя словесная вода, живая и мертвая.

Свечерѣло. У ногъ пріятелей темный склонъ горы казался черною пропастью. На днѣ ея, по Александровскому спуску замерцали тусклые фонари и столбы яркихъ, красныхъ и синихъ огней затрепетали на Днѣпрѣ: это зажигали кормовые фонари у плотовъ на рѣкѣ.

— Мнѣ ужъ и домой пора... ждутъ, сказалъ старшій изъ собесѣдниковъ.

— Я тоже пойду къ тебѣ, пароходъ отходитъ въ пять часовъ, и мы съ тобой и Дмитріемъ на прощанье поболтаемъ.

— Видишь ли, я долженъ тебя предупредить, что у меня Эмуня.

Прошла минута молчанія, и что-то дрогнуло и зазвенѣло въ голосѣ молодого инженера, когда онъ спросилъ:

— Давно?

— Со вчерашняго дня.

— Пойдемъ-же. Мнѣ такъ хотѣлось съ ней проститься!

Digitized by Google

II.

Друзья спустились къ Подолу и пошли по его грязнымъ закоулкамъ до канавы, которая давала знать о себѣ необычайнымъ зловоніемъ: всѣ отбросы многолюднаго Житнаго базара сваливались прямо въ нее. Домъ, въ которомъ жилъ докторъ Кречетъ, былъ по ту сторону канавы, и, перейдя по пѣшеходному каменному мостику, друзья очутились у запертыхъ воротъ одноэтажнаго, длиннаго дома, выкрашеннаго въ синюю краску, которая въ тускломъ свѣтѣ двухъ фонарей казалась грязно-сѣрой. Стѣны дома пестрѣли десяткомъ разнообразнѣйшихъ вывѣсокъ, отъ полуаршина до сажени длиною, а надъ воротами на ржавыхъ петляхъ уныло качался золотой, облинявшій отъ дождей сапогъ. Жестяная рука о шести пальцахъ указывала внутрь двора. Колокольчика не было и пришлось долго колотить въ ворота, пока дозвались сторожа. Во дворѣ ютился длинный рядъ грязныхъ флигельковъ и пристроекъ, тоже облѣпленныхъ вывѣсками; а въ самой глубинѣ его за узкимъ полисадникомъ съ піонами и цвѣтущей сиренью былъ еще одинъ домикъ, почище, изъ оконъ котораго лился свѣтъ, слышался говоръ и смѣхъ. Въ крошечной передней хозяина встрѣтилъ бывшій крѣпостной его—мальчишка Илька,—парень лѣтъ пятнадцати, шустрый и вороватый на видъ.

— Гдѣ барыня?

— А де жъ имъ буты? Съ панночкою сыдять, отвѣтилъ Илько, и Кречетъ подосадовалъ на себя за ненужный вопросъ: Илько, очевидно, не скоро привыкнетъ къ новому порядку въ домѣ, и Эмуня для него такъ и осталась „панночкою". Въ слѣдующей большой комнатѣ было свѣтло и людно. Двѣ свѣчи въ высокихъ шандалахъ горѣли на среднемъ столѣ, заставленномъ склянками, ретортами, колбами, а въ углу на маленькомъ столикѣ мигала и оплывала еще одна сальная свѣчка.

— Не позволю, ни за что не позволю! говорила высокая, полная дѣвушка, стоявшая спиною къ двери.— Смѣйтесь сколько хотите, а все-таки новой свѣчки въ третій подсвѣчникъ не вставляйте. Я въ три свѣчи очень вѣрю... у меня такіе примѣры бывали, я вамъ сейчасъ разскажу. Да и зачѣмъ намъ третья свѣчка! И при двухъ чай мимо рта не пронесемъ, если хозяюшка насъ чайкомъ угоститъ...

— Несу, несу, готово! послышался изъ другой комнаты низкій, грудной, необычайно мягкій женскій го-

Digitized by Google

лось и на порогѣ показалась молодая женщина, одѣтая въ черное барежевое платье съ черною бархаткою вокругъ шеи. Она не была красива; но лицо ея—съ высокимъ открытымъ лбомъ, сѣрыми лучистыми глазами и привѣтливымъ складомъ губъ — было отмѣчено печатью страданія, которое одухотворяетъ и дѣлаетъ прекрасными женскія лица. Въ рукахъ Эмуня несла корзинку съ сухарями и сахарницу, а Илько шелъ позади съ огромной доскою, къ какимъ прикрѣпляются чертежи во время работы, и которая теперь замѣняла подносъ: вся она была уставлена разнообразною посудою съ чаемъ, — здѣсь была большая вызолоченная чашка безъ ручки, нѣсколько стакановъ, похожихъ на цвѣтокъ бѣлены, съ перехватомъ посрединѣ, оловянная кружка и двѣ аптечныя мензурки.

— Браво! Ура! Ай да молодая хозяйка! закричали всѣ навстрѣчу вошедшей, а она улыбалась въ отвѣтъ и горячая краска заливала ей лицо подъ пристальнымъ взглядомъ подошедшаго къ ней Кречета.

— Ты, кажется, очень смущена приходомъ Барвинскаго?

— Да, я очень рада.

Бѣлокурую высокую дѣвушку, которая боялась трехъ свѣчей, звали Надеждой Осиповной Коцебу; но фамилія эта была лишь благозвучной передѣлкой настоящей фамиліи—Коцюба, т. е. кочерга, которую носили предки Надежды Осиповны, — коренные малороссійскіе помѣщики откуда-то изъ-подъ Хорола. Родители у нея умерли и, взявъ свою дробную часть разореннаго отцовскаго наслѣдья, молодая дѣвушка пріѣхала въ Кіевъ искать счастья и заработка. Но единственный признанный тогда женскій трудъ ей не дался;—для гувернантки она была слишкомъ безграмотна, даже на неприхотливый вкусъ тогдашнихъ родителей, — обывателей Борзны и Прилукъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ устроиться въ качествѣ воспитательницы въ помѣщичьихъ семьяхъ, Надя Коцюба вернулась въ Кіевъ и поступила на акушерскіе курсы при университетѣ. „Пошла въ акушерію",—какъ говорилось тогда. Этимъ поступкомъ она порвала послѣднюю связь со своею разбросанною по свѣту семьей: братъ ея, офицеръ, жившій въ Кіевѣ, отворачивался при встрѣчахъ съ нею на улицѣ, а старшая сестра писала, что радуется смерти матери, которая, будь она въ живыхъ, умерла бы отъ такого позора. Но Наденька чувствовала себя отлично въ новой обстановкѣ и среди новыхъ друзей, первое

Digitized by Google

мѣсто среди которыхъ занимала Антонина Гиляровна Рикордато, — другая гостья въ квартирѣ Кречета въ тотъ вечеръ. Это была маленькая, юркая женщина, издали казавшаяся почти молодою, благодаря своей необыкновенной подвижности. Но лицо Антонины Гиляровны было сплошь исчерчено продольными и поперечными морщинками, а волосы,—остриженные, взбитые и поднятые въ видѣ башни на гребешокъ, — были на половину сѣдые. Полька по рожденію, вдова русскаго офицера по первому браку и итальянца-художника—по второму, она осталась съ пятью дѣтьми на рукахъ, и трудно было понять, на какія средства она ихъ кормила, одѣвала и учила. По ея собственнымъ разсказамъ, Рикордато пробовала свои силы на различныхъ поприщахъ: была перчаточницей, булочницей на Крещатикѣ, шила бѣлье на больницы... Наконецъ, она остановилась на заработкѣ хозяйки, прокармливающей студентовъ-столовщиковъ.

Хозяйка она была добрая: брала дешево, а случалось—кормила и въ долгъ; и потому въ тѣ дни, когда борщъ былъ жидокъ, квартиранты строго не взыскивали и по молчаливому соглашенію разбредались по Кіеву раздобывать денегъ у родственниковъ. Деньги собирались, приносились хозяйкѣ и ужъ ея было дѣло разложить ихъ уплату на своихъ должниковъ, которые, разъѣзжаясь по окончаніи курса по всему югу Россіи, увозили съ собою добрую память объ Антонинѣ Гиляровнѣ. Изъ среды квартирантовъ выдѣлялся одинъ,— самый бѣдный и самый скромный, — на котораго возлагалась забота воспитывать пятерыхъ дѣтей хозяйки. Вмѣсто платы онъ получалъ столъ и квартиру и становился въ исключительно близкія отношенія къ хозяйской семьѣ. И надо отдать справедливость юношамъ-воспитателямъ — они вели свое дѣло съ любовью и умѣньемъ, такъ что двое старшихъ дѣтей своевременно попали въ корпусъ, а остальныя, не имѣвшія правъ на казенное воспитаніе, учились успѣшно и какъ-то незамѣтно для занятой домашнею суетою матери. Въ послѣдніе годы появился прелестный, бѣлокурый ребенокъ, не имѣвшій права ни на какую изъ фамилій Антонины Гиляровны и ставшій общимъ любимцемъ всего многочисленнаго населенія рикордатовской квартиры. Ждали даже, что Антонина Гиляровна раздобудетъ ему фамилію, выйдя замужъ за репетитора, обожавшаго бѣлокураго крошку. Но этого не случилось. Репетиторъ кончилъ университетъ и уѣхалъ. Дѣти поступили въ учебныя заведенія,

Digitized by Google

а къ младшему въ качествѣ воспитательницы была приставлена Наденька Коцюба. Для всѣхъ было загадкой, что связывало этихъ двухъ женщинъ, такъ мало сходныхъ по возрасту и характерамъ; а онѣ жили годъ за годомъ въ самой нѣжной, ничѣмъ не нарушаемой дружбѣ.

— Надя, Надя! Мнѣ за тебя стыдно! Ну, можно ли вѣрить въ такіе предразсудки! Я ничему, рѣшительно ничему не вѣрю! Послушайте, господа, я разскажу вамъ одну странную исторію, которая для другихъ, менѣе развитыхъ людей, можетъ показаться таинственной и невѣроятной... Я родилась въ гробѣ...

— Пани Антося бреше трошки, полушепотомъ комментировалъ докторъ Хоменко, здороваясь съ пришедшими.

— Ничего не „бреше", сказалъ Кречетъ, лукаво сощуривъ свои яркіе, черные глаза.—Я эту исторію давно знаю,— только не сама пани Антося родилась въ гробѣ, а ея покойная бабушка.

— Ахъ, Кречетъ! вы человѣкъ всегда одинаково противный, отшучивалась Рикордато съ чуть замѣтной краской смущенія въ лицѣ и легонько ударила по протянутой къ ней рукѣ доктора. Почти всѣ собравшіеся гости были когда-то ея квартирантами или столовщиками.

Молодой агрономъ Макшеевъ, школьный другъ и сожитель Кречета, два его сослуживца, доктора Хоменко и Чалый, оба одѣтые въ сѣрые казацкіе кобеняки и вышитыя сорочки, и студентъ Карбовскій, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, худой, истомленный, одѣтый въ буровато-сѣрую длинную одежду, которую называли „гунькой" и о которой разсказывали, что она служитъ Карбовскому и постелью, и одѣяломъ въ тѣ дни, когда ему некуда преклонить голову и онъ идетъ ночевать въ анатомическій театръ, „къ покойничкамъ". Пріятели любили потѣшаться надъ Карбовскимъ и его гунькой, и онъ никогда не возражалъ имъ, не обижался, но и не остроумничалъ на свой счетъ, а только молча улыбался и теребилъ свою длинную, жиденькую бородку съ видомъ человѣка, который хмурится и вмѣстѣ улыбается на шалости расходившихся дѣтей. Онъ много лѣтъ былъ фельдшеромъ прежде, чѣмъ ему удалось достигнуть своей завѣтной цѣли: поступить на медицинскій факультетъ. Здоровье его было разбито. Онъ часто хворалъ, всегда кашлялъ, а когда чувствовалъ, что заболѣваетъ, шелъ отлежаться къ своему земляку, Макшееву. Сегодня Карбовскаго лихорадило и онъ кутался въ свою гуньку,

Digitized by Google

стараясь примоститься поудобнѣе на огромномъ диванѣ съ выгнутой, горбатой спинкой и такимъ твердымъ сидѣньемъ, что можно было бы заподозрить, не набитъ-ли онъ камнями, если бы изъ многочисленныхъ дыръ его полинялой обивки не торчали клочья конопляной кудели.

— Ну, и больше ничего, говорилъ Хоменко, очевидно, продолжая разсказъ, прерванный приходомъ Кречета и тремя свѣчками.—Ящикъ съ книгами, конечно, забрали; забрали и жида шинкаря, а мы съ Михайломъ рады радехоньки, что на ту сходку не пошли. Да и совсѣмъ больше не пойдемъ! Не стоитъ.. Кажется мнѣ, что они только прикрываются украинскими цѣлями, а на умѣ у нихъ совсѣмъ другое...

— Да чему тутъ казаться! Дѣло ясно, какъ на ладони, и только близорукій не видитъ, наканунѣ какихъ событій мы живемъ.

— А у насъ въ университетѣ рѣшено привлечь къ движенію всѣхъ студентовъ кромѣ семейныхъ, отозвался Карбовскій.

— Благоразумно, но несправедливо, сказала Рикордато.—Ну, что за мѣрило такое—семья! Развѣ человѣкъ безъ оффиціальнаго ярлыка не можетъ имѣть обязанностей самыхъ тяжелыхъ и священныхъ?

— Какъ же, пани Антося,—а теплый-то навозъ семейнаго счастья... Отрицаете, значитъ?

— Да, дѣленіе человѣческаго общества на ячейки, именуемыя семьями, въ большинствѣ случаевъ насильственно и произвольно и является лишь новымъ видомъ рабства.

— А вотъ для примѣра,— Наденька-серденько, разскажите намъ про свою благословенную семейку.

— Оставьте, Антонина Гиляровна!

— Чтожъ тутъ такого! Вы, вѣдь, не одни такъ жили, не у вашихъ только родителей было двадцать человѣкъ дѣтей.

— Не двадцать,—семнадцать только. И маменька съ папашей только двоихъ, старшаго сына и самую маленькую дочку, при себѣ оставили, а насъ всѣхъ поселили на хуторѣ въ лѣсу. У насъ были коровы для пропитанія и много нянекъ, а позже прислали намъ еще бонну нѣмку и гувернера, нѣмца тоже, которые у насъ и поженились. И жилось намъ въ дѣтствѣ очень хорошо! Росли мы себѣ, какъ деревья въ лѣсу, а когда, бывало, папаша съ маменькой пріѣзжаютъ, такъ мы выскочимъ за ворота и кричимъ: „панъ съ панею поихалы!“ А потомъ подросли и перестали выскакивать, такъ развѣ

изъ сѣней посмотришь. И вѣрите! никто изъ насъ не завидовалъ двумъ счастливчикамъ, жившимъ въ барскомъ домѣ, а когда они оба, вскорѣ одинъ послѣ другого умерли, слезы, которыя мы лили въ лѣсной хатѣ, были отъ чистаго сердца. И странно,—у насъ не выводились разныя болѣзни: корь, скарлатина, свинка, оспа то и дѣло валили насъ на лежанки и топчаны, служившіе намъ постелями въ повалку, и отлеживались мы безъ докторовъ и лѣкарствъ. Ходилъ къ намъ, правда, во время повальныхъ болѣзней какой-то „дидокъ", но и тотъ на насъ не смотрѣлъ, а курилъ кругомъ дома какой-то травой да обрызгивалъ стѣны. И всѣ мы остались живы... Нѣтъ! трое братьевъ въ половодье утонули.

Разсказчица умолкла, задумалась, и ея красивые синіе глаза смотрѣли куда-то далеко-далеко, быть можетъ, въ безотрадное дѣтство.

Эмуня пошла готовить пиво и селедку съ лукомъ къ закускѣ. Барвинскій нашелъ ее въ крошечной, узкой комнатѣ, гдѣ у стѣны стояли въ рядъ двѣ походныя складныя койки, надъ одной изъ которыхъ висѣлъ образокъ Ченстоховской Богородицы.

— Эмуня! Зачѣмъ вы это сдѣлали?!

Она не отвѣтила. Только блѣдное лицо ея совсѣмъ побѣлѣло и руки, рѣзавшія хлѣбъ, дрожали.

— Зачѣмъ?

— Это было сильнѣе меня... А васъ не было, — и было такъ одиноко и пусто.

А изъ другой комнаты звали:—Муня! Эмуня! Эмерика Антоновна! спойте намъ что-нибудь!..

Черезъ минуту нѣжный, глубокій, бархатный контральто пѣлъ съ затаенною скорбью и мукой:

„Есть за Волгой село, тамъ отецъ мой живетъ".

— Я поѣду къ нему, поклонюся отцу, вторилъ Кречетъ.

— Браво, браво! зашумѣли гости, когда пѣсня кончилась.—Выпьемте за здоровье нашего соловушка.

— Выпьемъ, Остапъ, за мелкопомѣстную черниговскую помѣщицу, предложилъ Барвинскій, протягивая пріятелю аптечную мензурку съ пивомъ.

— Да вѣдь ты знаешь, что на твое и мое общее дѣло уйдетъ мелкопомѣстное помѣстье... что за него пить!... отвѣтилъ Кречетъ, не протягивая стакана.

Свѣтало. За воротами послышался скрипъ тяжелыхъ возовъ: собирался Житный базаръ. Барвинскій заторопился къ пароходу, а вмѣстѣ съ нимъ на канаву вы-

Digitized by Google

сыпали всѣ гости, оставивъ утомленныхъ безсонною ночью хозяевъ и Карбовскаго, который съ вечера спалъ, уткнувшись въ уголъ дивана своей истомленной головой.

III.

На берегу Буга, прячась въ зарosляхъ черешенъ и сливъ, стоитъ мѣстечко Сокиринцы. По одну его сторону на береговой гранитной скалѣ высится „палацъ“ графовъ Запольскихъ, по другую сползаютъ къ рѣкѣ развалины какихъ-то древнихъ зданій, которыя народъ зоветъ „мурами“. Въ Сокиринцахъ не помнятъ, что было когда-то въ „мурахъ“, потому что еще дѣды нынѣшнихъ мальчишекъ-пастушковъ тоже гоняли своихъ овецъ по зеленымъ дворикамъ внутри полуразрушенныхъ стѣнъ. Здѣсь былъ когда-то твердый оплотъ латинства противъ православной Руси: уцѣлѣли еще узкія бойницы, крутые контрафорсы, сложенные изъ глыбъ поросшаго мохомъ гранита, наугольныя башенки и узкія, витыя лѣсенки въ нихъ. Нѣтъ только вереницы монаховъ, читавшихъ свои молитвенники въ длинныхъ прохладныхъ галлереяхъ, нѣтъ веселой толпы мальчиковъ-подростковъ, собиравшихся въ эти стѣны со всей заднѣпровской Украины. Опустѣла коллегія отцовъ іезуитовъ. Отъ нея сохранилась только одна галлерея,—узкое двухъэтажное зданіе, выходящее на базарную площадь и вѣнчающее собою самую вершину берегового холма, на которомъ лежатъ Сокиринцы. Зданіе много разъ чинилось и поправлялось. Его стѣны, нѣкогда бѣлыя, теперь обложены краснымъ, всюду потрескавшимся кирпичемъ; крыша пестрѣетъ лоскутьями желѣза, старой черепицы, почернѣвшей отъ времени драни, а окна съ выбитыми наполовину стеклами заложены досками или завѣшаны разноцвѣтнымъ тряпьемъ. Въ узкихъ конурахъ, пріютившихся подъ каждою аркой галлереи, устроены теперь еврейскія лавки и все промышленное населеніе Сокиринецъ торгуетъ, барышничаетъ, надуваетъ и обсчитываетъ въ узкихъ проходахъ монастырской галлереи. На обоихъ концахъ базарнаго ряда высится по церкви: направо заново отдѣланный костелъ съ красной черепичной крышей, съ золотымъ крестомъ на фронтонѣ и двумя бѣлыми статуями святыхъ королей у широкаго крыльца. Налѣво—православная церковка, вся блещущая свѣжими красками, съ зеленой, яркой кровлей, съ двумя остроконечными куполами, придѣланными къ двумъ фронтовымъ башенкамъ бывшаго костела, и съ навѣшенными

Digitized by Google

между этими башенками голосистыми колоколами. Это недавняя унія побратала двѣ церкви, бывшія когда-то каплицами католическаго монастыря.

По самому берегу Буга, отъ графскаго палаца до „муровъ“ тянется улица, которую зовутъ Дворскою, потому что на ней обитаетъ чиншевая шляхта, изъ которой еще недавно набиралась многочисленная дворня графовъ Запольскихъ.

Грядки капусты, темная зелень коноплянниковъ, кудрявыя вербы скрываютъ низенькія хаты Дворской улицы со стороны рѣки. На широкой межѣ между двумя усадьбами стоитъ старая, вѣковая груша со сломанной верхушкой, между сучьями которой пара аистовъ намостила себѣ гнѣздо. Въ этихъ дворахъ, подъ старою грушей выростали Игнась Барвинскій и Эмуня Вильха. Ихъ матери были любимыми золотошвейками въ сѣнныхъ покояхъ старой графини, и въ награду за то, что онѣ вышили „знамя свободы“, ихъ выдали замужъ не въ примѣръ другимъ дѣвушкамъ за дворскихъ шляхтичей. „Знамя свободы“ погибло; а Барвинскій-отецъ, бывшій въ 31-мъ году офицеромъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, вышелъ въ отставку и работалъ въ потѣ лица, добывая хлѣбъ со своихъ чиншевыхъ десятинъ. Отецъ Эмуни былъ графскимъ экономомъ. Матери ихъ остались задушевными подругами, и по воскресеньямъ обѣ семьи ѣздили въ одной телѣжкѣ на гору, въ костелъ, причемъ Игнась и Эмуня забивались въ задній ящикъ вмѣстѣ съ лошадинымъ оброкомъ. И каждый вечеръ, когда съ костельной колокольни звучалъ благовѣстъ къ „Angelus“, обѣ женщины бросали свою работу и набожно складывали руки, а, глядя на матерей, дѣти становились рука въ руку на колѣни подъ старою грушей: Игнась читалъ молитву, а Эмуня говорила „amen“.

Скоро все измѣнилось. Игнася пристроили на казенный счетъ и увезли учиться въ корпусъ. Да если бы былъ онъ и дома,—Эмунѣ некогда стало играть подъ старою грушей. Мать ея умерла. Отецъ сталъ капризенъ и суровъ. Все чаще и чаще онъ бывалъ пьянъ; а въ домѣ то и дѣло стали появляться молодыя, пригожія женщины. Это были молодицы и дѣвки изъ графскихъ „хлопокъ“, всегда одинаково неласковыя, невеселыя, смотрѣвшія на юную хозяйку съ затаенною злобой. Дѣвочкѣ шелъ тринадцатый годъ, когда отецъ отвезъ ее учиться въ деревенскій пансіонъ. Такіе пансіоны въ ту пору были разсѣяны по многимъ селамъ, особенно изъ тѣхъ, что поглуше.

Digitized by Google

Какой-нибудь помѣщикъ, отецъ пяти-шести дочерей, принималъ къ себѣ въ домъ барышень-подростковъ и затѣмъ выписывалъ нѣсколькихъ гувернантокъ, которымъ и вручалось ученіе въ такомъ пансіонѣ. Эмуня пробыла вдали отъ дома три года, и за это время научилась говорить по-французски, играть на фортепьяно и лютнѣ и вышивать гарусныя картины. А когда вернулась домой,—тамъ была новая хозяйка-мачеха.

По годамъ почти ровестница Эмуни, молчаливая, словно испуганная, Горпыня была крестьянка, — православная, стало быть, по понятіямъ Дворской улицы неровня пану эконому. Сама Горпыня сознавала свое ничтожество и безропотно сносила все: и брань, и побои подъ пьяную руку, и появленіе въ домѣ пригожихъ молодицъ, и насмѣшки сосѣдокъ. При встрѣчѣ съ падчерицей, она до того смутилась и растерялась, что кинулась цѣловать у панночки руку, а потомъ расплакалась. Двое дѣтокъ, болѣзненныхъ, такихъ же точно испуганныхъ, какъ ихъ мать, родились въ тѣ годы, какъ Эмуни не было дома. Они никогда не кричали, а плакали тихо и горько, и за этотъ недѣтскій плачъ сестра привязалась къ нимъ страстной, исключительной, материнской любовью. Ей казалось, что своей горячею лаской она согрѣетъ эти худенькія, дряблыя тѣльца и вызоветъ поцѣлуями краску на блѣдныя, испитыя личики.

А въ домѣ между тѣмъ настала нужда. Стараго эконома лишили мѣста, назначивъ ему мѣсячину изъ муки, крупы и сала. Получалъ онъ и маленькій денежный пенсіонъ; но денегъ не приносилъ домой никогда,—все до копѣйки оставлялъ въ корчмѣ Мордки-шинкаря. Горпыня и Эмуня работали, не покладая рукъ, чтобы не дать умереть съ голоду двумъ блѣднымъ, хилымъ дѣткамъ.

Игнась Барвинскій, возвращаясь домой на каникулы, видѣлъ свою дѣтскую подругу только издали, украдкой, потому что она таилась отъ чужихъ глазъ и только рано до разсвѣта выходила въ огородъ копать картошку и поливать разсаду.

Но, несмотря на непосильный трудъ двухъ женщинъ, семьѣ не суждено было спастись. Въ одну суровую зиму одинъ за другимъ умерли дѣти, а къ веснѣ зачахла и Горпыня, горько оплаканная горячо привязавшейся къ ней падчерицей. Въ домѣ стало пусто и жутко: изъ каждаго угла, изъ каждаго темнаго запечка на одинокую дѣвушку смотрѣли блѣдныя лица дорогихъ покойниковъ. О святкахъ, въ глухую, зимнюю ночь стариковъ Барвинскихъ разбудилъ робкій, но настойчивый стукъ въ

Digitized by Google

запертый оконный ставень. Тамъ на морозѣ стояла Эмуня, босая, кое-какъ закутанная въ старое лоскутковое одѣяло, и именемъ Божіимъ молила спасти ее отъ нападеній пьянаго, потерявшаго разсудокъ отца. Старики больше въ ту ночь не ложились. Они шептали до самаго разсвѣта и къ утру порѣшили отправить дѣвушку въ Кіевъ, гдѣ у нея былъ дядя—каноникъ кіевскаго костела.

Въ самое Крещенье, на праздникъ Трехъ Королей, Эмуня съѣхала со двора Барвинскихъ, закутанная въ заячій кунтушикъ и обвязанная десяткомъ платковъ и косынокъ. На саняхъ рядомъ съ нею громоздились двѣ замороженныя свиныя туши, кадочка масла и ведерко повидла. Всѣ эти продукты старикъ захватилъ съ собою, чтобы заодно продать ихъ въ Кіевѣ на Контрактахъ.

Дядюшку нашли скоро. Это былъ человѣкъ еще не старый, но весь словно поблекшій. высохшій и вывѣтрившійся. Онъ пользовался славой постника и аскета, и въ его блестящихъ, глубоко запавшихъ глазахъ свѣтилась непоколебимая воля. Онъ принялъ Эмуню безъ особой радости, но безпрекословно, исполняя данный ему судьбою тяжелый долгъ. Молодость и красота племянницы были тяжкимъ испытаніемъ, ниспосланнымъ свыше. Чтобы уберечь дѣвушку отъ неизбѣжныхъ соблазновъ, онъ поселилъ ее въ самой отдаленной, глухой комнатѣ, единственное окно которой выходило въ костельный садъ. Здѣсь Эмуня жила совершенной затворницей въ обществѣ престарѣлой, набожной пани, приставленной къ ней дядюшкой. Только разъ въ недѣлю, — въ воскресенье послѣ церковной службы дядя и племянница встрѣчались за чаемъ, къ которому приглашались почетныя прихожанки, — почитательницы строгаго ксендза. Все остальное время молодая дѣвушка проводила въ своей комнатѣ за чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія, которыя ей присылалъ дядя. Это были житія святыхъ женъ и подвижницъ, и мало-по-малу воображеніемъ Эмуни завладѣла мечта о мученичествѣ и страстное ожиданіе чуда. Случалось, она по ночамъ выкрадывалась изъ окна въ густой заглохшій садъ и тамъ по часамъ стояла на колѣняхъ, моля Бога о ниспосланіи знаменія: ей чудилось, что оттуда, съ горъ, обступившихъ глухую костельную котловину, придетъ кто-то сильный и чистый и выведетъ ее на новый путь. Или она молила въ страстномъ порывѣ, чтобы Господь положилъ на нее знамя своего избранія, ниспославъ язвы на ея руки и ноги въ воспоминаніе крестныхъ ранъ своихъ, — и ей казалось уже, что руки ея терзаетъ невыносимая боль, а на глаза

Digitized by Google

ея выступали слезы восторженнаго умиленія. А между тѣмъ подозрительность набожнаго ксендза по отношенію къ племянницѣ пріобрѣла остроту неподвижной идеи душевно-больного. Онъ клалъ теперь на порогѣ ея комнаты служанку, въ саду подъ ея окнами ставилъ сторожа и самъ по часамъ стоялъ на голомъ полу въ корридорѣ, напряженно прислушиваясь къ шороху за ея дверью. Наконецъ, безуміе его стало ясно для окружающихъ и къ больному пригласили врача. Врачомъ этимъ, по совѣту Барвинскаго, былъ Кречетъ.

Барвинскій съ годъ уже жилъ въ Кіевѣ и дѣлалъ блестящую служебную карьеру. Но видѣться съ Эмуней ему не приходилось. По отношенію къ нему подозрительность старика доходила до крайнихъ предѣловъ, и за все время онъ обмѣнялся съ подругой дѣтства нѣсколькими фразами, всегда въ присутствіи самого ксендза. Потянулись долгіе мѣсяцы тяжелой болѣзни дядюшки. Докторъ кореннымъ образомъ измѣнилъ весь жизненный строй набожнаго священника. Онъ возилъ его на богомолье въ Ченстоховъ и Браиловъ, а потомъ на долгія и дальнія прогулки въ деревни по Днѣпру и Деснѣ. И непремѣнной спутницей ихъ была Эмуня, которая становилась день ото дня необходимѣе больному старику. Наступило выздоровленіе: странности и чудачества стараго ксендза уменьшились до такихъ размѣровъ, что онъ вернулся къ исполненію своихъ обязанностей; но прихожане не узнавали строгаго и карающаго пастыря. Долгая и упорная борьба его съ мятежною плотью окончилась, а вмѣстѣ съ нею кончалась и самая жизнь. Суровый отецъ Фортунатъ превратился въ слабаго, ласковаго, все прощающаго старика, брезгливаго и капризнаго въ домашнемъ быту, гдѣ только одна Эмуня умѣла успокоить его и угодить его прихотямъ. Онъ ѣлъ и пилъ только кушанья, приготовленныя ея руками, она прибирала его комнату и далеко за полночь подъ его диктовку писала его сочиненіе „Католическое славянство“. Это сочиненіе было единственнымъ живымъ дѣломъ, которое поглотило послѣднюю нравственную энергію стараго ксендза. Быть можетъ, идея его была ложна; но онъ вѣрилъ въ нее со всею страстью умирающаго и фанатика, и, когда Эмуня писала его горячія тирады, ея щеки алѣли отъ волненія. Единственнымъ гостемъ и собесѣдникомъ въ квартирѣ ксендза былъ докторъ Кречетъ. По старой памяти онъ заходилъ часто, спорилъ со своимъ паціентомъ, приносилъ тревожныя и радостныя политическія новости, читалъ газеты, кото-

Digitized by Google

рыхъ больной старикъ боялся и потому самъ никогда не читалъ, и говорилъ о томъ новомъ и свѣтломъ, что творилось на волѣ за стѣнами стараго костельнаго дома. Но Эмуня уже давно догадалась, что влекло молодого доктора въ ихъ скучный и унылый уголъ. И въ ней не было ни страха, ни мечтаній, ни смущенья: въ прошломъ она знала только горе; будущее было темно и пусто. И, когда докторъ позвалъ ее за собою, она послушно встала и пошла, не взявъ съ собою въ новую жизнь ничего кромѣ образка,—предсмертнаго благословенія кроткой и тихой Горпыни.

IV.

Два раза въ мѣсяцъ, по понедѣльникамъ, въ Сокиринцахъ бывали базары, которые служили всей округѣ для сбыта продуктовъ, особенно скота. Осенніе и весенніе базары отличались особеннымъ оживленьемъ. Но давно ужъ не было такого съѣзда и пригона, какъ въ Духовъ день 1863 года.

Вся широкая столбовая дорога, обсаженная въ четыре ряда столѣтними липами, была усѣяна конными и пѣшими, гнавшими впереди себя или за грядками телѣгъ лошадей и коровъ. Тамъ и здѣсь громыхали огромныя телѣги барышниковъ-цыганъ, окруженныя десятками лошадиныхъ головъ. Изрѣдка спѣшною рысью проѣзжалъ молодой панъ верхомъ на выхоленной лошади. Прокатило нѣсколько богатыхъ экипажей, вызвавшихъ изумленные взгляды мужиковъ, ѣхавшихъ на ярмарку. Впрочемъ, тутъ-же вспомнили, что въ Сокиринцахъ „отпустъ“ и что паны ѣдутъ въ костелъ.

Ярмарочная площадь представляла не совсѣмъ обычное зрѣлище. Толпу непривычно пестрили стройныя фигуры окрестныхъ паничей-помѣщиковъ. Пожилые паны ходили отъ воза къ возу, прицѣниваясь то къ надорванной крестьянской клячѣ, то къ коровѣ, мохнатой и шаршавой отъ зимней безкормицы. У костела и подъ арками рыночной галлереи они сходились въ группы, о чемъ-то горячо и оживленно толкуя.

Въ ярмарочной толпѣ ходилъ и Барвинскій въ сопровожденіи двухъ своихъ помощниковъ по управленію графскими имѣніями. Первый изъ нихъ, панъ Северинъ, долго служилъ камердинеромъ у стараго графа и, отпущенный имъ на чиншъ, остался служить его сыновьямъ. Онъ былъ казначеемъ и кассиромъ графской конторы и черезъ его руки проходили многіе десятки тысячъ, по-

Digitized by Google

тому что онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ молодыхъ графовъ.

Это былъ высокій сѣдой старикъ съ голубыми наивно-дѣтскими глазами и длинными прядями сѣдыхъ усовъ, свѣшивавшимися по обѣ стороны сморщеннаго лукавою усмѣшкою рта. Другой—Якимъ Пятакъ, молодой двадцатипятилѣтній парень, котораго Барвинскій замѣтилъ и выдѣлилъ изъ толпы чернорабочихъ за его горячее, часто неразумное стремленіе къ справедливости и правдѣ. Теперь Якимъ былъ „экономомъ" на одномъ изъ фольварковъ графа и явился на ярмарку, чтобы нанять рабочихъ для предстоящихъ полевыхъ работъ. Якимъ былъ православный; но родители его умерли уніатами, и самъ Якимъ выдѣлялъ себя изъ толпы „хлоповъ", помня свое шляхетское происхожденіе.

Онъ бродилъ въ толпѣ мужиковъ, приглядываясь и прислушиваясь къ ихъ толкамъ, и то и дѣло подходилъ къ возу, на которомъ замѣчалъ рослаго здороваго парня, и начиналъ съ нимъ торговаться. Потомъ оба они уходили въ шинокъ, откуда возвращались съ лицами, красными отъ выпитой водки и отъ пріятнаго волненія при получкѣ выгоднаго задатка.

Панъ Северинъ тоже не выходилъ изъ рыночной толпы; но онъ подходилъ къ панамъ и шляхтѣ: къ посессорамъ и чиншевикамъ, одѣтымъ въ желтые домотканные сюртуки и чемарки.

Барвинскій не понималъ, почему графъ вчера потребовалъ его присутствія въ Сокиринцахъ, и теперь поглядывалъ по сторонамъ, ожидая увидѣть своего довѣрителя. Но графа не было видно. Изъ шумной, галдящей, движущейся толпы, оглашаемой блеяніемъ и ревомъ, то и дѣло отдѣлялся возъ, за грядкою котораго, упираясь, шла лошадь или корова съ бурымъ или сѣренькимъ теленкомъ, и скоро вся дорога заклубилась столбами пыли, среди которыхъ одинъ за другимъ тянулись возы. Базаръ разъѣзжался. Съ грохотомъ и звономъ съѣхала съ базара послѣдняя цыганская телѣга.

Къ Барвинскому подошелъ панъ Северинъ. „Графъ проситъ васъ въ заѣздъ Дудя Зейлыка". Что-то смутной догадкой мелькнуло въ головѣ молодого инженера.

— Я здѣсь подожду распоряженій графа.

Старикъ наклонился къ самому уху Барвинскаго и рѣзкимъ, почти грознымъ шопотомъ сказалъ: „графъ тамъ и ждетъ васъ сейчасъ-же".

И Барвинскій пошелъ.

Если кому не случалось видѣть громадныхъ, неуклю-

Digitized by Google

жихъ, почему-то всегда старыхъ построекъ, которыя служили постоялыми дворами, корчмами и мѣстами деревенскихъ увеселеній въ Подоліи, тотъ не сразу представитъ себѣ устройство такого „заѣзда". Огромный домъ, который фасадомъ выходитъ на базарную площадь или проѣзжую дорогу, состоитъ изъ двухъ жилыхъ помѣщеній по два-три окна, расположенныхъ по обѣ стороны широкихъ створчатыхъ воротъ, ведущихъ внутрь двора. Высокая, крутая, нависшая на стѣнѣ кровля,—черепичная, тесовая, рѣдко соломенная,—и въ ней по фасаду еще жилье съ балкончикомъ или галлерейкой надъ воротами,—нѣчто вродѣ мезонина. Внутри двора два ряда дверей, ведущихъ въ жилыя помѣщенія и кладовыя, потомъ въ хлѣва, сараи и амбары, и, наконецъ—огромное, во всю ширину строенія пространство, въ которомъ, въ сторонѣ, противоположной въѣзднымъ воротамъ,—другія такія-же ворота, выходящія въ поле или огородъ.

Въ „заѣздѣ" Дудя Зейлыка было непривычно тихо и, казалось, пусто. Миновавъ нѣсколько запертыхъ дверей, панъ Северинъ ввелъ молодого инженера въ низенькую, чисто выбѣленную и прибранную горенку и тотчасъ ушелъ. Барвинскому показалось, что замокъ щелкнулъ въ его двери. Но странная, почти жуткая робость помѣшала ему толкнуть дверь и убѣдиться, что онъ въ засадѣ. Онъ сталъ ходить по узкому пространству отъ порога къ деревянному дивану подъ окномъ и мысли его бѣжали напряженно и тревожно. Теперь ему вдругъ стало ясно все, что носилось предъ нимъ давно, какъ догадка, въ которой онъ не хотѣлъ, боялся убѣдиться. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ ему придется стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ, который рѣшитъ всю его жизнь, и спокойно ждалъ, потому что отвѣтъ давно уже, несознанный—жилъ въ его душѣ.

А въ „заѣздѣ" было все такъ-же тихо. Только подъ крышей, въ чердачной свѣтличкѣ слышался шорохъ и смутный говоръ заглушенныхъ голосовъ, да какой-то неопредѣленный звукъ, похожій на сдержанное дыханіе многихъ людей, доносился изъ-за запертыхъ боковыхъ дверей. Огня не зажигали. Послышался стукъ затворяемыхъ приворотныхъ болтовъ. И вдругъ все ожило, задвигалось, засуетилось внутри огромнаго „заѣзда". Шли сотни ногъ, мелькали зажженные огни, и Барвинскій услышалъ голосъ пана Северина: „Графъ проситъ".

Говорятъ, на ступенькахъ эшафота приговоренные вспоминаютъ все, что было отраднаго и горькаго въ

Digitized by Google

ихъ жизни. И въ головѣ Барвинскаго въ эту минуту мелькнула вся его короткая, тревожная жизнь: яркія зимнія звѣзды далекаго сѣвернаго неба, мечты о счастіи тысячъ людей и Эмуня, такая далекая теперь.

Внутренній дворъ „заѣзда“, обыкновенно полный бричекъ, телѣгъ и коней, теперь былъ превращенъ въ залу засѣданія. Заднія ворота „заѣзда“ были плотно законопачены, а узкій входъ между двумя крайними сараями завѣшенъ брезентомъ, въ которомъ чуть виднѣлся небольшой просвѣтъ. Все пространство освѣщалось нѣсколькими десятками свѣчъ, вставленныхъ въ высокія, наполненныя овсомъ кадки, а на лавкахъ, устроенныхъ изъ досокъ, положенныхъ на пивные боченки, размѣстилось около трехсотъ человѣкъ окрестныхъ пановъ. Въ углу, на задрапированной чернымъ сукномъ стѣнѣ висѣло маленькое бѣлое распятіе и подъ нимъ за огромнымъ чернымъ столомъ Барвинскій увидѣлъ графа.

— Панъ Игнатій Барвинскій! заговорилъ предсѣдатель,—вы призваны сюда по требованію нашего повѣтоваго жонда и, конечно, знаете, какой жертвы ждетъ отъ своихъ сыновъ отчизна.

Барвинскій молчалъ.

— Я понимаю ваше колебаніе, продолжалъ графъ.— Вы оскорблены тѣмъ, что мы обращаемся къ вамъ послѣднему,—въ ту минуту, когда дѣло назрѣло. Но этого требовали обстоятельства: вы, нашъ избранникъ, должны были оставаться въ сторонѣ, внѣ всякихъ подозрѣній, и для этого было лишь одно вѣрное средство: дѣйствительно устранить васъ отъ активнаго участія въ нашемъ дѣлѣ и даже не открывать вамъ его. Но не знать о немъ совсѣмъ вы не могли: сколько разъ ѣздили вы за границу по моимъ порученіямъ и тайная цѣль поѣздокъ, прикрытая хозяйственными порученіями, не могла остаться для васъ тайной. Въ моемъ домѣ и на моихъ фольваркахъ вы принимали и охраняли лицъ, имена которыхъ вамъ были неизвѣстны, но о цѣли ихъ пребыванія вы не могли не догадаться...

— Да, графъ! прервалъ Барвинскій,—я зналъ давно о движеніи, во главѣ котораго васъ теперь вижу, и лучшимъ доказательствомъ того, что я не вѣрю въ него и ему не сочувствую, пусть будетъ для васъ то, что я не примкнулъ къ нему, не спрашивалъ и не говорилъ о немъ, считая своимъ долгомъ лишь уважать разгаданную мною чужую тайну.

Смутный ропотъ прошелъ по скамьямъ, и графъ, будто предвидя такой отвѣтъ, сказалъ:

Digitized by Google

— Но помимо вашей воли, панъ Барвинскій, вы принимали въ дѣлѣ большее участіе, чѣмъ вамъ самимъ кажется. У меня въ рукахъ есть документы, скрѣпленные вашею подписью и прямо относящіеся къ нашему движенію.

— Это недостойная ловушка! хотѣлъ крикнуть Барвинскій, но въ эту минуту взглядъ его упалъ на длинные ряды блѣдныхъ, напряженно слѣдящихъ за нимъ лицъ и горячая жалость къ этой обреченной на смерть толпѣ прихлынула къ его сердцу.

— Я скажу мое послѣднее слово не прежде, чѣмъ вы выслушаете мои убѣжденія.

— Говорите! пусть говоритъ! мы слушаемъ!

— Ваше... наше дѣло я считаю безвозвратно погибшимъ. Оно, казалось, могло воскреснуть тридцать лѣтъ тому назадъ, когда міръ, тамъ за рубежомъ, называлъ насъ „народомъ", а тѣ, кто лишилъ насъ свободы, были культурно неизмѣримо ниже насъ:—съ государственностью, потрясенной смутами, съ дворянствомъ озлобленнымъ и запуганнымъ, съ народомъ, коснѣющимъ въ рабствѣ. Враги шли на нихъ извнѣ... Но и тогда никто не помогъ намъ. А сами мы не смогли вернуться къ жизни, потому что никогда, съ первой страницы нашей исторіи у насъ не было того, что животворитъ народы—нравственнаго единства и равенства передъ закономъ. Я знаю только одинъ путь возстановленія нашей отчизны—это путь культурныхъ завоеваній...

— Не трудитесь, панъ Барвинскій, излагать намъ свою политическую программу. Она прекрасна, но разсчитана на десятки лѣтъ, а дѣло свободы не ждетъ. Отчизна *теперь* требуетъ вашей жизни.

— О, если бы моею жизнью я могъ остановить васъ! Я съ радостью отдалъ бы ее, чтобы лечь преградой вамъ на пути...

— О, преградой намъ вы ни при какомъ вашемъ рѣшеніи не будете, сказалъ графъ съ тонкой улыбкой.— Если мы не увидимъ васъ въ нашихъ рядахъ, то общественныя и политическія убѣжденія ваши настолько опредѣлились, что я сочту своимъ долгомъ сообщить о нихъ... Но, нѣтъ! мы слишкомъ высоко цѣнимъ ваши таланты и гражданское мужество, и эти сокровища вашей души хотимъ сдѣлать орудіемъ спасенія отчизны.

Иронія давно исчезла въ тонѣ графа и голосъ его звучалъ строго, почти торжественно. Сотни глазъ смотрѣли на Барвинскаго съ напряженнымъ ожиданіемъ.

Онъ печально поникъ головой.

Digitized by Google

— Чего же вы ждете отъ меня?

— Вы по общему выбору — предводитель нашего отряда: одинъ вы среди насъ получили военное воспитаніе, а ваши организаторскія способности мы давно оцѣнили. Насъ здѣсь триста человѣкъ. Вы должны также вооружить двѣсти человѣкъ рабочихъ, нанятыхъ мною на это лѣто...

— О, нѣтъ! Этого не будетъ никогда! горячо воскликнулъ Барвинскій.—Я не поведу на убой толпу слѣпыхъ. И никому изъ нихъ, ни одному не дамъ оружія въ руки. О! пощадите, пожалѣйте себя, пожалѣйте вашихъ беззащитныхъ женъ, которыхъ вы бросили съ дѣтьми на пустынныхъ одинокихъ фольваркахъ. Вѣдь этотъ народъ знаетъ и любитъ только одну землю — ту, которая родитъ ему пшеницу. Ее онъ считаетъ своей и теперь, когда его съ нею разлучили и почти всю отдали вамъ, онъ пойдетъ добывать ее съ ножемъ въ рукахъ, и первая пролитая кровь будетъ ваша и дѣтей вашихъ.

Смутный говоръ въ скамьяхъ перешелъ въ гулъ, потомъ въ крики сотенъ голосовъ.

— Такъ! такъ!! Вѣрно! Не надо хлоповъ! долой хлоповъ!

Графъ всталъ и повелительнымъ жестомъ унялъ шумъ и крики.

— Пусть такъ... А сами вы?

— Я весь въ распоряженіи моей отчизны.—Онъ отступилъ на шагъ, будто не замѣтивъ протянутой къ нему руки графа, и лицо его покрылось блѣдностью, а губы задрожали... — Но еще одно, послѣднее слово. Я ставлю условіе, неизмѣнное условіе, отъ котораго не отступлю ни на іоту. Тотъ, кто пойдетъ за мною, не вернется никогда. Я буду предводительствовать вами, оставаясь въ самомъ тылу отряда, потому что въ геройскомъ стремленіи впередъ у васъ нѣтъ недостатка. Но я знаю, многіе, очень многіе бросятся назадъ при видѣ первой смерти, и я буду позади, чтобы помѣшать вамъ стать дважды измѣнниками, и убью всякаго, кто захочетъ спасти свою жизнь, которую пойдутъ вымаливать ваши матери и жены, ползая на колѣняхъ передъ побѣдителями.

Голосъ молодого инженера задрожалъ и оборвался, и въ отвѣтъ ему поднялась буря неистоваго восторга. „Ура! Виватъ! Нехъ жіе!“ кричала восторженная толпа и къ молодому предводителю протянулись сотни рукъ.

Вдругъ какая-то юркая фигура вынырнула изъ-за завѣсы и зашептала, мечась въ смертельномъ страхѣ:

Digitized by Google

„Панове! Панове! Съ ласки Божьей! Тамъ офицеръ, панъ офицеръ, панъ капитанъ!..

И въ ту-же минуту „заѣздъ“ опять погрузился въ тишину и мракъ. Огни погасли и тихій шорохъ послышался за всѣми запертыми дверями.

А у воротъ уже раздавался властный голосъ:

— Эй, ты! Дудь! Жидъ! Что ты спозаранку запрятался.

Дудь Зейлыкъ съ фонаремъ въ рукахъ отворилъ ворота и кланялся, весь извиваясь, весь трепеща, не въ силахъ выговорить слова.

— Комната чистая есть? Ужинъ есть? Водки неси да давай самоваръ. Живо только!

Дудь все еще дрожалъ и не могъ вымолвить слова.

— Господинъ капитанъ, позвольте мнѣ предложить вамъ мой скромный ужинъ и стаканъ чаю, сказалъ Барвинскій, отворяя дверь въ первую отъ воротъ комнату.

Это была чистая горница въ три окна, увѣшанная картинками и занавѣсками, съ чистымъ вымытымъ поломъ, съ геранями на окнахъ и большимъ круглымъ столомъ посрединѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь?..

— Инженеръ Игнатій Барвинскій... Управляющій здѣшними имѣніями и отчасти собратъ по оружію: я оставилъ военную службу очень недавно...

— А! весьма пріятно... Боюсь стѣснить васъ.

— О, нѣтъ! Мнѣ придется провести здѣсь еще три-четыре часа и я буду очень счастливъ раздѣлить ихъ съ такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Мнѣ предстоитъ скучная обязанность разсортировать и отправить по фольваркамъ двѣсти человѣкъ чернорабочихъ, сегодня нанятыхъ и черезъ край хватившихъ могарыча.

И черезъ полчаса капитанъ и Барвинскій сидѣли за обильной деревенской закуской, а панъ Северинъ и Якимъ Пятакъ то и дѣло входили и выходили, исполняя спѣшныя распоряженія молодого управляющаго.

— Пусть этихъ пятьдесятъ человѣкъ Антекъ отведетъ на Яблонно, а ты Якимъ, самъ отвези этихъ тридцать въ Гостинзи. Возьми трое дрогъ, а то они почти всѣ пьяны.

И капитанъ слышалъ, какъ то и дѣло отворялись заднія ворота „заѣзда“ и изъ нихъ выходили и выѣзжали на большую дорогу группы людей.

Не одна бутылка стараго графскаго меда была выпита, когда Барвинскій собрался домой.

— Вѣшать надо за ложный доносъ, говорилъ ка-

Digitized by Google

питанъ, у котораго отъ хорошей выпивки развязался языкъ.—Вы въ мое-то положеніе войдите: вѣдь я сегодня полъуѣзда исколесилъ! Получаю предписаніе: ѣхать немедленно въ Мышковцы и роту окольной дорогой туда-же направить, потому, дескать, двѣсти повстанцевъ тамъ соберутся. Иду, перешарилъ всѣ Мышковцы, по дорогѣ и въ какія-то Ковелюги, не то Капелюхи завернулъ—ни тебѣ лысаго чорта. Дьяволы! хоть бы то подумали, что у меня весь уѣздъ на рукахъ, а имъ повстанье приснилось... именно вѣшать!

Но на другое утро, когда усталость и хмѣль прошли, самому капитану показалось кое-что подозрительнымъ въ „заѣздѣ“ Дудя. Однако, всему нашлось объясненіе: скамьи и бочки со свѣчами готовились къ свадьбѣ Зейлыковой дочки, пятнадцатилѣтней Лейко, которая, будучи позвана капитаномъ къ допросу, смотрѣла на него большими, черными глазами, которые сами словно допрашивали о чемъ-то и отъ взгляда которыхъ у капитана подъ сердцемъ засосало. Вздумалъ онъ съѣздить и на фольваркъ къ Барвинскому, и не раскаялся, потому что его накормили чуднымъ ужиномъ и напоили столѣтнимъ венгерскимъ изъ графскаго погреба, пока, по его желанію, Барвинскій созвалъ около двухсотъ мужиковъ, нанятыхъ и разосланныхъ по фольваркамъ въ Духовъ день.

V.

Въ сырой, непогожій весенній вечеръ докторъ Кречетъ возвращался домой. Ему надо было идти по Бульварной мимо темной громады Владимірскаго собора, куда рѣдко заходили пѣшеходы въ это позднее время. Мѣсто пользовалось дурною славой. Въ глухихъ ямахъ, провальяхъ и глинистыхъ водомоинахъ, бывшихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь пролегла Малая Владимірская и смежныя съ нею улицы, ютилась армія кіевскихъ босяковъ; а нагроможденныя вокругъ недостроеннаго собора кучи камня, кирпичей и строительнаго мусора были для нихъ надежнымъ убѣжищемъ. Черезъ площадь, занятую постройкой, они по ночамъ выбирались въ центральную часть города и рыскали по бульвару вплоть до Крещатика, высматривая поживу.

Кречету приходили на память разсказы о многочисленныхъ, дерзкихъ до наглости грабежахъ, которые иногда сопровождались смѣхотворными выходками босяковъ. Почтенному статскому совѣтнику, снявъ съ него шубу, напялили красную штофную кацавейку, а двухъ

Digitized by Google

подпившихъ студентовъ пригласили въ свою трущобу, угостили на славу и отпустили съ миромъ, обобравъ у нихъ только часы и деньги, и оставивъ по рублю съ запиской—„опохмѣлиться“. Доктору чудилось, что вокругъ собора мелькаютъ фонари, а въ темной его громадѣ что-то блеститъ и перебѣгаетъ, словно затѣненные огни. Раза два навстрѣчу ему попадались подозрительные прохожіе, шли они по двое, съ папиросками въ зубахъ и, поровнявшись съ докторомъ, разошлись по сторонамъ, легонько ощупывая его съ боковъ. Но, должно быть, докторское пальто не представлялось заманчивой поживой, а высокій ростъ и здоровые кулаки внушали нѣкоторое почтеніе, потому что они прошли мимо, и Кречетъ благополучно добрался до Большой Владимірской, гдѣ мелькали еще экипажи и рѣдкія фигуры позднихъ прохожихъ. Онъ облегченно вздохнулъ и напряженное чувство,—не страха, а малодушнаго сознанія, что онъ струсилъ,—уступило мѣсто спокойствію... Сегодня на душѣ у него такъ ясно, такъ чудно хорошо!

Онъ возвращался съ вечера у Грабовскихъ, куда первый разъ его пригласили не въ качествѣ врача, а гостя. Грабовскіе—одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ украинскихъ родовъ, сохранившихъ православную вѣру и старинное имя. Они живутъ въ громадномъ родовомъ имѣньи, а по зимамъ пріѣзжаютъ въ Кіевъ. Сыновья ихъ учатся, а дочь начинаетъ выѣзжать. Ради этой дочери и приглашенъ домашній врачъ.

Странное, полубольное, экзальтированное, восторженное существо, дѣвушка-ребенокъ съ синими, какъ небо, глазами... Куда рвется ея неугомонная душа? Чего она ищетъ?

Эхъ! Надо бы отказаться отъ мѣста домашняго врача у Грабовскихъ... Но какъ-же это сдѣлать, когда и жить-то приходится почти исключительно на этотъ заработокъ. А деньги теперь такъ нужны. Эмуня все еще не можетъ оправиться, ребенокъ до сихъ поръ не окрещенъ... Они такъ и не поженились... Вышло это какъ-то само собою. Сначала объ этомъ не думалось. Потомъ для свадьбы понадобились документы Эмуни, а дядя ксендзъ не выдавалъ ихъ. Пришлось ходить по консисторіямъ, по губернаторскимъ переднимъ,—и только Грабовскій помогъ. И не Грабовскій, а она, крошка Катруся, которая своимъ чуткимъ сердцемъ подслушала его тревогу,—сама такая чистая, невѣдущая! И съ какимъ безпримѣрнымъ тактомъ сумѣла она навести разговоръ въ присутствіи ма-

Digitized by Google

тери такъ, что онъ повелъ къ откровенности со старой аристократкой, а потомъ къ ея покровительству...

И передъ нимъ изъ бѣловатаго тумана близившейся къ разсвѣту ночи выступила дѣвичья фигура въ своихъ неопредѣленныхъ и нѣжныхъ контурахъ—бѣлое платье, обнаженныя дѣтскія плечи, глаза съ выраженіемъ недѣтскаго страданія и этотъ, часъ тому назадъ прозвучавшій вопросъ:—„Мнѣ кажется, что врачи, какъ цари и пророки,—особые помазанники Божіи, потому что понимать страданія людей можетъ лишь тотъ, кто самъ много страдалъ... Вы очень несчастны, докторъ?“ И туманъ, свѣтлый туманъ поплылъ передъ его глазами.

Вдругъ чья-то рука легла на его плечо. Онъ вздрогнулъ, выронилъ папиросу и испуганно оглянулся. За нимъ стоялъ Барвинскій.

— Какъ, ты здѣсь, Игнатъ?

— Я поджидаю тебя давно. Днемъ былъ у Макшеева въ палатѣ и узналъ отъ него, что ты сегодня на вечерѣ у Грабовскихъ. Дорога у тебя одна—по Бульвару, я и рѣшилъ встрѣтить тебя и поговорить здѣсь.

— Что за таинственность!

— Прости. Но я въ Кіевѣ на самое короткое время, я очень спѣшу, и я пришелъ просить тебя,—не можешь ли ты вѣнчаться съ Эмуней завтра? Я, вѣдь, обѣщалъ ей быть шаферомъ на вашей свадьбѣ.

Кречетъ досадливо повелъ плечомъ и съ устъ его готовъ былъ сорваться рѣзкій отвѣтъ:—Ты знаешь, вѣдь, что я брака не признаю.

И вдругъ онъ почувствовалъ стыдъ, въ тысячу разъ большій, чѣмъ минуту тому назадъ, когда стыдился признаться передъ собою самимъ въ трусости, и, опустивъ голову передъ спокойными глазами друга, онъ тихо и просто сказалъ:

— Я на ней никогда не женюсь.

Барвинскій опустился на скамью рядомъ съ докторомъ, и оба молчали напряженно, тоскливо, долго.

— Прошу тебя, Остапъ, окрести мальчика завтра. Я хочу быть его крестнымъ отцомъ и дать ему свою фамилію, а кромѣ завтрашняго дня у меня больше не будетъ.

Совсѣмъ разсвѣло, когда докторъ добрался до своей квартиры. Онъ вошелъ безъ шума, отворивъ своимъ ключомъ, и перешагнулъ черезъ Илька, спавшаго на полу въ крошечной прихожей. Усталость морила молодого доктора и волненіе, вызванное впечатлѣніями послѣдней ночи, уступило мѣсто полному покою, почти изнеможенію.

Digitized by Google

Наскоро онъ сбросилъ съ себя фракъ и галстухъ и тихонько отворилъ дверь въ спальню. Въ углу въ широкомъ креслѣ съ ребенкомъ у груди сидѣла Эмуня, и при взглядѣ на ея помертвѣлое лицо и безумно расширенные глаза онъ понялъ, что она знаетъ все, знаетъ давно, что творится въ его душѣ, знаетъ, какая доля ждетъ ее и ребенка. И никогда въ минуты страстнаго увлеченія не была ему такъ дорога эта измученная жизнью женщина, какъ теперь, когда онъ сознавалъ, что покидаетъ ее. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, пошатнулся и со стономъ припалъ головою къ ея колѣнямъ.

А вечеромъ того-же дня у Кречета были крестины. Кумою была Рикордато. Она со свойственнымъ ей увлеченіемъ не поскупилась на „ризки“ новорожденному. По свѣтло-сѣрому, „дикому“ барежу разбросаны золотистые, затканные шелкомъ колосья. Чудо, какъ красиво! Макшеевъ, Хоменко, Наденька Коцюба и еще трое-четверо завсегдатаевъ собрались на это дружеское пиршество. Пришелъ и Карбовскій, хотя доктора и запрещали ему выходить послѣ захода солнца. Онъ такъ и сіялъ, такъ и цвѣлъ счастіемъ: нѣсколько дней тому назадъ сбылась мечта всей его жизни — онъ получилъ докторскій дипломъ и теперь собирался къ матери,—отдыхать на деревенскомъ привольѣ. Доктора не сказали новому коллегѣ, что онъ отдохнетъ надолго—навѣки подъ родными черешнями. Онъ сидѣлъ, какъ всегда, на продавленномъ диванѣ, кашлялъ, кутался въ гуньку и смотрѣлъ на всѣхъ со счастливой улыбкой, отъ которой у его друзей холодѣло на сердцѣ.

Хоменко принесъ Некрасовскій „Парадный подъѣздъ“ и его читали много разъ, читали, пока не заучили наизусть.

— Ну, и чудно, ну, и хорошо, твердилъ Макшеевъ,— а все-таки „Идеалы“ переживутъ и „Парадный подъѣздъ“, и слезы о народѣ, и самый народъ. Слушайте только! И, ставъ однимъ колѣномъ на табуретъ, онъ заговорилъ:

So willst du treuloss von mir wenden
Mit deinen goldnen Fantasien...

Эмуня пѣла.

Свѣтало. Барвинскій всталъ, чтобы уходить.

— Друзья мои! сказалъ онъ,—я прощаюсь съ вами навсегда. Вы всѣ знаете, что готовится... И, когда услышите, что повстанцы выступили въ лѣсъ, соберитесь всѣ вмѣстѣ, пейте чай и вино, пойте, говорите о поэзіи и счастіи, читайте Некрасова и Шиллера. Пусть это будутъ поминки по мнѣ, потому что я буду убитъ въ

Digitized by Google

первой-же стычкѣ, и ни креста, ни могилы у меня не будетъ... А вы, Эмуня,—онъ подошелъ къ ней и взялъ ея дрожащую руку,—когда будете спокойны и довольны жизнью... о, не хмурьтесь,—я не сказалъ „счастливы“,—только „довольны“, и увидите опять Сокиринцы,—поклонитесь отъ меня старому Бугу, поклонитесь нашей грушѣ.

— Нѣтъ! сказала Эмуня тихо и безнадежно,—я никогда не вернусь въ Сокиринцы, и я никогда не увижу старой обломанной груши.

И, какъ бывало дѣтьми послѣ общей вечерней молитвы на глазахъ матерей, они обмѣнялись прощальнымъ поцѣлуемъ на глазахъ друзей своихъ.

Второго мая 1863 года отрядъ Барвинскаго выступилъ въ лѣсъ. О подвигахъ этой горсти храбрецовъ долго потомъ ходили самые невѣроятные слухи. Достовѣрно никто ничего не зналъ, потому что ни одинъ изъ участниковъ не вернулся: сдержали ли они данную предводителю клятву или соблазнила ихъ близость австрійской границы,—но сдавшихся не было. О самомъ Барвинскомъ разсказывали, что онъ сражался съ безумною храбростью, и когда ему прострѣлили правую руку, схватилъ саблю въ лѣвую и бросился впередъ. И, когда скатилась его отрубленная голова, она долго твердила одно и то-же слово, лежа въ высокой лѣсной травѣ. И солдаты говорили, что слушать это было жутко и страшно.

Эти извѣстія узналъ докторъ Кречетъ у Грабовскихъ, гдѣ теперь проводилъ всѣ вечера. Онъ шелъ и думалъ о томъ, какимъ тяжкимъ ударомъ будетъ для Эмуни вѣсть о смерти друга. И, какъ въ день послѣдняго свиданія съ Барвинскимъ, онъ нашелъ ее въ темномъ углу спальни, неподвижную, съ ребенкомъ у груди. И по одному взгляду на ея лицо онъ догадался, что она уже знаетъ страшную новость.

Вдругъ въ немъ вспыхнула послѣдняя искра умирающаго чувства—страстная, безумная ревность къ давно нелюбимой, опостылѣвшей женщинѣ.

— Признайся, сказалъ онъ, наклоняясь къ самому ея лицу съ мучительной улыбкой,—не лги хоть теперь передъ лицомъ мертвеца,—ты меня никогда не любила, ты любила его?

И Эмуня повторила, какъ эхо:

— Я любила его.

Digitized by Google

Есть надъ Бугомъ гранитная скала. Отвѣсной стѣною поднимается она изъ рѣки и служитъ подножьемъ зеленому пригорку, покрытому густою зеленью. Столѣтнія темныя сосны осѣнили вершину и подъ ними темнѣетъ старая каплица съ развалившимся фронтономъ и сломаннымъ крестомъ. По обѣ стороны къ рѣкѣ сбѣгаютъ зеленыя волны зарослей березы, вишенъ, стройныхъ яворовъ и густолистой калины. А на вершинѣ скалы, тамъ, гдѣ растетъ одинъ сѣдой дикій чебрецъ, высится большой, бѣлый мраморный крестъ. Никто не знаетъ, чьи руки принесли и схоронили здѣсь обезглавленное тѣло, никто не помнитъ, чье имя высѣчено въ мраморѣ.

Старый Бугъ, какъ полвѣка тому назадъ, ластится съ тихимъ рокотомъ къ холодной гранитной скалѣ и бѣжитъ дальше,—къ чужому Черному морю, мимо старой груши, на которой аистъ вьетъ гнѣздо.

А маленькаго Игнатія Барвинскаго, не знавшаго ни родного, ни крестнаго отца, захлестнула жизненная волна и унесла къ другимъ людямъ, въ другой вѣкъ.

С. Караскевичъ.

Digitized by Google

Сорбонна и Россія.

(1717—1747 гг.).

(Перевелъ **I. Ю. Шр.**).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА VI.

Неудачи Жубэ.

Смерть Петра II.—Избраніе Анны Іоанновны.—Биронъ на вершинѣ власти.—Положеніе католиковъ.—Ладыженскій русскій іезуитъ.—Онъ переданъ въ распоряженіе синода, а затѣмъ сданъ въ солдаты.—Ледяной домъ.—Свадьба князя Михаила Голицына съ карлицей.—Жюбэ продолжаетъ свою дѣятельность.—Проектъ о новомъ исправленномъ изданіи „Responsum antopologeticum".—Изгнаніе Жюбэ.—Возвращеніе его въ Голландію.—Тайная переписка.—Дурное обращеніе Анны Іоанновны съ княгиней Долгоруковой.—Указъ императрицы.—Письмо Жюбэ къ императрицѣ Елисаветѣ-Христинѣ въ пользу княгини Ирины.—Заботы его о молодыхъ Долгоруковыхъ въ Парижѣ.—Переписка съ княземъ Сергѣемъ.

Въ то время, какъ Жюбэ всецѣло погрузился въ свою дѣятельность и отчасти въ свои мечтанія, произошло событіе, совершенно разрушившее его планы, а именно, скончался Петръ II, и на всероссійскій престолъ была избрана герцогиня Курляндская.

Произошло это въ январѣ мѣсяцѣ 1730 года. При дворѣ и въ семьѣ Долгоруковыхъ лихорадочно готовились къ блестящимъ празднествамъ по случаю бракосочетанія императора съ княжной Екатериной. Неожиданный трауръ смѣнилъ радостное настроеніе. Царь заболѣлъ сильной формой оспы, ко-

Digitized by Google

торой организмъ, истощенный кутежами, не могъ перенести. Надежда на исцѣленіе продолжалась недолго, и въ ночь съ 29 на 30 января царь скончался. Въ бреду онъ произносилъ имя Остермана, единственнаго лица, осмѣлившагося порицать его излишества, и княжны Натальи. „Закладывайте сани“, воскликнулъ онъ: „я поѣду къ сестрѣ“ и съ этими словами испустилъ духъ.

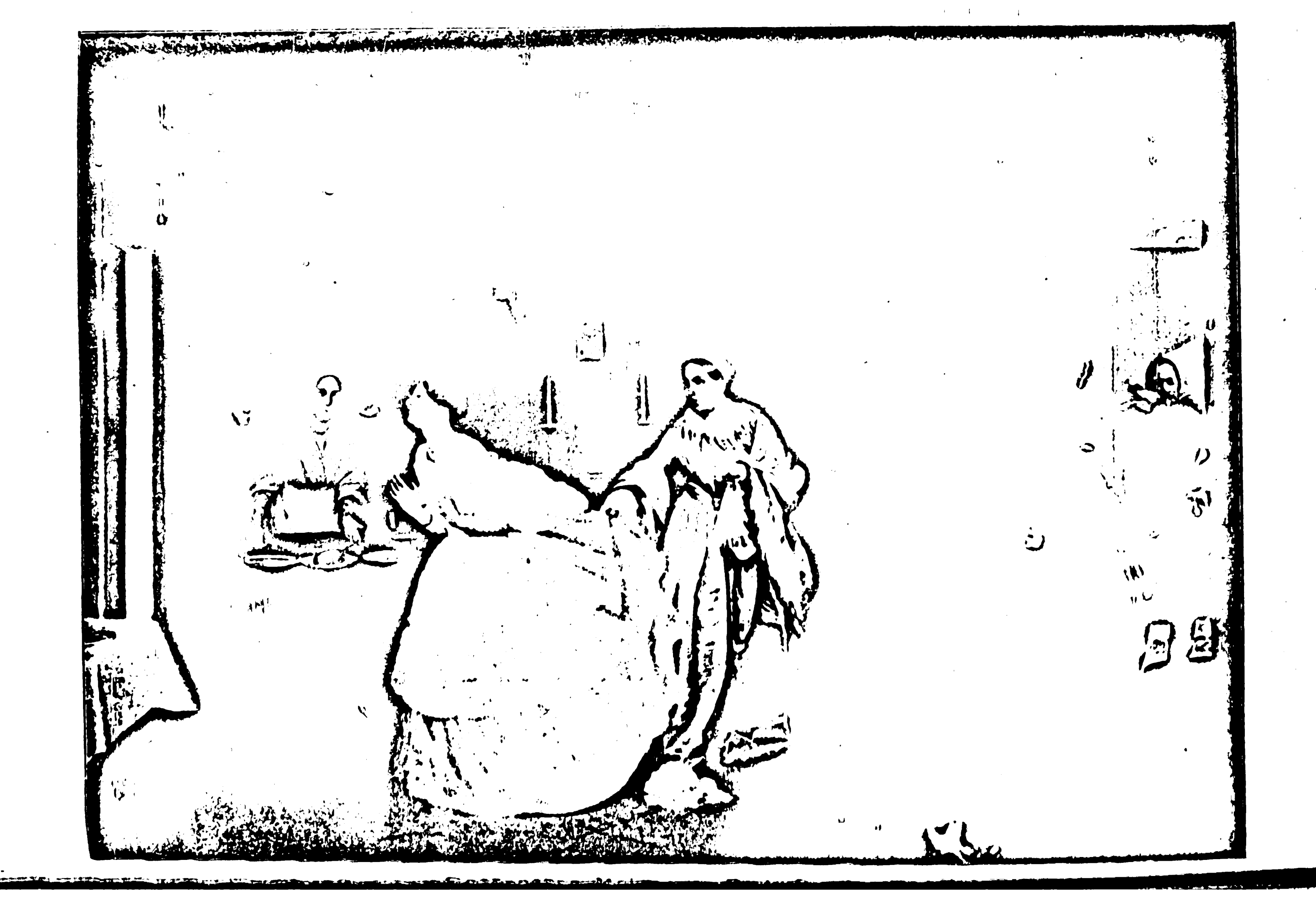
Съ Петромъ II прекратилось мужское потомство Романовыхъ. При вновь возникшемъ вопросѣ о престолонаслѣдіи для интригъ открылся широкій просторъ [1]). Нѣкоторые изъ членовъ Долгоруковской семьи пытались предъявить поддѣльное завѣщаніе, въ силу котораго корона переходила къ невѣстѣ покойнаго, но подобное странное требованіе было легко устранено. Не большимъ успѣхомъ у вельможъ, располагавшихъ тогда скипетромъ Россіи, пользовалась и дочь Петра I, а съ общаго согласія бразды правленія были переданы въ руки Анны, дочери Іоанна V [2]), вдовы герцога Курляндскаго, Фридриха. Извѣстный разсчетъ руководилъ этимъ выборомъ. Въ боярахъ, предки коихъ засѣдали въ царской думѣ, воспрянулъ славянскій духъ. Имъ наскучилъ деспотизмъ, управлявшій ими въ трехъ различныхъ формахъ: во-первыхъ, человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ нагналъ на нихъ ужасъ, во-вторыхъ, женщина низкаго происхожденія поручила веденіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ самодуру-выскочкѣ, и, въ-третьихъ, отрокъ, окружавшій себя фаворитами и интригою. Руководствуясь подобными уроками и личными интересами, было рѣшено дать Россіи хартію, которая ограничивала бы царскую власть въ пользу вельможъ. Для того, чтобы сразу добиться этой уступки, необходимо было вручить корону лицу, не обладавшему неоспоримымъ на нее правомъ и потому податливому на всякія требованія. Въ этомъ положеніи находилась Анна Іоанновна, не отказавшаяся, понятно, отъ предложенной сдѣлки. Но, очутившись въ Москвѣ и увидѣвъ разъединенность дворянства и сильную партію приверженцевъ самодержавія, она рѣшительно порвала условіе, подписанное ею въ Митавѣ. Возстановленное такимъ образомъ

---

[1]) Главнѣйшіе документы о смерти Петра II и восшествіи на престолъ Анны Іоанновны были уже давно изданы. Однимъ лишь неизданнымъ источникомъ являются депеши французскаго агента въ Москвѣ, Виллярдо. F. Clairembault № 531.

[2]) Іоаннъ V былъ братомъ Петра I.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

самодержавіе стоило Россіи ужасныхъ испытаній втеченіе десяти лѣтъ.

Въ прошломъ новой императрицы имѣлись данныя, не обѣщавшія ничего хорошаго въ будущемъ. Тутъ слѣдуетъ напомнить о незавидной роли Бестужева, а также о Биронѣ, покорившемъ ея сердце уже по пріѣздѣ ея въ Москву и ставшемъ вскорѣ вершителемъ всѣхъ дѣлъ и тираномъ для имперіи. Цѣлыхъ потоковъ слезъ и крови стоили Россіи любовныя похожденія императрицы. Берейторъ темнаго происхожденія, неожиданно попавшій въ оберъ-камергеры, не обладалъ ни малѣйшимъ достоинствомъ, способнымъ извинить присущіе ему пороки. Личный интересъ руководилъ всѣми его дѣйствіями. Будучи кальвинистомъ и курляндцемъ, онъ не скрывалъ своей глубокой ненависти къ русскимъ и презрительнаго отношенія къ ихъ церкви. Благодаря ему, нѣмецкая партія достигла апогея своей власти. Въ его рукахъ были и первыя придворныя должности, и командованіе войсками, и блестящія посольства, тогда какъ русскимъ пришлось отойти на второй планъ, а противники протестантства были подвержены гоненіямъ. Роль же императрицы въ управленіи сводилась къ нулю. Легкомысленная въ занятіяхъ, она погрузилась совершенно въ удовольствія, окружила себя блескомъ и роскошью, заставляла лицъ княжескаго происхожденія высиживать куриныя яйца и низводила бояръ до жалкой роли шутовъ.

Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ положеніе католиковъ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ и ненадежнымъ. Въ виду немногочисленности, къ нимъ не примѣнили одной общей мѣры, но исторія упоминаетъ о двухъ частныхъ случаяхъ, въ достаточной степени обрисовывающихъ тогдашнее къ нимъ настроеніе правителей и служащихъ доказательствомъ неудачъ, которыя постигли Жюбэ и Долгоруковыхъ.

Здѣсь намъ придется упомянуть объ одномъ русскомъ іезуитѣ. Когда русская армія въ 1733 году вступила въ Польшу, съ цѣлью низложенія Станислава Лещинскаго, волей народа провозглашеннаго королемъ, и замѣщенія его Саксонскимъ курфюрстомъ, обѣщавшимъ корону Курляндскаго герцогства Бирону, русскіе нашли въ Вильнѣ своего соотечественника, дворянина, который, покинувъ родину, отрекся отъ свѣта для того, чтобы сдѣлаться католикомъ и іезуитомъ.

Digitized by Google

Звали его Алексѣемъ Ладыженскимъ [3]); въ то время онъ исправлялъ священническія обязанности въ столицѣ Литвы. Подвергнутый аресту, вопреки международному праву, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ, оставивъ послѣ себя хорошія воспоминанія у всѣхъ его знавшихъ, тщетно старавшихся отыскать его слѣды въ Россіи. Боязнь за его судьбу охватила всѣхъ, когда пронесся слухъ, что онъ подвергнутъ тюремному заключенію. Несмотря на ходатайство передъ Анной Іоанновной Августа III и дипломатическую ноту его министра Брюля къ русскому послу Кайзерлингу, свѣдѣній о Ладыженскомъ добыть было нельзя. Лишь въ 1877 году лучъ свѣта проливается на все это дѣло. Изъ указа императрицы Анны, даннаго 1 іюня 1737 года на имя военной коллегіи, мы извлекаемъ слѣдующее [4]): Ладыженскій былъ переданъ въ распоряженіе святѣйшаго синода, который приказалъ его бить кнутомъ, затѣмъ предписалъ военнымъ властямъ отправить его въ Сибирь подъ стражей и тамъ, несмотря на его священническій санъ, сдать въ солдаты въ Тобольскѣ или иномъ мѣстѣ, причемъ ему строжайше запрещено было проститься передъ отъѣздомъ съ родными и имѣть съ кѣмъ бы то ни было сношенія.

Другой случай, достойный упоминанія, представляется еще въ болѣе грустномъ видѣ. Зима въ 1739—40 годъ выдалась въ Россіи особенно суровая, и въ одинъ изъ самыхъ морозныхъ дней скованная крѣпкими оковами Нева могла бы удивиться, увидѣвъ дворецъ, какъ бы воспрянувшій изъ ея застывшихъ волнъ. Шесть пушекъ и мортира охраняли къ нему доступъ, вокругъ имѣлась изящная рѣшетка, по бокамъ воздвигнуты были двое воротъ, украшенныя цвѣтами, апельсинными деревьями и кустами, невдалекѣ высились двѣ пирамиды, направо—постройка для бани, налѣво отъ него виднѣлся громадный слонъ съ вожатымъ, при двухъ персахъ-проводникахъ. Помѣщеніе главнаго зданія, имѣвшаго два входа и четырнадцать оконъ, состояло изъ трехъ комнатъ,

---

[3]) Ладыженскіе происходили отъ знаменитаго шведа, по имени Облагиня, явившагося въ Россію въ 1375 году. Къ тому же происхожденію причисляются Глѣбовы, Аладуровы, Клементьевы и Чепчуговы. Одному изъ Ладыженскихъ было разрѣшено въ царствованіе Павла I носить фамилію и титулъ своего дѣда, съ материнской стороны, князя Ромодановскаго, родъ коего угасъ въ мужскомъ поколѣніи. См. Долгорукова.

[4]) „Русскій Вѣстникъ“, декабря 1877 г., стр. 66. Г-ну Зиссерману удалось отыскать этотъ документъ въ Петербургѣ въ архивѣ военнаго министерства.

Digitized by Google

роскошно меблированныхъ. Въ нихъ можно было видѣть каминъ, статуи, кресла, два стола съ канделябрами, карточные столы, зеркала, башенные и столовые часы, шкафъ со всѣми необходимыми вещами, наконецъ, нарядную кровать, съ двумя ночными колпаками на подушкахъ, съ двумя парами туфель на табуретахъ. Всѣ эти великолѣпія, начиная со слона и кончая часами, были сдѣланы изо льда, но такъ искусно, что иллюзія получалась полная [5]). Кто бы могъ вообразить, что подобный истинно-сѣверный капризъ властелинши сольется съ проявленіемъ жестокаго варварскаго дѣянія? Тѣмъ не менѣе фактъ этотъ совершился. Михаилъ Голицынъ [6]), наслѣдникъ знатнаго рода, былъ приговоренъ отпраздновать свою свадьбу въ ледяномъ дворцѣ съ карлицей темнаго происхожденія, обладавшей единственнымъ достоинствомъ смѣшными кривляніями увеселять императрицу. Преступленіе, совершенное Голицынымъ, было аналогичнымъ преступленію Ладыженскаго: онъ перешелъ за границей въ католичество.

Понятно, что, находясь въ странѣ, гдѣ правительство прибѣгало къ подобнаго рода возмездіямъ, Жюбэ было жутко. Освоившись съ ударами судьбы, онъ внимательно приглядывался къ событіямъ, накоплявшимъ надъ его головой тучи. Уже съ марта мѣсяца 1730 года онъ проситъ отложить пріѣздъ въ Россію одного наставника; послѣ бурнаго свиданія княгини Долгоруковой съ императрицей, происшедшаго въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, всѣ его иллюзіи должны были разсѣяться, и Жюбэ извѣщаетъ, что вскорѣ наступитъ катастрофа, для предотвращенія коей проситъ возносить соотвѣтствующія молитвы; въ августѣ онъ подумываетъ о томъ, какъ бы укрыться въ безопасномъ мѣстѣ и уѣхать изъ страны, лишь только Провидѣніе дастъ ему на это возможность. Надо, однако, отдать ему справедливость, что даже во время разразившейся грозы и въ предвидѣніи грядущихъ бѣдствій онъ безбоязненно продолжалъ работать въ пользу своего дѣла: онъ не только раздавалъ книги о пропагандѣ и настаивалъ на опроверженіи брошюры Бюддэ противъ Сорбонны, но, втеченіе этого тревожнаго времени завязалъ съ русскими архіереями сно-

[5]) Описаніе „Ледяного Дома“ съ научной точки зрѣнія имѣется въ брошюрѣ профессора Крафта, изданной въ Петербургѣ въ 1741 году: Wahrhafte und Umstaendliche Abbildung des in Monath Januarius 1740 in St.-Petersburg aufgerichteten merckwürdigen Hauses von Eiss.

[6]) См. „Русскую Старину“, т. VII стр. 346, 347, 351, 352 и „Записки Московскаго Историческаго Общества“, 1865, т. III, стр. 46.

Digitized by Google

шенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма серьезныя, о которыхъ впрочемъ нельзя имѣть рѣшительнаго сужденія вслѣдствіе скудости дошедшихъ до насъ свѣдѣній. Данныя эти указываютъ на то, будто въ Парижѣ подыскали, наконецъ, формулу для соединенія съ русской церковью, что нѣкоторые изъ архіереевъ, видимо, склонялись принять ее, что тѣмъ не менѣе приходилось преодолѣть нѣкоторыя препятствія и разсѣять нѣкоторыя сомнѣнія, въ особенности по вопросу о происхожденіи Св. Духа. Другихъ подробностей въ письмахъ Жюбэ не содержится, а предположенія не могутъ замѣнить исторической достовѣрности, и этотъ прискорбный пробѣлъ могъ бы быть заполненъ лишь записками Жюбэ, найти которыя, послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ, до сихъ поръ не удалось.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1731 года въ умѣ Жюбэ возникаетъ еще новый, довольно важный проектъ. Такъ какъ сочиненіе Риберы „Responsum antapologeticum“ печаталось въ Вѣнѣ полатыни, то являлось необходимымъ выпустить его въ Россіи тайнымъ образомъ русскимъ изданіемъ. Жюбэ, рѣшивъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей, написалъ заграничнымъ друзьямъ 9 мая 1731 года слѣдующее: „Въ Австріи, въ Вѣнѣ, на-дняхъ оканчивается печатаніемъ по-латыни книга о догматахъ греко-русской церкви, написанная въ видахъ примиренія. Сочиненіе это принадлежитъ перу отца Риберы, гасконскаго доминиканца, состоящаго посольскимъ священникомъ при герцогѣ де-Лирія, но его ультрамонтанскіе взгляды по вопросу о непогрѣшимости папы и о возможности совмѣстнаго причащенія, несмотря на усилія измѣнить свои воззрѣнія,—могутъ лишь причинить много зла. Постарайтесь какъ можно скорѣй прислать это изданіе, съ нужными по вашему усмотрѣнію исправленіями, для пользы этой церкви, мнѣ же, по крайней мѣрѣ, удастся добавить таковыя къ русскому, имѣющему появиться изданію, если только не помѣщу ихъ въ самомъ текстѣ. Въ ожиданіи присылки изъ Вѣны этого сочиненія, я, съ своей стороны, стану работать надъ этимъ вопросомъ...“ [1]). Изъ этого письма явствуетъ, что Жюбэ предполагалъ продолжать свою апостольскую дѣятельность во время Бирона, когда распространеніе посреди русскихъ подобной книги было дѣломъ чрезвычайно опаснымъ.

[1]) Bibl. nat. de Troyes № 2156.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе положеніе вещей не могло оставаться въ томъ же видѣ. Новое правительство относилось подозрительно къ католическому священнику, вращающемуся въ русскомъ обществѣ. Какой бы тайной онъ ни окружалъ свои сношенія, по временамъ открывались данныя, изобличавшія его дѣятельность, а это являлось совершенно достаточнымъ поводомъ для того, чтобы принять противъ Жюбэ строгія мѣры. По его словамъ, у императрицы былъ созванъ совѣтъ относительно него. Болѣе вѣроятнымъ и вполнѣ дознаннымъ является тотъ фактъ, что въ августѣ 1731 года онъ получилъ въ такой рѣзкой формѣ приказаніе покинуть домъ Долгоруковыхъ и уѣхать изъ края, что энтузіазмъ, питаемый къ нему друзьями-дипломатами, быстро остылъ: ни одинъ изъ иностранныхъ министровъ, за исключеніемъ г-на Виллярдо, и не подумалъ о томъ, чтобы предложить ему хотя бы временный пріютъ въ своемъ домѣ. Это обстоятельство тѣмъ не менѣе не обезкуражило Жюбэ, изобрѣтательный умъ котораго далъ ему возможность тянуть переговоры до первыхъ мѣсяцевъ слѣдующаго года. Но, наконецъ, насталъ моментъ, когда пришлось повиноваться приказу. По прибытіи въ Варшаву 18 марта, послѣ утомительнаго и соединеннаго съ опасностью путешествія, онъ, перенеся мысленно взоры на желтѣющую ниву, жатвою съ которой не успѣлъ воспользоваться, вылилъ свою горечь въ слѣдующихъ суровыхъ словахъ: „Можно сказать вообще, пишетъ онъ своимъ друзьямъ,—что предпріятіе было чрезвычайно труднымъ, въ виду постоянныхъ революцій и необычайнаго самодержавія въ странѣ, въ которой князья представляютъ лишь изъ себя знатныхъ рабовъ, наравнѣ съ народомъ и съ крещеными крестьянами; одинъ Господь Богъ всѣхъ насъ охранялъ и поддерживалъ посреди столькихъ опасностей“ *). Такимъ образомъ, какъ дымъ, разсѣялись всѣ великіе помыслы по вопросу о соединеніи русской церкви съ римской, о чемъ такъ хлопотала Сорбонна. Ея посланецъ потерпѣлъ въ Москвѣ полную неудачу.

По возвращеніи въ Голландію, Жюбэ не переставалъ интересоваться Россіей вообще и семействомъ Долгоруковыхъ въ особенности. Недостатка въ мотивахъ для этого у него не было. Жестокіе удары судьбы посыпались на новообращенныхъ, такъ радушно его пріютившихъ. Они попали въ немилость, распространившуюся съ воцареніемъ Анны на весь почти родъ Долгоруковыхъ, низвергнутыхъ съ высоты своего величія.

*) Тамъ же.

Digitized by Google

Князь Сергѣй, никогда не игравшій выдающейся роли, былъ сосланъ съ женою и дѣтьми въ свои помѣстья. Ссылка эта была местью политической, но княгинѣ Иринѣ, кромѣ того, пришлось перенести, вслѣдствіе перемѣны религіи, много другихъ испытаній. Императрицѣ нетрудно было узнать ея тайну. Жюбэ, на своемъ условномъ языкѣ, такъ описываетъ аудіенцію княгини у Анны Іоанновны: „Мѣхъ (императрица) говоритъ, что бульваръ (католическая вѣра) представляетъ изъ себя дьявольскую вещь, что каждая религія, при ближайшемъ съ ней знакомствѣ, оставляетъ въ вѣрованіяхъ каждаго свой слѣдъ. На этихъ дняхъ мѣхъ говорилъ шубѣ (княгинѣ Иринѣ), что послѣдняя по всѣмъ вѣроятіямъ получала часто письма отъ г-жи Изора (оверлская принцесса), и что она знаетъ о дружбѣ, существующей между ними! Вы лжете, отвѣтила ей та, на что другая возразила, что она не получила ни одного письма со времени барки (Рига)“ [9]).

Передъ отъѣздомъ въ ссылку княгинѣ Иринѣ пришлось вынести еще одное горькое униженіе. Здѣсь мы предоставимъ слово Петру Долгорукову, слогъ котораго совершенно подходитъ подъ драматизмъ описываемой сцены. „Передъ отъѣздомъ ихъ изъ Москвы (князя Сергѣя и его жены)“, говоритъ въ своихъ запискахъ упомянутый авторъ, „императрица Анна приказала позвать къ себѣ мою прапрабабку съ цѣлью сдѣлать ей выговоръ за переходъ въ католичество. Пріемъ произошелъ въ комнатѣ фрейлинъ, рядомъ съ кабинетомъ императрицы. Когда, согласно этикету, моя прапрабабка наклонилась, чтобы поцѣловать руку у имератрицы, послѣдняя оглушила ее сильной пощечиной, осыпала ее площадными ругательствами и закончила аудіенцію словами:— *пошла вонъ, мерзавка*“ [10]).

„Въ 1732 году не сама государыня, а нѣкій субалтернъофицеръ старается поколебать вѣрованія Ирины Петровны. Представьте себѣ положеніе знатной дамы, отъ которой солдатъ, дѣйствуя именемъ императрицы, требовалъ, чтобы она

---

[9]) Націон. Библ. въ Тройѣ, № 2229, 17.

[10]) „Записки князя Петра Долгорукова“, I, стр. 364. Записки эти будутъ приводиться еще впослѣдствіи. На нихъ счетъ имѣются два мнѣнія: Пекарскій полагалъ, что, по причинѣ своего анекдотическаго содержанія, онѣ должны подвергнуться строгой критикѣ, Корсаковъ же, спеціально занимающійся въ настоящее время эпохой Анны Іоанновны, признаетъ, что увѣренія Долгорукова вполнѣ соотвѣтствуютъ современнымъ документамъ, хранящимся въ архивахъ. „Древняя и новая Россія“, 1879 г., т. I.

Digitized by Google

исповѣдалась у русскаго священника и причастилась". Вотъ въ какомъ состояніи находилась свобода совѣсти при Аннѣ Іоанновнѣ! Генералъ Ушаковъ, проводившій все свое время въ жестокомъ обращеніи съ лицами виновными и подвергавшій пыткѣ невинныхъ, явился однажды къ княгинѣ со словеснымъ указомъ императрицы, состоявшимъ въ томъ, что, „въ виду неимѣнія у нея духовника для исповѣди и причастія, ея императорское величество сама пришлетъ ей таковаго" [11]). И дѣйствительно, въ тотъ же день къ ней явился іеромонахъ, профессоръ кадетскихъ корпусовъ, Лука Конашевичъ, который въ рапортѣ своемъ говоритъ, что княгиня перешла въ католичество въ Голландіи, гдѣ, заболѣвъ, не имѣла возможности обратиться къ русскому священнику.

Подобныя мѣропріятія правительства могли напугать Жюбэ и возбудить въ немъ участіе въ пользу новообращенной.

Изъ многихъ мѣстъ его переписки явствуетъ, что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о всемъ происходившемъ и, искусный на всякія комбинаціи, придумалъ слѣдующее. Такъ какъ ранѣе императрица Елисавета-Христина интересовалась княгиней Долгоруковой, а съ другой стороны янсенистская партія имѣла доступъ къ вѣнскому двору, Жюбэ вообразилъ, что ему можно обратиться къ этой августѣйшей особѣ. 28 апрѣля 1737 года онъ написалъ письмо императрицѣ, въ началѣ коего напоминаетъ о себѣ, а затѣмъ приступаетъ съ просьбой по дѣлу княгини Долгоруковой [12]). Вторая часть письма, къ несчастію, не сохранилась для потомства, въ первой же онъ уклоняется отъ истины, величая себя депутатомъ отъ Сорбонны, посланнымъ въ Москву по требованію русскихъ архіереевъ. На самомъ же дѣлѣ этого не было, такъ какъ вся иниціатива принадлежала однимъ лишь янсенистамъ.

Спустя немного, между 1742 и 1746 годами Жюбэ оказалъ еще одну услугу семейству Долгоруковыхъ. Двое сыновей князя Сергѣя, Александръ и Владиміръ, для окончанія образованія были отправлены въ Парижъ. Находясь въ то время въ окрестностяхъ столицы, Жюбэ часто бывалъ тайкомъ въ городѣ, навѣщалъ молодыхъ князей [13]) и проявлялъ какъ бы главный надзоръ за ихъ воспитаніемъ. Очевиднымъ подтвер-

---

[11]) Синодское дѣло, апрѣль и май 1746 г., о которомъ упоминаетъ Пекарскій.

[12]) Нац. Библ. въ Троѣ, № 2156.

[13]) Судебныя показанія князей Александра и Владиміра, о которыхъ упоминаетъ Пекарскій.

Digitized by Google

жденіемъ этого служитъ переписка Жюбэ съ княземъ Сергѣемъ. Два собственноручныхъ письма князя, изъ которыхъ видно, что были и другія, хранятся въ національной библіотекѣ въ Тройѣ [14]). Въ первомъ, помѣченномъ 10/21 января 1744 года, онъ благодаритъ Жюбэ за оказанныя услуги и сообщаетъ ему о тѣхъ наставленіяхъ, которыя преподалъ своимъ дѣтямъ по вопросамъ объ излишнихъ издержкахъ, о вредныхъ товарищахъ и вообще о тѣхъ частыхъ подводныхъ скалахъ, которыя попадаются въ бурномъ житейскомъ морѣ. Но въ другомъ письмѣ, помѣченномъ 3/14 ноября того же года, просвѣчиваетъ грустное настроеніе. Юноши, не послушавъ отцовскаго голоса, въ пылу молодости, бросились, очертя голову, въ вихрь свѣтской жизни, причемъ всѣ удовольствія оплачивались путемъ займовъ. Отецъ былъ сильно этимъ огорченъ, далъ Жюбэ финансовую инструкцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ подумывалъ о томъ, какъ бы помѣстить дѣтей въ какое-либо исправительное заведеніе, не давать имъ денегъ на руки, обращаться съ ними строго, давать имъ скромную пищу, въ видѣ хлѣба и воды. Впрочемъ, такое поведеніе ихъ, кажется, было временнымъ, такъ какъ Жюбэ имѣлъ возможность вскорѣ разсѣять родительское горе, увѣдомивъ, что молодые люди покаялись и усердно занялись изученіемъ военнаго искусства подъ руководствомъ кавалера Фоллярда, который очень доволенъ ихъ успѣхами и надѣется сдѣлать изъ нихъ въ недалекомъ будущемъ искусныхъ полководцевъ [15]).

Таковы всѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать по вопросу о сношеніяхъ Жюбэ съ Долгоруковыми послѣ его отъѣзда изъ Россіи.

Эпилогъ.

Кончина Жюбэ.—Его духовное завѣщаніе.—Планы княгини Долгоруковой.—Кончина ея въ 1751 году.—Дѣти княгини Ирины.—Ссылка кіевскаго архіепископа Вонатовича.—Анонимное сочиненіе, направленное противъ Ѳеофана.—Заключеніе тверского архіепископа Лопатинскаго сначала въ Выборгскую крѣпость, а затѣмъ въ Петербургскую.—Помилованіе его.—Кончина архимандрита Колетти въ крѣпости.—Заключеніе.

Яковъ Жюбэ, так называемый де-ля-Куръ, умеръ въ Парижѣ, въ больницѣ, 20 декабря 1745 года. За нѣсколько

---

[14]) № 2383, 17.

[15]) Нац. Библ. въ Тройѣ, № 2229, 143.

лѣтъ до своей смерти, а именно 14 іюля 1738 года, онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, какъ ярый янсенистъ, изложилъ свое вѣрованіе. Увѣряя о своемъ подчиненіи католической церкви и видимому ея главѣ, онъ съ негодованіемъ отрицаетъ буллу „Unigenitus“, продолжаетъ настаивать на разсмотрѣніи ея во время предстоящаго собора и, наконецъ, взываетъ къ молитвамъ праведниковъ, къ которымъ причисляетъ „благочестиваго діакона Франциска де-Париса, въ добродѣтеляхъ коего я убѣдился, говоритъ онъ, во время пребыванія его въ Анверѣ“. Втеченіе своей долгой дѣятельности Жюбэ не думалъ о скопленіи денегъ, а потому и умеръ почти въ полной нищетѣ. Похоронили его въ приходской церкви Св. Северина.

Семьѣ князя Сергѣя Долгорукова, судьба которой была неразрывно связана съ Жюбэ, пришлось испытать всякія невзгоды. При воцареніи Анны, когда одно лишь имя Долгоруковыхъ составляло преступленіе, князь Сергѣй съ женой и дѣтьми былъ сосланъ на житье въ деревню, но такъ какъ, не играя выдающейся роли, онъ ни въ чемъ не былъ замѣшанъ, то конфискація не коснулась его имѣній. Петръ Долгоруковъ, изъ записокъ котораго мнѣ придется приводить дальнѣйшія подробности, намекаетъ на одно обстоятельство, на которомъ надо остановиться. Онъ утверждаетъ, что іезуиты и католическіе священники ограбили, вмѣсто Бирона, княгиню Ирину. Заявленіе это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Ни одинъ изъ іезуитовъ не имѣлъ доступа къ княгинѣ Иринѣ, а потому и обвиненіе въ ея ограбленіи является неосновательнымъ. Что же касается католическихъ священниковъ, то насколько мнѣ извѣстно, одинъ лишь Жюбэ де-ля-Куръ имѣлъ съ ней сношенія, а потому, если бы онъ дѣйствовалъ въ указанномъ смыслѣ, ему не пришлось, конечно, умереть въ больницѣ. Теперь же предоставимъ слово Петру Долгорукову, сообщающему подробности о послѣднихъ годахъ жизни его прапрабабки, причемъ правдивость всего разсказа лежитъ вполнѣ на его совѣсти.

„Во время царствованія Елисаветы“, такъ говоритъ Петръ Долгоруковъ, „она (княгиня Ирина) и ея супругъ вернулись въ Петербургъ и, благодаря іезуитамъ и католическимъ священникамъ, очутились въ полнѣйшей бѣдности. Императрица Елисавета, отличаясь большимъ ханжествомъ, потребовала отъ княгини Ирины полнаго отреченія отъ католической религіи. Не смѣя ослушаться императрицы, моя прапрабабка

Digitized by Google

воспользовалась незнаніемъ латыни священника, посланнаго присутствовать при ея отреченіи, и убѣдила его, что оно будетъ дѣйствительнымъ лишь по произнесеніи нужныхъ словъ на этомъ языкѣ. Затѣмъ она съ просіявшимъ лицомъ стала говорить по-латыни рѣчь, въ которой торжественно, положительно и безвозвратно отреклась... отъ вѣры лютеранской (которой никогда не исповѣдывала), императрица же говорила всѣмъ: „*Я увѣрена, что Ирина Долгорукова мнѣ очень предана; она поспѣшила отречься отъ папизма и вернулась въ лоно православія!*" Но такъ какъ княгинѣ Иринѣ было трудно выполнять обрядности исповѣдуемой религіи, то она обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей заграничнаго путешествія. Въ это время стали уже ходить слухи о ея ложномъ отреченіи, въ паспортѣ ей было отказано, и она подверглась строгому надзору въ Москвѣ, гдѣ и поселилась. Тогда, съ цѣлью тайнаго отъѣзда черезъ Смоленскъ и Польшу въ Римъ, она начала собирать свои послѣднія крохи и уже назначила день, но, неожиданно заболѣвъ, скончалась 28 ноября 1751 года, на 52-мъ году жизни. Тѣло ея покоится въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ.

„Супругъ ея, мой прапрадѣдъ, князь Сергѣй Петровичъ, десятью годами пережилъ ее. Послѣ ея смерти онъ былъ посломъ въ Константинополѣ и президентомъ коммерцъ-коллегіи, мѣстахъ весьма доходныхъ, на которыхъ онъ отличился своей честностью. Двое изъ братьевъ моего прадѣда, Николай и Александръ были людьми посредственными, старшій же, Владиміръ Сергѣевичъ, обладалъ большимъ умомъ, образованіемъ и многими серьезными достоинствами. Будучи искуснымъ дипломатомъ, онъ одновременно былъ человѣкомъ всѣми уважаемымъ, сердечнымъ, честнымъ, умѣвшимъ быть всегда на высотѣ своего положенія, что не легко достигалось въ то время въ Россіи. Получивъ отличное образованіе, онъ поступилъ въ инженерныя войска, но вскорѣ, благодаря благородству своихъ поступковъ, попалъ въ немилость къ всесильному Петру Шувалову. Временщикъ обидѣлся, что князь Владиміръ не захотѣлъ встать въ ряды его приспѣшниковъ, и за это не давалъ ему по службѣ повышенія, такъ что мой прадѣдъ къ вступленію на престолъ Екатерины II, имѣя уже 45 лѣтъ отъ роду, достигъ лишь чина подполковника. Но Екатерина, обладавшая орлинымъ взоромъ, сразу отличала людей и оцѣнивала ихъ по достоинству. Миръ Россіи съ Пруссіей только что былъ подписанъ и, такъ какъ геніаль-

Digitized by Google

ность Фридриха равносильна была его смышленности и лукавству, предстояло къ его двору отправить лицо, способное занять блестящій и выдающійся, но весьма трудный постъ посланника. Императрица назначила на это мѣсто знаменитаго князя Николая Рѣпнина, одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя она дала ему порученіе, еще болѣе важное, а именно быть посломъ въ Варшавѣ. Графъ Кейзерлингъ, русскій посолъ въ Польшѣ, состарившійся, больной, никогда, впрочемъ, не отличавшійся энергіей, не могъ, несмотря на выдающійся умъ, быть на высотѣ своего положенія, во время наступающей кончины стараго короля Августа III, корону котораго Екатерина желала передать бывшему своему фавориту Понятовскому. Князь Владиміръ Сергѣевичъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ посланникомъ при дворѣ Фридриха II. Двадцать шесть лѣтъ онъ непрерывно занималъ этотъ важный постъ, даже послѣ смерти славнаго короля, всегда оказывавшаго ему уваженіе и благосклонность.

„Я хочу разсказать здѣсь одинъ анекдотъ, весьма извѣстный въ свое время и передаваемый мною безъ всякихъ комментаріевъ. Ханжество моей прапрабабки, католички княгини Ирины, преувеличенные поступки ея въ этомъ отношеніи, по обыкновенію повліяли въ обратномъ смыслѣ на членовъ семьи и другихъ близкихъ людей, присутствовавшихъ при ея чудачествахъ. Воспитанники священника Жюбэ, сыновья ханжи княгини Ирины, за исключеніемъ князя Александра, всѣ были людьми невѣрующими. Князь Владиміръ, наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга въ Берлинъ, ужиналъ съ княземъ Александромъ, собиравшимся тоже къ отъѣзду въ Мадридъ, куда онъ былъ назначенъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Братья дали другъ другу слово въ томъ, что тотъ, кто раньше умретъ, оповѣститъ другого о загробной жизни. Много лѣтъ спустя мой дѣдъ, состоявшій причисленнымъ къ русскому посольству въ Берлинѣ, замѣтилъ однажды утромъ, что дядя его былъ особенно опечаленъ, скученъ и озабоченъ. Въ отвѣтъ на вопросъ о здоровьѣ, тотъ сказалъ, что, проснувшись ночью, онъ увидалъ призракъ своего брата, произнесшаго слѣдующія слова: *братъ, вѣрь*. Позже мадридская почта принесла ему извѣстіе о кончинѣ брата послѣ непродолжительной болѣзни, послѣдовавшей въ тотъ самый часъ, когда онъ имѣлъ видѣніе. Я знавалъ лицъ, слышавшихъ этотъ разсказъ лично отъ князя Владиміра“ [1]).

[1]) Записки Долгорукова т. I, стр. 373 и слѣд.

Digitized by Google

Таковъ разсказъ Петра Долгорукова. Привелъ я его цѣликомъ потому, что записки являются единственнымъ источникомъ, откуда возможно почерпнуть подробныя свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ лицахъ, судьбой которыхъ читатель вправѣ былъ заинтересоваться.

Для того, чтобы завершить картину миссіи Жюбэ, остается дать свѣдѣнія о членахъ русскаго духовенства, которыхъ янсенистскій посланецъ считалъ наиболѣе благосклонными къ своимъ предложеніямъ. Выше мы видѣли, что главнымъ образомъ онъ разсчитывалъ на двухъ архіепископовъ, Вонатовича и Лопатинскаго, и архимандрита Колетти. Вонатовичъ уже въ 1730 году былъ низложенъ и сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь за то, что не провозгласилъ обычной благодарственной молитвы по случаю вступленія на престолъ императрицы Анны Іоанновны. Поступокъ этотъ послужилъ оффиціальнымъ предлогомъ, главная же вина состояла въ тѣхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыя онъ проявлялъ къ врагамъ Ѳеофана, а также въ духѣ оппозиціи, оказываемомъ новымъ реформамъ. Двое остальныхъ, благодаря случаю, повидимому, ничтожному, неожиданно подверглись ненависти Ѳеофана и впали въ бѣдствіе.

Старая московская партія, всегда ожесточенная и ненавидящая Петра I, считавшая его антихристомъ, тѣмъ менѣе церемонилась съ Ѳеофаномъ, бывшимъ его злымъ геніемъ во время церковной реформы. Давно уже тайнымъ образомъ въ народѣ распространялись рукописи, въ которыхъ архіепископъ новгородскій представленъ былъ еретикомъ, виновникомъ раскола и въ которыхъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ была изображена его жизнь. Возбужденное по этому дѣлу слѣдствіе не успѣло еще окончиться, какъ уже имѣлось въ виду приступить къ другому, подобному, но болѣе серьезному. Полученное имъ однажды анонимное посланіе сильно взволновало его и побудило принять самыя строгія мѣры по отношенію къ своимъ врагамъ. Посланіе состояло изъ двухъ частей, записки и письма. Записка представляла изъ себя рѣзкую сатиру на реформы Петра I; всей Россіи предлагалось въ ней оплакивать горькими словами свою судьбу,—она подвержена нашествію ереси, нѣтъ больше въ ней патріарха, набожности, постовъ,—курятъ и нюхаютъ табакъ,—женятся на иновѣрныхъ и въ то время, какъ великіе міра сего утопаютъ въ блаженствѣ, народъ находится въ невозможности платить подати. Божья месть угрожаетъ императрицѣ Аннѣ, если она не по-

Digitized by Google

заботится объ отвращеніи зла. Къ запискѣ приложено было апокрифическое письмо воображаемаго папы Бенедикта къ Ѳеофану, помѣченное Римомъ отъ 25 ноября 1718 года. Въ немъ папа напоминаетъ Прокоповичу двойное обѣщаніе, которое тотъ сдѣлалъ св. Петру при поступленіи своемъ въ католическія школы, а именно, трудиться въ пользу римской церкви и преслѣдовать восточную церковь. Онъ въ льстивыхъ словахъ говоритъ о Лефортѣ и выражаетъ радость о томъ, что многія препятствія были устранены съ того времени, какъ Петръ уничтожилъ патріаршество, заключилъ супругу свою въ монастырь и предалъ смерти своего родного сына. Ѳеофану не трудно было понять, сколько горькой ироніи заключалось въ этомъ письмѣ на его счетъ. Найти автора этихъ посланій сдѣлалось его главной мечтой, самымъ страстнымъ желаніемъ, такъ что съ этого времени для него настала новая фаза жизни. Изъ реформатора духовенства, блестящаго оратора, ученаго теолога, литератора онъ становится простымъ полицейскимъ сыщикомъ. Анонимное посланіе, направленное лично противъ него, дѣлается въ его рукахъ *corpus delicti*, которому онъ придаетъ значеніе государственнаго заговора и грустныхъ предзнаменованій для церкви. Онъ посвятилъ всѣ свои досуги на допросъ предполагаемыхъ виновныхъ, показанія которыхъ разбираетъ по косточкамъ съ проницательностью, достойной лучшаго примѣненія. Все дѣло ведется въ тайной канцеляріи, въ угрожающей обстановкѣ при орудіяхъ пытки. Непремѣнными его сочленами были генералъ Ушаковъ и князь Черкасскій, люди, оставившіе въ исторіи неизгладимые слѣды крови и слезъ. Для насъ важно лишь установить одно,—что Ѳеофанъ, при желаніи обнаружить личныхъ враговъ, естественно натыкался на тѣхъ, которые склонялись къ соединенію церквей. Здѣсь мы еще разъ убѣждаемся, что петровскія реформы вызвали два теченія идей, изъ которыхъ одно совмѣстно съ Ѳеофаномъ склонялось къ протестантству, другое къ римскому католичеству. Чистовичъ весьма удачно схватилъ суть тогдашняго настроенія умовъ и старается объяснить всѣ нерѣшительныя мѣры, примѣнявшіяся втеченіе первой половины XVII столѣтія, недоразумѣніями и преувеличеніями [2]).

Во время всѣхъ этихъ судебныхъ изслѣдованій Ѳеофанъ придрался къ Лопатинскому и Колетти, которые оба его пережили, Прокоповичъ же сошелъ въ могилу, не успѣвъ разоблачить всецѣло замышляемыя противъ него козни. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ суть всѣхъ разслѣдованій.

---

[2]) Ѳеофанъ Прокоповичъ и проч., ст. 407.

Digitized by Google

Лопатинскій пріютилъ какъ-то въ своей Тверской епархіи и сдѣлалъ игуменомъ монаха, по имени Іосифа Решилова, котораго Ѳеофанъ заподозрилъ въ причастности къ дѣлу объ анонимномъ посланіи. Этого подозрѣнія оказалось достаточнымъ для заключенія несчастнаго подъ стражу. По мѣрѣ того, какъ онъ выдавалъ своихъ соучастниковъ, тверской архіепископскій дворецъ понемногу пустѣлъ и обитатели его препровождались въ темницы тайной канцеляріи. Вскорѣ наступила очередь и архіепископа. 10 апрѣля 1735 года изъ Петербурга прибылъ курьеръ съ письмомъ на имя Лопатинскаго и предложилъ ему втеченіе трехъ часовъ времени составить въ своемъ присутствіи отвѣтъ на него, не трогаясь съ мѣста и ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Та же процедура произошла съ другимъ курьеромъ, прибывшимъ 22 апрѣля. Такъ какъ отвѣты, данные архіепископомъ, показались неясными, то онъ былъ принужденъ явиться лично въ Петербургъ, гдѣ, находясь подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, подвергся новымъ допросамъ и, наконецъ, заявилъ клятвенно о томъ, что никогда не только не злоумышлялъ противъ императрицы, но и не отзывался неуважительно о ней. Слѣдствіе по этому дѣлу велось безпрерывно кабинетомъ министровъ до декабря 1736 г., и въ это время вся переписка по дѣлу Лопатинскаго была передана въ тайную канцелярію, а самъ онъ былъ заключенъ въ крѣпость, въ которой два года спустя постигло его большое несчастіе. Будучи обвиненъ въ весьма важныхъ преступленіяхъ, перечисленныхъ въ приговорѣ, въ видѣ переписки съ Решиловымъ и клятвопреступленіи на судѣ, онъ былъ наказанъ вѣчнымъ заключеніемъ въ Выборгскую крѣпость, подъ деннымъ и ночнымъ надзоромъ унтеръ-офицера и шести рядовыхъ, съ воспрещеніемъ сноситься съ кѣмъ бы то ни было и пользоваться чернилами и бумагою. Несмотря на достойное жалости положеніе, въ которомъ очутился тверской архіепископъ, судьба продолжала его преслѣдовать. Въ 1739 году на него появился новый доносъ, онъ снова былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ въ крѣпости снова сталъ влачить печальные дни. Лишь въ 1740 г. его помиловали и возвратили знаки отличія, присвоенные его сану. Навѣстившая его въ то время Елисавета, передъ своимъ восшествіемъ на престолъ, спросила его, знаетъ ли онъ ее? „Знаю“, отвѣчалъ старикъ: „ты отпрыскъ Петра Великаго“. Вслѣдствіе пережитыхъ испытаній и перенесенныхъ болѣзней онъ недолго пользовался дарованной свободой. Скончался онъ 6 мая 1741 года.

Digitized by Google

Болѣе тяжелая участь готовилась Колетти. Одинъ изъ его соотечественниковъ сдѣлалъ доносъ, обвиняя его въ тайномъ католичествѣ, въ томъ, что онъ наполнилъ часовню графа Мусинъ-Пушкина католическими образами, что, становясь на колѣни передъ алтаремъ, соединялъ какъ католики на груди руки, что всѣ замѣтки, которыми онъ обогатилъ Новый Завѣтъ, только что напечатанный въ Галле, проникнуты духомъ римской церкви, наконецъ, что онъ, повидимому, склонялся къ мысли, будто Духъ Святой настолько же происходитъ отъ Бога-Сына, насколько отъ Бога-Отца. Такъ какъ на религіозные вопросы было обращено особое вниманіе, то, вслѣдствіе процесса другого монаха, Колетти былъ арестованъ. 10 августа 1732 года онъ и принадлежавшія ему всѣ бумаги были уже въ рукахъ судей. Нетрудно было разоблачить сношенія его съ Риберой, переводъ отвѣта послѣдняго Буддэ, посѣщеніе его герцогомъ де-Лирія и веденіе съ нимъ тайной переписки. Отсюда въ умѣ Ѳеофана возникаетъ цѣлый рядъ подозрѣній. Не намѣревался ли Колетти совращать, по примѣру Риберы, православныхъ и содѣйствовать, по примѣру герцога де-Лирія, Стюартамъ? Слѣдствіе тянулось еще своимъ чередомъ, когда синодъ въ 1734 году назначилъ другого архимандрита въ монастырь, во главѣ котораго стоялъ обвиняемый, а императрица другого члена синода на его мѣсто. Такимъ образомъ Колетти, въ силу совершившагося, лишился занимаемаго положенія. Вскорѣ затѣмъ тайная канцелярія потребовала его разжалованія. Грустная эта церемонія была предвѣстіемъ пытокъ, которымъ онъ подвергся и которыми желали вырвать у него дополнительныя показанія. Конечныхъ подробностей всего дѣла у насъ не имѣется, но, согласно крѣпостному журналу, Колетти скончался въ концѣ 1738 или началѣ 1739 года.

Такимъ образомъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда Жюбэ, исчезли послѣдніе слѣды его пребыванія въ Россіи, послѣдніе признаки задуманнаго грандіознаго предпріятія. Вліятельныя лица, съ которыми онъ поддерживалъ сношенія, сошли въ могилу, не успѣвъ провести на дѣлѣ проектъ о соединеніи церквей, а, можетъ быть, даже и позабывъ о немъ.

Собравшіеся въ Петербургѣ, благодаря необычайному стеченію обстоятельствъ, католики разсѣялись во всѣ стороны свѣта, не надѣясь когда-либо свидѣться. Сорбонна и янсенисты окончательно отказались отъ своихъ видовъ на Россію.

П. Пирлингъ.

Digitized by Google

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ.

Ѳедотовъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русскаго искусства. Произведенія его въ техническомъ отношеніи имѣютъ недостатки, но тѣмъ не менѣе они составляютъ необходимую ступень въ развитіи не только русскаго искусства, но и русской культурной жизни вообще. Ѳедотовъ—типъ русскаго человѣка, стремящагося къ европейскому просвѣщенію въ то темное время, когда существовало еще крѣпостное право. Этимъ и объясняется постоянное сочувствіе общества какъ къ его личности, такъ и къ его дѣятельности. Ѳедотовъ жилъ и работалъ одновременно съ Ивановымъ, но при обстоятельствахъ, несравненно менѣе благопріятныхъ. Не обладая силами и твердостію характера Иванова, онъ быстро сошелъ въ могилу и далъ лишь немного произведеній, которыя, несмотря на мелкіе сюжеты, даютъ понятіе о крупной личности художника. Невольно каждому приходитъ на умъ мысль, что Ѳедотовъ сдѣлалъ бы гораздо больше, если бы прожилъ дольше, если бы не несчастныя обстоятельства его жизни.

Его жалкое существованіе такъ не соотвѣтствовало его душевнымъ стремленіямъ и художественнымъ увлеченіямъ, что онъ является типичнѣйшимъ представителемъ русскаго интеллигентнаго человѣка, заѣденнаго, что называется, средой. Трагическая его судьба и преждевременная смерть обратили на него особое вниманіе публики и сразу вызвали къ нему сочувствіе общества, видѣвшаго въ немъ жертву всѣхъ неурядицъ тогдашней русской жизни. Соединеніе идей общественной жизни съ судьбою Ѳедотова само собой напрашивалось уже потому, что все творчество Ѳедотова вращается въ кругѣ гражданскихъ мотивовъ, служащихъ основаніемъ всѣхъ его композицій, какъ въ немногихъ законченныхъ ве-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

щахъ, такъ и въ безчисленныхъ набросках. Да и по обстоятельствамъ своей жизни Ѳедотовъ является непосредственнымъ представителемъ русскаго общества. Онъ появился на художественномъ поприщѣ совершенно самостоятельно, внѣ всякаго правительственнаго предначертанія. Онъ явился вдругъ, невзначай и долженъ былъ всю жизнь чувствовать себя въ неловкомъ и непріятномъ положеніи человѣка, который пришелъ слишкомъ рано и для котораго мѣсто еще не приготовлено. Однако, и въ положеніи первой ласточки, которая весны еще не дѣлаетъ, Ѳедотовъ все-же пробился въ люди, заставилъ о себѣ говорить и получилъ, хотя и слишкомъ поздно, когда жизнь его была уже преждевременно окончена, и признаніе общества и славу. Талантъ великое дѣло, онъ дѣлаетъ чудеса, а у Ѳедотова былъ и талантъ и особое чутье, помогавшее ему угадывать потребности общества. Ѳедотовъ художникъ-публицистъ. Онъ избралъ тотъ особый родъ спеціальнаго, почти прикладного искусства, который, не исчерпывая всѣхъ задачъ живописи, оказался въ то время наиболѣе понятнымъ, а слѣдовательно, и нужнымъ русскому обществу.

Произведенія Ѳедотова въ сатирической формѣ начинаютъ длинный рядъ картинъ на сюжеты изъ русскаго быта. Имъ даны были первые образцы разработки гражданскихъ мотивовъ въ произведеніяхъ живописи и затѣмъ жанръ этотъ распространился въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и занялъ одно время первенствующее мѣсто въ русскомъ искусствѣ.

Русское общество выучилось понимать и начало любить и цѣнить произведенія живописи именно на картинахъ этого рода. Не имѣя еще такого художественнаго развитія, чтобы понимать всякіе образцы общечеловѣческаго творчества, получая чаще всего плохія подражанія геніальнымъ оригиналамъ мастеровъ въ видѣ академическихъ казенныхъ работъ, русская публика, въ массѣ, не могла увлекаться классическимъ искусствомъ. Оно было для нея чуждо. Напротивъ, въ картинахъ изъ русской обыденной жизни русскій средній человѣкъ видѣлъ свою родную обстановку и такимъ образомъ, благодаря сюжету, признавалъ и искусство художника своимъ роднымъ.

Жанръ, т. е. изображеніе сценъ обыденной жизни, самый примитивный видъ искусства. Зрителя прежде всего забавляетъ видѣть на полотнѣ сцены, людей, животныхъ, которые ему хорошо знакомы, которыхъ онъ видитъ каждый день. Поэтому вездѣ развитіе школы

Digitized by Google

живописи начиналось съ реалистическаго направленія. Такъ оно было и у насъ. Художественное значеніе произведеній жанра заключается исключительно въ блескѣ ихъ исполненія. Качествомъ этимъ работы Ѳедотова не отличались и потому они, казалось, должны бы остаться навсегда на второмъ планѣ, но Ѳедотовъ воспользовался другимъ спеціальнымъ качествомъ произведеній жанра. Не давая возможности художнику выражать непосредственно свои мысли и чувства, произведенія эти, точно изображающія явленія обыденной жизни, позволяютъ автору подборомъ сценъ высказывать въ яркой, замѣтной формѣ очень опредѣленныя воззрѣнія на общественныя явленія. Мысли и мнѣнія, совершенно не касающіяся области искусства или по крайней мѣрѣ не относящіяся къ ней непосредственно, могутъ быть выражены такимъ образомъ въ картинахъ. Картины этимъ путемъ обращаются въ журнальныя статьи, въ проповѣди и значеніе ихъ можетъ быть очень велико, несмотря даже на примитивное исполненіе самой живописи. Особенный интересъ представляетъ жанръ съ сатирическимъ оттѣнкомъ, которымъ отличались картины и рисунки Ѳедотова.

Произведенія, выражающія вѣчныя общія мысли и чувства о жизни и смерти, о добрѣ и злѣ, о личности и отдѣльной индивидуальности человѣка,—мысли, составляющія сущность великихъ общечеловѣческихъ произведеній искусства, не всегда могутъ быть разрабатываемы съ одинаковымъ успѣхомъ. Далеко не всѣ народы и не во всѣ періоды своей исторіи способны на такую разработку. Русское общество первой половины прошлаго столѣтія, видимо, не представляло почвы, благопріятной для процвѣтанія чистаго идейнаго искусства. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Ивановъ.

Несмотря на поощренія правительства и „Общества поощренія художествъ", которыя по чисто теоретическимъ соображеніямъ полагали, что нужно имѣть у себя дома, въ Россіи, *великое* искусство, Ивановъ, лично чрезвычайно счастливо настроенный для выполненія именно этой задачи, во всю свою жизнь не пользовался сочувствіемъ общества въ той мѣрѣ, какъ онъ этого заслуживалъ. Его стали цѣнить лишь тогда, когда Гоголь указалъ на его заслуги. Его признали какъ бы по принужденію, потому что надо-же цѣнить человѣка, преслѣдующаго высокую цѣль. И только лишь много позднѣе, послѣ смерти, онъ получилъ настоящую оцѣнку.

Ѳедотовъ избралъ себѣ задачу несравненно болѣе

Digitized by Google

узкую, но зато и гораздо болѣе понятную для современнаго ему общества, начинавшаго уже чувствовать неудобства неправильныхъ и устарѣвшихъ соціальныхъ формъ, въ которыхъ приходилось жить. Каррикатуры Ѳедотова заставляли смѣяться, расходились въ обществѣ, и благодаря имъ талантъ ихъ автора пріобрѣлъ извѣстность, когда пріемы его въ искусствѣ были еще чисто любительскими.

Интересно сравнить жанровыя сцены Ѳедотова съ подобными-же работами К. Брюллова и А. Иванова.

Сравненіе съ работами художниковъ, много сильнѣйшихъ въ техникѣ, тотчасъ, однако, выясняетъ всѣ спеціальныя достоинства таланта Ѳедотова и оригинальность его мысли и пріемовъ творчества. Брюлловъ очень часто рисовалъ небольшія сцены въ шутку, но шутка его отличалась простой веселостью, иногда попадается и насмѣшка, но каррикатуры его не имѣютъ опредѣленнаго направленія, дающаго понятіе объ извѣстныхъ убѣжденіяхъ. Болѣе всего въ такихъ рисункахъ у Брюллова видна потребность забавиться блестящей техникой. Брюлловъ былъ большимъ мастеромъ въ этомъ отношеніи и ему пріятно было развернуть свои силы и поиграть карандашомъ. Иногда онъ просто передавалъ очень сложныя сцены видѣнной имъ жизни, какъ, напримѣръ, въ превосходномъ рисункѣ, хранящемся въ музеѣ Александра III—„Теплыя воды близъ Константинополя", и во многихъ другихъ картинкахъ изъ италіанской или восточной жизни, иногда рисовалъ забавныя выдуманныя композиціи-анекдоты, касающіяся общихъ человѣческихъ слабостей или странностей, таковъ рисунокъ „Сонъ монашенки". Никогда Брюлловъ не пытался затрагивать въ своихъ рисункахъ мотивовъ общественныхъ. Александръ Ивановъ, человѣкъ въ высшей степени занятый судьбою своихъ соотечественниковъ, тоже въ своихъ рисункахъ не рѣшался никогда затрагивать больныя стороны русской жизни. Всѣ его жанры имѣютъ исключительною цѣлью изученіе окружавшей его жизни и всѣ они болѣе или менѣе связаны съ его главной работой—картиной „Явленіе Мессіи", поглотившей всѣ его силы и мысли и наполнившей всю его жизнь. Ивановъ былъ человѣкъ слишкомъ непосредственный, слишкомъ занятый постоянной работой надъ самимъ собой, чтобы позволить себѣ насмѣшку, хотя бы и съ самымъ добрымъ намѣреніемъ, надъ кѣмъ бы то ни было. Какъ Брюлловъ, такъ и Ивановъ и не могли дать русскому искусству образцовъ жанра, несмотря на свои таланты, потому что этотъ

Digitized by Google

родъ искусства поверхностно затрагивалъ чисто художественныя цѣли, которыми одними они только и интересовались. Они жили совершенно уединенной отъ тогдашняго русскаго общества жизнію, ихъ труды были необходимы для дальнѣйшаго его развитія, но они мало сталкивались съ русскою дѣйствительностью и мало знали ее. Ивановъ, живя за границей, ясно даже сознавалъ невозможность для себя писать картины изъ русской жизни. Въ своихъ письмахъ онъ прямо говоритъ объ этомъ вопросѣ и упрекаетъ даже другихъ русскихъ художниковъ, сотоварищей своихъ въ Римѣ, за попытки писать русскіе сюжеты внѣ Россіи.

Рѣшительный толчекъ развитію русскаго жанра далъ, какъ я уже сказалъ, Ѳедотовъ, и наибольшая заслуга его въ томъ, что онъ сдѣлалъ это совершенно самостоятельно, появившись на аренѣ искусства невзначай, съ новой стороны, откуда никто не ожидалъ появленія артиста, явясь изъ публики, а не изъ разсадника художниковъ, на который единственно всѣ возлагали свои надежды. И до Ѳедотова были, конечно, въ Россіи художники, изображавшіе сцены изъ обыденной жизни, но они дѣлали это безъ опредѣленной ясно выраженной цѣли. Венеціановъ писалъ такія сцены лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, но онъ просто копировалъ природу старательно, иногда довольно слащаво, одинаково безучастно изображая людей и перспективные виды различныхъ дворцовъ. Такое искусство, конечно, не могло имѣть серьезнаго значенія для общества. Ѳедотовъ первый подчеркивалъ нѣкоторыя особенности въ сценахъ обыденной русской дѣйствительности, далъ своимъ картинамъ опредѣленный типичный обликъ, запечатлѣлъ ихъ въ памяти и представленіи публики, какъ законченный портретъ съ хорошо знакомаго лица. Картины Ѳедотова, не исключая и набросковъ, можно было разсматривать какъ дѣйствительные факты, ихъ можно изучать, комментировать, можно спорить о тѣхъ и другихъ чертахъ русскаго характера, въ нихъ изображеннаго. Понятно, что такое невиданное зрѣлище должно было произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе на публику. И дѣйствительно, русская публика поняла и полюбила этотъ родъ искусства и дальнѣйшее развитіе живописи въ Россіи пошло именно по этому направленію. Въ послѣднее время, вслѣдствіе увлеченія моднымъ импрессіонизмомъ, символизмомъ и другими непосредственными приложеніями на практикѣ теоретическихъ разсужденій о сущности искус-

Digitized by Google

ства, творчество Ѳедотова, жанръ сатирическій и вообще всякій жанръ *съ направленіемъ* подвергся очень суровой критикѣ и даже гоненію. Но это не можетъ умалить его историческаго значенія. Несомнѣнна заслуга и Ѳедотова, родоначальника этого рода искусства въ Россіи.

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ Москвѣ въ 1815 году. Родители его были люди бѣдные. Все состояніе его отца составлялъ небольшой домикъ, въ которомъ онъ жилъ съ семьей. 11 лѣтъ Ѳедотовъ былъ помѣщенъ въ кадетскій корпусъ. Способности у него оказались прекрасныя. Учился онъ прекрасно и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Въ дѣтствѣ, въ корпусѣ онъ началъ уже выказывать способности къ рисованію. Первыя его произведенія были каррикатуры на учителей и товарищей, имѣвшія большой успѣхъ въ классѣ. Изъ корпуса Ѳедотовъ вышелъ прапорщикомъ въ финляндскій полкъ. Военная служба не заглушила въ немъ любви къ искусству, напротивъ, въ полку онъ еще ревностнѣе сталъ заниматься рисованіемъ. Природная склонность его къ комическому и наблюдательность направляли его вниманіе на смѣшныя черты, отличавшія почему-либо его товарищей, знакомыхъ и вообще русскихъ людей того общественнаго круга, въ которомъ ему приходилось вращаться. Матеріала у Ѳедотова оказалось пропасть. Образъ жизни, манеры, фигуры русскихъ людей разныхъ возрастовъ и различнаго состоянія и положенія, получившихъ только внѣшній лоскъ европейскаго образованія и усвоившихъ уже европейскіе пороки и недостатки, оказались неистощимымъ источникомъ сюжетовъ, годныхъ для сатиры. Не надо думать, однако, что Ѳедотовъ въ молодости былъ педантомъ и человѣкомъ склоннымъ находить пороки въ окружающихъ. Напротивъ, это былъ самый добродушный, самый беззаботный весельчакъ. Во время жизни въ полку его душевныя силы развились необыкновенно. Онъ учился всему, чему только могъ; читалъ, занимался нѣмецкимъ языкомъ, писалъ даже стихи, но главное рисовалъ и знакомился съ произведеніями искусства. Каррикатуры онъ въ это время рисовалъ уже такъ хорошо, что онѣ обратили вниманіе на его талантъ какъ начальства, такъ и петербургскихъ любителей искусства. Ѳедотову стали совѣтовать оставить военную службу и поступить въ академію художествъ учиться. Ѳедотовъ такъ и сдѣлалъ. Ему назначили, какъ особую милость, въ видѣ поощренія его таланта, пенсію въ 28 р. 60 к. въ мѣсяцъ, хотя онъ на

Digitized by Google

такую сумму и не имѣлъ права по закону, потому что служилъ очень недолго.

Оставивъ полкъ, Ѳедотовъ поселился на Васильевскомъ островѣ, нанявъ комнату. Устроился кое-какъ съ своимъ деньщикомъ Коршуновымъ и сталъ посѣщать академію. Тутъ настали для Ѳедотова тяжелыя времена, средства его были болѣе чѣмъ ограниченныя и, однако, изъ своей ничтожной пенсіи ему приходилось еще удѣлять часть родителямъ, которые страшно бѣдствовали въ Москвѣ и постоянно просили денегъ.

Въ академіи Ѳедотовъ сталъ посѣщать классы и учился подъ руководствомъ профессора батальной живописи Зауэрвейда; спеціальнаго класса жанра въ академіи тогда не было. Конечно, пожилому ученику, какимъ былъ Ѳедотовъ, привыкшему уже рисовать, выражая свои мысли, и бойко владѣвшему карандашемъ, хотя и не обладавшему правильностью рисунка, трудно было начинать учиться сначала. Говорятъ даже, что Брюлловъ, видя, съ какой трудностью Ѳедотовъ усваиваетъ пріемы рисунка, началъ сомнѣваться въ его талантѣ. Тѣмъ не менѣе въ академіи онъ подучился рисовать и писать, несмотря на то, что посѣщалъ ее очень недолго. Часто, когда рѣчь идетъ о Ѳедотовѣ, обвиняютъ академическое преподаваніе въ томъ, что оно своимъ формализмомъ причинило ему много непріятностей, страданій и не давало развернуться его таланту, который безъ вліянія академіи расцвѣлъ бы несравненно пышнѣе.

Это несправедливо. Ученіе въ академіи дѣйствительно усвоило тогда казенный формализмъ, отразившійся весьма пагубно на русскомъ искусствѣ, но на талантъ Ѳедотова академія не имѣла никакого вліянія. Онъ пробылъ такъ мало въ ея классахъ и попалъ туда уже взрослымъ сложившимся человѣкомъ. Какое-же вліяніе могла на него имѣть академія? Подъ руководствомъ Брюллова и Зауэрвейда, онъ могъ лишь выучиться рисовать, а это было во всякомъ случаѣ полезно. Дальнѣйшая-же несчастная личная судьба Ѳедотова, конечно, не могла зависѣть отъ какого-либо отдѣльнаго обстоятельства его жизни. Причина этого несчастнаго поворота въ его жизни лежитъ гораздо глубже. Онъ пострадалъ отъ личныхъ своихъ качествъ, отъ некультурности той среды, въ которой онъ выросъ, отъ слишкомъ большого скачка, имъ сдѣланнаго, чтобы перемѣнить жизнь офицера, сына бѣдныхъ московскихъ обывателей, на жизнь художника, мыслящаго и чувствующаго совершенно на иной ладъ. Ѳедотовъ первая ласточка, первый весенній ростокъ

Digitized by Google

самостоятельнаго общественнаго русскаго искусства. Онъ имѣлъ чрезвычайно чуткую впечатлительную душу и большія способности, благодаря чему онъ и пробилъ себѣ дорогу, но онъ не имѣлъ выдержаннаго и стойкаго характера. Имѣй онъ еще и это качество, онъ былъ бы исключительнымъ геніемъ, какихъ на свѣтѣ бываетъ очень мало.

Первый человѣкъ, понявшій и оцѣнившій вполнѣ талантъ Ѳедотова, былъ баснописецъ Крыловъ. Несмотря на свою лѣнь и неподвижность, Крыловъ написалъ Ѳедотову письмо, въ которомъ указывалъ ему истинное значеніе его дарованія и убѣждалъ приняться за изображеніе русской жизни. Вскорѣ послѣ этого, убѣдившись, что онъ выучился уже чему могъ и дальнѣйшее ученіе не можетъ пойти ему въ прокъ, Ѳедотовъ бросилъ академію и принялся работать тѣми средствами искусства, какими обладалъ. Можетъ быть, онъ даже чувствовалъ потребность поскорѣе исполнить то, на что былъ способенъ, внутренне сознавая, что время уходитъ и силъ у него остается немного. Въ 1847 г. появилась первая его картина „Свѣтскій кавалеръ". Несчастный мелкій чиновникъ на другой день послѣ пирушки, устроенной по случаю полученія ордена, сводитъ счеты съ своей кухаркой. Конечный выводъ вычисленія оказывается вовсе не благопріятнымъ для бюджета кавалера. Онъ сидитъ въ халатѣ съ папильотками въ волосахъ, грустномъ напоминаньи о вчерашней элегантности, угрюмый и озадаченный. Хмѣль еще отуманиваетъ его голову, а кухарка уже показываетъ ему дырявыя подошвы сапогъ, очевидно, напоминая, что кромѣ экстренныхъ расходовъ на фестивалы есть еще и постоянныя траты на самые необходимые предметы. Подъ столомъ сидитъ гость и смотритъ на сцену.

Несомнѣнный живой талантъ сказывается въ каждой черточкѣ этой картины. Въ фигурѣ и лицѣ, какъ чиновника, такъ и кухарки много наблюдательности, юмора и какой-то добродушной веселости, нисколько не противорѣчащей сострадательному и участливому отношенію автора къ несчастіямъ людей. Ѳедотовъ смѣется надъ своими героями, но онъ ихъ и любитъ, и эта душевная теплота дѣлаетъ его картины привлекательными и пріятными зрителю. Въ этой первой своей картинѣ такъ-же, какъ и въ слѣдующей, появившейся очень скоро послѣ первой, „Разборчивая невѣста", Ѳедотовъ, несмотря на знаніе мельчайшихъ подробностей жизни тѣхъ людей, которыхъ онъ изображалъ, несмотря на полную само-

Digitized by Google

стоятельность мысли, все-же во многихъ пріемахъ творчества является подражателемъ англійскихъ жанристовъ. У нихъ онъ перенялъ манеру обращать картину въ подобіе разсказа и загромождать ее множествомъ подробностей. Ярче всего выступаетъ эта особенность въ его рисункахъ: „Смерть Фидельки", „Послѣдствія смерти Фидельки", „Художникъ, женившійся безъ приданаго въ разсчетѣ на свой талантъ", „Утро обманутаго новобрачнаго". Два первые рисунка сепіею изображаютъ разные моменты одного и того-же сюжета и служатъ художественнымъ воспроизведеніемъ сатиры Парина, но и остальные два, не представляя иллюстрацій къ литературному произведенію и будучи измышленіемъ самого художника, все-же образуютъ, хотя и не вполнѣ законченный циклъ, въ родѣ цикловъ Гогардта и другихъ англичанъ. Иллюстрація къ исторіи Фидельки отличается, однако, и чисто мѣстными русскими особенностями. Въ этихъ рисункахъ превосходно осмѣяны привычки барыни, распоряжающейся безконтрольно своими крѣпостными. Лицо и фигура барыни, жалкіе и забитые типы крѣпостныхъ изображены Ѳедотовымъ превосходно. Съ общественной точки зрѣнія эти его рисунки стоятъ неизмѣримо высоко; въ особенности если сравнить ихъ со слащавыми картинками Венеціанова, изображавшаго почти одновременно русскихъ простолюдиновъ. Въ этихъ небольшихъ, сдѣланныхъ, очевидно, въ шутку рисункахъ проглядываетъ уже вся мощь Ѳедотова, вся сила его таланта, его личности. Ѳедотовъ принадлежалъ къ небольшому кругу истинно-передовыхъ людей своего времени. Въ этомъ наибольшее его достоинство и какъ художника. Циклъ „несчастій художника" не имѣетъ значенія „исторіи Фидельки". Это просто шутка надъ собственнымъ незавиднымъ положеніемъ. Въ относящихся сюда рисункахъ много комизма и изобрѣтательности, но въ то-же время въ нихъ болѣе замѣтны и указанные выше недостатки: запутанность сюжета и нагроможденіе подробностей.

Художникъ, женившійся безъ приданаго въ разсчетѣ на свой талантъ, сидитъ въ своей бѣдной холодной квартирѣ, окруженный семьей и, повязавъ щеку тряпицей,— у него флюсъ,—пишетъ вывѣску для мелочной лавки. Это вмѣсто картинъ, которыя должны были прославить его имя. Маленькій ребенокъ его умеръ отъ голода. Сынъ стянулъ чайникъ и приноситъ его матери, которая смотритъ въ ужасѣ. Меньшая дочь ломаетъ раму, чтобы подтопить холодную печь. Старшая дочь въ две-

Digitized by Google

ряхъ цѣлуется съ какимъ-то господиномъ. Вся картина во всѣхъ углахъ наполнена всевозможными признаками бѣдности и несчастія. Даже собака и кошка своею худобою и грустнымъ видомъ еще разъ напоминаютъ о бѣдности хозяина.

Все достоинство этого рисунка въ комизмѣ, вложенномъ въ нѣкоторыя фигуры. Такого-же характера и другой рисунокъ „Утро обманутаго новобрачнаго“.

Новобрачный на другой день послѣ свадьбы встаетъ утромъ и видитъ, что мебель, которую онъ получилъ вчера въ приданое за женой и которую началъ считать уже своею собственностью, уносятъ какіе-то люди. Новобрачный въ ужасѣ. Оказывается, что мебель взята была на прокатъ на одинъ день и за нею пришелъ ея дѣйствительный собственникъ. Но этого эпизода показалось Ѳедотову мало. Онъ пожелалъ еще болѣе огорчить своего новобрачнаго и приготовилъ еще новый ему сюрпризъ. Оказывается, что у невѣсты и зубы и волосы взяты тоже изъ магазина, и вчерашній женихъ одновременно съ исчезновеніемъ приданаго убѣждается, что и невѣста вдругъ облысѣла и потеряла зубы.

Къ типу послѣднихъ указанныхъ мною рисунковъ принадлежатъ еще нѣсколько сложныхъ композицій: „Житье на чужой счетъ“, „Модный магазинъ“, „Мышеловка, или опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки“ и нѣкоторыя другія. Во всѣхъ этихъ рисункахъ все достоинство въ выраженіи отдѣльныхъ головъ и фигуръ. Въ нихъ въ отдѣльныхъ чертахъ выказывается весь талантъ Ѳедотова, какъ рисовальщика и юмориста. Несмотря на видимый шаржъ, онъ умѣлъ придавать своимъ героямъ естественность и жизнь, дѣлать изъ нихъ типы, ярко изображающіе именно русскихъ людей данной эпохи.

Талантъ Ѳедотова—рисовальщика и карикатуриста, конечно, всегда нравился и не можетъ не нравиться: ужъ слишкомъ онъ блестящъ и ярокъ. Но, конечно, одного этого таланта недостаточно для того, чтобы обезпечить художнику значеніе въ искусствѣ и въ общественной жизни. Слава Ѳедотова основывается на гораздо болѣе крупныхъ заслугахъ, на болѣе существенныхъ достоинствахъ его таланта.

Сила его не въ талантливо схваченныхъ смѣшныхъ позахъ и выраженіяхъ лицъ, а въ сознательной оцѣнкѣ явленій русской жизни. Въ его картинахъ всегда замѣтенъ слѣдъ длиннаго ряда мыслей, оцѣнивающихъ весь обиходъ жизни русскаго человѣка и указывающихъ его

Digitized by Google

недостатки. Однимъ словомъ, въ нихъ присутствуетъ общественный мотивъ, который Ѳедотовъ всегда невольно примѣшивалъ къ своему творчеству

Впослѣдствіи съ его легкой руки публицистика стала обычной принадлежностью русскаго искусства, пока новыя вѣянія не измѣнили этого направленія.

Въ различныя эпохи общество нуждается въ разработкѣ жизненныхъ задачъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и потому, разбирая достоинства творчества художника, нельзя забывать, къ какому времени онъ принадлежитъ. Въ свое время Ѳедотовъ исполнилъ именно то, что всего нужнѣе было для русскаго общества. Въ этой своевременности своихъ работъ онъ и выказалъ и большой талантъ и ясный умъ. Онъ былъ разсудоченъ, когда это было необходимо, онъ копировалъ мелочные признаки предметовъ и для сюжетовъ своихъ картинъ постоянно выбиралъ незначительные анекдоты обыденной жизни, потому что иначе онъ не былъ бы вовсе понятенъ зрителю своего времени и только такимъ способомъ онъ могъ обратить его мысль отъ частныхъ къ общимъ условіямъ жизни и подсказать ихъ вѣрную оцѣнку.

Приэтомъ Ѳедотова нельзя сравнивать съ нѣкоторыми изъ послѣдующихъ изобразителей русскихъ нравовъ, исполнявшихъ свое дѣло по заведенному порядку, работая однимъ разсудкомъ и подбирая въ новыя сочетанія уже опредѣленныя формы. Ѳедотовъ работалъ, какъ настоящій художникъ, фантазіей и простымъ чувствомъ. Онъ и не могъ оцѣнивать свои работы по тѣмъ нормамъ, которыя были опредѣлены впослѣдствіи. Именно, поэтому его работы по свѣжести чувства, искренности смѣха и вѣрности въ изображеніи жизни представляютъ верхъ совершенства.

Самая большая и законченная, можно сказать, единственная картина Ѳедотова: „Пріѣздъ жениха", появилась въ 1849 году. Картина эта сразу доставила ему извѣстность и нѣкоторое матеріальное обезпеченіе. Академія за нее наградила его званіемъ академика, а нѣсколько заказныхъ повтореній съ нея доставили и деньги въ такомъ количествѣ, что ихъ могло хватить хотя на самое необходимое.

„Пріѣздъ жениха", дѣйствительно, необыкновенная картина. Глядя на нее, неосвѣдомленный зритель ни за что не догадается, когда именно она написана. Можно подумать, что Ѳедотовъ жилъ и работалъ десятка на два лѣтъ позже, что онъ перечиталъ всего Островскаго, что онъ изучалъ бытъ русскихъ людей среднихъ слоевъ

Digitized by Google

общества вмѣстѣ съ цѣлой плеядой литераторовъ и художниковъ, появившихся послѣ него. Трудно повѣрить, что все имъ изображенное подмѣчено и изучено однимъ человѣкомъ и, главное, что точка зрѣнія, отношеніе къ предмету найдены имъ самимъ впервые и имъ-же разработка этого художественнаго направленія доведена до совершенства, никогда не превзойденнаго и впослѣдствіи. Во время Ѳедотова одинъ только Гоголь въ литературѣ изображалъ съ такой жизненной правдой купцовъ, крестьянъ, чиновниковъ и военныхъ разныхъ чиновъ и рядомъ съ этимъ великимъ писателемъ по праву принадлежитъ мѣсто художнику, сумѣвшему въ другомъ искусствѣ съ такой-же яркостью изобразить нравы своего времени.

Въ картинѣ „Пріѣздъ жениха", какъ общая композиція, такъ и каждая мелочь полны значенія и настоящаго комизма, чуждаго всякой условности и неестественности.

Въ купеческомъ домѣ ждутъ жениха. Невѣста и ея мамаша нарядились какъ только возможно пышнѣе и элегантнѣе и сообразно современнымъ модамъ, приноровленнымъ къ купеческимъ вкусамъ. Дочь, однако, какъ и полагается молодому поколѣнію, одѣта болѣе модно. Мать-же наряжена въ костюмъ, своимъ фасономъ не оставляющій никакого сомнѣнія въ томъ, къ какому сословію она принадлежитъ: это типичная московская купчиха. Папаша въ обычномъ длиннополомъ сюртукѣ. Вдругъ поспѣшно входитъ сваха и объявляетъ, что женихъ пріѣхалъ. Зритель въ отворенную дверь видитъ и самого жениха. Женихъ майоръ. Онъ стоитъ въ передней фертомъ и закручиваетъ усъ, убѣжденный въ несомнѣнной побѣдѣ. Пріѣздъ его производитъ переполохъ страшный. Папаша наскоро застегиваетъ сюртукъ. Слуги, приготовляющіе закуску, сталкиваясь въ дверяхъ, говорятъ что-то другъ другу. Но самое большое волненіе охватило невѣсту. Она хочетъ убѣжать изъ комнаты и порывается уже, съ жеманнымъ движеніемъ головы и рукъ, броситься въ дверь, ведущую во внутреннія комнаты, но мать грубоватымъ простонароднымъ жестомъ хватаетъ ее за юбку и останавливаетъ, укоряя ее за робость.

Всѣ лица, всѣ фигуры и движенія превосходны, но лучше всего, конечно, сама невѣста. Вся ея фигура полна необыкновеннаго комизма и въ то-же время въ ней нѣтъ ничего уродливаго, каррикатурнаго. Контрастъ ужимки дочери, мнящей себя милой, субтильной и главное образованной и очень хорошаго тона, съ добродуш-

Digitized by Google

ной грубостью матери наглядно передаютъ цѣлую эпоху изъ исторіи русскихъ нравовъ.

Талантъ такъ и блещетъ въ этой замѣчательной картинѣ. Ѳедотовъ сумѣлъ окончательно выразить въ ней то, что хотѣлъ сказать. Она вполнѣ законченное художественное произведеніе.

Успѣхъ, какъ я уже говорилъ, „Сватовство майора", какъ часто называютъ эту картину, имѣло громадный, и это объясняется тѣмъ, что картина Ѳедотова не только изображаетъ явленіе жизни, но и выражаетъ о немъ мнѣніе автора. Она вся проникнута тонкой ироніей, соединенной съ доброжелательствомъ къ тѣмъ людямъ, которые въ ней изображены, любовью къ сущности ихъ характеровъ, несмотря на ихъ недостатки. Ѳедотовъ любилъ русскихъ людей и не терпѣлъ недостатковъ, навязанныхъ имъ условіями тогдашней общественной жизни. Онъ умѣлъ выражать свое чувство въ яркихъ и понятныхъ каждому сатирахъ, писанныхъ кистью. Въ этомъ его заслуга и какъ художника, и какъ мыслителя.

Къ картинѣ „Пріѣздъ жениха" примыкаетъ длинный рядъ набросковъ карандашомъ на всевозможные сюжеты, если могутъ быть названы сюжетами самыя мелкія сцены изъ домашней жизни русскаго обывателя. Мужчины въ статскихъ фракахъ съ короткой таліей и въ высокихъ галстукахъ, съ брюшкомъ и поджарые, дамы и дѣвицы разныхъ возрастовъ въ широкихъ юбкахъ съ оборками, съ шалями на плечахъ, въ букляхъ тирбушонами или въ чепцахъ, сообразно лѣтамъ, проходятъ вереницей передъ глазами зрителя въ этой галлереѣ. Всѣ эти люди живутъ своею особенной жизнью, которой теперь уже нѣтъ; отпечатокъ ея можно найти только здѣсь, да еще въ произведеніяхъ Гоголя. Мужчины чаще всего играютъ въ карты, дамы въ чепцахъ сплетничаютъ; молодыя дамы и дѣвицы ведутъ разговоръ, касающійся амурныхъ дѣлъ, или играютъ съ собачкой и т. д. Всѣ рисунки Ѳедотова изящны, интересны и крайне правдивы. Ему не нужно было преувеличивать недостатки своихъ современниковъ, чтобы сдѣлать ихъ смѣшными. Онъ искренно тяготился общими несовершенствами въ жизни и ему не нужно было подогрѣвать свое сатирическое настроеніе вымыслами.

„Сватовство майора" написано было Ѳедотовымъ въ періодъ наибольшаго расцвѣта его таланта. Къ сожалѣнію, періодъ этотъ продолжался недолго. Къ этому-же времени, приблизительно, конечно, относятся и нѣкоторыя другія его картины, среди которыхъ есть вещи совсѣмъ

Digitized by Google

наго настроенія. Не говоря уже объ оффиціальной картинѣ: „Встрѣча лейбъ-гвардіи финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича“, среди нихъ есть еще такая вещь, какъ „Вдовушка“. Сентиментальное изображеніе молодой вдовы, переѣзжающей съ квартиры на квартиру, никакого впечатлѣнія не производитъ.

Картина эта показываетъ лишь, что талантъ Ѳедотова былъ далеко не всеобъемлющъ и силенъ только въ кругѣ сатирическихъ настроеній. Взявшись за свое спеціальное дѣло, Ѳедотовъ опять вдругъ становится разнообразнымъ, изобрѣтательнымъ и мѣткимъ. Это и видно на такихъ вещахъ, какъ „Уличныя сцены въ Москвѣ во время дождя“, „Передняя пристава подъ праздникъ“, „Все холера виновата“.

Ѳедотовъ написалъ еще и нѣсколько портретовъ, изъ нихъ извѣстны: портретъ отца, изображеннаго въ очкахъ, какого-то чиновника и графини Ростопчиной. Портреты эти ничего замѣчательнаго не представляютъ.

Вотъ приблизительно и все, что успѣлъ сдѣлать Ѳедотовъ. Вскорѣ послѣ успѣха „Сватовства майора“ онъ оказался уже психически больнымъ. Получивъ деньги за повтореніе картины, онъ началъ ихъ тратить совершенно безразсудно, что и было первымъ явнымъ признакомъ его болѣзненнаго состоянія. Но болѣзнь появилась раньше, чѣмъ это замѣтили окружающіе. Характеръ его измѣнился: изъ веселаго онъ обратился въ задумчиваго, грустнаго человѣка. Онъ постоянно повторялъ, что жизнь его уже прошла, что много уже воды утекло, но фашинами и камнями можно и должно задержать теченіе, иначе конецъ близокъ.

Несмотря на болѣзнь, онъ не переставалъ еще мечтать о работѣ. Имъ задумана была новая картина на сюжетъ: институтка, мечтающая въ институтѣ, что дома рай, возвратившись, наконецъ, подъ родительскій кровъ, стоитъ, пораженная неустройствомъ и бѣдностью родительскаго очага.

Картины этой Ѳедотовъ не могъ уже исполнить, болѣзнь отняла у него силы, необходимыя для работы.

Въ довершеніе несчастія, онъ несчастливо влюбился. Въ 1852 году, всего три года спустя послѣ перваго появленія своей лучшей картины, Ѳедотовъ былъ уже совершенно ненормальнымъ человѣкомъ. Болѣзнь быстро прогрессировала, и вскорѣ друзья художника должны были помѣстить его въ лѣчебницу, гдѣ онъ, все болѣе и болѣе одолѣваемый недугомъ и сильно страдая какъ нравственно, такъ и физически, скоро умеръ.

Digitized by Google

Друзья и малочисленный тогда еще кружокъ русскаго общества, интересовавшійся искусствомъ, съ грустью проводили Ѳедотова на кладбище. Его печальная судьба каждому невольно должна была представляться слѣдствіемъ несовершенства русской общественной жизни. Казалось, что этотъ несчастный случай произошелъ отъ какого-то безпорядка, отсутствія культуры въ обществѣ, которое не предоставило своевременно таланту возможности жить и работать на общую пользу. Личныя и чисто физическія обстоятельства жизни отходили на второй планъ и впередъ выдвигалась дѣятельность художника-сатирика, наводившая мысль на обобщеніе отдѣльныхъ фактовъ и на причинную ихъ связь съ понятіями и взглядами современнаго общества. Въ основѣ этого разсужденія лежитъ несомнѣнно вѣрная мысль. Если среда и не можетъ заѣсть истинно-талантливаго человѣка, то все-же дѣятельность среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ причиняетъ ему большія страданія.

Нельзя утверждать, что болѣзнь Ѳедотова и его преждевременная смерть были слѣдствіемъ опредѣленныхъ внѣшнихъ условій его жизни, но впечатлѣніе его несчастной судьбы на публику не ошибочно. Оно ярко изображаетъ борьбу на почвѣ идей, мыслей и чувствъ, которую пришлось предпринять съ громадными трудностями первому русскому художнику общественнаго самосознанія.

П. Ге.

Digitized by Google

Психограммы.

Почему она меня не любитъ?

„Почему она меня не любитъ, почему она меня не любитъ“ громко плача повторяетъ, въ залитой солнцемъ роскошной столовой, маленькій мальчикъ.

Его золотистая головка опущена на столъ и все тѣльце вздрагиваетъ отъ рыданій.

Въ сосѣдней комнатѣ молодая и еще красивая дама слушаетъ вкрадчивую рѣчь изящнаго господина.

„... Этотъ мальчикъ положительно неудобенъ, говоритъ, слегка склонясь къ ней, собесѣдникъ,—это какой-то маленькій ревнивецъ... Такой-же тяжелый характеръ, какъ у отца... Его необходимо отдать въ закрытое учебное заведеніе.

Краснорѣчивые доводы такъ и льются, но... слушательницу поразило почему-то одно слово. Она часто стала слышать это слово послѣ... послѣ смерти „ревниваго“ отца мальчика и послѣ того, какъ его близкій другъ, теперешній ея собесѣдникъ, сдѣлался самымъ близкимъ для нея человѣкомъ...

„Въ закрытое учебное заведеніе“, думаетъ она. „Да— конечно, говорятъ, это закаляетъ характеръ, но почему мой мальчикъ „неудобенъ“. Какъ это... звучитъ странно. Почему никогда слова „неудобно“ не говорилъ тотъ... другой.

Онъ часто терзалъ ее ревностію, мучаясь самъ... больше, можетъ быть, чѣмъ ее мучилъ.

Часто, да, часто онъ бывалъ грубъ и... неделикатенъ—нѣтъ, неделикатенъ онъ не бывалъ никогда. Напротивъ, онъ какъ бы боялся задѣть больно ея душу. Душу щадилъ—да, душу щадилъ...

Въ первый разъ она услышала слово „неудобно“ послѣ смерти мужа.

Digitized by Google

Со времени ея дѣвичества пріютилась около нея собаченка... некрасивая собаченка, простая... Эта собаченка и оказалась неудобной.

Она исчезла... Куда исчезла собаченка? Ей сказали, что она просто пропала... Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, ея няня, звавшая ее все еще барышней, потихоньку и какъ бы опасаясь кого-то, разсказала, что собаченку застрѣлили... На дачѣ въ лѣсу, случайно, и просили не говорить.

Но и эта няня-старушка, занимавшая въ городской квартирѣ особую комнату часто хворала она также была неудобной.... Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, ея собесѣдникъ.

Няня стала сама проситься въ деревню... Почему? Ея „барышня“ не могла себѣ этого объяснить.

Не жилось больше у нея старушкѣ.

— Это положительно неудобно... Вы меня не слушаете— замѣчаетъ изящный господинъ, слегка повышая голосъ...

Она улыбается, извиняясь, и ссылается на головную боль; онъ наклоняется, цѣлуетъ ея руку, уходитъ.

Тяжело стукнула выходная дверь...

„Неудобно“ шевелится у нея въ мозгу. Неудобно... Собака—была неудобна—ея нѣтъ, совсѣмъ больше нѣтъ. Няни тоже нѣтъ... Теперь неудобенъ мальчикъ... Скоро и его не будетъ... Да—не будетъ неудобнаго маленькаго ревнивца.

Неудобно!

И со страхомъ она вспоминаетъ: сегодня, сейчасъ вѣдь уже и съ ней было „неудобно“.

Что же будетъ дальше?

Участь собаки... няньки... Лучше собаки...

„Почему она меня не любитъ, почему она меня не любитъ“ слышится сквозь рыданія изъ сосѣдней комнаты.

Безпокойный сосѣдъ.

Въ маленькой комнатѣ душно и тѣсно. Тѣсно—пока мысль не раздвинетъ стѣнъ.

Но и думать нельзя. Рядомъ—безпокойный, несносный сосѣдъ. Онъ все плачетъ, плачетъ день и ночь. Что тамъ за люди?

Слышно только ребенка.

Онъ плачетъ уже всю недѣлю. Не даетъ работать, не даетъ думать.

Digitized by Google

„Стонъ несется изъ подвала, стонъ несется изъ дворца—стону нѣтъ нигдѣ конца, стону нѣтъ нигдѣ конца“ вспоминается откуда-то стихъ невѣдомаго автора.

Читать?.. И читать трудно.

Ночь, холодно—не уйти отъ плача, не уйти отъ стона. Не уйти отъ стона... въ жизни.

Несносный—когда-же онъ умолкнетъ?

Стону нѣтъ нигдѣ конца—люди бѣгутъ отъ стона—а не уйти.

Давно ужъ бѣгутъ...

Голубое небо, яркое солнце, море сверкаетъ...

Счастливые люди, счастливая страна, счастливыя времена...

Счастіе въ любви къ отечеству. Нѣтъ счастія выше смерти за эту дивную родину.

И вотъ идутъ они, вмѣстѣ съ Леонидомъ, и гибнутъ всѣ триста.

И стонутъ матери, и дѣвы, и нѣжныя супруги.

Почему счастіе этихъ людей—въ смерти?

Развѣ счастіе не въ жизни?

Не ушли и прекрасные эллины отъ стона, не спаслись отъ плача.

Смерть торжествуетъ надъ ихъ любовью.

Миръ ихъ праху.

Новые люди идутъ на смѣну. Идутъ съ отрицаніемъ красоты, требуютъ жертвы...

Жертвы, увы! не для жизни.

Эти люди идутъ за Нимъ—героевъ смѣнили мученики.

Ихъ любовь торжествуетъ надъ жизнью ради того, что выше жизни.

Выше жизни—но развѣ счастіе не въ жизни?

Смерть опять торжествуетъ надъ любовью.

И люди продолжаютъ искать счастія.

Новыхъ три слова пишутъ они своей кровію и стонутъ...

„Какъ лѣсъ подъ властью непогоды,
Предъ силой клонятся народы,
Но втайнѣ—ждутъ ея конца“.

Что-же придетъ на смѣну силѣ? Счастье для жизни, любовь, торжество любви?

Надрываясь плачетъ за перегородкой сосѣдъ...

Бѣлѣетъ утро.

Какъ крѣпокъ былъ сонъ! Все тихо.

Странно! Сонъ уже кончился—а тихо.

Надъ неподвижнымъ тѣломъ ребенка склонилась

Digitized by Google

мать—но она и плакать не можетъ... безпокойный сосѣдъ умолкъ.

Да—жаль, онъ умолкъ.

Ненавижу!

Большая комната. Около стола человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ и женщина.

Мелькаютъ стальные предметы.

Съ кровати посреди комнаты слышится тяжкій стонъ.

Уже началось—и блѣдный, съ выраженіемъ тупого ужаса на лицѣ прижался къ стѣнѣ мужъ.

Широкое, на спѣхъ вырубленное, но простое и доброе лицо его отразилось въ зеркалѣ.

Но онъ не смотритъ въ зеркало.

Никогда не смотритъ, а лицо его—ему ненавистно. Ненавистно съ тѣхъ поръ, какъ оно стало причиной его несчастія.

Два года не было дѣтей и онъ сильно тосковалъ...

Нѣсколько строкъ дневника его жены, случайно попавшаго ему въ руки, открыли мучительную тайну...

„Сегодня я выхожу замужъ, писала она, за человѣка, котораго я не знаю. Это инспекторъ нашей гимназіи и онъ зналъ меня дѣвочкой. Папа и мама говорятъ, что онъ—хорошій человѣкъ, хотя и не красивъ.

Но красота—это, конечно, пустяки. Жалко только что я его такъ мало знаю, да и вообще не знаю, что дальше будетъ.

„Въ этомъ вся бѣда“, мелькаетъ въ головѣ несчастнаго мужа—она не знала меня, ничего не знала, а я—не понялъ.

Дальше и вспоминать мужу страшно.

Какія полныя отчаянія строки послѣ брака! Какой вопль негодованія молодой души...

А дальше—она уже знаетъ его, своего мужа и трепещетъ: трепещетъ отъ отчаянія, что у нея можетъ родиться ребенокъ, похожій „на этого урода“.

„Я не могу—я заранѣе ненавижу этого ребенка, ненавижу“.

Это подлинныя слова дневника.

Отсюда и всякія мѣры противъ появленія на свѣтъ „ненавистнаго“ младенца.

Digitized by Google

Два года не было дѣтей теперь онъ, къ счастію, узналъ все во-время.

Почти веселая, разрумяненная морозомъ вернулась жена съ прогулки.

Что онъ говорилъ ей?

Онъ помнитъ только, что упрекнулъ. Развѣ онъ не отказался бы отъ какихъ-то своихъ правъ по первому ея заявленію?

Повидимому, глубоко удивленная, она молча слушала.

И онъ обѣщалъ ей все: свободу, полную свободу, посильную матеріальную помощь, однимъ словомъ, все, но съ однимъ условіемъ сохранить жизнь ребенка.

Этого ребенка онъ обѣщалъ никогда ей не показывать.

И она дала слово, и лежитъ теперь и умираетъ.

Имѣлъ-ли онъ право такъ поступить, имѣлъ-ли право?

Крикъ сталъ громче... Но вотъ и другой крикъ.

Къ нему подходитъ докторъ, поздравляетъ—все благополучно.

Но все-ли?

Побѣлѣвшими губами онъ почти шепчетъ акушеркѣ унести ребенка, не показывать матери.

Онъ исполняетъ свой долгъ, свой тяжкій долгъ, свое обѣщаніе.

На постели все тихо: его слова услышала больная.

Унести—куда, зачѣмъ? Развѣ она страдала лишь для того, чтобы никогда не видѣть своего сына... Развѣ это не жестоко. Зачѣмъ онъ ее мучаетъ.

„Иванъ Николаевичъ" зоветъ она.

Онъ подходитъ.

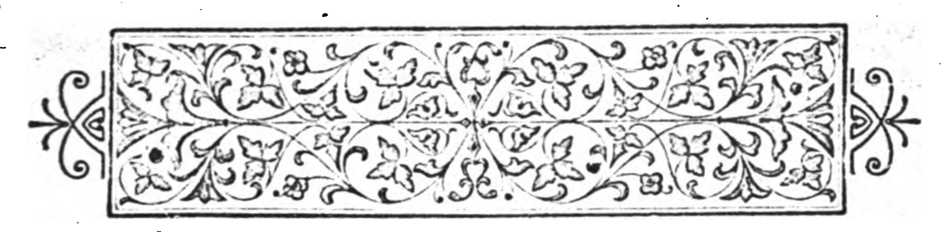
„Ненавижу" мелькаетъ у нея въ головѣ, „ненавижу".

„Иванъ Николаевичъ, милый, подай мнѣ сюда нашего сына" чуть слышно шепчетъ она.

„Все благополучно, все благополучно" повторяетъ теперь Иванъ Николаевичъ, въ безумной радости, слова доктора.

М. Головинскій.

Digitized by Google

НАПОЛЕОНЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

(*Продолженіе*).

---

13. Бонапартъ-консулъ.

9-го ноября 1799—18-го мая 1804—4½ года.

XIX. Первый человѣкъ Франціи. 1799—1802.

Портретъ „рокового человѣка“.

Наполеону Бонапарту только-что исполнилось тридцать лѣтъ. „Роковой человѣкъ“ добился, наконецъ, власти; „звѣзда“ генія новаго вѣка поднялась явственно для всѣхъ. Начиналась лучшая пора въ его жизни, оставившая богатую міровую жатву для отдаленнаго потомства. Пора и намъ присмотрѣться къ чертамъ нашего героя въ расцвѣтѣ его силъ.

Этотъ расцвѣтъ еще подавлялъ роковой наслѣдственный недугъ—каменную болѣзнь и ракъ въ желудкѣ. Никогда этотъ новый Протей не поражалъ міръ до такой степени богатырскою и въ общемъ удачною работой, какъ воинъ, политикъ и правитель великой націи. Хилый капральчикъ съ почти сверхъестественной внутренней мощью, это „необыкновенное“ существо для всѣхъ и „геній ада“ для враговъ, служилъ воплощеніемъ самой крупной, богатой противорѣчіями, эпохи. Его изумительная личность стоитъ теперь живьемъ передъ нами, на разстояніи ровно столѣтія, когда наука, эта несравненная художница, съ документами въ рукахъ, разсѣяла и тучи злословія, и чары восторженныхъ сказокъ.

Digitized by Google

То не былъ теоретикъ: „метафизикой" и „идеологіей" были для него системы и убѣжденія. Непостижимы были ему и идолы толпы, и идеалы знанія и искусства, и высшее назначеніе женщины. Не признавалъ онъ нравственныхъ наукъ; и пароходъ Фультона показался ему „шарлатанствомъ". Зато никогда еще разсудокъ не былъ такимъ изумительнымъ слугой практическаго успѣха и безпримѣрной воли. Наполеонъ словно чутьемъ сразу понималъ обычную среду и зауряднаго человѣка, вносилъ порядокъ въ хаосъ текущихъ дѣлъ и мыслей, по одной мелочи схватывалъ обширное цѣлое; одинъ намекъ рождалъ въ его головѣ мѣткіе планы или сокрушительную критику даже въ чужой сферѣ, къ смущенью самыхъ талантливыхъ знатоковъ дѣла. „Я думаю быстрѣе, чѣмъ другіе люди", говорилъ онъ. Жуткимъ холодомъ вѣетъ отъ безпощадной проницательности и находчивости этого математическаго ума, опиравшагося на рѣдкую память, особенно насчетъ цифръ и мѣстностей. „Онъ знаетъ всѣ имена, помнитъ всѣ лица, о которыхъ что-нибудь слышалъ, говоритъ очевидецъ: однажды ему предъявили счетъ сапогъ для одного полка; онъ вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ была другая цифра". Ему была извѣстна вся подноготная въ каждой ротѣ, въ каждомъ эскадронѣ.

Но южная родина озарила Бонапарта чудовищнымъ воображеніемъ, оживила почти болѣзненной пылкостью. „Не знаю, что такое головокруженіе и нервная боль", говаривалъ Наполеонъ, готовый каждую минуту ринуться въ борьбу и испробовать разные планы: у него „всегда было два рѣшенія задачи" или „двѣ тетивы на лукѣ". Кипучая энергія, словно клокочущій источникъ неизсякаемой силы, лишала его покоя, была мукой и грозой для другихъ. „Волненія—моя жизнь! восклицалъ Наполеонъ.—Чѣмъ больше хлопотъ, тѣмъ мнѣ лучше. Только короли-лѣнтяи жирѣютъ во дворцахъ: мой постъ—на конѣ и въ лагерѣ. О, это—великая сцена! Кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ".

Не говоря уже про бурное начало поприща, въ десять лѣтъ своего императорства онъ не прожилъ въ Парижѣ и трехъ лѣтъ. Зато здѣсь все кипѣло при немъ. „Повѣрьте, говорилъ онъ министрамъ, у меня много причинъ не засыпать на этомъ престолѣ: французы скажутъ мнѣ спасибо за то, что я работаю, не досыпая ночей. Я долженъ работать для примѣра многимъ, которые трудятся только потому, что я трудолюбивъ и бдителенъ. Мои союзники не потеряли бы даромъ времени, если бы

пожаловали сюда поучиться: они поняли бы, что въ нашемъ вѣкѣ ремесло короля—не дѣтская забава, и что нужно, прежде всего, служить народамъ, чтобы имѣть право заставлять ихъ служить себѣ".

И „геній бурь" казался какимъ-то особеннымъ существомъ, „сверхъ-человѣкомъ". Среди блестящихъ королей, онъ являлся въ своей исторической сѣрой шинелькѣ, въ потертомъ мундирчикѣ, въ треуголкѣ съ грошовой кокардой, надѣтой шиворотъ-навыворотъ. Онъ почти не пилъ, а ѣлъ безъ разбору, что́ подложатъ ему, и быстро, не пережевывая, закусывалъ неизбѣжнымъ мороженымъ. Спалъ онъ 4—6 ч., зато могъ когда и гдѣ угодно прикорнуть на часикъ; не то вскакивалъ по ночамъ и либо строчилъ приказъ, либо бѣгалъ изъ угла въ уголъ, измышляя планы. Вообще, онъ просиживалъ за разнообразными занятіями по 12—16 ч. кряду, а въ другой разъ не сходилъ съ коня полсутокъ.

У его секретарей (онъ заразъ диктовалъ нѣсколькимъ) костенѣли руки, у адъютантовъ и курьеровъ подкашивались ноги. Не говоря про массу повелѣній и указовъ, издано 30.000 однихъ его писемъ, да недостаетъ еще тысячъ 50. Наполеонъ не ограничивался приказами; онъ и разъяснялъ ихъ въ подробныхъ инструкціяхъ и самъ слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Въ разгарѣ коронаціонныхъ пировъ онъ проводилъ по 12 ч. въ присутственныхъ мѣстахъ. Часто министры, возвращаясь безъ силъ изъ его кабинета, находили дома его записочки, требовавшія немедленнаго отвѣта. Если Наполеонъ не былъ въ лагерѣ, онъ разъѣзжалъ по Франціи, а въ столицѣ приглядывалъ даже за троттуарами и мостовыми. Онъ все зналъ въ министерствахъ лучше самихъ министровъ: сохранилась его подробная характеристика мэровъ и даже ихъ помощниковъ для министра внутреннихъ дѣлъ; въ своемъ дворцѣ онъ зналъ все до мелочей кухни и меблировки.

Когда владыка возвращался изъ похода, электрическій токъ пробѣгалъ по администраціи; сама образецъ исполнительности, быстроты и догадливости, она трепетала и выбивалась изъ силъ. Вздумалось Бонапарту обревизовать всѣ муниципальныя кассы—и въ нѣсколько мѣсяцевъ все было кончено, причемъ изловили болѣе чѣмъ на два милліона воровства. А ему все казалось, что дѣла ползутъ по-черепашьи: онъ самъ желалъ все начать, вездѣ дать примѣръ, оставить слѣдъ. „Хочется прожить еще 30 лѣтъ—сказалъ онъ въ 1809 г.— чтобы 30 лѣтъ служить моимъ подданнымъ, чтобы упрочить эту

Digitized by Google

великую имперію, чтобы видѣть все счастье, которымъ я замыслилъ украсить дорогую Францію". Онъ былъ правъ, говоря Сегюру: „Да, счастливъ тотъ, кто скрывается отъ меня въ глуши провинціи; и, когда умру, вселенная скажетъ—уфъ!"

„Роковой человѣкъ" поражалъ міръ соединеніемъ мелкой разсчетливости точнаго ума съ пылкостью фантазіи, которое сказывалось и въ его языкѣ—мѣткомъ и лаконическомъ, но образномъ и смѣломъ. Воплощеніе блестящаго, пестраго юга, съ его древне-римскимъ риторствомъ и романтическою поэзіею, съ его суевѣріемъ и кощунствомъ, онъ любилъ поражать воображеніе народовъ и дерзкимъ разрушеніемъ всего святого, и своимъ фатализмомъ, и сказочными картинами широчайшихъ замысловъ, какъ поражалъ войска врага однимъ своимъ именемъ. Онъ старался задавать страху и ослѣплять даже небывалою пышностью церемоніала. Онъ любилъ во всемъ театральность, которою отличались французы вообще и ихъ революція въ особенности.

Ставъ императоромъ, Наполеонъ совершилъ въ Булони незабвенную первую раздачу знаковъ Почетнаго Легіона. На берегу моря, у подножія природнаго амфитеатра, воздвигли огромную эстраду. Ее окружили 60.000 молодцовъ арміи, которая должна была разгромить Англію. Наполенъ сидѣлъ на „креслѣ Дагобера"; у ногъ его лежалъ „щитъ Франциска I"; надъ его головой развѣвались рваныя, окровавленныя знамена. На ступеняхъ трона размѣщались 24 „паладина" (кавалеры Почетнаго Легіона), съ непокрытыми головами; а самъ герой сидѣлъ въ „каскѣ Баярда". Онъ раздавалъ красныя ленточки и кресты, восклицая: „Съ такими людьми могу завоевать міръ!" Такимъ-же маскарадомъ Наполеонъ окончилъ свое поприще во время Ста Дней. Онъ мечталъ сдѣлать Парижъ „чѣмъ-то колоссальнымъ, сказочнымъ, невиданнымъ": „колоссальность" — его любимое словечко; у него — „великая" армія, „великіе" придворные чины и т. д.

Эта пылкость фантазіи придавала обаяніе самоувѣренности Бонапарта, смягчала оттѣнкомъ искренности его самохвальство. Прочтите его военные бюллетени и представляемое ежегодно палатамъ „Описаніе положенія дѣлъ" (Exposé de la situation)—и вы поймете всю подкупающую силу гасконады: здѣсь говоритъ мощь, которая дѣйствительно не знаетъ себѣ границъ, считаетъ все возможнымъ для себя. Какъ было не вѣрить этимъ обѣщаніямъ рая земного для Франціи, когда здѣсь-же зло и мѣтко

Digitized by Google

вскрывалась вся гниль остальныхъ государствъ старой монархической Европы! Какъ было не вѣрить побѣдоносному вождю „великой арміи“, когда онъ восклицалъ: „10.000 человѣкъ проживутъ вездѣ, даже въ пустынѣ!“ Тогда такая самоувѣренность могла казаться погибелью только такому проницательному знатоку дѣлъ, какъ Талейранъ, который сказалъ: „Да, со штыками можно все сдѣлать, но на нихъ нельзя сидѣть“.

Самъ отчаянный игрокъ понялъ это слишкомъ поздно. „Я былъ злѣйшимъ моимъ врагомъ“, сказалъ онъ на о. св. Елены. А прежде онъ любилъ повторять, что нѣтъ ничего невозможнаго. Мечты о чудесахъ Востока входили въ планъ египетскаго похода. Богатырскій замыселъ истребленія Англіи осуществлялся континентальной системой, которая замыкалась Антверпеномъ, какъ „заряженнымъ пистолетомъ, приставленнымъ къ сердцу“ непокорнаго острова. Походъ въ Россію рисовался началомъ движенія въ Индію, а затѣмъ—какого-то невиданнаго величія. „Россія неуязвима (мечталъ узникъ св. Елены), а сама можетъ обрушиться на Европу. Я былъ единственнымъ Геркулесомъ для сокрушенія этой гидры. Будь я царемъ, я легко взялъ бы всю Европу. И тогда я создалъ бы новое общество. Старая система изжилась. Константинополь сталъ бы центромъ міроваго владычества“. И даже тогда Наполеонъ не думалъ жирѣть, какъ лѣнтяи: передъ потухающимъ взоромъ великаго фантазера-математика проносилась картина вѣчнаго мира, всеобщей справедливости, — словомъ, блаженства всего человѣчества.

Эти фантастическіе замыслы, эти міровые интересы всегда занимали Наполеона. Имъ соотвѣтствовала богатырская сила воли. Она-то поддерживала это болѣзненное тѣло, какъ доказываютъ и марши по пескамъ Египта, и неслыханныя скачки въ Италіи, гдѣ онъ разъ загналъ пять лошадей, или отъ Вальядолида до Бургоса, и здоровье въ 1812 г., даже веселость при переправѣ черезъ Березину, и вся эпопея 1814 г. Правда, Наполеонъ не умѣлъ выжидать, задолго подготовлять успѣхъ; но изумительны были скоропостижность и напряженность его силъ въ данную минуту, что и требовалось тогда. Онъ говаривалъ: „Разъ принято рѣшеніе, должно твердо держаться его, безъ всякихъ *если* и *но*... Геній состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь, несмотря на препятствія, чтобы мало думать о невозможности или и совсѣмъ не признавать ея... Меня влечетъ къ невѣдомой цѣли. Если она достигнута, и я уже не нуженъ, одинъ атомъ

Digitized by Google

низвергаетъ меня; но до тѣхъ поръ всѣ люди вмѣстѣ ничего не смогутъ сдѣлать со мной".

И Наполеонъ не зналъ препятствій, не дѣлалъ уступокъ даже грамматикѣ, не терпѣлъ стѣсненій даже въ одеждѣ, которую бросалъ въ огонь, если не сразу удавалось надѣть ее, не допускалъ противорѣчій даже при своей ошибкѣ и въ крайней опасности. Оттого онъ всегда говорилъ по-французски съ сильнымъ акцентомъ и ошибками и не могъ заучивать оффиціальныхъ рѣчей: ихъ писали ему четко, и онъ читалъ ихъ вяло, сквозь зубы. Каждое желаніе становилось у него навязчивою мыслью, какъ у людей революціи; но онъ превосходилъ ихъ самоувѣренностью. Ободряемый успѣхомъ, который былъ для него кумиромъ превыше славы, этотъ выскочка безъ имени, богатства и связей, поднявшійся съ юности надъ всѣми, и самъ считалъ себя „роковымъ человѣкомъ". Онъ, какъ полудикій корсиканецъ, вѣрилъ въ свою „звѣзду" и, не задумываясь, спѣшилъ впередъ. „Фортуна— говорилъ онъ—та-же женщина: если вы сегодня не поспѣшите къ ней, не ожидайте ея завтра".

Наполеонъ руководился правиломъ, что для успѣха нужно имѣть „смѣлость генія", а не „смѣлость ярости", и что „великіе люди управляютъ счастьемъ". Оттого онъ не боялся ничего. „Еще не отлито ядро, которое должно бы убить меня", говорилъ геній битвъ, который всего разъ былъ раненъ въ ногу, и то легко. То былъ отчаянный игрокъ, ставками котораго были и онъ самъ, и весь міръ. Этотъ демонизмъ дѣйствовалъ обаятельно на всѣхъ: кто боялся непобѣдимой силы, кто надѣялся на нее. Шпіонъ писалъ о немъ изъ Италіи въ 1797 г.: „Сдѣлка съ нимъ можетъ состояться въ одну минуту, въ двухъ словахъ: такъ велика его способность очаровывать, обольщать людей". Умницы и благородныя души были проданы ему нерѣдко беззавѣтно. Извѣстны сцены „обольщенія" Александра I въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Почти всѣ маршалы говорили, какъ Мармонъ въ итальянскомъ походѣ: „не было чего бы мы не сдѣлали для него". А тутъ были таланты, которыми вообще Наполеонъ не боялся окружать себя, зная, что это все-таки нули, которые составляютъ крупную сумму при такой единицѣ, какъ онъ. Особенно дорожилъ онъ дарованіями изъ міра наукъ и искусствъ: въ числѣ первыхъ шестидесяти сенаторовъ у него находилось 17 академиковъ; первымъ великимъ канцлеромъ Почетнаго Легіона былъ естествоиспытатель. Наполеонъ былъ образованнѣе монарховъ и министровъ: вообще, это—одинъ изъ начитан-

Digitized by Google

нѣйшихъ людей своего времени, который зналъ цѣну книгамъ [1]). Онъ всегда интересовался театромъ, литературой, наукой; передъ Аустерлицомъ онъ бесѣдовалъ о Корнелѣ, передъ Бородиномъ обсуждалъ реформу французскаго театра. Гейне былъ пораженъ его содержательной бесѣдой. И насколько владыка не терпѣлъ независимыхъ личностей, настолько-же онъ любилъ выслушивать свѣдущихъ людей.

„Полководецъ долженъ обладать разумомъ и великимъ характеромъ", говорилъ Наполеонъ. И онъ искалъ той ошеломляющей практики, которую доставляетъ только война: она-же требовалась и обстоятельствами, и революціоннымъ духомъ времени. „Геній ада" не былъ кровожаденъ: въ немъ были мягкіе тоны, какъ дома, такъ и въ лагерѣ. Онъ вообще былъ самою благородною личностью изъ всего своего клана. Наполеонъ видѣлъ въ деньгахъ только орудіе подвиговъ: онъ защищалъ казенную копѣйку, какъ свое дѣтище, не терпѣлъ воровъ и, хорошо обставивъ своихъ алчныхъ слугъ, строго взыскивалъ за малѣйшее мошенничество. Наполеонъ былъ хорошимъ сыномъ, отцомъ, другомъ и товарищемъ. Онъ не забывалъ личныхъ услугъ, награждалъ за всякое одолженіе: швейцары Бріеннской школы стали швейцарами Мальмезона. Онъ называлъ всѣхъ своихъ маршаловъ „кузенами" и былъ трогательно привязанъ къ Ланну, Дюроку, особенно же къ полоумному Жюно, который кончилъ самоубійствомъ. Онъ позволялъ имъ даже дерзости съ собой и не преслѣдовалъ явныхъ Іудъ, если только они были нужны для дѣла.

А дома владыка бывалъ даже простъ и наивенъ: онъ шутилъ, танцовалъ съ генералами, сердечно жаловался Евгенію на измѣны Жозефины. На него нерѣдко нападали даже припадки лихорадочной чувствительности, проливалъ слезы по пустякамъ. Онъ глубоко почиталъ свою мать. Подконецъ узникъ англичанъ все восклицалъ: „Ахъ, мама Летиція, мама Летиція!" Тогда-же

---

[1]) Бывшій секретарь библіотеки въ Тюльери, Филонъ, разобравшій дорожную библіотеку Наполеона, когда ее привезли (въ 1870 г.) съ о. св. Елены, свидѣтельствуетъ: „Наполеонъ очень много читалъ и перечитывалъ свои любимыя книги. Жажда знанія у него была громадная: никогда, даже во время болѣзни, онъ не переставалъ читать. Думаю, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не прочелъ столько книгъ". Филонъ замѣчаетъ, что наиболѣе истрепанными оказались Оссіанъ и „Orlando furioso" Аріоста, затѣмъ — Корнель и Расинъ. У Наполеона была еще рѣдкая богословская библіотека. Его „походная" библіотека состояла изъ 800 томовъ. Владыка мечталъ составить библіотеку изъ 3.000 лучшихъ созданій человѣческаго генія, въ роскошныхъ переплетахъ. Но пришлось оставить этотъ планъ: онъ потребовалъ бы шесть милліоновъ франковъ.

Digitized by Google

онъ вспоминалъ свою Корсику, радуясь, что врачъ при немъ—землякъ. Особенно нѣженъ былъ Бонапартъ со своими женами и все носился со своимъ сыномъ. Дѣти вообще были его слабостью. Онъ игралъ даже съ дѣтьми своего камердинера Рустана; не было случая, чтобы онъ отказалъ ребенку, подосланному съ просьбой; въ своихъ законахъ онъ прежде всего позаботился о малолѣткахъ. Даже враги называли его „добродушнымъ, сострадательнымъ" львомъ, а Байронъ сказалъ: „Это—самый властительный, но не самый дурной человѣкъ". И честь грозному завоевателю, что его всегда любилъ и остался ему вѣренъ такой хорошій человѣкъ, какъ Евгеній Богарнэ!

Такимъ-же былъ Наполеонъ-полководецъ. Онъ говорилъ: „Великіе люди никогда не были жестоки безъ нужды... Я долженъ былъ проливать много крови, безъ гнѣва, просто потому, что кровопусканіе—одно изъ средствъ политической медицины. Я—государственный человѣкъ". И ради дѣла онъ подавлялъ свою врожденную мягкость: онъ бывалъ жестокъ „по необходимости", какъ Вандамъ былъ „страшенъ по долгу".

Не жестока была его дисциплина: она основывалась на обаяніи его имени, на благоговѣніи солдатъ къ его личности. Ему было доступно великодушіе побѣдителя; онъ рыцарски цѣнилъ доблесть во врагѣ. „Вотъ пресловутый вождь разбойниковъ! Обращаться съ нимъ хорошо!" воскликнулъ онъ, увидя плѣннаго Люцова. „Хорошо обращаться съ этими молодцами!" сказалъ онъ о силезцахъ, отказавшихся выдать зарытое знамя. Подъ Аустерлицомъ Наполеонъ съ великимъ трудомъ спасъ изъ болота русскаго унтеръ-офицера. И трое сутокъ мучился онъ прежде, чѣмъ приказалъ, въ Египтѣ, разстрѣлять турокъ, обезглавившихъ его парламентера, какъ требовали того обстоятельства и право войны. Онъ даже далъ Почетнаго Легіона тому единственному кавалеристу, который сопровождалъ герцога Ангулемскаго, когда тотъ бѣжалъ, покинутый своей арміей, передавшейся своему возвратившемуся императору.

Замѣчательна та участливость, съ которою относился Наполеонъ къ своимъ собственнымъ солдатамъ. Онъ раздѣлялъ съ больными свою пищу и вино, прикрывалъ дрожащихъ въ лихорадкѣ собственной шинелью, не тревожилъ заснувшаго у его печки юношу-барабанщика. Онъ срывалъ крестъ съ себя, чтобъ наградить храбреца на мѣстѣ подвига, и называлъ его по имени, а иногда тутъ-же производилъ безграмотнаго въ офицеры, но съ

Digitized by Google

отставкой. Стали эпическими—его прогулка по бивуакамъ передъ Аустерлицомъ, когда онъ ѣлъ, шутилъ съ солдатами, трепалъ ихъ по щекамъ, дергалъ за уши.

Это отражалось и на французскихъ офицерахъ, нерѣдко мягкихъ и честныхъ, и на солдатахъ, которые славились своимъ добродушіемъ и порой сами спасали побѣжденныхъ отъ смерти. Тѣмъ не менѣе, въ Наполеонѣ, который нерѣдко подставлялъ собственную грудь пулямъ, развилось равнодушіе къ жизни людей. Онъ видѣлъ въ войнѣ такой-же удѣлъ человѣка, какъ трудъ, и считалъ битвы орудіемъ исторіи. Онъ понималъ, что безъ нихъ немыслимы ни его положеніе, ни самое существованіе Франціи. И съ своими наперсниками онъ бывалъ суровъ лишь по разсчету: „Нѣтъ генерала—говорилъ онъ—который не признавалъ бы за собою такихъ же правъ, какъ и мои. Я долженъ быть поэтому строгъ съ этими людьми".

И за Бонапартомъ было полное право считать себя кровавымъ Провидѣніемъ: „я какъ бы призванъ воевать безпрерывно", говорилъ геній побѣдъ. Какъ чарующій пѣвецъ или ораторъ не могутъ жить безъ сцены и трибуны, такъ онъ не могъ обойтись безъ войны, этого своего вѣрнаго источника славы и власти. Оттого во всѣхъ его мирахъ были загвоздки для ихъ нарушенія. Оттого передъ русскимъ походомъ, когда уже два года не было войны, онъ скучалъ, томился, раздражался, всячески придирался къ Александру I, чтобы только поскорѣе сразиться съ нимъ, вопреки предостереженіямъ своихъ наперсниковъ.

Наполеонъ вообще стоялъ наравнѣ съ славными полководцами, но превосходилъ ихъ безумствомъ отваги, силой самоувѣренности, блескомъ находчивости, изяществомъ игры. Его походы и многія битвы – перлы поэзіи войны. Ихъ сила въ ошеломляющемъ натискѣ, который истекалъ изъ духа революціи и изъ характера націи. Ко всей его жизни подходила фраза, вырвавшаяся у Цезаря лишь послѣ одной битвы: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ". То было какъ бы обаяніе удава. При одномъ появленіи Наполеона солдаты становились непобѣдимыми, и пораженіе превращалось въ побѣду надъ оторопѣвшимъ врагомъ.

Обаяніе генія войны особенно чувствуется въ періодъ паденія императора. Когда замерзающій Наполеонъ отступалъ къ Смоленску, Кутузовъ, съ своею свѣжей арміей, шелъ бокъ-о-бокъ съ нимъ, не смѣя нападать; и подъ Краснымъ оказалось, что нельзя трогать безнака-

Digitized by Google

занно даже умирающаго льва. Когда уже опытные и оправившіеся союзники весело добивали его маршаловъ подъ Дрезденомъ, у нихъ вдругъ опустились руки: „Императоръ въ Дрезденѣ!“ воскликнулъ ошеломленный Шварценбергъ. И затѣмъ шестая коалиція избѣгала битвъ съ полумертвымъ гигантомъ: она предлагала ему еще Бельгію и лѣвый берегъ Рейна! Прощальную кампанію 1814 года сами поносители Наполеона считають такимъ же перломъ военнаго искусства, какъ и начало его славы—итальянскій походъ. Дѣло было проиграно заранѣе; но боецъ дрался артистически, изъ любви къ искусству. Одинъ противъ десяти, онъ бросался всюду, какъ левъ въ клѣткѣ, и показалъ чудо: его армійка „обходила“ тучи союзниковъ и била ихъ въ одиночку, какъ игрушки.

У Наполеона все подчинялось войнѣ. Ея главное орудіе, дипломатія, была его второю силой и страстью. Иногда не знаешь, кого поставить выше—Наполеона-полководца, или Наполеона-политика. Первый нерѣдко стушевывается передъ вторымъ, въ глазахъ историка, и служитъ ему лишь орудіемъ: это лучше всего доказываетъ битва у Маренго. Дипломатія зачастую играла роль козырного туза въ рукахъ этого великаго шулера. Конечно, онъ понималъ ее, какъ всѣ тогда,—въ смыслѣ голаго макіавелизма. Наполеонъ серьезно сказалъ про начинающаго Меттерниха: „это—уже почти государственный человѣкъ: онъ отлично лжетъ“. И геніемъ международнаго обмана сталъ полководецъ, устроившій то знаменитое шпіонство, которое не только раскрывало всѣ тайны враговъ, но и прямо приводило ихъ въ его западни. У Наполеона шпіонили даже за шпіонами. Были соглядатаи и при его братцахъ короляхъ: недавно напечатаны замѣчательные наказы императора этимъ „ministres de famille“ при Люи и Жеромѣ. Владыка выработалъ отличныхъ чиновниковъ и изъ своихъ пословъ: они прилагали, при своихъ депешахъ, еженедѣльные „бюллетени“, полные сплетень, слуховъ, анекдотовъ и проч.

Наполеонъ и здѣсь дѣйствовалъ какъ на войнѣ: окружить жертву шпіонами, подкупить, опутать браками, которые онъ любилъ устраивать, сбить съ толку, запугать, оборвать, или же внезапно приласкать, обольстить дипломатовъ, царедворцевъ, самихъ министровъ,—на это онъ былъ великій мастеръ. Сегодня онъ говорилъ: „нечего бояться французской революціи: тронъ Бурбоновъ занимаетъ солдатъ, разрушившій республики“. Завтра грозилъ гибелью „глупымъ монархамъ“. Онъ то льстилъ

Digitized by Google

всѣмъ партіямъ, то распекалъ всѣхъ, какъ 18-го брюмера: даже въ его оффиціальныхъ бумагахъ то голосъ сирены, то рычаніе льва или цезарьское „quos ego!“ (вотъ я васъ!). И все кстати.

У него всегда были козыри въ рукахъ — короли и земли на случай „всеобщаго замиренія“. Онъ обѣщалъ что угодно, а исполнялъ только то, чтó было выгодно ему. Перемиріе было у него ловушкой, чтобы выиграть время или обойти врага. Если онъ уступалъ что-нибудь при мирѣ, то съ заднею мыслью потомъ отнять еще больше или перессорить враговъ, затянуть ихъ въ свои сѣти.

Особенно артистически велась игра съ Россіей. Всѣ были поражены ловкостью, съ которой были обойдены сначала Павелъ I, потомъ Александръ I, съ помощью цѣлыхъ дневниковъ французскихъ агентовъ о тайнахъ русскаго двора и арміи. Истинный перлъ макіавелизма— депеши 1810 — 1812 годовъ. Французскому посланнику писали изъ Парижа: „Показывайте видъ, что ничего не знаете о движеніи нашихъ войскъ; потомъ не вѣрьте; потомъ объясняйте разными предлогами. Вы должны такъ соображать свои слова, чтобы выиграть время: каждый день говорите разное; признавайтесь только тогда, когда депешами докажутъ вамъ, что уже знаютъ. Когда наши войска двинутся уже за Одеръ, и въ Петербургѣ узнаютъ объ этомъ, посовѣтуйте послать имъ предложеніе остановиться: вы-де увѣрены въ миролюбіи вашего императора. Затѣмъ предложите переговоры между Одеромъ и Нѣманомъ“.

Такимъ-же дипломатомъ-полководцемъ былъ Наполеонъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Начиная со всѣхъ мелочей 18-го брюмера, лицемѣріе всюду сопутствовало человѣку, который уже въ юности представлялся дядѣ Фешу „маэстромъ лжи“. Талейранъ говоритъ: „Этотъ удивительный человѣкъ обманывалъ на каждомъ шагу. Даже его истинная страсть ускользаетъ отъ вашего вниманія: онъ находитъ возможность представляться даже тогда, когда она обуреваетъ его“. Наполеонъ руководился словами Макіавеля, что съ друзьями нужно обходиться, какъ съ будущими врагами. Онъ обманывалъ свой народъ, своихъ родныхъ и наперсниковъ, доходя до того, что ставилъ лживыя числа на своихъ письмахъ. У него кавалеры Почетнаго Легіона присягали защищать „свое правительство“, а также „свободу и равенство“. Его „документы“ — оффиціальная ложь, во главѣ которой стоялъ „Монитёръ“. По его приказу, при проходѣ войскъ,

Digitized by Google

полиція подстраивала оваціи, празднества, пѣсни о славѣ и побѣдахъ. Онъ вдохновлялъ газеты и книги столицы, адресы, рѣчи и стихи провинціи, собственноручно создавая „общественное мнѣніе".

Даже художники рисовали такія-же, какъ его боевые „бюллетени", сказочныя картины, гдѣ герой переходилъ С. Бернаръ на горячемъ конѣ, среди снѣжнаго вихря, а онъ тащился на ослѣ, въ прелестную погоду. И въ его запискахъ не мало такихъ сказокъ: Груши погубилъ дѣло подъ Ватерлоо измѣной; московская кампанія проиграна отъ мороза; подъ Бородиномъ французовъ было 90.000 противъ 250,000 русскихъ; на пожарѣ Москвы императоръ опалилъ себѣ волосы, брови и платье, и т. д. Но зато великій полководецъ быстро вносилъ порядокъ во внутреннія дѣла. Его администрація была образцомъ вездѣ, гдѣ дѣло не касалось „идеологіи"; она вызывала подражаніе во всей Европѣ. Матеріальные успѣхи, внѣшняя стройность были изумительны, возникая словно изъ ничего. И создавалось прекрасное законодательство, послужившее на пользу и другимъ народамъ.

Такое-то „необыкновенное" существо стало воплощеніемъ міровой бури: то былъ геній разрушенія, называвшій свою мощь „властью революціи". Онъ не зналъ никакихъ сдержекъ, выросши въ средѣ, которая сама казалась какимъ-то колоссальнымъ и кровавымъ капризомъ, разбившимъ всѣ рамки старины. „Въ его простонародномъ обращеніи отражалась его революціонная юность", сказала свободолюбивая аристократка, г-жа Сталь. Выскочка-космополитъ, онъ вступилъ въ жизнь, жаждавшую новизны, цѣлымъ невѣдомымъ міромъ. Онъ прошелъ по ней, скучая „надоѣвшею старой Европой", и умеръ съ сознаніемъ, что „старая система измѣнилась".

Наполеонъ до наивности не постигалъ преданій и рутины: „Я думалъ, что люди болѣе развиты!" воскликнулъ онъ, столкнувшись съ преданностью католиковъ папѣ, а испанцевъ и русскихъ — своимъ монархамъ. Раціоналистъ Просвѣщенія и „каналья" по бѣдности, онъ страстно, до гроба ненавидѣлъ „привиллегированныхъ" ханжествующей, чопорной старины. У него даже кавалеры Почетнаго Легіона присягали „всячески бороться противъ попытокъ возстановленія феодализма"; и Англія была, въ его глазахъ, менѣе свободною, чѣмъ Франція, ибо „тамъ—олигархія". Получивъ власть, Наполеонъ съ особеннымъ усердіемъ истреблялъ вездѣ „олигархіи". Замѣтивъ намеки на возстановленіе феодализма въ Гол-

Digitized by Google

ландіи, онъ напустился на своего Люи, внушая ему: „Вы забываете основу вашей короны—равенство всѣхъ классовъ!"

Въ юности онъ написалъ „Параллель между Аполлоніемъ Тіанскимъ и Іисусомъ Христомъ" въ пользу перваго; императоромъ онъ называлъ папу „старою лисой", кардиналовъ—„безмозглыми пустомелями", клиръ—„поповщиной" и приказывалъ солдатамъ почитать муфтіевъ и раввиновъ. Нужно читать его военные бюллетени, „Монитёръ", въ особенности-же его переписку, чтобы видѣть, съ какимъ наслажденіемъ шельмовалъ геніальный выскочка старый порядокъ, съ жалкими Гогенцоллерномъ, Габсбургомъ и испанскимъ Бурбономъ во главѣ. Съ какимъ наслажденіемъ воскликнулъ онъ, послѣ Аустерлица: „Александръ высокомѣренъ, окруженъ глупцами: я проучилъ его!" Съ какимъ злорадствомъ пролетарія сказалъ онъ о привезенномъ въ Парижъ на посмѣшище царственномъ недоноскѣ, испанскомъ инфантѣ, который скакалъ на плечи царедворцамъ, игралъ въ прятки и дрожалъ при видѣ коня: „Нужно показать, какъ дѣлаютъ королей, чтобы у другихъ отпала охота становиться ими"!

Въ 1807 г. императоръ далъ такой наказъ новому вестфальскому королю, своему брату Жерому: „Вашъ народъ долженъ пользоваться свободой, равенствомъ, благополучіемъ, которыя неизвѣстны нѣмцамъ. Либеральныя учрежденія лучше величайшихъ побѣдъ укрѣпятъ и расширятъ вашу монархію и лучше крѣпостей оградятъ ее отъ Пруссіи. Какой народъ захочетъ возвратиться къ произвольному прусскому правленію, вкусивъ благодѣянія мудраго и либеральнаго правительства? Народы Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи жаждутъ равенства и либеральныхъ идей. Будьте-же конституціоннымъ королемъ!" На Эльбѣ Наполеонъ сожалѣлъ, что остановился на „полумѣрахъ". Во время Ста Дней онъ мечталъ довершить разгромъ стараго Содома въ Европѣ.

А на о. Еленѣ, узнавъ объ ужасахъ реставраціи, онъ вдохновенно заговорилъ о необходимости революціи, о величіи основъ 1789 г., о своей роли ихъ проповѣдника, за что вспомянутъ его народы, эти „непримиримые враги королей", ищущіе своихъ попранныхъ правъ. Онъ пророчилъ съ тоской: „Безъ меня не пройдетъ десяти лѣтъ— и вся Европа обратится въ казака". Передъ смертью онъ скорбѣлъ, что угнетенный обстоятельствами, упрямствомъ „глупыхъ королей", онъ не успѣлъ дать французамъ ту

Digitized by Google

„свободу“, которую такъ любилъ всегда. Онъ горячо завѣщалъ окружающимъ либеральныя убѣжденія.

Чѣмъ крупнѣе личность, тѣмъ больше въ ней вопіющихъ противорѣчій. Не будемъ говорить о самомъ роковомъ контрастѣ, имѣющимъ міровое значеніе — о миролюбіи и свободолюбіи Наполеона, съ одной стороны, объ его воинственности и цезаризмѣ — съ другой. Но легко привести много примѣровъ болѣе мелкихъ противорѣчій, и во всѣхъ областяхъ жизни. Наполеонъ возстановлялъ католицизмъ во Франціи и держалъ папу въ плѣну: онъ сегодня обращалъ Пантеонъ въ церковь, какъ было до революціи, завтра ставилъ памятники Вольтеру и д'Аламберу; онъ запретилъ одной разводкѣ доступъ ко двору, а самъ развелся съ Жозефиной; онъ ненавидѣлъ англичанъ и отдался имъ; онъ даже не разъ въ битвахъ поступалъ вопреки своей тактикѣ. Наконецъ, въ его сочиненіяхъ, рѣчахъ, газетныхъ заявленіяхъ — риторика и гасконада, фанфаронство, а въ дѣловыхъ письмахъ простота, живая сила, мѣткость большой, умъ.

И вездѣ два человѣка—мечтатель и тонкій практикъ, геній и шарлатанъ. „Отъ торжества до паденія—одинъ шагъ“, говаривалъ самъ Наполеонъ. „Отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ“—эти слова Талейрана объ испанскомъ походѣ примѣняются ко всему Наполеону. Его недостатки такъ крупны и обильны, что историки, которые видятъ въ судьбахъ человѣчества „комедію“ личнаго произвола и подходятъ къ ихъ „виновникамъ“ съ подозрительностью навѣтчиковъ или съ развязностью лакеевъ, подвергаются соблазну признать его „шутомъ Скапеномъ“ (Мишлэ). „Роковому человѣку“ недоставало человѣческаго достоинства.

Даже по внѣшности, то была геніальная чарующая голова древняго римлянина, но посаженная котломъ на тщедушной, нескладной фигуркѣ капрала, съ длинными руками и короткими ножками, которую трепали каррикатуристы, особенно когда она растолстѣла. Фигурка имѣла видъ оброшенности, хотя ея грязнота—сказка: у всѣхъ Бонапартовъ, напротивъ, была наслѣдственная „страсть къ водѣ“. Дамы рисуютъ намъ черты то растрепаннаго генія, то неотесаннаго солдата. Вотъ портретъ консула, набросанный г-жею Ремюза, фрейлиной Жозефины, которая ближе всѣхъ знала его:

„Бонапартъ небольшого роста, несоразмѣрнаго сложенія: слишкомъ длинное туловище поглощаетъ остальное тѣло. Это—шатенъ, съ рѣдкими волосами и сѣровато-голубыми глазами. Цвѣтъ лица, сначала желтый, сталъ,

Digitized by Google

когда онъ пополнѣлъ, матово-блѣднымъ, безъ всякаго оттѣнка. Очертанія лба, оправка глазъ, линія носа прелестны: это — античный медальонъ. Держится онъ, немного подавшись впередъ. Его обыкновенно тусклый взглядъ придаетъ его лицу, когда онъ покоенъ, меланхолическое, задумчивое выраженіе; но когда онъ гнѣвается, взоръ вдругъ становится свирѣпымъ, грознымъ. Къ нему очень идетъ улыбка: она обезоруживаетъ, молодитъ всю его особу; она такъ краситъ и измѣняетъ его лицо, что трудно не подчиниться ей. Одѣвался онъ всегда очень просто, — въ одинъ изъ мундировъ своей гвардіи. Все у него было до того порывисто, что платье никогда не могло сидѣть на немъ хорошо: въ дни парадовъ, лакеи сговаривались, какъ бы уловить моментъ, чтобы оправить его. Онъ не умѣлъ носить никакихъ украшеній".

У великаго человѣка не было великодушія. Холодный разсудокъ вскорѣ поглотилъ проблески другихъ качествъ: все стало у него средствомъ или цѣлью; все хорошее само по себѣ сдѣлалось смѣшнымъ. Наполеонъ сталъ „лабиринтомъ, гдѣ Аріадниной нитью былъ эгоизмъ", по словамъ г-жи Сталь. Уже мальчикомъ онъ былъ волченкомъ. Въ юности дружба и любезность служили ему такимъ-же средствомъ обращать людей въ свои орудія, какъ потомъ фразы о любви къ народамъ и о гражданскомъ благѣ. Сказавъ объ обольстительности Наполеона, итальянскій шпіонъ прибавляетъ: „Затѣмъ выступаетъ оборотная сторона медали: оказавъ кому-нибудь услугу, онъ требуетъ отъ него полнѣйшаго подчиненія, или-же становится его непримиримымъ врагомъ". Въ 26—29 лѣтъ, отправляясь въ Испанію, Наполеонъ просилъ „газетчиковъ" писать о немъ, и только о немъ; а тамъ онъ уже грабилъ страну, удивлялся, отчего Мармонъ не взялъ себѣ малую толику изъ несмѣтной полковой суммы и училъ совѣстливыхъ людей: „Ваша совѣсть — дура! Не впадайте въ эту романтическую филантропію XVIII-го вѣка! Повѣрьте, на этомъ свѣтѣ нужно держаться одного — пріобрѣтать возможно больше денегъ и власти: все остальное — химера".

Уже тутъ передъ нами — султанъ, который утопаетъ въ роскоши византійской обрядности и производитъ кровавыя аттаки для потѣхи своихъ одалисокъ. А затѣмъ верхомъ наслажденія для него стали такія сцены, какъ въ Эрфуртѣ и Дрезденѣ, гдѣ, передъ русскимъ походомъ, среди полумилліона солдатъ и 1½ тысячи пушекъ, императоръ Германіи, короли и князья стушевывались

Digitized by Google

въ подобострастной свитѣ его генераловъ. А послѣ Дрездена онъ крикнулъ дипломатамъ, кладя руку на эфесъ шпаги: „Вотъ мое послѣднее слово!“ Для поклонниковъ „силы, предшествующей праву“, можетъ служить цѣлою теоріей слѣдующее письмо Наполеона Жозефу, когда тотъ сталъ королемъ Испаніи: „Не надѣйтесь слабостью, добротой привлечь сердца. Люди низки: они пресмыкаются и служатъ одной силѣ. Заставляйте только бояться и уважать себя!... Вы слишкомъ якшаетесь съ писателями и учеными. А это — кокетки, съ которыми слѣдуетъ только любезничать, вовсе не разсчитывая выбирать себѣ изъ нихъ жену или министра“. Немудрено, что изъ всѣхъ своихъ враговъ владыка ненавидѣлъ больше всего Англію, папу и г-жу Сталь,—этихъ представителей нравственныхъ силъ — свободы, религіи и просвѣщенія.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Наполеонъ оправдывалъ слова Констана: „все, что было у него республиканскаго, отзывалось терроризмомъ, а что было монархическаго, отзывалось тираніей!“ Онъ становился рѣзокъ, невыносимъ, малодушенъ. Очевидецъ говоритъ: „Онъ видѣлъ свое достоинство въ рѣзкости, считалъ свой гнѣвъ справедливостью, а свою дерзость — правдой“. Убѣжденія превращались въ немъ въ самомнѣніе, воля — въ самодурство, отвага—въ самонадѣянность, энергія — въ нахальство. „Капральчикъ“ сталъ злиться и капризничать, завидовать, мстить беззащитнымъ, насмѣхаться надъ страданіями своихъ жертвъ. Какъ безпощадный молотъ, сокрушалъ онъ соперниковъ, приписывая себѣ ихъ заслуги: отнявши у Моро славу Маренго, онъ злился, что не могъ лишить его чести Гогенлиндена. Онъ не только душилъ, но чернилъ и унижалъ врага, молившаго о пощадѣ, грубо задѣвалъ за живое сильныхъ, зажималъ ротъ умнымъ и правдивымъ, не щадилъ родныхъ: „Вы должны ждать моихъ приказаній даже для того, чтобы побѣлить потолокъ въ вашей спальнѣ“, писалъ владыка Евгенію Богарнэ.

Бонапартъ презиралъ всѣхъ, начиная съ французовъ, этихъ одолѣваемыхъ „слабостью къ славѣ и роскоши нервныхъ машинъ“, для которыхъ онъ былъ „роковымъ иностранцемъ“. Онъ просто не постигалъ, какъ могли противиться ему даже цѣлые народы, короли, чуть не сама природа. Онъ говоритъ: „Чистое слабоуміе—думать, что можно бороться со мной!“ Онъ называлъ Францію своей „любовницей“, и въ такую опасную минуту, какъ передъ Фридландомъ, мечталъ о міродержавіи. Кровными

Digitized by Google

обидами были такія его бумаги, какъ отвѣтъ Александру I на выговоръ по поводу убійства герцога Ангьенскаго, или письма своимъ братьямъ-королямъ, заступавшимся за своихъ ограбленныхъ подданныхъ.

Въ день своего коронованія, властитель сказалъ своему министру: „Да, мое поприще блестяще; я прошелъ прекрасный путь. Но какая разница съ древними временами! Возьмите только Александра Великаго. Завоевавши Азію, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера: и весь Востокъ, за исключеніемъ его матери Олимпіи, Аристотеля да нѣкоторыхъ аѳинскихъ педантовъ, увѣровали въ это. Ну, а объяви я теперь себя сыномъ Божіимъ! Нѣтъ такой рыбачки, которая не освистала бы меня. О, народы черезчуръ просвѣтились! Ужъ нельзя совершить ничего великаго". Но завоеватель разыгрывалъ роль земного Провидѣнія: „Я далъ ему славу!" говорилъ онъ про угодившаго ему человѣчка, уже осыпаннаго деньгами и всякими почестями. Отдыхая въ Фонтенебло послѣ Ваграма, побѣдитель мечталъ: „Моя гвардія въ Зальцбургѣ! Скоро она будетъ здѣсь. Ясно: Европа довольно маленькая страна. Но—я нечестолюбивъ. Только обстоятельства заставили меня сдѣлать то, что я сдѣлалъ. Я только набросалъ очеркъ моего великаго творенія. Но еще успѣю окончить его: я проживу 80 лѣтъ". А на Эльбѣ онъ воскликнулъ: „Моя слава установлена; мое имя будетъ жить столько-же, сколько имя Бога!" Въ воображеніи народовъ, припомнившихъ его рѣчь солдатамъ съ высоты Альпъ, онъ сохранился въ образѣ того Сатаны, который указывалъ на „свои царства" долу.

Такъ выработался совершенный типъ военнаго величія. Передъ походомъ въ Россію, Наполеонъ сказалъ министру Шампаньи: „Воевать и мнѣ самому невыгодно, опасно".—„Ну, такъ не нужно больше воевать!" возразилъ тотъ.—„Да, отвѣчалъ императоръ, но какъ содержать мою армію? А она мнѣ нужна". Онъ пояснялъ брату Жозефу: „побѣда дастъ мнѣ возможность дѣлать все, что ни захочу". И его царствованіе стало блестящимъ воскрешеніемъ цезаризма.

Наполеонъ не любилъ многоидейной Эллады, съ ея пестротой племенъ и маленькихъ республикъ: его идеаломъ была Римская имперія, съ ея легіонами и властелинами, съ ея міродержавіемъ, централизаціей и космополитизмомъ. У него вездѣ были „когорты, легіоны, трибуны, консулы, сенаторы и тріумфы". Онъ самъ себя называлъ „римскимъ Цезаремъ"; его наслѣдникъ титу-

Digitized by Google

ловался „римскимъ королемъ“; передъ битвой подъ Краснымъ,—когда музыка заиграла о „семьѣ“, онъ велѣлъ играть объ „имперіи“. Онъ завѣщалъ, чтобы кланъ жилъ въ Римѣ и роднился съ мѣстною знатью да между собой; а если бы попалъ въ Америку, то вступалъ бы въ связь только съ Вашингтонами да Джефферсонами.

Этотъ „король-выскочка, мѣщанинъ-дворянинъ на тронѣ“ сталъ втираться въ семью „глупыхъ монарховъ“, искать брачныхъ связей съ дворами Россіи и Австріи. Этотъ сынъ революціи съ самаго начала щадилъ роялистовъ и преслѣдовалъ республиканцевъ, хотя тѣ составляли заговоры, а эти сидѣли смирно. Затѣмъ онъ сталъ подавлять гражданственность, прибѣгая къ свободѣ лишь въ такой крайности, какъ Сто Дней. Онъ даже началъ цинично проповѣдывать солдатскій взглядъ на исторію. „Это онъ — причина революціи!“ воскликнулъ Бонапартъ про Руссо. „Впрочемъ, ничего не имѣю противъ этого: тутъ я подобралъ корону, которая валялась на полу“. Когда возникъ вопросъ объ имперіи, и одинъ трибунъ намекнулъ о конституціи, Наполеонъ сказалъ сенаторамъ съ улыбкой: „Свобода? Это—хорошій сводъ гражданскихъ законовъ: теперь націи заботятся только о собственности. Впрочемъ, устройте конституцію! И я прямо скажу: принимайте мѣры противъ моей тираніи,—право, принимайте!“ Одинъ сенаторъ долго внушалъ ему, на свой страхъ, насчетъ „хартіи“. „Вы совершенно правы, но, вѣрьте мнѣ, еще не время“, отвѣчалъ онъ, потрепавъ его по плечу.

Наполеонъ не постигалъ законной оппозиціи. „Къ чему она? спрашивалъ онъ. Въ Англіи это—не мятежники: они добиваются только одного,—чтобы корона купила ихъ. Трибуны въ Римѣ—другое дѣло; да и тамъ они принесли больше вреда, чѣмъ пользы. А у насъ нѣтъ патриціевъ: не нужны и трибуны. Учредительное собраніе было право, отодвинувъ короля на второй планъ: онъ былъ представителемъ феодализма. А нынѣшнее правительство — представитель народа. У насъ оппозиція—или старые привиллегированные, или якобинцы“. Въ глазахъ Наполеона, парламентская опека была личною обидою: онъ называлъ своихъ трибуновъ уличными „собаками“ и злился, отчего они не приходили къ нему въ кабинетъ для возраженій „по-семейному“. Когда одинъ изъ нихъ, Женгенэ, горячо напалъ на него, онъ сказалъ сенаторамъ: „Женгенэ лягнулъ насъ, какъ оселъ! Ихъ тамъ штукъ 12-15,—этихъ метафизиковъ, которыхъ слѣдуетъ пустить въ воду. Это—мелкія насѣкомыя

Digitized by Google

въ моемъ платьѣ; но я не позволю нападать на себя, какъ Людовикъ XVI! Нѣтъ, я не потерплю этого! Нужно показать, что здѣсь чувствуютъ обиды, не желаютъ переносить ихъ".

Цезарскій взглядъ на народное представительство съ полною безцеремонностью высказался въ словахъ Наполеона, по возвращеніи изъ Россіи, по поводу заговора Малэ: „Всѣ бѣдствія Франціи—въ идеологіи, въ этой туманной метафизикѣ, которая хочетъ основать законодательство народовъ на первопричинахъ, изыскиваемыхъ ею съ утонченностью. Это она создала правленіе кровопійцъ! Она разрушила святость и почитаніе законовъ, подчинивъ ихъ лишь волѣ собранія, которому чуждо познаніе всякихъ законовъ!" Суды стали, въ глазахъ воина, послѣ адской машины, также „юридическою метафизикой": „нужна месть,—быстрая, страшная месть!" кричалъ онъ,—и не только сохранилъ смертную казнь, но и возстановилъ клеймо,—эту неизгладимую печать позора, которую конвентъ призналъ безнравственной.

Печать была такъ рекомендована Александру I въ Тильзитѣ: „Увѣряю васъ, что впредь не встрѣтится слова, которое сколько-нибудь задѣло бы васъ; хотя печать у меня довольно свободна, однако полиція имѣетъ разумное вліяніе на газеты". А религію онъ понималъ такъ: „Съ моими префектами, жандармами и попами сдѣлаю все, чего не пожелаю". Принуждая папу къ конкордату, первый консулъ воскликнулъ: „Берегитесь! Сдѣлаюсь протестантомъ, а за мной вся Франція перейдетъ въ лютеранство!" Кодексомъ политической нравственности служили Наполеону Макіавель, Лойола и Торквемада. Онъ игралъ народами и монархами, какъ пѣшками, и никогда не чувствовалъ ни раскаянія, ни сознанія ошибки. Владыка изумлялся безумію и дерзости всего свѣта, осудившаго его за убійство герцога Ангьенскаго! Даже готовый на все Савари сказалъ, потирая лобъ: „иногда трудно служить императору", когда тотъ велѣлъ ему изготовить адскую машину для возвращающихся Бурбоновъ.

Народы казались полководцу вымуштрованными арміями: въ Байонѣ онъ думалъ игрой съ испанскими монархами заставить всю пиренейскую націю маршировать за собой. Также относился онъ къ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ. Узнавъ о жестокой бѣдности въ Парижѣ, онъ крикнулъ: „въ одинъ мѣсяцъ искоренить нищенство!"—и явился указъ о „депо нищихъ". Другой указъ долженъ былъ, посредствомъ запрета

Digitized by Google

англійскихъ товаровъ на материкѣ, мгновенно истребить вѣковую торговлю Великобританіи и однимъ махомъ создать французскую промышленность. Когда, при неудачахъ въ Испаніи, рента повалилась, Наполеонъ повелѣлъ ей остановиться на 80 фр.: онъ приказалъ скупать ее въ казну до этой цифры и уложилъ 30 милліоновъ на эту отчаянную игру, разрѣшивъ министрамъ истратить, если понадобится, еще столько-же. А когда лопнувшіе биржевики, игравшіе на пониженіи, смирились, побѣдитель далъ имъ частью мѣста, частью денежную помощь.

Еще ярче, мелочнѣе, невыносимѣе были эти недостатки, перенесенные въ частную жизнь. „Я—не то, что другіе: законы нравственности и приличія созданы не для меня", говорилъ сверхъ-человѣкъ. Его собственное колоссальное я было закономъ всего для всѣхъ. Самъ онъ былъ свободенъ даже отъ привязанностей, которыхъ не признавалъ и въ другихъ. Его попечительность о родныхъ—черта выскочки и пережитокъ родового быта на Корсикѣ: онъ почиталъ, какъ отца, „великаго брата", Жозефа. Да и она блѣднѣла съ годами: никого владыка не мучилъ больше, чѣмъ своихъ-же братьевъ, распоряжаясь ими, какъ лакеями, даже въ ихъ сердечныхъ дѣлахъ. Тяжелое было положеніе развѣ только самаго близкаго къ нему существа—осторожной, сдержанной Жозефины: онъ пилилъ ее за то, что она питала чувства самосохраненія и собственнаго достоинства, и ревновалъ не только къ мужчинамъ, но и къ рукоплесканіямъ толпы въ свое отсутствіе, а самъ бросилъ подругу самыхъ опасныхъ дней, какъ выжатый лимонъ, когда задумалъ втереться въ семью Габсбурга: онъ довелъ ее до соумышленія съ своими врагами.

Новый Цезарь былъ у себя дома большимъ бариномъ. Воплощенная нервность, онъ вѣчно возился—скакалъ, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, сидя безъ дѣла рѣзалъ ручки креселъ, исчерчивалъ бумагу карандашомъ, писалъ вздоръ. Скопище болѣзней, онъ мучилъ всѣхъ своей падучей, съ дѣтства гримасничалъ отъ судорогъ, зябъ до того, что у него топили до іюля, питался почти однимъ цыпленкомъ, который денно и нощно жарился на кухнѣ. Онъ распалялся даже на задѣтый стулъ. „Малѣйшее стѣсненіе было ему нестерпимо; онъ рвалъ, билъ все, что причиняло ему какую-либо непріятность", замѣчаетъ г-жа Ремюза. „Люблю только покорныхъ", говорилъ владыка. Но и пѣшки были противны ему: „Я не зналъ бы, что съ ними дѣ-

Digitized by Google

лать, если бы это не были посредственности по уму и характеру", говорилъ онъ про своихъ даровитыхъ министровъ, служившихъ ему съ усердіемъ гончихъ собакъ.

Султанъ вѣчно гнѣвался, всѣхъ распекалъ, всѣмъ грозилъ, не исключая посланниковъ, друзей и женщинъ, и никогда не высказывалъ довольства: это значило у него „подстрекать рвеніе" рабовъ. Онъ удивлялся, что скучаютъ у него на вечерахъ. „По барабану не станешь веселиться", замѣтилъ про себя Талейранъ. А однажды онъ сказалъ самому своему господину: „Вы словно хотите сказать всѣмъ: милостивые государи и милостивыя государыни, маршъ впередъ!" На этихъ вечерахъ такъ-же, какъ и на „кругахъ" при аудіенціяхъ, все безмолвствовало, ловя взглядъ барина. Онъ самъ, если раскрывалъ свои уста, то только для повелительныхъ монологовъ. Лишь изрѣдка прорывало ледяную плотину: и тогда лилась горнымъ потокомъ, трещала пышнымъ фейерверкомъ увлекательная гасконада сына юга: ораторъ разжигалъ самъ себя, заносясь въ безконечную высь своихъ фантасмагорій.

Этотъ театральный, хвастливый, лукавый, мишурный, циничный югъ давалъ тонъ всему Тюльери. И первымъ „шарлатаномъ" (такъ называютъ тамъ фокусниковъ и актеровъ) былъ самъ Наполеонъ. Онъ былъ мастеръ напускать на себя, притворяться, говорить съ каждымъ его языкомъ, даже внезапно мѣнять лицо и голосъ. Особенно удавались ему ужасныя вспышки дѣланнаго гнѣва и сцены величія,—эти распеканья пословъ, нотаціи и репримандьы монархамъ и націямъ, которые чуть не заранѣе отдавались въ „Мониторъ". Лицедѣй самъ говорилъ, что умѣетъ сдерживать всякую страсть и даже не мигнуть глазомъ при созданіи величайшихъ замысловъ: „Я—само малодушіе, когда составляю военный планъ, меня одолѣваетъ волненіе; но я свѣтелъ передъ людьми, какъ рождающая дѣвица". При своей громадной памяти, онъ будто не помнитъ именъ своей дворни. „А, вы, какъ бишь васъ?" трижды спрашивалъ онъ академика Гретри. „Все онъ-же, Гретри, государь", отвѣчалъ ученый.

Наполеонъ даже хвастался коварствомъ и тѣмъ отмѣннымъ шпіонствомъ, которымъ окружилъ свой домъ, приравнивая эти прелести къ военной хитрости. Онъ любилъ разсказывать, съ лукавой усмѣшкой, какъ дядя предсказалъ ему міродержавіе, потому что „мальчикъ вѣчно вретъ!" Де-Прадтъ свидѣтельствуетъ: „Императоръ—воплощенная хитрость, подбитая насиліемъ. Но

Digitized by Google

онъ больше цѣнитъ свою хитрость. Для него успѣхъ ничего не значитъ: все дѣло въ томъ, чтобы подцѣпить голубчика. „Я—тонкая, тонкая штука", говорилъ онъ мнѣ сто разъ". Секретарь Бурьенъ замѣчаетъ: „Тяжело было писать подъ его диктовку бюллетени, гдѣ каждое слово—ложь"... А Наполеонъ ободрялъ его: „Другъ мой, вы—простофиля: вы тутъ ничего не понимаете". Талейранъ предупреждалъ вновь залученнаго эмигранта: „Онъ живо превратитъ васъ въ болвана, какъ всѣхъ насъ".

А этотъ Талейранъ, съ товарищами Фушэ, Савари, Камбасересомъ подходили къ нему: даровитые, неусыпные рабы, они были подонками революціи, вѣроломными и алчными себялюбцами, слѣпо исполнявшими политику, гибельныя слѣдствія которой они видѣли своими пронырливыми глазами опытныхъ сыщиковъ. И ими былъ недоволенъ баринъ. „Какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ!" шепталъ Талейранъ, когда Наполеонъ выругалъ его публично, какъ школьника; и онъ подвергся опалѣ въ 1808 г. за добрые совѣты по поводу Испаніи. Доставалось и Фушэ съ его ищейками: они держались только тѣмъ, что лгали въ своихъ доносахъ, показывая громовержцу однѣ хорошія новости. Также поступали медики. Императоръ злился, если они отвѣчали уклончиво на его обычный вопросъ о больныхъ: „умретъ или нѣтъ?"

Эстетика была такъ-же чужда Наполеону, какъ и этика. Если онъ напѣвалъ среди работъ, то фальшиво, хотя музыка и именно пѣніе были его любимыми развлеченіями. Не понималъ Бонапартъ и живописи: говорили, что онъ заказываетъ картины по метрамъ. То былъ грубый солдатъ и питомецъ патріархальной Корсики, гдѣ и потомъ проживали многіе Бонапарты. Онъ съ молоду всюду лѣзъ съ пронырливостью своего отца, пренебрегая не только условностями „свѣта", но и приличіями благовоспитанности. 24-хъ лѣтъ, онъ, въ сальной пьескѣ, назвалъ себя „циникомъ". Онъ часто бранился по-солдатски, не стѣсняясь присутствіемъ прекраснаго пола. На женщинъ завоеватель смотрѣлъ очень просто: „Прелюбодѣяніе—говорилъ онъ—самая обыденная вещь: это—дѣло канапэ". И судьба не обдѣлила его незаконнымъ потомствомъ [1]).

---

[1]) Всѣмъ извѣстенъ графъ Александръ Флоріанъ *Валевскій*, министръ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III: онъ родился въ 1810 г. Но было не мало другихъ плодовъ мимолетныхъ страстишекъ „рокового человѣка". Доподлинно извѣстны слѣдующіе: 1) *Dedienne*, род. въ Ліонѣ, въ

Одна чувственность привлекала его къ такимъ красавицамъ, какъ креолка Жозефина и полька Валевская. Даже опытныя дамы двора стѣснялись, когда онъ высказывалъ имъ свою „любезность дикаря": „отъ его ласкъ говорили они, пахнетъ гарнизономъ". Дома герой былъ султаномъ: его окружали смазливыя буржуазки, съ титуломъ „дамъ-докладчицъ", которыхъ онъ засаживалъ за карты, а самъ пачкалъ ихъ табакомъ, который больше разсыпалъ, чѣмъ нюхалъ, грубо нѣжничалъ и гнѣвался, если онѣ отворачивались или краснѣли. Его женщины не смѣли измѣнять даже взглядомъ, тогда какъ Юпитеру дозволялись всякія шалости: Жозефина обвиняла его въ близости къ роднымъ сестрамъ, а всеобщій голосъ считалъ ея Гортензію его жертвой. Его взглядъ на женщину выразился еще въ комплиментѣ одной писательницѣ: „не люблю интеллигентныхъ дамъ". На о. Елены онъ самъ сочинилъ, будто на вопросъ г-жи Сталь: „какая самая замѣчательная женщина во Франціи?" отвѣчалъ: „та, которая больше рожаетъ дѣтей". И никого онъ такъ не преслѣдовалъ, какъ эту писательницу, служившую ходячимъ по Европѣ опроверженіемъ его солдатскихъ понятій.

Женщины не были избавлены и отъ гарнизонныхъ шутокъ сытаго барина: онъ щипалъ за уши не только угодившихъ ему царедворцевъ, но и своихъ родственницъ-королевъ. Но такія счастливыя минуты выдавались рѣдко. Новый Цезарь томился среди обыденной обстановки, хотя бы и не лишенной значенія. „Невозможно забавить беззабавнаго!" жаловался Талейранъ. Серьезность, даже мрачность были корнями природы Наполеона. Вставалъ онъ всегда разстроенный, печальный: только работа освѣжала его. Улыбка рѣдко скользила по безкровному лицу „рокового человѣка", покрытому оттѣнкомъ грусти: оттого такъ обворожителенъ былъ этотъ лучъ солнца среди вѣчно нависшихъ тучъ. Его тяготилъ избытокъ силъ, эти безконечные чудовищные планы-колоссы. Онъ вѣчно производилъ какой-то математическій анализъ надо всѣмъ: политикъ, по его словамъ, „долженъ взвѣшивать даже собственные недостатки", чтобы и изъ нихъ извлекать пользу. „Я не созданъ для наслажденій", говаривалъ онъ.

Г-жа Ремюза такъ дорисовываетъ портретъ грознаго

1802 г.; 2) графъ *Léon*. род. въ 1806 г., отъ одной фрейлины принцессы Каролины; 3) *Гордонъ-Бонапартъ*, родившійся на о. св. Елены отъ одной ключницы, которая потомъ вышла замужъ за мистера Гордона; онъ умеръ, въ 1886 г., часовщикомъ въ Санъ-Франциско.

Digitized by Google

императора: „Онъ восхищался завываніемъ вѣтра, съ восторгомъ говорилъ о ревѣ моря, не разъ даже пытался оправдывать ночные призраки и склонялся къ суевѣрію. Нерѣдко, вечеркомъ, придетъ онъ, бывало, изъ своего кабинета въ гостиную жены, велитъ завѣсить свѣчи бѣлымъ и молчать, а самъ начнетъ разсказывать или слушать о привидѣніяхъ, или-же заставитъ итальянскихъ артистовъ пѣть тихо, медленно, едва дотрогиваясь до струнъ немногихъ инструментовъ. И онъ погружался въ мечты, а всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, не шелохнувшись. Обыкновенно онъ становился веселѣе и разговорчивѣе, очнувшись изъ этого забытья, которое приносило ему облегченіе".

Вообще у этого питомца классицизма и революціи, Плутарха и Руссо, совершался переворотъ въ глубинѣ души съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался императоромъ. Равнодушіе къ религіи, туманныя понятія о ней уступали мѣсто какому-то мягкому, терпимому деизму. Съ другой стороны въ счастливцѣ развивался фатализмъ корсиканца. Онъ все чаще говорилъ про „фортуну" и „судьбу". Когда дядюшка Фешъ, въ самомъ началѣ, вздумалъ предостерегать его отъ его капризовъ, этотъ дальнозоркій даже физически человѣкъ подвелъ его, въ ясный полдень, къ окну и спросилъ: „Видите вы эту звѣзду? Нѣтъ! Ну, пока я одинъ вижу ее, буду идти своей дорогой—и не потерплю никакихъ замѣчаній".

Затѣмъ въ императорѣ все явственнѣе обнаруживалась вѣра въ предзнаменованіе и предчувствія: „Мои предчувствія никогда не обманываютъ меня", замѣчалъ онъ и пускался въ разсказы объ нихъ, о „фатальныхъ" встрѣчахъ, даже о привидѣніяхъ. Даже въ бюллетеняхъ попадались такія выраженія, какъ объ одномъ убитомъ генералѣ: „пришелъ его часъ". Наполеонъ вѣрилъ, что Жозефина „приноситъ ему счастье", чего не оспаривала и его подруга. И онъ сопровождалъ ее къ гадалкѣ Ленорманъ. Вѣра въ свою звѣзду, поддерживаемая увѣренностью въ вѣчной негодности своихъ враговъ, была причиной многихъ промаховъ великаго полководца, особенно при тяжкомъ поворотѣ судьбы въ 1813 г. „Фортуна сердится на насъ", сказалъ онъ Дюроку. Тогда-же онъ велѣлъ жарить изъ орудій въ кавалерію врага, которая стояла внѣ выстрѣловъ, воскликнувъ: „Быть можетъ, подвернется что-нибудь замѣчательное: вѣдь, Моро былъ сраженъ шальнымъ ядромъ!"

Всѣ чудовищные успѣхи не могли успокоить болѣзненнаго титана, который уже въ 1809 г. писалъ Жозефу

Digitized by Google

въ Мадридъ: „Соорудите крѣпость. Ни вы, ни я не знаемъ, что будетъ черезъ 2—4 года; вѣка не для насъ". Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мечтатель въ юности превращался въ задумчиваго, озабоченнаго страдальца. Послѣ покушеній, онъ сталъ уединяться. Только на парадахъ въ Тюльери можно было лично подать ему просьбу. Онъ леталъ по городу, окруженный конною гвардіей. Гвардейцы стояли и за кулисами театра, у которыхъ онъ сидѣлъ. Въ Мальмезонѣ (лѣтній дворецъ) патрули сновали по аллеямъ; а когда императоръ возвращался въ Парижъ, полиція обшаривала попутныя улицы. Наполеонъ пересталъ довѣрять даже министрамъ: юный флигель-адъютантъ передавалъ имъ его повелѣнія. Наконецъ онъ завелъ тайную полицію, съ преданными генералами во главѣ (Дюрокъ, Савари, Даву, Жюно и др.): они надзирали и за обыкновенной полиціей, и другъ за другомъ.

Такъ XIX вѣкъ начинался съ воплощенія „эгоизма", которому служилъ „геній", какъ выразился Тэнъ. Но это явленіе можно наблюдать во всей его чудовищности лишь съ „начала его конца", съ 1808-го г. Въ 1800-же году оно озарялось тѣми чертами величія и даже человѣчности, которыя составляли тайну обаянія „рокового человѣка" въ расцвѣтѣ его силъ.

Есть три портрета мастеровъ кисти, Наполеонъ аркольскій юноша, Наполеонъ консулъ, Наполеонъ императоръ; въ нихъ схвачена и душа оригинала. Второй изъ нихъ— переходъ отъ перваго къ третьему. Тутъ уже погасъ тотъ идеальный оттѣнокъ мягкой юности, который плѣнялъ всѣхъ въ итальянскомъ походѣ (гл. XI). Передъ нами страдальческое лицо, съ сурово сжатыми губами, съ растрепанными волосами, съ крупными морщинами на лбу, съ огненнымъ взоромъ впалыхъ глазъ, словно пронизывающихъ васъ насквозь. Въ этой странной, молчаливой, но простой, фигурѣ есть поэзія грозной силы, мятежнаго вдохновенія, отчаянной рѣшимости, роковой самоувѣренности. Къ нему еще подходитъ описаніе „Цюрихской Газеты", когда онъ проѣзжалъ Базель въ 1797 г.: „Бонапартъ желтъ, съ крупными морщинами на лбу; онъ утомленъ, кашляетъ, харкаетъ кровью. Огненный взоръ впалыхъ глазъ, кажется, пронизываетъ васъ насквозь. Онъ серьезенъ, но безъ малѣйшей гордости. Одѣтъ совсѣмъ просто. Говоритъ мало, но очень выразительно. Всегда задумчивъ: настоящій герой... У него весьма пріятное лицо. Ничто не ускользаетъ отъ

Digitized by Google

его многозначительнаго взора. Онъ не скажетъ слова, не подумавъ".

Его задумчивый взглядъ еще согрѣвался плѣнительной улыбкой. Онъ еще предавался поэтическимъ мечтамъ, любилъ Оссіана, полусвѣтъ и тихую музыку, упрекалъ мать за скопидомство и корсиканскій діалектъ. Онъ высказывалъ признательность своимъ воспитателямъ и помощникамъ, уваженіе къ наукѣ и искусству. Онъ еще ходилъ, какъ мать, за своимъ Люи и, какъ юноша, увлекался своей Жозефиной, даже плакалъ, объявляя ей о разводѣ. По словамъ самой Сталь „дома у него было какое-то добродушіе". Геній ада тянулся къ слабымъ, чтобы преклонить свою буйную голову: „Если бы, говорилъ онъ, у меня не было немного прелести въ домашней жизни, я былъ бы несчастенъ".

Надъ 30-лѣтнимъ героемъ сіяла слава культурнаго возрожденія Востока, гдѣ онъ поднялъ феллаха и даже женщину. Ему еще повиновались не изъ одного страха: въ него вѣрили, его готовы были полюбить. Надѣялись, что Бонапартъ положитъ конецъ кровопролитіямъ повсюду, откроетъ эру мира, явитъ свѣту образецъ внутренняго строенія великой націи, расшатанной до корней бурями 10-ти лѣтней революціи...

А. Трачевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

HOMO SAPIENS.

На распутьи.

повѣсть

Станислава Пшибышевскаго *).

Перев. съ польск. Эрве.

I.

ФАЛЬКЪ вскочилъ, какъ ужаленный.

Кто тамъ опять стучитъ?

Онъ боялся, что ему помѣшаютъ работать, именно теперь, когда онъ, наконецъ, твердо рѣшилъ взяться за работу.

Слава Богу! Нѣтъ никого изъ друзей. Почталіонъ.

Хотѣлъ бросить письмо. Не къ спѣху. И вдругъ: Никита!

Въ жаръ даже бросило.

Никита, дорогой Никита!

---

*) Станиславъ Пшибышевскій (род. 1868 г.), въ настоящее время одинъ изъ самыхъ популярныхъ и модныхъ польскихъ писателей. Печататься онъ началъ въ Германіи и исключительно на нѣмецкомъ языкѣ („Die Totenmesse“, „Vigilien“, „Epipsychion“) и лишь съ 1897 г. сталъ писать на польскомъ. Онъ стоитъ въ одной группѣ со Стриндбергомъ, Тетмайеромъ, Демелемъ, Гофманшталемъ. Писатели эти явились основателями новаго литературнаго направленія, получившаго названіе „модернизма“. Собственно говоря, модернисты не составляютъ особой самостоятельной школы съ опредѣленными рѣзко выраженными чертами, отличающими ее отъ другихъ прежнихъ и современныхъ теченій. Все талантливое, смѣлое въ смыслѣ содержанія и формы находитъ у нихъ сочувствіе и признаніе. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ идеями Ибсена, и попытками символистовъ, съ элементами философіи Шопенгауэра и Нитцше, съ воззрѣніями Беклина и импрессіонистовъ. Размахъ у нихъ широкій, борьба съ рутиной, съ отживающими формами энергичная и

Digitized by Google

Пробѣжалъ глазами письмо: „Будь завтра послѣ обѣда дома. Возвращаюсь изъ Парижа“.

Такъ много онъ давно уже не писалъ,—съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ написалъ свое знаменитое нѣмецкое сочиненіе.

Талькъ отъ души разсмѣялся.

Великолѣпное сочиненіе! Какъ его тогда не выгнали изъ гимназіи!

Новогоднія впечатлѣнія, переданныя въ видѣ поздравленія, въ безконечныхъ періодахъ: каждая фраза на двухъ страницахъ.

А потомъ. Нѣтъ, это было удивительно! Старый Френкель... Какъ онъ ругался! Дѣло принимало опасный оборотъ...

Фалькъ припомнилъ, какъ онъ уговорилъ Никиту написать апологію, главной мыслью которой была игра словъ: „Was einem Schiller erlaubt ist, sollte einem Schüler nicht erlaubt sein?“

А потомъ, на другой день. Почти всю ночь напролетъ писали они апологію, подъ утро легли спать, а Френкелю послали увѣдомленіе.

Фалькъ до сихъ поръ еще не могъ понять, какъ это могло пройти для нихъ безнаказанно.

Увѣдомленіе гласило: „Само собой понятно, что нельзя придти въ гимназію, если всю ночь работать надъ апологіей“.

Двадцать страницъ мелкаго письма...

Но теперь за работу.

Сѣлъ, но желаніе работать пропало. Хотѣлъ заставить себя, старался собраться съ мыслями, грызъ перо, написалъ нѣсколько банальныхъ строкъ: нѣтъ, не работается.

Въ другой разъ онъ навѣрное дошелъ бы до своего мрачнаго, „могильнаго“ настроенія и постарался бы залить его виномъ. Сегодня онъ былъ веселъ.

открытая. Первые смѣлые шаги ихъ приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе и если съ одной стороны раздаются нареканія обиженныхъ литературныхъ старцевъ, то съ другой слышны ободряющіе возгласы молодой критики, надѣющейся на близкое наступленіе новой литературной эры. Какъ бы то ни было, если теперь и преждевременно высказывать опредѣленныя упованія, то во всякомъ случаѣ нельзя не признавать за такими писателями, какъ Пшебышевскій, свѣжаго мощнаго таланта, самостоятельнаго до дерзости, способнаго увлечь сомнѣвающихся и колеблющихся на пути борьбы со старыми кумирами. Все, что вышло изъ подъ пера Пшибышевскаго (драма „Ztote runo“, романъ „Homo sapiens“, „Na tym padole placzu“ и др.), все это отмѣчено печатью одного изъ тѣхъ незаурядныхъ явленій, которому выпадаетъ на долю вызвать извѣстный переворотъ въ литературныхъ вкусахъ и мнѣніяхъ. *Перев.*

Digitized by Google

Развалился на стулѣ.

Вспомнился ему ужасный чердакъ, гдѣ оба они жили послѣдній гимназическій годъ.

По одной стѣнѣ три окна, никогда не отворявшихся, такъ какъ стекла могли каждую минуту вылетѣть. Всѣ стѣны покрыты плѣсенью. А холодъ, Боже милосердный!

Однажды они рано проснулись и съ удивленіемъ стали осматривать комнату.

— Удивительно свѣжо, сказалъ Никита.

— Да, свѣжо.

И безъ конца удивлялись этому необыкновенному явленію.

Потомъ дѣло объяснилось! На дворѣ былъ такой морозъ, что птицы замерзали на лету.

Фалькъ всталъ. Это были лучшія его воспоминанія.

А этотъ долговязый, который всегда снабжалъ ихъ книгами, какъ его звали?

Преинтересный субъектъ...

Долго не могъ онъ припомнить его имени. Ахъ, да! Лонгинусъ.

Фалькъ вспомнилъ, какъ однажды Никита забрался въ конуру Лонгина и взялъ книжку, которой тотъ не хотѣлъ ему одолжить.

Вдругъ въ воскресенье—опять холодъ въ комнатѣ... Проснулся. Странная картина: Никита въ одной рубашкѣ, въ рукѣ у него ключъ отъ дверей; Лонгинусъ, взбѣшенный до послѣдней степени, дрожалъ отъ ярости.

— Открой двери! шипѣлъ Лонгинусъ съ театральнымъ паѳосомъ.

— Положи книгу, тогда открою.

Лонгинусъ съ видомъ побѣдителя ходилъ большими шагами по комнатѣ.

— Открой двери! кричалъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Положи книгу.

— Ты человѣкъ воспитанный, образованный, ты не допустишь, чтобы мои права были такъ или иначе нарушены.

Лонгинусъ обратился къ Фальку, а выражался онъ всегда искусно и хорошо подобранными фразами.

— Увы, мнѣ очень жаль, но ключъ у Никиты.

Лонгинусъ опять торжественно подошелъ къ кровати Никиты:

— Отнынѣ ты для меня необразованный человѣкъ.

Это была самая жестокая брань, на какую онъ только былъ способенъ.

Digitized by Google

— Открой двери! Я уступаю насилію и оставляю тебѣ книгу.

Боже! Какъ они тогда смѣялись. Къ тому-же это было въ воскресенье. Собственно говоря, имъ слѣдовало быть въ костелѣ. Но они не любили костела. Они были слишкомъ вѣрны своимъ атеистическимъ убѣжденіямъ.

Во всякомъ случаѣ это было небезопасно. Фанатикъ учитель закона Божія шнырялъ по костелу...

Ха, ха, ха.

Фалькъ вспомнилъ, какъ однажды онъ сидѣлъ въ костелѣ противъ своей „богини"—сидѣлъ на катафалкѣ, желая быть плѣнительнымъ и интереснымъ, въ продолженіе всей безконечно долгой проповѣди онъ оставался въ очень неудобной позѣ, въ какой видѣлъ однажды на картинкѣ Байрона, сидящаго на могилѣ Шелли.

Славная была потомъ исторія...

Опять хотѣлъ онъ взяться за работу, но не могъ сосредоточиться. Въ мозгу у него все прыгало и кружилось около этихъ воспоминаній.

Безсмысленно онъ грызъ перо и повторялъ: славное было время!

А какъ они открыли Ибсена, и какъ „Брандъ" вскружилъ имъ голову...

Все или ничего! Это стало ихъ лозунгомъ.

Они отыскивали логовища нищихъ, собирали вокругъ себя дѣтей пролетаріевъ.

И Фалькъ опять увидѣлъ себя на чердакѣ.

Пять часовъ утра. Стукъ деревянныхъ башмаковъ, словно пушки грохочутъ по лѣстницѣ.

Потомъ открывается настежь дверь и входятъ одинъ за другимъ: мальчикъ, дѣвочка—два мальчика—двѣ дѣвочки, — вся комната наполняется.

Всѣ группируются у печки, около большого дубоваго стола.

— Никита, вставай. Я страшно усталъ.

Никита ругается.

Онъ не можетъ встать. Всю ночь писалъ латинскій переводъ.

Затѣмъ оба сразу вскакиваютъ, обозленные другъ на друга.

Зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холода.

А потомъ: онъ возлѣ печки согрѣваетъ себя дыханіемъ и ругается, такъ какъ дрова не растапливаются, а Никита грѣетъ котелокъ съ молокомъ на спиртовой машинкѣ.

Постепенно ихъ лица проясняются.

Digitized by Google

Дѣти бросаются на хлѣбъ и молоко, какъ молодые хищники — Никита въ сторонѣ сіяетъ отъ радости.

А потомъ: дѣти вонъ!

Тогда они уже посматриваютъ другъ на друга ласково.

На Фалька повѣяло душевнымъ тепломъ. Давно ужъ онъ не испытывалъ ничего подобнаго. Одному Богу извѣстно, сколько прекраснаго и человѣчнаго было во всемъ этомъ.

Потомъ, имъ обыкновенно дѣлалось стыдно за то, что они ловили себя на сантиментальности, нѣтъ — они называли это эстетикой — наконецъ, ссора.

— Niebelungenlied — это только праздная пустая болтовня. Никита хорошо зналъ слабыя стороны Фалька.

Съ этимъ Фалькъ, разумѣется, не могъ согласиться. Разсуждалъ онъ съ невѣроятнымъ воодушевленіемъ и рѣзалъ хлѣбъ.

Никита былъ хитеръ. Всегда вовлекалъ Фалька въ пренія, а самъ уничтожалъ нарѣзанные куски хлѣба, чего Фалькъ въ разгарѣ спора, понятно, не замѣчалъ.

И вдругъ: Господи! на двѣ минуты опоздали. Схватываютъ книжки и бѣгомъ въ гимназію. Онъ впереди, Никита сзади, прихрамывая.—Вылѣчилъ ли онъ свою ногу?—Тогда только Фалькъ обыкновенно замѣчалъ, что онъ голоденъ, Никита уничтожилъ весь хлѣбъ— ловкій малый!

Потомъ...

Фалькъ задумался.

„Брандъ" въ вопросѣ о любви. Все или ничего...

Опять задумался.

Собственно говоря, онъ сгубилъ жизнь Янины.

— Гм... но почему она не могла оторваться отъ него? А какъ онъ ее мучилъ требованіями и прямолинейностью Бранда.

Да, онъ, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ на нее какъ-бы гипнозомъ.

Какъ-же иначе объяснить, что она убѣжала изъ дому и уѣхала съ нимъ?

Непріятно. Въ сущности онъ никогда ее не любилъ. Онъ хотѣлъ только узнать, какъ у дѣвушки развивается чувство любви. Онъ хотѣлъ написать біогенезу любви. Недурно было задумано, для восемнадцатилѣтняго мальчика. Но онъ читалъ тогда Бюхнера и того „triste cochon" Бурже.

Слѣдовало бы ее навѣстить.

Нѣтъ, лучше нѣтъ. Если бы она, наконецъ, могла о немъ забыть.

Digitized by Google

Онъ всталъ и въ задумчивости зашагалъ по комнатѣ.

Въ самомъ дѣлѣ—это мерзко, то и дѣло обманывать ее, а потомъ изображать изъ себя человѣка мыслящаго логично и объяснять, что любовь слѣдуетъ побѣждать въ себѣ, что любовь—чувство первобытныхъ людей, въ нѣкоторомъ родѣ патологическое переживаніе въ духовной жизни новаго человѣка.

Да, въ этомъ онъ самого себя превзошелъ!

Если-бы она только могла быть повеселѣе.

Онъ вспомнилъ, какъ она ему однажды отвѣтила на его насмѣшки:

Я желаю тебѣ только одного, чтобы ты когда-нибудь полюбилъ, серьезно полюбилъ...

Какъ она была наивна. Нѣтъ—нѣтъ... старый кенигсбергскій воинъ зналъ, чѣмъ это пахнетъ—о! онъ вникнулъ въ природу любви: любовь, безъ сомнѣнія,—только болѣзненный симптомъ... Да, Кантъ понималъ, что такое любовь...

Онъ закурилъ папиросу и растянулся на софѣ.

Надъ чѣмъ теперь Никита работаетъ?

Сколько энергіи въ этомъ человѣкѣ.

Съ такимъ трудомъ пробиваться въ жизни, и ни на шагъ не отступить съ намѣченнаго пути.

Теперь онъ могъ бы ужъ нажить себѣ состояніе, если бы хотѣлъ такъ писать, какъ другіе.

Тяжело жилось ему студентомъ.

— Нѣтъ ли десяти пфениговъ, Никита?

У Никиты ничего не было; съ утра начиналъ онъ старательно перебирать всѣ свои вещи, отыскивая десять пфениговъ, которые гдѣ-нибудь да должны-же найтись.

— Что-же, попостимся?

— Придется... Никита не прекращалъ работать. Впрочемъ, говорятъ, деньги теперь почти потеряли свою цѣнность.

— Да, да—я уже слышалъ это.

— Ну, да—Никита продолжалъ рисовать

И терпѣли страшный голодъ!

Фалька покоробило.

Онъ совершенно обезсилѣлъ отъ голода.—Удивительно, какъ онъ не сошелъ съ ума. А однажды отъ слабости упалъ на улицѣ и его чуть не задавили.

Въ довершеніе всего у нихъ были одни штаны. Никита рисовалъ въ одномъ бѣльѣ, когда Фалькъ шелъ въ университетъ.

Теперь Фалькъ громко разсмѣялся.

Digitized by Google

Припомнилъ онъ, какъ мать прислала своего управляющаго съ деньгами. Продала она тогда лѣсъ. Всѣ трое пошли въ кабакъ и сидѣли тамъ съ утра до поздней ночи. Управляющій на четверинкахъ возвращался домой. Никита безпрестанно хваталъ его за ногу до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, управляющій не вышелъ изъ себя и не лягнулъ его каблукомъ въ носъ.

О, Боже! А какъ управляющій, почувствовавъ позывъ къ рвотѣ, пробилъ головой стекло, потому что не могъ открыть окна...

И опять, припомнилъ Фалькъ, цѣлыя недѣли голода и нищеты; съ нѣжностью думалъ онъ о матери, которая всегда въ послѣднюю минуту выручала ихъ.

Онъ расчувствовался.

Да, да, мать... мать...

Но Никита, должно быть, изрядно поголодалъ въ Парижѣ.

Хе, хе—и это піонеры, прокладывающіе новые пути.

Фалькъ меланхолически улыбнулся.

Но, нѣтъ! На зло! Скорѣе погибнуть съ голоду, чѣмъ хоть на шагъ отступить!

Въ чемъ-же собственно дѣло? Что поддерживало его, несмотря на всѣ издѣвательства, на злобныя выходки, на всѣ неудачи?

Онъ снова прилегъ.

Великое, дивное искусство, которое ищетъ новыхъ міровъ, міровъ, лежащихъ внѣ явленій, внѣ сознанія, внѣ всякой конкретной формы—міровъ, до того неуловимо скрытыхъ, что всѣ соединенія теряются—міровъ, скрытыхъ въ одномъ взглядѣ, въ одномъ движеніи, въ одномъ проблескѣ секунды...

Онъ тяжело вздохнулъ.

А новые символы... Новыя слова, новые цвѣта, новые звуки...

— Все это ужъ было!

— Нѣтъ, нѣтъ, милостивый государь, не все. Не было страданія, которое выше страданія, не было наслажденія, которое переходитъ въ страданіе, не было цѣлаго ряда новыхъ понятій, въ которыхъ всѣ чувства сливаются въ одно... да, да, не было еще тысячи впечатлѣній, которыя доступны пониманію лишь двухъ, трехъ, самое большое—десяти изъ современныхъ людей... Всего этого не было, иначе поняла бы это и толпа, толпа, нуждающаяся въ вѣкахъ для того, чтобы переварить хоть одну крупицу мысли.

Въ концѣ концовъ, быть можетъ, и лучше, что не

Digitized by Google

всякій журнальный феллахъ понимаетъ это, иначе художникъ долженъ былъ бы стыдиться самого себя.

Онъ смотрѣлъ на дымъ, который тоненькими струйками поднимался отъ папиросы и вился вверхъ странными кружочками.

Онъ видѣлъ однажды ручей, точь-въ-точь такъ нарисованный на китайской картинѣ.

Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ голосъ Никиты.

Да, онъ припомнилъ: никогда впослѣдствіи онъ не переживалъ такого мистическаго необъяснимаго настроенія. Онъ тогда былъ боленъ, онъ не могъ открыть глазъ, лицо у него отекло, Никита ухаживалъ за нимъ; о, онъ умѣлъ ухаживать за нимъ! День и ночь онъ не отходилъ отъ его кровати, а когда Фалькъ не могъ заснуть, Никита читалъ ему вслухъ. Да, онъ читалъ „Флорентійскія ночи“ Гейне.

И Фалькъ слышалъ монотонное мягкое пѣніе, да, пѣніе, а, можетъ, быть молитву, которая, восходя къ небу, постепенно замирала—словно послѣдняя зыбь на озерѣ въ вечернюю пору—все тише, все нѣжнѣе... заснулъ.

II.

— Никита, дорогой мой!

— Да, это я.

Обнялись.

Фалькъ былъ сильно взволнованъ.

Метался по комнатѣ, хватался за самые разнообразные предметы и сыпалъ безъ передышки:

— Говори, говори, чего хочешь? Пива? Водки? Впрочемъ, постой, постой. У меня есть великолѣпное токайское—мать прислала—представь себѣ, еще отъ отца осталось. А онъ понималъ толкъ въ винахъ.

— Брось. Сядь ты, ради Бога. Дай взглянуть на тебя.

Наконецъ, Фалькъ успокоился.

Радостно смотрѣли они въ глаза другъ другу и чокались рюмками.

— Превосходное вино! Но какъ ты, братъ, плохо выглядишь! Написалъ, должно быть, кучу... Чортъ возьми! Твоя послѣдняя книжка такъ меня взбудоражила... нѣтъ, это было въ самомъ дѣлѣ необыкновенно! Покупаю книгу, начиняю на улицѣ читать, останавливаюсь, книга

Digitized by Google

такъ меня интересуетъ, что я кончаю ее на улицѣ и чуть съ ума не схожу. Ты удивительный художникъ!

Фалькъ сіялъ.

— Очень, очень меня это радуетъ. Ты вѣдь особенно былъ требователенъ ко мнѣ.

— Такъ тебѣ дѣйствительно понравилось?

— Ну, да!

Никита описалъ въ воздухѣ рукой большой кругъ. Фалькъ усмѣхнулся.

— У тебя новый жестъ.

— Видишь, словами выразить не все можно. Всѣ эти тонкости, неуловимые оттѣнки могутъ быть переданы только жестомъ.

— Да, ты правъ.

— Вотъ это, напримѣръ, большая линія, понимаешь,— большой размахъ, движеніе—горячее подводное теченіе, это далеко не всѣмъ понятно. Однажды, въ Парижѣ я былъ у одного изъ великихъ натуралистовъ, или, какъ они тамъ называются...Здоровую деньгу зашибаетъ! Ну да, публика начинаетъ теперь покупать этотъ cinquième élement, который Наполеонъ открылъ въ Польшѣ—la boue и немножко картофельной ботвы. Прежде покупали картинки на пакетахъ съ пряниками—картинки знаменитаго обойщика его апостольскаго величества—Рафаэлемъ назывался, что ли? Да, ну—а теперь настало время живописцевъ, рисующихъ картофель и грязь.

Вотъ я и спросилъ этого маэстро, почему собственно рисуютъ то, что въ природѣ въ тысячу разъ лучше и что въ концѣ концовъ не имѣетъ особеннаго значенія. Глупости! Содержаніе!? Значеніе!? Сама природа, понимаете...

— Да, понимаю.

— Природа—тутъ все, и содержаніе, и значеніе.

— Но при чемъ здѣсь картофель?

Тутъ поклонникъ картофеля вспыхнулъ.

— Именно картофель, это и есть природа, остальное пустяки! Фантазія? Фантазія? Понимаете, фантазія— смѣхъ одинъ, это только вспомогательное средство, только въ случаѣ крайней необходимости...

Пріятели отъ души разсмѣялись.

Никита задумался.

— Ну, а теперь я имъ покажу. Голова у меня готова лопнуть отъ мыслей. Если бы у меня было тысяча рукъ, я начертилъ бы тысячу линій и тогда бы ты понялъ меня. Дѣло въ томъ, видишь ли, что человѣкъ не все можетъ

Digitized by Google

выразить словами. Я какъ-то былъ у одного скульптора— ты увидишь у меня его работы... я ползалъ на колѣняхъ передъ этимъ человѣкомъ. Я говорю ему: это великолѣпно!—Что это значитъ? — Я старался ему подробно объяснить свой восторгъ. Ахъ, вотъ что вы хотите сказать!? И онъ начертилъ въ воздухѣ безконечно могучую линію. Этотъ понималъ... Впрочемъ, что-же я говорю, говорю, даже языкъ заболѣлъ — ну, какъ твои дѣла? неважны, а?

— Неважны. Въ послѣднее время я много выстрадалъ. Эти тысячи неуловимыхъ впечатлѣній, для которыхъ нѣтъ еще словъ, эти тысячи настроеній, которыя, какъ молнія, рождаются въ душѣ и безслѣдно исчезаютъ...

Никита стремительно прервалъ его.

— Да, вотъ именно, вотъ именно. Видишь, этотъ скульпторъ, этотъ геній—знаешь, какъ онъ объяснилъ это? Онъ великолѣпно представилъ это.

Смотрите, вотъ пять пальцевъ, вы видите ихъ, осязаете,—потомъ онъ растопырилъ пальцы—а вотъ здѣсь, здѣсь, между пальцами, здѣсь вы ничего не увидите и ничего не ощупаете, а здѣсь-то и есть самое важное...

— Да, безъ сомнѣнія, это самое важное, но оставимъ искусство...

— Ты, должно быть, усталъ?

— Не могу этого сказать, зато по временамъ мнѣ кажется все такимъ безотраднымъ. Не имѣть возможности непосредственно черпать изъ сокровищницы жизни, но всегда жить только сообразно съ тѣмъ, какъ сложатся обстоятельства, какъ къ нимъ приспособишься— къ чему все это? Ужъ эта одна мысль такъ меня убиваетъ, что я едва-едва могу чувствовать страданіе и наслажденіе непосредственно—все становится во мнѣ литературой—чѣмъ-то искусственнымъ...

— Ты долженъ влюбиться.

— Никита, ты мнѣ это совѣтуешь?

— Да, да. Любовь! Любовь не литература, любовь чувствуется непосредственно. Настанетъ пора счастія— человѣкъ готовъ прыгнуть до неба, забывая, что при этомъ прыжкѣ можетъ себѣ ноги поломать; настанетъ пора страданія, и муки такъ чувствительны, такъ непосредственны—словомъ, это не поддается описанію, этого нельзя разсматривать подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія...

Никита усмѣхнулся. — Надо тебѣ сказать, что я обрученъ.

— Ты?! Обрученъ?!

— Да, и безумно счастливъ.

Digitized by Google

励калькъ не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Ну, такъ за здоровье твоей невѣсты!

Допили бутылку.

— Слушай, Никита. Мы сегодня проведемъ цѣлый день вмѣстѣ.

— Конечно, конечно.

— Знаешь, я нашелъ великолѣпный ресторанъ...

— Нѣтъ, братъ. Поѣдемъ къ моей невѣстѣ.

— Такъ она здѣсь?

— Да. Черезъ мѣсяцъ свадьба. Какъ только я соберу на мюнхенской выставкѣ такую сумму, чтобы справить, какъ слѣдуетъ свадьбу; будетъ торжество, какого еще не видывала ни одна мастерская художника.

Фалькъ возражалъ.

— Я такъ радовался тому, что сегодня, именно сегодня мы будемъ только вдвоемъ. Развѣ ты забылъ уже о тѣхъ великолѣпныхъ „heures de confidence", когда мы спорили безъ конца...

Но Никита упорно стоялъ на своемъ. Иза очень заинтересована. Онъ поклялся, что приведетъ къ ней „in natura" этого удивительнаго звѣря, который называется Фалькомъ.—Нечего, нечего отказываться, я долженъ идти къ ней.

Фалькъ согласился.

По дорогѣ Никита безъ передышки разсказывалъ о своемъ счастіи, сильно жестикулируя.

— Да, да, удивительно, какъ это чувство преображаетъ человѣка. Все переворачивается, и точно открываются передъ тобой никогда невиданныя глубины. Десять міровъ проходятъ передъ глазами. А потомъ всѣ эти чуждыя, невѣдомыя впечатлѣнія, до того неуловимыя, что едва удерживаются въ мозгу въ продолженіе одной тысячной доли секунды. А въ то-же время человѣкъ цѣлый день остается подъ ихъ вліяніемъ. До чего странной кажется тогда природа! Слушай, вначалѣ, когда она еще отказывалась, я лежалъ какъ собака передъ ея дверьми зимой, въ страшный морозъ, спалъ всю ночь передъ дверьми ея дома и добился своего. Но сколько я выстрадалъ! Видѣлъ ты когда-нибудь крикъ неба? Нѣтъ! Такъ знай, я видѣлъ, какъ небо кричало. Казалось, все оно раскрылось тысячами пастей и извергаетъ лавины красокъ. Все небо—безконечный рядъ поясовъ: отъ темно-краснаго до чернаго. Застывшая кровь... нѣтъ! лужа, въ которой сверкаетъ пурпуръ заката, а затѣмъ грязное золото! Мерзко, отвратительно, но великолѣпно... ей-Богу, великолѣпно! Потомъ чувство счастія. Я под-

Digitized by Google

нимался, поднимался, я выросталъ до неба, такъ что могъ бы закурить папиросу отъ солнца...

Фалькъ усмѣхнулся.

Никита едва былъ ему по плечо! Чудакъ...

— Не правда ли? Забавная картина. Я достаю до солнца! Знаешь, когда я былъ въ Парижѣ, французы оглядывались на меня. А у меня былъ пріятель, въ сравненіи съ которымъ я казался великаномъ.

Оба засмѣялись.

Никита отъ души пожалъ ему руку.

— Слушай, Эрикъ, я положительно не знаю, кого я больше люблю.... Видишь, любовь къ женщинѣ, это нѣчто совсѣмъ особенное, тамъ предъявляются извѣстныя требованія и рѣшительныя, не правда ли? Любовь сама по себѣ есть цѣль... А дружба, напротивъ, дорогой мой, дружба это что то неуловимое, это „между пальцами"... А съ другой стороны, если быть съ женщиной безпрерывно втеченіе трехъ мѣсяцевъ...

Фалькъ прервалъ его.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я тосковалъ по тебѣ. Здѣсь между этими писаками нѣтъ ни одного... Понимаешь. Зато теперь мы наверстаемъ...

— Да, мы будемъ всегда вмѣстѣ.

Остановились передъ домомъ.

— Слушай, Эрикъ, ей ужасно хочется познакомиться съ тобой. Постарайся быть интереснымъ, иначе ты меня поставишь въ смѣшное положеніе. Ты вѣдь, если захочешь, сумѣешь быть чертовски интереснымъ.

Вошли.

Фальку казалось, что вокругъ него разстилается большая, гладкая, зеркальная поверхность.

Потомъ онъ почувствовалъ, что долженъ что-то вспомнить, что уже разъ въ жизни видѣлъ или слышалъ.

— Эрикъ Фалькъ, представилъ Никита.

Она взглянула на него. Смутилась, потомъ сердечно пожала ему руку.

— Такъ это вы?

Фалькъ оживился.

— Да, это я. Какъ видите, самый обыкновенный человѣкъ. Судя по разсказамъ Никиты, вы ожидали, должно быть, встрѣтить какое-то заморское чудовище?

Улыбнулась.

Фалькъ замѣтилъ, что улыбка ея какъ-бы просвѣчивала сквозь таинственную пленку.

— Я стала ревновать къ вамъ. Никита исключительно

Digitized by Google

говорилъ только о васъ. Въ сущности и въ Берлинъ онъ пріѣхалъ только ради васъ.

Странно! Опять эта-же пленка въ глазахъ. Словно проблескъ могучаго свѣта пробиваетъ себѣ путь сквозь тяжелую завѣсу мглы. Что это такое?

Сѣли.

Фалькъ взглянулъ на нее, она на него. Оба улыбнулись въ странномъ смущеніи.

— Никита говорилъ, что вы всегда пьете коньякъ. Я купила бутылку, но онъ уже выпилъ половину...— Налить вамъ?

— Бога ради, довольно!

— Простите, я не знала... Вы уроженецъ Россіи, а тамъ, говорятъ, принято пить коньякъ литровыми стаканами.

— Она вѣдь думаетъ, пояснилъ Никита, что въ Россіи медвѣди влѣзаютъ въ дома и вылизываютъ остатки изъ горшковъ.

Всѣ засмѣялись.

Разговоръ касался различныхъ темъ. Никита говорилъ безъ умолку, жестикулируя руками.

— Видишь, Эрикъ, мы оба любимъ другъ друга до безумія.

Фалькъ замѣтилъ у Изы смущенную улыбку; словно чувство стыда слегка скользнуло по ея лицу.

— Ты можешь наскучить Фальку, разсказывая о такихъ неинтересныхъ вещахъ.

Легкая тѣнь недовольства пробѣжала по лицу Никиты.

Она украдкой погладила его руку; лицо Никиты снова просвѣтлѣло.

Она имъ управляетъ, подумалъ Фалькъ.

Комната тонула въ странномъ темно-красномъ свѣтѣ. Казалось, будто свѣтъ лампы проникалъ сквозь толщу разноцвѣтнаго стекла.

Зависѣло-ли это отъ освѣщенія?

Нѣтъ, это было у нея въ углахъ губъ—нѣтъ! Едва замѣтное сіяніе около глазъ... теперь опять исчезло и перебѣжало въ нѣжныя углубленія мышцъ лица... нѣтъ, это странно...

— Ты молчишь, Эрикъ, что съ тобой?

— Боже, какъ вы красивы!

Фалькъ вполнѣ сознательно произнесъ эти слова, но съ такой неподдѣльной искренностью, что даже Никита попалъ въ просакъ.

— Видишь, Иза, онъ человѣкъ искренній, не правда ли?

Digitized by Google

Странный человѣкъ! Это лицо... Иза не могла оторваться отъ него.

— Что ты, собственно говоря, дѣлалъ всю зиму?

励ралькъ овладѣлъ собой.

— Бездѣльничалъ съ Илтисомъ.

— Кто это?

— Это прозвище одного великаго человѣка, пояснилъ Никита.

Иза разсмѣялась. Странное прозвище.

— Видите ли, Илтисъ лично для меня человѣкъ весьма симпатичный, славный человѣкъ. Онъ дружитъ съ молодежью. Бываетъ, когда компанія слишкомъ подопьетъ, онъ незамѣтно исчезаетъ...

— Чѣмъ онъ занимается?

— Скульпторъ. Впрочемъ, это неважно.

Насъ онъ только интересуетъ какъ человѣкъ. А какъ человѣкъ онъ имѣетъ idée fixe, что путемъ внушенія онъ всякаго можетъ заставить застрѣлиться. Гипнозъ—его излюбленный конекъ. Однажды случилось намъ пить всю ночь напролетъ. Достопочтенная публика, которая принимаетъ насъ за жрецовъ искусства...

— Жрецы искусства! Великолѣпно... Храмъ музъ... Кліо... Ха, ха, ха. Никита былъ необыкновенно веселъ.

— Итакъ, публика не можетъ себѣ представить, какъ это частенько бываетъ съ жрецами искусства! Такъ вотъ, послѣ такой безсонной ночи, жрецамъ захотѣлось на свѣжій воздухъ. Младшіе жрецы по дорогѣ отстали. Только іерофантъ...

— Іерофантъ! Илтисъ—іерофантъ...

Никита затрясся отъ смѣха.

— Итакъ іерофантъ и я шли вмѣстѣ. Вдругъ Илтисъ останавливается. У стѣны стоитъ человѣкъ и глядитъ на небо.

Мужъ! говоритъ Илтисъ съ неподдающимся описанію дрожаніемъ въ голосѣ.

Но человѣкъ не двигается съ мѣста.

У Илтиса искры въ глазахъ.

— Смотри, этотъ человѣкъ загипнотизированъ, шепчетъ онъ мнѣ таинственно.

Мужъ! Голосъ его становится громче и онъ рычитъ, какъ хриплая труба, отъ которой пали стѣны іерихонскія — вотъ тебѣ шесть марокъ, купи себѣ револьверъ и лиши себя жизни!

Человѣкъ протягиваетъ руку.

— Удачный случай гипноза, шепчетъ Илтисъ и съ

Digitized by Google

достоинствомъ кладетъ шесть марокъ въ протянутую руку человѣка.

Человѣкъ обезумѣлъ отъ радости.

— Теперь мнѣ нечего лишать себя жизни. Да здравствуетъ жизнь!

— Подлый трусъ, кричитъ вслѣдъ ему Илтисъ.

Никита и Иза разсмѣялись.

Фалькъ насторожился. Въ этомъ смѣхѣ что-то прозвучало—что-то такое... что-же, однако, напоминаетъ ему этотъ смѣхъ?

— Видите ли: если бы я былъ министромъ народнаго просвѣщенія, я этого подлаго труса назначилъ бы профессоромъ психологіи на хорошій окладъ.

— Всѣ ли вы изъ Россіи умѣете такъ удачно острить?

Она посмотрѣла на него большими привѣтливыми глазами.

Онъ дѣйствительно хотѣлъ быть интереснымъ. Да, хотѣлъ. Въ немъ происходило что-то, такое что было похоже на намѣреніе, да, на намѣреніе обратить на себя вниманіе этой женщины — развлечь ее...

Кто была эта женщина?

Снова взглянулъ онъ на нее; она не слушала Никиту; около глазъ то-же странное сіяніе.

Какъ будто всѣ линіи уходили за пленку.

Ему очень хотѣлось снять что-то съ ея лица и губъ.

Никита вдругъ прервалъ разсказъ.

Мелькомъ взглянулъ онъ на Изу. Глаза ея не отрывались отъ Фалька.

Любопытство?.. Да?.. Быть можетъ, и нѣтъ...

Фалькъ замѣтилъ безпокойство Никиты и внезапно громко разсмѣялся:

— Да, это было удивительно. Этотъ старый Френкель — настоящій двойникъ Илтиса. Помнишь, Никита — тогда, въ воскресеніе. Мы спали; я мечталъ о Гризерѣ, о химикѣ, который въ то время казался мнѣ великаномъ, духовнымъ великаномъ. Обманулъ онъ насъ обоихъ.

Вдругъ я просыпаюсь. Кто-то стучитъ въ дверь. Откройте!

Я, заспанный, думаю о Гризерѣ. Но это не голосъ Гризера.

— Кто тамъ?

— Френкель.

Я не слушаю и думаю только о Гризерѣ.

— Но вы не Гризеръ?

— Я — Френкель. Отворите.

— Боже мой, не дурачьтесь! Вы не Гризеръ.

Digitized by Google

Слышу, что это не голосъ Гризера, несмотря на это, я открываю дверь, но у меня такъ слипаются глаза, что я не могу его узнать.

— Вѣдь вы въ самомъ дѣлѣ не Гризеръ?

Наконецъ, я прихожу въ себя и изумленный пячусь назадъ. Въ самомъ дѣлѣ Френкель. О, Боже! А на столѣ лежитъ книга Штрауса: „Жизнь Іисуса Христа"...

Всѣ эти воспоминанія воодушевили Никиту.

Фалькъ чувствовалъ, что онъ долженъ теперь уйти, но онъ не въ состояніи былъ этого сдѣлать, онъ физически не могъ оторваться отъ Изы.

— Послушай, Никита, не пойти ли намъ въ ресторанъ подъ „Зеленымъ Соловьемъ". Это развлечетъ нашу собесѣдницу.

Никита колебался, но Иза сейчасъ-же выразила свое согласіе.

— Да, да; я очень желала бы повидать этотъ кабачекъ.

Одѣлись.

Фалькъ шелъ впереди.

Иза должна была потушить лампу.

Иза и Никита нѣсколько задержались.

— Какъ ты его находишь?

— О! онъ премилый! Но — я не могла бы его любить.

Она поцѣловала его порывисто.

У подъѣзда сѣли втроемъ на извозчика.

Стояла свѣтлая мартовская ночь.

Проѣхали въ молчаніи мимо звѣринца.

На извозчикѣ имъ было очень тѣсно; Фалькъ сидѣлъ противъ Изы.

Такого чувства онъ не испытывалъ никогда. Ему казалось, что непрерывно стекаетъ въ глаза его струя раскаленнаго воздуха, ему казалось, что тѣло его поглощаетъ ея... ея теплоту... Какъ будто отъ нея шло какое-то лучеиспусканіе, подъ дѣйствіемъ котораго расплавлялись всѣ его чувства, сливались въ одно — въ желаніе, тоску...

Дыханіе его сдѣлалось короткимъ и горячимъ.

Что это такое?

Да нѣтъ!

Вдругъ руки ихъ встрѣтились.

Фалькъ забылъ, что здѣсь Никита. На минуту онъ пересталъ владѣть собой.

Поднялъ ея руку къ губамъ и цѣловалъ ее такъ страстно, страстно...

Она оставила свою руку въ его рукѣ.

Digitized by Google

III.

Появленіе Изы подъ „Зеленымъ Соловьемъ“ произвело большую сенсацію.

励Фалькъ замѣтилъ стараго Илтиса, замѣтилъ, какъ онъ прищурилъ глаза и скривилъ лицо въ непріятную улыбку.

Его болѣзненная фантазія, очевидно, стала сейчасъ-же работать. Въ этомъ съ нимъ никто не могъ сравниться.

Илтисъ подбѣжалъ и къ Никитѣ. Вѣдь всегда они были друзьями!

Фалькъ поздоровался съ нимъ, небрежно кивнувъ головой, и сѣлъ съ Изой въ сторонѣ.

И снова онъ видѣлъ вокругъ ея глазъ теплое, затуманенное сіяніе.

Ему казалось, что онъ теряетъ сознаніе. Лишь съ трудомъ онъ могъ владѣть собою.

Странно, что онъ вынужденъ былъ сперва откашляться; странно, что голосъ у него охрипъ.

— Познакомлю васъ нѣсколько съ обществомъ.

Снова откашлялся.

— Вотъ этотъ толстый господинъ съ тонкими ногами — жаль, что вамъ ихъ теперь не видно — а на самомъ дѣлѣ стоитъ посмотрѣть на нихъ. Да, этотъ, что теперь глядитъ на васъ таинственно и пытливо, точно чуетъ въ васъ скрытую общественную загадку, это — анархистъ, кромѣ того онъ пишетъ стихи, великолѣпные стихи: мы — пѣхотинцы... нѣтъ, впрочемъ: — красные гусары человѣчества.

Красные гусары. Удивительная фантазія пруссака.

Фалькъ хрипло разсмѣялся.

— Да, онъ — анархистъ и индивидуалистъ. Впрочемъ, всѣ, — всѣ тѣ, которые сидятъ здѣсь — индивидуалисты и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ этого непріятнаго, грубаго нѣмецкаго эгоизма.

Что-то зазвенѣло на полу.

Всѣ переглянулись.

Фалькъ улыбнулся.

— Видите ли, вотъ этотъ тоже интересный молодой человѣкъ. Онъ философъ и вѣритъ въ центральный очагъ воли, существующій во вселенной; люди, согласно его теоріи, — только проявленіе этой воли. Вся его энергія скопляется на концахъ пальцевъ, и онъ, чтобы помѣшать сгущенію ея, разряжаетъ ее, бросая стаканы на полъ...

Digitized by Google

Молодой кудрявый человѣкъ посмотрѣлъ на всѣхъ съ видомъ побѣдителя. Но поступокъ его не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, поэтому онъ приказалъ подать новый стаканъ.

Илтисъ успокаивалъ его.

— Ну, дитя мое...

— А этотъ, тамъ налѣво... не правда ли, лицо его похоже на сгнившее яблоко?

Къ нимъ подошелъ Никита.

— Намъ надо сѣсть тамъ у стола, иначе подумаютъ, что мы сторонимся ихъ.

Теперь всѣхъ представили Изѣ.

Фалькъ сѣлъ возлѣ Изы. Направо отъ него сидѣлъ человѣкъ, котораго пріятели Фалька называли Сакомъ. Сакъ былъ предупредительно вѣжливъ.

Фальку вдругъ онъ опротивѣлъ. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ ненавидитъ его.

— Читали вы новый сборникъ стиховъ? Сакъ указалъ на одно изъ послѣднихъ именъ, которое было „en vogue“.

— Да, пробѣжалъ.

Фалькъ чувствовалъ, что Иза вслушивается въ его слова. — Онъ испытывалъ сильную внутреннюю дрожь.

— Ну, какъ? Восхитительно?

— Ничуть. Напротивъ, полагаю, что книга совершенно безсмысленна.

Фалькъ старался владѣть собой.

— Совершенно, совершенно безсмысленна. Къ чему писать подобные стишки безъ всякаго содержанія? Воспѣвать весну? Ее, пожалуй, черезчуръ много воспѣвали. Надо бы стыдиться даже произносить слово „весна“...

Никита удивленно взглянулъ на Фалька. Фалькъ никогда не имѣлъ обыкновенія въ этихъ кружкахъ произносить рѣчи.

— Вся эта живопись настроеній — это такъ плоско, такъ неважно... Такія настроенія испытываетъ всякій деревенскій парень, всякая дѣвка — когда въ ея организмѣ зимняя спячка смѣняется ускореннымъ обмѣномъ веществъ... Если бы это были такія настроенія, которыя хоть немного приподняли бы завѣсу надъ тайнами и загадками человѣческой души; если бы это были настроенія, которыя хоть нѣсколько открыли бы намъ эту невѣдомую темную душу, за предѣлами этого глупаго сознанія... Но всѣ эти впечатлѣнія, которыя высшая порода человѣчества, лучшіе люди вовсе не испытываютъ,

Digitized by Google

такъ какъ ихъ чувство содрогается при видѣ жизни деревенскаго парня, у котораго съ весной пробуждается похоть.

励Фалькъ запнулся и смутился. Ему казалось, что онъ стоитъ на каѳедрѣ, вокругъ него тысячи слушателей. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда терялъ самообладаніе и несъ вздоръ. Сакъ хотѣлъ его прервать. Но Фалькъ считалъ нужнымъ кончить.

— Видите ли, всѣ эти чувства имѣютъ значеніе для подростковъ и молодежи, потому что, если угодно, они являются основаніемъ полового подбора...

— Но, милый Фалькъ—Сакъ воспользовался минутнымъ перерывомъ, во время котораго Фалькъ старался сосредоточиться—вы совершенно забываете о техникѣ художника.

— Только техника важна въ вопросѣ о цѣнности произведенія искусства. Стихотворенія вполнѣ закончены въ художественномъ отношеніи, размѣръ свободный и легкій...

— Но все въ общемъ труха отъ вымолоченной соломы, оборвалъ его Фалькъ.

— Твое здоровье! Илтисъ подошелъ къ Фальку. Съ Фалькомъ происходило что-то неладное. Никогда еще онъ не видѣлъ его въ такомъ пылу и раздраженіи.

Фалькъ былъ возбужденъ.

— Нѣтъ, милѣйшій. Не форма и не размѣръ цѣнны въ произведеніяхъ искусства. Когда-то это имѣло значеніе, когда человѣкъ создавалъ только художественныя формы, да—онъ долженъ былъ творить, побуждаемый внутреннимъ влеченіемъ, вслѣдствіе тысячи причинъ. Тогда размѣръ, какъ таковой, имѣлъ значеніе, потому что въ немъ отражалась ритмическая дѣятельность крови... въ то время, когда появился размѣръ, онъ былъ откровеніемъ,—дѣломъ генія. Въ настоящее время онъ имѣетъ только значеніе атавизма — теперь это не что иное, какъ безполезная окаменѣлая классическая формула.

Впрочемъ, для стиховъ ничего не требуется, кромѣ— кромѣ наслѣдственно воспринятаго чувства формы... Я не думаю отрицать, что размѣръ имѣетъ огромное значеніе для цѣльности художественнаго впечатлѣнія, но кромѣ этого въ поэтическомъ произведеніи должно заключаться нѣчто большее...

Илтисъ опять чокнулся съ Фалькомъ. Это стало ему надоѣдать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не избитая тема о веснѣ, любви, о женщинѣ... нѣтъ! Довольно этихъ смѣшныхъ пѣвцовъ...

Digitized by Google

填алькъ говорилъ все болѣе, болѣе горячо.

Иза не слушала его рѣчи. Она видѣла только его тонкое сухое лицо съ горящими страстью глубокими глазами.

— Чего я хочу? Чего я хочу? Я хочу жизни, съ ея неизвѣданными глубинами, съ ея страшными безднами. Искусство для меня самый глубокій инстинктъ жизни, святой путь къ будущему, къ вѣчности и поэтому я требую великихъ плодоносныхъ идей, которыя подготовятъ новый половой подборъ, создадутъ новый міръ, новое понятіе о вселенной... Искусство для меня не кончается съ ритмомъ, съ музыкальностью, для меня оно—воля, которая вызываетъ изъ ничтожества новые міры, новыхъ людей...

— Нѣтъ, нѣтъ, милѣйшій, мы требуемъ великаго чреватаго идеями искусства, въ противномъ случаѣ искусство—вообще не нужно, не имѣетъ смысла.

Фалькъ сразу пришелъ въ себя. Что онъ тутъ намололъ?

Хотѣлъ ли онъ дать міру новую теорію? И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всматривался въ Изу, чтобы убѣдиться, какое впечатлѣніе на нее произвела его болтовня.

Вѣдь все это было ребячествомъ.

— Тотъ родъ искусства, за который вы стоите, можетъ имѣть значеніе для животныхъ... Извѣстно вамъ, что птицы, напримѣръ, приманиваютъ самокъ ритмомъ, пѣніемъ: наши поэты этого не умѣютъ—нѣтъ, безусловно нѣтъ. Они уже не производятъ впечатлѣнія даже на подростковъ...

Илтисъ ехидно улыбнулся и подмигнулъ ему. Фалькъ подошелъ къ нему. Онъ былъ недоволенъ собой, но чувствовалъ ея глаза и впился въ нее взглядомъ глубоко... въ самое сердце. Въ этомъ было слишкомъ много лиризма... Снова онъ разгорѣлся. Сакъ выходилъ изъ себя.

— Я положительно заинтересованъ. Что вы называете искусствомъ?

— Вы видѣли Ропса? Да? Вотъ это искусство. Вообще, можно ли сказать что-нибудь больше о жизни?

— Конечно.

— Да, конечно, для того, кто судитъ поверхностно... конечно для того, кто все находитъ естественнымъ. Да, естественны Штраусъ, Фохтъ и Бюхнеръ и... и... но эти глубины, эти страшныя бездны, эта постоянная борьба половъ, эта вѣчная ненависть половъ... Естественно ли это? Не таинственная ли это мистерія? Не факторъ ли это, вѣчно

Digitized by Google

рождающій, созидающій и уничтожающій жизнь? Не факторъ ли это, формирующій наши побужденія, хотя для сознанія они кажутся наивными и ничтожными.

励Фалькъ путался, подыскивалъ, подбиралъ слова, чувствовалъ, что не можетъ ихъ найти, и послѣ этого говорилъ еще горячѣе.

— Нужно, чтобы для нашего мозга, не было ничего понятнаго, чтобы для нашего мозга не существовало понятныхъ явленій и чтобы въ мозгу у насъ развязался узелъ,—традиціонный узелъ всѣхъ чувствъ, тогда линія станетъ тономъ, важное событіе будетъ передаваться жестомъ, тысячи людей сольются въ одно, тогда установится непрерывная цѣпь отъ звука до слова и цвѣта, тогда между ними исчезнутъ границы...

Фалькъ снова пришелъ въ себя и усмѣхнулся...

— Нѣтъ, нѣтъ. Мнѣ нѣтъ дѣла ни до смѣшной логики, ни до вашего сознанія, ни до вашихъ атавистическихъ полумѣръ полового подбора...

Иза все время смотрѣла на него. Она не слышала, что онъ говоритъ—она видѣла только его густые волосы, спустившіеся на лобъ, глубокіе и широко открытые глаза... Она никогда не думала, чтобы онъ могъ быть такъ красивъ, такъ демонически-красивъ.

— Господинъ Фалькъ набрался, повидимому, учености у богослововъ.

Анархистъ неожиданно поднялъ голову и произнесъ эти слова протяжнымъ и серьезнымъ голосомъ.

Фалькъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, милостивый государь, нисколько. Но послушайте, вы вѣдь большой и прославленный поэтъ, извѣстный повсюду, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь...

Какой-то человѣкъ громко разсмѣялся, повидимому, не безъ ехидства. Анархистъ посмотрѣлъ на него взбѣшенный, покраснѣлъ и крикнулъ на Фалька:

— Прошу васъ не издѣваться.

Фалькъ сталъ серьезнымъ.

— Видите ли, я говорилъ совершенно серьезно. Но, увы, меня не поняли. Если хотите знать, я вамъ сказалъ любезность, потому что на самомъ дѣлѣ я васъ не считаю великимъ, я только слышу это отовсюду, но...

Анархистъ кипятился, онъ видѣлъ взглядъ Изы, остановленный на немъ съ нескрываемой ироніей.

— Послушайте, вы слишкомъ много себѣ позволяете!

— Нисколько. Въ моихъ словахъ вы усматриваете заднюю мысль, которой у меня нѣтъ. Впрочемъ, вы создали и для меня нѣчто,— картину такой... я назову это

Digitized by Google

великой антитезой... я думаю о красныхъ гусарахъ человѣчества...

Опять разсмѣялся тотъ-же человѣкъ и теперь такъ громко, что даже Фальку стало непріятно.

— А слѣдствіе отсюда такое. Когда вы творите—не правда ли—вы переживаете минуты необычныя, мистическія, я скажу даже—теософическія, потому что все сверхъестественное принадлежитъ теософіи. Вы, вѣроятно, слышали о факирахъ, которые погружаются въ сомнамбулическій экстазъ, а потомъ мѣсяцами лежатъ заживо погребенными. Я самъ видѣлъ однажды въ Марсели факира, который въ состояніи такого экстаза наносилъ себѣ раны безъ малѣйшаго слѣда крови. Итакъ, видите ли, минута творчества это тоже состояніе сомнамбулическаго экстаза, съ той однако разницей, что по желанію состоянія этого нельзя вызвать. Въ одинъ мигъ вся жизненная сила собирается въ одной точкѣ. Вы ничего не видите, ничего не слышите, работаете безсознательно, вамъ не нужно сосредоточиваться, все происходитъ какъ бы во снѣ... А теперь скажите, не мистическое ли это явленіе? Развѣ вы можете объяснить это при помощи логики? Можете ли вы кому-нибудь объяснить, почему вы прославленный поэтъ, а не кто-нибудь другой?..

Всѣ въ смущеніи молчали. Въ самомъ дѣлѣ Фалькъ позволялъ себѣ слишкомъ много.

Анархистъ поднялся и вышелъ.

Илтисъ ничего не понималъ. Нѣтъ, нѣтъ. Его умъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы заниматься такими метафизическими бездѣлушками. Но онъ понималъ, что Фалькъ побѣдилъ противника, и доброжелательно чокнулся съ нимъ.

— Вашу руку!

Молодой человѣкъ, который передъ этимъ бросилъ стаканъ на полъ, всталъ и, заложивъ одну руку за спину, торжественно протянулъ другую.

Фалькъ съ улыбкой пожалъ ему руку.

Иза молчала. Она чувствовала себя такъ хорошо. Такого счастья она не испытывала уже давно, очень давно.

Фалькъ былъ удивительный человѣкъ. Положительно онъ былъ самымъ прекраснымъ явленіемъ ея жизни, но только явленіемъ...

Вдругъ она встревожилась.

— Ты молчишь.—Къ ней подошелъ Никита.

— Я счастлива.—Она пожала ему слегка руку.

— Ты не устала?

— Нѣтъ, нисколько!

Digitized by Google

— Не уйти ли намъ?

Какая-то сила приковала ее къ мѣсту. Она хотѣла бы остаться во что бы то ни стало. Но въ его глазахъ она прочла нѣмую мольбу.

— Да, пойдемъ! Голосъ ея звучалъ холодно, почти непріязненно.

Она поднялась.

— Вы уходите? Останьтесь съ нами еще немного. Фалькъ молилъ, онъ хотѣлъ насильно удержать ее.

Но Никита никакъ не могъ оставаться дольше; онъ долженъ былъ проводить Изу до дома.

— Такъ не забудь, Никита...

— Ахъ, да! Никита совершенно забылъ, что Илтисъ пригласилъ его и Изу къ себѣ на вечеръ.

Да, онъ навѣрное придетъ, а придетъ ли Иза — не знаетъ...

Иза съ радостью приняла приглашеніе.

— А ты, Фалькъ? конечно, тоже придешь?

Илтисъ похлопалъ Фалька по плечу.

— Навѣрное.

Иза вдругъ обратилась къ Фальку и еще разъ подала ему руку.

— Вы скоро меня навѣстите?

Фальку показалось, что пленка на ея глазахъ раскрылась, пламя било изъ ея глазъ и горячей волной охватывало вѣки.

— Вашъ домъ — для меня святыня.

Никиту охватило безпокойство; онъ крѣпко пожалъ руку Фальку и вышелъ съ Изой.

— Они торопятся! Илтисъ многозначительно подмигнулъ.

Фалькъ вдругъ почувствовалъ странное раздраженіе. Онъ едва удержался отъ замѣчанія, нелестнаго для Илтиса.

Онъ сѣлъ опять и обвелъ всѣхъ глазами.

Теперь все ему казалось неизмѣримо глупымъ и скучнымъ; онъ чувствовалъ ужасное одиночество.

И собою самимъ онъ былъ очень недоволенъ. Онъ чувствовалъ, что во время всей этой болтовни онъ былъ смѣшонъ, какъ мальчишка. Онъ хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ произвести впечатлѣніе на Изу. Безъ сомнѣнія... Все сказанное имъ показалось ему глупымъ... Столько громкихъ и пустыхъ словъ... Безполезная молотьба мякины. Навѣрное, онъ сумѣлъ бы при другихъ условіяхъ все это лучше сказать. Что подѣлаешь?

Digitized by Google

Онъ дрожалъ, смѣшался, не понималъ, что съ нимъ творилось во время рѣчи.

Его охватило настоящее бѣшенство.

Этотъ глупый Сакъ, какъ безобразно онъ сосалъ пиво изъ стакана... гадко. Собственно говоря, вдругъ все ему опротивѣло въ этомъ прославленномъ „Соловьѣ“.

Все.

Нѣтъ, зачѣмъ ему сидѣть здѣсь? Захотѣлось на воздухъ. У него явилось желаніе, пойти куда-нибудь, все равно куда, только далеко, безъ конца, по всѣмъ улицамъ... Онъ долженъ былъ себѣ что-то объяснить... Въ этомъ была какая-то загадка, которую онъ долженъ былъ разгадать, что-то... что-то новое—незнакомое ему.

Онъ расплатился и вышелъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

Странички прошлаго.

Русскіе на о. Эзелѣ.

Если и теперь на о. Эзелѣ очень мало русскихъ, то въ XVIII столѣтіи и первой половинѣ XIX ихъ было еще меньше. Изъ имѣющихся у насъ архивныхъ данныхъ можно судить, что русскій элементъ представленъ былъ тамъ, главнымъ образомъ, солдатами и офицерами военнаго гарнизона, который располагался въ замкѣ и частью въ городѣ; затѣмъ было нѣсколько русскихъ торговцевъ и рабочихъ. Послѣдніе были, вѣроятно, люди бездомные, такъ какъ еще въ 1774 году священникъ жалуется въ консисторію, что у него нѣтъ ни одного двора въ приходѣ.

Единственная русская православная церковь въ г. Аренсбургѣ была построена и содержалась, вмѣстѣ съ церковнымъ причтомъ ея, на счетъ казны. Первая русская церковь, построенная при императрицѣ Елисаветѣ, по высочайшему указу 7 августа 1747 года, была деревянная; къ ней опредѣлены были: 1 священникъ, 2 дьячка и 1 просвирня. Причтъ пользовался готовыми квартирами и жалованьемъ: священнику 60 руб. въ годъ и 10 четвертей ржаной муки; дьячкамъ по 20 руб. въ годъ и по 6 четв. муки; просвирнѣ 10 руб. въ годъ и 3 четв. муки. При Екатеринѣ II, въ 1789 году, вмѣсто деревянной была построена каменная церковь и также на счетъ казны.

Если для немногочисленной русской паствы было достаточно и одного священника, то зато этотъ послѣдній былъ въ большомъ затрудненіи по вопросу о спасеніи своей души; ему приходилось по нѣсколько лѣтъ оставаться безъ испо-

Digitized by Google

вѣди, и одинъ изъ нихъ, будучи тяжко больнымъ и боясь умереть безъ покаянія, проситъ рижскую консисторію разрѣшить ему пріѣхать въ Ригу для исповѣди, у которой онъ не былъ 4 года.

Не менѣе были въ затрудненіи и православные прихожане, если единственный ихъ пастырь оказывался не на высотѣ своего призванія.

Въ 1777 году священникъ Лукинъ пишетъ доносъ въ эзельскую провинціальную канцелярію на одного изъ немногихъ своихъ прихожанъ, вытегорскаго мѣщанина Бѣлоусова, что онъ находится будто бы „въ сожитіи“ съ какой-то дѣвкой Марьей. Канцелярія, произведя разслѣдованіе, наказала не виновниковъ противъ нравственности, а самого священника Лукина, оштрафовавъ его на 6 р. 50 коп. Лукинъ пожаловался въ консисторію, послѣдняя послала промеморію въ генералъ-губернаторскую канцелярію, указывая, что эзельская канцелярія „учинила недѣльное опредѣленіе“, оштрафовавъ безвиннаго священника, и что съ мѣщаниномъ Бѣлоусовымъ и дѣвкой Марьей за ихъ незаконное сожитіе и прижитіе сына слѣдовало поступить по законамъ.

На запросъ генералъ-губернаторской канцеляріи, эзельская провинціальная канцелярія отвѣчала, что она поступила правильно, оштрафовавъ священника Лукина, такъ какъ последній при производствѣ дѣла о Бѣлоусовѣ „оказалъ въ канцеляріи при зерцалѣ весьма непристойное поведеніе, сталъ ссориться и грозить, объявляя, что онъ ни въ какомъ дѣлѣ не состоитъ въ вѣдомствѣ сей канцеляріи“. Канцелярія прибавляла еще, что священникъ Лукинъ обращался жестоко съ своими подчиненными церковными служителями: при малѣйшей погрѣшности съ ихъ стороны, онъ заковывалъ ихъ въ цѣпи, такъ что эти служители старались поскорѣе уходить въ другіе приходы.

Далѣе канцелярія сообщала, что священникъ Лукинъ и въ томъ „непорядочно поступаетъ, что съ утра до вечера по улицамъ шатается“, что онъ „не только съ здѣшними лавочниками безпрестанно партикулярныя и судебныя ссоры имѣетъ, но и съ здѣшней гарнизонной ротой часто ссорится“. Канцелярія просила поэтому прислать вмѣсто Лукина другого священника. Что же касается до Бѣлоусова, то канцелярія посмотрѣла на это дѣло по-своему и сообщала, что вытегорскій мѣщанинъ Бѣлоусовъ живетъ въ Аренсбургѣ „по паспорту“, а „дѣвка Марья имѣетъ мать“ на мызѣ Альтлевель; канцелярія не досказала только, что „до остального ей нѣтъ дѣла“.

Digitized by Google

Кромѣ перечисленныхъ небольшихъ группъ русскаго населенія, на о. Эзель по временамъ попадали иногда какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общества русскихъ людей по распоряженію правительства, въ видѣ наказанія.

Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія (1783 г.) встрѣчаются упоминанія—объ отпускѣ денегъ и продовольствія для какихъ-то „секретныхъ колодниковъ", а въ самомъ концѣ того же вѣка, именно въ 1793 г., на Эзель, по высочайшему повелѣнію 25 іюля, были сосланы изъ Тамбовской губерніи 49 душъ (26 мужского пола и 23 женскаго пола) духоборовъ. Они поселены были въ деревнѣ Гампусъ (Hampus) на $2^1/_2$ гакахъ незанятой крестьянской земли на условіи, что втеченіе 6 лѣтъ послѣ поселенія они пользуются землею, не платя податей, спустя же 6 лѣтъ должны платить въ казну арендныя деньги.

Годомъ позднѣе, т. е. въ 1794 г., прислано было на поселеніе туда же еще три духобора, которые временно поселены были въ Аренсбургѣ и содержались на счетъ казны, отпускавшей имъ по 10 к. въ день.

Отправить этихъ духоборовъ къ ихъ единовѣрцамъ въ с. Гампусъ экономическое правленіе не рѣшилось въ виду того, что послѣдніе были недовольны отведенными имъ землями; первые три года они попытались заняться хозяйствомъ и запахали часть земель; но потомъ нашли, что незнакомство ихъ съ мѣстными условіями хозяйства и безплодіе тамошней почвы, сдѣлавшее ее негодной для продолжительной обработки, приводятъ ихъ хозяйство къ упадку. Въ виду этого духоборы послѣднія три весны льготнаго срока уже не засѣвали вовсе своихъ полей и заявляли, что и по истеченіи льготнаго срока они не будутъ платить податей въ казну.

Между тѣмъ эзельское правленіе получило извѣщеніе (2-го мая 1799 г.), что предполагается переселить на о. Эзель еще 103 души духоборовъ, поселенныхъ раньше на островахъ, входящихъ въ составъ Эстляндской губерніи, т. е. на Вормсѣ и Даго. Эзельское правленіе старалось отклонить этотъ проектъ, указывая на недостатокъ земли на Эзелѣ; но, несмотря на это, въ началѣ іюля 1799 г. изъ Риги переправленъ былъ въ Аренсбургъ еще новый транспортъ съ 53 духоборами (29 духоборовъ мужского пола и 24 духоборки женскаго пола). При нихъ находилось пять сундуковъ съ имуществомъ и 600 руб. денегъ, вырученныхъ отъ продажи ихъ домовъ и имущества на ихъ родинѣ—въ селѣ Салтовскомъ-Терновомъ, Тамбовской губерніи. Эти духоборы временно поселены были у своихъ

Digitized by Google

единовѣрцевъ въ с. Гампусъ и должны были получать отъ казны по 5 к. въ день на душу.

Но прошло около трехъ мѣсяцевъ, а духоборы положенныхъ на ихъ содержаніе денегъ не получали и испытывали сильную нужду въ самомъ необходимомъ; многіе изъ нихъ даже заболѣли. Скоро, впрочемъ (въ сентябрѣ), послѣдовалъ новый именной высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось выдачу кормовыхъ денегъ духоборамъ больше не производить, а взамѣнъ этого отправить ихъ на работы въ Динамюндскую крѣпость. Духоборовъ, въ числѣ 53 душъ, перевезли въ Динамюнде и отдали въ распоряженіе коменданта крѣпости генералъ-маіора Шилинга, который помѣстилъ ихъ въ острогѣ.

Какъ ни кажется малопривлекательной судьба духоборовъ, посланныхъ на крѣпостныя работы, однако и другіе духоборы, оставшіеся въ селѣ Гампусѣ, предпочли лучше работать въ крѣпости, чѣмъ жить на о. Эзелѣ, и просили экономическое правленіе переселить и ихъ также въ Динамюнде. Генералъ-губернаторъ Нагель отнесся строго къ просьбѣ духоборовъ, увидѣвъ въ ней новое проявленіе неповиновенія. Онъ предписалъ эзельскому правленію „накрѣпчайше подтвердить оказавшимся безпокойными и упрямыми духоборамъ", чтобы „они въ назначенныхъ имъ по высочайшему повелѣнію жилищахъ жили покойно и послушно по начальственнымъ опредѣленіямъ, ибо въ противномъ случаѣ должно будетъ съ ними, яко вяще виновными преступниками, поступать"; притомъ правленію предписывалось употреблять противъ духоборовъ „законами опредѣленныя средства, дабы ничего непристойнаго не воспослѣдовало" (5-го октября 1799 г.).

Однако, всѣ предписанныя и законами опредѣленныя средства не помогли. Духоборы, видя, что черезъ мѣстное управленіе не могутъ добиться разрѣшенія на переселеніе, рѣшились обратиться со своей просьбой на высочайшее имя. Объ этомъ экономическое правленіе узнало отъ двухъ духоборовъ, которые въ апрѣлѣ 1800 г. явились въ правленіе и заявили, что двое изъ ихъ среды, а именно Кондратій Кухтинъ и Наумъ Поповъ, ушли, одинъ 9-го марта, другой 15-го марта, въ Петербургъ, чтобы подать государю императору прошеніе о томъ, чтобы земля въ с. Гампусѣ была у нихъ взята обратно, а ихъ положеніе какъ-нибудь улучшено. Вмѣстѣ съ этими двумя лицами ушли также два духобора изъ проживавшихъ въ Аренсбургѣ. Духоборы заявили также въ правленіи, что оставшіеся на Эзелѣ духоборы съ наступающей

Digitized by Google

весны не будутъ болѣе ни обрабатывать полей, ни засѣвать ихъ, а потому не будутъ платить и податей.

Экономическое правленіе, какъ видно изъ его донесеній, пришло къ убѣжденію, что духоборы не въ состояніи обрабатывать своихъ полей, какъ по незнанію особенностей мѣстнаго хозяйства, такъ и вслѣдствіе отсутствія для этого съ ихъ стороны доброй воли, такъ что ни убѣжденіями, ни мѣрами строгости и даже наказаніями, въ чемъ также убѣдилось правленіе, нельзя заставить ихъ приняться за обработку полей и начать уплату поземельныхъ и подушныхъ повинностей. Правленіе просило разрѣшенія переселить духоборовъ на правахъ свободныхъ людей въ городъ Аренсбургъ, гдѣ они могли бы по крайней мѣрѣ найти работу и содержать себя и свои семьи. Духоборы, повидимому, скоро и прибыли въ Аренсбургъ, не ожидая разрѣшенія, но скоро должны были, вслѣдствіе предписанія высшаго начальства изъ Риги, снова возвратиться въ Гампусъ.

Духоборы, однако, не хотѣли возвращаться туда добровольно и объявили, что, хотя бы ихъ туда притащили силою, они все же тотчасъ уйдутъ оттуда на родину.

Въ виду такой настойчивости духоборовъ, послѣдовало, наконецъ, высочайшее повелѣніе, 22-го мая 1800 г., которымъ предписывалось: „Старосту ихъ за худое смотрѣніе за отлучившимися и нерадѣніе къ крестьянскому быту наказать двадцатью парами прутьевъ, всѣхъ же отослать въ работу въ Динамюндъ къ таковымъ же, тамъ находящимся“. О дальнѣйшей судьбѣ духоборовъ мы должны искать свѣдѣній уже на востокѣ и югѣ Россіи...

П. А. Шафрановъ.

Digitized by Google

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Тридцатилѣтняя война съ Демосѳеномъ и Цицерономъ.—Образчикъ школьной реформы давно прошедшаго времени.—Историческое развитіе педагогическихъ идей.—Къ вопросу объ ученыхъ женщинахъ.—Запоздавшій отвѣтъ.

Втеченіе тридцати лѣтъ (съ 1871 г.) черезъ толстовско-деляновскую среднюю школу прошло, по меньшему счету, четыре поколѣнія. Походъ, поднятый въ настоящее время противъ этой школы, единомышленный, дружный, констатируетъ наличность такихъ фактовъ, что остается только придти къ безотрадному заключенію: да, эта школа испортила русскихъ людей въ лицѣ четырехъ поколѣній, причемъ люди перваго поколѣнія теперь перешли сорокалѣтній возрастъ и вращаются въ нашей средѣ въ качествѣ главныхъ дѣятелей, а на смѣну имъ идетъ сплошная толпа виртуозовъ того-же типа. Пройдетъ еще годовъ двадцать-тридцать, пока на смѣну этому типу не появятся „новые люди“.

Прекрасной иллюстраціей отживающей свой вѣкъ классической школы являются двѣ статьи: въ „Мірѣ Божьемъ“ „Очерки изъ гимназической жизни“ г. А. Яблоновскаго и въ „Русскомъ Богатствѣ“—„Гимназическіе очерки“ г. Б. Никонова.

Начнемъ съ послѣдней статьи. Разсказывается семилѣтняя эпопея прохожденія ученикомъ гимназическаго курса, начиная со второго класса. Ученикъ, не переступившій еще школьнаго порога, уже въ преддверіи школы былъ переполненъ тревожными слухами настолько, что начиналъ чувствовать какую то особенную тоску. Говорили, что въ мѣстной гимназіи учитель

заставлялъ изучать латинскій языкъ съ вытверживанія пословицъ по алфавиту.

— Какихъ пословицъ?

— Какъ какихъ? Латинскихъ. Напримѣръ: „Dum pauper clamat, janua limen amat“,—или: „Barba crescit, caput nescit“. Продиктуетъ и спрашиваетъ, а не повторишь — бранится: Plobandus ты!.. какой ты ученикъ!.. Glupendus ты!

Роковой день настал и ученикъ отправился въ гимназію. Здѣсь съ первыхъ-же шаговъ страхъ его передъ будущей мудреной наукой смѣнился ужасомъ передъ дѣйствительностью совсѣмъ противоположнаго характера. Въ нашемъ обществѣ существуетъ убѣжденіе, что гимназическій режимъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ изъ себя суровую, давящую, фронтовую солдатскую дисциплину, въ которой порывамъ дѣтской воли не существуетъ выхода ни въ дурную, ни въ хорошую сторону. Это не совсѣмъ вѣрно. Выходъ существовалъ, если вѣрить словамъ автора „Очерковъ“, но въ какую сторону— это мы сейчасъ увидимъ. „Классъ, куда инспекторъ привелъ новичка, былъ громадный съ четырьмя окнами и ободранными обоями. Полъ былъ загаженъ мѣломъ и чернилами и заплеванъ. Воздухъ пыльный, порядка никакого. Гвалтъ въ классѣ стоялъ невообразимый. Всѣ сорокъ, сорокъ пять учениковъ возились и галдѣли, кто во что гораздъ. Въ одномъ углу дрались, въ другомъ учили во все горло Законъ Божій и спрягали глаголы... Откуда-то прилетѣла пыльная подушка, которой стираютъ съ классной доски, и шлепнулась на парту, выпустивъ изъ себя цѣлое облако бѣлой пыли. Какой-то гимназистъ бѣгалъ прямо по партамъ, ловко перескакивая съ одной на другую и чуть не попадая ногами на тѣхъ, кто сидѣлъ за партами“. Драка велась безпощадная, тумаки сыпались во что ни попало, хлопали кулакомъ по спинѣ такъ, что сдавливалось дыханіе, плевались. Большая часть учениковъ звали другъ друга по кличкамъ и не столько мѣткимъ, сколько раздражающимъ или позорящимъ: буйволъ, пупу, идіотъ, бразильская обезьяна, пропащій!.. Вотъ въ какую сторону существовалъ выходъ дѣтской энергіи. Допускалось ли такое поведеніе школьниковъ въ силу необходимости относиться снисходительно къ подвижной натурѣ молодого организма или же оно являлось просто вслѣдствіе отсутствія надзора и полнѣйшаго пренебреженія воспитательной стороной дѣла?.. Послѣднее предположеніе только и оказывается правдоподобнымъ, потому что та разнузданность, которую такъ ярко живописуетъ

Digitized by Google

авторъ, не могла входить въ намѣренія никакой системы воспитанія. Невообразимое безобразіе, царившее постоянно въ школѣ во время перемѣнъ и даже въ учебные часы, совершалось всегда въ сторонѣ отъ начальственныхъ глазъ и подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности. Едва появлялось начальственное лицо или раздавался окрикъ: „что у васъ тутъ за безобразіе?"—какъ вся толпа моментально притихала, драчуны разлетались въ разныя стороны, озорники принимали жалкій и пришибленный видъ, безобразниковъ отправляли на молитву въ дежурную комнату—въ задній уголъ! Въ этомъ отношеніи школа пореформенная, толстовская, ничѣмъ не отличалась отъ дореформенной. Но вѣдь зато въ старой школѣ и претензій не существовало.

Переходимъ къ учебной части. Когда вы читаете програму гимназическаго курса, то вами овладѣваетъ благоговѣйный трепетъ передъ ея премудростью. Эта программа столь обширна и столь глубоко проникаетъ въ науку, что у васъ возникаетъ сомнѣніе: да могутъ ли требованіямъ такой программы удовлетворить знанія даже любого профессора?

Мы видѣли выше образчикъ преподаванія латинскаго языка. Авторъ „Очерковъ" сообщаетъ, что той-же системы придерживался и учитель русскаго языка. Онъ заставлялъ зубрить корни съ буквою *ѣ* наизусть по алфавиту, и ученики заучивали эти корни, какъ „Отче нашъ". Всякое сомнѣніе въ пользѣ механическаго заучиванія встрѣчалось окрикомъ. Что ты мудришь? Всѣ учатъ, и ты учи! И зубритъ ученикъ, тратя время и трудъ на то, чтобы послѣ мучительной долбежки запомнить, что *хлѣбъ* и *хлѣвъ* стоятъ рядомъ, а за ними слѣдуетъ *хрѣнъ* и т. д.

А вотъ урокъ изъ математики. „Когда всѣ теоремы, назначенныя къ спрашиванію на сегодня, были исчерпаны, „генералъ" (прозвище, данное учителю учениками) встаетъ со стула, медленно прохаживается, а затѣмъ, вытащивъ и спрятавъ красный платокъ... обращается къ ученикамъ: —Ну, пишите!.. Глава четвертая, теорема номеръ восьмой: квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ... Теорема эта въ просторѣчіи называется „пиѳагоровы штаны"—добавляетъ онъ вполнѣ серьезно. —Но этого не пишите! Лишнее".

Онъ беретъ мѣлъ и, громко стуча имъ о доску, изображаетъ катеты и гипотенузы и пишетъ буквы. Иногда онъ заглядываетъ въ свой *альбомъ*, гдѣ у него находится конспектъ и обозначеніе номера каждой теоремы.

Digitized by Google

„*Объясняетъ* онъ довольно кратко, совершенно въ томъ-же стилѣ, какъ *объясняютъ* и *доказываютъ* ученики ему:—Возьмемъ линію, опустимъ перпендикуляръ... Теперь пишемъ: CD равно MN .. Но, понятно! Ничего труднаго тутъ нѣтъ!.. Сотри!.. Онъ переходитъ къ слѣдующей теоремѣ; покончивъ и съ этой такимъ-же манеромъ, принимается за новую, пока не раздастся звонокъ. Тогда онъ, оборвавъ диктовку или объясненіе на полусловѣ, кладетъ мѣлъ, беретъ журналъ и немедленно уходитъ изъ класса"... такъ требуетъ циркуляръ:„ не задерживать уроковъ дольше положеннаго времени и со звонкомъ выходить изъ класса", хотя другой циркуляръ гласилъ: „отнюдь не обрывать урока на полусловѣ, а непремѣнно придавать ему законченную форму, не стѣсняясь звонкомъ". Недоставало, послѣ этого, третьяго циркуляра, который бы учителей замѣнилъ автоматическими янусами. Въ дѣйствительности они и должны были быть таковыми, что мы и увидимъ изъ „Очерковъ" г. Яблоновскаго. Въ его „Очеркахъ" описывается преимущественно жизнь старшихъ классовъ гимназіи. Война учащагося элемента съ учащимъ упорно, открыто и систематически велазь именно здѣсь. „Въ глазахъ учащихся учителя были враги, на сторонѣ которыхъ притомъ-же была сила; учительская комната представлялась всѣмъ чѣмъ-то вродѣ ящика Пандоры, откуда вылетали всѣ гимназическія бѣдствія и на днѣ котораго не оставалось даже надежды на лучшія времена. Поэтому все, что способно было бросить тѣнь на этотъ лагерь враговъ, все, что такъ или иначе унижало, развѣнчивало и подрывало авторитетъ учителя, принималось на вѣру, какъ безспорная истина, какъ фактъ, не требующій ни доказательства, ни провѣрки".

Въ противовѣсъ этому ящику Пандоры, этому аду, не вымощенному даже добрыми намѣреніями, необходимо было имѣть и противной сторонѣ собственное помѣщеніе, гдѣ бы можно было сообща, міромъ разрушить адскія козни, гдѣ, наконецъ, можно бы было не чувствовать на себѣ взгляды аргуса, наблюдающаго за каждымъ твоимъ шагомъ даже и безъ всякой надобности. И такое помѣщеніе было найдено. Оно стало называться гимназическимъ клубомъ. „Собственно, названіе *клубъ* менѣе всего приличествовало тому мѣсту, гдѣ гимназисты устраивали свои митинги, — оно имѣло свое строго опредѣленное назначеніе и съ клубомъ не могло имѣть ничего общаго. Тѣмъ не менѣе, гимназисты не только не гнушались собираться здѣсь и проводить въ этой атмосферѣ свободные

Digitized by Google

часы и всѣ перемѣны, но даже отдавали этому помѣщенію свое исключительное предпочтеніе...

Въ *клубѣ* можно было съ полной безопасностью выкурить папиросу; только въ *клубѣ* можно было безъ риска прочитать тѣ двѣ газеты, которыя гимназисты выписывали на имя сторожа.

Ни директоръ, ни инспекторъ, ни классные наставники, ни учителя, ни надзиратели — никто не заглядывалъ сюда, и *клубъ*, какъ нѣкогда одинъ изъ храмовъ въ древней Греціи, служилъ убѣжищемъ для всякаго бѣглеца, спасающагося отъ преслѣдователей. Эта счастливая особенность *клуба*, его недоступность для враговъ *внѣшнихъ* и сдѣлала его любимымъ мѣстопребываніемъ гимназистовъ, надававшихъ ему, какъ бы въ благодарность, цѣлую серію самыхъ пышныхъ именъ и прозвищъ. Назывался *клубъ* и *mon repos*, и *refugium*, и *форумъ*"... Читателю не трудно догадаться, гдѣ помѣщался этотъ клубъ.

„Очерки" открываются пріѣздомъ въ гимназію вновь назначеннаго директора. Авторъ въ этомъ лицѣ выставилъ идеалъ того типа, о которомъ „вѣдомство" только мечтало, но который рѣдко обрѣтало. Этотъ типъ долженъ былъ совмѣщать въ себѣ, въ угоду и нашимъ и вашимъ, солидную и спокойную увѣренность. . и готовность къ быстротѣ и натиску; безпрекословное повиновеніе въ настоящемъ, безъ разсужденій, всему, что исходитъ въ данный моментъ оттуда, *свыше*... и нѣчто фрондирующее въ прошломъ, неопредѣленное, но все еще *тамъ* не забытое; безупречный, несомнѣнный консерватизмъ въ настоящемъ... и радикализмъ (никакъ не меньше того) въ прошломъ; это идеальное лицо должно было провидѣть впередъ... но забѣгать впереди начальства оно могло только на полшага, и то показывая видъ, что идетъ рядомъ съ предначертаніями. Словомъ, требовался протей во времени, пространствѣ и образѣ дѣйствій. Таковъ и былъ новый директоръ.

Онъ весь выливается передъ нами въ своей вступительной рѣчи, но, конечно, эта рѣчь не раскрывала его передъ тѣми, передъ кѣмъ онъ ее произносилъ; рѣчь его должна была объяснить програму его намѣреній и предполагаемыхъ дѣйствій — не словами, а величественностью тона, магически-увѣренными жестами, созвучіями словъ, густымъ баритономъ. Дѣло заключалось не въ томъ, чтобы дать понять, а въ томъ, чтобы дать почувствовать.

Авторъ такъ и замѣчаетъ, что на гимназистовъ произвела

Digitized by Google

впечатлѣніе не рѣчь, а крупная, сильная фигура директора. Самая рѣчь имъ показалась и шаблонной и ходульной.

— Дисциплина, дисциплина, дисциплина! — копируя директора, повторяли гимназисты, расходясь по классамъ.

— Порядокъ, порядокъ, порядокъ!

— Капитанъ корабля, плывущаго по волнамъ педагогическаго болота!

— Съ одного бока Цицеронъ, а съ другого — квартальный надзиратель: только и разговору, что „не потерплю да разорю".

— Просто разсужденіе „о любви къ отечеству и народной гордости".

— Повидимому, онъ насъ считаетъ, господа, за опасныхъ крамольниковъ.

— Это лестно, но онъ забылъ, что крамольники, которые курятъ въ трубу, еще не представляютъ серьезной опасности для государства.

Такимъ образомъ, всѣ эти корабли, нагруженные превосходными намѣреніями и приводимые капитанами къ педагогическимъ берегамъ, встрѣчались съ той предубѣжденностью, которая такъ удачно характеризуется классическимъ выраженіемъ: „Timeo Danaos et dona ferentes".

Мы видѣли изъ очерковъ г. Никонова, какъ въ младшихъ классахъ, при отсутствіи выдержанной, разумной дисциплины, развивалась среди воспитанниковъ какая-то гипертрофія эгоизма и безсмысленнаго недружелюбнаго отношенія другъ къ другу. Изъ „Очерковъ" г. Яблоновскаго мы узнаемъ, что въ старшихъ классахъ, наоборотъ, при наличности чрезмѣрной дисциплины, возрастали „сѣмена отрицанія и неуваженія къ власти" и вмѣстѣ съ тѣмъ росла потребность въ сплоченномъ товариществѣ, и притомъ не для одного совмѣстнаго проявленія *отрицанія* и *неуваженія*. И, какъ ни странно, къ этой сплоченности толкалъ тотъ-же гимназическій режимъ, который, по свойству своему, направленъ былъ какъ разъ въ обратную сторону.

Такъ, напримѣръ, самое больное мѣсто средней школы — это выборъ книгъ для домашняго чтенія и регулированіе хода этого дѣла. Несмотря на наличность обширной литературы, какъ русской, такъ и иностранной, однако, выборъ книгъ представляется начальству крайне затруднительнымъ. Оказывается, какую книгу ни возьми, на страницахъ каждой непремѣнно отыщется что-нибудь такое, въ чемъ слѣдуетъ ви-

Digitized by Google

дѣть подрываніе тѣхъ или иныхъ *основъ*. Такъ случилось и въ описываемой авторомъ гимназіи. Начальство тамъ додумалось до запрещенія чтенія гимназистами всѣхъ безъ исключенія журналовъ и газетъ, всѣхъ книгъ, кромѣ существующихъ въ гимназической библіотекѣ, а изъ книгъ этой послѣдней охотно предлагался одинъ Смайльсъ, который способенъ у всякаго живого человѣка возбудить одну тошноту. Нѣкоторые авторы подвергались запрещенію подъ страхомъ наказанія. Между гимназистами ходилъ составленный на основаніи опыта, довольно длинный и чрезвычайно своеобразный перечень книгъ, не дозволенныхъ къ обращенію, съ обозначеніемъ таблицы взысканій, положенныхъ за каждую книгу въ отдѣльности. Этотъ перечень, подобно перечню книгъ, запрещенныхъ папою, носилъ то же названіе:

„Index librorum prohibitorum“:

За	Бѣлинскаго	6 ч. карцера.
„	Шелгунова . . .	10 ч. (и болѣе).
„	Добролюбова . .	Въ первый разъ 12 час., а во второй—24 ч.
„	Писарева	аминь.
„	Чернышевскаго .	„
„	Герцена	„
„	Ренана	„
„	Толстого	„

Плодъ, попавшій подъ запрещеніе, сталъ представляться въ воображеніи даже и мало-любознательныхъ учениковъ особенно сладкимъ. До сего времени читали запрещенныхъ авторовъ урывками и случайно, теперь гимназисты рѣшили организовать систематическое чтеніе, совмѣстное, съ разборомъ автора и дебатами, и достигли этого, устроивъ осторожно и по остроумному плану свою собственную библіотеку въ квартирѣ одного изъ учениковъ. Совѣщаніе по этому дѣлу между учениками, длившееся нѣсколько дней, и потомъ самое чтеніе и пренія описаны авторомъ въ высшей степени интересно, съ большимъ знаніемъ индивидуальныхъ и типическихъ свойствъ людей этого возраста.

Авторъ не даетъ намъ прямыхъ указаній, къ какому времени относятся его „Очерки“. Пореформенная система образованія пережила нѣсколько фазисовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе гимназистовъ упрекали въ томъ, что они крайне мало читаютъ и совсѣмъ не интересуются новой литературой. „Очерки“ констатируютъ какъ разъ иного рода факты. Гимназисты, рано, даже съ пятаго класса, начинаютъ много читать, особенно авторовъ изъ „Index'а“, и къ концу курса вы-

Digitized by Google

рабатываютъ самостоятельные взгляды на литературныя и общественныя явленія. Чтеніе, кромѣ прямого своего значенія, имѣетъ еще косвенное. „Мы, русская молодежь, говоритъ на собравшемся митингѣ взволнованно одинъ изъ героевъ очерковъ, всѣмъ обязаны литературѣ. Мы всѣ только литературой и дышемъ, только ею и живемъ. Она для насъ замѣняетъ и семью и школу. Почему не вышелъ тотъ или другой человѣкъ мерзавцемъ, когда имѣлъ на то всѣ данныя? Литература удержала. Почему не захлебнулся въ грязи, когда въ грязи родился, въ грязи росъ, въ грязи учился? Литература вытащила! Она на сухое мѣсто поставила! Она не дала захлебнуться! Почему, наконецъ, человѣкъ не превратился въ идіота, когда и семья, и школа, и жизнь, не переставая, дули его по темени? Литература вывезла".

Когда мы пишемъ эту лѣтопись, „Очерки" г. Яблоновскаго еще не закончены, но мы къ нимъ уже не будемъ возвращаться. Хорошенькаго по-немножку.

Въ ожиданіи предстоящей реформы остается недостаточно выясненнымъ вопросъ о томъ, состоится ли преобразованіе школы на совершенно новыхъ началахъ или въ основу его будутъ положены „бывшіе примѣры", изъ коихъ заслуживаютъ вниманія два: это уваровская классическая школа и гимназіи по уставу 1863 г., но между этими двумя школьными періодами существовалъ промежутокъ, заполненный неудачнымъ, неопредѣленнымъ и грустнымъ опытомъ. По циркулирующимъ слухамъ и газетнымъ извѣстіямъ оказывается какъ будто, что мы находимся наканунѣ реставраціи этого опыта. „Временныя правила" ограничиваются только общими указаніями, а какъ эти указанія выразятся въ программахъ—это вопросъ совсѣмъ другой.

Весьма кстати появилась въ настоящее время въ „Русскомъ Богатствѣ" статья г. Л. Ѳ. Пантелеева „Изъ воспоминаній о гимназіи 50-хъ годовъ", именно—того промежуточнаго періода, о которомъ мы выше упоминали.

Уваровъ оставилъ министерство въ 1849 г., и вслѣдъ за его уходомъ началась ломка прочно построеннаго имъ зданія классической школы. Гимназій съ древними языками, подобно тому, какъ теперь проектировано „временными правилами", было оставлено только по одной на каждый округъ; въ остальныхъ сохраненъ былъ латинскій языкъ, но, какъ необязатель-

Digitized by Google

ный предметъ, могъ быть замѣненъ законовѣдѣніемъ, а вмѣсто греческаго языка было введено естествовѣдѣніе. Для законовѣдѣнія, какъ и въ настоящее время, совсѣмъ не оказалось учебника. Пришлось на скорую руку составить учебникъ, который представлялъ изъ себя сжатое изложеніе дѣйствующихъ законовъ. Ни общефилософскихъ, ни историко-юридическихъ понятій въ немъ не было и слѣда. Задавалось извѣстное количество страницъ для выучиванія наизусть, и предметъ сдѣлался для учениковъ скучнѣе греческой и латинской грамматикъ.—„Что ваши supinum'ы и gerundium'ы,—споря о трудности предметовъ, возражали законовѣды латинистамъ,— а вотъ запомни-ка, за что прописывается каторга, по скольку лѣтъ, сколько плетей, сколько розогъ кому назначается!"

Преподаваніе естествовѣдѣнія было доведено до полнаго *опрощенія*. Бывшій учитель греческаго языка, назначенный преподавать естествовѣдѣніе, приносилъ съ собой какую-то толстую книгу и что-то по ней читалъ. Уроковъ онъ не задавалъ и не спрашивалъ, и къ концу года ученики узнали только одно, что „есть полипъ, и если разрѣзать его на кусочки, то все-же останется полипъ и будетъ живъ". Назначенный на смѣну этому учителю новый повелъ дѣло иначе, старался заинтересовать учениковъ, но страшная сушь учебниковъ по этому предмету отбивала охоту заниматься имъ. Учитель выбивался изъ силъ, поощрялъ заводить гербаріи, собирать насѣкомыхъ, минералы, пробовалъ даже устраивать экскурсіи, но пріохотить къ предмету не могъ: многое мѣшало этому. *Реформа* школы была вызвана не столько сознаніемъ непригодности для Россіи классической школы, сколько подозрѣніемъ, что изученіе древнихъ языковъ, открывая возможность ознакомленія съ классическимъ міромъ, способствуетъ распространенію разрушительныхъ идей. А черезъ двадцать лѣтъ эти-же языки были признаны лучшимъ оплотомъ противъ тѣхъ-же вредоносныхъ началъ!

О введеніи въ курсъ нашей средней школы изученія естественныхъ наукъ, чего она до сего времени была лишена, не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній, такъ какъ науки эти въ настоящее время по содержанію, системѣ и методамъ доведены до высшей степени совершенства. Что-же касается законовѣдѣнія, то съ отрицательнымъ взглядомъ автора относительно включенія этого предмета въ программу средней школы нельзя не согласиться. „Въ смыслѣ подготовки въ университетъ, спеціально по юридическому факультету, гимназическій курсъ

Digitized by Google

законовѣдѣнія ничего не дастъ, въ университетѣ лекціи все равно будутъ начинаться, какъ говорится, съ аза. Въ смыслѣ содѣйствія общему развитію—сжатое изложеніе главнѣйшихъ отдѣловъ дѣйствующаго законодательства что можетъ дать? Какъ практическое знаніе, пригодное для жизни—рѣшительно ничего".

Организація образованія соотвѣтствуетъ всегда общему соціальному строю. Отправляясь отъ этой мысли, небезызвѣстный французскій соціологъ Грефъ въ краткомъ очеркѣ „L'enseignement integrale"—„Всестороннее образованіе" („Русская Мысль") изложилъ эволюцію педагогическихъ идей, начиная съ классическаго міра и кончая нашимъ временемъ, причемъ Грефъ останавливается только на выдающихся и прогрессивныхъ моментахъ этой эволюціи и заканчиваетъ наброскомъ того идеала образованія, который теперь уже достаточно отчетливо могутъ люди представить себѣ.

Образованіе должно быть всеобщимъ и всестороннимъ, говоритъ Грефъ. Но оно въ историческое время никогда не было ни тѣмъ, ни другимъ въ силу соціальныхъ неравенствъ людей. Для жреца и воина требовалось образованіе въ зависимости отъ предназначенныхъ имъ соціальныхъ функцій. Даже аѳинская демократія была въ сущности демократіей привиллегированныхъ, основанной на рабствѣ. Разладъ между наукой Сократа, Платона, Ксенофонта и Аристотеля и низшимъ образованіемъ массы гражданъ долженъ былъ замѣтно выступать для самихъ философовъ, и они были принуждены въ этомъ сознаваться и даже защищать необходимость этого разлада, какъ, напр., Аристотель. Римъ сдѣлалъ шагъ впередъ; онъ допустилъ рабовъ къ либеральнымъ профессіямъ, къ занятіямъ искусствами, литературою, медициной. Это случилось не только вслѣдствіе повышенной гуманности, но по болѣе серьезной причинѣ. Древнія соціальныя рамки, преимущественно по экономическимъ причинамъ, распадались, высшіе классы, въ услугахъ которыхъ все меньше чувствовалась потребность, стали вырождаться физически и нравственно. Средніе вѣка, несмотря на всѣ свои несовершенства, были нравственно выше древняго, а главное—они представляли изъ себя международное общество, въ которомъ не существовало рѣзкихъ границъ между сословіями и профессіями. Даже преобладавшая между науками теологія мало-по-малу утрачивала

Digitized by Google

монополію высшаго теоретическаго образованія; среднимъ-же вѣкамъ принадлежитъ мысль о публичномъ общемъ образованіи, которое впервые зарождается въ Италіи, этомъ калейдоскопѣ подвижныхъ мелкихъ общинъ, называвшихся государствами. Съ конца среднихъ вѣковъ, когда современныя государства оказались сложившимися, возникли и главныя проблемы общаго образованія. Аристократія и промышленный классъ явились господствующими въ этомъ обществѣ. Теологія окончательно уступаетъ свое мѣсто гуманитарнымъ наукамъ, приспособленнымъ къ воспитанію благородныхъ и рантье. Но почти одновременно со стороны низшихъ классовъ появились запросы тоже на образованіе. Сильнымъ представителемъ ихъ требованій является въ XVII столѣтіи Амосъ Коменскій. Онъ можетъ считаться основателемъ общей педагогіи. Онъ заявляетъ, что образованіе должно быть общедоступно на всѣхъ ступеняхъ, соотвѣтственно способностямъ, а не матеріальному достатку. Въ XVIII столѣтіи это требованіе развивается и поддерживается съ необыкновенной силой „энциклопедистами", воспитательныя идеи которыхъ могли найти приложеніе въ концѣ вѣка, послѣ провозглашенія во Франціи принциповъ *свободы, равенства* и *братства*. Руссо заявляетъ, что равенство передъ знаніемъ соотвѣтствуетъ соціальному равенству; Кондильякъ заботится объ улучшеніи методовъ; сенсуализмъ устанавливаетъ связь психологіи и педагогіи съ наукой о жизни; Гельвецій отдаетъ преимущество публичному образованію передъ частнымъ; Гольбахъ говоритъ, что реформа воспитанія зависитъ отъ преобразованія правительственныхъ учрежденій; Дидро высказываетъ требованіе объ основаніи школъ, открытыхъ для всѣхъ дѣтей народа, какъ только тѣ начинаютъ говорить и ходить, въ которыхъ они должны находить учителей, книги и хлѣбъ. Вопросъ, такимъ образомъ, поставленъ въ связь съ экономической проблемой о даровомъ и обязательномъ обученіи... отъ низшей школы до высшей, безъ различія половъ. Эти идеалы осуществлялись среди революціонной смуты. Необыкновенный проектъ декрета общей организаціи общественнаго образованія, выработанный и представленный Кондорсе въ конвентъ, кажется намъ до сего времени утопіей, но только потому, что недостаетъ смѣлости и желанія осуществить его. Конвентъ сталъ на пути къ его осуществленію, и лишь послѣдующія политическія событія положили предѣлъ этому дѣлу.

Въ то время, какъ во Франціи основанія педагогіи ставили

Digitized by Google

въ связь съ развитіемъ общественныхъ идей, Германія специализируется на выясненіи нравственнаго воспитанія въ образованіи, на изученіи психологіи ребенка, на усовершенствованіи методовъ преподаванія.

Тремъ предшественникамъ современнаго соціализма — Роберту Оуену, Сенъ-Симону и Фурье—принадлежитъ постановка образованія въ его основныя условія: равенство, универсальность и полноту. Въ основаніи трудовъ Оуена, экономическихъ и педагогическихъ, лежитъ тотъ принципъ, что человѣческая нравственность есть результатъ уничтоженія бѣдности; поэтому должно организовать производство, потребленіе и всестороннее обученіе. Формулой Сенъ-Симона было: „распредѣленіе по способностямъ и награда по дѣламъ". Фурье требовалъ свободнаго развитія способностей.

Продолжая упроченіе развитія позитивной философіи, представленной въ XVIII вѣкѣ Тюрго и Кондорсе, О. Контъ возставалъ противъ научной спеціализаціи, которая была одной изъ печальныхъ сторонъ промышленной спеціализаціи. Признавая необходимость растущей дифференціаціи, онъ усматривалъ смягченіе ея въ изученіи общихъ научныхъ положеній.

Вотъ вкратцѣ эволюція педагогическихъ идей. Но осуществленіе ихъ остается далеко позади: приложеніе ихъ, какъ говоритъ Грефъ, задерживается общимъ соціальнымъ строемъ общества.

Основныя положенія педагогіи, выработанныя историческимъ путемъ, въ настоящее время никѣмъ серьезно не оспариваются, и послѣдній международный конгрессъ въ Лондонѣ призналъ ихъ. Докладчикъ, извѣстный экономистъ Сидней Веббъ, указалъ подробно на тѣ причины, которыя задерживаютъ осуществленіе и приложеніе этихъ идей. Изъ всѣхъ причинъ главная — это экономическое неравенство, которое препятствуетъ введенію всеобщаго и полнаго образованія на всѣхъ ступеняхъ его обученія.

Идеалъ образованія отчетливо вырисовался по мѣрѣ ознакомленія съ историческимъ ходомъ развитія педагогической науки. Грефъ, въ заключеніе, только детально развиваетъ его.

Насколько туго прививаются идеи о всеобщемъ образованіи, показываетъ медленно разрѣшающійся вопросъ о жен-

Digitized by Google

скомъ образованіи, равноправномъ съ мужскимъ. Проф. Ф. Левинсонъ-Лессингъ, въ статьѣ „Женщины геологи" („Міръ Божій"), замѣчаетъ, что многіе еще продолжаютъ стоять на устарѣвшей точкѣ зрѣнія, отрицавшей за женщиной способность къ научной работѣ наравнѣ съ мужчиной. Между тѣмъ, многочисленные факты должны бы были разсѣять ложный и въ значительной степени предвзятый взглядъ. Женщины-ученые появляются даже въ такихъ областяхъ науки, гдѣ, казалось бы, ихъ слѣдовало менѣе всего ожидать. Такой областью должна считаться геологія; геологическія изслѣдованія требуютъ утомительныхъ экскурсій и работъ въ полѣ. Участіе женщинъ въ геологической литературѣ началось съ восьмидесятыхъ годовъ, почти одновременно въ Россіи, Англіи и Франціи, и за послѣднія 15 лѣтъ число женщинъ-геологовъ растетъ съ каждымъ годомъ. Въ Англіи, гдѣ неоффиціальныхъ ученыхъ больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, женщины-геологи встрѣчаются чаще. Изъ выдающихся извѣстна (съ 1887 г.) особенно миссъ Рэзинъ, преподавательница геологіи въ Бедфордскомъ колледжѣ въ Лондонѣ. Цѣлый рядъ работъ ея относится преимущественно къ петрографіи, а также работала она надъ сложнымъ вопросомъ о кэмбрійскихъ отложеніяхъ. Работы ея настолько значительны, что ей была присуждена премія изъ фонда имени Ляйэлля. Другая женщина-геологъ, Огильви Гордонъ, докторъ наукъ, извѣстна по своимъ работамъ о тріасовыхъ отложеніяхъ Тироля. Она занималась также изслѣдованіемъ строенія коралловыхъ рифовъ и составила новую классификацію коралловъ. Затѣмъ авторъ даетъ свѣдѣнія о девяти англійскихъ женщинахъ-геологахъ, извѣстныхъ своими замѣчательными трудами.

Послѣ Англіи Россія занимаетъ первое мѣсто по числу женщинъ-геологовъ. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ являются Павлова, Соломко и Цвѣтаева. Первая работа Павловой была посвящена изученію мезозойскаго періода; изъ послѣднихъ работъ одна представляетъ геологическое изслѣдованіе Воробьевыхъ горъ (въ Москвѣ). Предметомъ остальныхъ работъ служили третичныя млекопитающія. Особенно интереснымъ является ея новый взглядъ на гиппоріона, считавшагося предкомъ лошади, а оказавшагося лишь боковой ея вѣтвью. Соломко извѣстна работами по петрографіи и палеонтологіи, на которыхъ она спеціализировалась по совѣту проф. Иностранцева. Цвѣтаева работаетъ тоже по палеонтологіи и кромѣ того изслѣдуетъ геологическое строеніе центральной

Digitized by Google

Россіи, для чего въ послѣднія 10—15 лѣтъ исходила пѣшкомъ почти весь бассейнъ Волги. Ею напечатаны двѣ большія обстоятельныя работы о животныхъ каменноугольныхъ отложеній и установлено много новыхъ видовъ. Существуетъ еще нѣсколько русскихъ женщинъ-геологовъ. Изъ французскихъ извѣстна только Эллертъ, жена тоже геолога. Работаетъ она совмѣстно съ мужемъ. Ими опубликовано свыше 50 работъ. Оба Эллертъ считаются знатоками девонскихъ отложеній и ихъ фауны. Насчитывается также нѣсколько женщинъ въ Америкѣ, работающихъ въ геологіи; особенно г-жа Боскомъ, состоящая профессоромъ геологіи въ Пенсильваніи.

Авторъ замѣчаетъ, что въ виду приведенныхъ фактовъ, указывающихъ на полную способность женщинъ заниматься съ успѣхомъ даже такими науками, какъ геологія, которая по свойству своему доступна только выносливымъ натурамъ, можно надѣяться, что недалеко то время, когда женщины не будутъ больше встрѣчать препятствій къ удовлетворенію своихъ научныхъ стремленій наравнѣ съ мужчинами. **И. М.**

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Вилла Мальмэзонъ.—Японецъ о японской литературѣ.—Свѣдѣнія изъ древней исторіи турокъ.—Дѣтскій вопросъ въ исторіи.

Нѣсколько лѣтъ назадъ г. Озирисъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ парижскихъ покровителей литературы и науки, посѣтилъ виллу Мальмэзонъ, гдѣ Наполеонъ провелъ добрую часть своей брачной жизни съ Жозефиной [1]), и былъ пораженъ запущеннымъ видомъ этого историческаго дома. На оградѣ была надпись: „продается". Г. Озирисъ тотчасъ же рѣшилъ пріобрѣсти виллу и, реставрировавъ ее по возможности въ томъ видѣ, какою она была во времена ея знаменитыхъ обладателей, подарить ее французскому народу.

Когда въ сентябрѣ 798 г., почти въ самый моментъ отъѣзда Наполеона въ египетскій походъ, Жозефина была нездорова и подыскивала себѣ спокойную и пріятную резиденцію

[1]) Pall Mall Magazine, May to August, 1901.

Digitized by Google

поблизости Парижа, она, по совѣту своего супруга, остановила свой выборъ на виллѣ Мальмэзанъ, которую и пріобрѣла за 160000 франковъ.

Госпожа Бонапартъ провела здѣсь лѣто 1799 г., окруженная поэтами, артистами и литераторами. Прекрасная креолка—Жозефина была, какъ извѣстно, уроженка острова Мартинона,—скоро сумѣла сдѣлать всѣхъ своихъ друзей горячими приверженцами генерала Бонапарта, такъ что, когда послѣдній вернулся изъ Египта, онъ нашелъ почву уже въ значительной степени подготовленной и не преминулъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Нѣсколько недѣль спустя Наполеонъ Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ.

Тогда началась для Мальмэзанъ эра неожиданнаго величія и блеска. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ эта прелестная маленькая вилла была любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ Наполеона и Жозефины. Жозефина, не знавшая цѣны деньгамъ, употребила весь свой художественный вкусъ, чтобы украсить свою резиденцію, и дѣйствительно сдѣлала изъ нея настоящій земной рай. Первый консулъ пріѣзжалъ въ Мальмэзанъ каждые десять дней, какъ школьникъ на праздники, чтобы провести тамъ все свободное отъ дѣлъ время. Тамъ собирались близкіе родственники Бонапартовъ, сестры и братья Наполеона, дѣти Жозефины и ихъ самые интимные друзья. Устраивались танцы, игры и даже маленькіе домашніе спектакли. Однимъ изъ главныхъ украшеній этихъ маленькихъ собраній была очаровательная дочь Жозефины, Гортензія де Богарне, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Луи Бонапарта.

6 августа 1802 г. Бонапартъ былъ назначенъ пожизненнымъ консуломъ. Это былъ шагъ къ имперіи и начало новой жизни. Надо было навсегда распрощаться съ веселыми праздниками въ Мальмэзанъ. Наполеонъ сталъ бывать тамъ рѣже и на болѣе короткіе сроки, а скоро совершенно переселился во дворецъ Сенъ-Клу.

18 марта 1804 г. Жозефина и Бонапартъ снова посѣтили Мальмэзанъ, но это посѣщеніе было омрачено происшествіемъ, которое осталось навсегда темнымъ пятномъ на славѣ великаго императора. Здѣсь Жозефина на колѣняхъ умоляла его пощадить приговореннаго къ смерти герцога Энгіенскаго, но Наполеонъ остался непреклоннымъ. „Не вмѣшивайтесь въ дѣла, въ которыхъ вы ничего не понимаете“.

Послѣ развода съ императоромъ Жозефина снова возвра-

тилась въ Мальмэзанъ и тамъ провела большую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Въ 1813 г. внуки Жозефины гостили у нея въ Мальмэзанъ. Одинъ изъ нихъ, впослѣдствіи Наполеонъ III, которому было въ то время пять лѣтъ, сохранилъ объ этихъ дняхъ живое воспоминаніе.

29 мая 1814 г. Жозефина умерла въ своей любимой виллѣ, гдѣ она провела столько счастливыхъ дней.

Возвратившись съ острова Эльбы, Наполенъ посѣтилъ Мальмэзанъ. Онъ довольно долго оставался въ комнатѣ, гдѣ скончалась подруга лучшихъ дней его жизни, и когда вышелъ оттуда, то глаза его были красны отъ слезъ.

Судьба назначила ему еще разъ увидѣть Мальмэзанъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ. Разбитый при Ватерлоо, всѣми покинутый, онъ провелъ тамъ цѣлыхъ пять дней, съ Гортензіей Богарне, которая всѣми силами старалась по возможности утѣшить его. Впослѣдствіи вилла Мальмэзанъ досталась во владѣніе принцу Евгенію Богарне, который и продалъ ее.

Въ настоящее время она снова дѣлается достояніемъ исторіи и будетъ отнынѣ принадлежать государству. Тамъ будетъ устроенъ Наполеоновскій музей, гдѣ будутъ собраны всѣ реликвіи этой эпохи славы и величія.

Въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ лучшихъ японскихъ журналовъ „Таййо“ появилась недавно большая статья умнаго и образованнаго японскаго критика, Такайамо Ринжиро, о современномъ японскомъ романѣ [1]). Горячій патріотъ, но добросовѣстный литераторъ, г. Такайамо Ринжиро не упоминаетъ ни одного имени, не желая повредить репутаціи никого изъ любимцевъ публики, ни подорвать успѣхъ какой-нибудь издательской фирмы; онъ говоритъ о современныхъ японскихъ романистахъ вообще, но его приговоры строги и безпощадны; съ горечью въ сердцѣ отмѣчаетъ онъ отсутствіе у нихъ идеала и цѣли и даже подготовительнаго образованія. „Ихъ пѣсни, говоритъ онъ, ихъ романы—простыя забавы, игра въ слова безъ мысли, ихъ грудь еще не открылась для человѣчества. У нихъ есть уши, чтобы не слышать, а глаза, чтобы не видѣть; ихъ произве-

[1]) La Revue, 15 Août, 1901.

Digitized by Google

денія не имѣютъ ни принциповъ, ни знаній, ни свѣта, ни идеала; однимъ словомъ, это просто дѣтскія сказки. Примѣръ Нитцше да послужитъ имъ урокомъ. И не одинъ Нитцше въ настоящее время можетъ указать имъ путь".

Здѣсь Такайамо распространяется о произведеніяхъ нѣсколькихъ американскихъ авторовъ, о Толстомъ, котораго онъ называетъ „самымъ смѣлымъ изъ интеллектуальныхъ критиковъ", о Зола, объ Ибсенѣ и Зудерманнѣ. И затѣмъ наставительно говоритъ: „Пусть наши японскіе писатели твердо помнятъ слѣдующее: почти всѣ великіе авторы, сдѣлавшіе себѣ имя въ современной литературѣ, являются критиками цивилизаціи вообще. Ихъ идеалы, ихъ слогъ могутъ быть совершенно различны, но всѣ они, каждый на свой ладъ, представители духа эпохи, иногда его критики, а часто даже его ярые противники: такимъ образомъ они двигатели массъ на пути цивилизаціи. А что такое наши писатели? Гдѣ изъ нихъ тотъ, который слышитъ голосъ народа, который умѣетъ видѣть теченіе эпохи? Напрасно, цѣлое поколѣніе запоздало и не видитъ свѣта цивилизаціи, погрузившись въ мучительный страхъ темноты; они не умѣютъ сказать ему: идеалъ, вотъ онъ!"

Далѣе онъ говоритъ: „Уже давно у насъ появились романы будто бы въ духѣ европейскихъ реалистовъ. Но что представляетъ изъ себя ихъ реализмъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣйствительность. И какъ могло бы быть иначе? Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, одинъ изъ столичныхъ журналовъ посвятилъ статью одному изъ нашихъ популярнѣйшихъ писателей-реалистовъ; объяснивъ предварительно, въ чемъ состоитъ реализмъ этого романиста, авторъ статьи сообщаетъ, что г. такой-то, жалѣя объ обществѣ, не знающемъ изнанки жизни Іокагамы, отправился въ этотъ городъ съ цѣлью прожить тамъ *нѣсколько дней*, дабы собрать всѣ нужныя свѣдѣнія. Откровенно говоря, что подразумѣвалось подъ этимъ *прожить тамъ нѣсколько дней* для изученія подробностей жизни большого города? Какимъ наивнымъ надо быть, чтобы считать для этого достаточнымъ нѣсколько дней. Мы не понимаемъ или, вѣрнѣе, понимаемъ только одно: это грубое невѣжество нашихъ художниковъ общественныхъ нравовъ. Какъ, думаете вы, Зола написалъ своего „Человѣка-звѣря". Цѣлыми годами готовился онъ къ этому, изучая вблизи все, что касается желѣзныхъ дорогъ. Еще разъ пожалѣемъ о недобросовѣстности нашихъ романистовъ".

И г. Такайамо заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ су-

Digitized by Google

ровымъ приговоромъ: „Однимъ словомъ, нашимъ писателямъ надо начать съ азовъ. Имъ недостаетъ подготовки, характера опредѣленности. Пусть они читаютъ произведенія великихъ европейскихъ писателей и мы предсказываемъ, что тогда они и не посмѣютъ больше взяться за свои перья“.

Исторія турокъ [1]) — скорѣе исторія династій, чѣмъ народовъ или племенъ. Имена оттоманы, сельджуки, мамелюки, монголы, могулы и другіе принадлежатъ вовсе не народамъ, а основателямъ этихъ государствъ. Оттоманскіе турки вошли въ Малую Азію въ началѣ тринадцатаго столѣтія всего въ числѣ четырехъ сотъ семействъ, а турки, жившіе уже тамъ подъ властію сельджуковъ, остались и тоже сдѣлались оттоманскими. Другіе турки также постоянно приходили изъ центральной Азіи. Другая путаница въ турецкой исторіи происходитъ изъ-за множества различныхъ именъ, дававшихся турецкому племени въ разныя времена. Китайцы, отъ которыхъ главнымъ образомъ можно было почерпнуть свѣдѣнія объ исторіи турокъ, называли всѣ варварскіе народы, какъ сѣверные, такъ и западные, однимъ общимъ именемъ Хіунгъ-Ну. Слово турки не появляется до 545 г., но зато тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ говорится о могущественномъ турецкомъ государствѣ, откуда ясно, что это слово было уже знакомо китайцамъ давнымъ-давно. Есть также основанія предполагать, что въ сѣверномъ Китаѣ были китайскіе императоры въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи. Теперь невозможно установить точныя отношенія между турками, монголами, финнами и гуннами, такъ какъ всѣ эти имена сливаются въ одномъ общемъ понятіи о Хіунгъ-Ну. Всѣ они такъ близки между собою по языку, по обычаямъ, по религіи, что ихъ слѣдуетъ считать за одно племя. Во всякомъ случаѣ въ точности намъ извѣстно только, что весь материкъ Азіи былъ населенъ огромнымъ количествомъ кочующихъ племенъ одного происхожденія, но находившихся въ постоянной враждѣ между собою и съ сосѣдями китайцами. Которые именно изъ нихъ были турки— сказать трудно. Современные турки утверждаютъ, что имя это первоначально принадлежало одному великому вождю, основателю династіи, котораго они считаютъ даже внукомъ Ноя.

Самыя древнія свѣдѣнія о туркахъ находимъ въ одной изъ

---

[1]) The Contemporary Review, August 1901.

китайскихъ хроникъ 545 г., гдѣ говорится, что турками называется одно изъ племенъ Хіунгъ-Ну, пришедшее изъ страны, лежащей къ сѣверу отъ Гоби; они кочевники, охотники, скотоводы, лошадники и искусные стрѣлки; грубые и жестокіе, они презрительно относятся къ старикамъ и уважаютъ только молодыхъ и сильныхъ. Какъ у древнихъ Хіунгъ-Ну, у нихъ нѣтъ ни писанныхъ законовъ, ни правильнаго суда. Женщины не могутъ выходить замужъ за людей, стоящихъ ниже ихъ по положенію, но родители не смѣютъ отказать въ рукѣ своей дочери человѣку, равному имъ. Пасынокъ обязанъ жениться на вдовѣ своего отца, младшій братъ на вдовѣ старшаго, племянникъ на вдовѣ дяди. Несмотря на кочевую жизнь, каждый турокъ имѣетъ земельную собственность. У нихъ нѣтъ правильнаго календаря, но годъ ихъ начинается съ весны. Они всѣ стремятся найти смерть на полѣ битвы и считаютъ позоромъ умереть отъ болѣзни. Законъ о наслѣдствѣ отдавалъ семью и землю младшему сыну, личное имущество среднему, а скотъ самому старшему. Права женщинъ признавались и уважались. Въ случаѣ развода приданое возвращалось женѣ, даже если оно было сдѣлано ей ея мужемъ.

Въ 569 г. греческіе и китайскіе источники одновременно говорятъ о великомъ турецкомъ государствѣ и знаменитомъ царѣ, возымѣвшемъ идею устроить союзъ между китайской и римской имперіями, чтобы черезъ это захватить всю торговлю Азіи въ свои руки и такимъ образомъ пріобрѣсти власть надо всѣмъ материкомъ. Греки называютъ его царь Дизабулъ, а китайцы—ханъ Моканъ. Онъ отправлялъ посольства въ Китай и въ Константинополь, чтобы урегулировать торговлю шелкомъ, и императоръ Юстинъ со своей стороны также отправилъ къ нему посольство; договоръ былъ заключенъ, и многіе турки пріѣхали въ Константинополь. Въ 575 г. было отправлено новое посольство, которое уже не застало хана Мокана въ живыхъ. Ханъ Добо, сдѣлавшійся главой государства, былъ обращенъ въ буддизмъ съ помощью китайскаго золота... Западная провинція государства все еще желала союза съ Римомъ, но императоръ боялся этого союза съ варварами центральной Азіи противъ могущественной имперіи сассанидовъ. Трудно себѣ представить, какъ измѣнилась бы картина всемірной исторіи, если бы состоялся этотъ союзъ съ турками, многіе изъ которыхъ были уже тогда христіанами, и Персія была бы разрушена прежде, чѣмъ явился Магометъ.

Digitized by Google

Извѣстно, что именно черезъ Персію исламъ проникнулъ къ туркамъ полтора столѣтія спустя.

Мы имѣемъ еще одинъ источникъ на двѣсти лѣтъ младше предыдущаго, изъ котораго также можно почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о древней исторіи турецкаго народа. Это надпись на древне-турецкомъ языкѣ, найденная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Монголіи на памятникѣ, воздвигнутомъ однимъ турецкимъ принцемъ въ честь своего брата; она относится къ 733 г. Въ ней турецкій народъ является сборищемъ нѣсколькихъ семействъ или родовъ, безъ различія племенъ соединившихся вокругъ своего вождя, сперва въ числѣ всего семи сотъ человѣкъ, а въ концѣ концовъ въ видѣ нѣсколькихъ ордъ, болѣе или менѣе подчиненныхъ кагану или князю. Въ этой надписи не упоминается ни о какой религіи, и только въ одномъ мѣстѣ можно усмотрѣть намекъ на Бога. „Наверху небо турокъ, которое турки называютъ Земле-Вода, такъ говоритъ: не позволяй турецкому народу развратиться, турецкій народъ полонъ жизни. Онъ взялъ моего отца, того, который далъ жизнь народу, и мою мать, которая знала народъ, и вознесъ ихъ на Высшее Небо“.

Другой отрывокъ изъ этой надписи даетъ нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ правителя къ народу: „Мой отецъ и мой дядя поддерживали славу и честь турецкаго народа. Ради турецкаго народа я не спалъ ночью и не отдыхалъ днемъ; народъ былъ голъ и я далъ ему одежду; онъ былъ бѣденъ и я сдѣлалъ его богатымъ; ихъ было мало и я собралъ ихъ много. Съ помощью неба я пріобрѣлъ много и турецкій народъ пріобрѣлъ много“.

Постоянныя сношенія турокъ съ Китаемъ заставили ихъ перенять многіе китайскіе обычаи. Сдѣлавшись магометанами, они подпали подъ вліяніе персидскихъ и арабскихъ идей и старались подражать имъ, но самый народъ даже до восемнадцатаго столѣтія удержалъ свои старыя идеи объ управленіи; турокъ все еще былъ прежде всего солдатомъ и главной обязанностью правителей было кормить свой народъ.

Христіанство проникло къ туркамъ въ началѣ четвертаго столѣтія, и въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда Марко Поло былъ въ Китаѣ, онъ видѣлъ христіанскія церкви во многихъ городахъ центральной Азіи и встрѣчалъ много турокъ христіанъ. Если бы римская и греческая церкви поддерживали бы, а не притѣсняли бы ихъ, если бы христіанскіе государи Европы заключили бы союзъ съ турецкими христіанами во время кре-

Digitized by Google

стовыхъ походовъ, какъ они и могли бы сдѣлать, успѣхъ магометанства не былъ бы такъ великъ и, можетъ быть, вся Азія была бы уже теперь христіанской.

Обращеніе турокъ въ исламъ происходило медленно, втеченіе шестисотъ лѣтъ и подъ конецъ сдѣлало ихъ самыми горячими распространителями этой вѣры.

Опасность уничтоженія расы черезъ уменьшеніе рождаемости становится во Франціи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе угрожающей; тѣмъ дороже должно цѣнить жизнь каждаго новорожденнаго, а между тѣмъ смертность среди дѣтей едва ли также не увеличилась. Причину этого многіе видятъ въ небрежности современныхъ женщинъ къ задачамъ материнства, въ томъ, что онѣ совершенно отказываются отъ ухода за собственными дѣтьми и даже не хотятъ сами кормить ихъ. Но если мы заглянемъ въ исторію, то увидимъ, что и въ прежнія времена дѣло обстояло далеко не лучше [1]). Наемныя кормилицы существовали съ незапамятныхъ временъ и всегда давали поводъ къ безконечнымъ жалобамъ; пользуясь возможностью, онѣ постоянно были требовательны и капризны и исполняли добросовѣстно свои обязанности только въ тѣхъ случаяхъ, когда строгій глазъ неотступно слѣдилъ за ними. Въ средніе вѣка владѣтельница замка выбирала самую здоровую изъ своихъ вассалокъ и поручала ей своего ребенка. Позднѣе буржуазія стала подражать примѣру аристократокъ. Подъ страхомъ суроваго наказанія, вассалка прилагала всѣ старанія къ уходу за врученнымъ ей младенцемъ. Буржуазія не имѣла этого преимущества и потому должна была прибѣгать къ денежной приманкѣ. Уже въ XIV вѣкѣ матери жалуются на тираннію кормилицъ. Изъ-за всякаго пустяка онѣ грозятъ уйти. Мало-по-малу вошло въ моду наряжать ихъ въ богатые костюмы. Кормилица XVII вѣка щеголяетъ въ кокетливой бархатной шапочкѣ и широкихъ вышитыхъ косынкахъ; она не соглашается выйти погулять со своимъ воспитанникомъ, если онъ не разряженъ въ шелкъ и дорогія кружева. Чтобы заставить наемныхъ мамокъ обращаться съ дѣтьми хорошо, нужно очень строго смотрѣть за ними; но такой надзоръ возможенъ лишь тогда, если мамка живетъ въ домѣ родителей ребенка; если-же, наоборотъ, ребенокъ отдается въ домъ

---

[1]) L'Illustré universel, Août 1901.

Digitized by Google

мамки, дѣло становится несравненно сложнѣе. Правительства старались насколько возможно упорядочить надзоръ за кормилицами. Въ 1350 г. 30 января король Іоаннъ приказалъ основать бюро для найма кормилицъ, причемъ запрещалось одной мамкѣ брать больше одного ребенка въ годъ подъ страхомъ штрафа въ 10 су. Содержательница же бюро, уличенная въ сообщничествѣ, присуждалась къ позорному столбу.

Съ содержательницами бюро соперничали факторы, которые первоначально вербовали кормилицъ для бюро, а потомъ стали рекомендовать ихъ самостоятельно. У этихъ факторовъ не было никакихъ книгъ для записыванія именъ, никакихъ гарантій, и потому дѣти, отданныя кормилицамъ черезъ ихъ посредничество, иногда терялись и мѣнялись. Въ 1611 г. этимъ факторамъ было запрещено рекомендовать кормилицъ кому бы то ни было, исключая бюро. До Людовика XIV такихъ бюро было только два, при немъ же число это было увеличено до четырехъ. Содержали ихъ по большей части акушерки или вообще опытныя и благонадежныя женщины. Но какъ бы ни была добросовѣстна дѣятельность этихъ бюро, они не могли услѣдить за всѣми кормилицами, живущими по разнымъ деревнямъ, и потому случалось иногда, что бѣдная крестьянка замѣняла своимъ ребенкомъ воспитанника, за котораго получала щедрое вознагражденіе. Во избѣжаніе этого нѣкоторые родители татуировали на тѣлѣ своихъ отпрысковъ различные знаки. Но и это не всегда помогало, такъ какъ поддѣлать татуировку далеко не такъ трудно. Богатыя семейства избѣгали этой опасности, нанимая кормилицу въ домъ.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ небрежность молодыхъ матерей къ маленькимъ дѣтямъ возросла до чрезвычайныхъ размѣровъ. Г-жа де-Гриньянъ, дочь г-жи де-Севинье, спокойно отправляется къ мужу, бросивъ своего первенца, грудную дѣвочку, на руки своей собственной матери г-жи де-Севинье. Та въ свою очередь ѣдетъ къ г-жѣ де-Гриньянъ въ Провансъ, не подумавъ даже взять ребенка съ собою: она съ легкимъ сердцемъ отправляетъ его въ Парижъ. „Я оставила ее въ добромъ здоровьѣ, пишетъ она г-жѣ де Гриньянъ 11 іюля 1672 г.—окруженную заботами. Г-жа Пюндюфу и Пекэнъ (докторъ) отнимутъ ее отъ груди въ концѣ августа и, такъ какъ мамка очень привязана къ своему мужу и дѣтямъ, къ виноградным сборамъ и вообще къ своему хозяйству, г-жа дю Пюндюфу обѣщала мнѣ другую женщину, чтобы приставить ее къ моей малюткѣ, когда мамки не будетъ больше съ нею“.

Digitized by Google

Таково было отношеніе къ дѣтямъ въ аристократическихъ семьяхъ, ихъ поручали „надежнымъ“ людямъ и на этомъ оканчивались всѣ заботы. Эти обычаи возмутили Жанъ-Жака Руссо, явившагося горячимъ поборникомъ кормленія матерями собственныхъ дѣтей. Его краснорѣчивыя сочиненія имѣли огромное вліяніе на нравы и обычаи его современниковъ.

Величайшее зло, противъ котораго власти также боролись всѣми силами, это задержка платы кормилицамъ. Въ 1715 г. былъ изданъ приказъ о строгомъ преслѣдованіи родителей за неаккуратный платежъ. Въ 1727 г. новый приказъ обязываетъ кормилицъ показывать дѣтей каждыя двѣ недѣли, а въ случаѣ смерти моментально давать знать объ этомъ и представлять свидѣтельство о смерти. Приходскій священникъ долженъ былъ слѣдить за кормилицами, вести списокъ суммъ, присылаемыхъ имъ, и отдавать ихъ по назначенію.

Въ 1757 г. было постановлено наказывать штрафомъ въ 100 ливр. кормилицъ, не имѣвшихъ люльки и клавшихъ дѣтей спать съ собою, отчего нерѣдко бывали случаи удушенія малютокъ. Беременныя кормилицы, берущіяся кормить чужого ребенка, наказывались кнутомъ, а мужья ихъ платили штрафъ въ 30 ливр. Но, несмотря на всѣ мѣры, зло продолжало существовать и поддерживалось самими родителями, неаккуратно платившими деньги.

Въ 1769 г. четыре бюро кормилицъ были замѣнены однимъ большимъ бюро, получившимъ нѣсколько другое устройство. Это бюро выдавало кормилицамъ жалованье впередъ, такъ что родители должны были платить въ бюро, которое и слѣдило за аккуратностью взносовъ. Послѣ двухъ предупрежденій, оставшихся безъ послѣдствій, родители наказывались арестомъ. Въ 1785 г. была придумана новая мѣра: лучшей кормилицѣ присуждалась медаль съ изображеніемъ королевы и съ надписью на другой сторонѣ: „хорошей кормилицѣ“. Но увы! эта награда была присуждена всего только одинъ разъ; слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что хорошія кормилицы встрѣчались такъ рѣдко? Въ 1792 г. было упразднено наказаніе родителей арестомъ за неплатежъ. Въ 1821 г. законъ запретилъ существованіе факторовъ, которые слишкомъ ужъ безсовѣстно эксплоатировали какъ кормилицъ, такъ и родителей. Съ тѣхъ поръ правительство перестало заниматься этимъ вопросомъ, хоть его далеко нельзя еще считать разрѣшеннымъ. Въ наше время, какъ и прежде, совершаются возмутительныя злоупотребленія, и несчастныя маленькія суще-

Digitized by Google

ства нерѣдко являются жертвами человѣческаго безсердечія и недобросовѣстности.

Новыя книги.

На славномъ посту (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому.

Сорокалѣтіе дѣятельности извѣстнаго философа-публициста Н. К. Михайловскаго было ознаменовано его соратниками-почитателями весьма симпатичнымъ дѣломъ — изданіемъ литературно-научнаго сборника, который имѣлъ такой успѣхъ, что въ настоящее время всѣ выпущенные въ свѣтъ экземпляры его разошлись.

Первая часть сборника посвящена беллетристикѣ и не столь заманчива, какъ вторая, въ которой находимъ цѣлый рядъ цѣнныхъ статей по исторіи нашего общественнаго развитія и публицистическихъ. Изъ статей послѣдняго рода весьма важною является статья г. В. Розенберга — „Въ мірѣ случайностей"—содержащая исторію и статистику цензурныхъ взысканій съ печати. Сопоставивъ наши законы о печати и практику взысканій, зависящую отъ случайныхъ вѣяній и личныхъ усмотрѣній, авторъ приходитъ къ тому выводу, что „никогда нельзя съ увѣренностью сказать: все то, что было дозволительнымъ вчера, будетъ считаться безвреднымъ и завтра". Изъ историческихъ статей интересны: В. А. Мякотина „На зарѣ русской общественности", обстоятельная монографія о Радищевѣ, и особенно В. И. Семевскаго—„Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ". Это первое сколько-нибудь цѣльное изображеніе дѣла о „петрашевцахъ", сводящее съ одной стороны уже опубликованныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи, а съ другой — руководящееся архивными данными. Г. Семевскій подробно излагаетъ исторію кружка Петрашевскаго, увлеченія участниковъ его фурьеризмомъ, ихъ планы относительно Россіи, предательство Антонелли и т. п. Наиболѣе обстоятельно выяснены роли въ движеніи самого Петрашевскаго, Достоевскаго, Плещеева, Дурова (ему въ сборникѣ посвящена еще статья г. Потанина— „Встрѣча съ С. Ѳ. Дуровымъ"), Спѣшнева, Дебу, Черносвитова, Момбелли, Европеуса. Но многіе изъ петрашевцевъ остаются еще въ тѣни, и для выясненія ихъ личностей и участія въ движеніи необходимы какъ болѣе тщательныя архивныя розысканія, такъ и разъясненія людей, имѣющихъ род-

Digitized by Google

ственную или иную связь съ ними. Всѣхъ заподозрѣнныхъ было около трехсотъ, но суду было предано всего 23 человѣка, и изъ нихъ генералъ-аудиторіатъ приговорилъ 21 къ смертной казни, всеподданнѣйше ходатайствуя, однако, о смягченіи наказанія. Государь утвердилъ наказаніе, предложенное генералъ-аудиторіатомъ, лишь относительно Петрашевскаго— каторгу безъ срока, всѣмъ же остальнымъ наказаніе смягчено. Момбелли и Григорьевъ осуждены на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, Спѣшневъ—на 10 лѣтъ, Львовъ—на 12 лѣтъ, Филипповъ и Ахшарумовъ на 4 года въ арестанты инженернаго вѣдомства, а затѣмъ въ рядовые на Кавказъ, студентъ Ханыковъ въ рядовые въ Оренбургскій линейный батальонъ, Дуровъ и Достоевскій — 4 года каторги, а потомъ въ рядовые, К. М. Дебу — на 4 года, а И. М. Дебу — на 2 года въ арестанты инженернаго вѣдомства, а затѣмъ въ рядовые, Ястржембскій—въ каторгу на 6 лѣтъ, а Толль—на 2 года, Плещеевъ рядовымъ въ оренбургскіе, а Кашкинъ — въ кавказскіе линейные батальоны. Всѣ эти лица лишались всѣхъ правъ состоянія. Далѣе, Головинскій „за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснялъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства (въ опубликованномъ приговорѣ сказано просто: „за возмутительные въ высшей степени разговоры у П—аго и Д—ва"), въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ" (20 л.) былъ, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣленъ рядовымъ въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ. Пальмъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. Тимковскій назначенъ на 6 лѣтъ въ арестантскія роты, также и Шапошниковъ. Европеусъ— рядовымъ въ кавказскіе батальоны, безъ лишенія дворянства, а Черносвитовъ — на житье въ Кексгольмскую крѣпость съ сохраненіемъ пенсіи. Прежде чѣмъ объявить дѣйствительно ожидавшую ихъ участь, подсудимымъ былъ прочитанъ первоначальный приговоръ и надъ ними произведены всѣ обряды, предшествующіе смертной казни.

Спеціально выясненію заслугъ юбиляра посвящены статьи: „Система правды и наши общественныя отношенія" М. Рафаилова и „Соціологическая доктрина Н. К. Михайловскаго"— С. Н. Южакова.

М—евъ.

Р. Гюнтеръ. **Исторія культуры.** Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1901.

Въ русской литературѣ чувствуется сильнѣйшій недоста-

Digitized by Google

токъ въ оригинальныхъ трудахъ по исторіи культуры. Изъ переводныхъ популярныхъ руководствъ можно указать на сочиненіе Липперта „Исторія культуры", выдержавшее четвертое изданіе. Предмету своего изслѣдованія авторъ даетъ такое опредѣленіе: „исторія культуры есть исторія того труда, который поднялъ человѣчество изъ низменнаго и бѣдственнаго состоянія на занимаемую имъ теперь высоту". Опредѣленіе Гюнтера болѣе общее: „культура обнимаетъ всякую человѣческую дѣятельность, поскольку она отличается отъ дѣятельности животныхъ". Его руководство носитъ чисто описательный характеръ и частью затрогиваетъ прагматическую исторію. Данныя имъ объясненія общимъ понятіямъ и возникновенію главнѣйшихъ факторовъ культуры: породъ и расъ, рѣчи, письма и численныхъ знаковъ, орудій, одежды, жилищъ, обычаевъ, семьи, религіи и т. д., не отличаются научной точностью и полнотой, но зато выигрываютъ въ ясности и наглядности представленій, живости и занимательности изложенія. Этими положительными качествами оно отличается отъ рутинныхъ учебныхъ руководствъ.

Въ очеркѣ культуры первобытныхъ народовъ сообщаются краткія свѣдѣнія объ общественномъ, матеріальномъ и семейномъ бытѣ папуасовъ, готентотовъ и бушменовъ, негровъ, австралійцевъ и малайцевъ, а также о туземныхъ американскихъ племенахъ. Особыя главы посвящены древнимъ культурамъ Востока и современной Индіи, Китаю и Японіи; но фактическій матеріалъ распредѣленъ далеко не равномѣрно, такъ, напримѣръ, Китаю отведено слишкомъ мало мѣсто по его современному міровому значенію. Большая часть книги занята описаніемъ европейскихъ культуръ: античной, христіанско-германскаго средневѣковаго періода и вѣка просвѣщенія.

Только въ этой послѣдней части Гюнтеръ пытается, не ограничиваясь внѣшними описаніями, дать историческое объясненіе развитію основныхъ формъ культурной жизни. По его взглядамъ, церковная организація, какъ западная, такъ и византійская, оказывали чрезвычайно парализующее вліяніе на культурныя движенія европейскихъ народовъ. „Въ концѣ концовъ, говоритъ онъ, мы не можемъ не признать, что христіанская церковь была всегда ecclesia militans—„воинствующая церковь", вліявшая на души терроризмомъ". Тогда какъ въ античномъ мірѣ господствовало свѣтлое, гуманистическое воззрѣніе на человѣческую природу, въ христіанскихъ общи-

Digitized by Google

нахъ не замедлили возникнуть различныя религіозно-фанатическія секты, самымъ жестокимъ образомъ враждующія другъ съ другомъ. Церковные догматы поставили нравственность въ исключительную зависимость отъ вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, однако, мало что хорошаго можно сказать о нравственной чистотѣ въ основанномъ первымъ христіанскимъ императоромъ государствѣ, просуществовавшемъ еще одиннадцать столѣтій. „Исторія Византійской имперіи — это однообразная исторія интригъ духовенства, евнуховъ и женщинъ, отравленій, заговоровъ, общей неблагодарности, постояннаго братоубійства". Можно сказать, что на культурное развитіе Европы, особенно ея восточной части, Византія оказала лишь неблагопріятное вліяніе. Если бы развращеніе нравовъ не повело къ полному отсутствію энергіи, которая является характерной чертой восточно-римской имперіи, турки никогда не могли бы утвердиться въ Европѣ, ихъ варварская культура въ концѣ концовъ погибла бы въ Азіи". Въ Римѣ было тоже не лучше. „Исторія двѣнадцати вѣковъ, слѣдовавшихъ за обращеніемъ въ христіанство Константина, наглядно доказываетъ, что богословіе, которое познакомило людей съ невѣдомыми древнему міру принципами и оказало значительное смягчающее вліяніе на общество, въ той формѣ, какую получила греческая и католическая церковь, является рѣшительной помѣхой цивилизаціи". Въ средѣ самого духовенства нравственность стояла „такъ-же низко, какъ и во времена самыхъ безумныхъ императоровъ. Уже во времена Деція громкія жалобы раздавались на незаконныя сожительства клирошанъ. Позднѣе бывали примѣры, что монахи жили въ одномъ домѣ съ женщинами и утверждали, что раздѣляютъ съ ними ложе, свято соблюдая цѣломудріе, а ихъ совмѣстное купанье основывается на томъ, что для нихъ не существуетъ различія половъ. Григорій Нисскій предостерегалъ противъ паломничества въ Палестину, такъ какъ тамъ „много поставлено капкановъ добродѣтели и много соблазновъ поощряютъ пороки". Какъ жило высшее общество въ Византіи, вамъ показываетъ примѣръ царицы Ѳеодоры, которая нагая танцовала въ циркѣ съ сотнями падшихъ женщинъ. Сами отцы церкви отождествляли прародительскій грѣхъ съ плотскимъ вожделѣніемъ" (стр. 226). Въ то-же время мало или почти ничего не сдѣлано было западнымъ христіанствомъ для облегченія положенія рабовъ и освобожденія крестьянъ въ средніе вѣка.

Подобно тому, какъ въ развитіи гуманизма и обществен-

Digitized by Google

вости, говоритъ Гюнтеръ, обыкновенно преувеличивается значеніе церкви и въ исторіи духовной и матеріальной культуры западныхъ народовъ. „Если въ каролингосаксонскій періодъ христіанско-германской эпохи монастыри были центрами искусствъ и образованности, то въ позднѣйшія времена это совершенно измѣнилось. Между прочимъ сообщаютъ, что около 1291 г. игуменъ и вся братія монастыря въ Сантъ-Галленѣ, откуда когда-то распространились по германскимъ странамъ семь свободныхъ искусствъ, не умѣли писать! Преемниками прежнихъ монастырскихъ школъ въ это время, и главнымъ образомъ въ романскихъ странахъ, явились университеты". Втеченіе XI вѣка создается, сперва въ предѣлахъ южной Франціи и частью въ Испаніи, рыцарская культура, соединявшая въ эпоху своего процвѣтанія четыре основныя черты: „религіозно-романтическое отношеніе къ церкви и къ проповѣдуемымъ ею догматамъ; политико-правовое отношеніе къ императору и ленному владѣтелю; строго этическое пониманіе личной и обще-сословной чести и, наконецъ, жизнерадостно-эротическія требованія безпрепятственнаго духовнаго и физическаго общенія съ другимъ поломъ". Послѣ крестовыхъ походовъ обѣднѣвшее рыцарство мало-по-малу теряетъ свое сословное значеніе и становится исключительной принадлежностью придворной сферы.

Въ то-же время возрастаніе народонаселенія и развитіе промышленности и торговли, при господствѣ политическаго и гражданскаго безправія, вызываетъ образованіе ремесленныхъ цеховъ и торговыхъ гильдій. „Въ началѣ XV вѣка нѣмецкіе города являются могущественными и большей частью вполнѣ демократическими республиками, которыя непрочь потягаться оружіемъ съ князьями и королями и въ стѣнахъ которыхъ сосредоточивается вся культура того времени и гдѣ торговля и промышленность въ союзѣ съ ремесломъ и искусствомъ торжественно утверждаютъ свое господство". Итальянскіе города захватили „торговое наслѣдіе Византіи, когда греки всецѣло погрузились въ богословскія препирательства и распри". Однако, въ средніе вѣка религіозная нетерпимость еще долго препятствовала развитію международной торговли. „Церковь, подъ угрозою проклятія, воспрещала торговлю съ сарацинами, но крупныя конторы не обращали вниманія на эти угрозы". Торговое господство на Балтійскомъ морѣ пріобрѣлъ союзъ нижнегерманскихъ городовъ. Въ составъ знаменитой „Ганзы" входило свыше девяноста городовъ, установившихъ общіе

Digitized by Google

сеймы, на которыхъ опредѣлялись мѣры, вѣсъ, монеты и пошлины. Цехи и гильдіи защищали промышленность и торговлю отъ самовластія рыцарства; изобрѣтеніе пороха преобразовало военное дѣло, вытѣснивъ рыцарскую конницу съ тяжелыми доспѣхами вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ пѣхотой и артиллеріею. Съ другой стороны, возрожденіе наукъ и гуманизма дало могучее оружіе для борьбы съ церковною традиціею и подготовило реформацію. Особый очеркъ посвящаетъ Гюнтеръ культурѣ вѣка просвѣщенія: итальянскому ренессансу, гуманизму въ Германіи и реформаціи, литературному просвѣщенію и его практическимъ результатамъ. **И. И.**

Теобальдъ Циглеръ. **Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка.** Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи. Переводъ и примѣчанія Г. Генкеля. Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г.

Имя Циглера у насъ совершенно неизвѣстно. Если бы Циглеръ былъ французскимъ писателемъ, то его слѣдовало бы причислить къ оппортюнистамъ, сообразующимъ свои дѣйствія съ обстоятельствами времени, въ зависимости отъ которыхъ складываются и убѣжденія такихъ людей. Самъ Циглеръ заявляетъ, что онъ не будетъ проводить взглядовъ одной какой-нибудь партіи и думаетъ, что при разрѣшеніи своей задачи ему лучше всего руководствоваться словами Гегеля: „Кто высказываетъ и осуществляетъ желанія и стремленія своего времени, тотъ и является героемъ времени“. Но онъ тотчасъ-же и оговаривается, какъ трудно стать на какую-нибудь опредѣленную точку зрѣнія, отрѣшиться отъ субъективности, устранить то представленіе, что существуютъ другіе люди, которые держатся своихъ, различныхъ съ нашими, взглядовъ на вещи. Изъ этой альтернативы такъ Циглеръ и не выходитъ.

Къ отсутствію опредѣленной точки зрѣнія присоединяется и неопредѣленность заглавія книги. „Умственныя и общественныя теченія“—чрезъ мѣру обширное понятіе. Оно обнимаетъ всѣ колебанія мысли за данный періодъ времени, какъ въ сферѣ общественной вообще, такъ и философской, художественной, отвлеченно-научной или прикладного знанія. Критерій для оцѣнки разнообразныхъ теченій мысли XIX вѣка найти крайне затруднительно. Если бы возможно было съ математическою точностью разобраться, какое изъ всѣхъ теченій преобладало и толкало всего сильнѣе XIX вѣкъ въ его несомнѣнно поступательномъ движеніи, то мы, вѣроятно, пришли бы къ какому-нибудь неожиданному выводу. Все-таки

Digitized by Google

установить какой-нибудь критерій необходимо. Къ сожалѣнію, въ людяхъ науки, и въ историкахъ въ особенности, прочно утвердился схоластическій пріемъ мышленія: считаться только съ привычными фактами и подгонять ихъ подъ готовыя рѣшенія. Циглеръ принадлежитъ къ такимъ историкамъ, хотя не худшимъ. Только по этому послѣднему основанію его и нельзя оставить безъ вниманія. Кромѣ того, его работа является въ переводѣ на русскій языкъ по задачѣ единственной.

Уже по первой главѣ, подъ названіемъ: „Три міросозерцанія", мы видимъ, съ какого рода произведеніемъ приходится имѣть дѣло. Эти міросозерцанія вѣка, по Циглеру, таковы: „просвѣщеніе", „классицизмъ" и „романтизмъ". Если мы скажемъ, что Циглеръ зачатки просвѣтительнаго направленія вѣка видитъ въ формулировкѣ философіи Канта, то можно заранѣе предвидѣть, что треть его труда будетъ удѣлена изложенію всей метафизической философіи Германіи. Дѣйствительно, изъ 576 страницъ книги до 100 страницъ занимаютъ спеціально слѣдующія главы: „II. Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля", „V. Торжество гегелевской философіи права", „VII. Религіозное движеніе до Штрауса и Фейербаха". Въ остальныхъ главахъ такое-же число страницъ занимаютъ тѣ-же философы, съ присоединеніемъ Фихте, Шопенгауэра, Гартмана и Ницше. Вотъ что преимущественно считаетъ Циглеръ за „умственныя и общественныя теченія XIX вѣка". При такомъ условіи, антиподамъ метафизики: Штраусу, Бауру, Фейербаху, Лассалю, Марксу, „Молодой Германіи", всей положительной наукѣ и всему тому, что должно само собою подразумѣваться и что, однако, составляло одну изъ видныхъ полосъ нѣмецкой мысли, Циглеръ не могъ удѣлить много мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со свойственнымъ нѣмецкимъ ученымъ самовосхваленіемъ, Циглеръ думаетъ, что написать исторію идейныхъ теченій въ Германіи значитъ то-же, что написать по меньшей мѣрѣ исторію идейныхъ теченій всей Европы за тотъ же періодъ времени: недаромъ, говоритъ онъ, мы занимаемъ на картѣ середину материка, къ намъ привился въ извѣстной степени космополитическій духъ. Поэтому-то онъ и далъ своему труду такое распространительное заглавіе.

Остановимся на послѣднихъ болѣе интересующихъ насъ главахъ труда Циглера. На наше время Циглеръ смотритъ какъ на переходное—и въ сферѣ вопросовъ религіозныхъ, и общественныхъ, и художественныхъ, и даже научныхъ. Въ каждой сферѣ борются два или нѣсколько теченій. Но куда и

Digitized by Google

какое перебьетъ? Наука отдалась изученію деталей и отдѣльныхъ явленій, а на обобщенія смотритъ какъ на диллетантизмъ. Антисемиты развиваютъ крайнія идеи романтиковъ, которые не чужды были намѣреній возбудить въ обществѣ средневѣковыя гоненія на евреевъ. Аграріи тянутъ къ тѣмъже среднимъ вѣкамъ, заставляя правительство поддерживать феодальныя перегородки между сословіями и таможенныя между производителями и потребителями, между капиталомъ и трудомъ. Продолжается также борьба женщинъ за свободу. Но тѣже романтики, выступившіе поборниками женской эмансипаціи и превратившіеся теперь въ консерваторовъ, уже смотрятъ на женскій вопросъ, какъ узкосердечныя ханжи. Съ особенной настойчивостью пробудилось стремленіе къ индивидуализму въ противовѣсъ соціальному ученію объ общей нивеллировкѣ. Циглеръ замѣчаетъ, что усердіе индивидуалистовъ является лишнимъ, такъ какъ нивеллировка соціализма только кажущаяся; въ дѣйствительности-же соціализмъ стремится также къ эмансипаціи и развитію отдѣльной личности: „рабочія руки" должны стать людьми, люди—мыслящими существами, причастными къ культурѣ и образованію. Въ новомъ направленіи стала пробиваться опасная полоса теченія, влекущая не къ свободѣ личности, а къ господству прежняго аристократизма, упрачивающагося на силѣ. Искусство вообще и поэзія также затронуты движеніемъ общей жизни и ея коллизіями. Натуралистическое направленіе, подобно французскому, изображаетъ міръ и жизнь такими, какіе они есть въ дѣйствительности. Но подъ вліяніемъ сѣверныхъ писателей и художниковъ сталъ завоевывать мѣсто и индивидуализмъ. Вагнеръ въ музыкѣ, Беклинъ въ живописи и Зудерманъ и Гауптманъ въ поэзіи сдѣлались наиболѣе сильными его выразителями и, повидимому, идутъ къ тому предѣлу отрѣшенности отъ жизни, который граничитъ съ символизмомъ—условностью изображенія.

Циглеръ принадлежитъ къ прежнему типу—философовъ и словесниковъ. Движенію научной мысли втеченіе столѣтія онъ удѣляетъ крайне мало мѣста. **И. М.**

А. К. Джпвелеговъ. **Городская община въ средніе вѣка.** Москва. Изд. магаз. „Книжное Дѣло", 1901 г. Ц. 50 коп.

Настоящая брошюрка, имѣющая компилятивный характеръ, представляетъ собой попытку болѣе или менѣе систематичнаго изложенія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ теорій о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Авторъ не успѣлъ, какъ онъ говоритъ, довести свою работу до самаго послѣд-

няго времени и познакомить читателя съ позднѣйшей литературой по трактуемому предмету. Но то, что удалось уже сдѣлать автору, сдѣлано довольно хорошо. Г. Джквелеговъ излагаетъ собственно только теоріи Гелова, Зома, Флака и Кейтгена. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующую интересную особенность теорій указанныхъ изслѣдователей, это — общее признаніе ими въ качествѣ основной движущей пружины возникновенія городовъ — чисто экономическихъ феноменовъ и исторической эволюціи ихъ. Обстоятельство это нужно объяснить, по мнѣнію автора, ничѣмъ инымъ, какъ настоятельной необходимостью признать такую причинную роль экономическихъ условій, которыя выдвигались сами по себѣ „по мѣрѣ того, какъ шла впередъ работа". Подозрѣвать же кого-либо изъ этихъ ученыхъ въ пристрастіи къ историческому матеріализму, безъ предвзятой идеи, авторъ не находитъ возможнымъ.

Общая сводка излагаемыхъ авторомъ теорій приводитъ его къ слѣдующему заключенію относительно происхожденія средневѣковаго города. Мѣстоположеніе средневѣковыхъ городовъ опредѣлилось, главнымъ образомъ, тѣмъ удачнымъ въ экономическомъ отношеніи положеніемъ, которое занимали римскіе города. Образованіе судебнаго округа въ городѣ создавало основу, на которой образовалось средневѣковое городское устройство, а главнѣйшія условія и потребности экономической эволюціи дали жизнь этому устройству. Эта общая схема, представляющая собой сводку только наиболѣе характерныхъ условій, дѣйствующихъ въ процессѣ образованія средневѣковаго города, не можетъ, по мнѣнію автора, примѣняться вездѣ и всюду — во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Она, напротивъ, видоизмѣняется въ зависимости отъ очень многихъ мѣстныхъ условій, и экономическій факторъ имѣетъ въ этомъ процессѣ отнюдь не исключительное, а только преобладающее значеніе.

Вообще же, сдѣланные современной наукой историческіе выводы относительно происхожденія средневѣковаго города не могутъ быть, по мнѣнію автора, признаны конечными и общими. Наукѣ предстоитъ еще много сдѣлать въ выясненіи сущности трактуемаго вопроса.

Хорошее, понятное изложеніе дѣлаетъ брошюру г. Дживелегова не безынтересной. **С. Семеновъ.**

А. Богдановъ. **Познаніе съ исторической точки зрѣнія.** С.-Петербургъ, 1901 г.

Digitized by Google

Своей задачей авторъ ставитъ „изслѣдованіе фактовъ познанія съ исторической точки зрѣнія“, то есть путемъ выясненія, „изъ какихъ явленій оно возникаетъ, въ какихъ формахъ совершается, по какимъ законамъ измѣняется“. Предоставляя спеціалистамъ оцѣнивать достоинства и недостатки книги и „энергетическій методъ“, которымъ авторъ ведетъ свое изслѣдованіе, отмѣтимъ однако, что книга производитъ впечатлѣніе несомнѣнной оригинальности—и въ ея цѣломъ—относится скорѣе къ области психологіи или даже психо-физіологіи, чѣмъ къ метафизикѣ, часть которой и составляетъ „теорія познанія“ (въ общепринятомъ смыслѣ этого слова). По спеціальности, авторъ не философъ, а „естественникъ и врачъ“, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, что, впрочемъ, и безъ того видно на каждой страницѣ. **Н. У.**

Женщина въ семейной и соціальной жизни. Пер. съ нѣм. подъ редакціей *И. Р. Г.*

Авторъ этой полезной книги задался цѣлью дать возможно полныя указанія современной женщинѣ интеллигентнаго круга по всѣмъ вопросамъ ея домашней жизни, гигіены и даже обрисовалъ ея юридическое положеніе въ обществѣ, ея личныя и имущественныя отношенія. Въ достаточной степени полная, книга, тѣмъ не менѣе, не носитъ характера справочнаго изданія, что сдѣлало бы ее сухой и неинтересной для чтенія—напротивъ, это сочиненіе съ интересомъ и пользой можетъ быть прочитано всякимъ и въ особенности, конечно, женщинами, вступающими въ самостоятельную семейную и общественную жизнь. Женщина, какъ жена, мать, хозяйка и какъ дѣятельница въ общественной жизни, найдетъ здѣсь столько для себя цѣнныхъ указаній и совѣтовъ, что этому изданію, приспособленному къ образу жизни и ко взглядамъ русской женщины, безусловно суждено стать ея настольной книгой.

Артуръ Шопенгауэръ. **Афоризмы о житейской мудрости.** (Parerga und Paralipomena). Изд. Н. Зиниченко, пер. *Е. Левицкой-Рогаля.* Вполнѣ удовлетворительный переводъ извѣстнаго сочиненія Шопенгауэра дѣлаетъ, въ виду дешевизны изданія, „Афоризмы“ доступными всякому. Многія изъ положеній Шопенгауэра отличаются крайней парадоксальностью и имѣютъ лишь значеніе курьезовъ, но и съ парадоксами большого ума всегда полезно ознакомиться.

Digitized by Google

Справочный словарь ореографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Состав. подъ редакціей *А. Н. Чудинова.*

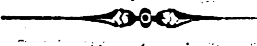
Изъ трехъ имѣющихся въ настоящее время словарей русскаго языка словарь академическій 1843 г. давно распроданъ, печатаемый новый академическій словарь подвигается весьма медленно,—за двѣнадцать лѣтъ вышло восемь буквъ,—„Толковый Словарь" В. И. Даля (4 т.) очень дорогъ и недоступенъ по цѣнѣ многимъ, вслѣдствіе чего словарь А. Н. Чудинова, извѣстнаго по своимъ прежнимъ трудамъ въ области филологіи, появляется очень кстати.

Потребность въ общедоступномъ словарѣ русскаго языка, на которомъ говорятъ много инородцевъ, неправильно толкующихъ значеніе часто чуждыхъ имъ словъ, весьма настоятельна и новый словарь литературнаго языка А. Н. Чудинова вполнѣ отвѣчаетъ этой потребности.

Въ словарь не вошли лишь слова церковно-славянскаго языка и областныхъ говоровъ, кромѣ наиболѣе употребляемыхъ. Хорошимъ дополненіемъ къ разбираемому словарю можетъ служить „Словарь иностранныхъ словъ" того-же автора.

Составитель словаря самъ указываетъ, что слабая часть его труда—это толкованіе и объясненіе словъ, поэтому мы не станемъ подчеркивать недочетовъ въ этомъ смыслѣ; всякое толкованіе въ высшей степени условно и, конечно, не по мнѣнію всѣхъ напр. „служить" равносильно понятію „быть чѣмъ-либо полезнымъ" и т. д. Въ болѣе богатыхъ научными изслѣдованіями въ области филологіи странахъ, въ литературахъ англійской (слов. Джонсона), нѣмецкой (бр. Гриммъ) и французской (сл. Литтре) составителямъ было легче „толковать", такъ какъ они имѣли подъ руками матеріалъ гораздо болѣе разработанный, если не въ смыслѣ богатства языка, такъ въ смыслѣ научныхъ изслѣдованій о языкѣ.

Какъ справочная книга словарь является цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую лексикографическую литературу.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ.

Digitized by Google

Зоринъ. Опять—царь. Говорю я тебѣ—царь воленъ дѣлать, что ему вздумается, да и то бояре недовольны были. Про стрѣлецкій-то мятежъ слышала?

Марія. Слышала.

Зоринъ. Вотъ то-то. И дядя твой за правое дѣло убитъ былъ.

Марія. Охъ, за правое ли? А что, батюшка, какъ вдругъ и за неправое?..

Зоринъ (*прикрикивая*). Ну, будетъ, будетъ. Яйца курицу не учать. Не тебѣ судить отца твоего и дядю. Ступай-ка лучше на свою половину, да позаймись-ка вышиваніемъ съ сѣнными дѣвками... (*Пауза*).

Марія (*подходя къ нему, вкрадчиво*). Вотъ ты говоришь, что любишь свою дочку...

Зоринъ. Ну и люблю; что-жъ изъ этого?

Марія. А дочка просить тебя кое о чемъ хочетъ; исполнишь?

Зоринъ. Смотря что попросишь.

Марія. Да ужъ худа не попрошу. (*Обнимаетъ его*). Исполнишь?

Зоринъ. Чего ласкаешься-то, словно котенокъ малый? Вотъ тоже вольность—съ отцомъ такое обращеніе имѣть. Въ наше время мы къ родителямъ своимъ и ходить-то безъ зова не смѣли, не то что, во какъ ты, ластиться. Избаловала тебя совсѣмъ покойница мать.

Марія. Избаловала. А ты все-таки сдѣлаешь, о чемъ попрошу?

Зоринъ. А ты напередъ скажи, въ чемъ дѣло; мало ли что тебѣ въ голову взбредетъ.

Марія. Вели отпустить того человѣка; не вели сѣчь.

Зоринъ. Какого человѣка?

Марія. Да вотъ того, что табакъ курилъ.

Зоринъ. И просить не смѣй. Сказывалъ я тебѣ, что такихъ мерзостей у себя не допущу...

Марія. А Василію Никитичу ты вѣдь ничего не говоришь, когда онъ вотъ въ этой самой горницѣ куритъ.

Зоринъ. Василій Никитичъ мой старый другъ, хоть и много моложе меня; я ему все спускаю. Да къ тому же онъ самъ себѣ господинъ, а не холопъ мой.

Digitized by Google

Марія. Ну, прости.

Зоринъ. Говорю тебѣ, не заступайся за негодяя.

Марія. Ну, если любишь меня. Что тебѣ изъ того, что человѣка сѣчь будуть, а ему зазорно и больно.

Зоринъ. А зачѣмъ онъ указъ мой не сдержалъ?

Марія. Запамятовалъ, вѣрно.

Зоринъ. А вотъ, чтобъ въ другой разъ не запамятовалъ— его и постегаютъ.

Марія. Ты вотъ къ обѣднѣ ходишь, въ Бога вѣруешь, а заповѣди Христовой о прощеніи не блюдешь.

Зоринъ. Я въ Бога вѣрую, потому и басурманскихъ пакостей знать не желаю. А что насчетъ заповѣди—такъ тебѣ не слѣдъ отца родного судить. Поняла?

Марія. Батюшка, это нехорошо человѣка невиннаго мучить.

Зоринъ. Ладно. Будетъ. Молчи... Много воли себѣ даешь. Не гнѣвай отца понапрасну. (*Пауза. Марія садится на скамью, закрываетъ лицо руками и плачетъ*). Ну, чего ты нюни распустила? (*Отнимаетъ ея руки отъ лица*). Стыдъ изъ-за всякаго холопа отца гнѣвить? (*Смягчаясь*). Ну, полно. Отпущу я такъ и быть этого бездѣльника... Не плачь.

Марія (*обнимая*). Спасибо, батюшка, спасибо. Какой ты добрый, хорошій. Такъ ты не велишь его сѣчь?

Зоринъ. Нѣтъ, не велю, баловница ты этакая.

Марія. Только ты сейчасъ накажи Тихону не сѣчь бѣдняка, а то вѣдь твои приказы быстро выполняются.

Зоринъ. Ладно, ладно. (*Зоветъ*). Тихонъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, дворецкій.

Дворецкій (*въ среднихъ дверяхъ*). Чего прикажешь, Михайла Алексѣичъ?

Зоринъ. Холопа этого, что зелье курилъ, отпустить безнаказанно; не сѣчь.

Дворецкій. Слушаю.

Зоринъ. Да скажи ему, чтобъ за боярышню Богу молился; не будь ея заступничества, такъ сдружиться бы ему съ батогами да съ кнутомъ. Ступай.

Дворецкій Слушаю. (*Выходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ V.

Зоринъ, Марія, немного спустя **дворецкій.**

Марія. Спасибо, батюшка. Доброе дѣло ты сдѣлалъ...

Зоринъ (*добродушно*). Ну, доброе ли еще, какъ знать, а что съ тобой дѣлъ надѣлаешь, такъ это точно. Егоза ты этакая. (*Пауза*).

Марія. А я хотѣла тебя еще спросить: Василія Никитича Татищева давно ты не видалъ?

Зоринъ. Давно; а тебѣ на что?

Марія. Такъ. Онъ всегда много новостей поразскажетъ, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается.

Зоринъ. Тебѣ-то что до этого; сущій дьякъ какой-то. Все ей подай, да выложь, да разскажи.

Марія. Занятно, больше ничего. А то вотъ скоро два мѣсяца, какъ ты меня никуда не возишь, а чуть кто къ намъ придетъ, сейчасъ меня отсылаешь. И все это съ того самаго вечера, какъ у царя на ассамблеѣ вѣсть пришла, что король свейскій убитъ былъ и что Андрюша Вышегорскій гонцомъ въ Стекольный[1]) поѣхалъ.

Зоринъ (*хмурясь и немного смущаясь*). А тебѣ ассамблеи больно полюбились? Не по нутру мнѣ это.

Марія. Ты меня тогда такъ заразъ сейчасъ и увезъ и съ тѣхъ поръ словно взаперти держишь.

Зоринъ. Коли такова моя воля, значитъ такъ надобно. Вотъ и весь сказъ. (*Входитъ дворецкій*). Тебѣ чего?

Дворецкій. Князь Семенъ Матвѣичъ Брянскій изволилъ пожаловать.

Зоринъ (*взволнованно*). Проси, проси гостя дорогого. (*Дворецкій уходитъ*). А ты, Марьюшка, пройди-ка на свою половину: мнѣ о дѣлахъ потолковать надо.

Марія. Сейчасъ иду. (*Дѣлаетъ шагъ къ дверямъ*). А за холопа того спасибо... (*Выходитъ направо*).

---

[1]) Такъ называли русскіе Стокгольмъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VI.

Зоринъ и Брянскій.

Брянскій (*входитъ въ ту минуту, когда Марія выходитъ*). Добрый день, Михайла Алексѣичъ. Какъ Богъ милуетъ?

Зоринъ. Спасибо; маленько было прихворнулъ третьево дня, а нынче все исправно.

Брянскій. Ну, и слава Богу. А дочка-то твоя все хорошѣетъ. Пригожая дѣвка, что и говорить. Хоть прямо царю какому въ невѣсты, не то что парнишкѣ моему.

Зоринъ. Хорошѣть-то хорошѣетъ, а хлопотъ-то съ ней сколько.

Брянскій. Иль новость какая есть?

Зоринъ. Новости никакой; все старое.

Брянскій. Неужто ты ей до сихъ поръ ничего не говорилъ?

Зоринъ. Ни гу-гу. Чего даромъ-то говорить, пока навѣрняка еще мы съ тобой не порѣшили.

Брянскій. И не догадывается?

Зоринъ. Кажись, что нѣтъ, а то бы давно ужъ сказала.

Брянскій. А не сдается тебѣ, что она твой разговоръ съ царемъ подслушать могла?

Зоринъ. Ни-и. Она въ другой горницѣ была, а потомъ я ее сейчасъ прямо съ ассамблеи во-свояси повезъ, такъ что никто ей слова единаго шепнуть не успѣлъ.

Брянскій. А Андрюшка?

Зоринъ. Вышегорскій-то? Онъ чуть не съ самой ассамблеи гонцомъ въ Стекольный поѣхалъ, развѣ домой заѣхать къ себѣ успѣлъ въ путь снарядиться; только всего.

Брянскій. И не писалъ?

Зоринъ. Не писалъ. Точно въ воду канулъ, вотъ ужъ скоро два мѣсяца.

Брянскій. Можетъ позабудутъ другъ друга, а?

Зоринъ. Плоха надежда. Ужъ ежели не позабыли за годъ, когда Андрюшка въ чужихъ краяхъ былъ—такъ чего-жъ ждать-то отъ двухъ мѣсяцевъ.

Брянскій. Та-акъ. Ну, а скучаетъ Марья?

Digitized by Google

Зоринъ. Кто ее знаетъ. Должно скучаетъ, хоть виду не подаетъ. Чужая душа—потемки. Не разглядишь, что въ ней творится. (*Пауза*). Ну, а сынъ твой что?

Брянскій. Да что? У меня разговоръ съ нимъ коротокъ. Сказано—сдѣлано; онъ просилъ только позволенья взглянуть на свою суженую.

Зоринъ. Это тогда-то въ церкви, когда ты мнѣ сказывалъ?

Брянскій. Во-во. Недѣли двѣ назадъ будетъ, что-ль.

Зоринъ. Ну, и что-жъ, по вкусу она ему пришлась?

Брянскій. Говоритъ: „красотка".

Зоринъ. Такъ что согласенъ онъ?

Брянскій. Я его согласья не спрашиваю. Не его дѣло разсуждать, коль отецъ приказываетъ... Хотя промежъ насъ, да по чистой совѣсти, Михайла Алексѣичъ, призадумывался я не разъ; а что какъ дѣти-то наши несчастливы будутъ въ насильственномъ такомъ бракѣ, потому, чего грѣха таить,—бракъ-то насильственный.

Зоринъ. Эхъ-ма, князь Семенъ Матвѣичъ, ни они первые, ни они послѣдніе такъ вѣнчаются, всѣ мы такъ же дѣлали, а несчастья отъ того особаго не бывало. Парнямъ да дѣвкамъ—нечего волю давать: юны они больно, сами не знаютъ, что для нихъ благо.

Брянскій. И то—правда твоя. И сынъ мой и Марьюшка—лицомъ пригожи, рода знатнаго, да вдобавокъ еще молоко-то едва на губахъ обсохло. Стерпится—слюбится.

Зоринъ. То-то оно и есть. Не пропадать же мнѣ. Царь-государь нашъ шутокъ-то не любитъ: того и гляди, въ Сибирь сошлетъ за то, что обманулъ я его.

Брянскій. Да, времена крутыя. И какъ это тебя, Михайла Алексѣичъ, при твоей осмотрительности дернула нелегкая сболтнуть тогда царю про сына моего?

Зоринъ. Какъ, какъ! Приперъ меня царь къ стѣнѣ съ этимъ Андрюшкой Вышегорскимъ окаяннымъ: сказывай, говоритъ, чѣмъ тебѣ женихъ мой не любъ, ну, я, чтобъ отвязаться, и сболтнулъ первое имя, что въ голову пришло. Не выдавать же вирямь дочь за нехристя. Думалъ, царь позабудетъ. Не тутъ-то было. Сказывали мнѣ, что онъ ужё справлялся у Шафирова, что-ль, „когда свадьба Марьи Зориной; я, молъ, на свадьбѣ быть хочу посаженымъ отцомъ".

Digitized by Google

Вотъ-те и штука. А я скорѣй помру, чѣмъ за Андрюшку дочь свою отдамъ; онъ совсѣмъ нѣмцемъ сталъ, только все новшествами и бредитъ да Россію поноситъ. „То то нехорошо и это не ладно; въ Парижѣ лучше, да въ Голландіи лучше. Слава Богу, что царь порядки иноземные вводитъ"... (*Сердито*). А мнѣ эти порядки, тьфу, Господи прости,—горше рѣдьки. Прежде ужъ какъ хорошо жилось, лучше, небось, не станетъ отъ бритья бородъ, да шутовскихъ нарядовъ, да еще отъ париковъ этихъ поганыхъ.

Брянскій. Что вѣрно, то вѣрно. Образъ и подобіе Божье утеряли мы. Вотъ дома еще хоть въ своей одеждѣ сидѣть можно—никто не видитъ; а вѣдь какъ на улицу, такъ сейчасъ наряжайся, а то царь узнаетъ, разгнѣвается. (*Мѣняя тонъ*). Такъ что Марьюшка твоя еще ничего про помолвку свою съ сыномъ моимъ не знаетъ?

Зоринъ. Не знаетъ. Вотъ когда мы съ тобой все окончательно наладимъ, тогда я ей и скажу... (*Мѣняя тонъ*). Ахъ, Господи прости. Я-то болтаю, болтаю, а о гостѣ дорогомъ позабываю. Чай,—холодно сегодня, морозецъ-то изрядный. Не хочешь ли согрѣться, винца откушать. У меня новая заморская—Василій Никитичъ прислалъ...

Брянскій. Чтожъ, и то дѣло, отказа не будетъ.

Зоринъ (*зоветъ*). Тихонъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, дворецкій, потомъ Марія.

Дворецкій (*входитъ въ среднія двери*). Чего прикажешь, Михайла Алексѣичъ?

Зоринъ. Скажи боярышнѣ, чтобъ вина заморскаго принесла гостя попотчивать. (*Дворецкій выходитъ*). Она у меня за хозяюшку съ той поры, что я вдовъ, и порядковъ старыхъ держаться я люблю: хозяйка сама потчивать должна.

Брянскій. А мнѣ лишній случай на невѣстушку будущую взглянуть; я ее вѣдь во еще какой махонькой помню. Теперь не узнать.

Зоринъ. Времячко-то недаромъ проходитъ. Она родилась какъ разъ въ то лѣто, когда царь впервые на чужбину поѣхалъ, да когда братецъ мой убитъ былъ. Двадцать годковъ теперь минуло.

Digitized by Google

Брянскій. Пора замужъ, что и говорить—пора.

Зоринъ. Да, не думалъ я, что съ замужествомъ ея у меня столько хлопотъ будетъ.

Брянскій. На роду, значитъ, такъ писано. (*Входитъ Марія, держа на подносѣ чару*).

Зоринъ (*вполголоса*). Помолчи; она здѣсь. (*Къ Маріи*). Поклонись, Марьюшка, гостю, да попроси винца отвѣдать.

Брянскій (*вставая и подходя къ Маріи*). Ишь, красавица какая. Здравствуй, боярышня.

Марія. Здравствуй, князь Семенъ Матвѣичъ... (*Протягивая ему съ поклономъ чару*). Откушай.

Брянскій. Спасибо; а по старому нашему русскому обычаю можно хозяюшку поцѣловать?

Марія. Тебѣ можно.

Брянскій (*смѣясь*). Мнѣ? Это что жъ значитъ. Что я, молъ, такъ старъ, что и опасаться нечего, а?

Марія. Ничуть; ты дитей меня знавалъ.

Брянскій. Ладно, ладно. Ну, да уже все равно по какой причинѣ можно—главное, что можно. (*Цѣлуетъ ее*).

Марія (*подавая чару*). Откушай.

Брянскій (*беретъ чару и пьетъ*). Доброе вино, даромъ что заморское.

Зоринъ. Только всего-то и есть хорошаго изъ всѣхъ заморскихъ выдумокъ, что вино.

Брянскій (*смакуя вино*). Мальвуазія?

Зоринъ. Ни: венгерское, старое.

Брянскій. Много его у тебя?

Зоринъ. Порядочно; хочешь боченокъ уступлю?

Брянскій. Спасибо; на томъ отказа нѣтъ.

Зоринъ (*къ Маріи*). Марьюшка, распорядись-ка, чтобъ боченокъ отнесли нынче же князю.

Марія. Сейчасъ. (*Идетъ къ дверямъ и сталкивается съ дворецкимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, дворецкій.

Дворецкій. Бояринъ, господинъ подканцлеръ баронъ Шафировъ изволилъ пожаловать.

Digitized by Google

Зоринъ (*вскакивая*). Что-о? Чтобъ я чучелу заморскую, этого выкреста, проходимца къ себѣ въ домъ пустилъ? Скажи, не могу видѣть, боленъ.

Марія. За что жъ, батюшка? Баронъ Шафировъ всегда такъ любезенъ съ тобой, да и къ тому жъ человѣкъ онъ занимательный: всегда все знаетъ, гдѣ что дѣлается.

Зоринъ. Это ты глупыя вѣсти слушать любишь, а мнѣ Шафировъ не къ чему.

Брянскій (*съ удареніемъ на словахъ*). А, можетъ, онъ къ тебѣ съ порученіемъ какимъ отъ царя.

Зоринъ. Отъ царя? ко мнѣ?

Брянскій. Возможно; проси лучше его войти.

Зоринъ (*послѣ колебанія*). Ну, ладно. Такъ ужъ и быть, только потому, что ты просишь. Тихонъ, пригласи господина подканцлера сюда, а ты, Марьюшка, пойди-ка распорядись насчетъ боченка вина для князя; нечего тебѣ тутъ толкаться да умныя рѣчи Шафирова слушать. Ступай!

Марія (*уходя*). Батюшка, ты мнѣ хоть потомъ повтори, что онъ тебѣ новаго разскажетъ. Прощайте, Семенъ Матвѣичъ. (*Кланяется Брянскому и уходитъ*).

Брянскій. Добрый день, Марьюшка. (*Къ Зорину*). Ишь, она у тебя какая любопытная.

Зоринъ. Бѣда. Это все Андрюшка Вышегорскій да Татищевъ ей голову кружили съ разными заморскими привычками.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Зоринъ, Брянскій, Шафировъ.

Шафировъ (*входя, говоритъ вкрадчиво, но съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи*). Бью челомъ, бояре.

Зоринъ. Спасибо, Петръ Павловичъ; какъ живешь-можешь?

Шафировъ. Богъ милуетъ.

Зоринъ. Ты съ княземъ Семеномъ Матвѣичемъ знакомъ?

Шафировъ. Какъ же. Встрѣчались. (*Кланяясь*).

Зоринъ. Присаживайся. Повѣдай, что новаго на бѣломъ свѣтѣ творится, а то я все дома сижу, прихварываю и не знаю ничего.

Digitized by Google

Шафировъ. Да что новаго? Новаго ничего. Государь все очень озабоченъ Швеціей попрежнему.

Зоринъ. Что такъ? иль снова война?

Шафировъ (*смѣясь*). Это бы еще съ полъ-грѣха. Мы уже второй десятокъ лѣтъ воюемъ. Въ привычку ужъ вошло. А плохо то, что конца этой войнѣ все не предвидится. Королю Карлу наслѣдовала его сестра. Ну, а съ женщинами, извѣстное дѣло, столковаться не легко.

Зоринъ. Не русская женщина—потому. У насъ царицы и (*съ удареніемъ*) царевны были, да и навѣрняка еще будутъ такія, что и королю Карлусу за ними не угнаться.

Шафировъ (*покачивая головой*). Эхъ, Михайла Алексѣичъ, а ты все нѣтъ-нѣтъ да и за старое... Чай на царевну Софью намекаешь?

Зоринъ (*запальчиво*). А ежели и на нее, что жъ изъ того? Мой братъ, служа ей вѣрой-правдой, убитъ былъ.

Шафировъ. Знаю, знаю. Хвалиться-то этимъ тебѣ не слѣдъ, по крайней мѣрѣ вслухъ. Мы здѣсь, конечно, свои люди, а при чужихъ... я бъ тебѣ не совѣтовалъ. Чай, про „слово и дѣло" слыхивалъ?

Зоринъ (*смущаясь*). Такъ я вѣдь только такъ.

Брянскій. Михайла Алексѣичъ только къ слову про царевну помянулъ; какъ никакъ она вѣдь женщина умная, толковая была.

Зоринъ (*къ Шафирову*). Конечно; ты про женщинъ говорилъ, и я сказалъ.

Шафировъ (*полунасмѣшливо*). Да я только такъ и понялъ, само собою разумѣется. (*Послѣ паузы, мѣняя тонъ*). А я къ тебѣ, Михайла Алексѣичъ, такъ сказать на манеръ посла.

Зоринъ (*съ удивленіемъ*). Посла?

Шафировъ. Да; государь приказалъ заѣхать, то-есть не то чтобы заѣхать, а такъ справочку кой-какую навести. Ну, а я рѣшилъ, что чѣмъ другимъ поручать, такъ ужъ лучше самому къ тебѣ заѣхать.

Зоринъ (*недовольнымъ тономъ*). И на томъ спасибо. А какая такая справочка тебѣ понадобилась?

Шафировъ. Не мнѣ, кормилецъ, не мнѣ,—а самому царю.

Digitized by Google

Зоринъ *(въ волненіи)*. Что жъ, говори. Что знаю, то скажу.

Шафировъ. А видишь ли, дѣло-то въ томъ, что, какъ тебѣ, конечно, вѣдомо, генералъ полиціймейстеръ Антонъ Мануиловичъ Девьеръ по государеву велѣнію списки ведетъ всѣмъ, кто на ассамблеи ѣздитъ, а потомъ царю тѣ списки на просмотръ доставляетъ.

Зоринъ. Знаю я про то. Что жъ дальше?

Шафировъ. А дальше, видишь ли, что: государь все очень внимательно дѣлаетъ, за что только ни берется.

Зоринъ *(нетерпѣливо)*. Не тяни, Петръ Павловичъ; говори прямо, въ чемъ дѣло? Что даромъ-то мучаешь?

Шафировъ. Какое жъ, бояринъ, мученіе? Я про государя тебѣ говорю. Послушай далѣе: царь эти списки девіеровскіе послѣ каждой ассамблеи прочитываетъ и свои замѣточки дѣлаетъ. Замѣточки эти обыкновенно таковы: узнать, молъ, почему такой-то приказъ мой нарушилъ и на ассамблею не пріѣхалъ...

Зоринъ *(перебивая)*. Ты хочешь сказать, что государь гнѣвается на меня за то, что я вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ на ассамблеи не ѣзжу?

Шафировъ *(невозмутимо)*. Съ умными людьми пріятно и бесѣдовать; ты совершенно угадалъ, Михайла Алексѣичъ... то-есть не то чтобъ совершенно, а приблизительно.

Зоринъ. Какъ приблизительно?

Шафировъ. Да, пожалуй, даже и не приблизительно... Ежели основательно разсудить, такъ ты и совсѣмъ не угадалъ.

Зоринъ *(сдерживаясь)*. Что жъ это ты, Петръ Павловичъ? То угадалъ, то приблизительно, то совсѣмъ не угадалъ. Смѣешься ты надо мной, что ли?

Шафировъ. Не гнѣвайся, бояринъ, не гнѣвайся; я, видишь, какой дородный, мнѣ скоро говорить не легко, а я еще запыхался, идучи у тебя по двору... Такъ видишь ли: угадалъ ты потому, что первоначальной, такъ сказать, причиной моего къ тебѣ посольства была взаправду замѣтка государева: почему, молъ, боярина Михайлы Зорина на ассамблеяхъ не видать? А не угадалъ ты потому, что государь меня совсѣмъ не за этимъ къ тебѣ послалъ.

Зоринъ. Ну, а зачѣмъ же?

Digitized by Google

Брянскій (*къ Шафирову*). Быть можетъ, ты при мнѣ говорить не можешь?

Шафировъ. Что ты, князь, что ты. Наоборотъ даже— я очень радъ, что и ты здѣсь; дѣло это и тебя касается.

Брянскій. Меня?

Шафировъ. Да. Вотъ послушай. На-дняхъ была очередная ассамблея у Остермана, послѣ которой генералъ Девіеръ по обыкновенію представилъ его величеству свои списки. Царь, какъ я уже говорилъ, замѣтилъ отсутствіе Михайлы Алексѣича и тѣмъ паче дочки его Маріи Михайловны, такъ вѣдь звать ее, неправда ли?

Зоринъ. Такъ.

Шафировъ. Сначала государь разгнѣвался, а потомъ словно что-то припомнилъ и сказалъ: „онъ, вѣрно, занятъ свадьбой своей дочки". Тутъ графъ Толстой, Петръ Андреевичъ, возьми и скажи: „ваше величество, изволите помнить, что вы обѣщались Зорину пріѣхать на свадьбу". А государь въ отвѣтъ ему: „спасибо, что напомнилъ; Шафировъ, съѣзди-ка къ Зорину, спроси, почему такъ долго не вѣнчаютъ, да скажи, что я самъ невѣсту благословить хочу передъ вѣнчаньемъ".

Зоринъ (*полусмущенно, полурадостно*). Самъ... государь...

Брянскій. Эка честь тебѣ, Михайла Алексѣичъ.

Шафировъ. Вотъ затѣмъ-то я и пріѣхалъ.

Брянскій. А мы съ Михайлой Алексѣевичемъ какъ-разъ до твоего пріѣзда о свадьбѣ-то и говорили.

Шафировъ. Ну, и что жъ порѣшили? Скоро, вѣрно? А то вѣдь черезъ три недѣли великій постъ, а до Красной горки очень ужъ долго ждать; къ тому же государь скоро въ Воронежъ собирается ѣхать, какъ я слышалъ.

Зоринъ (*переглядываясь съ Брянскимъ*). Скоро, скоро; ты какъ, князь, насчетъ того думаешь?

Брянскій. Да ужъ что жъ тутъ долго думать, разъ государь благословлять желаетъ.

Зоринъ. До поста отпразднуемъ, а?

Брянскій. Твоя воля, я согласенъ.

Зоринъ (*вставая*). Такъ, значитъ, и порѣшимъ. (*Всѣ встаютъ*). Поблагодари, Петръ Павловичъ, царя за великую честь и передай, что Михайла Зоринъ недѣли черезъ двѣ дочку свою подъ вѣнецъ отдаетъ.

Digitized by Google

Шафировъ. Дѣло. Ну, а мнѣ теперь пора. Посольство мое окончено; прощай, Михайла Алексѣичъ. За пріемъ да ласку спасибо. Добрый день, князь. (*Идетъ къ дверямъ*). Невѣстѣ мой поклонъ передай.

Зоринъ. Спасибо. (*Проводитъ Шафирова до дверей*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Зоринъ, Брянскій, позже дворецкій.

Брянскій. Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день. Нежданно, негаданно день свадьбы назначить пришлось.

Зоринъ. Да, ужъ теперь на попятный нельзя.

Брянскій. И думать не смѣй. Тебѣ только съ дочкой поговорить скорѣй нужно, а тамъ, гляди, и къ царю подъ благословеніе везти время настанетъ.

Зоринъ. А напугалъ-то меня сначала Шафировъ, пока толкомъ не разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Брянскій. Да, тянулъ, словно жилы вытягивалъ. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ; прямо зло разбирало...

Дворецкій (*входя*). Василій Никитичъ Татищевъ пожаловалъ. Какъ прикажешь, бояринъ, сказать?

Зоринъ. Василій Никитичъ? Давно не жаловалъ. Ужъ не съ вѣстью ли какой онъ тоже. Проси, проси сюда.

Брянскій. А я къ себѣ домой.

Зоринъ. Что такъ? Посиди, мы бы вмѣстѣ съ Марьюшкой потолковали.

Брянскій. Ни. Это твое отцовское дѣло; моя хата съ краю. Къ тому жъ и сердце-то мое къ Василію Никитичу не лежитъ; какъ запалитъ онъ свое зелье—все одно бѣжать надо. Прости. (*Беретъ шапку и идетъ къ дверямъ*). А ты, какъ съ Марьюшкой поговоришь, забѣги мнѣ сказать.

Зоринъ. Ладно. (*Провожаетъ его за двери*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

За сценой голоса **Зорина, Брянскаго и Татищева.** Потомъ **Зоринъ** входитъ съ **Татищевымъ.**

Татищевъ. Что жъ это — князь Семенъ Матвѣичъ отъ меня побѣжалъ, что ли?

Digitized by Google

Зоринъ. Что ты? Торопился онъ по дѣламъ, вотъ и все. А ты что гостемъ рѣдкимъ такимъ сталъ. Василій Никитичъ?

Татищевъ (*садится*). Работы много; шутка сказать, исторію матушки-Руси вѣдь пишу, да еще букварь россійскаго языка написать вздумалъ. Ну, вотъ и часа свободнаго нѣтъ. Сегодня измаялся очень; съ утра работалъ. Дай, думаю, отдохну немного да къ другу милому заѣду; давно не видалъ.

Зоринъ. Вотъ за это спасибо, что вспомнилъ. Угостить тебя чѣмъ?

Татищевъ. Нѣтъ, я ничего не пью. А вотъ трубку, если закурить позволишь, закурю.

Зоринъ (*смѣясь*). Ну, ужъ Богъ съ тобой, грѣховодникъ; тебѣ ни въ чемъ отказа у меня нѣтъ. И что тебѣ за радость дымить?

Татищевъ (*доставая трубку*). А ты отвѣдай самъ когда-нибудь; тогда и поймешь, что за радость.

Зоринъ. Ишь ты, что выдумалъ. Я—курить...

Татищевъ. Ничего. Самъ когда-нибудь попросишь; а свѣча есть, а то закурить-то не о что.

Зоринъ. Есть. (*Выходитъ въ боковыя двери и возвращается со свѣчой*). Изволь.

Татищевъ. Спасибо. (*Закуриваетъ*). А у меня къ тебѣ дѣльце маленькое есть, Михайла Алексѣичъ.

Зоринъ (*отмахиваясь отъ дыма*). Дѣльце? Какое?

Татищевъ. Что Марьюшка здорова, ничего?

Зоринъ. Богъ милуетъ.

Татищевъ. Весела она?

Зоринъ. Ничего. Да что ты, словно лекарь допрашиваешь; языкъ ее еще попросишь высунуть.

Татищевъ (*смѣясь*). Этого мнѣ не надо; а повидать Марьюшку хотѣлось бы.

Зоринъ. Да она съ сѣнными дѣвками своими вышиваньемъ, что ли, занимается.

Татищевъ. Позови ее; все любо взглянуть.

Зоринъ. А дѣло твое?

Татищевъ. Это успѣетъ еще; да и при ней говорить можно.

Зоринъ. Ну, это не порядокъ: о дѣлахъ при бабахъ говорить.

Digitized by Google

Татищевъ. Да дѣло-то мое ея касается; а впрочемъ, какъ хочешь—и потомъ поговоримъ. Кликни ее.

Зоринъ. Ну, для тебя кликну. Такъ ужъ и быть. Больно ты человѣкъ хорошій. Вотъ, ей-Богу, кромѣ тебя, никого бы къ себѣ не пускалъ, кто басурманствомъ заразился. (*Идетъ къ боковымъ дверямъ*).

Татищевъ (*смѣясь*). Ладно, ладно.

Зоринъ (*въ дверяхъ кричитъ*). Ма-рья! Марьюшка! Поди-ка сюда. Василій Никитичъ пріѣхалъ.

Голосъ Маріи (*за сценой*). Сейчасъ иду.

Зоринъ (*отходя отъ дверей*). Мигомъ прибѣжитъ; очень любитъ тебя за твои чудачества.

Татищевъ. Какія такія чудачества?

Зоринъ. Да вотъ за науку твою.

Татищевъ. А!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Марія.

Татищевъ. Здравствуй, красавица. (*Цѣлуетъ ее*).

Марія. Здравствуйте, Василій Никитичъ, родной.

Зоринъ (*смѣясь*). Ишь, ласковость какая. (*Беретъ со стола свѣчу, о которую Татищевъ закуривалъ, и относитъ ее къ печкѣ. Въ это время Татищевъ быстро и вполголоса обмѣнивается съ Маріей слѣдующими словами*).

Татищевъ (*къ Маріи*). Я пріѣхалъ просить твоего отца за Андрея Вышегорскаго...

Марія (*радостно*). А... онъ вернулся.

Татищевъ. Нѣтъ еще, но, вѣрно, скоро вернется. Я сейчасъ буду говорить съ Михайлой Алексѣичемъ о вашей свадьбѣ; онъ навѣрное не будетъ соглашаться, и тогда, авось, мы его вдвоемъ уговоримъ.

Зоринъ (*подходя*). Ну, присаживайтесь. Чего вы тамъ шепчетесь?

Татищевъ. Да такъ. У насъ тоже свои дѣла.

Зоринъ (*подозрительно*). Какія такія дѣла?

Татищевъ (*переглядываясь съ Маріей*). А вотъ сейчасъ узнаешь.

Digitized by Google

Зоринъ. Подумаешь, довѣріе какое. А скажи-ка, ты давно государя не видалъ?

Татищевъ. Давно. И не то что государя, а прямо-таки никого, вотъ ужъ мѣсяцъ, а то и больше не видалъ.

Зоринъ. Что-жъ это ты такъ?

Татищевъ. Да занятъ все былъ.

Марія. Букваремъ, Василій Никитичъ?

Татищевъ. Да, красавица, букваремъ и многимъ другимъ. Все пишу да пишу.

Марія. А занятно это, должно быть.

Татищевъ. Занятно.

Марія. Но исторія россійскаго государства еще занятнѣе, вѣрно? Завидую я вамъ. Чего, чего только вы не знаете.

Зоринъ. Ну, пошла егоза... Исторія, букварь. Все не за свое дѣло берется, разсуждаетъ.

Татищевъ (*полушутливо*). А ты ее за это ни брани. Теперь, Михайла Алексѣичъ, намъ такихъ дѣвушекъ нужно.

Зоринъ. Сказалъ. нужно! Зачѣмъ вамъ такихъ?

Татищевъ. Зачѣмъ? Жены хорошія будутъ, помощницы мужьямъ.

Зоринъ. Ну, ужъ когда жены суются мужьямъ помогать— упаси Боже. Безтолковщина одна.

Татищевъ. Не правъ ты, Михайла Алексѣичъ. Увидишь, когда Марьюшку замужъ отдавать будешь... А чай скоро вѣдь просватаешь?

Зоринъ (*смущенно и хмурясь*). Скоро, скоро... Можетъ скорѣе, чѣмъ ты думаешь.

Татищевъ (*переглянувшись съ Маріей, тревожно*). А что есть ужъ на примѣтѣ?

Зоринъ. Можетъ и есть...

Татищевъ (*все тревожнѣе*). Тайна это, что ли?

Зоринъ (*съ напускной небрежностью*). Нѣтъ, не тайна... (*Рѣшительно*). Скоро, думаю, и свадьбу отпраздновать. Василія Брянскаго, сына князя Семена Матвѣича, друга моего давнишняго, чай, знаешь?

Татищевъ (*взволнованно*). Я про это ужъ отъ кого-то слышалъ, но не повѣрилъ.

Зоринъ. Что-жъ такъ не повѣрилъ? Аль по-твоему не пара?

Digitized by Google

Марія (*очень взволнованно*). Василій Никитичъ, батюшка шутитъ, а вы взаправду принимаете.

Зоринъ (*сухо*). Чего шутить? Какъ это ты такъ про отца твоего говоришь? Шутитъ. Съ чего мнѣ шутить-то?

Марія (*вскакивая*). Какъ?.. Это правда?

Зоринъ. Значитъ, правда, коли я говорю.

Татищевъ. Но вѣдь это еще не рѣшено? Это только предположеніе?

Марія. Ты мнѣ никогда объ этомъ не говорилъ... Я не вѣрю... (*Обнимаетъ отца, почти плача*). Ты шутишь, да? Смѣешься?

Зоринъ (*возвышая голосъ*). И въ мысляхъ не имѣю смѣяться. Вотъ только сейчасъ съ княземъ Семеномъ Матвѣичемъ и день свадьбы порѣшили...

Марія. Какъ порѣшили?

Зоринъ. Да такъ порѣшили—и все. А что насчетъ того, что тебѣ не говорилъ, такъ времени не было; къ тому-жъ въ согласіи твоемъ и сомнѣнія не имѣлъ. Васю ты знаешь, вмѣстѣ дѣтьми играли, хоть и давно не видались; человѣкъ онъ хорошій, добрый, честный, отца своего почитаетъ, къ тому-жъ и лицомъ пригожъ, знатенъ, богатъ. Чего-жь тебѣ лучше?

Марія (*точно въ безпамятствѣ*). Порѣшили... времени не было... увѣрены въ моемъ согласіи... (*Очнувшись*). Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Вѣдь ты же любишь меня, любишь свою дочку... зла ей не желаешь.

Зоринъ (*стараясь казаться невозмутимымъ*). Не желаю: потому и женишка хорошаго подобралъ.

Татищевъ. Да что это ты, Михайла Алексѣичъ, взаправду рѣшилъ?

Зоринъ. Тьфу, Господи прости... Затвердили—взаправду, да взаправду. Конечно, взаправду; такими вещами не шутятъ.

Марія. Но это невозможно, невозможно. Вѣдь я же его не люблю, и онъ меня тоже.

Зоринъ Пустяки! Стерпится—слюбится. Вы люди молодые.

Марія. Но я этого не хочу. Связывать себя на всю жизнь съ чужимъ...

Зоринъ (*перебивая*). Мужья до свадьбы для своихъ женъ всегда чужіе.

Digitized by Google

онъ убѣждаетъ ихъ не слушаться приказаній Флеминга. Спустя нѣсколько дней послѣ этого Форделль и его приверженцы, въ томъ числѣ крестьянинъ изъ погоста Кюро, по имени Бенгтъ Поуту, имѣли аудіенцію у герцога, прося его послать имъ въ помощь вооруженную силу. Герцогъ не обѣщалъ имъ ничего и совѣтовалъ имъ самимъ поднять оружіе противъ притѣснителей. Онъ сжалъ свой кулакъ — какъ говоритъ преданіе — и сказалъ: „я не знаю другого средства, какъ то, чтобы вы сами завоевали себѣ миръ; васъ такъ много, что вы легко можете прогнать ихъ отъ себя, если ничѣмъ другимъ, такъ кольями и дубинами“.

Послѣ этого начались дѣятельныя сношенія между Швеціей и Эстерботніей съ одной стороны и Эстерботніей и остальной Финляндіей — съ другой, причемъ мало-по-малу намѣчался планъ будущаго возстанія. Въ то-же время начали вспыхивать мелкіе мятежи, словно предвѣстники общаго взрыва.

Въ ноябрѣ 1596 г. въ погостѣ Кюро кнехтами и рыцарями было схвачено нѣсколько крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы отправить ихъ затѣмъ въ абоскій замокъ. Но ночью друзья освободили ихъ, причемъ пьяные солдаты частію были убиты, частію взяты въ плѣнъ. Спустя нѣсколько недѣль въ той-же мѣстности опять взбунтовались крестьяне и разорили дома судьи Эрика Олуфсона и фохта Томаса Ерансона и другихъ приверженцевъ Флеминга. Затѣмъ наступило затишье, которымъ рѣшилъ воспользоваться новый фохтъ Абрахамъ Мелькіорсонъ, для успокоенія умовъ обѣщаніемъ населенію разныхъ льготъ. Но уже было поздно. Планъ возстанія былъ готовъ. Было рѣшено составить ополченіе и идти на Або; дома дворянъ и военныхъ, которые встрѣтятся по пути, должны быть разоряемы и люди умерщвляемы; по прибытіи въ Або, крестьяне должны овладѣть крѣпостью; другіе отряды въ то-же время идутъ въ Тавастландію и Саволаксъ, чтобы распространить возстаніе на всю Финляндію. Вооруженіе возставшихъ было чрезвычайно разнообразное: у кого дѣдовское ружье, у кого лукъ; многіе были вооружены просто дубинами, пиками или топорами. Изстари было принято называть такія нестройныя толпы „дубиннымъ войскомъ“ (klubbehär), почему и самое это возстаніе получило названіе „дубинной войны“ (klubbekriget).

Вся Эстерботнія находилась въ броженіи, но только въ южныхъ погостахъ этой провинціи число возставшихъ было достаточно велико, чтобы идти на югъ.

Digitized by Google

Жителямъ прибрежья и сѣверныхъ погостовъ было дано знать о замышляемомъ предпріятіи и отъ нихъ получено небольшое подкрѣпленіе; но всетаки собравшееся войско было немногочисленно: первоначально въ немъ было немного болѣе 1000 человѣкъ, но во время движенія на югъ оно постоянно увеличивалось присоединеніемъ къ нему небольшихъ отрядовъ изъ попадавшихся на пути погостовъ, такъ что подъ конецъ составилась армія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Если бы она все время держалась вмѣстѣ, то могла бы представить дѣйствительно грозную силу, но по заранѣе составленному плану крестьяне раздѣлились на отдѣльныя группы, слишкомъ слабыя, чтобы оказывать серьезное сопротивленіе регулярнымъ войскамъ. Одинъ отрядъ пошелъ на востокъ, къ Саволаксу и Тавастландіи, другой вдоль берега, къ Ульфсбю, главная-же сила направилась по дорогѣ, ведущей изъ южной Эстерботніи къ погостамъ Тавастъ-Кюро, Карку и Биркала.

Въ предводители этого послѣдняго отряда былъ избранъ Яковъ Иллка изъ Илмола, извѣстный тѣмъ, что въ 1595 г. ему удалось бѣжать изъ абоскаго замка, куда онъ былъ посаженъ въ качествѣ плѣнника. Его ближайшимъ помощникомъ былъ Юрій Контсасъ. Въ серединѣ декабря, крестьяне двинулись на югъ, сжигая и разоряя имѣнія дворянъ, не встрѣчая никакого сопротивленія.

Около 20 декабря они явились въ Биркала, гдѣ расположились лагеремъ на хуторѣ Нокіа, на берегу шумнаго водопада. Здѣсь къ нимъ присоединился другой отрядъ, шедшій въ восточномъ направленіи, и соединенными силами крестьянъ было отбито нападеніе регулярныхъ войскъ подъ предводительствомъ Кнута Курка. Но успѣхи крестьянъ были непродолжительны. Лишь только Класъ Флемингъ узналъ о возстаніи, какъ тотчасъ-же во главѣ отряда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы, съ нѣсколькими пушками, двинулся противъ мятежниковъ. 31 декабря при Нокіа произошла битва, въ которой крестьяне потерпѣли полное пораженіе: Флемингъ былъ милостивъ къ побѣжденнымъ и предложилъ имъ мирно разойтись по домамъ, выдавъ зачинщиковъ, Иллка и его товарищей, и обѣщалъ выхлопотать имъ свободу отъ замковаго налога. Крестьяне согласились на эти условія, но Иллка, узнавъ объ угрожающей ему опасности, бѣжалъ и увлекъ за собою остальныхъ крестьянъ.

Также неудаченъ былъ походъ крестьянскаго от-

Digitized by Google

ряда, двигавшагося вдоль берега. Къ нему присоединился Бенгтъ Поуту, который въ 1596 г. находился въ числѣ депутатовъ, отправленныхъ къ герцогу, но главное начальство было ввѣрено Мортену Томмола. Мятежники дошли до Ульфсбю, но здѣсь были разбиты и разсѣяны Акселемъ Куркомъ, владѣльцемъ имѣнія Анола.

Такимъ образомъ главная цѣль—движеніе къ Або—не была достигнута. Такая-же участь постигла вскорѣ мелкіе отряды, отправившіеся на востокъ, къ Рауталампи.

Они получили подкрѣпленіе со стороны воинственныхъ жителей Рауталампи и раздѣлились на два отряда, изъ которыхъ одинъ пошелъ въ южную Тавастландію, другой—въ Большой Саволаксъ. Первый изъ этихъ отрядовъ былъ разбитъ при деревнѣ Нюстелэ передовымъ отрядомъ войска Класа Флеминга, шедшаго сюда изъ Нокіа. Опаснѣе было возстаніе въ Саволаксѣ. Начальникомъ этого края былъ Гэтрикъ Финке, пользовавшійся расположеніемъ крестьянъ за свое кроткое съ ними обращеніе. Однако, когда въ январѣ 1597 г. мятежники вступили въ его область, то большая часть крестьянъ тотчасъ-же примкнула къ нимъ. Опасность увеличивалась тѣмъ, что у Финке былъ только незначительный гарнизонъ, охранявшій крѣпость Нишлотъ, и что каждую минуту можно было опасаться нападенія со стороны русскихъ, такъ какъ Кексгольмъ все еще не былъ имъ отданъ. Финке просилъ помощи изъ Выборга и Кексгольма и вскорѣ получилъ значительное подкрѣпленіе. При С. Миккелѣ былъ разбитъ одинъ изъ крестьянскихъ отрядовъ; другой, защищавшійся довольно упорно при Іоройсъ, вскорѣ также долженъ былъ отступить и разбѣжался въ разныя стороны.

Такимъ образомъ въ началѣ февраля 1597 г. крестьяне были разбиты на всѣхъ пунктахъ и возстаніе подавлено. Первой заботой Класа Флеминга было теперь достойнымъ образомъ наказать зачинщиковъ мятежа. Абрахаму Мелькіорсону, возвратившемуся въ южную Эстерботнію, удалось схватить Якова Илкка, Юрія Контсасъ и нѣкоторыхъ другихъ предводителей, которые были подвергнуты пыткѣ и затѣмъ обезглавлены. Бенгтъ Поуту былъ посаженъ въ абоскую крѣпость, гдѣ и умеръ.

Но возстаніе еще не было подавлено окончательно. Скоро мятежъ вспыхнулъ въ другой сторонѣ и притомъ въ мѣстности, гдѣ до сихъ поръ все было спокойно, именно въ прибрежныхъ погостахъ сѣверной Эстерботніи. Военный гнетъ тамъ былъ не настолько силенъ,

Digitized by Google

какъ на югѣ, и потому жители этой области вначалѣ оставались лишь простыми зрителями происходившихъ событій. Когда-же къ нимъ пришло извѣстіе о пораженіи крестьянскаго войска и гибели Иллка и его товарищей, они испугались, какъ бы притѣсненія и у нихъ не усилились, и тоже взялись за оружіе. Абрахамъ Мелькіорсонъ съ 50 всадниками поспѣшилъ на сѣверъ, но у Карлебю попалъ въ засаду, устроенную крестьянами, во главѣ которыхъ сталъ нѣкто Гансъ Кранкъ. Ободренные успѣхомъ, крестьяне двинулись къ югу, чтобы вызвать новое возстаніе въ южной Эстерботніи, и расположились лагеремъ въ Большомъ Кюро и Илмола. Предводителемъ ихъ явился новый фохтъ Израель Ларсонъ, присланный незадолго передъ тѣмъ изъ Швеціи герцогомъ. Ларсонъ объявилъ поголовное ополченіе по всей Эстерботніи, такъ что число возставшихъ достигло нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Класъ Флемингъ выступилъ противъ нихъ во главѣ 1.500 человѣкъ и встрѣтился съ непріятелемъ у рѣки Илмола. Не желая понапрасну проливать кровь, онъ убѣждалъ крестьянъ отказаться отъ своихъ намѣреній, но въ отвѣтъ на это крестьяне начали стрѣлять. Тогда Флемингъ велѣлъ окружить ихъ, причемъ около 500 человѣкъ было взято въ плѣнъ, остальные частію были убиты, частію разбѣжались. Ларсонъ также бѣжалъ въ Швецію, и вся Эстерботнія покорилась Флемингу.

Усмиривъ бунтъ, Флемингъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ священниковъ и крестьянъ изъ ближайшихъ погостовъ. Священникамъ онъ сдѣлалъ строгій выговоръ за ихъ невѣрность Сигизмунду, крестьянъ-же— какъ гласитъ преданіе—онъ подвелъ къ печной трубѣ и сказалъ: „вы задумали разгромить абоскій замокъ и не оставить камня на камнѣ; попробуйте теперь зубами разрушить эту трубу, которая гораздо меньше, и вы поймете, какъ это трудно“. Однако онъ не сдѣлалъ имъ ничего и велѣлъ идти по домамъ. Много плѣнныхъ также было отпущено на свободу; только немногіе были отправлены въ Або для допроса. Въ письмѣ къ крестьянамъ Эстерботніи Флемингъ въ строгихъ выраженіяхъ указывалъ на причины несчастій, которыя съ ними случились, и убѣждалъ ихъ на будущее время оставаться вѣрными королю. Къ концу марта волненіе повсюду улеглось и крестьянская война кончилась. Число убитыхъ во время ея исчисляется въ 2—3 тысячи человѣкъ; опустошенія, произведенныя ею, были меньше, нежели можно бы было ожидать; больше всего пострадали пого-

Digitized by Google

сты Илмола, Большой Кюро и сосѣдніе съ ними, вслѣдствіе чего при наступившемъ сборѣ податей имъ пришлось дать значительныя льготы.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, во время дѣятельныхъ приготовленій къ борьбѣ съ герцогомъ Карломъ Класъ Флемингъ скоропостижно умеръ; смерть его приписывали чарамъ какой-то эстерботнійской женщины.

На его мѣсто былъ назначенъ Арвидъ Эриксонъ Столармъ. Первымъ дѣломъ новаго намѣстника было отдать русскимъ Кексгольмъ и тѣмъ упрочить миръ на восточной границѣ государства. Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на западъ, такъ какъ герцогъ Карлъ, наконецъ, рѣшился вмѣшаться въ финляндскія дѣла.

Въ 1597 г., несмотря на протестъ короля и государственнаго совѣта, онъ созвалъ сеймъ въ Арбога, гдѣ было подтверждено постановленіе Сэдерчёпингскаго сейма и Карлу вновь поручено главное руководство государственными дѣлами; относительно Финляндіи было постановлено, что если тамъ безпорядки не прекратятся, то противъ нихъ будутъ приняты мѣры согласно съ постановленіемъ сэдерчёпингскаго съѣзда. Но герцогъ добивался еще болѣе опредѣленныхъ полномочій и на съѣздѣ въ Стокгольмѣ успѣлъ испросить согласіе на вооруженное усмиреніе Финляндіи.

Въ августѣ 1597 г. герцогъ двинулъ туда свое войско и флотъ и, овладѣвъ Оландомъ, явился передъ стѣнами Або. Арвидъ Столармъ долженъ былъ отступить, предоставивъ жителямъ Або защищаться собственными средствами, вслѣдствіе чего крѣпость скоро была взята.

Теперь Карлу не стоило бы большого труда завладѣть всей Финляндіей, но страхъ передъ опасностями, угрожавшими Швеціи, заставилъ его спѣшить, вслѣдствіе чего онъ воздержался отъ дальнѣйшихъ завоеваній и постарался лишь упрочить сдѣланныя пріобрѣтенія. Онъ обратился къ народу съ прокламаціей на финскомъ языкѣ, въ которой объявлялъ, что его цѣль—оберегать права всѣхъ, защищать слабыхъ отъ произвола сильныхъ, тогда какъ Столармъ и его приверженцы стремятся къ гибели государства; поэтому народъ долженъ всѣми силами противиться имъ и разрушать ихъ планы. Затѣмъ онъ созвалъ съѣздъ въ Або, на которомъ представители дворянства, духовенства, городского сословія и войска признали его наслѣдственнымъ княземъ и правителемъ государства и обѣщались исполнить постановленія сэдерчёпингскаго сейма; относительно Арвида Столарма и его приверженцевъ было рѣшено, что если

они не покорятся добровольно, то ихъ принудятъ къ тому силой. Послѣ этого Карлъ возвратился въ Стокгольмъ, назначивъ начальниками абоской крѣпости Класа и Ларса Флеминговъ и Юрія Генриксона Хорна, личныхъ враговъ покойнаго Класа Флеминга

Сначала новые начальники убѣждали Столарма признать надъ собой власть герцога, но когда тотъ отказался, то они сами начали колебаться и наконецъ отдали Або въ руки Столарма. Въ то-же время изъявили покорность жители южной Эстерботніи, недовольные притѣсненіями герцогскаго фохта, и такимъ образомъ положеніе королевской партіи было упрочено.

Между тѣмъ Сигизмундъ рѣшился, наконецъ, явиться лично въ Финляндію, чтобы поддержать своихъ приверженцевъ. Карлъ созвалъ въ Упсалѣ сеймъ, на которомъ земскіе чины еще разъ увѣрили его въ своей рѣшимости не оставлять его и съ его помощью защищать всѣ постановленія предшествующихъ съѣздовъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на съѣздѣ въ Вадстена еще разъ было подтверждено это увѣреніе и въ то-же время отвергнуты требованія короля.

Планъ Сигизмунда заключался въ томъ, чтобы напасть на Карла одновременно съ двухъ сторонъ: самъ онъ съ флотомъ и 5000 войска хотѣлъ двинуться въ Швецію съ юга, и въ то-же время Арвидъ Столармъ долженъ былъ напасть на нее съ востока, изъ Финляндіи. Но этотъ планъ не удалось выполнить. Сигизмундъ явился въ Швецію только въ началѣ августа, тогда какъ финны подъ предводительствомъ Столарма уже въ концѣ іюля были на мѣстѣ назначенія. Карлъ отдалъ приказъ упландскимъ крестьянамъ напасть на финновъ съ сѣвера, а самъ двинулся на нихъ со стороны моря. Видя приближающіяся войска герцога, финны поспѣшили поднять якоря и возвратились въ Финляндію.

Между тѣмъ король прибылъ въ Кальмаръ, откуда двинулся къ сѣверу. Многіе изъ дворянъ примкнули къ нему; но простой народъ и моряки остались вѣрны герцогу. Первая встрѣча между войсками герцога и короля произошла у Стегсборга, гдѣ герцогъ потерпѣлъ пораженіе. Но черезъ нѣсколько дней состоялась новая битва, при Стонгебру, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Сигизмунда. Послѣ того въ сентябрѣ 1598 г. заключенъ былъ договоръ, по которому король обязался явиться въ Стокгольмъ и принять власть; для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ долженъ быть немедленно созванъ особый сеймъ. Но король не выполнилъ условій договора:

Digitized by Google

спустя нѣсколько дней онъ отплылъ въ Данцигъ, чтобы еще разъ изъ Польши совершить походъ на Швецію, но случая къ этому не представилось. Такимъ образомъ, война 1598 г. имѣла рѣшающее значеніе для Швеціи, которая съ этихъ поръ всецѣло стала на сторону протестантизма.

Карлъ, по отъѣздѣ Сигизмунда, созналъ въ сеймъ Іенчепингѣ, на которомъ земскіе чины обѣщали ему вѣрность, какъ „правящему наслѣдственному князю", и объявили, что не будутъ болѣе признавать Сигизмунда, если онъ втеченіе четырехъ мѣсяцевъ не возвратится въ Швецію. Скоро пала послѣдняя опора королевской партіи—Кальмаръ. Наконецъ, на сеймѣ въ Стокгольмѣ, въ іюлѣ 1599 г., представители народа объявили Сигизмунда лишеннымъ престола. Въ Финляндіи было рѣшено послать по нѣсколько человѣкъ отъ каждаго сословія, чтобы еще разъ убѣдить финновъ покориться, если они примутъ предлагаемый имъ миръ, то военныя дѣйствія противъ нихъ прекращаются; въ противномъ случаѣ ихъ будутъ считать открытыми врагами и изо всѣхъ силъ преслѣдовать.

Между тѣмъ со стороны Финляндіи военныя дѣйствія продолжались. Столарму удалось подчинить себѣ большую часть Эстерботніи, послѣ чего онъ вторично подступилъ къ Стокгольму, но было уже поздно: король былъ разбитъ, и Столарму пришлось возвратиться въ Финляндію ни съ чѣмъ.

Сигизмундъ, несмотря на такую преданность ему финляндцевъ, не оказывалъ имъ никакой поддержки и даже выказывалъ къ нимъ ничѣмъ не заслуженное недовѣріе.

Недовольный Столармомъ, онъ отнялъ у намѣстника командованіе войсками, поручивъ его Акселю Курку. Боясь измѣнъ со стороны крестьянъ, онъ разослалъ по всѣмъ погостамъ и городамъ особыхъ лицъ, которыя должны были слѣдить за народомъ и, въ случаѣ, если будутъ обнаружены сношенія съ герцогомъ или его партіей, отнимать у виновныхъ имущество и отдавать его солдатамъ.

Дворянство и войско попрежнему оставались настолько вѣрны Сигизмунду, что рѣшились даже въ началѣ 1599 г. напасть на герцога. Арвидъ Столармъ завладѣлъ Кастельхольмскимъ замкомъ на Оландѣ и посадилъ туда начальникомъ Соломона Илле. Аксель Курнъ напалъ на погостъ Мустасаари въ южной Эстерботніи и вновь подчинилъ ее власти короля.

Digitized by Google

Въ іюлѣ 1599 г. шведскій флотъ съ значительнымъ войскомъ отплылъ въ Финляндію. По дорогѣ былъ взятъ Кастельхольмъ. Вскорѣ послѣ того былъ полученъ отвѣтъ финскихъ дворянъ на тѣ мирныя предложенія, съ которыми обратился къ нимъ Карлъ по постановленію Стокгольмскаго сейма. Отвѣтъ былъ отрицательный, вслѣдствіе чего Карлъ рѣшилъ, не теряя времени, докончить эту борьбу и самъ сталъ во главѣ арміи. Одну часть войска, подъ предводительствомъ адмирала Шеля, онъ послалъ осаждать Або, съ другою самъ высадился къ югу отъ Або, чтобы оттуда аттаковать финляндскую армію. При С.-Мортанѣ онъ разбилъ главный корпусъ финскихъ войскъ, шедшій на соединеніе съ войсками, ожидаемыми изъ Эстляндіи. Узнавъ объ этомъ пораженіи, Столармъ, защищавшій Або, поспѣшилъ капитулировать.

Послѣ этого Карлъ двинулся въ восточную Финляндію, гдѣ въ короткое время овладѣлъ крѣпостями Выборгомъ и Нишлотомъ. Такимъ образомъ въ октябрѣ 1599 г. вся Финляндія была въ рукахъ Карла и ему оставалось только свести послѣдніе счеты со своими врагами. Большая часть дворянъ, взятыхъ въ плѣнъ при осадѣ Кастельхольма, Або, Выборга, были преданы смертной казни. Пощажены были только Арвидъ Столармъ и Аксель Куркъ, которымъ смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Среди жертвъ герцогскаго мщенія всеобщее сожалѣніе возбуждалъ двадцатилѣтній юноша Іоаннъ Флемингъ, сынъ Класа Флеминга. Послѣ смерти отца онъ жилъ въ Польшѣ, но во время войны по частному дѣлу отправился въ Финляндію, гдѣ Столармъ уговорилъ его вступить въ число защитниковъ Або. Самъ герцогъ не рѣшался казнить его, хотя это и былъ сынъ его заклятаго врага. Онъ призвалъ его къ себѣ и объявилъ помилованіе подъ условіемъ, чтобы онъ оставилъ Сигизмунда и поступилъ къ нему на службу. Флемингъ отказался, но все-таки молилъ пощадить его, причемъ сталъ на одно колѣно. „Почему ты не становишься передо мной на оба колѣна?—спросилъ Карлъ... „Эту честь я берегу для Бога и для короля", отвѣчалъ юноша. При этихъ словахъ проснулась вся старая ненависть Карла къ Флемингу и его роду и теперь всѣ попытки спасти юношу уже были безуспѣшны: онъ былъ казненъ вмѣстѣ со многими другими дворянами. Епископъ Эрикъ Эрици и ректоръ абоской школы Маркусъ были арестованы и отправлены въ Швецію для суда.

Digitized by Google

Въ февралѣ 1600 года въ Линчепингѣ былъ созванъ сеймъ, на которомъ произведенъ былъ судъ надъ тѣми дворянами, которыхъ участь еще не была рѣшена. Большая часть виновныхъ были приговорены къ смертной казни.

Такимъ образомъ, борьба между братьями, наконецъ кончилась. Слѣдствіемъ ея было возсоединеніе Финляндіи съ Швеціей и утвержденіе протестантства. Финляндское дворянство, которое со временъ Іоанна III старалось занять самостоятельное положеніе и добивалось особыхъ привиллегій, было вынуждено отказаться отъ своихъ притязаній и совершенно слилось съ шведскимъ дворянствомъ.

Послѣдствія этой борьбы для Финляндіи были ужасны.

Страна была опустошена, такъ что потребовались цѣлыя столѣтія, чтобы вновь привести ее въ порядокъ. Доведенное до отчаянія рядомъ неурожайныхъ годовъ, населеніе начало выселяться частію въ Россію, частію въ Швецію [1]). Наконецъ, въ довершеніе всего появилась чума, которая значительно уменьшила количество населенія. Безпорядки въ администраціи усилились. Дворяне захватывали себѣ крестьянскія земли и выжимали изъ крестьянъ все, что было можно. Остальное брали фохты и ихъ секретари путемъ незаконныхъ налоговъ, постоевъ и ямскихъ повинностей. Страхъ передъ ними былъ такъ великъ, что на сеймѣ въ Линчепингѣ жители Эстерботніи просили позволенія производить уплату налога въ Стокгольмѣ, а въ фохты и судьи назначать шведовъ, а не финновъ.

Герцогъ Карлъ все еще не рѣшался надѣть корону, которую ему предлагали земскіе чины, такъ какъ младшій братъ Сигизмунда, герцогъ Іоаннъ, имѣлъ болѣе правъ на престолъ. Но когда на сеймѣ въ Норчепингѣ 1604 г. онъ добровольно отказался отъ своихъ правъ, Карлъ, наконецъ, согласился принять королевскій титулъ, причемъ право на престолъ было утверждено за его потомствомъ, не только по мужской, но и по женской линіи. Черезъ 3 года послѣ того онъ короновался подъ именемъ Карла IX.

Однако, Сигизмундъ не сразу отказался отъ своихъ правъ на шведскій престолъ, и провозглашенію Карла королемъ предшествовала новая борьба между братьями.

---

[1]) Еще до дубинной войны множество финновъ переселилось въ Швецію. Они поселились сначала въ Вермландѣ, Нерике и Сэдерманландѣ, а потомъ распространились и по другимъ областямъ. Потомки этихъ финновъ до послѣдняго времени сохраняли языкъ и обычаи своихъ предковъ.

Digitized by Google

Не получая никакого отвѣта на письмо, отправленное въ польскій сеймъ съ запросомъ относительно взаимныхъ отношеній между государствами, Карлъ въ 1599 г. объявилъ Польшѣ войну. Въ короткое время онъ овладѣлъ важнѣйшими городами Эстляндіи и Лифляндіи и въ концѣ 1600 г. стоялъ уже на берегахъ Двины.

Но въ слѣдующемъ году обстоятельства перемѣнились. Сигизмундъ выслалъ противъ шведовъ большую армію подъ предводительствомъ лучшихъ польскихъ генераловъ. Шведы должны были отдать Кокенхаусъ, который только что заняли. Послѣ безуспѣшной осады Риги шведы, наконецъ, отступили къ сѣвернымъ границамъ Лифляндіи, и Карлъ, оставивъ войско, возвратился въ Швецію.

Въ его отсутствіе шведы, благодаря дѣйствіямъ искуснаго польскаго полководца Ходкевича, понесли большія потери и лишились почти всѣхъ своихъ прежнихъ завоеваній.

Чтобы поправить дѣло, Карлъ въ 1605 г. вновь явился на театръ военныхъ дѣйствій и во главѣ значительной арміи напалъ на Ригу. На помощь осажденнымъ явился Ходкевичъ, и въ происшедшей битвѣ Карлъ потерпѣлъ полное пораженіе и едва самъ не попалъ въ плѣнъ. Однако, послѣдствія этого пораженія были не такъ важны, какъ того можно было-бы ожидать, такъ какъ вскорѣ послѣ того и шведы и поляки были призваны къ участію въ событіяхъ, происходившихъ въ Россіи.

Тѣснимый съ одной стороны поляками, съ другой—самозванцемъ, царь Василій Шуйскій обратился за помощью къ шведскому королю. Въ февралѣ 1609 г. заключенъ былъ союзъ между обоими государствами, и большая шведская армія, состоявшая главнымъ образомъ изъ финновъ, подъ предводительствомъ Якова Делагарди и Эверта Карлсона Хорна, вступила въ Новгородъ, гдѣ соединилась съ войсками князя Михаила Скопина-Шуйскаго, племянника царя. Затѣмъ, союзники двинулись къ Москвѣ и освободили ее отъ поляковъ. Здѣсь Делагарди потерялъ своего доблестнаго товарища, который палъ жертвой подозрительности царя. Изъ Москвы Делагарди пошелъ на западъ, чтобы освободить Смоленскъ, но при Клушинѣ былъ разбитъ гетманомъ Жолкевскимъ. Слѣдствіемъ этой битвы было, какъ извѣстно, сверженіе Шуйскаго, движеніе поляковъ на Москву и провозглашеніе королевича Владислава царемъ русскимъ.

Между тѣмъ шведы изъ союзниковъ обратились въ враговъ и рѣшили воспользоваться затруднительнымъ

Digitized by Google

положеніемъ Россіи, чтобы на ея счетъ расширить свои владѣнія. Въ 1611 г. Делагарди взялъ Кексгольмъ, Новгородъ и всѣ главныя крѣпости Ингріи, вслѣдствіе чего большая часть сѣверной Россіи подпала подъ власть шведовъ. Делагарди нѣсколько лѣтъ правилъ этой областью, изъ которой онъ думалъ создать нѣчто вродѣ особаго княжества подъ властью одного изъ сыновей Карла. Финскіе солдаты прозвали его „лѣнивымъ Яковомъ“ и шутя говорили про него: „лѣто уходитъ, зима уходитъ, только лѣнивый Яковъ не уходитъ“.

Во время польской войны Карлъ посѣтилъ Финляндію и пробылъ тамъ два мѣсяца, занимаясь устройствомъ этой провинціи, разоренной предшествующими войнами и нуждавшейся въ серьезныхъ реформахъ.

По прибытіи въ Або, Карлъ созвалъ представителей высшей и низшей администраціи для того, чтобы сообща посовѣтоваться съ ними о важнѣйшихъ дѣлахъ страны. Съѣздъ продолжался нѣсколько недѣль и главнымъ вопросомъ, поставленнымъ на обсужденіе, былъ вопросъ о положеніи финляндскаго дворянства и его привиллегіяхъ.

Еще со временъ Іоанна III финляндское дворянство домогалось особыхъ привиллегій сравнительно со шведскимъ дворянствомъ, ссылаясь на невыгоды службы въ далекой окраинѣ.

Герцогъ не одобрилъ этихъ претензій, полагая, что всѣ жители государства, принадлежащіе къ одному и тому-же сословію, должны пользоваться одинаковыми привиллегіями. Несмотря на это, дворяне настаивали на дарованіи имъ правъ на безплатные проѣзды, постои и нѣкоторые другіе, но герцогъ остался при своемъ мнѣніи и отказался утвердить за ними означенныя привиллегіи. Тѣмъ не менѣе между дворянствомъ и герцогомъ состоялось дружеское сближеніе, дворяне дали ему письменное увѣреніе въ своей преданности, на что герцогъ въ свою очередь обѣщалъ свято хранить ихъ права и преимущества. Отобранныя у дворянъ земли были имъ возвращены еще раньше; теперь герцогъ объявилъ свободу многимъ изъ дворянъ, которые были имъ арестованы во время борьбы съ Сигизмундомъ.

Относительно представителей другихъ сословій извѣстно только то, что на ихъ обсужденіе былъ предложенъ вопросъ о дополнительномъ налогѣ, который предположено было взимать съ недворянъ.

Для веденія лифляндской войны Карлъ былъ вынужденъ пополнять свое войско путемъ періодическихъ

Digitized by Google

наборовъ, которые были въ высшей степени обременительны для населенія. Изъ каждыхъ 10 и даже 5 мужчинъ призывного возраста брали по одному; кромѣ того, при наборѣ допускались разныя злоупотребленія, которыя увеличивали еще болѣе тягость этой повинности. Теперь герцогъ рѣшилъ улучшеніемъ организаціи и введеніемъ строгаго контроля облегчить сколько возможно этотъ гнетъ. Прежде всего, онъ отмѣнилъ замковую повинность, вмѣсто которой на содержаніе рыцарей и кнехтовъ рѣшено было отпускать ежегодно опредѣленный процентъ съ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній. Военная повинность была организована такъ, что всѣ крестьяне были раздѣлены на особыя „роты“ (rotelag), по 10 человѣкъ въ каждой; каждая рота должна была выставить одного рекрута.

Приняты были также мѣры къ поднятію земледѣлія. Для этой цѣли повсюду были разосланы особыя лица, которыя должны были привести въ извѣстность количество запустѣвшихъ дворовъ и невоздѣланной земли; эти земли предположено было обратить въ казенныя имѣнія и принять мѣры къ ихъ обработкѣ. Желающимъ заняться обработкой предполагалось дать извѣстныя льготы по взносу податей. Рѣшено было также принять всѣ мѣры къ обработкѣ пустыхъ и дикихъ земель во внутреннихъ частяхъ Финляндіи, которыя все еще были мало заселены и совершенно неустроены. Двумъ довѣреннымъ людямъ Монсу Олуфсону и Олуфу Ерансону было поручено объѣхать весь этотъ районъ, отъ Сэаксмэкп до Улео, и утвердить права владѣльцевъ на принадлежащія имъ лѣса и поля.

Противъ злоупотребленій низшихъ административныхъ властей были приняты герцогомъ самыя строгія мѣры. Большая часть фохтовъ и ихъ секретарей были отставлены отъ должности и посажены въ абоскую крѣпость, откуда потомъ они были переведены въ Стокгольмъ и преданы суду. Нѣкоторые изъ нихъ „для примѣра“ были казнены.

Вновь назначеннымъ фохтамъ пригрозили тѣмъ-же, если они не будутъ ежегодно отдавать строгій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ, сдѣланъ былъ пересмотръ системы мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ при пріемѣ налога. Всѣ старыя мѣры, безмѣны, тунны, каппы и т. д., были собраны и отправлены въ Стокгольмъ и служащимъ вмѣнено въ обязанность употреблять новыя мѣры, только принятыя въ Швеціи.

Весьма важнымъ актомъ была изданная въ февралѣ

Digitized by Google

1602 г. „Инструкція для руководства финляндскимъ фохтамъ“.

Во введеніи къ ней герцогъ жалуется на неблагоустроенность Финляндіи сравнительно съ другими областями государства и указываетъ причину этого явленія, заключающуюся, по его мнѣнію, въ томъ, что короли черезчуръ рѣдко посѣщали эту страну, худо знали ее, а потому и не могли какъ слѣдуетъ наблюдать за ея благоустройствомъ. Затѣмъ излагаются правила относительно рекрутскаго набора и содержанія войскъ. Относительно крестьянъ, принадлежащихъ дворянамъ, говорится, что при наборѣ и распредѣленіи повинностей они пользуются льготой сравнительно съ остальными крестьянами; тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ предѣлахъ такъ называемой „свободной мили“, т. е. не дальше одной мили отъ дворянской усадьбы, совершенно освобождаются отъ всякихъ повинностей. Далѣе опредѣляется размѣръ жалованья чиновъ судебнаго вѣдомства, излагаются правила о мѣрахъ и вѣсахъ; безусловно воспрещается дворянамъ, священникамъ, фохтамъ и др. присвоивать себѣ крестьянскіе дворы. Въ концѣ акта перечисляются обязанности фохтовъ и податныхъ чиновниковъ. Фохты обязаны вести строгій отчетъ поступающимъ суммамъ; они не имѣютъ права поручать сборъ налога больманамъ, ленсманамъ и другимъ лицамъ, которыя привыкли черезъ это наживаться насчетъ казны и крестьянъ; фохтъ можетъ имѣть при себѣ не болѣе одного писца и трехъ или четырехъ служителей; строго воспрещается фохтамъ удерживать часть налога въ свою пользу, взамѣнъ чего имъ назначается жалованье.

Таково содержаніе этого акта, имѣющаго цѣлью точно опредѣлить права и обязанности различныхъ классовъ общества и установить строгій контроль надъ дѣйствіями должностныхъ лицъ. Финскій народъ оцѣнилъ добрыя намѣренія Карла и его желаніе облегчить положеніе низшаго класса и далъ ему прозваніе „добраго короля“ (hyvä kuningas). Но справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ эти мѣры въ большинствѣ случаевъ не производили ожидаемаго дѣйствія. Это происходило оттого, что, подобно своимъ предшественникамъ, Карлъ не успѣлъ дать прочную организацію высшей администраціи страны. Представители ея не получали никакихъ инструкцій и часто возбуждали къ себѣ недовѣріе правительства, которое отъ времени до времени посылало въ Финляндію особыхъ комиссаровъ, для контроля надъ ними, однако, народу отъ этого было не легче, такъ какъ зло-

Digitized by Google

употребленія прекращались только на время, а между тѣмъ всѣ расходы по этимъ командировкамъ должны были нести крестьяне.

Карлъ не уставалъ обличать и наказывать виновниковъ этихъ злоупотребленій. „Пускай они убираются ко всѣмъ чертямъ, но мы больше не будемъ держать этихъ и подобныхъ имъ воровъ", писалъ онъ въ 1607 г. Виновные постоянно прогонялись съ мѣста и отдавались подъ судъ, но ихъ преемники продолжали слѣдовать ихъ примѣру.

Много нововведеній было сдѣлано въ Эстерботніи. Здѣсь было основано два новыхъ города — Улеаборгъ и Ваза (1605 и 1606 г.); произведена реорганизація податного дѣла; приняты мѣры къ оборонѣ страны отъ непріятельскихъ нашествій: въ 1605 г. начальнику Эстерботніи Исааку Бемъ было приказано въ глуши этой провинціи, въ мѣстѣ сліянія озеръ Соткамо и Улео, построить крѣпость, которая впослѣдствіи получила названіе Каяна и сдѣлалась главнымъ оплотомъ сѣверной Эстерботніи. Даже на отдаленную Лапландію было обращено вниманіе правительства: въ 1601 г. туда была отправлена особая комиссія для проведенія точныхъ границъ этой области и организаціи тамъ системы налоговъ.

Карлъ задумалъ также докончить предпріятіе, начатое Эрикомъ Бьельке, — соединить озеро Сайму съ моремъ посредствомъ канала. Въ 1607 г. начались работы подъ руководствомъ Бенгта Юстена, но черезъ два года, за смертію главнаго руководителя, были прекращены.

Кое-что было сдѣлано также въ области литературы. Въ 1602 г. былъ учрежденъ комитетъ изъ восьми священниковъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Эрика Эрици, для полнаго перевода библіи на финскій языкъ; однако, о работахъ этого комитета ничего неизвѣстно. Нѣсколько ранѣе священникъ въ Калаіоки Юнго Томассонъ перевелъ на финскій языкъ сводъ законовъ. Этотъ трудъ въ 1602 году былъ представленъ Карлу и удостоился его одобренія, послѣ чего часть его была напечатана (1610). Впослѣдствіи печатаніе было пріостановлено, вѣроятно, въ виду предпринятаго вскорѣ пересмотра законовъ. Точно также остался неизданнымъ сдѣланный Юнго въ 1609 г. переводъ городового положенія.

Главнымъ представителемъ науки былъ Сигфридъ Форсіусъ, выдающійся по тому времени натуралистъ и математикъ. Онъ участвовалъ въ Лапландской экспедиціи, потомъ назначенъ былъ профессоромъ астрологіи

Digitized by Google

въ Упсальскій университетъ, откуда былъ переведенъ въ Стокгольмъ и получилъ титулъ придворнаго астролога и званіе священника придворной церкви. Литературная дѣятельность его заключалась въ составленіи альманаховъ и такъ называемыхъ prognostica (книга гаданій по звѣздамъ). Кромѣ того, ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій естественно-научнаго содержанія, финская хроника, латинскіе стихи, проповѣди и переводъ нѣсколькихъ главъ изъ книги Ездры.

Карлъ IX умеръ въ 1611 г. во время датской войны, не доведя до конца многихъ изъ своихъ предначертаній. Но онъ умеръ съ надеждой, что главное его дѣло— утвержденіе протестантизма въ Швеціи —будетъ выполнено его сыномъ и наслѣдникомъ Густавомъ Адольфомъ, про котораго онъ при жизни любилъ говорить: Me faciet [1]).

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

I. Густавъ II Адольфъ.

Густавъ Адольфъ послѣ смерти отца остался шестнадцатилѣтнимъ юношей и первые годы царствованія пользовался совѣтами опытнаго государственнаго мужа, канцлера Акселя Уксеншерна. Положеніе Швеціи въ это время было нелегкое: государство было ослаблено предшествовавшими внутренними смутами, а между тѣмъ извнѣ ему угрожали три сильные врага.

Самымъ опаснымъ изъ нихъ была Данія, съ которой Густавъ былъ вынужденъ въ 1613 г. заключить миръ на очень невыгодныхъ условіяхъ: Швеція уступала Даніи часть прибрежья Ледовитаго океана, извѣстную подъ именемъ Финмаркенъ, и обязывалась втеченіе 6 лѣтъ заплатить милліонъ долларовъ въ залогъ за крѣпость Эльфсборгъ, которую датчане возвратили шведамъ. Для уплаты означенной суммы въ томъ-же году былъ введенъ особый налогъ, почти половину котораго пришлось платить Финляндіи.

Удачнѣе шли дѣла на востокѣ. Эвертъ Хорнъ въ 1612 г. взятіемъ Нэтеборга, Копорья, Ямы, Гдова и

[1]) Schybergson, 340 — 389.

Digitized by Google

Ивангорода докончилъ покореніе Ингріи. Между тѣмъ Яковъ Делагарди продолжалъ оставаться въ Новгородѣ, стараясь добиться объявленія герцога Карла-Филиппа великимъ княземъ Новгородскимъ. Однако, несмотря на долгіе переговоры по этому предмету, дѣло не увѣнчалось успѣхомъ.

Въ 1614 г. Густавъ Адольфъ явился въ Нарву, чтобы принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вскорѣ послѣ его прибытія шведы одержали нѣсколько побѣдъ и напали на Псковъ, надѣясь взятіемъ этого города ускорить окончаніе войны; но, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе со стороны русскихъ, должны были отступить. Въ то-же время одинъ русскій отрядъ пытался овладѣть Кексгольмомъ, но былъ отбитъ Хансомъ Мункомъ. Другой отрядъ вторгся въ Эстерботнію и также потерпѣлъ пораженіе отъ начальника Улеаборга, Эрика Харе.

Всѣ эти событія показали, что война можетъ затянуться надолго, не принося какого-либо существеннаго результата ни одной изъ сторонъ, и потому противники поспѣшили воспользоваться посредничествомъ Англіи и Голландіи и открыли переговоры о мирѣ (1615). Черезъ два года въ селѣ Столбовѣ былъ подписанъ мирный трактатъ, по которому Россія уступала Швеціи Кексгольмъ съ принадлежащей къ нему областью и Ингрію; кромѣ того она обязывалась уплатить 20000 руб. военной контрибуціи и отказывалась отъ всякихъ притязаній на Эстляндію и Лифляндію. Густаву Адольфу казалось, что заключеніемъ этого мира положенъ предѣлъ движенію русскихъ на западъ и тѣмъ самымъ навсегда упрочено положеніе Финляндіи. Эту мысль онъ высказалъ на сеймѣ въ Стокгольмѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Теперь Финляндія отдѣлена отъ Россіи обширнымъ Ладожскимъ озеромъ, и съ Божіей помощью я надѣюсь, что русскимъ нелегко будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“. Та-же самая мысль выражена имъ въ латинской надписи, которую онъ велѣлъ вырѣзать на пограничномъ камнѣ въ погостѣ Салмисъ, на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера: huc Regni posuit fines Gustavus Adolphus, Rex Svecorum, fausto numine duret opus.

Вновь присоединенный Кексгольмскій округъ, наравнѣ съ Прибалтійскими провинціями, былъ поставленъ въ особое положеніе, выражавшееся въ томъ, что населеніе его не имѣло права посылать своихъ представителей въ сеймъ. Это обособленное положеніе, а также разница въ обычаяхъ, религіи и административномъ

Digitized by Google

прочихъ, принадлежащихъ къ этому уважаемому разряду людей. Жареная птица превосходна, почтеннѣйшій поваръ, но я всё-таки сомнѣваюсь, чтобы ты сумѣлъ такъ же хорошо приготовить журавля, какъ поваръ моего друга и ученика, антикварія. Пожалуйста, не огорчайся моимъ замѣчаніемъ, достопочтеннѣйшій поваръ. Я не утверждаю этого съ положительностью, ибо безусловно не позволяю себѣ ни о чемъ высказываться вполнѣ опредѣленно. Я только сомнѣваюсь, понимаешь ли?

Говорившій такимъ образомъ былъ потомокъ Ификрата, тотъ самый молодой человѣкъ, который однажды былъ въ качествѣ просителя у Петра, но при неожиданной встрѣчѣ тамъ съ Хризанфомъ вдругъ опомнился и заявилъ, что онъ заблудился и попалъ къ епископу нечаянно, такъ какъ имѣлъ собственно намѣреніе зайти по сосѣдству къ своему пріятелю антикварію. Этотъ молодой человѣкъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кимона; онъ былъ теперь одѣтъ въ грубый философскаго покроя плащъ и, должно быть, уже болѣе года не бывалъ въ цирульнѣ, такъ что, надѣленный отъ природы роскошной растительностью, онъ успѣлъ за это время украситься весьма почтенной бородой. Это, безъ сомнѣнія, указывало, что онъ совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей и предпочелъ помысламъ о принятіи оглашенія и крещенія размышленія о наукѣ наукъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время онъ ударился въ нѣкоторомъ родѣ въ философію и сдѣлался скептикомъ.

Природа и дружба благопріятствовали въ достаточной мѣрѣ выступленію благодушнаго Кимона въ роли философа;—природа, какъ было указано, надѣлила его щедро растительностью, а дружба въ лицѣ антикварія одарила его грубымъ, но еще совершенно цѣлымъ плащемъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что только борода и плащъ сдѣлали изъ Кимона мыслителя. Онъ былъ также совершенно свой человѣкъ въ логикѣ; и вотъ именно въ одну изъ такихъ минутъ, когда антикварій пришелъ въ истинное изумленіе отъ изобрѣтательности Кимона на самые необыкновенные рогатые и крокодиловы силлогизмы, онъ и увлекся до такой щедрости, что подарилъ ему плащъ. Такимъ образомъ, плащъ и борода были лишь внѣшними отличіями, обезпечивавшими Кимону до нѣкоторой степени то уваженіе, на которое претендовала его особа.

Впрочемъ, Кимонъ былъ достаточно скроменъ для того, чтобы не показываться въ публичныхъ философскихъ собраніяхъ, а, быть можетъ, онъ не хотѣлъ возбуждать зависти къ своей мудрости. Онъ не знался также со своими собратьями по наукѣ или потому, что считалъ ихъ слишкомъ для себя ничтожными, или-же потому, что они не хотѣли его вовсе знать. Но если его свѣточъ не воспламенялся въ ученыхъ собраніяхъ, то тѣмъ усерднѣе проявлялся онъ въ столовыхъ у почтенныхъ, зажиточныхъ ремесленниковъ, которые любили порядочно поѣсть и употребляли сносное вино. У такихъ хозяевъ онъ вытаскивалъ изъ-подъ спуда весь запасъ своихъ знаній. Онъ поражалъ ихъ глубокомысленными рѣчами и удивительно тонкими силлогизмами; если же логика оказывалась имъ недоступной, то онъ старался внушить къ себѣ уваженіе разсказами о своемъ высокомъ происхожденіи и о своей закадычной дружбѣ съ императоромъ

Digitized by Google

Юліаномъ. Императоръ, по его увѣренію, былъ истинный другъ всѣхъ вообще философовъ, но всегда отдавалъ преимущество философу Кимону. Императоръ даже предлагалъ Кимону великолѣпный дворецъ въ Константинополѣ и сто тысячъ золотыхъ, но Кимонъ отвергъ это предложеніе, потому что изъ принципа любилъ бѣдность и не хотѣлъ оставить своихъ добрыхъ друзей въ Аѳинахъ.

Общеніе Кимона не ограничивалось лишь кругомъ болѣе или менѣе зажиточныхъ промышленниковъ. Будучи выше всякихъ предразсудковъ, онъ снисходилъ съ одной стороны, главнымъ образомъ, когда бывалъ очень голоденъ, до общества рабовъ, преимущественно поваровъ въ состоятельныхъ домахъ; съ другой же стороны нерѣдко появлялся гостемъ у молодыхъ эпикурейцевъ, даже не исключая Аннея Домиція, на ихъ интимныхъ собраніяхъ, когда не находилось болѣе подходящаго гостя, надъ которымъ общество могло бы изощряться въ остроуміи и забавныхъ шуткахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ Кимонъ проявлялъ поистинѣ философскую невозмутимость. Самыя несдержанныя шутки, мишенью которыхъ онъ служилъ, не въ состояніи были поколебать его спокойствія, а тѣмъ болѣе убить въ немъ аппетитъ и жажду.

Кимонъ любилъ не только шататься по кишащимъ народомъ портикамъ и галлереямъ города, но удалялся порой и на лоно свободной природы. Сегодня онъ предпринялъ, имѣя исходнымъ пунктомъ гавань, прогулку въ окрестностяхъ великолѣпной виллы Хризанфа, но былъ неожиданно напуганъ надвигавшимися дождевыми тучами, заставившими его искать убѣжища подъ кровлей дома Хризанфа. Онъ, конечно, предпочелъ бы переждать непогоду подъ открытымъ небомъ, если бы не зналъ, что ни Хризанфа, ни Герміоны не было дома. Они оба находились въ городѣ, гдѣ Хризанфъ долженъ былъ сдѣлать публичный докладъ о религіи. Онъ и его ученики пришли къ согласному рѣшенію: ввести въ отправленіе обрядовъ стараго ученія обычай, оказавшій и оказывающій еще въ настоящее время огромную услугу христіанству—публичную проповѣдь.

Кимонъ нашелъ у прислуги въ виллѣ тотъ дружественный пріемъ, на который онъ именно разсчитывалъ. Плащъ философа произвелъ благопріятное дѣйствіе на старика Медеса и прочихъ слугъ.

Кимонъ спросилъ о Хризанфѣ, и ему доложили то, что онъ прекрасно зналъ уже раньше, а именно, что Хризанфъ въ городѣ. Его желаніе укрыться отъ непогоды и его увѣреніе, что странствующему философу не мѣшаетъ иногда кое-чѣмъ подкрѣпиться, встрѣтили полное сочувствіе. Тотчасъ же былъ накрытъ въ одномъ изъ портиковъ столъ, а привѣтливость обхожденія гостя, его словоохотливость и хорошее расположеніе духа, въ особенности послѣ того, какъ онъ неоднократно опорожнилъ и опять наполнилъ свою чашу, собрали вокругъ него вскорѣ достаточное число рабовъ и рабынь.

Дѣло уже было къ вечеру. Небо покрыто было тучами, гонимыми вѣтромъ со стороны моря, и дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Значитъ, полюбопытствовалъ освѣдомиться старикъ Медесъ,— существуютъ и такіе философы, которые называются сомнѣвающимися?

Digitized by Google

— Разумѣется. Это самые глубокомысленные изъ всѣхъ философовъ, отвѣчалъ Кимонъ, разжевывая кусокъ птичьяго жаркого.

— Въ такомъ случаѣ мой баринъ Хризанфъ, навѣрное, принадлежитъ къ этой самой школѣ, сказалъ старикъ,—если, конечно, она только умнѣйшая.

— Нѣтъ, объяснилъ Кимонъ,—твой баринъ, хотя онъ дѣйствительно удивительно мудръ, чрезвычайно глубокомысленъ и далеко ушелъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе онъ не принадлежитъ къ нашей школѣ.

— Та-акъ. Но въ чемъ же вы собственно сомнѣваетесь?

— Во всемъ, старина, во всемъ положительно, даже и въ томъ, что мы сомнѣваемся.

— Клянусь Зевсомъ, это удивительно странно, замѣтилъ Медесъ.

— Да, другъ мой, это, быть можетъ, и звучитъ нѣсколько странно для твоего не философскаго уха, произнесъ Кимонъ, оглядываясь на Окоса, который замѣшкался что-то съ кубкомъ,—но на самомъ-то дѣлѣ это вполнѣ естественно, и только съ этой точки зрѣнія и можно дойти до истины. Я постараюсь разъяснить тебѣ это, хотя для ясности мнѣ придется нѣсколько пожертвовать основательностью доводовъ. Понимаешь ли ты, напримѣръ, что безъ глазъ ты не могъ бы видѣть?

— Да, отвѣтилъ Медесъ,—это я хорошо понимаю, въ особенности теперь, когда отъ старости сталъ слабъ глазами.

— И что безъ ушей ты не могъ бы слышать?

— Да, это я также понимаю.

— И что ты не могъ бы обонять, чувствовать вкусъ и осязать предметы при дотрогиваньи къ нимъ, если бы не имѣлъ носа и прочихъ соотвѣтствующихъ членовъ тѣла?

— Ну, да, конечно, это я понимаю. А что у меня существуютъ эти самые члены, это я также очень чувствую, потому что у меня страшная ломота въ лѣвой ногѣ.

— Ну, вотъ, видишь ли, это и есть тѣ самые пять органовъ чувствъ—слухъ, зрѣніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе, съ помощью которыхъ мы собственно исключительно и познаемъ окружающій насъ міръ.

— Гм, да-а.

— Ну, а если чувства частенько дурачатъ насъ, такъ неужели же мы не усомнимся въ истинности и непреложности ихъ показаній?

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Не случается ли часто, что видишь совершенно не то, что есть?

— Да, да, въ особенности, если кто, какъ я, слабъ глазами и...

— Будь ты зорокъ, какъ орелъ, это тѣмъ не менѣе случалось бы съ тобой, старина. Глаза наши врутъ безпрестанно. Они заставляютъ насъ вѣрить, что существуетъ пространство. Они даютъ намъ представленія о покоѣ, о движеніи и о различныхъ скоростяхъ. А между тѣмъ все это ложь. Потому что, если мы обратимся къ разуму, то путемъ безспорныхъ умозаключеній легко придемъ къ убѣжденію, что самъ Ахиллъ, какъ бы онъ ни былъ быстроногъ, никогда не въ состояніи обогнать самую медленно ползущую черепаху, разъ она хоть немножко была раньше впереди его.

Digitized by Google

Юліаномъ. Императоръ, по его увѣренію, былъ истинный другъ всѣхъ вообще философовъ, но всегда отдавалъ преимущество философу Кимону. Императоръ даже предлагалъ Кимону великолѣпный дворецъ въ Константинополѣ и сто тысячъ золотыхъ, но Кимонъ отвергъ это предложеніе, потому что изъ принципа любилъ бѣдность и не хотѣлъ оставить своихъ добрыхъ друзей въ Аѳинахъ.

Общеніе Кимона не ограничивалось лишь кругомъ болѣе или менѣе зажиточныхъ промышленниковъ. Будучи выше всякихъ предразсудковъ, онъ снисходилъ съ одной стороны, главнымъ образомъ, когда бывалъ очень голоденъ, до общества рабовъ, преимущественно поваровъ въ состоятельныхъ домахъ; съ другой же стороны нерѣдко появлялся гостемъ у молодыхъ эпикурейцевъ, даже не исключая Аннея Домиція, на ихъ интимныхъ собраніяхъ, когда не находилось болѣе подходящаго гостя, надъ которымъ общество могло бы изощряться въ остроуміи и забавныхъ шуткахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ Кимонъ проявлялъ поистинѣ философскую невозмутимость. Самыя несдержанныя шутки, мишенью которыхъ онъ служилъ, не въ состояніи были поколебать его спокойствія, а тѣмъ болѣе убить въ немъ аппетитъ и жажду.

Кимонъ любилъ не только шататься по кишащимъ народомъ портикамъ и галлереямъ города, но удалялся порой и на лоно свободной природы. Сегодня онъ предпринялъ, имѣя исходнымъ пунктомъ гавань, прогулку въ окрестностяхъ великолѣпной виллы Хризанфа, но былъ неожиданно напуганъ надвигавшимися дождевыми тучами, заставившими его искать убѣжища подъ кровлей дома Хризанфа. Онъ, конечно, предпочелъ бы переждать непогоду подъ открытымъ небомъ, если бы не зналъ, что ни Хризанфа, ни Герміоны не было дома. Они оба находились въ городѣ, гдѣ Хризанфъ долженъ былъ сдѣлать публичный докладъ о религіи. Онъ и его ученики пришли къ согласному рѣшенію: ввести въ отправленіе обрядовъ стараго ученія обычай, оказавшій и оказывающій еще въ настоящее время огромную услугу христіанству—публичную проповѣдь.

Кимонъ нашелъ у прислуги въ виллѣ тотъ дружественный пріемъ, на который онъ именно разсчитывалъ. Плащъ философа произвелъ благопріятное дѣйствіе на старика Медеса и прочихъ слугъ.

Кимонъ спросилъ о Хризанфѣ, и ему доложили то, что онъ прекрасно зналъ уже раньше, а именно, что Хризанфъ въ городѣ. Его желаніе укрыться отъ непогоды и его увѣреніе, что странствующему философу не мѣшаетъ иногда кое-чѣмъ подкрѣпиться, встрѣтили полное сочувствіе. Тотчасъ же былъ накрытъ въ одномъ изъ портиковъ столъ, а привѣтливость обхожденія гостя, его словоохотливость и хорошее расположеніе духа, въ особенности послѣ того, какъ онъ неоднократно опорожнилъ и опять наполнилъ свою чашу, собрали вокругъ него вскорѣ достаточное число рабовъ и рабынь.

Дѣло уже было къ вечеру. Небо покрыто было тучами, гонимыми вѣтромъ со стороны моря, и дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Значитъ, полюбопытствовалъ освѣдомиться старикъ Медесъ,— существуютъ и такіе философы, которые называются сомнѣвающимися?

Digitized by Google

— Разумѣется. Это самые глубокомысленные изъ всѣхъ философовъ, отвѣчалъ Кимонъ, разжевывая кусокъ птичьяго жаркого.

— Въ такомъ случаѣ мой баринъ Хризанфъ, навѣрное, принадлежитъ къ этой самой школѣ, сказалъ старикъ,—если, конечно, она только умнѣйшая.

— Нѣтъ, объяснилъ Кимонъ,—твой баринъ, хотя онъ дѣйствительно удивительно мудръ, чрезвычайно глубокомысленъ и далеко ушелъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе онъ не принадлежитъ къ нашей школѣ.

— Та-акъ. Но въ чемъ же вы собственно сомнѣваетесь?

— Во всемъ, старина, во всемъ положительно, даже и въ томъ, что мы сомнѣваемся.

— Клянусь Зевсомъ, это удивительно странно, замѣтилъ Медесъ.

— Да, другъ мой, это, быть можетъ, и звучитъ нѣсколько странно для твоего не философскаго уха, произнесъ Кимонъ, оглядываясь на Океса, который замѣшкался что-то съ кубкомъ,—но на самомъ-то дѣлѣ это вполнѣ естественно, и только съ этой точки зрѣнія и можно дойти до истины. Я постараюсь разъяснить тебѣ это, хотя для ясности мнѣ придется нѣсколько пожертвовать основательностью доводовъ. Понимаешь ли ты, напримѣръ, что безъ глазъ ты не могъ бы видѣть?

— Да, отвѣтилъ Медесъ,—это я хорошо понимаю, въ особенности теперь, когда отъ старости сталъ слабъ глазами.

— И что безъ ушей ты не могъ бы слышать?

— Да, это я также понимаю.

— И что ты не могъ бы обонять, чувствовать вкусъ и осязать предметы при дотрогиваньи къ нимъ, если бы не имѣлъ носа и прочихъ соотвѣтствующихъ членовъ тѣла?

— Ну, да, конечно, это я понимаю. А что у меня существуютъ эти самые члены, это я также очень чувствую, потому что у меня страшная ломота въ лѣвой ногѣ.

— Ну, вотъ, видишь ли, это и есть тѣ самые пять органовъ чувствъ—слухъ, зрѣніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе, съ помощью которыхъ мы собственно исключительно и познаемъ окружающій насъ міръ.

— Гм, да-а.

— Ну, а если чувства частенько дурачатъ насъ, такъ неужели же мы не усомнимся въ истинности и непреложности ихъ показаній?

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Не случается ли часто, что видишь совершенно не то, что есть?

— Да, да, въ особенности, если кто, какъ я, слабъ глазами и...

— Будь ты зорокъ, какъ орелъ, это тѣмъ не менѣе случалось бы съ тобой, старина. Глаза наши врутъ безпрестанно. Они заставляютъ насъ вѣрить, что существуетъ пространство. Они даютъ намъ представленія о покоѣ, о движеніи и о различныхъ скоростяхъ. А между тѣмъ все это ложь. Потому что, если мы обратимся къ разуму, то путемъ безспорныхъ умозаключеній легко придемъ къ убѣжденію, что самъ Ахиллъ, какъ бы онъ ни былъ быстроногъ, никогда не въ состояніи обогнать самую медленно ползущую черепаху, разъ она хоть немножко была раньше впереди его.

Digitized by Google

Юліаномъ. Императоръ, по его увѣренію, былъ истинный другъ всѣхъ вообще философовъ, но всегда отдавалъ преимущество философу Кимону. Императоръ даже предлагалъ Кимону великолѣпный дворецъ въ Константинополѣ и сто тысячъ золотыхъ, но Кимонъ отвергъ это предложеніе, потому что изъ принципа любилъ бѣдность и не хотѣлъ оставить своихъ добрыхъ друзей въ Аѳинахъ.

Общеніе Кимона не ограничивалось лишь кругомъ болѣе или менѣе зажиточныхъ промышленниковъ. Будучи выше всякихъ предразсудковъ. онъ снисходилъ съ одной стороны, главнымъ образомъ, когда бывалъ очень голоденъ, до общества рабовъ, преимущественно поваровъ въ состоятельныхъ домахъ; съ другой же стороны нерѣдко появлялся гостемъ у молодыхъ эпикурейцевъ. даже не исключая Аннея Домиція, на ихъ интимныхъ собраніяхъ, когда не находилось болѣе подходящаго гостя, надъ которымъ общество могло бы изощряться въ остроуміи и забавныхъ шуткахъ.

Въ подобныхъ случаяхъ Кимонъ проявлялъ поистинѣ философскую невозмутимость. Самыя несдержанныя шутки, мишенью которыхъ онъ служилъ, не въ состояніи были поколебать его спокойствія, а тѣмъ болѣе убить въ немъ аппетитъ и жажду.

Кимонъ любилъ не только шататься по кишащимъ народомъ портикамъ и галлереямъ города, но удалялся порой и на лоно свободной природы. Сегодня онъ предпринялъ, имѣя исходнымъ пунктомъ гавань, прогулку въ окрестностяхъ великолѣпной виллы Хризанфа, но былъ неожиданно напуганъ надвигавшимися дождевыми тучами, заставившими его искать убѣжища подъ кровлей дома Хризанфа. Онъ, конечно, предпочелъ бы переждать непогоду подъ открытымъ небомъ, если бы не зналъ, что ни Хризанфа, ни Герміоны не было дома. Они оба находились въ городѣ, гдѣ Хризанфъ долженъ былъ сдѣлать публичный докладъ о религіи. Онъ и его ученики пришли къ согласному рѣшенію: ввести въ отправленіе обрядовъ стараго ученія обычай, оказавшій и оказывающій еще въ настоящее время огромную услугу христіанству—публичную проповѣдь.

Кимонъ нашелъ у прислуги въ виллѣ тотъ дружественный пріемъ, на который онъ именно разсчитывалъ. Плащъ философа произвелъ благопріятное дѣйствіе на старика Медеса и прочихъ слугъ.

Кимонъ спросилъ о Хризанфѣ, и ему доложили то, что онъ прекрасно зналъ уже раньше, а именно, что Хризанфъ въ городѣ. Его желаніе укрыться отъ непогоды и его увѣреніе. что странствующему философу не мѣшаетъ иногда кое-чѣмъ подкрѣпиться, встрѣтили полное сочувствіе. Тотчасъ же былъ накрытъ въ одномъ изъ портиковъ столъ, а привѣтливость обхожденія гостя, его словоохотливость и хорошее расположеніе духа, въ особенности послѣ того, какъ онъ неоднократно опорожнилъ и опять наполнилъ свою чашу, собрали вокругъ него вскорѣ достаточное число рабовъ и рабынь.

Дѣло уже было къ вечеру. Небо покрыто было тучами, гонимыми вѣтромъ со стороны моря, и дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Значитъ, полюбопытствовалъ освѣдомиться старикъ Медесъ,— существуютъ и такіе философы, которые называются сомнѣвающимися?

Digitized by Google

— Разумѣется. Это самые глубокомысленные изъ всѣхъ философовъ, отвѣчалъ Кимонъ, разжевывая кусокъ птичьяго жаркого.

— Въ такомъ случаѣ мой баринъ Хризанфъ, навѣрное, принадлежитъ къ этой самой школѣ, сказалъ старикъ,—если, конечно, она только умнѣйшая.

— Нѣтъ, объяснилъ Кимонъ,—твой баринъ, хотя онъ дѣйствительно удивительно мудръ, чрезвычайно глубокомысленъ и далеко ушелъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе онъ не принадлежитъ къ нашей школѣ.

— Та-акъ. Но въ чемъ же вы собственно сомнѣваетесь?

— Во всемъ, старина, во всемъ положительно, даже и въ томъ, что мы сомнѣваемся.

— Клянусь Зевсомъ, это удивительно странно, замѣтилъ Медесъ.

— Да, другъ мой, это, быть можетъ, и звучитъ нѣсколько странно для твоего не философскаго уха, произнесъ Кимонъ, оглядываясь на Окоса, который замѣшкался что-то съ кубкомъ,—но на самомъ-то дѣлѣ это вполнѣ естественно, и только съ этой точки зрѣнія и можно дойти до истины. Я постараюсь разъяснить тебѣ это, хотя для ясности мнѣ придется нѣсколько пожертвовать основательностью доводовъ. Понимаешь ли ты, напримѣръ, что безъ глазъ ты не могъ бы видѣть?

— Да, отвѣтилъ Медесъ,—это я хорошо понимаю, въ особенности теперь, когда отъ старости сталъ слабъ глазами.

— И что безъ ушей ты не могъ бы слышать?

— Да, это я также понимаю.

— И что ты не могъ бы обонять, чувствовать вкусъ и осязать предметы при дотрогиваньи къ нимъ, если бы не имѣлъ носа и прочихъ соотвѣтствующихъ членовъ тѣла?

— Ну, да, конечно, это я понимаю. А что у меня существуютъ эти самые члены, это я также очень чувствую, потому что у меня страшная ломота въ лѣвой ногѣ.

— Ну, вотъ, видишь ли, это и есть тѣ самые пять органовъ чувствъ—слухъ, зрѣніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе, съ помощью которыхъ мы собственно исключительно и познаемъ окружающій насъ міръ.

— Гм, да-а.

— Ну, а если чувства частенько дурачатъ насъ, такъ неужели же мы не усомнимся въ истинности и непреложности ихъ показаній?

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Не случается ли часто, что видишь совершенно не то, что есть?

— Да, да, въ особенности, если кто, какъ я, слабъ глазами и...

— Будь ты зорокъ, какъ орелъ, это тѣмъ не менѣе случалось бы съ тобой, старина. Глаза наши врутъ безпрестанно. Они заставляютъ насъ вѣрить, что существуетъ пространство. Они даютъ намъ представленія о покоѣ, о движеніи и о различныхъ скоростяхъ. А между тѣмъ все это ложь. Потому что, если мы обратимся къ разуму, то путемъ безспорныхъ умозаключеній легко придемъ къ убѣжденію, что самъ Ахиллъ, какъ бы онъ ни былъ быстроногъ, никогда не въ состояніи обогнать самую медленно ползущую черепаху, разъ она хоть немножко была раньше впереди его.

Digitized by Google

— Гм. это очень удивительно, замѣтилъ Медесъ.—Ужъ не издѣваешься ли ты теперь, философъ, надъ нашимъ невѣжествомъ?

— Нѣтъ, клянусь Зевесомъ и Палладой-Аѳиной! Я нисколько не шучу, поспѣшилъ увѣрить Кимонъ, подбираясь къ пирожку.—Разумъ опровергаетъ свидѣтельство чувствъ. Если я теперь со своей стороны утверждаю, что врутъ чувства, то съ такимъ же правомъ кто-либо другой можетъ, наоборотъ, утверждать, что неправильны умозаключенія...

— Да, знаешь ли, я этому скорѣе повѣрю, заявилъ Медесъ.—Ибо если бъ я вздумалъ бѣжать на перегонки со своимъ сыномъ Окосомъ, то я ни на минуту не усомнился бы, что Окосъ обгонитъ меня. Также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, философъ, и то, что я порой обрѣтаюсь въ полномъ покоѣ, порою же двигаюсь.

— Пожалуйста, не перебивай меня, сказалъ Кимонъ.—Я хочу яснѣе тебѣ выразить мою мысль. Ты долженъ же согласиться, что мы часто ошибочно слышимъ, ошибочно видимъ и т. д.?

— Да, съ этимъ я готовъ согласиться.

— Слѣдовательно, чувства даютъ же по меньшей мѣрѣ невѣрныя показанія, хотя часомъ они и говорятъ правду.

— Ладно. Согласенъ.

— А такъ какъ ты соглашаешься со мной, что чувства наши недостовѣрны и въ то же время, съ другой стороны, утверждаешь, что и заключенія разума не болѣе достовѣрны, то позволь же тебя спросить, что же ты, наконецъ, признаешь достовѣрнымъ?

— Гм, этого-то я и самъ, признаться, не знаю.

— Ну, такъ ты долженъ все-таки согласиться съ тѣмъ, что мы должны сомнѣваться во всемъ, ибо недостовѣрныя чувства и недостовѣрный разумъ являются единственными нашими познавательными способностями.

— Но не могу же я, наконецъ, сомнѣваться въ томъ, что у меня ломота въ лѣвой ногѣ? возразилъ Медесъ.—Видитъ Зевсъ, я это чувствую при малѣйшей перемѣнѣ погоды. Ну, вотъ, спроси Окоса, не предсказалъ ли я по ломотѣ въ ногѣ, что сегодня будетъ дождь.

— А что такое ломота?

— Ломота? Это, какъ бы тебѣ сказать, что-то такое, что такъ сильно колитъ въ моей лѣвой ногѣ, что я порой готовъ ревѣть, какъ малый ребенокъ.

— Что же такое то, что колитъ?

— Что колитъ? а почему я знаю!

— Ну, вотъ видишь, какъ же не сомнѣваться въ томъ, чего вовсе не знаешь, если, какъ я только что доказалъ, приходится сомнѣваться даже въ томъ, что, повидимому, хорошо знаешь?

— Гм, господинъ философъ... но, вѣдь, сомнѣвайся или не сомнѣвайся, а ломота въ ногѣ все-таки останется.

— Ты говоришь, что у тебя ломитъ лѣвую ногу. Не такъ ли?

— Лѣвую, именно лѣвую! Ужъ не знаешь ли ты какого-нибудь средства отъ этой боли?

— Знаю, и самое лучшее изъ всѣхъ лѣчебныхъ средствъ, другъ мой, ибо я научу тебя усомниться даже въ самомъ существованіи этой ломоты. Откуда, скажи-ка мнѣ, ты знаешь, что у тебя есть нога?

Digitized by Google

— Ха, ха, ха! Ну. ужъ прости, философъ! Теперь моя очередь посмѣяться надъ тобой. Да какъ же бы я ходилъ безъ ногъ?

— А я тебѣ сейчасъ докажу. что всякое движеніе лишь кажущееся явленіе. Такимъ образомъ. ты ни въ какомъ случаѣ не можешь подтверждать существованіе у тебя ногъ тѣмъ, что ты воображаешь, будто ходишь. какъ это тебѣ кажется. Другое дѣло, если ты перевернешь свои слова и скажешь: я же вижу у себя ноги, я ихъ чувствую. Но на это я тебѣ отвѣчу напоминаньемъ о томъ, что зрѣніе и осязаніе, такъ-же какъ и прочія чувства, даютъ недостовѣрныя показанія. Между прочимъ, ты, вѣдь. не можешь же видѣть того. что ноги эти именно *твои*; ты видишь только пару какихъ-то ногъ. которыя, повидимому, всюду бываютъ тамъ, гдѣ, какъ тебѣ кажется, бываешь и самъ ты; ты также не можешь же осязать того, что это *твои* ноги, а осязаніе позволяетъ тебѣ только убѣдиться непосредственнымъ испытаніемъ, что существуютъ чьи-то двѣ ноги, а твои ли онѣ или нѣтъ, этого осязаніемъ не узнаешь. Такимъ образомъ, ты долженъ, во-первыхъ, доказать, что дѣйствительно имѣется пара ногъ, которыя ты называешь своими, а, во-вторыхъ, что эти ноги дѣйствительно принадлежатъ тебѣ. Для того, чтобы отвѣтить на первый вопросъ, тебѣ не остается ничего другого, какъ сослаться на недостовѣрныя чувства; но если даже признать ихъ свидѣтельство вѣрными, то для отвѣта на второй вопросъ тебѣ придется лишь обосноваться на одномъ томъ только, что тебѣ это такъ кажется, т. е. на вкоренившемся и, быть можетъ, совершенно ложномъ представленіи. Но допустимъ, что мы согласимся и съ этимъ доводомъ; тогда тебѣ надо еще доказать. что существуетъ правая и лѣвая сторона— потому что, помнится. ты утверждалъ, что у тебя ломитъ въ лѣвой ногѣ. Ты долженъ мнѣ дать вполнѣ точное понятіе о правомъ и другое такое же понятіе о томъ, что такое лѣвый. Если ты это сумѣешь сдѣлать, то тебѣ придется еще доказать, что эти понятія не измышлены тобой, а существуютъ въ дѣйствительности. А этого уже невозможно доказать, какъ нельзя доказать существованія многообразія веществъ. Глубокомысленнѣйшій Парменидъ [1]) училъ, что, кромѣ сущаго, нѣтъ ничего, и это сущее не рождается, не погибаетъ; оно есть нѣчто недѣлимое, вѣчное, непреходящее, неизмѣняемое и безграничное. Къ этому взгляду пришелъ онъ путемъ мышленія; но такъ какъ и мышленіе недостовѣрно, то весьма возможно, что существуетъ многообразіе, а съ этой точки зрѣнія можно легко признать, что существуетъ и правая и лѣвая сторона, что у тебя, Медесъ. имѣются ноги, что ихъ двѣ, изъ нихъ одна— правая, другая—лѣвая, но это только одно предположеніе, одно лишь весьма сомнительное и недостовѣрное мнѣніе, а потому лучше всего тебѣ вовсе отказаться отъ столь неразумнаго и неосновательнаго взгляда, тѣмъ болѣе, что онъ сопряженъ съ представленіемъ о мучительномъ ощущеніи чего-то или ничего, но что ты называешь ломотой. Твое здоровье, дружище!

---

[1]) Философъ, жившій въ Аѳинахъ за 500 лѣтъ до Р. Х., современникъ Сократа.

Digitized by Google

Съ этими словами глубокомысленный Кимонъ опорожнилъ кубокъ, который Окосъ поставилъ передъ нимъ, и предпринялъ новый походъ на оставшіеся еще въ дѣйствительности превкусные пирожки.

— Гм, у меня уже умъ заходитъ за разумъ, ворчалъ Медесъ.— вотъ такъ удивительная философія! Но, сказалъ онъ громко,—если ты сомнѣваешься, что у меня въ ногѣ ломота, то ты, по всей вѣроятности, такъ же свободно усомнишься въ томъ. что уплетаешь въ настоящую минуту пирожки, а потому для тебя будетъ совершенно безразлично, если я ихъ уберу изъ-подъ самаго твоего носа.

Старикъ Медесъ переставилъ блюдо съ пирожками къ себѣ и не мало гордясь такого рода остроумнымъ возраженіемъ, торжествующе взглянулъ на Кимона, пораженнаго происшедшимъ и кидавшаго алчные взоры на блюдо.

— Другъ мой, сказалъ послѣ минутнаго молчанія Кимонъ,—я дѣйствительно сомнѣвался, что ѣлъ пирожки, передъ тѣмъ, какъ ты такимъ жестокимъ образомъ разсѣялъ мои сомнѣнія; но я не отрицалъ этого обстоятельства; а между сомнѣніемъ и отрицаніемъ огромная разница. Если бы даже мнѣ казалось, что я ѣлъ пирожки. еслибъ это просто было представленіемъ. то это представленіе было тѣмъ не менѣе настолько пріятнымъ, что я вовсе не прочь позволить ему еще меня нѣсколько подурачить. Поэтому я прошу тебя, Медесъ, хорошенько подумать, поступаешь ли ты правильно и соотвѣтствующимъ образомъ, выводя меня, друга твоего господина, изъ того пріятнаго заблужденія, на которое я, какъ гость въ домѣ Хризанфа, имѣлъ священное право.

Этотъ намекъ заставилъ Медеса поспѣшить вновь поставить пирожки передъ скептикомъ—Кимономъ, который тотчасъ же постарался вознаградить себя, предавшись съ возобновленнымъ усердіемъ увлеченію столь пріятнымъ заблужденіемъ.

Теперь на выручку отцу выступилъ со словомъ Окосъ.

— Дорогой мой философъ, сказалъ онъ:—представь себѣ, что я стану колотиться головой объ стѣну съ такой силой, что у меня затрещитъ черепъ. Неужели же и это будетъ только воображеніемъ?

— Разумѣется, отвѣтилъ Кимонъ;—ты лишь воображаемой головой будешь колотить во что-то тоже воображаемое, что ты называешь стѣною, и въ результатѣ отъ этого представленія у тебя получится болѣзненное ощущеніе, которое, въ свою очередь, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ также однимъ только воображеніемъ.

— Клянусь Діонисіемъ, ты говоришь что-то ужъ черезчуръ странное. Но а если я такъ хвачусь головой объ стѣну, что умру?

— Только, братъ, пожалуйста, не дѣлай этого, потому что самъ же ты себѣ окажешь тѣмъ не добрую услугу. Тѣмъ болѣе, что все, о чемъ я тебѣ здѣсь говорилъ, было лишь для того, чтобы доказать необходимость во всемъ сомнѣваться, но ничего въ то же время не отрицать. Весьма, конечно, возможно, хотя и нельзя того сказать съ увѣренностью, что у тебя, Окосъ, имѣется голова и что найдется что-либо такое, называемое стѣной, ударомъ о которую ты при нѣкоторомъ движеніи можешь раздробить себѣ то, что ты называешь своей головой. Все это, повторяю, возможно. и въ такомъ случаѣ наступитъ состояніе, называемое смертью, которое, будь оно вообра-

Digitized by Google

жаемое или дѣйствительное, одинаково отвратительно для каждаго разумнаго человѣка.

Медесъ, нашедшій, что философъ сталъ, наконецъ, говорить нѣсколько толковѣе и понятнѣе, спросилъ, питаетъ ли Кимонъ также отвращеніе къ смерти.

— Да, старина. и это не должно тебя удивлять. Все живущее ненавидитъ уничтоженіе.

— Уничтоженіе? Что ты такое толкуешь. Развѣ смерть уничтожаетъ? возразилъ Медесъ, устремляя съ ужасомъ свои подслѣповатые глаза на вѣщія уста Кимона.

— Если мы перейдемъ съ философской точки зрѣнія на обыденную, допускающую возможность предположить нѣчто, именуемое жизнью, то я долженъ тебѣ, другъ мой, сказать, согласно съ мнѣніемъ большинства мудрецовъ, что смерть есть ничто иное, какъ полное, совершенное уничтоженіе.

Кимонъ, наѣвшись уже до отвалу, удобно расположился на софѣ, окруженный почтительно внимавшими ему слугами.

Тѣ изъ нихъ, которые смѣялись до сихъ поръ, потѣшаясь странностью его воззрѣній, теперь. когда разговоръ принялъ болѣе серьезное направленіе и обратился къ вопросу, живо интересовавшему всѣхъ, подошли ближе и тѣснымъ кружкомъ сомкнулись вокругъ него. чтобы не пропустить ничего изъ его мудрыхъ разъясненій.

Дождь не прекращался и сумерки быстро наступили. Одинъ изъ рабовъ зажегъ лампу и поставилъ ее за колонну въ глубинѣ портика, въ которомъ собралось это маленькое общество.

— Друзья мои, сказалъ Кимонъ,—душа подобна вонъ той лампѣ, пламя которой колышется при малѣйшемъ дуновеніи. Если она раньше не потухнетъ отъ вѣтра, то погаснетъ когда-нибудь сама по себѣ. когда выгоритъ въ ней все масло. Вотъ у тебя, напримѣръ, Медесъ, вставилъ Кимонъ,—повидимому, уже немного осталось въ лампѣ масла.

Это замѣчаніе не особенно понравилось Медесу. Старикъ еще далеко не считалъ себя пресыщеннымъ жизнью.

— Ну, сказалъ онъ,—ты-то во всякомъ случаѣ не могъ еще вымѣрить, насколько во мнѣ этого самаго масла. Что же касается моего возраста, то мнѣ лишь подъ семьдесятъ лѣтъ. Еще многихъ помоложе меня могу я пережить.

— По крайней мѣрѣ ты хоть въ гробу забудешь, наконецъ, свою ломоту, сказалъ Кимонъ.

— Спасибо на добромъ словѣ. Но я все-таки лучше предпочитаю еще пожить, хотя и съ ломотой въ ногѣ.

— Мнѣ всегда казалось, что людямъ твоихъ лѣтъ жизнь уже-таки порядочно надоѣла.

— Ба, чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ больше хочется; и чѣмъ меньше остается тебѣ напослѣдокъ, тѣмъ болѣе дорожишь даже самой малостью изъ того, что имѣешь. Это тебѣ, какъ философу, должно быть доподлинно извѣстно.

— Пожалуй, ты и правъ, Медесъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, отчего ты такъ боишься смерти? Или тебя пугаетъ трехголовый песъ?

— Ну, нѣтъ, не думаю. чтобы одинъ привратникъ могъ быть

Digitized by Google

негостепріимнымъ по отношенію къ другому. Цербера я также вовсе не боюсь.

— Такъ не страшитъ ли тебя переправа черезъ Стикскій потокъ? Говорятъ, лодка стараго Харона достаточно-таки подгнила и сильно течетъ.

— Э, да, вѣдь, тѣни, которыя онъ на ней перевозитъ, не очень-то тучны. Для подобнаго груза годится и такая ладья, да ужъ разъ умеръ здѣсь наверху, такъ, вѣдь, болѣе не утонешь тамъ внизу.

— Хорошо сказано, замѣтилъ Кимонъ.—Ну, а ты что на это скажешь, Окосъ, какого ты мнѣнія о смерти и о подземномъ мірѣ?

— Я? Я еще очень молодъ и мнѣ не подобаетъ думать о чемъ-либо подобномъ. А все-таки надо, между прочимъ, полагать, что тамъ внизу въ преисподней не особенно пріятно. Меня туда по крайней мѣрѣ совсѣмъ не тянетъ.

— Я этому ничуть не удивляюсь. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ тамъ въ преисподней ждать ничтожнаго раба, если даже участь героевъ и полубоговъ тамъ очень жалка. Помните ли вы, что сказала Одиссею тѣнь Ахилла?

— Нѣтъ, нѣтъ, что же она говорила?

— Вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Гомеръ:

„О, Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый...“

Представьте же себѣ теперь, продолжалъ Кимонъ, — что подобное состояніе будетъ продолжаться неизмѣнно вѣчно, даже не разнообразясь сномъ и бодрствованіемъ, и вы должны согласиться, что, право, не стоитъ и стремиться къ безсмертію. Гораздо ужъ лучше совершенное уничтоженіе.

— Уничтоженіе? Нѣтъ, ужъ я скорѣе соглашусь быть вѣчно тѣнью раба въ преисподней, чѣмъ обратиться въ полнѣйшее ничто, сказалъ Медесъ. — Ухъ, даже страшно и непріятно подумать объ этомъ полномъ уничтоженіи!..

— Въ особенности на ночь глядя, когда и темно и сыро, прибавилъ одинъ изъ слушателей.

— Кстати, сказалъ Медесъ,—я неоднократно разговаривалъ со своимъ бариномъ о смерти. Онъ не говоритъ вовсе того, чтобы человѣкъ со смертью уничтожался совершенно, и совсѣмъ не такъ мрачно изображаетъ преисподнюю. Благочестивыя и праведныя души, говоритъ онъ, попадаютъ въ такое мѣсто, которое несравненно лучше земли, и пользуются тамъ болѣе счастливой жизнью, чѣмъ здѣсь. Ужъ прости меня, философъ, а я скорѣе повѣрю своему господину, нежели тебѣ.

Кимонъ снисходительно улыбнулся и покачалъ головой.

— Онъ тебѣ это говоритъ, дружище, только, чтобы утѣшить тебя и смягчить твой страхъ передъ смертью. Хризанфъ благородный человѣкъ, и я ни въ коемъ случаѣ не могу приписать ему какихъ-нибудь иныхъ неблагородныхъ побужденій. Совершенно иначе утверждаютъ многіе другіе, не менѣе его свѣдущіе и обладающіе государственнымъ умомъ люди, которые, такъ-же какъ и онъ, хотятъ

Digitized by Google

водрузить подъ міровой сѣнью истинную вѣру, являющуюся могущественнымъ орудіемъ для обузданія невѣжественной массы. Но предполагаешь ли ты, что самъ Хризанфъ убѣжденъ и достаточно свѣдущъ во всемъ томъ, что онъ по этому поводу говоритъ? Разумѣется, нѣтъ, дружище! Двери смерти открываются лишь внутрь и легко вращаются на своихъ желѣзныхъ петляхъ только для входящихъ; но зато онѣ никогда не открываются въ обратную сторону, и ни одна тѣнь еще до сихъ поръ не возвращалась на землю изъ Аида. Значитъ, Хризанфъ во всякомъ случаѣ такимъ путемъ не могъ получить тѣхъ свѣдѣній, которыми онъ желалъ тебя успокоить. Изъ философіи онъ также не могъ этого почерпнуть, потому что, какъ ты уже слышалъ, существуетъ не мало глубокихъ философовъ, которые пили воду со дна того же чистаго источника мудрости и тѣмъ не менѣе сомнѣваются въ безсмертіи. Затѣмъ остаются лишь древнія сказки, созданныя въ глубокую старину, которыя повѣдали намъ объ Аидѣ и состояніи въ немъ душъ, о Церберѣ и Харонѣ, о Летѣ, въ которой пьютъ забвеніе, о трехъ судьяхъ, которые со строгостью разбираютъ до самыхъ ногтей земную жизнь умершихъ, и еще много другого подобнаго вздора, смѣшного для каждаго здравомыслящаго человѣка. Платонъ также неоднократно говорилъ о жилищахъ мертвыхъ, изъ которыхъ одно представлялось ему прекраснымъ; но оно, надо полагать, не предназначено для такихъ, какъ ты, почтенный Медесъ, а только для насъ, философовъ, заслужившихъ того жизнью, посвященной изслѣдованіямъ въ тайнахъ природы вещей. Но все это въ концѣ концовъ только однѣ догадки, ни на чемъ не основанныя предположенія. Ни о какомъ знаніи не можетъ быть рѣчи.

— Ни о какомъ знаніи, говоришь ты?

— Ни о какомъ ровно, достопочтенный Медесъ.

— Ни въ чемъ никакого достовѣрнаго знанія?

— Ни въ чемъ.

— Я объ этомъ переговорю непремѣнно съ Герміоной, сказалъ Медесъ.—Добыла же она откуда-то, все-таки, знаніе.

— Ба, въ такомъ случаѣ ступай лучше къ христіанамъ, сказалъ Кимонъ.

— Какъ къ христіанамъ? Это зачѣмъ?

— Потому что единственно только они совершенно свѣдущи въ истинности всего наиболѣе нелѣпаго.

— Такъ неужели же они могутъ дать намъ свѣдѣнія о безсмертіи и о загробной жизни? спросилъ Медесъ, не понявшій ироніи Кимона.

— Это для нихъ сущіе пустяки.

— А и въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Медесъ,—интересно было бы послушать, что они говорятъ по этому поводу... потому, что я вовсе не желалъ бы обратиться въ ничто...

Старикъ-привратникъ содрогнулся при одной этой мысли и выпучилъ сперва глаза на ползущія облака, а потомъ на мерцавшую за колонной лампу.

Кимонъ, предполагая, что его слова производятъ такое сильное впечатлѣніе, съ удовольствіемъ продолжалъ начатую бесѣду,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе, что дождь не позволялъ ему выйти и возвратиться въ городъ. Онъ началъ говорить о богахъ, существованіе которыхъ онъ отрицалъ къ ужасу своихъ слушателей. Міръ возникъ, какъ онъ объяснялъ, первоначально изъ хаоса путемъ случайнаго соединенія атомовъ. Разумѣется, потребовалось безчисленное множество таковыхъ, чтобы, сплотившись, они могли образовать столь чудное и цѣлесообразное мірозданіе. Чтобы болѣе понятно разъяснить свою мысль, онъ привелъ примѣръ изъ игры въ кости и сказалъ:

— Если я въ извѣстномъ порядкѣ запишу двадцать метокъ костей и затѣмъ возьму кости въ руки и стану бросать ихъ до тѣхъ поръ, пока не брошу подрядъ и въ томъ же порядкѣ записанныя мною метки, то для того, чтобы это произошло, по всей вѣроятности, недостаточно будетъ жизни и десяти человѣческихъ поколѣній. Случайность же мірозданія, игравшая атомами, имѣла безграничное время для того, чтобы разрѣшить еще болѣе трудную задачу, но если подумать, что время этой игры теряется во мракѣ вѣчности, то нисколько не удивительно, что подобная комбинація игры въ кости, называемая міромъ, была, наконецъ, достигнута. Понимаете ли вы меня, друзья? Вѣрите ли вы, что боги управляютъ этими тучами, которыя несутся вонъ тамъ на небѣ, что они правятъ вѣтромъ, дующимъ теперь съ моря, и могутъ укротить его порывъ по своему желанію во всякую минуту? Полагаете ли вы, что по повелѣнію боговъ поднимается съ земли и моря туманъ, собирается въ тучи, которыя, въ свою очередь, ниспадаютъ въ видѣ дождя вновь на землю? Природа слѣпо слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ, боги совершенно въ сущности безполезны, и я... жажду и чувствую ознобъ. Вечеромъ довольно-таки свѣжо. У твоего господина, Окосъ, прекрасное, согрѣвающее вино. Принеси-ка мнѣ чашу такого вина, чтобы подкрѣпиться на дорогу. Мнѣ надо торопиться домой въ городъ, несмотря на этотъ проклятый дождь, который такъ и льетъ на зло Олимпу и людямъ.

Кимонъ, удовлетворивъ свое желаніе, закутался въ плащъ, поблагодарилъ за оказанное гостепріимство и ушелъ, обѣщая при случаѣ еще разъ зайти и обстоятельнѣе посвятить ихъ въ тайны своей философіи. На большинство своихъ слушателей и въ особенности на стараго Медеса онъ произвелъ какое-то мрачное впечатлѣніе, вызвавъ тревожное настроеніе духа.

Медесу до сихъ поръ никогда не случалось сомнѣваться въ существованіи боговъ и въ безсмертіи души. Онъ любилъ жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ не страшился мысли о смерти, которая должна была переселить его въ лучшій край, гдѣ онъ вновь увидитъ свою покойную жену и своихъ наиболѣе дорогихъ друзей. Если онъ вообще имѣлъ, то во всякомъ случаѣ весьма смутное представленіе о трехголовомъ Церберѣ, о суровомъ Харонѣ и строгомъ судьѣ Радамантѣ[1]), но представленіе это все-таки возбуждало въ немъ желаніе отложить на возможно дольшее время это необходимое путешествіе. Неужели же все это басни, вымыселъ? Неужели онъ никогда уже болѣе не уви-

---

[1]) Сынъ Зевса и Европы, судья въ Елисейскихъ поляхъ, установитель закона о кровавой мести.

Digitized by Google

дить тѣхъ отошедшихъ въ иной міръ, которыхъ онъ такъ любилъ? Неужели эта посѣдѣлая борода служитъ не признакомъ зрѣлости для перехода въ будущую жизнь, а предвѣстникомъ совершеннаго уничтоженія, угасанія лампы, въ которой масло уже выгорѣло. Эта мысль ввергала Медеса въ глубокую тоску.

Если бъ во время разсужденій Кимона солнце сіяло на небѣ и природа имѣла свѣтлый и радостный видъ, тогда бы его слова не произвели бы такого сильнаго впечатлѣнія, какъ теперь, когда оно усиливалось мракомъ, черными ползущими тучами и яростнымъ ревомъ дождя. Медесъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Герміоны, въ надеждѣ подѣлиться съ нею своими тревожными сомнѣніями и съ упованіемъ, что она, дочь философа, разсѣитъ ихъ нѣсколькими мудрыми словами. Онъ жаждалъ увидѣть ее, всегда спокойную, свѣтлую, такъ какъ не только подъ вліяніемъ ея словъ, но даже отъ одного взгляда ея глазъ, которые столь убѣдительно говорили сами по себѣ о безсмертіи, старикъ Медесъ сейчасъ же совершенно бы успокоился.

Въ тотъ же вечеръ онъ осуществилъ свое рѣшеніе. Герміона уже собиралась лечь спать, когда привратникъ постучался въ дверь ея спальни и попросилъ разрѣшенія войти къ ней, чтобы сообщить ей нѣчто такое, чего онъ никакъ не можетъ отложить до слѣдующаго утра.

Герміона позволила ему войти. Старый слуга довѣрчиво подошелъ къ своей госпожѣ и взялъ ее за руку. Когда Герміона была еще ребенкомъ, онъ частенько качалъ ее на своихъ колѣняхъ, и потому привыкъ къ тому, что она относилась къ нему не только дружественно, но и съ уваженіемъ, котораго вполнѣ заслуживали его сѣдины, вѣрность и преданная служба.

— Дорогая моя госпожа, сказалъ Медесъ,—благодарю боговъ, что ты дозволила мнѣ теперь же переговорить съ тобой. Иначе я не сомкнулъ-бы глазъ всю ночь.

— Что же тебя такъ встревожило, мой старый другъ? спросила она.

— Я сегодня весь вечеръ ломалъ себѣ голову, отвѣчалъ Медесъ,— надъ такими вещами, которыхъ никакъ не могу понять.

— А именно? спросила Герміона.

— Ахъ, госпожа, это очень важная вещь. Я желалъ бы знать, существуютъ ли дѣйствительно боги и умираетъ ли душа вмѣстѣ съ тѣломъ, или она продолжаетъ еще жить и послѣ смерти.

— Какъ? И ты въ этомъ сомнѣваешься?

— Разумѣется, нѣтъ. Я никогда не сомнѣвался въ этомъ раньше, но... только... сегодня вечеромъ...

— Почему же сегодня вечеромъ?

Медесъ разсказалъ о посѣщеніи виллы Кимономъ и о разговорѣ съ нимъ. Медесъ прибавилъ, что послѣ этого разговора онъ не находитъ себѣ душевнаго спокойствія и теперь прибѣгаетъ къ Герміонѣ, въ надеждѣ отъ нея услышать слово успокоенія. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Герміона, усвоившая такъ много знаній отъ отца, конечно, будетъ вполнѣ въ состояніи разсѣять то сомнѣніе, которое заронилъ въ немъ Кимонъ.

— Не тревожься, Медесъ, сказала Герміона.—Изложи мнѣ взглядъ и мнѣніе Кимона, и я обѣщаю тебѣ его опровергнуть.

Digitized by Google

— Его взглядъ? Да, но знаешь ли, госпожа, если онъ имѣлъ что-нибудь подобное, то я-то ужъ, конечно, не могъ его упомнить. Но онъ указывалъ на лампу и сказалъ, что душа потухаетъ совершенно такъ же, какъ и она. Что же касается до отрицанія боговъ, то онъ говорилъ, что сотвореніе міра есть не что иное, какъ счастливая игра въ кости. Можешь ли ты опровергнуть такіе доводы?

— Это совсѣмъ не трудно, Медесъ, если ты соберешь все свое вниманіе и постараешься понять то, что я тебѣ буду говорить.

— Не трудись напрасно. дорогая Герміона. Коль скоро ты говоришь. что въ состояніи опровергнуть Кимона, то съ меня этого вполнѣ достаточно, такъ какъ я скорѣе повѣрю твоимъ словамъ, чѣмъ собственному своему разумѣнію. Итакъ душа, значитъ, вовсе не тухнетъ. какъ лампа. а продолжаетъ жить и по смерти тѣла... не такъ ли?

— Да, отвѣчала Герміона и постаралась въ возможно болѣе понятныхъ и простыхъ выраженіяхъ изложить платоновское ученіе о безсмертіи души.

Для этого она разсказала Медесу, въ доступной его пониманію формѣ, содержаніе книги Платона о послѣднихъ минутахъ Сократа. Старый слуга слушалъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Онъ, безъ сомнѣнія, ничего не понялъ изъ теоретическихъ разсужденій, но тѣмъ живѣе и глубже предсталъ передъ нимъ образъ самого Сократа. Онъ какъ бы воочію видѣлъ передъ собой философа въ его предсмертные часы въ темницѣ, окруженнаго жаждущими правды юными друзьями, собравшимися вокругъ него, чтобы выслушать и выполнить послѣднюю волю своего любимаго учителя и быть съ нимъ вмѣстѣ въ его смертный часъ; ихъ сожалѣнія и слезы сдерживались его полнымъ спокойствіемъ и счастливымъ настроеніемъ духа, которое смѣнялось предчувствіемъ близости иного высшаго міра, невыразимымъ соединеніемъ печали и радости, восторженнымъ увлеченіемъ побѣдою надъ смертью этого приговореннаго къ смерти человѣка. Въ такомъ именно настроеніи духа говорилъ Сократъ. въ то время, когда тюремщикъ растиралъ ядъ, которымъ должна была быть отравлена его смертная чаша, со своими друзьями о безсмертіи души, просилъ ихъ представить свои возраженія и сомнѣнія и отвѣчалъ на эти послѣднія. Когда же бесѣда была окончена. онъ спокойно отправился принять ванну, выслушалъ указаніе, какъ ему слѣдуетъ поступить, чтобы ядъ лучше оказалъ свое дѣйствіе, пр остился въ послѣдній разъ съ женой, дѣтьми и друзьями, позвалъ тюремщика, который и подалъ ему со слезами на глазахъ чашу съ ядомъ; Сократъ безпрекословно опорожнилъ ее, предварительно обратившись къ богамъ съ мольбой о счастливомъ переселеніи ъ тотъ иной міръ. Онъ кротко упрекнулъ затѣмъ своихъ друзей за тѣ слезы, сдерживать которыя они уже болѣе не были въ состояніи, и просилъ своего ученика Критона, пока не потускнѣли еще его глаза, принести въ честь бога отъ его имени жертву, которую возносили выздоравливающіе больные.

Герміона прибавила:

— Ты видишь, Медесъ, что Сократъ облегчилъ свою кончину не только пытливостью и силой разума, но и своей жизнью и смертью.

Digitized by Google

Онъ со зрѣлой мудростью соединялъ душевное благочестіе: онъ уже въ этомъ мірѣ, благодаря своей нравственной силѣ и правдолюбивой жизни, былъ гражданиномъ высшаго міра и сопричастнымъ къ безсмертію. Если тебя еще не успокоили тѣ доводы, которые я тебѣ только что представила, то подумай только о Сократѣ, и эта мысль разсѣетъ въ твоей душѣ всякое тревожное сомнѣніе... Боязнь смерти не приличествуетъ такимъ почтеннымъ сѣдинамъ, какъ твои, мой старый другъ.

— Правда, госпожа моя, сказалъ Медесъ, утирая слезы, вызванныя на его глазахъ разсказомъ о смерти Сократа.—Благодарю тебя, Герміона. Ты успокоила меня вновь. Этотъ Кимонъ, надо полагать, вовсе не философъ, а просто пустомеля. Я даже не могу теперь понять, какъ это я хоть одну минуту могъ заблуждаться въ отношеніи всего того, что онъ наболталъ, какъ я могъ быть настолько простодушнымъ. Вотъ ужъ подлинно удивительное дѣло, что ты, совсѣмъ юная дѣвушка, которую я еще не такъ давно укачивалъ на своихъ колѣняхъ, во сто кратъ теперь стала умнѣе меня, сѣдобородаго старика.

Отъ Герміоны Медесъ отправился къ своему сыну Окосу, который уже спалъ въ то время самымъ сладкимъ сномъ; но старикъ, хотя и съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣе растолкалъ его и сообщилъ ему, что Кимонъ пустомеля и болтунъ и что Герміона опровергла все, что этотъ Кимонъ нагородилъ.

— Все это, конечно, прекрасно, отецъ. Но, право, мнѣ ровно нѣтъ до всего этого никакого дѣла, потому что я еще слишкомъ молодъ, чтобы задумываться надъ такими вещами, отвѣтилъ Окосъ и, повернувшись на другой бокъ, заснулъ опять крѣпкимъ сномъ.

Медесъ также проспалъ всю эту ночь непробуднымъ сномъ, не тревожимый никакими размышленіями. Спокойное душевное состояніе его продолжалось и весь слѣдующій день, такъ что онъ даже ни разу не вспомнилъ о Кимонѣ. Но черезъ нѣкоторое время воспоминанье о разговорѣ съ нимъ опять ожило въ привратникѣ и Медесъ сталъ задаваться вопросомъ о томъ, не былъ ли онъ, Кимонъ, до нѣкоторой степени, быть можетъ, и правъ. Доказательства, приведенныя Герміоной, Медесъ не особенно-то хорошо, признаться, понялъ; но ему вполнѣ представлялось возможнымъ, что они не вполнѣ были удовлетворительны и достаточны; человѣческій разумъ настолько, вѣдь, слабъ, что легко можетъ поддаться соблазну и принять желательное за дѣйствительное. Самъ Сократъ могъ быть жертвой подобнаго заблужденія. Медесъ совершенно упустилъ изъ виду спросить тогда Герміону о томъ, владѣютъ ли философы, утверждающіе безсмертіе души, достовѣрными о томъ свѣдѣніями, или же они пришли къ такому заключенію лишь на основаніи однихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Медесъ въ глубинѣ души своей сознавалъ, что этими послѣдними онъ никоимъ образомъ не можетъ удовлетвориться, что ему надо добиться самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, настолько неопровержимыхъ, какъ будто они исходили отъ самого явившагося ему бога.

Въ одинъ прекрасный день онъ обратился къ своему господину съ просьбою разъяснить ему, дѣйствительно ли достовѣрны свѣдѣнія о безсмертіи души, или они только вѣроятны.

Digitized by Google

— Другъ мой, отвѣчалъ Хризанфъ,—если тебя не удовлетворяетъ вѣроятность, то ты легко путемъ вѣры можешь ее обратить въ достовѣрное знаніе. Разумная вѣра угодна богамъ; пріобрѣсти ее дѣло не легкое и для того надо не мало мужества.

— Но отчего же боги не даровали намъ тѣхъ знаній, которыя необходимы для нашего счастья? спросилъ Медесъ.

— Отвѣчай-ка ты мнѣ лучше на другой вопросъ. сказалъ Хризанфъ.—Что можешь ты сказать о слугѣ. выполняющемъ свою обязанность лишь ради страха наказанія или въ надеждѣ на награду?

— Но, вѣдь, такъ поступаетъ большинство слугъ, господинъ.

— Почему же?

— Да потому что они не любятъ своихъ господъ.

— Слѣдовательно,если-бъ они ихъ любили, то исполняли бы долгъ свой не изъ страха, а по любви?

— Разумѣется.

— Такъ развѣ Богъ не властелинъ, котораго люди, его слуги, могутъ любить?

— Конечно, да.

— Ну, такъ онъ, значитъ, въ правѣ требовать, чтобы мы повиновались ему по любви, а не изъ страха или надежды на награду. Для владыки земного совершенно безразлично, изъ какихъ побужденій исполняютъ свою работу его слуги, лишь бы они ее исполняли. Напротивъ того, владыка міра не становится ни богаче, ни бѣднѣе отъ ежедневной работы человѣчества. Единственный трудъ, который дѣйствителенъ для него, это соблюденіе чистоты сердца и облагораживаніе души. Но этому нисколько не способствуютъ, а скорѣе препятствуютъ разсчеты на будущую жизнь. Мы должны жить такъ, какъ если бы мы были существами преходящими, только временными, и дѣлать добро лишь ради него самого. Человѣкъ, сомнѣвающійся въ безсмертіи, но дѣлающій добро, потому что онъ постигъ его божественность, болѣе угоденъ богамъ, нежели тотъ, который вѣруетъ въ безсмертіе и дѣлаетъ добро лишь страха ради или изъ какихъ-либо упованій и разсчетовъ.

Слова Хризанфа совсѣмъ не понравились Медесу. Онъ такъ надѣялся получить отъ своего мудраго господина полное разрѣшеніе тревожившаго его вопроса.

— Такимъ образомъ, слѣдовательно, весьма возможно, что я со смертью погасну навсегда, какъ догорѣвшая лампа.

Эта мысль неотразимо стояла передъ Медесомъ. Онъ вспомнилъ, что Кимонъ между прочимъ сказалъ о христіанахъ. Для нихъ, говорилъ онъ, сущіе пустяки дать полное разрѣшеніе вопроса о безсмертіи души. Теперь Медесъ сталъ задумываться объ этомъ и искать случая тайно побесѣдовать съ Ѳеодоромъ или съ кѣмъ-либо другимъ изъ болѣе посвященныхъ въ тайну ученія христіанъ, или даже съ самимъ епископомъ Петромъ, который воскресилъ изъ мертвыхъ аскета. Только мысль о томъ, что подобный шагъ, безъ сомнѣнія, огорчилъ бы его господина, удерживала Медеса. Тѣмъ не менѣе Медесъ въ концѣ концовъ не могъ надолго побороть въ себѣ тревогу и рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ побывать у Петра.

Подобный случай не замедлилъ представиться при посредствѣ

Digitized by Google

Алкмены, которая, какъ только подмѣтила и поняла причину безпокойства стараго привратника, тотчасъ же, какъ благочестивая, хотя и тайная еще христіанка, осторожно принялась за дѣло пріобрѣтенія новаго послѣдователя христіанскаго вѣроученія.

Немного времени понадобилось и для того, чтобы Медесъ окончательно отрѣшился отъ всякихъ сомнѣній Однажды вечеромъ онъ отправился съ Алкменой къ епископу Петру, вовсе не для того, конечно, чтобы принять христіанство, но только чтобы узнать, наконецъ, то, чего онъ такъ жаждалъ.

Однако здѣсь Медесъ вполнѣ убѣдился, что это знаніе и христіанство соединены нераздѣльно. Условіемъ безсмертія была вѣра въ Распятаго. «Кто вѣруетъ въ меня, живъ будетъ и по смерти своей».

Петръ былъ краснорѣчивъ и воспламененъ усердіемъ обратить окончательно въ христіанство стараго раба. Какъ ни ничтоженъ могъ казаться такой прозелитъ, но тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе его было равносильно одержанію нѣкоторой побѣды надъ Хризанфомъ, униженію этого заносчиваго врага порабощенной христіанской церкви, насажденію въ его собственномъ домѣ христіанства, что могло, въ свою очередь, служить доказательствомъ непреодолимости христіанскаго ученія, подобно тому, какъ непреодолима естественная сила природы.

Самому же Медесу достаточно было одинъ только разъ услышать Петра, чтобы почувствовать затѣмъ потребность слушать его чаще. При каждомъ удобномъ случаѣ возобновлялъ онъ свои посѣщенія христіанскаго епископа. Ученіе, въ которое онъ посвящался, представилось ему возвышеннымъ и трогательнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько простымъ и яснымъ, что все въ немъ было для него понятнымъ. Что же касается до безсмертія, то самъ Господь заповѣдалъ эти слова: «кто вѣруетъ въ меня—живъ будетъ и по смерти своей». Что могли значить всѣ доказательства философовъ и незрѣлые плоды человѣческой мысли передъ подобнымъ свидѣтельствомъ?

Старикъ Медесъ вскорѣ принялъ крещеніе, и его имя занесено было въ книгу катехизированныхъ.

Епископъ уговаривалъ его послѣдовать примѣру Алкмены и скрывать свою вѣру. Онъ было попробовалъ исполнить желаніе Петра, но недолго могъ таиться, потому что новая вѣра переполнила всю его душу и составила все его счастье. Онъ не былъ въ состояніи притворяться передъ своимъ любимымъ господиномъ, такъ-же какъ и подчиняться тѣмъ домашнимъ обычаямъ, которые стояли въ непосредственной связи со старымъ ученіемъ. И Медесъ однажды чистосердечно признался Хризанфу, что перешелъ въ христіанство. Хризанфъ былъ сильно пораженъ и огорченъ при этомъ открытіи. Подобный случай далеко уже не былъ исключительнымъ. За послѣдніе дни ему пришлось убѣдиться воочію, что многіе изъ посвященныхъ въ Елевсинскія мистеріи, вмѣсто того, чтобы укрѣпиться въ своей вѣрѣ, приняли христіанство. Многочисленныя отпаденія отъ этого ученія, которыми сопровождалось восшествіе на престолъ Юліана, казалось, только очистили его отъ многихъ плевелъ, но тотчасъ же были возмѣщены притокомъ новыхъ горячихъ и преданныхъ прозелитовъ. Такимъ образомъ, если и было сломлено внѣшнее могущество христіанства, то внутреннее многократно усилилось.

Digitized by Google

Юный Окосъ вскорѣ послѣдовалъ примѣру своего отца и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ согласіе на бракъ Алкмены. Хризанфъ подарилъ новобрачнымъ ту самую усадьбу въ долинѣ вблизи виллы, о которой уже упоминалось выше. Они переселились туда вмѣстѣ со старымъ привратникомъ. Такимъ образомъ, домъ философа былъ очищенъ отъ вторгнувшагося въ него врага. Но разлука была тяжела для обѣихъ сторонъ. Медесъ не могъ довольствоваться собственнымъ своимъ порогомъ. Онъ почти ежедневно отправлялся на виллу и садился тамъ на свое прежнее мѣсто, занятое уже теперь новымъ привратникомъ. Часто показывались на глазахъ стараго преданнаго слуги слезы, когда появлялся Хризанфъ и проходилъ мимо него съ холоднымъ поклономъ. «Онъ выкинулъ меня изъ своего сердца», думалъ приэтомъ старикъ. Одна Герміона не измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ нему. Тяжела, слишкомъ тяжела была для его преклонныхъ лѣтъ эта борьба между только что найденнымъ счастьемъ и горечью разлуки. Черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца послѣ переселенія изъ дома Хризанфа его уже не стало въ живыхъ.

Религіозныя публичныя собесѣдованія, которыя Хризанфъ и его друзья старались вести по примѣру христіанскихъ священниковъ, собирали многихъ слушателей; изъ нихъ немалое число собиралось изъ того класса, для котораго эти бесѣды предназначались въ особенности: бѣднѣйшаго и болѣе невѣжественнаго населенія. Здѣсь Хризанфъ оставлялъ въ сторонѣ всякаго рода спекулятивныя намѣренія и выяснялъ практическую сторону своего ученія, какъ вполнѣ законченной, цѣльной религіозной системы. Онъ проповѣдывалъ единаго всемогущаго Бога, единство котораго, какъ солнечный лучъ въ радугѣ, распадается на множество различныхъ божественныхъ силъ, которымъ предки воздвигали алтари и храмы. Онъ говорилъ о религіи, какъ о стремленіи человѣка къ Богу путемъ совершенствованія своей высшей природы, созданной, какъ онъ это признавалъ наравнѣ съ прочими образованными язычниками, по подобію Божію. Осуществлялось это стремленіе служеніемъ истинѣ, красотѣ и свободѣ. Но религія не была только самоуглубленіемъ и самосозерцаніемъ человѣческой души въ Богѣ, но и стремленіемъ провести во внѣшнемъ мірѣ предначертанія Бога. Для людей благочестивыхъ, поэтому, вся жизнь представляется сплошнымъ религіознымъ подвигомъ, охватывающимъ собой всякаго рода дѣятельность въ области философіи, искусства, труда и государственной жизни.

Онъ говорилъ также о современномъ упадкѣ человѣческаго рода и о необходимости очищенія и примиренія. Но это избавленіе не наступило, какъ утверждаютъ христіане, въ опредѣленный строго моментъ, а начинается съ первымъ же сознательнымъ и серьезнымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ и достигается проясненіемъ въ человѣчествѣ истиннаго идеала человѣка.

Друзья и ученики Хризанфа съ большой похвалой относились къ подобнымъ его бесѣдамъ, но большинство образованныхъ язычниковъ встрѣтили это новшество враждебно, главнымъ образомъ изъ непріязни къ личности Хризанфа, противъ котораго теперь уже, повидимому, безповоротно повернулось общественное настроеніе.

Digitized by Google

Народная-же масса, для которой онъ предназначалъ главнымъ образомъ подобныя религіозныя бесѣды, оставалась къ нимъ холодной и безучастной. Она вовсе его не поняла. Ея религіозная потребность, если только таковая у нея имѣлась, не была удовлетворена. Прочихъ отталкивала та нравственная строгость, которую проявлялъ Хризанфъ. Труды его такимъ образомъ приносили плоды совсѣмъ противоположные тѣмъ, которыхъ онъ ожидалъ. Въ случаѣ же, еслибы онъ хоть на мгновеніе по невѣдѣнію вздумалъ въ томъ усомниться, тотчасъ-же появлялся передъ нимъ Ѳеодоръ, который безпощадно всегда открывалъ ему глаза на истинное положеніе вещей.

Хризанфъ старался неусыпными трудами заглушить въ себѣ горечь и подавить свою грусть; онъ съ тайнымъ трепетомъ вскрывалъ каждое письмо, получаемое имъ съ театра военныхъ дѣйствій, такъ какъ былъ полонъ страха за окруженнаго опасностями Юліана, жизни котораго на каждомъ шагу грозилъ вражескій мечъ и наемный кинжалъ. А между тѣмъ отъ него зависѣло все!

Хризанфъ еще не подозрѣвалъ, что его родная дочь, Герміона, его гордость, радость и единственно вѣрный другъ, что даже она переживала страшную внутреннюю борьбу, поддаваясь вліянію той невидимой силы, противъ которой направлена была вся его жизненная дѣятельность. Она только одна разгоняла въ мрачныя минуты тучи съ его чела и оживляла его надежды. Неужели-же долженъ былъ наступить день, когда и она отречется отъ него?

Онъ также не подозрѣвалъ, что Филиппъ еще живъ, что онъ былъ христіанскимъ священникомъ, воспитаннымъ въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые отвергалъ философъ: слѣпой вѣры и слѣпого послушанія; онъ не подозрѣвалъ, что этотъ его сынъ, память котораго онъ боготворилъ, ненавидитъ своего невѣдомаго отца.

Онъ также мало подозрѣвалъ, что Кармидъ, которому онъ вновь открылъ теперь свои отческія объятія, измѣнившійся образъ жизни котораго доставилъ ему давно неиспытанную чистую радость,— что этотъ Кармидъ принялъ уже крещеніе и тѣмъ самымъ былъ неразрывно связанъ съ христіанской церковью.

Тотъ безвѣстный и незначительный человѣкъ, который днемъ таскалъ камни къ храму Афродиты, а по вечерамъ отдыхалъ въ скромной хижинѣ въ Скамбонидахъ, этотъ человѣкъ незамѣтно собралъ въ своихъ рукахъ всѣ нити его судьбы.

Это-то менѣе всего подозрѣвалъ Хризанфъ.

ГЛАВА VI.

Кармидъ и Рахиль.

Однажды вечеромъ съ наступленіемъ сумерекъ Кармидъ сидѣлъ и бесѣдовалъ съ проконсуломъ Аннеемъ Доминіемъ во внутреннемъ дворѣ своего дома.

— Теперь въ заключеніе, сказалъ проконсулъ, — нѣсколько словъ о нашихъ общихъ друзьяхъ. Я потерялъ какъ-то изъ виду

Digitized by Google

многихъ изъ этихъ милыхъ и веселыхъ созданій съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Аѳины и переселился въ Коринѳъ. Итакъ, другъ мой, какъ поживаетъ... кому бы первому отдать предпочтеніе?...

— Олимпіодору?

— Ба, Олимпіодору! Брось, не будемъ лучше о немъ говорить. Онъ неисправимъ...

— Да, пожалуй; онъ все еще продолжаетъ сочинять, говоря откровенно, довольно-таки плохія эпиграммы...

— И также, попрежнему, ведетъ дурную жизнь, сказалъ Анней Домицій, — какъ мнѣ это доподлинно извѣстно. Еще сегодня встрѣтился я съ нимъ. Онъ положительно, какъ я уже сказалъ, неисправимъ. Представь себѣ только, онъ недавно опять сочинилъ какую-то пасквильную пѣсню про бѣднаго Зевса. Экій безбожникъ! Онъ ее прочелъ мнѣ. Ну, разумѣется. мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ расхулить это произведеніе и сдѣлать надлежащее предостереженіе ея автору. Послѣ того онъ пригласилъ меня на бой перепеловъ. А такъ какъ, знаешь ли, плоть наша немощна, то я не устоялъ и попался въ ловушку. Оказалось, какъ, увы, къ сожалѣнію, я убѣдился слишкомъ поздно, что этотъ перепелиный бой былъ лишь прелюдіей къ холостой пирушкѣ, а ты, вѣдь, отлично знаешь, что я терпѣть не могу подобнаго рода кутежи. Съ этой пирушки я ушелъ прямо сюда. Не стану тебѣ разсказывать ея подробности, а также называть тѣхъ, которые составляли ядро этой безпутной компаніи... Олимпіодоръ, Палладій, Аѳенагоръ и прочіе имъ присные неутомимые ветераны, аргираспиды[1]) наслажденья, вокругъ которыхъ, какъ я къ ужасу своему увидѣлъ, группировалось уже молодое поколѣніе полныхъ надежды, или, если хочешь, безнадежныхъ эпикурейцевъ. Они упрекали меня и выражали неудовольствіе, что мы съ тобой измѣнили нашему былому знамени; однако, они вполнѣ оправдали насъ съ тобой въ подобной измѣнѣ, убѣдившись въ основательности ея причинъ. Трижды счастливый Кармидъ! скоро, вѣдь, наступитъ тотъ часъ, когда ты введешь въ домъ свой невѣстою богатую Герміону! Кстати объ невѣстахъ, другъ мой... а, ну, догадайся, куда скрылась Праксиноя?

— Не знаю, и, признаться, я никогда, до сихъ поръ, не утруждалъ свой мозгъ подобной мыслью.

— Какъ тебѣ извѣстно, она была выселена Хризанфомъ изъ Аѳинъ. Вообрази-же мое удивленіе, когда однажды, посѣтивъ нѣсколько дней тому назадъ знаменитый храмъ Афродиты у насъ въ Коринѳѣ, я замѣтилъ ее тамъ между жрицами! Она еще до сихъ поръ изумительно хороша собой, очаровательна и соблазнительна... разумѣется не для меня, человѣка безусловно вѣрнаго своему супружескому долгу, у котораго къ тому-же взоры отверсты для вѣчнаго и нетлѣннаго... но я, въ данномъ случаѣ, позволю себѣ судить, такъ сказать, съ общей точки зрѣнія, отвлеченно... Къ слову... не знаешь ли, что сталось съ бѣдной Миро? Она, кажется, также

---

[1]) Аргираспиды — остатки греческихъ войскъ, сопровождавшихъ Александра Великаго въ Азію и переживщихъ отступленіе черезъ пустыню Гедросіи; они соединены были въ отдѣльный корпусъ и получили свое названіе отъ покрытыхъ индійскимъ серебромъ щитовъ.

сошла со сцены. Несчастныя дѣвочки, онѣ гибнутъ, какъ бабочки. Куда же она дѣвалась?

— Ты спрашиваешь о Миро? произнесъ Кармидъ съ видомъ разсѣянности.—Прости меня... мысль моя, не могу объяснить почему, воскресила въ памяти моей старую басню о волкѣ, который совершенно перемѣнился и сдѣлался даже честнымъ, съ тѣхъ поръ какъ потерялъ зубы. Миро пошла по той-же дорожкѣ, которая предопредѣлена всѣмъ дѣвушкамъ, раздѣляющимъ одну съ нею участь, но она свершила свой путь только нѣсколько быстрѣе. Ея красоту обезобразила болѣзнь. Олимпіодоръ, состоявшій преимущественно ея другомъ, такимъ образомъ, однажды нашелъ, что она очень подурнѣла и стала ему противна, о чемъ не преминулъ поставить ее въ извѣстность. Куда она съ тѣхъ поръ исчезла, не знаю. Быть можетъ, она еще до сихъ поръ существуетъ гдѣ-нибудь въ мрачныхъ трущобахъ. Но оставимъ этотъ разговоръ. Какъ чувствуетъ себя твоя прекрасная супруга Евсебея?

— Превосходно, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я позволилъ ей жить здѣсь въ Аѳинахъ. Увы, она безповоротно плѣнилась заблужденіями христіанъ, и, положительно, готова умереть, если не услышитъ разъ въ недѣлю строгой проповѣди о вѣчныхъ мукахъ изъ устъ этого плута Петра. Я, разумѣется, не могъ отказать ей въ удовольствіи имѣть возможность удовлетворять свою прихоть. Вѣдь мой долгъ дѣлать все для ея счастья.

— И ты поступаешь очень умно. Благочестивая Евсебея можетъ, конечно, оказаться сильной заступницей за отступника Аннея, если судьбѣ угодно будетъ, чтобы христіанскій императоръ...

— Молчи, пожалуйста! Прошу безъ всякихъ ужасныхъ предположеній, отзывающихся даже государственной измѣной!

— И ея молитвами, быть можетъ, ты таки добьешься того, что обѣщанная тебѣ Юліаномъ префектура надъ Египтомъ не минетъ твоихъ рукъ...

— Твоя политическая проницательность огромна, но не пускай на вѣтеръ такихъ словъ!... Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Не находишь ли, дружище, что я нѣсколько похудѣлъ?

— Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, я этого не замѣчаю.

— Или, быть можетъ, вѣрнѣе, что мои формы больше не развились? Я съ рабскимъ прилежаніемъ тружусь теперь надъ собственнымъ своимъ тѣломъ. И можешь ли себѣ представить для чего? Для того, чтобы пріобрѣсти болѣе воинственный видъ и военную ловкость. Лавры Юліана не даютъ мнѣ покоя и возбуждаютъ во мнѣ зависть. *Я*, понимаешь ли, *я*, Анней Домицій, непремѣнно долженъ стяжать себѣ лавровый вѣнокъ и именно такой, которымъ украшаютъ героя, взошедшаго первымъ на стѣну непріятельской крѣпости.

— Да исполнится надежда твоя! Желаю тебѣ во всякомъ случаѣ быть счастливѣе Августа и доблестнѣе Траяна. Когда-же намѣренъ ты пуститься въ погоню за лаврами?

— Къ сожалѣнію, клянусь Геракломъ, не ранѣе, какъ черезъ годъ. Война съ персами, признаться, мнѣ совсѣмъ не нравится. Я предпочитаю варваровъ, франковъ или аллемановъ, и надѣюсь,

Digitized by Google

что боги вселятъ имъ счастливую мысль вновь возстать. Пока я сижу здѣсь въ мирной Ахеѣ, протежируемый мной Пиладъ дерзаетъ, кажется, головой перерости меня. Онъ уже теперь наравнѣ со мной именуется illustris и clarissimus и предводительствуетъ отрядомъ императорской кавалеріи. Въ одинъ прекрасный день этотъ выскочка безъ племени и рода сядетъ на плечи своему благодѣтелю, если только я самъ не постараюсь взобраться повыше скорѣе его. Пора, давно пора уже начать подниматься въ гору, расти, прибавилъ проконсулъ, гладя себя рукой по лысинѣ.—Мирными подвигами не добьешься никакой почести. Даже, напротивъ того, занимаясь здѣсь такой пустой и простой вещью. какъ забота о преуспѣяніи и развитіи Ахейской провинціи, не только упустишь все, но тебя даже вовсе забудутъ. Сами боги, въ жертву которымъ я такъ много принесъ...

— Ужъ не подразумѣваешь ли ты свои христіанскія убѣжденія...

— Именно...

— И, быть можетъ, также свои занятія теологіей...

— Конечно...

— И тѣмъ болѣе гекатомбы изъ жирнѣйшихъ и лучшихъ быковъ... послѣ императора и Хрисанфа ты, вѣдь, самый щедрый жертвоприноситель во всей Римской имперіи...

— Ну. разумѣется, и несмотря на все это неблагодарные боги забыли меня! До сихъ поръ они исходатайствовали мнѣ только собственноручное письмо императора, разумѣется, весьма лестное для моего тщеславія... но... вполнѣ достаточное и для того, чтобы я желалъ войны, желалъ бы стяжать лавры.

— Ты правъ. Для тебя необходима война. Миръ не разбрасываетъ на пути своемъ императорскія мантіи. Ну, согласись со мной, что въ самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя префектура надъ Египтомъ при сравненіи съ царскимъ пурпуромъ? А вѣдь въ наши дни легіоны являются одновременно и сенатомъ, и народомъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты. вѣдь, очень богатъ. Анней...

— О, далеко еще не достаточно...

— И щедръ...

— Ты мнѣ льстишь.

— Нѣтъ, клянусь Зевесомъ, я говорю, что ты щедръ только потому, что твоя щедрость можетъ сослужить тебѣ добрую службу. Богатство и щедрость это такія качества, которыя всегда легко побѣждаютъ сердца солдатъ, а теперь въ особенности это имѣетъ огромное значеніе, потому что Юліанъ ужъ во всякомъ случаѣ не очень-то балуетъ свое войско чрезмѣрными подарками. Но будемъ далѣе перечислять всѣ твои премущества. У тебя положительно всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться любимцемъ толпы.

— Прекрасно. Что же дальше?

— Ты доблестенъ съ доблестными, дерзокъ съ дерзкими, патрицій между патриціями и плебей съ плебеями.

— Ты преувеличиваешь мои заслуги. Кармидъ. скромно произнесъ проконсулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не преувеличиваю нисколько! Ты homousian'инъ

Digitized by Google

или homoiusian'инъ въ зависимости отъ обстоятельствъ, ты одновременно исповѣдуешь многобожіе, единаго бога и вовсе не признаешь никакого бога, смотря по тому, что представляется въ данную минуту болѣе удобнымъ...

— Кармидъ, ты, кажется, умышленно усѣиваешь мой путь розами...

— Ты дальновиденъ, проницателенъ, очень смѣтливъ, многоопытенъ, хитеръ, дѣятеленъ, неутомимъ и хладнокровенъ...

— Довольно, довольно! Будетъ съ меня и тѣхъ добродѣтелей, которыя ты уже насчиталъ! Достаточно, заклинаю тебя! Я сгибаюсь подъ ихъ бременемъ, а потому пощади и не взваливай на меня еще большую тяжесть, Кармидъ.

— Ко всему тому мнѣ кажется, что ты довольно храбръ и положительно обладаешь талантомъ полководца. Какъ ты самъ находишь?

— Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ твоими взглядами.

— Такъ чего-же тебѣ, Анней, въ такомъ случаѣ недостаетъ для того, чтобы въ одинъ прекрасный день стать властелиномъ надъ головою Кармида и всѣхъ прочихъ римскихъ гражданъ?

— Какъ это прикажешь понять?

— Понимай такъ, что ты патрицій, благородный потомокъ Сенеки, въ жилахъ котораго течетъ древняя римская кровь, могъ бы достигнуть того-же счастья, какое выпадаетъ-же на долю сынамъ иллирійскихъ мужиковъ и аравійскихъ разбойниковъ.

— Кармидъ, ты говоришь загадками. Я ни слова не понимаю изъ всего, что ты тутъ наговорилъ.

— Я предвижу, что твои кудри украситъ діадема.

— Мои кудри? Шутникъ! Свои кудри я давно уже возложилъ на жертвенный алтарь государства и безплодной теологіи. Моя голова лыса, какъ у Юлія Цезаря.

— Такъ слѣдуй его примѣру! Достиженіе царской діадемы заманчиво, если не для чего иного, такъ хоть для того, чтобы скрыть подъ ней свою лысину.

— Я начинаю понимать и долженъ предостеречь тебя. Твоя болтовня близка къ государственной измѣнѣ. Но, другъ мой, Юліанъ гораздо моложе меня. Не будемъ же разыгрывать шутовъ и дураковъ другъ передъ другомъ.

— Персы прекрасные стрѣлки, а христіане привычные и опытные отравители. Недаромъ повсюду раздаются предвѣщанія, что императоръ не проживетъ долго.

— Попридержи свой языкъ! Боги да хранятъ жизнь императора! Если только ты не прекратишь этой кощунственной болтовни, я принужденъ буду уйти и лишить себя такимъ образомъ удовольствія провести сегодняшній вечеръ за скромной трапезой въ твоемъ обществѣ. Уже наступили сумерки, а я долженъ уже утромъ возвратиться въ Коринѳъ. Къ тому-же у меня къ тебѣ есть дѣло особенной важности, которое я не могу ни въ какомъ случаѣ откладывать. Ты, вѣдь, знаешь мою слабость къ Евсебеи. Въ числѣ другихъ прихотей у Евсебеи явилось желаніе окружать себя красивыми лицами. Она гдѣ-то видѣла твоего Александра и настаиваетъ, чтобы я непремѣнно его у тебя купилъ. Что ты за него хочешь?

Digitized by Google

— Я его не продамъ.

— Ба, ты, повидимому, говоришь это лишь для того, чтобы разжечь во мнѣ желаніе пріобрѣсти его. Но за столомъ, я знаю, сердце твое смягчится. Оставимъ поэтому разговоръ до другого раза. Ты, кажется, совершенно отказался отъ болѣе или менѣе шумныхъ удовольствій?

— Да.

— Впрочемъ, такъ и нужно было ожидать отъ будущаго зятя Хризанфа и жениха Герміоны. А жаль, мы бы между прочимъ поиграли въ кости на твоего раба. Замѣчательная вещь! Какъ мы оба измѣнились, не правда ли? Мы теперь вполнѣ остепенившіеся и нравственные люди. Но, разумѣется, я никоимъ образомъ не могу вмѣнить этого себѣ въ заслугу, потому что мнѣ уже за сорокъ лѣтъ, а въ такомъ возрастѣ... Словомъ, прошло уже утро моихъ дней. Если я говорю объ этомъ, то лишь для того, чтобы указать на удивительную мощь этихъ двухъ людей, которые въ состояніи были до неузнаваемости измѣнить міръ и вселить въ него совсѣмъ иной, лучшій духъ. Каковъ пастырь, таково, говорятъ, и стадо, каковъ государь, таковъ и его народъ. И какого вѣрнаго сподвижника нашелъ себѣ императоръ въ Хризанфѣ! Онъ всѣхъ насъ засадилъ въ школу и съ розгой въ рукахъ слѣдитъ за нашимъ добронравіемъ. О, благородный Хризанфъ, я не нахожу словъ, чтобы воздать ему достаточную хвалу. Одна мысль о немъ совершенно укрощаетъ во мнѣ чувственную натуру. Въ свободные отъ служебныхъ занятій часы я прилежно изучаю Платона и подвергаю себя всевозможнымъ терзаніямъ, чтобы стать сопричастнымъ божественному экстазу. Ты прекрасно сдѣлаешь, если намекнешь объ этомъ Хризанфу при ближайшей встрѣчѣ съ нимъ. Я бы желалъ, чтобы онъ зналъ своего Ахейскаго проконсула, какъ свои пять пальцевъ. Да, кстати. Продолжаетъ ли Хризанфъ въ настоящее время также усердно переписываться съ императоромъ, несмотря на громъ оружія и походъ?

— Безъ сомнѣнія, другъ мой.

— Тѣмъ, значитъ, лучше.

Въ такомъ тонѣ продолжался разговоръ, пока въ комнату не вошелъ Александръ и доложилъ, что столъ накрытъ. Обѣдъ отличался такой простотой, что проконсулъ заподозрилъ со стороны Кармида желаніе просто пошутить надъ своимъ другомъ, притворявшимся, будто ведетъ самый строгій образъ жизни. Тѣмъ не менѣе Анней Домицій ничѣмъ себя не выдалъ, совершилъ съ благоговѣйнымъ видомъ обычное libatio (возліянія) въ честь бога вина, говорилъ о томъ, какъ полезно постепенно пріучать себя къ трудностямъ и лишеніямъ боевой жизни и кончилъ тѣмъ, что пригласилъ Кармида въ Коринѳъ, чтобы имѣть тамъ честь предложить ему ужинъ въ такомъ-же строго аскетическомъ родѣ.

По окончаніи обѣда Анней Домицій распростился съ Кармидомъ и, какъ вполнѣ добропорядочный человѣкъ, отправился къ своей прелестной Евсебеѣ, чтобы вторично, и на этотъ разъ уже какъ слѣдуетъ покушать въ ея обществѣ. Едва ушелъ проконсулъ, какъ Кармидъ, быстро накинувъ на себя плащъ, вышелъ изъ дому.

Вечернее небо было звѣздно, за исключеніемъ лишь западной части небосвода, гдѣ надъ самымъ горизонтомъ нависла черная туча.

Digitized by Google

Кармидъ прошелъ немного внизъ по Пирейской улицѣ и оттуда черезъ одинъ изъ проходовъ въ «Длинныхъ стѣнахъ» вышелъ на уединенную полянку, орошаемую ручьемъ Илиссомъ и поросшую старыми деревьями.

— Я, кажется, немного запоздалъ прійти на мѣсто свиданія, думалъ онъ,—но тѣмъ не менѣе она, безъ сомнѣнья, еще ждетъ меня на условленномъ мѣстѣ. Повидимому, будетъ дождь. Тѣмъ лучше. Это поможетъ мнѣ сократить продолжительность свиданья. О, боги, да окончится это свиданье благополучно для насъ обоихъ, и да послужитъ оно намъ добрымъ концомъ нашихъ взаимныхъ отношеній!

Съ такою мольбой направилъ онъ свои шаги къ группѣ ивъ, раскинувшихся на самомъ берегу ручья. Здѣсь онъ остановился и сталъ осматриваться.

— Неужели она уже ушла? подумалъ онъ, не видя никого вблизи и не слыша ни малѣйшаго шороха. — Огорчило ли ее мое опозданіе, или, быть можетъ, этотъ мракъ и уединенность мѣста устрашили ее? Пожалуй, это и къ лучшему! Но, нѣтъ. я не долженъ успокаивать себя и откладывать то. что необходимо должно произойти рано или поздно. какъ бы тяжело то ни было. Если ея нѣтъ теперь здѣсь, то все равно завтра-же мнѣ придется искать случая объясниться съ нею. Разъ суждено этому быть, то пусть оно произойдетъ скорѣе. Я не могу долѣе переносить вѣчной тревоги. Надо-же, наконецъ, покончить.

Кармидъ тихимъ голосомъ окликнулъ Рахиль по имени.

Черезъ мгновенье онъ услыхалъ вблизи себя шелестъ и замѣтилъ въ тѣни деревъ чей-то силуэтъ.

Это была Рахиль.

Когда Кармидъ взялъ ее за руку, то почувствовалъ, что дѣвушка вся дрожала.

— Ты долго ждала меня? спросилъ онъ.

— Не знаю. отвѣтила Рахиль, — но какъ я довольна, что ты пришелъ! Я сидѣла въ глубокой задумчивости. когда замѣтила, что кто-то идетъ. Въ темнотѣ мнѣ показалось, что то былъ мой отецъ.

— Ты озябла, Рахиль, сказалъ Кармидъ. — Я чувствую, какъ ты дрожишь. Позволь мнѣ окутать тебя своимъ плащемъ.

— Нѣтъ, ночная прохлада мнѣ пріятна. Это вѣдь не тотъ холодъ, который исходитъ изъ вѣроломнаго и предательскаго сердца. Кстати. не все ли тебѣ равно, заболѣю ли я или даже умру въ скоромъ времени?

— Что за вопросъ, Рахиль?

— Это ты... ты, Кармидъ... сводишь меня въ могилу. Ужъ не скажешь ли ты. что слова мои жестоки и несправедливы?

— Рахиль, ты взволнована и не думаешь, что говоришь. Соберись лучше съ мыслями и переговоримъ спокойно! Это, вѣдь, наша послѣдняя встрѣча. Такъ воспользуемся же случаемъ и разстанемся какъ слѣдуетъ быть: спокойно, утѣшенные, поддержанные другъ другомъ, добрыми и преданными друзьями. Такъ садись же рядкомъ и потолкуемъ ладкомъ. Вспомнимъ тѣ свѣтлыя и радостныя минуты, которыми дарили мы другъ друга, поговоримъ и о

Digitized by Google

той тяжелой необходимости, которая заставляетъ насъ теперь разлучиться. Если-же ты не въ состоянiи говорить объ этомъ, и если эта неизбѣжность разлуки кажется тебѣ черезчуръ злой и жестокой силой, то склонись головкой по-братски ко мнѣ на грудь, излей всѣ свои жалобы на тяжесть судьбы и выслушай своего первоизбраннаго друга, который вселитъ въ тебя бодрость и силу. Зачѣмъ же ты отдергиваешь свою руку, Рахиль? Если ты этимъ хочешь выразить, что обвиняешь во всемъ Кармида, то сама-же ты дѣлаешь себя повинной въ жестокосердiи и несправедливости. Если-же я дѣйствительно преступенъ, то развѣ не любовь къ тебѣ сдѣлала меня такимъ? Скажи, Рахиль, я ли воздвигъ между нами ту непреодолимую стѣну, которая разлучаетъ теперь насъ? Ахъ, могъ ли я это предвидѣть! Да я бы всѣ силы тогда употребилъ, чтобы потушить свою страсть и во всякомъ случаѣ не посмѣлъ бы добиваться твоей взаимности. Если ужъ кого обвинять, такъ только твоего отца; онъ съ презрѣнiемъ отвергъ меня, какъ не своего единоплеменника. Когда я просилъ у него твоей руки, онъ отказалъ мнѣ самымъ оскорбительнымъ и возмутительнымъ образомъ. Я до сихъ поръ еще негодую, какъ только вспомню объ этой минутѣ. Могъ-же онъ по крайней мѣрѣ въ менѣе жестокихъ и обидныхъ выраженiяхъ произнести приговоръ надъ нашей любовью. Но, въ сущности, онъ былъ, пожалуй, также правъ, потому что основанiемъ для его отказа служили унаслѣдованные образъ мыслей и обычаи, которые освящены, а потому и заслуживаютъ уваженiя. Сама ты, Рахиль, какъ дитя Израиля и дочь благочестиваго человѣка, должна это знать.

— Я знаю, сказала Рахиль. — Я знаю, что мы должны разстаться. Тотъ тонъ, съ которымъ ты все это говоришь, болѣе всего меня убѣждаетъ въ этомъ.

— Такъ примиримся-же съ нашей участью и утѣшимъ себя вѣрой въ то, что мы исполнили нашъ долгъ. Именно объ этомъ я и хотѣлъ переговорить съ тобой. Ты дочь народа, разсѣяннаго по всему мiру, и единственная сила этого народа заключается въ преданности и наслѣдственно передаваемой вѣрности и любви къ тому Имени, которое одно только и объединяетъ его. У тебя есть родители, и ты должна оправдать ихъ упованiе и заслужить послушанiемъ и привязанностью ихъ благословенiе. Какъ бы тяжелы ни были тѣ требованiя, которыя они предъявятъ тебѣ, тѣмъ не менѣе слушайся ихъ. Твой богъ защититъ тебя и подаритъ тебѣ новое и высшее счастье за ту жертву, которую ты принесешь на алтарь дочерней преданности и послушанiя.

— Я думаю тоже самое, но мнѣ уже нечего болѣе жертвовать и не можетъ быть болѣе для меня никакого счастья.

— Не говори такъ, Рахиль!

— Не будемъ лучше совсѣмъ говорить объ этомъ, продолжала Рахиль. — Одно, о чемъ остается мнѣ еще молить бога моихъ предковъ, это о смерти. Я все отдала тебѣ, Кармидъ, все въ этой жалкой жизни. Она только одна осталась теперь у меня изъ всего того, что было. Такъ возьми-же себѣ и ее, эту мою жизнь, если это доставитъ тебѣ хоть какое-нибудь удовольствiе. Для меня она

Digitized by Google

только излишнее бремя. Когда я шла сюда, во мнѣ тлѣлась еще искорка надежды. И я готова была думать, я даже, признаться, воображала нѣкоторое время, что ты только притворялся, когда такъ холодно отвѣтилъ на мое письмо; что ты только хотѣлъ меня помучить, возбудить во мнѣ ревность, что ты только потому и былъ такъ жестокъ ко мнѣ, что любишь меня. Всѣ твердили мнѣ, но я низачто не хотѣла вѣрить тому, что ты любишь дочь Хризанфа и вскорѣ обручишься съ нею. Я невольно вспоминала приэтомъ, что ты клялся мнѣ въ вѣчной любви; я не хотѣла даже позволить убѣдить себя въ томъ, что тотъ человѣкъ, которому я отдала свое сердце, когда онъ былъ несчастливъ и нуждался въ моей привязанности, такъ грубо теперь измѣнилъ мнѣ. Я подстерегала удобный случай, чтобы поближе разсмотрѣть эту Герміону, о которой такъ много говорили и которая во мнѣ возбуждала чувство мести. Да, она прелестна и достойна того, чтобы быть тобой любимой, Кармидъ, но я невольно утѣшала себя тѣмъ, что мои глаза блещутъ ярче, чѣмъ ея, и что цвѣтъ моихъ волосъ тебѣ нравится больше. Она показалась мнѣ холодной, какъ мраморъ, а я знала, что ты любишь именно такую пылкую и горячую преданность, которую я дарила тебѣ. Одно только, что страшило меня, это ея знанія и умъ, но, когда я вспоминала твои увѣренья, что тебѣ именно нравится моя простосердечная наивность, а я знала приэтомъ, что самъ ты очень уменъ и свѣдущъ, тогда я успокаивалась и въ этомъ отношеніи... по крайней мѣрѣ хоть на минуту, такъ какъ я ужъ слишкомъ была истерзана впродолженіе всего этого времени всякими сомнѣніями, ревностью и огорченіями. Ночи я проводила въ слезахъ, а дни въ ожиданіи. Я взбиралась наверхъ, на альтанъ и по цѣлымъ часамъ просиживала тамъ со взоромъ, обращеннымъ на холмъ, на которомъ въ былое время я такъ часто видѣла тебя проходящимъ и кивающимъ мнѣ головой... Но къ чему я говорю все это? Да, я сознаю теперь, такъ-же какъ и ты, что намъ необходимо разлучиться. Ты любишь Герміону, а не меня. Такъ стоитъ ли говорить о моей печали или осыпать тебя упреками. А такъ какъ мы встрѣчаемся сегодня въ послѣдній разъ, то я хотѣла бы возвратить тебѣ, Кармидъ, то кольцо, которое ты мнѣ нѣкогда подарилъ. Вотъ оно.

Рахиль сунула ему въ руку кольцо и смолкла, потому что слезы, которыя она не въ силахъ была болѣе сдерживать, заглушили ея голосъ.

— Рахиль, сказалъ Кармидъ,—пусть взглянетъ мнѣ въ сердце богъ твоихъ праотцевъ и произнесетъ свой приговоръ. Если я въ чемъ-либо былъ несправедливъ къ тебѣ, пусть накажетъ онъ меня такъ, какъ того требуетъ месть правосудія. И если я кажусь жестокимъ по отношенію къ тебѣ, то пусть онъ убѣдится, что всѣ мои поступки вызывались единственно желаніемъ тебѣ счастья. Что-же оставалось мнѣ дѣлать послѣ того, какъ твой отецъ отказалъ мнѣ и отнялъ у меня всякую надежду когда-либо обладать тобою? Какъ долженъ былъ я поступить, когда увидѣлъ, что священнѣйшій твой долгъ по отношенію къ своему народу, твоя вѣра и родители повелѣваютъ тебѣ вырвать изъ души всякое даже помышленіе о Кармидѣ? Ты забудешь меня, Рахиль, и будешь вновь

Digitized by Google

счастлива. Наступитъ время, и ты по собственному и отцовскому выбору возьмешь себѣ мужа, достойнаго обладать твоимъ сердцемъ. Мы, быть можетъ, встрѣтимся еще тогда и вспомнимъ былое лишь какъ полузабытый сонъ, въ которомъ было много горькаго, но не мало и сладкаго...

— Довольно, довольно, воскликнула Рахиль.—Не говори такъ! Это жалкое утѣшеніе, и слова твои, вмѣсто того, чтобы успокоить меня, только волнуютъ. Я могла бы тебѣ сказать нѣчто такое, что оледенило бы въ тебѣ всю кровь, но такъ какъ твое сердце не принадлежитъ уже болѣе мнѣ, то я отвергаю сама твое сочувствіе и не хочу обращаться къ твоей совѣсти.

Кармидъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, значеніе которыхъ онъ сейчасъ-же понялъ. Но онъ не посмѣлъ ни о чемъ болѣе спрашивать, боясь, что отвѣтъ могъ бы подтвердить его догадку. Онъ молчалъ, а Рахиль продолжала:

— Такъ разстанемся-же. Намъ не о чемъ болѣе говорить. Прощай, Кармидъ. Наше послѣднее свиданіе кончено.

— Дай мнѣ руку и позволь мнѣ проводить тебя отсюда, сказалъ Кармидъ, видя, что Рахиль не встаетъ съ того мѣста, гдѣ сидѣла.

— Нѣтъ, оставь меня, Кармидъ! Я хочу наединѣ собраться съ мыслями, раньше чѣмъ идти домой.

Она отвернулась и закрыла лицо покрываломъ.

— Начинаетъ идти дождь, сказалъ Кармидъ.—Ночь пасмурна и холодна. Я не могу тебя оставить здѣсь одну. Позволь мнѣ проводить тебя хотя до Пирейской улицы.

Рахиль не отвѣтила ему.

— Неужели-же мы разстанемся такимъ образомъ? съ мольбой въ голосѣ спросилъ Кармидъ.—Наша разлука необходима, но для чего дѣлать ее столь мрачной и тяжелой. Скажи-же хоть одно слово примиренья.

— Да смилосердится надъ нами обоими Господь!

— Благодарю, Рахиль. Я понялъ эти слова, какъ указаніе, что въ сердце твое возвращается миръ и твердость. Но какъ могу оставить я тебя здѣсь одну въ эту темную ночь! Ты не пойдешь со мной? Нѣтъ ли поблизости по крайней мѣрѣ твоей прислужницы, не ждетъ ли она, чтобы проводить тебя домой.

— Ступай себѣ, Кармидъ, съ миромъ и спи себѣ спокойно, или лучше ступай къ Герміонѣ и ухаживай за нею. Я-же хочу остаться здѣсь и единственно чего я теперь желаю—это остаться совершенно наединѣ, чтобы собраться съ мыслями, потому что отсюда я прямо пойду къ жертвенному алтарю.

— Что ты этимъ хочешь сказать? Развѣ ты не возвратишься въ домъ къ твоей матери?

— Разумѣется, пока дверь ея дома еще не закрылась навсегда для ея дочери. Но наступитъ ночь, еще темнѣе этой, и порогъ моего отчаго дома скажетъ мнѣ: долой ногу, не переступай меня, и дверь также скажетъ: прочь, прочь, я не знаю тебя!

— Рахиль, сказалъ Кармидъ, нагибаясь и беря ее за руку. — Пріими мое послѣднее прости! Прощай до болѣе счастливой встрѣчи,

Digitized by Google

до того дня, когда раны залечатся и общія наши воспоминанья очистятся отъ всякой горечи!

— Да сохранитъ тебя Богъ отъ всякой встрѣчи со мной, это только можетъ смутить твое счастье, сказала Рахиль со злой проніей въ голосѣ.

Кармидъ окутался въ плащъ и оставилъ свою жертву. Она неподвижно сидѣла на берегу ручья подъ группою ивъ, пока Кармидъ еще могъ различить ее въ ночной темнотѣ. Шелъ уже крупный дождь и вѣтеръ рѣзко завывалъ въ старыхъ полуразвалившихся стѣнахъ, отдѣлявшихъ это уединенное и глухое мѣсто отъ Пирейской улицы.

Оставшись одна, Рахиль дала полную свободу тому глубокому отчаянію, которое, сдерживаемое во время разговора съ Кармидомъ, придавало ей кажущуюся твердость и останавливало душившія ее слезы. Она, ломая руки, называла себя теперь покинутой вдовой, бросилась на землю, сорвала съ головы покрывало и осыпала пескомъ волосы. Въ страшномъ отчаяніи она порывисто металась взадъ и впередъ по берегу ручья съ судорожно сжатыми кулаками и съ распущенными волосами, падавшими траурной вуалью на ея блѣдное, изможденное лицо; наконецъ, она остановилась, сжимая руками грудь. Она почувствовала движеніе подъ сердцемъ. Она догадывалась, что означало это движеніе. Послѣдніе дни это ощущеніе неоднократно повторялось. Силы ея сразу ослабѣли. Она поспѣшила сѣсть на мокрую землю и опереться о старую иву, чтобы раньше не лишиться сознанія.

ГЛАВА VII.

Клеменсъ и Евсебея.

Мы оставили Клеменса въ опасномъ и чрезвычайномъ положеніи у прекрасной Евсебеи. Онъ явился къ ней отчасти для того, чтобы испросить прощенье для бѣдной рабыни, разбившей нечаянно ея драгоцѣнный туалетный ящикъ, отчасти же для того, чтобы подъ видомъ строгой проповѣди сдѣлать ей внушеніе за ту жестокость, которую она проявляла иногда къ своимъ прислужницамъ, жестокость, недостойную благочестивой христіанки и матери-хозяйки.

Но видъ этой красивой женщины и ея неожиданный вопросъ, что угодно ему здѣсь въ такое позднее время, произнесенный тономъ удивленія, совершенно смутили его. Онъ началъ понимать, что по усердію своему и добросердечію позволилъ вовлечь себя въ весьма щекотливое положеніе. Онъ растерянно и застѣнчиво остановился въ дверяхъ и, наконецъ, безсвязно сталъ бормотать слова извиненія.

Евсебея была достаточно великодушна, чтобы вывести его изъ затруднительнаго положенія. Она попрежнему удобно расположилась на мягкой, обитой пурпуромъ софѣ и попросила благочестиваго и достопочтеннаго брата войти и объяснить, по какому онъ пришелъ дѣлу, вѣроятно, очень важному, если оно не могло быть отложено до утра.

Digitized by Google

Затѣмъ, не выжидая какого-либо объясненія со стороны Клеменса, она стала его разспрашивать о здоровьѣ епископа, разсыпалась въ похвалахъ его послѣдней проповѣди и заключила горькими жалобами на претерпѣваемыя собраніемъ вѣрныхъ притѣсненія.

Тѣмъ временемъ Клеменсъ успѣлъ окончательно оправиться отъ смущенія, и когда Евсебея стала говорить на послѣднюю тему, на которой онъ послѣднее время самъ любилъ останавливаться, онъ нашелъ въ себѣ настолько присутствія духа и смѣлости, что принялъ участіе въ разговорѣ и горячо поддержалъ не только горькія жалобы Евсебеи на современное положеніе христіанской общины, но и выраженныя ею надежды, что общее міровое положеніе вещей вскорѣ измѣнится. Онъ говорилъ теперь, не ослѣпляясь уже болѣе блистающей золотомъ роскошью ея будуара и не теряясь отъ взгляда ея сверкающихъ глазъ, загоравшихся то злымъ, то радостнымъ огонькомъ, въ то время какъ ея благозвучный голосъ постоянно мѣнялъ интонацію, въ зависимости отъ теченія разговора и отъ предмета, о которомъ шла рѣчь.

Лишь послѣ довольно продолжительнаго разговора Евсебея словно вспомнила, что Клеменсъ пришелъ по какому-то дѣлу, и веселымъ, беззаботнымъ тономъ спросила о томъ, чѣмъ объяснить такое позднее посѣщеніе столь молодого, но уважаемаго человѣка.

Клеменсъ разсказалъ ей теперь о своей встрѣчѣ съ юной рабыней и о ея боязни вернуться домой вслѣдствіе того, что она разбила ящикъ; онъ попросилъ Евсебею простить ея вину, происшедшую по неосторожности, а отнюдь не по злому намѣренію.

О другой цѣли своего посѣщенія, а именно о томъ, чтобы сдѣлать Евсебеѣ строгое внушеніе за ея жестокое обращеніе съ рабынями, Клеменсъ рѣшилъ совершенно не упоминать, такъ какъ послѣ бесѣды съ женой проконсула онъ склоненъ былъ убѣдить себя, что эта жестокость представлялась только злословіемъ, потому что невозможно было даже допустить мысль о какой-либо жестокости со стороны такой благочестивой, *красивой* и доброжелательной женщины,

Такимъ образомъ въ числѣ неоцѣнимыхъ добродѣтелей Евсебеи. Клеменсъ подмѣтилъ уже, кромѣ благочестія и доброжелательства, и ея дивную красоту.

Но какъ пораженъ онъ былъ неожиданной перемѣной, происшедшей во всемъ существѣ Евсебеи, какъ только упомянулъ онъ о рабынѣ и о разбитомъ ларчикѣ.

Тѣ самыя черты лица, въ которыхъ Клеменсъ передъ тѣмъ читалъ лишь одно благочестіе и благосклонность, теперь исказились гнѣвомъ. У нея, повидимому, едва хватило терпѣнія выслушать его до конца; когда-же онъ кончилъ, она быстро вскочила съ софы и сердито топнула объ полъ своей маленькой ножкой.

Она запальчиво спросила молодого причетника, какъ осмѣлился онъ принять на себя защиту нерадивой и ослушной слуги передъ ея госпожей, тогда какъ эта рабыня достойна самаго строгаго наказанія, ради собственной ея острастки и ради примѣра и предостереженія на будущее время для всей прочей домашней прислуги.

Но, какъ только Клеменсъ пришелъ въ себя отъ перваго изумленія, онъ сейчасъ-же рѣшилъ обуздать гнѣвъ Евсебеи и не дать

Digitized by Google

ей времени совершенно его обезоружить. Особенно удивило и огорчило его то, что женщина, известная своимъ благочестіемъ и любовью къ божественному слову, могла настолько потерять самообладаніе и поддаться гнѣву; и будь то еще изъ-за какого-нибудь теологическаго вопроса, а то изъ за ничтожнаго туалетнаго ящичка.

Онъ въ скромныхъ, но откровенныхъ словахъ выразилъ Евсебеѣ свое удивленіе по этому поводу и объяснилъ, что если еще естественна и, пожалуй, даже извинительна слабость человѣческая, вслѣдствіе которой онъ въ первую минуту можетъ поддаться гнѣву, то во всякомъ случаѣ недостойно христіанина упорствовать въ этомъ чувствѣ, являющемся главнымъ врагомъ любви и незлобія, приличествующихъ истинному христіанину.

Но Евсебея, видимо, не особенно была склонна внимать подобнымъ поученіямъ.

Она обратила теперь свой гнѣвъ на самого Клеменса. Она напомнила ему о высокомъ его санѣ и болѣе чѣмъ скромномъ личномъ его положеніи; она не хотѣла признавать какихъ-либо правъ за еще совсѣмъ неопытнымъ мальчикомъ; она пожалуется епископу Петру на его безтактное поведеніе, если онъ тотчасъ-же не сознается въ своей ошибкѣ и не попроситъ у нея извиненія.

Въ такомъ бурномъ порывѣ гнѣва Евсебея тѣмъ не менѣе сумѣла сдержать себя въ границахъ, допускавшихъ еще возможность совмѣщенія злости съ ея прелестью и очаровательностью. Въ глазахъ Клеменса она отнюдь не стала похожей на злую фурію, а лишь на разгнѣванную гордую и властную царицу.

Клеменсъ, блѣдныя щеки котораго разгорѣлись сильнымъ румянцемъ, подкрѣпилъ себя сознаніемъ, что право было на его сторонѣ. Онъ отвѣтилъ ей, что въ случаѣ, если епископъ узнаетъ объ этомъ происшествіи и о причинахъ, его вызвавшихъ, то онъ безспорно будетъ очень огорченъ, но вовсе не имъ, Клеменсомъ, а ею самой, Евсебеей, такъ какъ онъ вынужденъ будетъ совершенно измѣнить свое доброе мнѣніе о ея благочестивомъ и христіанскомъ поведеніи. Клеменсъ затѣмъ замѣтилъ ей, что никакое общественное положеніе не можетъ возвысить человѣка такъ, какъ божественное слово, и что святость этого слова ничуть не умаляется юностью того, кто его проповѣдуетъ. Онъ сталъ строго ее разспрашивать, правда ли, что она въ порывѣ гнѣва, подобномъ только что проявленному, дѣлаетъ себя повинной въ жестокомъ обращеніи со своими рабынями.

И, когда Евсебея отвѣтила на это только презрительной улыбкой, юный причетникъ, отбросивъ всякія сомнѣнія, произнесъ горячую и грозную проповѣдь, блещущую пылкимъ краснорѣчіемъ; слова такъ и лились у него, подсказываемыя горячимъ желаніемъ покарать и исправить прелестную Евсебею.

Евсебея вначалѣ, видимо, дѣлала надъ собою усиліе не прерывать его. Презрительная улыбка еще долгое время не сходила съ ея губъ. Но мало-по-малу улыбка эта исчезла и уступила мѣсто выраженію серьезности и внимательности. Взоръ ея былъ теперь прикованъ къ молодому причетнику, дерзость и пылкость котораго дѣлали его прекраснымъ въ ея глазахъ. Ей показалось чѣмъ-то но-

Digitized by Google

вымъ, еще не изведаннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень привлекательнымъ это признаніе надъ собой преимущества еще совсѣмъ юнаго и неопытнаго мальчика.

Весьма возможно, хотя и нельзя сказать съ положительностью, что это невольное сочувствіе къ самому грозному проповѣднику было даже вытѣснено на второй планъ силой его проповѣди. Клеменсъ, не замѣчая того самъ, усвоилъ себѣ въ значительной мѣрѣ рѣзкое краснорѣчіе Петра; но когда онъ, наконецъ, разразился справедливымъ негодованіемъ, то невольно смягчалъ строгость сдѣланнаго ей внушенія, выразивъ его въ столь снисходительныхъ, теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, что оно не могло не произвести впечатлѣнія на Евсебею, благочестіе которой было ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ чувственной страстности и которая въ раскаяніи, исправленіи и въ нравственномъ искупленіи находила лишь сладострастное послѣдствіе грѣха, болѣе сладкое, чѣмъ даже самое прегрѣшеніе. Когда-же голосъ Клеменса сталъ менѣе увѣренъ и началъ дрожать отъ того душевнаго волненія, которое испытывалъ онъ въ сердцѣ своемъ, то тождественный-же трепетъ и волненіе охватили и Евсебею, и независимо отъ того, дѣйствительно ли оказывали на нее вліяніе увѣщанія юноши или нѣтъ, она настолько сильно прониклась страстнымъ сочувствіемъ, настолько была тронута, что изъ-подъ ея рѣсницъ, прикрывавшихъ теперь еще недавно такъ дерзко сверкавшіе глаза, блеснули слезы. Она порывисто поднялась со своего мѣста, бросилась къ ногамъ Клеменса, схватила его руку и поднесла ее къ своимъ увлажненнымъ слезой глазамъ. Вслѣдъ затѣмъ она тихимъ, прерывистымъ голосомъ покаялась передъ нимъ и призналась въ томъ, что была большой грѣшницей и часто бывала дѣйствительно жестокой по отношенію къ подвластнымъ ей рабынямъ. Она просила Клеменса простить ея высокомѣрное поведеніе и смиренно обѣщала ему покаяніе и исправленіе.

Клеменсъ былъ тронутъ этимъ внезапнымъ пробужденіемъ мягкосердечія; на глазахъ его навернулись также слезы, а въ глубинѣ души онъ чувствовалъ невольную радость при видѣ этой перемѣны, этого пробужденія, причиной котораго былъ онъ.

Евсебея поднялась, не выпуская, однако, руку Клеменса изъ своихъ, и, подойдя къ софѣ, опустилась на нее, обезсиленная пережитымъ душевнымъ волненіемъ и еще до сихъ поръ охваченная мятежнымъ чувствомъ.

— Сестра моя, сказалъ Клеменсъ,—я буду молиться, чтобы это пробудившееся въ тебѣ сознаніе грѣховности принесло бы хорошій плодъ и дало бы тебѣ силу въ будущемъ побѣждать горячіе порывы чувства, ведущіе только къ соблазну.

— О, молись за меня, дорогой братъ, прошептала Евсебея.

Она, тихо рыдая, склонилась своей чудной, кудрявой головкой почти совсѣмъ ему на грудь и прижала, какъ бы въ душевномъ волненіи, его руку къ своему сердцу. Клеменсъ чувствовалъ, какъ страстно и бурно вздымалась и опускалась грудь Евсебеи.

Къ нѣжному участію въ немъ стало примѣшиваться какое-то особенное чувство, котораго онъ еще никогда не испытывалъ и не

Digitized by Google

понималъ. Онъ не отдергивалъ руку и безпрекословно позволялъ ей еще долгое время прижимать ее къ своей груди; когда же Евсебея опять повторила шепотомъ:—«дорогой мой, милый братъ»!—слова эти прозвучали для него дивной и въ высшей степени пріятной музыкой.

Когда Евсебея, наконецъ, нѣсколько овладѣла собой и подавила порывъ чувства, она почти насильно заставила Клеменса сѣсть рядомъ съ нею на софу.

Она пожелала исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ передъ юнымъ братомъ, откровенно покаяться передъ нимъ во всѣхъ жестокостяхъ и несправедливостяхъ къ своимъ слугамъ и прислужницамъ, въ которыхъ она была повинна, чтобы искреннимъ покаяніемъ заслужить отъ него отпущеніе этихъ грѣховъ и прощеніе.

Послѣ-же того, какъ Клеменсъ, выслушавъ ея исповѣдь, отпустилъ ей грѣхи, она обратилась къ нему еще съ одной просьбой.

Эту просьбу она выразила юному причетнику, сильно смущаясь и краснѣя.

Она желала бы, чтобъ это свиданіе, все это происшествіе осталось втайнѣ отъ епископа. Онъ былъ, вообще, чрезвычайно строгъ и она ни за что на свѣтѣ не хотѣла бы, чтобы онъ измѣнилъ свое доброе о ней мнѣніе, а это непремѣнно случилось бы, если бъ онъ узналъ о ея горячемъ и неудержанномъ характерѣ и о ея жестокости съ рабынями. Она часто и совершенно искренно каялась и исповѣдовалась передъ епископомъ во всѣхъ другихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, но только не въ этомъ. Такое неполное чистосердечіе, какъ она увѣряла, слѣдовало объяснить ничѣмъ инымъ, какъ простымъ невѣдѣніемъ, благодаря которому она до сихъ поръ никакъ не могла себѣ представить, чтобы жестокость, по отношенію къ людямъ, рожденнымъ въ рабствѣ и отданнымъ самимъ Провидѣніемъ во власть и полное подчиненіе другимъ, заключала въ себѣ что-либо несправедливое, а тѣмъ болѣе преступное. Евсебея смиренно прибавила, что это невольное заблужденіе, невѣдѣніе и неумѣнье разбираться въ томъ, что допустимо и чего нельзя, происходитъ у нея главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что у нея нѣтъ добраго и преданнаго друга и совѣтника; она заклинала Клеменса, которому она сегодня открыла всѣ тайны своего сердца, быть ея вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Клеменсъ, конечно, могъ бы, ссылаясь на свою молодость, отказаться отъ чести принять на себя такую отвѣтственную роль, но только что одержанная имъ побѣда, придавшая ему нѣкоторую увѣренность въ силѣ своего слова, располагала его къ сочувствію и участію къ прелестной Евсебеѣ, которую онъ теперь уже не хотѣлъ оставить безъ поддержки и руководительства на пути къ столь доброй цѣли, имъ-же намѣченной.

Онъ застѣнчиво согласился исполнить ея желаніе.

— Ахъ, приходи-же въ такомъ случаѣ скорѣе и чаще, милый, дорогой братъ мой, воскликнула Евсебея.—У меня такъ много есть, о чемъ поговорить съ тобой, такъ много огорченій, которыя ты могъ бы облегчить мнѣ и которыя казались мнѣ вдвое тягостнѣе отъ того, что я была до сихъ поръ совершенно одинока, безъ под-

Digitized by Google

держки. Смотри на меня, какъ на свою сестру, какъ будто у насъ съ тобой не только тотъ-же небесный, но и одинъ земной отецъ. Тебѣ довѣряюсь я отнынѣ и не стану скрывать отъ тебя ни одной своей слабости, ни одного грѣховнаго помысла, ни одного самаго сокровеннаго душевнаго движенія. Такого именно нѣжнаго и располагающаго къ полному довѣрію духовнаго отца я давно уже жаждала и, наконецъ-то, нашла въ тебѣ. О, приходи-же скорѣе и чаще къ сестрѣ своей, дорогой мой Клеменсъ!

Евсебея уже съ давнихъ поръ мечтала объ той минутѣ, когда она открыто и безъ стѣсненія могла бы произнести эти слова: «милый, дорогой мой Клеменсъ!» Какъ часто повторяла она ихъ до сихъ поръ мысленно и тайно,—въ своемъ будуарѣ, на площади, когда она при встрѣчѣ съ церковной процессіей зорко слѣдила изъ-за занавѣсокъ паланкина за молодымъ причетникомъ, въ церкви, гдѣ она, стоя на хорахъ, не отрывала отъ него взора, когда онъ по воскреснымъ днямъ читалъ евангеліе.

Вотъ почему она произнесла теперь эти слова съ особенной нѣжностью, радостью и даже съ оттѣнкомъ торжества въ голосѣ.

Собственно говоря Евсебея, какъ ей это самой казалось, питала самыя невиннѣйшія намѣренія. Ея расположеніе къ Клеменсу будетъ чисто-платоническимъ, душевной любовью безъ всякой примѣси какихъ-либо изъ ея земныхъ составныхъ элементовъ. Она лелѣяла мысль о счастьѣ добиться взаимной любви и со стороны юноши, любви именно такого-же рода, развѣ лишь съ присоединеніемъ нѣкоторой невинной мечтательности, сладостныхъ грезъ, такихъ-же, какъ у нея. Если даже по мѣрѣ развитія этихъ мечтательныхъ, чистыхъ, какъ греза, отношеній къ нимъ станетъ примѣшиваться самая слабая, конечно, искорка другого чувства, то Евсебея во всякомъ случаѣ не рѣшалась бы осудить за это слишкомъ строго ни Клименса, ни самое себя; она нисколько не таила отъ себя, что желала бы даже, пожалуй, чего-нибудь такого, такъ какъ это послужило бы лучшимъ испытаніемъ чистоты ихъ взаимной любви. Если бы случилось что нибудь подобное, то она не прочь была позволить нѣсколько разыграться этому чувству, чтобы затѣмъ пріучать себя къ самообладанію, позволить этому чувству свободно выйти изъ своего хаотическаго состоянія и облечься въ форму полунебесную и полуземную, позволить ему проявиться и даже чаровать всей обольстительной своей прелестью, но единственно только для того, чтобы побороть и отразить волшебную силу желанья. Если и послѣ того станетъ еще проявляться это чувство, то она опять-таки дастъ ему возможность развиться для того, чтобы вновь заглушить его, свести на ничто. Такимъ образомъ безпрерывно будетъ продолжаться эта борьба, и полезная для души, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятная, притомъ вовсе даже не опасная при условіи, если только она, Евсебея, будетъ блюсти себя. Вѣдь взаимныя отношенія между нею и Клеменсомъ сами по себѣ будутъ чисто-религіознаго характера, упражненіемъ въ благочестіи и молитвеннымъ единеніемъ.

Безъ сомнѣнья, когда-нибудь и Клеменсъ и она окажутся оба наполовину побѣжденными и съ нѣжностью откроютъ другъ въ другѣ взаимную слабость; но зато какъ трогательно будетъ это от-

Гос. Публичная Б-ка

Digitized by Google

Изданія при Типографіи

Исидора Гольдберга.

С.-Петербургъ, Екатерин. кан., 94. —※— Тел. № 1079.

	Руб.	Коп.
„СПРАВОЧНЫЙ СЛОВАРЬ орѳографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка“ *А. Н. Чудинова,* 6 выпусковъ	6	—
„Краткая энциклопедія знаній“ въ примѣненіи *къ дому, семьѣ и школѣ. П. П. Андреева,* 2 тома	1	50
„ПАРОВЫЯ МАШИНЫ съ большою скоростью поршней“ проф. *Г. Радингера.*	5	—
„МАШИНЫ для ПЕРЕМѢЩЕНІЯ ГРУЗОВЪ, Прессы, Аккумуляторы“ Инж.-Мех. *Пехана* . .	6	—
„Устройство основаній и фундаментовъ“ *Л. Бреннеке,* Переводъ съ послѣдняго дополненнаго нѣмецкаго изданія. Съ 885 рисунками. Вспомогательныя машины и орудія для устройства основаній. — Грунты и глубина основаній. — Огражденіе и осушеніе котлованов.	5	—
„Электрическая тяга“ *Эрнеста Жерара,* начальника службы тяги и подвижнаго состава всѣхъ Бельгійскихъ жел. дор., ок. 650 стр., *съ 567 рис.* Переводъ проф. электротехн. инст. *М. А. Шателена.*	5	—
„ЖЕНЩИНА, ея права и обязанности“. Настол. книга для каждой семьи. Воспитаніе, дѣт. и женск. болѣз., домашнее хозяйство и т. п. Подъ редакціей *Н. Р. Г.*	2	50
„Казаки въ Абиссиніи“ *П. Н. Краснова,* больш. томъ въ изящномъ переплетѣ на роскошной бумагѣ	3	—
„Ваграмъ“ *его-же.* Очерки и разсказы *изъ военной жизни* . .	1	—
„Донцы“ *его-же.* Разсказы изъ казачьей жизни. Роскошное изданіе съ иллюстраціями.	1	—
„Евгеній Онѣгинъ“ *А. С. Пушкина. Роскошн. иллюстр. изданіе.*		
Въ изящ. переплетѣ	1	25
На веленевой бумагѣ	2	—
„О безсмертіи души“, *„Опытъ изслѣдованія о жизни“* **Армана Сабатье,** декана Парижскаго факультета. Перев. съ французск.	1	25

Digitized by Google

	Руб.	Коп.
„Положеніе и правила о ЗЕМСКИХЪ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ". Сост. *Н. И. Арефа*, 4-е дополненное изданіе. 2 тома .	4	—
„Уставъ Государственнаго Банка", Высочайше утвержденный 6 іюня 1894 г. Сост. *Н. И. Арефа*.	1	—
„Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и 683 ст. X т. ч. 1 Свода законовъ гражданскихъ съ разъясненіями *Сената*" Составилъ *Х. Ф. Штюрцваге*, завѣдующій столомъ желѣзнодорожныхъ исковъ въ Сенатѣ.	3	—
„Уставъ о Гербовомъ Сборѣ", обработанный въ видѣ алфавитнаго перечня предм. облож. бумагъ, актовъ и документовъ, подлеж. оплатѣ гербов. сборомъ или изъятыхъ отъ онаго, со всѣми разъясненіями и распоряж. Сост. *Х. Абрамовичъ* .	1	50
„Новый Уставъ о Гербовомъ Сборѣ". Обзоръ новаго Устава о Гербовомъ сборѣ и отличіе его отъ прежняго. Состав. *Х. Абрамовичъ*.	1	—
„Торговля и Торговая Политика". Соч. проф. *Брогта*. Перев. съ нѣм. подъ редакц. *Е. Н. Рагозина*	3	—
„Желѣзо и Уголь на Югѣ Россіи", *Е. Н. Рагозинъ*. Съ 23 политипаж., картой, діаграммой и вѣдомостями. . . .	3	—
„ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ или Теорія Происхожденія Богатства отъ непроизводит. труда." Проф. *В. Г. Сомнера* .	1	—
„Сказки Топеліуса". Перев. со шведскаго. Больш. томъ, со многими рисунками въ текстѣ, 254 стр.	1	30
„Двигательныя силы народнаго хозяйства" *Карла Теодора Рейнгольда*, проф. политической экономіи Берлинскаго универс., въ 4-хъ част., по 10 лист. каждая	4	—
„Приключенія Якова Вѣрнаго" *К. Марріетъ*. Переводъ *Л. Шелгуновой, съ 6 хромолит.*	—	60
„Робинзонъ и Робинзона" *Р. Мазля*. Съ 25 рисунк. . .	1	30
„Среди льдовъ и во мракѣ ночи" *Фритіофа Нансена*. *Со мног. рис.* Переводъ маг. физ. *Г. Ковалевскаго*.	1	—
То же на веленевой бумагѣ.	1	50
„Открытіе клада короля Соломона" *Р. Тагдара*. Сцены изъ жизни южной Африки. Съ англ., *со мног. рисунками* . . .	1	—
„Опредѣленіе пола потомства" *проф. д-ра Л. Шенка*. Полный переводъ д-ра медицины *В. И. Рамма*.	—	50

Digitized by Google

Тип. Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

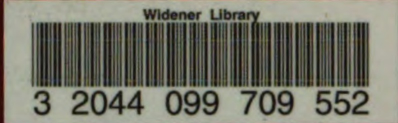
Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Digitized by Google

Widener Library
3 2044 099 709 552

Google